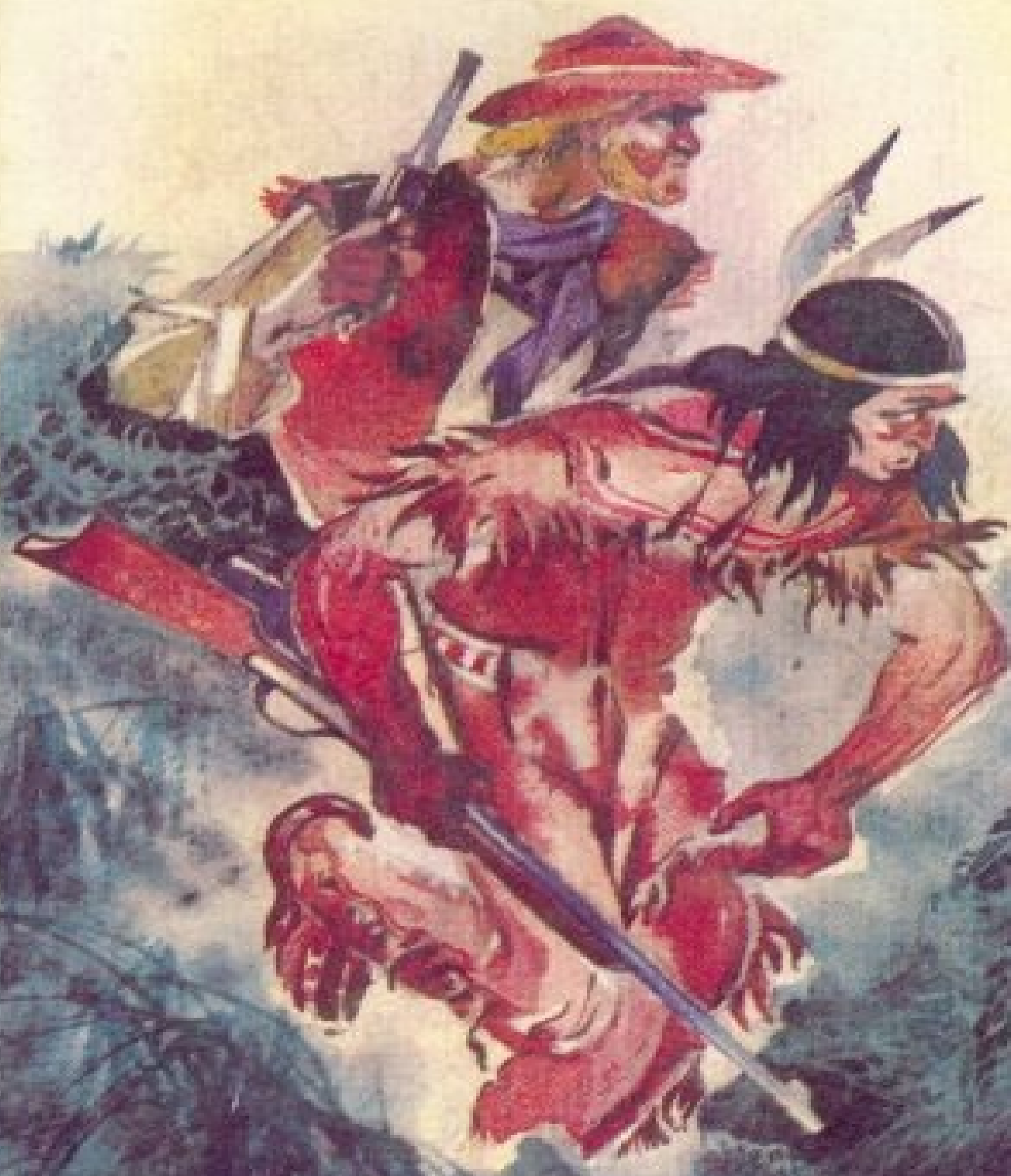

КАРЛ МАЙ

СОВРОВИЩЕ
СЕРЕБРЯНОГО
ОЗЕРА

Annotation

В этом увлекательном романе классика немецкой литературы К. Май вы встретитесь с любимыми вам киногероями: отважным индейцем Виннету, с его друзьями и врагами.

- [Карл Май](#)
 - [Глава первая. ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА](#)
 - [Глава вторая. ТРАМПЫ](#)
 - [Глава третья. НОЧНАЯ СХВАТКА](#)
 - [Глава четвертая. ИЗБЕЖАВШИЙ ВОЗМЕЗДИЯ](#)
 - [Глава пятая. ИНДЕЙСКАЯ ЛОВКОСТЬ](#)
 - [Глава шестая. ИЗНУРИТЕЛЬНАЯ СКАЧКА ВО МРАКЕ](#)
 - [Глава седьмая. В БОРЬБЕ ЗА ФЕРМУ БАТЛЕРА](#)
 - [Глава восьмая. ДРАМА В ПРЕРИИ](#)
 - [Глава восьмая. ХИТРОСТЬ ПРОТИВ ХИТРОСТИ](#)
 - [Глава десятая. У ХВОСТА ОРЛА](#)
 - [Глава одиннадцатая. В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ](#)
 - [Глава двенадцатая. НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ](#)
 - [Глава тринадцатая. БЛАГОРОДСТВО ОЛД ШЕТТЕРХЭНДА](#)
 - [Глава четырнадцатая. СНОВА В ПЛЕНУ И ОПЯТЬ НА СВОБОДЕ](#)
 - [Глава пятнадцатая. ИНДЕЙСКАЯ БИТВА](#)
 - [Глава шестнадцатая. НА СЕРЕБРЯНОМ ОЗЕРЕ](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Виннету»](#)

Приятного чтения!

Карл Май
Сокровище Серебряного озера

Глава первая. ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА

В жаркий июньский полдень «Догфиш», один из самых больших грузопассажирских судов на Арканзасе, колесил по тихой глади благословенной реки. Покинув рано утром Литтл-Рок, пароход держал курс на Льюисберг, где он, как обычно, должен был принять на борт грузы и новых пассажиров, если таковые окажутся.

Ужасная духота загнала богатых путешественников в каюты, а те, у кого не имелось туго набитых кошельков, ютились на палубе за бочками, ящиками и тюками, тщетно пытаясь найти убежище от всепроникающего солнца. Для этих страдальцев капитан распорядился устроить бар под открытым небом. Быстро натянули тент, и вскоре на стойке появились стаканы и бутылки, крепкое содержимое которых вряд ли, конечно, могло удовлетворить изысканные вкусы гурманов. За стойкой изнывал от зноя кельнер. Он клевал носом и всякий раз, продирая сонные глаза, отпускал смачные проклятия в адрес сидевших неподалеку людей. Расположившись на палубе прямо перед баром, они играли в кости на дринк, или выпивку — это значило, что проигравший по окончании партии обязан был заплатить каждому игроку стаканом бренди. Шумная компания не давала кельнеру покоя, что и было причиной его скверного настроения.

Игроков было около двадцати. Все они, похоже, не первый раз встретились на пароходе, обращались друг к другу на «ты», не церемонились в выражениях, и лишь один из них пользовался некоторой долей уважения, поскольку остальные называли его «полковником».

Гладко выбритое лисье лицо этого высокого и худощавого человека обрамляла рыжая щетинистая борода. Коротко стриженные волосы также были рыжими, что сразу бросалось в глаза, ибо старая разорванная шляпа с загнутыми вверх полями съехала далеко на затылок. Его ноги были обуты в подбитые гвоздями высокие сапоги, из голенищ которых торчали небрежно заправленные нанковые ¹ штаны. Вместо жилета из-под пиджака виднелась лишь мятая, давно не стиранная рубаха, широкий ворот которой открывал загорелую грудь. Вооружение рыжего состояло из двух пистолетов и ножа, заткнутых за широкий, отороченный бахромой и стягивающий бедра пояс, а также почти нового карабина, лежавшего рядом с полотняной дорожной сумой, напоминавшей вещевой мешок.

Небрежно одетые, но хорошо вооруженные спутники рыжего вели себя беззаботно. Ни одно лицо в этой компании не могло вызвать к себе

расположения, не говоря уж о доверии. Все они так увлеклись, что никого не замечали вокруг и повергали в ужас своими выражениями любого приличного человека, случайно оказавшегося рядом. Их лица были разгоряченными и, похоже, не только от жары, ибо хмель уже начал отнимать у них разум. Капитан спустился с мостика и поднялся на верхнюю палубу к рулевому, чтобы отдать несколько распоряжений.

— Что вы думаете, сэр, по поводу этого сброда? — озабоченно спросил рулевой, выполнив указания. — Сдается мне, что этих людей не следовало брать на борт.

— Правда ваша, — ответил капитан. — Они представились хавистерами, сказали, что едут на Запад в поисках работы на фермах, но я не хотел бы оказаться на месте того, кто их наймет.

— Well ², сэр. Я полагаю, это самые настоящие трампы ³. Будем надеяться, что они хоть здесь, на борту, будут вести себя спокойно.

— Мы не первый раз на Западе, и я не позволю им досаждать нам больше, чем мы привыкли, — в голосе капитана послышались решительные нотки. — У нас достаточно мужчин, чтобы швырнуть их всех в старый благословенный Арканзас! Впрочем, готовьтесь к швартовке — через десять минут появится Льюисберг.

Капитан вернулся на мостик, чтобы осмотреть подступы к причалу. Не успел он оглядеться, как на горизонте показались крыши жилых построек, о чем тотчас возвестил долгий гудок паровой сирены. С пристани подали знак, что можно подойти, забрать груз и новых пассажиров. Вскоре судно мирно покачивалось у причала, и несколько человек сошли на берег, чтобы оправиться от скучнейшего плавания и почувствовать под ногами твердую землю.

Конечно же, интересного зрелища не предвиделось, ибо в те времена местечко Льюисберг не имело нынешнего значения. У причала стояла лишь толпа зевак, на борт было поднято всего несколько ящиков и тюков, а пассажиров, впервые ступивших на палубу и совершенно не удивившихся отнюдь не джентльменскому обхождению со стороны судового офицера, оказалось только трое.

Один из них, высокий сильный мужчина атлетического сложения, сжимал в руках тяжелую двустволку, к цевью которой для удобства переноски был привязан длинный топор. Черная густая окладистая борода почти полностью скрывала лицо, оставив на обозрение лишь глаза, нос и малую часть щек. Его голову прикрывала давно вылинявшая бобровая шапка, которая была настолько деформирована, что представить ее первоначальный вид и оценить возраст было гиблым делом. Куртка и

штаны пассажира были сшиты из прочного серого сукна. За широким поясом торчали два револьвера, нож и куча всяческих мелочей, далеко не лишних для настоящего вестмена ⁴.

Оплатив проезд, высокий брүннет окинул палубу беглым, но цепким взглядом. Хорошо одетые каютные пассажиры его не заинтересовали, а вот подвыпившие бродяги, возжелавшие осмотреть вновь прибывших и даже забросившие ради этого кости, привлекли его внимание. Едва заметив Полковника, он тут же перевел взгляд дальше, словно ничего особенного не произошло. Через секунду бородач с ворчаньем наклонился, чтобы подтянуть отвернутые прежде голенища высоких сапог. «Пусть меня сожрут заживо, если это не Рыжий Бринкли! Эта встреча кроме неприятностей ничего не сулит. Надеюсь, он не узнал меня», — мелькнуло в голове чернобородого.

В свою очередь, тот, о ком шла речь, тоже не обошел вниманием нового пассажира. Тихим голосом он обратился к своим спутникам:

— Взгляните-ка на этого черного верзилу! Кто-нибудь его знает?

Никто не ответил.

— Ну, должно быть, я встречался с ним когда-то, но помню лишь, что встреча не была приятной.

— Тогда и он должен тебя узнать, — вставил один из игроков. — Он посмотрел на нас, но тебя вроде не заметил.

— Хм! Может, еще вспомню. А лучше, я сам спрошу, как его зовут. Когда я слышу имя, тотчас вспоминаю о человеке. Лицо я еще могу забыть, но имя — никогда! Давайте-ка выпьем с ним по стаканчику!

— Если он захочет.

— Не захочет? Пусть попробует отказаться! Тот, кто здесь, в этих краях, предлагает выпить и получает отказ, имеет полное право ответить ножом или пулей. Даже если он прикончит оскорбившего, никому до него дела не будет.

— Этот парень не из тех, кто пляшет под чужую дудку.

Полковник усмехнулся пьяной улыбкой:

— Тьфу! Поспорим?

— На спор — так на спор! А ну, давай об заклад! — раздался гул оживленных голосов. — Кто проигрывает — платит каждому тремя стаканами!

— Согласен, — бросил Полковник.

— Я тоже, — добавил кто-то, — но чтобы отыграться! Три капли и три стакана!

— С кем?

— Ну, сначала с твоим бородатым знакомцем. Потом с одним из тех джентльменов, которые глазеют на берег — вон с тем длинным парнем, к примеру, чья голова торчит над всеми, как маяк в море. А напоследок — с краснокожим, поднявшимся на борт вместе с юнцом. Или ты не хочешь с ним связываться?

Все захохотали в ответ, но Полковник, презрительно ухмыльнувшись, несколько по-детски возразил:

— Мне бояться этого красного шута? Тьфу! Скорее уж тогда того великана, к которому ты меня отсылаешь. Черт, должно быть, он силен! Хотя, как правило, такие гиганты не очень-то смелы. Его наряд говорит о том, что он салонная пташка и понятия не имеет о таких людях, как мы. Ладно, по рукам! По одному дринку ⁵ с каждым из троих. А теперь за дело!

Последние слова Полковник произнес так громко, что практически все пассажиры могли их услышать. Каждый американец, а тем более вестмен, хорошо знает значение слова «дринк», особенно когда его произносят так громко и угрожающе, потому взгляды присутствующих тотчас обратились на Полковника. Видя, что он и его друзья пьяны, никто из пассажиров не сошел с места, ожидая веселой развязки и желая узнать, кто же те трое, о которых шла речь.

Наполнив стакан, Полковник подошел к чернобородому, который находился неподалеку, и произнес:

— Добрый день, сэр! Я хотел бы преподнести вам этот стаканчик, ибо пью я только с благородными людьми и, конечно, считаю вас джентльменом, а потому надеюсь, что вы опорожните чарку за мое здоровье.

Борода брюнета зашевелилась, из чего можно было сделать вывод, что по его лицу пробежала улыбка.

— Ладно, — ответил он. — Я могу оказать вам такую любезность, но прежде хотел бы знать, от кого я удостоился такой сверхвысокой чести?

— Верно, нужно знать, с кем пьете! Меня зовут Бринкли, полковник Бринкли, если вам угодно. А вас?

— Мое имя Гроссер, Томас Гроссер, если вы не имеете ничего против. За ваше здоровье, «полковник»!

Опорожнив стакан, бородач вернул его Бринкли. Остальные не заставили себя долго ждать — их стаканы тотчас оказались пусты. С чувством превосходства Бринкли смерил брюнета пренебрежительным взглядом и довольно грубо пробормотал:

— Сдается мне, что имя немецкое. Уж не из этих ли вы проклятых

голландцев ⁶, а?

— Нет, я из Германии, сэра, — подчеркнуто вежливо, словно не слыша грубости, ответил Гроссер. — Своего «проклятого голландца» можете отправить по другому адресу — ко мне это не относится, так что, благодарю за дринк, и покончим с этим!

Резко развернувшись, он быстрым, но уверенным шагом направился в другую сторону. «Это действительно Бринкли! — снова мелькнуло у него в голове. — Теперь его называют Полковником. Кто знает, сколько он еще пробудет на борту, а значит — надо держать ухо востро!»

Бринкли выиграл первую часть пари, но не выглядел победителем — его уловка не удалась, и физиономия его выражала ужасное раздражение. Рыжий ожидал, что Гроссер откажется выпить, и он под угрозами в присутствии своих людей заставит того в конце концов это сделать. Но немец оказался мудрее — он спокойно выпил и уклонился от ссоры. Полковник был взбешен. Быстро наполнив стакан, он направился к очередной намеченной жертве — к индейцу.

Пароход тем временем отдал швартовы, а два краснокожих, поднявшиеся на судно в Льюисберге вместе с Гроссером, стояли у большого ящика. Один из них был древний старик, второй — юноша лет пятнадцати. Потрясающее сходство их лиц говорило о том, что это отец и сын. Одежда и внешний облик обоих были совершенно одинаковы, и казалось, что сын — просто живая копия своего отца.

Оба были одеты в кожаные легины, обшитые по бокам бахромой, и раскрашенные желтой краской мокасины. Их тела вместо охотничьих курток закрывали пестрые покрывала, которые частенько идут здесь, на Западе, по шестьдесят долларов за штуку. Спадавшие на плечи черные волосы, гладко зачесанные назад, издали придавали индейцам вид женщин. Круглые лица обоих выглядели вполне добродушно, несмотря на то, что их щеки были намазаны ярко-красной киноварью.

Ружья, которые они держали в руках, были настолько древними, что вряд ли кто-нибудь дал бы за них и полдоллара. Вид обоих краснокожих вовсе не был грозным, что не замедлило вызвать смех у пьяной компании. Поднявшись на борт, индейцы скромно отошли в сторону, словно чураясь людей, и прислонились к большому ящику из массивного дерева высотой в человеческий рост.

Казалось, они ни на кого не обращали внимания и, даже когда Полковник подошел к ним, не удостоили его взглядом.

— Знойный денек сегодня! А может, нет? Эй, что скажете, красные ребята? В таких случаях помогает выпивка. Возьми, старик, плесни на

язык!

Индеец не пошевелился и лишь ответил на ломаном английском:

— Не пить.

— Что? Не хочешь? — внезапно вскипел рыжебородый. — Это дринк! Понимаешь? Дринк! Отказ для каждого настоящего джентльмена, каким являюсь я, есть оскорбление — смертельная обида, на которую отвечают ножом! Но прежде я хочу узнать, кто ты. Как тебя зовут?

— Нинтропан-Хауей, — ответил спокойно старик.

— Из какого ты племени?

— Тонкава.

— Значит, ты из тех красных овец, которые дрожат даже при виде кота, маленького котенка? Да, с тобой действительно нечего церемониться! Ведь ты же хочешь пить?

— Я не пить Огненная Вода.

Несмотря на явную угрозу, индеец ответил совершенно спокойно, как и прежде. Вконец окосевший Полковник неожиданно для всех размахнулся и дал старику звонкую пощечину.

— Это тебе, красный хорек! — прошипел Бринкли. — Вот тебе мой ответ, ибо такая каналья не стоит большего!

Удар еще не достиг цели, как молодой индеец сунул свободную руку под покрывало, по всей видимости, за каким-то оружием, и одновременно устремил свой взгляд на отца.

Старик изменился до неузнаваемости. Казалось, что его фигура вдруг выросла, его глаза блеснули диким огнем, а по лицу пробежало живое пламя. Но тотчас же его тело сгорбилось, а лицо приобрело выражение прежней покорности.

Заметив это, неугомонный Полковник язвительно прошипел:

— Ну, так чем ты ответишь?

— Нинтропан-Хауей благодарить.

— Похоже, что оплеухи тебе по вкусу. Тогда вот тебе еще одна...

Рука, сжатая в кулак, уже приближалась к голове индейца, но старик молниеносно присел и кисть Полковника со всего размаха ударилась об ящик, который был за спиной краснокожего. За пустым звуком удара послышались фыркание и какая-то возня внутри, а потом вдруг раздался такой ужасный рев, что, казалось, сам пароход задрожал от диких звуков.

Выронив из руки стакан и не на шутку струхнув, Полковник отскочил назад:

— Боже! Что это? Что за бестия там внутри?!

Поистине животный страх обуял не только его, но и пассажиров. Лишь

четверо из них не потеряли рассудка: сидевший теперь у борта судна чернородый, салонного вида высокий джентльмен, с которым Бринкли хотел разыграть свой третий дринк, и оба индейца. Все четверо, как и другие пассажиры, не подозревали, что за зверь сидит в ящике, но умели прекрасно владеть собой, чего можно достичь лишь благодаря постоянным и долгим тренировкам.

Рев слышали и в каютах. Палуба вмиг заполнилась перепуганными людьми, в основном — голосившими дамами, желавшими осведомиться, не настал ли конец света.

— Леди и джентльмены! Не волнуйтесь! — воскликнул вышедший из каюты довольно прилично одетый господин. — Это пантерка, малютка пантерка, больше ничего! Очень милая *felis panthera* ⁷, только черная, только черная, господа!

— Что? Черная пантера? — вырвалось у маленького человечка в пенсне, который, похоже, знал диких зверей из книг по зоологии. — Черная пантера — опаснейший из всех хищников! Она больше льва и тигра! Она убивает не только от голода, но и от жажды крови! Сколько же ей?

— Всего лишь три года, сэр, не больше.

— Три года?! И это вы называете «всего лишь»? Совершенно взрослое животное! Боже мой! И такая бестия на палубе! Кто же ответит за это?

— Я, сэр, я! — снова подал голос элегантный мужчина, раскланиваясь публике. — Леди и джентльмены, позвольте представиться — Джонатан Бойлер, хозяин небезызвестного зверинца. В настоящее время вместе со своей труппой нахожусь в Ван-Бьюрене. Черную пантеру привезли мне в Новый Орлеан, и я вынужден был ехать за ней вместе с моим опытным укротителем. Капитан этого судна великодушно позволил нам, разумеется, за приличную сумму, погрузить ящик со зверем при условии, что пассажиры не узнают об этом соседстве. Поэтому мы кормили животное только по ночам, давали ему, мой Бог, целого теленка, чтобы днем пантера спокойно спала. Конечно, если бросаться с кулаками на ящик, зверь проснется и подаст голос. Я надеюсь, что уважаемые дамы и господа не будут ставить мне в вину соседство с этой пантеркой, ибо оно никому не причинит больше ни малейшего беспокойства.

— Что? — снова воскликнул едва не сорвавшимся голосом маленький человек в пенсне. — Не причинит беспокойства?! Не ставить в вину?! К дьяволу! Должен признать, что с подобными вещами мне не доводилось сталкиваться! Я должен пребывать на судне вместе с черной пантерой? Да пусть меня повесят, если я это сделаю! Либо она удаляется с судна, либо я сойду на берег, но это для вас хорошо не кончится! Бросайте бестию за

борт или выставляйте клетку на берег!

— Но, сэр! Действительно, нет причин для беспокойства! — завопил хозяин зверинца. — Посмотрите, какие крепкие стенки у ящика и...

— Ах, да что там ящик! — прервал его не на шутку разволновавшийся человек. — Этот ящик могу сломать даже я, а уж пантера — тем более!

— Прошу вас, успокойтесь! Внутри ящика находится железная клетка, которую не разобьют даже десять львов или пантер.

— Это правда? Покажите нам клетку, покажите! Мы хотим сами во всем убедиться! — раздалось за спиной хозяина зверинца, и множество голосов подхватило призыв.

Бойлер был чистокровный янки и потому тут же решил воспользоваться случаем, чтобы заработать.

— С удовольствием, величайшим удовольствием, — ответил хозяин зверинца. — Но, мои леди и джентльмены, легко понять, что невозможно осмотреть клетку, не видя при этом пантеры. Этого я не могу позволить без определенного вознаграждения. Но чтобы удовольствие от зрелища было полным, я прикажу покормить зверя, а это, могу вам сказать, — не рядовое представление. Я предлагаю следующее: мы организуем три ряда мест. Место в первом ряду — один доллар, во втором — пятьдесят центов, в третьем — двадцать пять. Здесь присутствуют только настоящие джентльмены, и я полагаю, что второй и третий ряд отменяются, не так ли?! Или, может быть, есть кто-нибудь, кто хочет заплатить лишь полдоллара или четверть?

Никто из каютных пассажиров, естественно, не ответил.

— Итак, всем только первый ряд! Прошу, мои миледи и милорды, по одному доллару!

Пока вызванный укротитель возился около ящика, чтобы подготовиться к представлению, шляпа Джонатана Бойлера доверху наполнилась деньгами.

Присутствующие, в основном, тоже были янки, поэтому такой оборот дела никого не удивил. Если прежде большинство возмущалось, что капитан позволил находиться на пароходе опасному хищнику, то теперь это обстоятельство вносило некоторую перемену в скучную и однообразную жизнь во время плавания. Даже ученый человек небольшого роста перестал возмущаться и наблюдал за подготовкой к представлению с большим интересом.

— Эй, ребята! — обратился к своим Полковник с новым предложением. — Одно пари я выиграл, другое — проиграл, ибо краснокожий мошенник не захотел выпить, о чем он еще пожалеет. Третье

пари предлагаю не на стакан бренди, а на доллар за представление. Согласны?

Разумеется, веселая компания не возражала, предвкушая что-то интересное, ибо теперь все убедились, что великан не из тех, кто трясется от страха.

— Ладно, — хмыкнул Полковник, на лице которого выступил весь избыток алкоголя. — Смотрите в оба! Сейчас этот Голиаф с удовольствием будет пить со мной.

Забыв об индейце, Рыжий Бринкли приказал наполнить стакан и направился к высокому джентльмену, размеры тела которого были воистину гигантскими. Мужчина оказался еще выше и шире в плечах, чем чернобородый Гроссер. Его по-мужски красивое лицо отливало темным коричневым загаром и даже отдаленно не напоминало салонного повесу, а серые глаза имели особенное выражение, которое обычно свойственно жителям пустыни, морякам или охотникам прерий. В дополнение ко всему можно сказать, что его лицо было гладко выбрито, что ему, пожалуй, около сорока лет и что он носил очень элегантный дорожный костюм, который и ввел в заблуждение Полковника, ибо подобного платья в здешних местах не носили.

Никакого оружия при нем видно не было. Исполин стоял в окружении нескольких господ, которые оживленно обсуждали пантеру. Рядом с ним находился капитан, покинувший мостик ради циркового представления.

И вот перед ними появился Полковник, готовый к очередной идиотской выходке.

— Сэр, хочу предложить вам выпить? Надеюсь, вы не откажетесь ответить мне, как истинному джентльмену, кто вы.

Великан с удивлением взглянул на него и тут же отвернулся, чтобы продолжить прерванный разговор с капитаном.

— Уф! — выкрикнул Полковник. — Вы оглохли или не желаете меня слышать? Последнее делать не стоит, ибо я не понимаю шуток, когда речь идет о приглашении выпить. Советовал бы вам не брать пример с того краснокожего!

Тот, к кому были обращены эти слова, пожал плечами и спросил капитана:

— Вы слышите, что говорит тут мне этот парень?

— Да, сэр, каждое слово.

— Well, значит, вы тоже свидетель, что я не звал его сюда.

— Что? — не понял Полковник, который уже не мог себя сдерживать. — Вы называете меня парнем? Отказываетесь выпить? Тогда

придется повторить то же, что и с индейцем, которому...

Большого сказать он не успел, ибо в тот момент сильный удар кулаком сбил его с ног, заставив прокатиться по палубным доскам и стереть с них пыль. Секунду Бринкли лежал как мертвый, но, очнувшись, вскочил одним махом на ноги, выхватил нож и бросился на противника.

Великан спокойно сунул руки в карманы брюк и, словно никакой опасности не существовало, остался стоять на месте.

— Собака! Ты ударил меня?! — взревел Полковник. — За это заплатишь кровью! Сейчас же!

Несколько человек и капитан хотели было вмешаться, но незнакомец жестом остановил их, а когда Бринкли приблизился на два шага, молниеносно нанес ему правой ногой хлесткий удар в живот, от которого тот упал на колени и потащился по палубе.

— А теперь хватит! — твердо произнес разгневанный великан. — Иначе...

Но Полковник снова вскочил, спрятал нож и в дикой ярости выхватил из-за пояса один из пистолетов, пытаясь направить его на противника, но тот на мгновение раньше выдернул руку из кармана, в которой сверкнул новый начищенный револьвер.

— Убери! — приказал незнакомец, поворачивая ствол маленького, но грозного в ближнем бою оружия в сторону правой руки нападавшего.

Полковник не подчинился, и тут же раздался выстрел. Бринкли вскрикнул, выпустив оружие.

— Вот так, парень, — спокойно произнес гигант. — Теперь ты не поднимешь руку на отказавшегося выпить из облизанного тобой стакана! А если ты все еще хочешь узнать, кто я, то...

— Будь проклято твое имя! — прохрипел Полковник с перекошенным от боли и злобы лицом. — Я не хочу его слышать! Но сам-то ты никуда не денешься! Эй, ребята, давайте! Разберитесь с ним!

Теперь никто не сомневался, что это была хорошо организованная настоящая банда. Выхватив ножи, пьяная братия ринулась на обороняющегося, который, казалось, должен был погибнуть, прежде чем капитан и его люди пришли бы ему на помощь. Не теряя самообладания, незнакомец был готов к нападению:

— Так идите сюда, если горите желанием столкнуться с Олд Файерхэндом!

Имя вызвало замешательство. Полковник, который снова схватился за нож, теперь уже левой рукой, замер в изумлении:

— Олд Файерхэнд?! Кто бы мог подумать! Почему же ты молчал?

— Неужели только имя может уберечь джентльмена от вашей грубости? Забирайте с собой это стадо, забейтесь куда-нибудь в угол и не показывайтесь никому на глаза!

Полковник переглянулся с приятелями. Хмель с него как рукой сняло, и теперь, похоже, у него рождались новые мысли.

— Well, поговорим позже, — внезапно пошел он на попятную. — Я не хочу лишний раз подвергать опасности моих людей, но мы еще встретимся!

Бринкли повернулся и с окровавленной рукой поплелся прочь. Его приятели, послушные своему предводителю, словно побитые псы нехотя побрели следом. Усевшись у борта, они перевязали легкую рану своему шефу и стали тихо, но оживленно переговариваться, бросая косые и не лишённые уважения взгляды в сторону знаменитого охотника. Разумеется, их было больше. Возможно, охотнику пришлось бы расстаться с жизнью, но никто не был уверен, что не падет жертвой Олд Файерхэнда, одного из самых метких стрелков Дикого Запада.

Имя известного стрелка и охотника оказало влияние не только на этот сброд. Среди пассажиров не было ни одного человека, кто бы не слышал об отважном Файерхэнде, вся жизнь которого напоминала легенду. Почтительно окружив гиганта и не веря своим глазам, они словно зачарованные рассматривали фигуру огромного человека, который с самого момента появления на борту привлек общее внимание. Но кто бы мог подумать? Олд Файерхэнд! Здесь, на этом пароходе!

Капитан стиснул его руку и взволнованно заговорил приветливым тоном, на который только способен настоящий янки:

— Сэр, если бы я знал! Я бы предоставил вам мою собственную каюту! Клянусь, это великая честь, что ваши ноги коснулись палубы «Догфиша»! Почему же вы не назвали сразу?

— Я сказал свое настоящее имя. «Олд Файерхэндом» называют меня лишь за то, что пули моего ружья не знают промаха.

— Я слышал, что вы действительно никогда не промахиваетесь?

— Тьфу! Каждый настоящий вестмен знает свое дело ничуть не хуже. К тому же вы сами поняли, что боевое прозвище звучит убедительнее оружия. Если бы не оно, дело дошло бы до драки.

— И тогда вам пришлось бы туго.

— Вы полагаете? — по лицу Олд Файерхэнда пробежала самоуверенная, но ни в коей мере не унижающая усмешка. — Когда речь идет о драке на ножах, мне бояться нечего. В конце концов, я бы продержался, да и вы, наверное, протянули бы руку помощи.

— Да уж, рук-то у нас на судне хватает. Но что теперь делать с этими

мерзавцами? Я здесь хозяин и судья! Может быть, заковать их в кандалы, а потом сдать властям?

— Нет.

— А может, посадить на берег?

— Тоже нет.

— Но они должны быть наказаны!

— Я советую вам отказаться от подобных мыслей сейчас. Это же не последний ваш рейс?

— Такого и в мыслях нет! Думаю, что еще не один год буду плавать вверх-вниз по старому Арканзасу.

— Ну, хорошо, тогда позаботьтесь о своей безопасности. Когда-нибудь они подстерегут вас на берегу и сыграют такую шутку, которая будет стоить вам не только судна, но и жизни!

— Вы думаете, они пойдут на это?

— Я уверен. Впрочем, никакого риска для них не будет, ибо они сделают все тайно, из-за угла, а потом никто не сможет что-либо доказать.

В этот момент Олд Файерхэнд заметил рядом стоявшего чернобородого, пристально вглядывающегося в его лицо. Поймав его взгляд, Олд Файерхэнд спросил:

— Вы хотите что-то сказать, сэр? Чем могу быть полезен?

— Очень многим!

— Так говорите же!

— Позвольте пожать вашу руку, сэр! — неожиданно выпалил бородач. — Это все, о чем я хотел бы попросить. Сейчас я исчезну, чтобы не докучать вам, но день этот запомню на всю жизнь.

Выражение лица и тон произнесенной фразы говорили о том, что слова действительно шли от сердца. Олд Файерхэнд протянул руку и спросил:

— Сколько вы намерены плыть на судне?

— На этом пароходе? Только до Форт-Гибсона.

— Это, однако, довольно далеко!

— О! Потом я поплыву на челноке еще дальше. Я боюсь, что вы, известный человек, приняли меня за труса, когда я выпил вместе с этим «полковником»...

— Отнюдь! Могу вас лишь похвалить за благоразумие. Но за то, что он ударил индейца, я вынужден был преподать ему урок.

— Надеюсь, он пошел на пользу! Впрочем, если вы ему серьезно повредили палец, его карьера как вестмена закончена. Однако, по поводу старого индейца я уж и не знаю, что думать.

— Почему?

— Он повел себя как самый настоящий трус, хотя, когда взревела пантера, ни один мускул не дрогнул на его лице. Этого я что-то никак не могу взять в толк.

— Я внесу ясность. Разобраться в этом не составит большого труда.

— Так вы знаете старика-индейца?

— Никогда прежде не видел, но многое слышал.

— Я тоже слышал, как он назвал свое имя, но это было такое слово — язык сломаешь!

— Это язык его отцов. Он использовал его, чтобы этот Полковник не догадался, с кем имеет дело. Его имя Нинтропан-Хауей, Большой Медведь, а его сына зовут Нинтропан-Хомош, что означает Маленький Медведь.

— Разве это возможно? Конечно же, я слышал о них, и не раз! Индейцы племени тонкава вымерли, и только два Нинтропана, унаследовавшие от предков воинственный дух, скитаются по горам и прериям.

— Да, они оба смелые парни. Теперь, пожалуй, вы не будете думать, что они трусили.

— Любой другой индеец убил бы наглеца на месте!

— Возможно. А вы разве не видели, что сын держал под покрывалом нож или томагавк? Только хладнокровное лицо отца заставило его охладить пыл. Могу вас уверить, что нам, белым, понадобится в три раза больше времени там, где индейцу нужна лишь секунда. С той минуты, когда негодяй ударил старика по лицу, его смерть неотвратима так же, как и их месть. Кстати, когда вы называли свое имя Полковнику, мне показалось, что оно немецкое. Выходит, мы земляки?

— Как, сэр? Вы тоже немец? — удивленно воскликнул Гроссер.

— Конечно. Моя фамилия Винтер. Мне тоже предстоит проделать на пароходе немалый путь, и у нас еще не раз появится возможность побеседовать.

— Если вы до этого снизойдете, то окажете мне великую честь.

— Не надо комплиментов. Я лишь вестмен, не более.

— Да, но любой генерал, в конце концов, тоже не больше чем новобранец, то есть — солдат.

— Если вы и себя причисляете к новобранцам, значит, на Западе вы совсем недавно?

— Нет, — уклончиво ответил бородач, — я тут несколько дольше. Меня зовут Томас Гроссер. Настоящие имена здесь не в ходу, из Томаса получился Том, а благодаря густой бороде родилось прозвище Черный Том.

— Что? — настала очередь удивляться охотнику. — Вы и есть Черный Том, знаменитый рафтер? ⁸

— Меня зовут Том, я рафтер, но так ли уж я знаменит?

— Конечно, уверяю вас моим рукопожатием.

— Но не так громко, сэр. Полковник не должен слышать мое имя, иначе он узнает меня.

— Так вы уже имели с ним дело?

— Да, приходилось. А вы его не знаете?

— Вижу впервые.

— Взгляните только на его бороду и рыжие волосы, это же Бринкли!

— Как вы сказали?! Так это он — Рыжий Бринкли, за которым сотни безнаказанных темных делишек?

— Он самый, сэр. Я его узнал.

— Тогда присмотрю за ним повнимательнее, а заодно и вас получше узнаю. Похоже, вы — человек, который мне нужен. Если у вас ни перед кем нет больших обязательств, то принимайте мое предложение.

— Ну, — несколько сконфуженно ответил Том, опустив глаза, — честь, которую вы мне оказываете, ценнее любого другого предприятия. Но дело в том, что сейчас я связан договором с другими рафтерами. Они даже выбрали меня старшим. Но если вы мне дадите время сообщить им о моем новом решении, — оживился чернобородый, — то дело можно уладить.

— Прекрасно. Попросите каюту рядом с моей. Все связанные с этим расходы я возмещу.

— Благодарю, сэр! Мы, рафтеры, зарабатываем неплохо, если, конечно, не валять дурака. И сейчас все мои сумки полны, ибо я направляюсь из Виксберга, где мне оплатили счета. Так что заплатить за каюту я в силах. Но взгляните! Кажется, представление начинается.

Хозяин зверинца вместе с укротителем закончили приготовления — недавняя стычка на палубе не очень-то обеспокоила их, ибо они были заняты более прибыльным делом. Соорудив из тюков и ящиков просмотровые места, они возвестили о начале представления. Площадка перед ящиком с пантерой была тотчас заполнена любопытствующими. Матросы и обслуга из тех, кто не был занят, тоже не преминули бесплатно поглазеть на представление. Лишь Полковника, у которого начисто пропала охота к веселью, и его людей видно не было.

Индейцев, конечно же, никто не приглашал. Два краснокожих рядом с леди и джентльменами, которые платят по доллару с особы! Даже предприимчивый Джонатан Бойлер не решился нарушить неписаные законы здешних мест. Индейцы остались у борта и, казалось, ни капли не

интересовались происходящим, хотя на самом деле их цепкие взгляды ухватывали каждую деталь.

Большинство зрителей, сидевших перед пока еще закрытым ящиком, не имели понятия, что же такое черная пантера. Хищники семейства кошачьих, обитающие в Новом Свете, значительно мельче и менее опасны, чем их собратья с другой стороны Тихого океана. Гаучо, к примеру, охотящиеся за ягуаром, которого называют американским тигром, набрасывают на зверя лассо и без хлопот тянут его за собой. Разве можно представить подобное с королевским бенгальским тигром! Американский лев, или же пума, вообще бежит прочь от человека, даже если голоден. Большинство зрителей, знакомые лишь с фауной Америки, не ожидали сенсации. Каково же было их удивление, когда передняя стенка ящика упала и они наконец увидели зверя.

От самого Нового Орлеана пантера находилась в темноте, ибо ящик открывали лишь ночью, и вдруг такой яркий ослепляющий дневной свет! Она закрыла глаза и некоторое время продолжала лежать, вытянувшись во всю клетку. Потом ее веки слегка дернулись, и наконец дикое животное обратило внимание на собравшихся. В мгновение ока пантера вскочила и страшно зарычала, после чего несколько человек едва не сорвались с места, готовые броситься прочь.

Да, это был воистину огромный откормленный зверь, высотой в метр и длиной в два, не считая хвоста. Черная масть хищника еще больше усиливала жуткое впечатление от пробирающего до нервов ужасного оскала. Засунув между прутьев мощную лапу, кошка так рванула клетку, что та едва не развалилась.

— Вот, леди и джентльмены! — невозмутимым тоном заговорил хозяин зверинца. — Разновидность черных пантер водится на Зондских островах, но те звери маленькие. Настоящая черная пантера, которая, надо отметить, встречается очень редко, обитает в Северной Африке, на границе Сахары. Она действительно очень сильная, значительно опаснее льва и может при желании унести в своей пасти огромного вола. На что способны ее зубы, вы сейчас убедитесь, ибо мы начинаем кормление.

Укротитель принес половину не очень свежей овечьей туши и положил перед клеткой. Учуяв мясо, пантера засуетилась, зафыркала и зарычала так, что кое-кто из зрителей снова попятился назад.

Занятый в машинном отделении негр не мог удержаться от любопытства и протиснулся сквозь толпу, но заметивший это зоркий капитан тотчас приказал ему вернуться к работе. Однако черный послушался не сразу, и немногословному капитану пришлось хватить его

по спине куском толстого троса. Поруганный негр быстро ретировался, но, остановившись в отсеке, ведущем в машинное отделение, скорчил страшную гримасу и погрозил кулаком в сторону капитана. Тот, конечно же, не заметил грубости, ибо теперь, как и остальные зрители, был увлечен представлением. Лишь Полковник, оказавшийся случайным свидетелем, обратил на это внимание своих друзей:

— Сдается мне, что этот грязнуля не очень-то почитает капитана. Несколько долларов должны сотворить с ним чудо — надо им заняться!

Тем временем укротитель просунул мясо между прутьев клетки, испытываяще взглянул на зрителей и тихо бросил несколько слов своему хозяину, который с сомнением покачал головой. Тот, однако, продолжал ему что-то говорить и, казалось, все же убедил Бойлера.

Наконец, хозяин зверинца кивнул и во весь голое объявил:

— Леди и джентльмены! Беру смелость утверждать, что вам выпало огромное счастье — прирученной черной пантеры не видели еще нигде, а тем более у нас, в Штатах! Во время трехнедельного пребывания в Новом Орлеане мой укротитель преподавал ей свою школу дрессуры. И теперь он заявляет, что сегодня готов первый раз публично войти в клетку и сесть рядом со зверем, если вы обещаете ему щедрое вознаграждение.

Тем временем пантера набросилась на мясо, как на охоте, впиваясь своими острыми зубами в кости и легко разрезая их, словно бумагу. Чем больше страха вызывала эта сцена у присутствующих, тем больше они хотели посмотреть. Вскоре любопытство взяло верх над разумом. Не кто иной, как маленький ученый, прежде ни в какую не соглашавшийся плыть в опасном соседстве, теперь с энтузиазмом воскликнул:

— Это было бы великолепно, сэр! Лихой поступок, за который стоит заплатить. Сколько хочет этот человек?

— Сто долларов, сэр.

— А не слишком ли много? — несколько ошарашенно пробормотал очкарик.

— Нет, это очень мало, сэр. Опасность достаточно велика, ибо зверь еще не приручен до конца.

— Хорошо! Я не богат, но пять долларов пожертвую. Господа, кто еще?

Голосов отозвалось много, и требуемая сумма быстро была собрана. Все находились в крайнем возбуждении, и даже капитан поддался горячке, предложив пари.

— Сэр! — предостерег его Олд Файерхэнд. — Не потакайте глупости! Прошу вас, запретите это! Укротитель еще недостаточно хорошо знает

привычки зверя, и ваш долг запретить представление!

— Запретить? — засмеялся капитан. — Ну уж нет! Разве я нянька этому циркачу? Здесь, в нашем благословенном краю, каждый вправе выставить свою шкуру на продажу. Если зверь его растерзает, то это не моя проблема, ибо человек знает, на что идет! Итак, джентльмены, я утверждаю, что укротитель не выйдет из клетки целым и невредимым. Ставлю сто долларов! Кто принимает пари? Десять процентов выигрыша получит укротитель!

Этот призыв еще больше наэлектризовал и без того возбужденную толпу. Тут же посыпались новые предложения, и вскоре оказалось, что, если рискованное предприятие укротителя закончится успешно, тот получит около трехсот долларов.

Никто не требовал, чтобы человек в клетке был безоружен, поэтому он захватил с собой «кистень» — кнут с помещенной в набалдашник рукоятки взрывчаткой, заряда которой с лихвой хватило бы, чтобы уложить хищника наповал.

— Я не доверяю даже кистеню, — заметил Олд Файерхэнд Черному Тому. — Фейерверк, который имеется в каждом зверинце, был бы намного лучше. Зачем убивать зверя, если можно просто отпугнуть его! Но пусть каждый делает то, что его душе угодно.

Между тем укротитель после короткой речи перед публикой подошел к клетке и отодвинул тяжелые засовы вместе с узкой решеткой, тем самым открыв вход в пять футов высотой. Чтобы попасть внутрь, он должен был пригнуться, держась за решетку руками, а потом, будучи уже в клетке, закрыть ее за собой. Для этого ему пришлось зажать кистень зубами, чтобы освободить руки, после чего он на какой-то короткий миг остался без оружия. Конечно же, этот человек не раз бывал в клетке, но при других обстоятельствах. Прежде пантера целыми днями находилась в темноте и не видела такого огромного скопления людей вокруг, а также никогда не слышала громкий стук машины, шум и грохот паровозных колес. Все эти обстоятельства почему-то не учел ни хозяин зверинца, ни опытный укротитель, а последствия сказались незамедлительно.

Услышав шум отодвигаемой решетки, пантера оторвалась от трапезы. В этот момент укротитель просунул в клетку голову. Молниеносный бросок зверя, глухой стук выпавшего кистеня, и голова человека оказалась в пасти животного. Мгновенно стальные челюсти сомкнулись, превратив голову в бесформенную мякоть.

Женские вопли и душераздирающие крики у клетки слились в дикий вой. Все вскочили и в панике бросились прочь. Только трое: хозяин

зверинца, Олд Файерхэнд и Черный Том остались на месте. Первый силился задвинуть решетку, но это было невозможно, так как тело лежало наполовину внутри клетки, наполовину снаружи, тогда Бойлер попытался схватить мертвого за ноги и вытащить его.

— Ради Бога, только не это! — крикнул ему Олд Файерхэнд. — Пантера выйдет следом. Задвиньте тело внутрь, а потом закрывайте клетку — несчастному теперь ничем не поможешь!

Хищник лежал перед бездыханным телом и горящими глазами смотрел на хозяина. Казалось, он разгадал намерения замешкавшегося Бойлера, ибо с ревом рванулся вперед. Морда хищника оказалась в нескольких дюймах от выхода.

— Назад! — раздался крик Олд Файерхэнда. — Том, карабин! Карабин! Мой револьвер здесь бесполезен!

С момента, когда укротитель вошел в клетку, едва прошло десять секунд, и никто не успел спрятаться. Вся палуба была полна мечущимися и кричащими от страха людьми. Те, кто не успел забиться в каюты и трюмы, бросались за ящики и бочки, но потом снова метались по палубе, ища спасения.

Капитан помчался на мостик, скача через три-четыре ступеньки, за ним — Олд Файерхэнд, хозяин же зверинца скрылся за задней стенкой клетки.

Черный Том никак не мог воспользоваться ружьем, ибо мешал привязанный к нему топор, а возиться с веревкой времени не было. Оказавшись на палубе вместе с двумя индейцами, продолжавшими спокойно стоять, Том в горячке рванулся к Большому Медведю, чтобы схватить ружье старика.

— Я сам стрелять, — сказал индеец, пытаясь отнять оружие обратно.

— Пусти! У меня получится лучше! — взревел бородач.

В тот миг, когда он повернулся к клетке, пантера уже стояла на палубе. Черный Том вскинул ружье и быстро спустил курок. Грохнул выстрел, но пуля прошла мимо. Тут же Том метнулся к юноше, выхватил и из его рук ружье, снова выстрелил и снова промазал.

— Плохо стрелять, ружье не знать, — произнес старый индеец так спокойно, словно сидел за трапезой в своем вигваме.

Немец не обратил внимания на его слова. Он отбросил разряженное оружие и поспешил к месту, где валялись ружья людей Полковника, ибо эти джентльмены не имели ни малейшего желания связываться с разъяренным хищником и, скрывшись, даже не потрудились захватить с собой лежавшие на палубе карабины.

Вдруг под капитанским мостиком раздался ужасный крик — какая-то дама тоже пыталась подняться наверх. Пантера тотчас изогнулась и в мощном прыжке бросилась к ней. Женщина находилась внизу, когда Олд Файерхэнд стоял на пятой или шестой ступеньке. Мгновенно оценив ситуацию, вестмен перемахнул через перила и, подхватив почти бесчувственную даму сильными руками, поднял ее над собой, а поспешивший на помощь капитан тотчас помог ему. На это ушло не более двух секунд, но пантера уже находилась у мостика. Поставив передние лапы на ступеньки, хищник был готов рвануться наверх за Олд Файерхэндом. Тот изо всех сил пнул пантеру по носу ногой и успел три раза выстрелить ей в голову из своего револьвера.

Вестмен прекрасно понимал, что пинком и револьверными пулями величиной с горошину остановить разбушевавшегося дьявола в животном обличье невозможно, но даже секундная заминка позволяла выиграть время, чтобы капитан с женщиной мог забраться повыше. Олд Файерхэнд был убежден, что хищник тотчас бросится на него, но этого не произошло. Пантера на миг застыла и медленно, словно раздумывая, повернула голову в другую сторону, будто там ее ожидало что-то более интересное. Неужели пуля, хотя и выпущенная в упор и вряд ли даже на миллиметр пробившая крепкий череп животного, могла оглушить его? А может, пинок по чувствительному носу оказался слишком болезненным? Так или иначе, но зверь теперь смотрел в сторону бака.

И это оказалось гораздо хуже. На баке стояла окаменевшая от ужаса девочка лет тринадцати, вытянув вперед ручки. Похоже, что это была дочка той самой дамы, которую только что подняли наверх. Ребенок, увидев свою мать в смертельной опасности, не мог ступить и шагу. Светлое, сверкающее на солнце платье девочки внезапно привлекло внимание хищника. Убрав лапы с лестницы, пантера развернулась и бросилась длинными прыжками к онемевшему от страха ребенку

— Мое дитя, мое дитя! — истошно закричала мать.

Все, кто видел эту страшную сцену, кричали и причитали, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы хотя бы попытаться спасти ребенка. Впрочем, на это времени уже не было.

Не было? Никто не попытался? Да нет же, было, и попытался! Но тот, от кого, пожалуй, меньше всего ждали подобного поступка — юный индеец.

Он и отец стояли на удалении приблизительно десяти шагов от девочки. Глаза парня, заметившие грозившую ей опасность, тотчас вспыхнули огнем. Мгновенно осмотревшись, юноша сбросил с плеч

покрывало и крикнул отцу на языке тонкава:

— Тиакаитат, шаи шойана! Останься, я поплыву!

В два прыжка он оказался рядом с девочкой, схватил ее за пояс, подлетел к релингам ⁹ и вскочил на них. Там он на миг задержался, чтобы оглянуться. Пантера была за спиной, готовая к последнему прыжку. Едва лапы хищника оттолкнулись от палубных досок, юный индеец спокойно прыгнул в реку вместе со своей ношей. В тот момент, когда волны сомкнулись над головами парня и девочки, пантера, сила прыжка которой была так огромна, что она не смогла удержаться, перескочила через перила и рухнула за борт, совершенно не задев хитрого индейца, успевшего отплыть в сторону, чтобы потом не оказаться в воде рядом с хищником.

— Стоп, стоп на месте! — бешено заорал в переговорную трубку капитан.

Механик дал «полный назад» и замедлил ход, колеса стали, хотя пароход еще продолжал двигаться по инерции.

Опасность миновала, и пассажиры, высыпающие из укрытий, тотчас прильнули к борту. Мать девочки была в глубоком обмороке, а какой-то мужчина — наверное, отец ребенка — пытался всех перекричать:

— Тысяча долларов за спасение моей дочери! Две, три, пять. Дам еще больше!

Но никто, казалось, его не слышал. Все перегнулись через перила, следя за рекой, на поверхности которой, широко расставив лапы, дрейфовала пантера, высматривая добычу, но ни отважного парня, ни девочки не было видно.

— Они утонули, попали под колеса! — причитал отец, обеими руками схватившись за голову.

Неожиданно с противоположного борта донесся звучный голос старого индейца:

— Нинтропан-Хомош умно поступить. Он под корабль проплыть, чтобы пантера их не видеть. Он здесь внизу быть.

Все кинулись на правый борт, а капитан приказал сбросить канаты. Да, действительно, на другой стороне, вдоль самого борта, борясь с течением, на спине плыл Маленький Медведь. Девочка в бессознательном состоянии лежала поперек его тела. Канаты спустили так, чтобы парню удобнее было за них схватиться. Быстро закрепив один под мышками ребенка, юноша дал знак, что можно тянуть. Пока осторожно поднимали девочку, он сам по другому канату проворно вскарабкался на борт.

На палубе парня приветствовали бурным ликованием, но он гордо прошел мимо, не сказав ни слова. Проходя рядом с Полковником, который

тоже выбрался, чтобы посмотреть за происходящим, парень остановился и громко, чтобы каждый мог слышать, сказал:

— А может, и теперь тонкава боится маленькая паршивая кошка? Полковник удрать вместе со своими двадцатью героями, а тонкава вызвать большое чудовище на себя, чтобы спасти маленькую скво и пассажиров. Полковник еще услышать о тонкава!

Пока спасенную переносили в каюту, рулевой, продолжавший вести наблюдение, вдруг закричал, указывая рукой в сторону левого борта:

— Смотрите на пантеру! Смотрите на плот!

Тотчас толпа снова хлынула к противоположному борту, где ее ожидало новое и, похоже, не менее удивительное, представление. Пока на пароходе увлеклись пантерой, а потом индейцем с девочкой, никто не заметил, как на горизонте появился камышовый плот, направляющийся прямо к судну со стороны левого по курсу берега реки. На нем сидели два человека и, как на галере, гребли огромными сучьями, заменявшими весла. Один из них был молодым парнем в кожаной куртке, второй — или, может быть, вторая? В общем, вторая персона, очень походившая на женщину, была одета довольно странно, если не сказать большего: голову ее прикрывало что-то очень похожее на ночной колпак с завязками, из-под которого выглядывало полное краснощекое лицо с маленькими глазками, а остальные части тела были скрыты под каким-то мешком или широким платьем, покроем и фасоном которого невозможно было определить.

— Сэр, вы знаете эту «женщину»? — спросил Черный Том у Олд Файерхэнда, подойдя к нему ближе.

— Нет, а разве она так знаменита?

— Конечно, — улыбнулся Том. — Это вовсе не женщина, а мужчина — старый капканщик и охотник прерий! А вот и наша пантера. Сейчас вы увидите эту «женщину» в деле.

Том свесился с перил и прокричал:

— Эгей, Тетка Дролл ¹⁰, смотрите в оба! Эта тварь хочет вас сожрать.

Плот находился примерно в пятидесяти шагах от парохода. Пантера, продолжая искать свою добычу, сновала взад и вперед вдоль борта. Заметив приближающийся плот, она рванулась к нему, а человек в рубище, внимательно глядевший на палубу и наконец узнавший обратившегося к нему, высоким фальцетом воскликнул:

— Вот удача! Это вы, Том? Очень рад вас видеть, если потребно! Что там за зверье?

— Черная пантера, она спрыгнула с борта в плохом настроении, так что лучше поворачивайте!

— Ого! Тетка Дролл еще ни от кого не удирал, даже от пантеры — будь она черная, синяя или хоть зеленая! Можно пристрелить эту киску?

— Конечно! Но боюсь — вам это не удастся, ибо опаснейший хищник сбежал из клетки, только что убил одного человека и покушался на жизни других! Быстрее гребите к другому борту!

Никто, кроме Тома, не знал эту «женщину» в дурацкой одежде, но все кричали и призывали «ее» уносить ноги, но «она», казалось, находила забавным поиграть с хищником в кошки-мышки. Управляясь с веслом поистине мастерски, «она» с удивительной легкостью несколько раз избежала столкновения с разъярившимся зверем. При этом «она» продолжала тем же игривым фальцетом:

— Кажется, удастся, удастся, старина Том! Куда же поразить эту тварь, если потребно?

— В глаз, — раздался голос Олд Файерхэнда.

— Well! Давайте-ка позволим этой водяной крысе подплыть поближе.

С этими словами Дролл быстро отложил весло и схватился за ружье, лежавшее у его ног. Расстояние между плотом и пантерой, обманутой и снова бросившейся в атаку, резко сокращалось. Хищник пожирал противника алчными глазами, в которых отражалась растущая по мере приближения фигура прицелившегося Дролла. Два выстрела грохнули как один. Отбросить ружье, схватиться за весло и дать ходу назад для Дролла было делом пары секунд. Там, где только что была пантера, теперь бурлила и пенилась большая воронка. Потом снова на поверхность воды всплыло что-то огромное и неподвижное, а затем через несколько мгновений мертвый хищник камнем ушел в темную бездну реки, и теперь уже навсегда.

— Мастерский выстрел! — раздался восхищенный голос Тома, и одобрительный гул завторил ему с палубы. Только владелец зверинца, в один миг лишившийся дорогого животного и укротителя, понуро молчал.

— Два выстрела, — слышалось с плота. — Два выстрела — два глаза. Куда плывет стимер, если потребно?

— Пока река не кончится, — ответил капитан, не испытывая, похоже, желания включать незнакомцев в число своих пассажиров.

— Нам срочно нужно сесть на этот или любой другой пароход, для чего и пришлось там, на берегу, соорудить эту посудину. Сами понимаете, далеко на ней не уедешь. Вы можете нас принять?

— А вы можете заплатить за проезд, мэи или сэи, как вас там? Я даже не знаю, как к вам обращаться?

— Тетка, сэи. Я — Тетка Дролл, если потребно! А что касается платы,

то вы получите хорошие деньги или даже самородки.

Плот уже покачивался у самого борта.

— Ну что ж, если вы не мошенники, то вам спустят веревочный трап. Поднимайтесь, да поживей! Нам надо поскорее отплыть от этого дьявольского места.

Трап тотчас был спущен, и первым по нему поднялся крепкий юноша, тоже вооруженный ружьем. Его спутник забросил свой карабин на плечо, схватился одной рукой за трап, отпихнул плот и с кошачьей ловкостью вскарабкался на палубу, не обращая никакого внимания на уставившихся на него удивленных пассажиров.

Тем временем матросы завернули в парусину обезображенный труп укротителя и отнесли его на нос судна. Юнга тут же принялся замывать следы трагедии, а среди пассажиров, как это обычно водится в подобных случаях, начались поиски священника.

Глава вторая. ТРАМПЫ

«Соединенные Штаты Северной Америки, несмотря на либеральные институты, а скорее вследствие их развития, являются очагом совершенно особенных социальных бедствий, существование которых в европейских государствах просто невозможно».

Знатоки признают, что это недавнее утверждение одного молодого географа не лишено оснований. Те бедствия или болезни, о которых он говорит, можно было бы разделить по медицинской терминологии на хронические и острые. К первым прежде всего стоит отнести всякого рода бездельников, головорезов и контрабандистов, от которых страдают преимущественно переселенцы. Бродяжничество, бандитизм и контрабандизм укоренились здесь и будут, по всей видимости, процветать в ближайшие десятилетия. Иначе обстоят дела с болезнью другого рода, скоротечной, но распространяющейся гораздо быстрее — беззаконием на землях Дальнего Запада, кишущих бандами грабителей и убийц, для которых существовал лишь один закон — закон мастера ¹¹ Линча. Сюда же стоит отнести и ку-клукс-клан, бесчинствующий в южных штатах со времен Гражданской войны. Но самым страшным и опасным бедствием были многочисленные шайки трампов, наиболее грубых и жестоких бродяг.

Когда к известному времени тысячи фабрик были остановлены, десятки тысяч рабочих очутились на улице, и, естественно, поток людей, оказавшихся не у дел, двинулся преимущественно в западном направлении, буквально наводнив штаты, расположенные на запад от Миссисипи. В переселенческой среде тотчас начался процесс расслоения: честные принимались за любую работу, которую могли найти, даже если она мало оплачивалась и была очень утомительна, в большинстве своем они нанимались на фермы во время уборки урожая, за что их и называли «жнецами»; нежелавшие работать объединялись в живущие грабежами, поджогами и убийствами банды, члены которых опускались на низшую ступень морального падения и подчинялись людям, скрывающимся от правосудия.

Эти трампы собирались в большие шайки, иногда до трехсот голов и более, они нападали не только на уединенные фермы, но и на небольшие поселки и городки переселенцев, разоряли и грабили их. Бывали случаи, что бандиты промышляли на железных дорогах, захватывали в плен служащих и пользовались поездами, чтобы быстро перебраться на новые

места и продолжать сеять смерть и разрушение. Подобные бесчинства распространялись с размахом эпидемии, и губернаторы некоторых штатов вынуждены были даже формировать отряды милиции, чтобы дать настоящий бой этим бродягам.

Именно за таких трампов, как ранее упоминалось, приняли капитан «Догфиша» и его рулевой «полковника» Бринкли с его шайкой. Это предположение, даже если оно действительно было верным, все же не давало прямого повода для опасений, ибо компания в количестве двадцати человек, подвыпивших и к тому же не слишком крепких духом, не посмела бы теперь приставать к остальным пассажирам или команде, но об осторожности забывать не стоило.

Наряду со всеми пассажирами Полковник, естественно, заинтересовался удивительным чудачком, приблизившимся к пароходу на плоту и словно между делом уложившим огромного хищника. Полковник даже загоготал, когда Том назвал чужака «теткой», но теперь, когда тот ступил на палубу и Бринкли имел возможность заглянуть в его лицо, улыбка исчезла, бандит нахмурился и дал знак своим людям подойти к нему. Он отвел их на нос и пояснил причину своего беспокойства:

— Этот мерзавец вовсе не так уж смешон, как хочет казаться. Я скажу вам больше — за ним надо смотреть в оба!

— Почему? Ты его знаешь? Это женщина или мужчина?

— Конечно, мужчина.

— Зачем же этот маскарад?

— Никакой это не маскарад. Этот человек действительно большой оригинал, но при всем при том для нас он очень опасен — это полицейская ищейка!

— Фу! Тетка Дролл и сыщик?! Он может быть кем угодно, но только не ищейкой!

— Но это так. Я слышал о Тетке Дролле, полусумасшедшем траппере, который в хороших отношениях со всеми краснокожими, а сейчас, когда его увидел, я понял, что, оказывается, знаю его. Он — сыщик, это так же точно, как «аминь» в молитве! Я уже встречался с этим толстяком в форте Салли на Миссури, когда он поймал одного приятеля из нашей компании и отдал на виселицу. Он один, а нас было больше сорока!

— Да быть того не может, вы бы превратили его в решето!

— В том-то и дело, что может. Он берет больше хитростью, нежели силой. Посмотри на его глазки, маленькие и хитрые, как у крота! Он не упустит даже муравья в траве и отлично ставит ловушки как на зверей, так и на людей. Дролл мягко стелет, да жестко спат, ибо он заманивает свои

жертвы, а потом — хлоп — мышеловка срабатывает!

— Значит, он и тебя помнит?

— Не думаю. Тогда он не обратил на меня внимания, да и времени прошло сколько — я сильно изменился! И все же должен вас предупредить, чтобы с этого момента вели себя тихо и спокойно, дабы не привлекать внимания. Нам еще предстоит сыграть здесь маленькую шутку, и я не хотел бы, чтобы Дролл встал у нас на пути. Олд Файерхэнд, как и Олд Шеттерхэнд, самый знаменитый охотник Запада, Черный Том — тоже из тех, с кем придется считаться, но Тетка Дролл еще опаснее! Не спускайте с него глаз, да только не пяльтесь на него в открытую.

Внешний вид Тетки Дролла, вопреки пугающим словам Полковника, вызывал скорее улыбку, нежели страх. Теперь, когда он стоял на палубе, можно было его рассмотреть и узнать наконец, во что же он был одет.

Предмет, покрывающий его голову, не был ни капюшоном, ни шапкой, ни чепцом, но его можно было назвать любым этим словом. Этот, с позволения сказать, головной убор состоял из пяти кусков кожи различного вида: средний, прикрывающий чуб, имел форму перевернутой вверх дном чаши; другой закрывал заднюю часть шеи; передний, спадающий со лба, напоминал козырек; два остальных в форме клапанов прикрывали уши.

То, что издали напоминало мешковину, вблизи оказалось очень длинным и непомерно широким пиджаком, залатанным во многих местах кусками и обрезками кожи, налезавшими один на другой. Казалось, что это одеяние носили не только деды, но и прадеды нынешнего владельца. Спереди вместо пуговиц пиджак был стянут потертыми кожаными ремнями. Необычайная длина и ширина этого наряда затрудняли передвижение, поэтому его владелец рассек полы до пояса и обвязал то, что от них осталось, вокруг ног, сотворив шаровары, которые придавали походке Дролла комичный вид. Импровизированные брючины доходили лишь до щиколоток, а потертая кожаная обувь на ногах отлично их дополняла. Рукава пиджака также были слишком широки и длинны, потому Дролл зашил их, а сбоку сделал дырки, в которые просовывал свои руки. В итоге получилось что-то вроде кожаных карманов, в которых можно было хранить различные мелкие предметы.

Такой своеобразный костюм делал и без того не отличающееся стройностью тело Дролла страшно бесформенным. Его фигура, а также полное краснощекое приветливое лицо с ни на секунду не останавливающимися, постоянно шныряющими туда-сюда и высматривающими что-то глазами, не могли не рассмешить даже самого страшного сноба.

Такого рода явления на Западе не редкость, ибо те, кто годами одиноко бродит в глуши, не имеют ни времени, ни возможности, ни денег обновить свою разорванную, обветшалую одежду, а способны лишь залатать ее, так что зачастую даже знаменитые люди вызывали смех своими костюмами.

В руке Дролл держал древнюю двустволку, которую сработали в те же времена, что и упомянутый пиджак, а было ли у него еще оружие — одному Богу известно, ибо подпоясанный пиджак охватывал фигуру подобно перевязанному посредине мешку, внутри которого оставалось еще достаточно места.

Сопровождавшему большого оригинала парню на вид было лет шестнадцать. Этот светловолосый юноша обладал довольно крепким сложением, казался серьезным и независимым, подобно человеку, давным-давно ведущему самостоятельную жизнь. Его одежда состояла из шляпы, охотничьей рубахи, кожаных чулок и мокасин, а кроме ружья, он имел при себе нож и револьвер.

Как только Тетка Дролл ступил на палубу, он протянул Черному Тому руку и воскликнул фальцетом:

— Привет, старина Том! Вот это встреча! Ведь мы не виделись целую вечность! Откуда путь держите и куда?

После сердечного приветствия Том ответил:

— Я был на Миссисипи, а теперь направляюсь в самое сердце Канзаса, где в лесах меня ждут рафтеры [12](#).

— Хорошо, что все в порядке. Я тоже направляюсь туда, правда, немного дальше, так что времени поболтать у нас достаточно. Но прежде всего, сэр, о плате за проезд. Сколько мы должны вам, я имею в виду себя и этого молодого человека, если потребно?

Этот вопрос был обращен уже к капитану.

— Зависит от того — куда вы едете, в какое хотите место, — сухо ответил тот.

— Место? Тетка Дролл всегда на первом месте, то бишь в каюте! Куда мы едем? Скажем, пока до Форт-Гибсона, так что распускайте лассо. Самородками возьмете?

— Да, охотно.

— А как у вас с весами? Вы честный человек?

Вопрос прозвучал забавно, а оба глаза Тетки моргнули так выразительно, что невозможно было принять его всерьез, тем не менее капитан насупился и недовольно буркнул:

— Не пытайтесь спрашивать об этом еще раз, иначе полетите за борт!

— Ого! Вы думаете, что Тетку Дролла так просто посадить в эту

лужу? Тут вы глубоко ошибаетесь. Попробуйте-ка!

— Ну, — поубавил прыть капитан, — с дамами надо быть учтивым, а раз вы «тетка», то принадлежите к прекрасному полу, и я не буду ставить вопрос так остро. Впрочем, вы можете с оплатой пока не спешить, а когда надумаете, обратитесь к офицеру!

— Нет! Кредитом не пользуюсь и расплачусь сию же минуту, такой уж мой принцип, если потребно!

— Well, тогда идемте в кассу.

С этими словами они удалились, но те, кто присутствовал при беседе, заинтересовались новоявленным щеголем. Вернувшись раньше Дролла, капитан взволнованно произнес:

— Господа, вы только посмотрите! Вот это самородки! Он полез рукой в рукав, а когда снова вытащил ладонь из дырки, она была полна золотых зерен величиной с горох, орех или даже еще крупнее! Этот человек, должно быть, открыл банансу ¹³ и выпотрошил ее. Держу пари, он намного богаче, чем хочет казаться!

Тем временем Дролл расплатился в кассе и на выходе осмотрелся; он тотчас заметил людей Полковника. Дролл был не из тех, кому безразличны их попутчики, а потому неторопливо направился на бак, чтобы посмотреть на компанию поближе.

Его взгляд сразу упал на Бринкли, и когда они поравнялись, Дролл спросил первым:

— Прошу прощения, сэр, мы с вами не встречались раньше?

— Первый раз вас вижу! — прозвучало в ответ.

— О, я просто уверен, что мы уже виделись. Может быть, вы бывали в верховьях Миссури?

— Нет.

— А в форте Салли тоже нет?

— Я даже не знаю, где это.

— Хм! Позвольте узнать ваше имя?

— Это еще зачем?

— Потому что вы мне нравитесь, сэр, а когда я испытываю симпатию к тому, с кем встречаюсь, не могу найти себе места, пока не узнаю, как его зовут.

— Вы мне тоже сразу понравились, — ответил Полковник, — но я посчитал бы невежливым спрашивать ваше имя.

— Почему? Я не считаю это невежливым и ответил бы на ваш вопрос. У меня нет повода скрывать свое имя. Лишь тот, у кого помыслы нечисты, скрывается от Других.

— Пожалуй, это уже оскорбление, сэр!

— Ничего подобного! Я никогда не оскорбляю чужаков. Адиос, сэр, прячьте подальше ваше имя, я не хочу его слышать!

Дролл повернулся и зашагал прочь.

— Он надо мной издевается, — прошипел Полковник. — И я должен это сносить!

— Почему ты стерпел? — засмеялся кто-то за его спиной. — Я бы с удовольствием об этот мешок почесал кулаки!

— Последствия могут быть плачевными.

— Ха! Чего бояться эту жабу!

— Но человека, который позволил черной пантере приблизиться к себе на длину руки, а потом хладнокровно пристрелил, словно куропатку, нельзя недооценивать! Впрочем, речь идет здесь не только о нем одном, не забывай, что многие тут настроены против нас, — Полковник погладил свою пораненную ладонь, — и пока нам не стоит привлекать внимание.

На обратном пути Тетка Дролл наткнулся на обоих индейцев, которые сидели на тюке с табаком. Одежда молодого еще не высохла, и он развернулся лицом к солнцу. Заметив Дролла, оба индейца поднялись как люди, готовые к разговору. Дролл сначала замедлил шаг, а потом поспешил к ним и сразу воскликнул:

— Mira, el oso grande y el oso bajo! ¹⁴

Белый произнес фразу по-испански, ибо знал, что оба краснокожих, особенно отец, слабо знали английский, но на испанском говорили бегло, а главное — все понимали.

— Que sorpresa, la Tia Droll! ¹⁵ — ответил старый индеец, хотя уже видел Дролла, когда тот сидел на плоту.

Дальше разговор шел на чистом испанском.

— Что вы делаете здесь, на Востоке, на этом пароходе? — спросил Дролл, протягивая обоим руку.

— Вместе с другими краснокожими братьями мы ездили в Новый Орлеан, покупали там вещи, а теперь мы на пути домой, а остальные везут товары. Много лун прошло с тех пор, как мы виделись прежде, — ушел от прямого ответа старый индеец.

— Маленький Медведь вырос в два раза! Мои краснокожие братья живут в мире со своими соседями?

— Они зарыли топор войны и больше не хотят поднимать его.

— Так когда вы вернетесь к своим?

— Сейчас об этом трудно сказать. Мы собирались вернуться, когда

круг луны превратится в серп, но теперь это невозможно.

— Невозможно? Что это значит?

— Большой Медведь не сможет вернуться домой, пока не утопит свой нож в крови его оскорбившего!

Ответ был настолько неожиданным, что Тетка Дролл на секунду замолчал. Он слишком хорошо знал индейцев, поэтому сразу понял, что дело очень серьезное.

— Кто он?

— Тот белый пес с рыжими волосами, — спокойно сказал старик. — Он ударил Большого Медведя по лицу.

— Дьявольщина! Этот парень из ума выжил! Нужно быть сумасшедшим, чтобы поднять руку на индейца, тем более на Большого Медведя! — произнес Тетка Дролл без малейшей ноты лицемерия.

— Он, кажется, не знает меня. Большой Медведь назвал ему свое имя на родном языке, Большой Медведь просит своего белого брата не называть его по-английски.

— Если я теперь что и скажу ему, то уж, во всяком случае, не имя моего брата, а сейчас я должен идти к тем людям — они хотят поговорить со мной. Но я еще не раз вернусь к моим братьям, чтобы услышать их голоса.

С этими словами Дролл прыгающей походкой направился к корме. В тот момент там стоял вышедший из каюты отец спасенного ребенка, сообщая всем, что его дочь очнулась и чувствует себя неплохо и что девочке требуется лишь покой. Потом он поспешил к индейцам, чтобы наконец отблагодарить юношу за его смелый поступок. Услышав издали слова инженера, Дролл осведомился о том, что случилось, а после того как Том коротко рассказал о недавних событиях, заметил:

— Да, парень подает большие надежды. Теперь он уже не ребенок, а настоящий мужчина.

— Вы знаете юношу и его отца? Мы видели, что вы говорили с ними.

— Мы встречались несколько раз.

— Встречались? Он назвался индейцем-тонкава, а это почти вымершее племя никогда не вело оседлый образ жизни, но теперь лишь жалкие его остатки влачат свое существование в убогих резервациях в долине — Рио-Гранде.

— Большой Медведь никогда не был оседлым, он остался верен обычаям своих предков. Большой Медведь, как и вождь апачей Виннету, исходил наши края вдоль и поперек, но о своем доме или жилье всегда молчит. Иногда он говорит о «своих», но кто они и где живут, остается

тайной. Сейчас он тоже направляется к ним, но одно обстоятельство — месть рыжеволосому — теперь может его задержать.

— Он сказал об этом?

— Да, он не успокоится. Этот «полковник» теперь пропадающая душа!

— Мне тоже так кажется! — произнес Олд Файерхэнд, присутствующий при беседе. — Насколько я знаю индейцев, Медведь стерпел пощечину не из трусости!

— Да-а? — наигранно-удивленно протянул Дролл, с интересом глядя на великана. — Вы тоже знаете индейцев, если позволено будет спросить? Что-то не очень похоже, хотя и выглядите настоящим Голиафом. Думаю, что вы больше цените в салонах, нежели в прерии.

— Увы, Тетка! — улыбнулся Том. — Только что вы пристрелили бестию, а уж отгадать, кто стоит перед вами, вам раз плюнуть!

— Что-то ничего на ум не приходит. Может, вы будете так любезны и сами представитесь?

— Ну, нет! — не унимался Черный Том. — Так легко вам не отделаться! Хоть немного напрягите ваши мозги, ведь этот господин принадлежит к числу наших самых знаменитых вестменов!

— Да? Даже не к знаменитым, а к самым знаменитым?

— Вот именно.

— Насколько я знаю, таких людей только двое, ибо никто другой, кроме них, не заслужил обращения в превосходной степени!

Дролл сделал паузу, прищурил один глаз, другим подмигнул Олд Файерхэнду, при этом его «хи-хи-хи» напомнило звуки кларнета, и продолжил:

— Этими двумя могут быть лишь Олд Шеттерхэнд и Олд Файерхэнд. Первого я знаю лично, если потребно, а значит, этот сэр не кто иной, как Олд Файерхэнд! Угадал?

— Да, это я, — признался гигант.

— Вот оно что! — Дролл отступил на два шага назад и вытаращил на него глаза. — Любой негодяй воистину задрожит перед вами! Вид у вас точно такой, как описывают, но... может, это шутка?

— А это тоже шутка?! — спросил Олд Файерхэнд и, схватив Дролла правой рукой за ворот пиджака, поднял его, три раза повернул и опустил на ближайший ящик.

Лицо толстяка стало пунцовым, грудная клетка задвигалась от частых вдохов:

— Черт возьми, сэр! Вы приняли меня за маятник или за флюгер на корме? Разве я создан, чтобы танцевать вокруг вас по воздуху? Счастье, что

мой спальный халат из прочной кожи, иначе бы он порвался, а вы зашвырнули бы меня в реку! Но проба была хорошая, сэр, вы действительно Олд Файерхэнд. В это можно поверить хотя бы потому, что я готов еще раз продемонстрировать на себе этим джентльменам оборот Луны вокруг Земли. Всякий раз, когда я вновь слышал о вас, представлял, как вас увижу! Я лишь простой траппер, но точно знаю, что за люди вашего склада! Вот моя рука, и, если вы не желаете огорчить меня, не отмахивайтесь от нее!

— Отмахиваться? Это было бы просто грешно. Да я всегда охотно подам руку каждому бравому мужу, а уж тем более тому, кто так зарекомендовал себя.

— Вы о чем?

— О том, как вы застрелили пантеру.

— Ах, вот оно что! Но это не дело, о котором стоит говорить. Зверь был в воде, где он не очень хорошо себя чувствует, и не желал мне зла, а хотел лишь спастись на моем плоту, но, к сожалению, я оказался не слишком гостеприимным.

— Это было как раз очень мудро с вашей стороны, ведь пантеры великолепно плавают, и если бы она добралась до берега, местные жители вряд ли сказали бы нам спасибо, но, к счастью, этого не произошло. Я жму вашу ладонь и хочу познакомиться поближе.

— То же желание испытываю и я, сэр! А теперь давайте выпьем за наше знакомство. Я нахожусь на палубе этого парохода не для того, чтобы испытывать жажду, идемте в салон.

Все последовали за Дроллом. Чтобы присоединиться к своей новой компании, Том должен был заплатить за каюту, что он сделал с превеликим удовольствием.

Когда джентльмены удалились с палубы, из машинного отделения вышел тот самый негр, которому не позволили посмотреть на пантеру. Его место занял другой кочегар, а он теперь искал тень для послеобеденной дремы. Медленно и лениво потащившись на нос судна, он скорчил такую хмурую физиономию, что Полковник просто не мог не обратить на него внимания. Окликнув черного кочегара, на которого он давно положил глаз, рыжий подозвал его к себе.

— Что вам угодно, сэр? — спросил негр, подойдя ближе. — Если у вас есть какое-нибудь желание, то обратитесь к стюарду, я здесь не прислуживаю пассажирам.

Он говорил по-английски, как белый, совершенно без акцента.

— Я знаю, — ответил Полковник. — Я хотел только спросить, не

хотите ля вы выпить с нами стаканчик бренди?

— Если дело в этом, то я к вашим услугам, — оживился бесхитростный негр. — На таком пекле горло и кожа полностью пересохли. Но я не вижу выпивки ни на один глоток?!

— Вот вам доллар, берите и принесите из бара то, что вам по душе, а потом — к вам.

Выражение лени тотчас исчезло с лица кочегара, он оживился и быстро принес две полные бутылки, несколько стаканов и сел рядом с Полковником, который гостеприимно отодвинулся в сторону. Пропустив первый стакан, негр тотчас налил второй, опорожнил его и тогда сказал:

— Таковую роскошь люди вроде нас могут себе позволить не часто! И как вам взбрело в голову предложить мне выпить? Вы, белые, не привыкли так любезничать с нами, черными!

— Для меня и моих приятелей негр такой же человек, что и белый. Я заметил, что вы все время стоите у котла, а работа очень тяжелая. Не думаю, что капитан платит вам стодолларовыми купюрами, потому мне показалось, что глоток бренди вам был бы как раз кстати.

— Да, это действительно так — капитан платит в самом деле скверно! С этого не позволишь себе хорошо поесть. Обычно он не дает даже того, что вы называете «аванс», а раскрывает свой кошелек только в конце рейса. Проклятье!

— Он так поступает только с вами?

— Да.

— Почему?

— Говорит, что слишком многого хочу. Другим платит ежедневно, а мне — нет, потому мне и хочется всегда больше!

— Утолите ли вы сегодня свои желания или нет — все зависит от вас.

— Как вы сказали?

— Я готов дать вам несколько долларов при условии, что вы окажете мне маленькую услугу.

— Несколько долларов? Ой-ей-ей! Я бы смог тогда взять много полных бутылок! Если речь идет о бренди, я охотно окажу вам эту любезность.

— Нужно провернуть одно деликатное дельце. Я, правда, не знаю, верный ли вы человек.

— Я? Если дело действительно стоящее и речь идет о бренди, то на меня смело можно положиться!

— Возможно. Но придется немного схитрить.

— Схитрить? Не пойдет ли это во вред моей спине, а то капитан не

терпит никаких незаконных действий...

— Ну, что вы, ничего подобного. Вам надо только немного наострить уши и послушать.

— Кого послушать? Где?

— В салоне.

— Да?! Хм! — задумчиво пробормотал негр. — И зачем же, сэр?

— Дело в том... ну, будем откровенны! — Полковник налил полный стакан и заговорил доверительным тоном: — Есть там высокий, здоровенный, как великан, человек, которого называют Олд Файерхэндом; вместе с ним — чернобородый парень по имени Том; и, наконец, клоун в кожаном пиджаке по кличке Тетка Дролл. Этот Олд Файерхэнд — богатый фермер, а те двое — его гости, которых он везет к себе. Случайно оказалось, что мы собираемся наняться на работу на его ферму. Само собой разумеется, нам хотелось бы узнать, что они за птицы, ведь нам предстоит иметь с ними дело. Вы просто посмотрите и послушаете, так что, как видите, я не требую от вас ничего плохого или запретного.

— Совершенно верно, сэр! Ни один человек не может мне запретить слушать, о чем говорят здесь другие. Ближайшие шесть часов принадлежат мне, я волен и могу делать, что мне вздумается.

— Но что вы будете делать?

— Как раз тот вопрос, который я сам только что себе задал.

— Вы имеете право находиться в салоне?

— Впрямую не запрещено, но мне там просто нечего делать.

— Ну так найдите предлог!

— Но какой? Я могу только внести или вынести что-нибудь, но этого малого времени мне не хватит, чтобы выполнить свое намерение.

— Неужели у вас нет никакой работы, чтобы задержаться там?

— Нет, хотя... Мне пришла в голову одна мысль: окна там очень грязные — можно их помыть!

— А это не привлечет внимание?

— Нет. В салоне всегда полно людей, и хотя, собственно, это работа стюарда, но он не будет огорчен, если я займусь этим делом.

— А он не может что-нибудь заподозрить?

— Нет. Он знает, что у меня нет денег и что я люблю бренди. Я скажу ему, что у меня в горле пересохло и за стаканчик хочу помыть окно. Не беспокойтесь, сэр, это уж моя забота. Вы, кажется, обещали мне доллары?

— Я заплачу, как только принесете мне вести, — подытожил Полковник, — уж на три доллара можете смело рассчитывать.

— Отлично, идет! Налейте мне еще бренди, и я пойду.

Когда негр ушел, друзья Полковника тотчас осведомились, что тот задумал.

— Мы лишь бедные бродяги, — ответил тот, — поэтому никогда ничего не должны упускать! Нам пришлось заплатить за проезд, и я хочу теперь попытаться вернуть наши денежки. Для нашего плана нужны большие приготовления, а где взять средства, ведь сами знаете — наши кошельки почти пустые...

— Мы же хотели потрясти железнодорожную кассу!

— Ты так уверен, словно дело шито-крыто! Если можно взять монеты здесь, почему мы должны упускать такую возможность?

— Кража тут, на борту?! Это слишком опасно! Если кто-нибудь обнаружит пропажу — перевернут весь пароход, обыщут всех и вся, и мы будем первыми, на кого падет подозрение!

Полковник посмотрел на товарища как на идиота:

— Ты самый большой глупец, которого я когда-либо видел! Дело действительно опасное, но лишь на первый взгляд. Все зависит от того, как повернуть. Я не из тех, кто не с той стороны смотрит на вещи. Если будете меня слушать, все уладится, и не только здесь, а и в нашем главном деле.

— На Серебряном озере? Хм! Может быть, если ты не байки травишь.

— Тьфу! Что говорю — то и делаю! Сейчас нет времени на подробные объяснения. Когда будем на месте, вы все узнаете, а до того момента можете мне верить — там столько богатства, что хватит до конца жизни! Сейчас, однако, нам нужно избегать пустой болтовни и спокойно ждать, какие новости принесет этот черномазый олух.

С этими словами Бринкли прислонился к фальшборту ¹⁶ и закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен. Остальные также расположились поудобнее, ибо хмель всю гулял в их головах. Кто-то прикорнул, а кто-то тихо шептался о великом плане, толком, правда, ничего не зная, но готовый навеки связать с ним свою судьбу.

«Черномазый олух» тем временем старался изо всех сил. Если бы что-то помешало его задумке, он тотчас бы вернулся, но пока все шло по плану: сначала негр зашел в служебную каюту, чтобы поговорить со стюардом, потом исчез в дверях салона и долго не показывался. Прошло больше часа, когда он снова появился на палубе, держа в руках какие-то тряпки, которые тотчас убрал, и вернулся к развеселой компании, из которой никто не догадывался, что четыре зорких глаза давно наблюдали за ними и за черным — оба индейца, отец и сын тонкава, как всегда, были бдительны.

— Ну, — нетерпеливо спросил Полковник. Негр, вернувшийся не в настроении, с неохотой ответил:

— Я задал себе много хлопот, но не думаю, что за все услышанное получу больше тех упомянутых трех долларов. Дело в том, что вы ошиблись, сэр.

— В чем?

— Гиганта действительно зовут Олд Файерхэнд, но он никакой не фермер, а следовательно, не мог приглашать к себе этого Тома и Тетку Дролла.

— И только? — разочарованно вздохнул Полковник.

— Да, и все, — проговорил негр. — Великан — известный охотник, он направляется в горы.

— Куда?

— Этого он не сказал. Пока я был там, ни одно слово не прошло мимо моих ушей. Те трое сидели вдали от прочих с отцом малышки, которую чуть не сожрала пантера.

— Так этот Файерхэнд собирается в горы один?

— Нет. Отец девочки — его зовут Батлер — инженер, вот он и направляется с ним.

— Инженер? А что ему нужно в горах? Может, там открыли рудник и Батлер хочет исследовать его?

— Нет. Этот Олд Файерхэнд осведомлен обо всем лучше, чем самый умный инженер. Сначала они собираются навестить брата Батлера, который в Канзасе содержит большую ферму. Должно быть, тот очень богат, ибо занимается доставкой скота и зерна в Новый Орлеан, а этот инженер, кстати, везет деньги, которые должен передать брату.

Глаза Полковника было вспыхнули, но ни он, ни один из трампов не подали виду, как важно для них это сообщение.

— Да, в Канзасе есть сказочно богатые фермеры, — произнес задумчиво Рыжий Бринкли, — но этот инженер неосторожный человек. А сумма большая?

— Он тихо прошептал о девяти тысячах в купюрах, но я все равно слышал! — заулыбался подвыпивший негр.

— Такую сумму не носят при себе — зачем тогда банки? Если он попадет в руки трампов, то я ему не завидую.

— Нет, откуда им знать, что у него деньги?!

— О, это ребята рискованные...

— Но там, где он их спрятал, никто искать не будет.

— Так вы знаете где?

— Да, он показал остальным. Он сделал это осторожно, ибо я был неподалеку. В тот момент я повернулся спиной, и они полагали, что я

ничего не вижу, но забыли о зеркале, в которое я посмотрел.

— Хм, зеркала обманчивы — то, что видишь в них слева, на самом деле находится с правой стороны, и наоборот, — начал философствовать Полковник.

— У меня было мало времени, но все же, что я видел — то видел. У инженера есть старый охотничий нож — «боуи» с отделяющейся рукояткой, в которой и спрятаны банкноты. Трампы, если бы он попал в их руки, могли бы его ограбить, но на старый, затупленный нож вряд ли кто позарится.

— Это, конечно, умная мысль. Но где у него нож? Он ведь не носит ни охотничьего костюма, ни пояса?

— Пояс у него под жилетом, а на нем висит кожаная сумка, где он и спрятан.

— Так! Впрочем, нас это не интересует. Мы — совсем не трампы, а честные жнецы. К сожалению, я ошибся, приняв гиганта за фермера, хотя сходство с тем фермером поразительное.

— Может, это его брат? Вообще-то, не только инженер везет при себе деньги: тот, с чертой бородой, говорил о значительной сумме, которую он получил и должен поделить со своими товарищами-рафтерами.

— А где они находятся?

— Сейчас они сплавляют лес на реке Черного Медведя, о которой я первый раз слышу.

— Я знаю, она впадает в Арканзас ниже Тулоя. А сколько их?

— Около двадцати, все очень дельные парни, как он говорил. А тот веселый в кожаном рубище вообще таскает с собой массу самородков и тоже держит путь на Запад. Хотел бы я знать, зачем он взял с собой золото? Кто же носит его в глуши!

— А почему нет? На Западе у разных людей разные потребности. Там есть форты, забегаловки и торговые лавки, где можно истратить кучу золота и самородков, но эти люди действительно очень беспечны. А вот зачем инженер тянет за собой в горы маленькую девчонку — вообще понять не могу!

— Она его единственная дочь, а дитя очень любит отца и не хочет с ним расставаться. Они собираются остаться в горах надолго, инженер будет строить блокгаузы ¹⁷, так что и жене и ребенку будет где жить.

— Блокгаузы? Он прямо так и сказал?

— Да.

— Для его семьи достаточно одной хижины, значит, они там будут не одни. Хотел бы я знать, что у них за цели?

— Бородач тоже спрашивал об этом, но Олд Файерхэнд ответил ему, что позже все прояснится.

— У них какая-то тайна. Может, речь идет о бонансе или о жиле, которую они хотят исследовать и втихаря заняться ее разработкой? Интересно, где находится это место...

— К сожалению, об этом они не обмолвились. Как я понял, они хотят взять с собой бородача и Тетку Дролла. Похоже, они с удовольствием общаются друг с другом: сняли соседние каюты.

— А какие, вы, случаем, не расслышали?

— Этого они не скрывали. Под первым номером живет инженер, каюту номер два занимает Олд Файерхэнд, номер три — Том, номер четыре — Тетка Дролл и в каюте номер пять расположился юный Фред.

— Кто он?

— Парень, который прибыл с Теткой.

— Это его сын?

— Нет, похоже.

— А как его фамилия и зачем он здесь?

— Об этом они не говорили.

— Каюты с первой по пятую расположены справа или слева? — уточнил Полковник.

— Если смотреть со стороны правого борта, стало быть — слева. Дочь инженера спит, конечно же, в дамской каюте... Хотя, что я тут разговаривался, вам ведь это совсем не интересно.

— Да, действительно, мы ошиблись и нас совершенно не интересует, где лежат и спят эти люди. И чего хорошего в этих тесных каютах, в них задохнуться можно! То ли дело здесь, на палубе! Какой воздух!

— Well! Но пассажиры в каютах тоже могут подышать свежим воздухом, ибо окна легко выставляются и в жару вместо них вешают марлю. Хуже всех, однако, нам. Когда ночью нет работы, мы обычно спим там, внизу, — с этими словами черный указал на люк, который неподалеку вел под палубу, — и лишь в особых случаях, с позволения офицера, нам разрешают прилечь с пассажирами. Через узкий люк воздух вообще не доходит до нас, а из трюма так и несет гнилью.

— А ваша «спальня» ведет прямо в трюм? — спросил Полковник заинтересованно.

— Именно так. Туда вниз идет лестница,

— А нельзя закрыть этот ход?

— Нет, тогда вообще спать невозможно.

— Сочувствую вам, но хватит об этом. У нас в бутылке еще осталось

бренди.

— Правда ваша, сэр, от этой болтовни горло пересохло, — оживился негр, уже достаточно подогретый спиртным. — Сейчас я пропущу еще стаканчик, а потом поищу тень, чтобы вздремнуть. Оставшиеся пять часов пройдут быстро, а там — снова к котлу. А как насчет моих долларов?

— Я сдержу слово, хотя платить и не за что. Я сам ошибся, поэтому вы здесь ни при чем. Вот три доллара, но больше не просите, ибо ваши услуги не принесли нам никакой пользы.

— Я больше и не прошу, сэр, — улыбнулся негр, вращая пьяными глазами. — За три доллара я достану столько бренди, что упьюсь насмерть. Если вам еще что-нибудь будет нужно, то обращайтесь ко мне и ни к кому другому! Можете на меня рассчитывать, сэр.

Осушив полный стакан и пошатываясь, негр отошел в сторону, а потом лег в тени большого тюка.

Трампы с любопытством поглядывали на своего предводителя. Всем было ясно, что Полковник что-то замыслил, но никто не мог сказать ничего определенного.

— Хотите объяснений? — спросил Бринкли с самодовольной ухмылкой. — Девять тысяч долларов в банкнотах наличными, не какие-нибудь там чеки или векселя, это же порядочная сумма! Деньги сами текут к нам в руки!

— Если бы они у нас были! — вырвалось у одного.

— Они уже у нас!

— Пока не вижу.

— Если я говорю, то это так.

— Но как же мы их получим? Как мы доберемся до этого ножа?

— Я принесу его.

— Из каюты?

— Да.

— Ты?

— Конечно. Такое важное дело я никому не доверю.

— А если попадешься?

— Исключено. Мой план готов, и он осуществится.

— Если так, то твой план мне по вкусу, но если инженер обнаружит пропажу, тут черт ногу сломит!

— Да, но мы будем уже далеко.

— И где же?

— Что за вопрос? На берегу, конечно.

— Вплавь? — спросил другой трамп.

— Нет, таких подвигов от вас я не жду. Я сам неплохо чувствую себя в воде, но ночью не рискнул бы пересечь эту широкую реку.

— Ты думаешь, нам удастся прихватить с парохода одну из лодок?

— Тоже нет, незаметно ее не возьмешь, так что на это надеяться не следует. Я лучше поберегусь от всяких неожиданностей.

— Тогда я не вижу способа выбраться на сушу до того, как обнаружат пропажу.

— Это говорит о том, что у тебя пустая башка. Зачем же я спрашивал о трюме?

— Откуда мне звать.

— Знать — не звать, но догадаться-то можно! Оглянись! Что стоит там у блока с якорным тросом?

— Кажется, ящик с инструментом.

— Наконец-то! Я уже заметил, что в нем лежат молотки, напильники, клещи и сверла, среди которых одно диаметром более полутора дюймов! А теперь соедини две вещи: трюм и сверло?!

— Гром и молнии! Ты хочешь продырявить посудину? — вставил чей-то сиплый голос.

— Конечно!

— Чтобы мы все пошли ко дну!

— Во дурак! Об этом и речи быть не может. Я лишь хочу, чтобы капитан приказал пристать к берегу.

— Ах так! А это возможно?

— А почему нет? Если судно дает течь, значит, есть пробоина, а если есть пробоина, нужно срочно плыть к берегу и там заниматься починкой.

— А если пробоину заметят слишком поздно?

— Все равно ничего страшного. Когда пробоина маленькая, пароход тонет медленно, а тем временем снаружи вода поднимается до уровня ватерлинии и выше, за чем должен следить офицер или рулевой, если они не слепые. Как только поднимется паника, инженер вряд ли вспомнит о ноже, а когда потом обнаружит потерю, то может помахать нам ручкой.

— А если он все же заподозрит что-нибудь раньше, а капитан подведет пароход к берегу, но не позволит никому высадиться? Надо все обдумать.

— Все равно никто ничего не найдет. Мы привяжем нож к шнурку или веревке, а другой конец закрепим на внешней стороне борта. Кто сможет его обнаружить? Лишь ясновидящий!

— Это, конечно, неплохая мысль, но что будет потом, когда мы покинем пароход? Мы же хотели на нем проплыть гораздо дальше.

— Уж с девятью тысячами можно что-нибудь придумать! Если мы

поделим деньги, то на каждого придется по четыреста долларов. Впрочем, нам не нужно будет слишком долго скитаться — найдем какую-нибудь ферму или индейскую деревню, где возьмем коней, не спрашивая у хозяев.

Бродяги переглянулись — если все будет так, как говорит Полковник — стоит попробовать!

— А потом куда? — уточнил кто-то.

— Сначала отправимся на реку Черного Медведя.

— К рафтерам, что ли, о которых болтал ниггер?

— Да. Их лагерь легко будет отыскать, и там есть чем поживиться. Естественно, мы не покажемся на глаза, а подождем чернобородого, заодно почистим и его карманы. Если там все удастся, нам хватит снаряжения для дальней поездки.

— Значит, с кассой железной дороги мы не...

— Вовсе нет. Там всегда есть несколько тысяч, и мы будем глупцами, если упустим эти деньги, но надо быть вообще безумцами, чтобы отказаться от того, что лежит рядом. Теперь вы знаете о наших планах. Заканчиваем болтовню, этот вечер у нас будет завален работой, и об отдыхе не может быть и речи, так что вздремните, чтобы быть свежими и готовыми к большому походу.

Все последовали его совету. Тем временем на судне воцарились необыкновенная тишина и покой, ибо ужасный зной вконец измотал людей. Ничто уже не могло привлечь внимание пассажиров, поэтому все решили по-настоящему отдохнуть, поспать и отвлечься от жутких событий этого дня.

Лишь к вечеру, когда солнечный круг коснулся линии горизонта, палуба снова пришла в движение. Жара понемногу спадала, и сорвался легкий ветерок. Леди и джентльмены вышли из своих кают, вдыхая свежесть вечернего бриза. Среди них был инженер вместе с женой и дочерью, которая почти оправилась от потрясения. Все трое разыскивали индейцев, поскольку обе дамы желали выразить им искреннюю благодарность, не высказанную ранее.

Оба Медведя провели все послеполуденное время с истинно индейским спокойствием на тех же самых ящиках, на которых их оставил Дролл. Завидев краснокожих, все семейство инженера тотчас направилось к ним.

— Хе — эль бах шаи — бах мателу макик ¹⁸, — произнес отец на языке тонкава, увидев приближающегося инженера с женой и дочерью.

Старый воин нахмурился, ибо для индейцев подобного рода благодарности очень обременительны. Но сын вытянул вверх перед собой

правую руку, обращенную ладонью вниз, и быстро опустил — это означало, что он другого мнения. Его глаза внимательно смотрели на девочку, которую он спас. Та подошла, мягко обхватила своими руками ладонь юного воина и произнесла:

— Ты добрый и мужественный парень. Жаль, что мы не живем рядом, а то бы я обязательно тебя полюбила.

Молодой индеец серьезно посмотрел на покрасневшую девочку и ответил:

— Моя жизнь принадлежит тебе. Великий Дух слышать эти слова, он знает, что это правда.

— Мне хочется дать тебе что-нибудь на память, чтобы ты не забывал меня... Можно?

Парень посмотрел ей в глаза и кивнул, а девочка сняла с пальца тонкий золотой перстенок и аккуратно надела его на маленький палец левой руки индейца. Тот взглянул на перстень, потом на нее, сунул руку под покрывало, отвязал что-то с шеи и протянул девочке. Это был небольшой, плотный, четырехугольный кусок кожи, аккуратно выдубленный и разглаженный, на котором оказалось выдвинуто несколько знаков.

— Я тоже сделать тебе подарок, — произнес тонкава. — Это тотем Нинтропана-Хомоша, только он из кожа, а не из Желтый Металл, но если ты когда-нибудь встретишься с индейцами и будешь в опасности, покажи его им, и опасность уйдет! Все индейцы знают эти знаки Нинтропана-Хомоша и уважать их.

Девочка не поняла, что такое тотем и какое огромное значение мог он иметь при определенных обстоятельствах. Сейчас она знала только, что вместо перстенька индеец подарил ей кусок кожи, однако она не показала виду, была по-прежнему весела и добродушна, а чтобы не обижать оказавшего ей внимание индейца, который по виду вряд ли мог быть богат, она повесила тотем себе на шею, после чего глаза молодого парня блеснули радостью.

— Благодарю тебя! — воскликнула девочка. — Теперь у тебя есть что-то от меня, а у меня — от тебя. Это будет радовать нас обоих, хотя и без подарков мы не забыли бы друг друга!

В этот момент мать спасенной поблагодарила юношу простым пожатием руки, а отец сказал:

— Как я должен отплатить Маленькому Медведю? Я не беден, но всего, что мы имеем, было бы слишком мало, чтобы отблагодарить тебя! Теперь мы навсегда твои должники. Я могу лишь вручить тебе вещь, которая необходима такому храброму воину, как ты. Маленький Медведь

примет это оружие? Я прошу его об этом!

С этими словами инженер вытащил из карманов два очень тонко сработанных револьвера с инкрустированными жемчугом рукоятками и протянул краснокожему. Молодой индеец едва сдержался, чтобы не выразить свое восхищение. Он отступил на шаг назад, выпрямился и произнес:

— Белый человек дарить мне оружие, это великая честь, ибо оружие носить только воины! Я принимать дар и обещать, что никогда не поднимать оружие на хороший человека, а стрелять только в плохой! Хуг!

С этими словами парень взял револьверы и заткнул их за пояс под покрывалом. Теперь настала очередь Большого Медведя, по лицу которого было видно, что колебаниям наступил конец и он не мог себя больше сдерживать.

— Я тоже благодарить белый муж, — сказал он Батлеру, — что он не давать денег, как невольникам или слугам, у которые нет чести! Это большая награда для нас, и мы никогда не забывать вас. Белый человек, его скво и дочь навсегда наши друзья. Пусть мой друг хорошо спрятать тотем Маленького Медведя, и Великий Дух всегда дарить ему солнце и радость!

На этом взаимные излияния закончились; обе стороны пожали друг другу руки и разошлись, а индейцы снова присели на ящик.

— Туа енох! ¹⁹ — вымолвил старик.

— Туа-туа енох! ²⁰ — подтвердил его сын. Это был зов сердца, который можно простить юному индейцу и не обвинять его в несдержанности. Его отец в душе гордился своим сыном и был рад, что не столько он сам, сколько Маленький Медведь получил заслуженную похвалу.

То, что инженер таким образом отблагодарил индейца, не было его заслугой, ибо он слишком мало знал обычаи краснокожих. У него были свои взгляды, свои предрассудки, и он мало доверял людям с иным цветом кожи и, конечно, не знал, как поступить в данном случае. Он обратился за советом, и к нему на помощь пришел Олд Файерхэнд.

Тем временем инженер вернулся к охотнику, который сидел с Томом и Дроллом перед каютой, и рассказал о том, как был принят его дар. Когда речь зашла о тотеме, стало ясно, что он и понятия не имеет о его ценности, потому Олд Файерхэнд вынужден был прервать его рассказ:

— А вы знаете, сэр, что такое тотем?

— Да, это собственный знак индейца, что-то вроде нашей печати, помещается на разных предметах и может быть изготовлен из любого

материала.

— Объяснение верно, но неполно. Не каждый индеец может иметь тотем, только вожди и лучшие воины! Тот факт, что этот мальчик, как и его отец, имеет тотем, довод очень сильный, и это значит, что парень прославил себя на деле. К тому же тотемы бывают разные, каждый предназначен для своей цели: одни, так сказать, для удостоверения личности; другие, как у нас печати или подписи, что-то подтверждают или заверяют. Но есть еще один тип тотемов, которые для нас, бледнолицых, являются самыми важными, они представляют собой рекомендацию для того, кто его получил. Рекомендации могут различаться по типу и способу их выражения, по степени значимости и рангу. Позвольте мне все же взглянуть на кожу!

Девочка подала Файерхэнду тотем, а тот внимательно его рассмотрел.

— Вы можете расшифровать эти знаки, сэр? — спросил Батлер.

— Да, — кивнул Олд Файерхэнд. — Мне часто приходилось бывать во многих индейских поселках, поэтому я, кроме языков, знаком и с письменностью. Можете мне поверить — это очень ценный тотем! Вот что здесь написано на языке тонкава: «Шахе-и-кауван-элатан, хеншон-шакин хеншон-шакин, шахе-и-кауван-элатан, хе-эль ни-йа». Эти слова в точном переводе значат: «Его тень — моя тень, а его кровь — моя кровь, он — мой старший брат». Под словами стоит знак Маленького Медведя. Сочетание слов «старший брат» в несколько раз почетнее просто слова «брат». Этот тотем, так горячо подтверждающий любовь к его владельцу, должен всячески оберегать человека, и если кто-либо посмеет сделать ему плохо, на него падет месть Маленького Медведя и его друзей. Сверните, сэр, этот тотем, пусть красная краска знаков сохранит свою свежесть. Нельзя представить, какую службу он может сослужить, если мы окажемся на территории союзников тонкава, ибо от этого кусочка кожи может зависеть жизнь многих людей!

Когда пароход миновал Озарк, Форт-Смят и Ван-Бьюрен, был уже вечер. Судно наконец достигло места, где Арканзас делал большой крюк на север, и капитан объявил, что около двух часов после полуночи «Догфиш» причалит к берегу в Форт-Гибсоне, где будет стоять у причала до самого утра, пока не будет известен уровень воды в реке. Большинство пассажиров легло спать. Палуба опустела, и в салоне осталось всего лишь несколько человек, игравших в шахматы. В расположенной рядом курительной комнате сидели Олд Файерхэнд, Том и Дролл, которые, не мешая другим, о чем-то мирно беседовали. Последние с большим почтением разговаривали с Олд Файерхэндом, который до сих пор толком не знал, кто же такой Тетка

Дролл и почему он носил такое странное прозвище. И вот настал момент, когда Дролл не без удовольствия пояснил:

— Обычно вестмены дают друг другу имена или боевые прозвища, которые отражают определенные качества. В моем спальном халате я выгляжу, конечно, как баба, а тут еще и этот фальцет! Раньше я говорил басом, но вследствие сильной простуды потерял свой собственный голос навсегда, а за то, что я, кроме того, имею привычку опекать любого хорошего парня подобно матери или тетке, меня и прозвали Тетка Дролл.

— Но Дролл — это же не ваша фамилия?

— Конечно, нет. Я очень люблю шутку, возможно, даже немного забавен, оттого и это прозвище.

— Вы не очень-то похожи на американца. Моя фамилия Винтер, Тома — Гроссер, и вы уже слышали, что мы немцы. Похоже, что ваше происхождение вы хотите сохранить в глубокой тайне.

— У меня, конечно, есть причины не говорить об этом, но вовсе не оттого, что мне есть за что стыдиться. Этих причин много...

— Как прикажете это понимать?

— Об этом позже. Я, пожалуй, знаю, что вы хотите узнать. Вас интересует, что я теперь делаю на Западе и почему со мной шестнадцатилетний парень? Очень скоро я расскажу, а что касается моего имени, то, как сказал бы поэт, оно звучит чудовищно непоэтично.

— Ерунда, никто не должен стесняться своего имени. Не берите в голову!

Дролл закрыл глаза, весь сжался и глотнул так, словно его душили, после чего с невероятными усилиями выдавил из себя три слова:

— Меня зовут Пампель.

— Что? Пампель? — улыбнулся Олд Файерхэнд. — Звучит, конечно, не очень благозвучно, но если я и засмеялся, то вовсе не от звука вашего имени, а от гримасы, которую вы скорчили. Как будто ничто, кроме паровой машины, не могло вытянуть из вас ваше имя, которое, впрочем, отнюдь не редкое. Когда-то одного тайного советника я тоже называл «пампель», и он с большим достоинством носил это прозвище ²¹, — снова улыбнулся вестмен, — Но это слово немецкое, а стало быть, в вашем роду есть немцы?

— Да.

— А родились вы в Соединенных Штатах?

На это Дролл скорчил хитрую гримасу и ответил по-немецки:

— Нет, такая мысль мне в голову не приходила, ибо я подыскал себе немецких родителей.

— Что? Так вы уроженец Германии? — воскликнул Олд Файерхэнд. — Кто бы мог подумать? Мы же земляки!

— И вы не могли подумать? А я-то всегда считал — у меня на лице написано, что я правнук древних германцев! Может, вы угадаете, где сушились мои первые пеленки?

— Это нетрудно, ибо ваш диалект говорит сам за себя.

— Еще говорит? Вы серьезно? Это в высшей степени меня радует, так как именно страстная любовь к нашему прекрасному диалекту и испортила позже всю мою карьеру, если потребно. Ну так, скажите-ка, где я родился?

— В прекрасном герцогстве Альтенбург ²², где готовят лучший творожный сыр.

— Верно, в старом Альтенбурге. Вы сразу угадали! А что касается сыра, то это истинная правда, его называют творожным, во всей Германии не сыщете лучше! Знаете ли, я хотел застать вас врасплох и потому решил сразу не признаваться, что мы земляки. Но теперь, когда мне так приятно сидеть здесь возле вас, меня разорвет в клочья, если я не коснусь нашей прекрасной родины, которая никак не выходит из головы, хотя я уже давно здесь, в этих землях.

Казалось, тотчас должна была завязаться оживленная беседа, но, к сожалению, этого не произошло, ибо в курилку из салона вошли еще двое, пресытившихся шахматами и желающих затянуться крепким дымком. Они быстро втянули вестменов в совершенно другой разговор, в родственные излияния пришлось отложить. Вскоре все разошлись по каютам, но прежде Дролл сказал Олд Файерхэнду:

— Очень жаль, что мы не сумели продолжить разговор, но завтра будет достаточно времени. Спокойной ночи, господин соотечественник! Сейчас нужно выспаться, ибо в полночь придется снова вставать.

В салоне погас свет, все каюты были заняты, и на судне воцарилась полная тишина, если не считать стука паровой машины. На палубе, как и положено, горели два фонаря, один на носу, другой на корме. Первый освещал реку так хорошо, что стоявшему на вахте матросу открывался широкий обзор перед судном на расстоянии нескольких десятков метров, что позволяло вовремя заметить препятствия. Матрос, рулевой и прогуливающийся взад-вперед офицер, казалось, были единственными, кто не спал в тот вечер, не считая obsługi в машинном отделении.

Трампы пока лежали на достаточном удалении от всех остальных, делая вид, что спят. Предусмотрительный Полковник разместил своих людей вокруг ведущего вниз люка, чтобы никто не мог подойти к ним незамеченным.

— Проклятье! — злобно бросил Бринкли тому, кто лежал рядом. — Не подумал я о том, что ночью у них кто-то будет стоять, наблюдая за водой. Этот болван может все испортить.

— Вряд ли, — отозвался его сосед. — Он не видит люка, а сегодня и звезд-то нет. К тому же свет с кормы ему в лицо, он ослепит бездельника, если ему вздумается смотреть в нашу сторону. Когда начинаем?

— Сейчас, — решительно отрезал Полковник. — Времени нет — вот-вот появится Форт-Гибсон.

— Сначала, разумеется, возьмем деньги.

Полковник окинул напарника уничтожающим взглядом и ответил:

— Нет, это было бы неразумно. Если инженер заметит пропажу раньше, чем мы причалим, план рухнет. Нам надо все закончить, прежде чем я возьму деньги, ибо гораздо проще выхватить нож в суматохе и смыться. Сверло давно у меня, и я сейчас спущусь вниз, а ты, если что, кашляни погромче — я должен услышать.

— А как рука?

— Да я уже и забыл — пуля этого Файерхэнда только царапнула ее.

Под прикрытием темноты Полковник прокрался к отверстию и нащупал ногой узкую лестницу, ведущую вниз. Быстро преодолев десять ступеней, он, одной рукой держась за лестницу, другой сжимая сверло, ступил на прогнивший пол. Наткнувшись на другой люк, ведущий дальше вниз, он снова спустился по лестнице, имевшей гораздо больше ступеней, чем верхняя. Наконец он добрался до самого днища. Чиркнув спичкой, Бринкли осветил вокруг. Ему пришлось пройти дальше и сжечь еще не одну спичку.

Пространство, в котором он оказался, имело высоту человеческого роста и вело почти до середины судна. Теперь Полковник мог оценить всю ширину нижнего трюма парохода, ибо он был пуст и ничего, кроме нескольких лежавших вокруг мешков, видно не было. Трамп пробрался к левому борту, и приложил толстое сверло к деревянной стежке судна, разумеется, ближе к днищу, и с силой надавил на рукоять. Сначала дерево легко поддалось, но вскоре Полковник натолкнулся на сильное сопротивление. Он боялся, хватит ли длины сверла, чтобы пробурить борт, но пока сверло вошло только наполовину. Полковник смахнул пот со лба, и тут его осенило — это же жестяная обшивка, которой покрывают корпус днища. Чтобы продырявить пароход наверняка, нужно было просверлить по меньшей мере два отверстия, и Бринкли, не без труда вынув инструмент, приложил его в другом месте. Снова запахло свежей стружкой, и снова Бринкли уперся в обшивку, но это его не обескуражило, ибо в этот момент

он нащупал камни, используемые в качестве балласта. Взяв один из камней, Полковник вернулся к торчащему сверлу и стал бить по рукоятке, пока инструмент не прошел жезь насквозь. Маленькая струйка воды брызнула на руки негодяю, когда же он вытащил сверло, сильная струя хлынула внутрь, вынудив злоумышленника отскочить в сторону. Удары камня сливались со звуками паровой машины, так что их вряд ли кто мог слышать. Полковник быстро пробил жезь и в другом месте, которое было ближе к лестнице, а потом ринулся наверх, держа в руках сверло, достиг ступеней, ведущих на палубу, и лишь тогда отшвырнул ненужный теперь инструмент. Зачем он? Только лишний груз.

Оказавшись среди своих, Бринклин сообщил, что все в порядке, и тотчас, крадучись, направился к каюте номер один. Никому из сообщников он не доверял, а потому решил все сделать сам.

Салон и курительная комната располагались около юта, а по обеим сторонам от них были каюты, каждая из которых имела двери, ведущие в салон. Наружные стены, сработанные из легких досок, были снабжены достаточно большими окнами, отверстия которых прикрывали лишь марли. Между рядами кают и бортом с обеих сторон тянулся узкий коридор.

Каюта номер один была самой ближней и находилась на углу. Бринкли лег на палубные доски и осторожно пополз вперед, прижимаясь к поручням, чтобы постоянно патрулирующий дежурный офицер не смог его заметить. Вскоре он благополучно достиг цели. Через марлю окна первой каюты пробивался легкий свет, должно быть, Батлер еще не спал, а может, читал?

Полковник успокоился, когда увидел, что и в других каютах мерцал свет. Освещение было ему на руку, ибо в темноте обнаружить предмет его вождения достаточно тяжело. Бандит вытащил нож и, не раздумывая, разрезал марлю, после чего, стараясь не шуметь, заглянул внутрь. Занавеска мешала ему осмотреть каюту, и он тихо отодвинул ее в сторону. При виде того, что открылось его взгляду, Бринкли едва не вскрикнул от восторга.

Слева у ложа горел ночник, прикрытый платком, чтобы не мешать спящему, который лежал лицом к стене. Рядом на стуле висела его одежда, а у правой стены на раскладном столике лежали часы, кошелек и нож. Дотянуться до столика можно было прямо из окна, поэтому Полковник протянул руку и взял нож, оставив кошелек и сигару. Вытащив нож из чехла, он попробовал открутить ручку — она поддалась и легко открутилась, подобно тому, как открываются игольницы или коробки для перьев — этого было достаточно.

«Дьявольщина, как все легко и просто! — подумал вор. — При любых других обстоятельствах пришлось бы войти внутрь и задушить этого инженера!»

Никто не заметил его вылазки, ибо окно выходило на правый борт, а Полковник тем временем бросил чехол в воду, заткнул нож за пояс и пополз обратно. Он снова благополучно миновал офицера и двинулся было дальше, как вдруг слева он заметил какие-то фосфоресцирующие огоньки, которые тут же исчезли. Это были глаза, и Бринкли знал об этом. Полковник двинулся вперед быстрее, но по-прежнему осторожно, а потом резко откатился в сторону. И вовремя! Оттуда, где только что блеснули глаза, послышался шум, который тотчас услышал офицер и ринулся на звук.

— Кто здесь? — раздался его голос.

— Я, Нинтропан-Хауей, — последовал ответ.

— А, индеец! Иди спать!

— Здесь кто-то ползает, он злое замышлять. Я видеть его, но он быстро удрать.

— Куда?

— Вперед, туда, где лежать Полковник, а может, это он быть.

— Тьфу! Кому это понадобилось здесь лазить? Спи и не мешай другим, там никого нет!

— Я идти спать, но не буду виноват, если что-то плохое происходить, — сказал старик и исчез.

Офицер долго прислушивался, но никаких подозрительных звуков до него не дошло. Это укрепило его в уверенности, что индейцу померещилось.

Прошло достаточно много времени, как вдруг с вахты его позвали на нос.

— Сэр, — обратился матрос. — Не пойму, в чем дело, но такое ощущение, что поднимается вода и судно тонет!

— Чепуха! — засмеялся офицер.

— Идите сюда и посмотрите сами!

Офицер перегнулся через борт со стороны носа и, ничего не говоря, поспешил в каюту капитана. Через пару минут они оба пробежали по палубе и посветили фонарем за бортом. Потом принесли второй фонарь, после чего офицер бросился в задний люк, чтобы обследовать трюм, а капитан — в передний, у которого трампов, конечно, уже не было. Через некоторое время капитан вернулся и поспешил к рулевому.

— Он не хочет поднимать тревогу, — шепнул Полковник своим

людям. — Сейчас увидите, что пароход поплывет к берегу!

Он не ошибся; тайно были подняты матросы и рабочие, и судно сменило курс. Но без лишнего шума, однако, не обошлось, и те, кто спал на палубе, все же проснулись, а кое-кто вышел из кают.

— Ничего не случилось, все в порядке, господа! — громко вещал капитан. — У нас обнаружилось немного воды в трюме, и необходимо ее откачать. Мы сейчас причалим, а кто сильно боится, может сойти на берег.

Капитан хотел успокоить толпу, но получилось наоборот. Кто-то даже начал кричать о помощи, каюты опустели, назревала большая паника, и, в конце концов, все пришло в беспорядок. В этот момент свет фонарей упал на высокий берег, судно сделало поворот, чтобы стать параллельно к нему, и бросило якорь. Два достаточно длинных трапа были спущены, и страждущие тотчас ринулись на сушу, а впереди всех оказались, естественно, обрадованные трампы, которые тотчас растворились в темноте.

На палубе, кроме экипажа, остались только Олд Файерхэнд, Том, Дролл и Большой Медведь. Первый отправился вниз, чтобы разглядеть, что же случилось, а вскоре с фонарем в правой и сверлом в левой руке охотник вылез наружу и спросил капитана, следившего за установкой насоса:

— Сэр, а где место этого сверла?

— Там, в ящике для инструментов, — ответил один из матросов, — оно еще вчера лежало в нем.

— Да? А я его нашел внизу, на межпалубном перекрытии. Смотрите, конец согнут о корабельную обшивку. Бьюсь об заклад, что этим сверлом продырявили судно.

Слова эти прозвучали еще убедительнее, когда инженер, который отправил на берег жену с дочкой и вернулся, чтобы закончить сборы и одеться, быстро выскочил из каюты и громко закричал:

— Меня обокрали! Девять тысяч долларов! Кто-то разрезал марлю и взял их со стола!

Большой Медведь посмотрел на растерянного Батлера и еще громче крикнул:

— Я знаю, что это Полковник украсть и потопить пароход. Я его видеть, но офицер мне не верить! Спросить черный кочегар! Он пить с Полковником, ходить в салон и мыть окно; он приходит и пить снова; он должен все говорить!

Присутствующие тотчас окружили индейца и инженера, пытаюсь разобраться в происходящем. В этот миг со стороны суши, чуть ниже места стоянки судна, раздался индейский клич.

— Это Маленький Медведь! — пояснил старый индеец. — Я послать его за Полковник, который быстро на берег сбежать. Теперь молодой воин говорить, где он.

Через минуту юный индеец мчался по трапу и кричал, указывая на реку, которая хорошо освещалась всеми имеющимися на судне фонарями:

— Они там грести прочь! Маленький Медведь сначала не найти Полковник, но потом увидеть лодка, которую они отвязать и плыть на другой берег!

Теперь все стало ясно, но ничего, кроме как посмотреть вслед убегающим на шлюпке, сделать уже было нельзя. Трампы, воспользовавшиеся суматохой и в темноте отвязавшие шлюпку, теперь плыли в ней и не сдерживали ликующих криков, на которые матросы, обслуга и большая часть пассажиров отвечали яростными проклятиями. В панике никто не обратил внимания на индейцев, которые снова тихо куда-то исчезли. В конце концов, не без помощи Олд Файерхэнда, люди успокоились, а когда стало тише, все снова услышали голоса тонкава, доносившиеся со стороны воды:

— Большой Медведь брать маленькая лодка. Он настигнуть Полковник и отомстить! Большой Медведь на том берегу привязать лодка, и капитан находить ее! Вождь тонкава не позволять Полковник уходить! Большой и Маленький Медведи жаждать его кровь! Хуг!

Индейцы втихаря сняли с бака еще одну шлюпку и теперь поплыли следом за ворами. Капитан вне себя бегал по палубе, но его гнев был совершенно напрасен. Пока команда возилась с насосом, допросили чернокожего кочегара. Олд Файерхэнд так припер его к стене своими вопросами, что тому ничего не оставалось, как выложить все начистоту. Все оказалось очень просто: Полковник был вором и сам продырявил судно, чтобы до обнаружения пропажи беспрепятственно покинуть его вместе со своими дружками. Негру такое пособничество с рук не сошло: его связали, чтобы хорошенько отделать розгами, но к суду его, конечно, никто привлекать не собирался.

Вскоре насос легко справился с водой, маленькие дырки были тщательно заделаны, пароход был теперь вне опасности, а значит, через некоторое время мог продолжить плавание, успокоившиеся пассажиры имели возможность вернуться на судно и снова отдохнуть. Многих мало заботило потерянное время, ибо они были рады перерыву в долгом и нудном путешествии.

В худшем положении оказался Батлер — он был обворован на приличную сумму, которую теперь должен был возвратить. Олд Файерхэнд

как мог старался успокоить его:

— Еще есть надежда, что деньги будут возвращены. Ради Бога плывите дальше с женой и дочкой! Встретимся снова у вашего брата.

— Как? Вы покидаете нас?

— Да, я собираюсь отправиться за Полковником — вернуть ему кое-какие долги.

— Но это очень опасно!

— Олд Файерхэнд не тот человек, кого может запугать кучка бродяг.

— И все же я попрошу вас не делать этого, в конце концов, шут с ними, с этими деньгами!

— Сэр, речь идет не только о ваших девяти тысячах долларов, но о много большем! Трампы, благодаря негру, узнали, что и Том везет с собой немалые деньги, которые ждут его товарищи с реки Черного Медведя. Думаю, что и там они захотят пополнить свои карманы и на карту будет поставлена человеческая жизнь. Оба тонкава идут за ними по пятам, как гончие псы, и с восходом солнца мы пойдем по их следу: и я, и Том, и Дролл со своим Фредом, не так ли, господа?

— Да, — просто, но твердо ответил Том.

— Именно так, — подтвердил Дролл, прищурился хитрые глазки, и добавил:

— Мы должны его схватить, хотя бы ради других! Горе ему, когда он попадет к нам в руки, если потребно!

Глава третья. НОЧНАЯ СХВАТКА

На высоком берегу реки Черного Медведя пылал большой костер. Над рекой зависла луна, но ее скудный свет почти не проникал сквозь густые кроны деревьев, и, если бы не огонь, кругом царила бы кромешная тьма. Пламя костра освещало блокгауз, сооруженный не традиционным способом из горизонтально сложенных стволов, а совершенно по-иному: у деревьев, стоявших по углам правильного четырехугольника, были срезаны верхушки, а на стволы положены поперечины, на которые опиралась крыша; крыша и стены были сработаны из колотых досок клинообразного сечения, которые обычно делают из очищенных от веток стволов кипариса или красного дуба. В передней стене постройки зияли три отверстия: большое служило дверью, а два маленьких — окнами. Перед этим домом горел упомянутый костер, вокруг которого сидело два десятка диковатых на вид мужчин, давно, похоже, не входивших в контакт с цивилизацией. Их одежда была оборвана, а лица, опаленные солнцем, ветром и непогодой, казались выдубленными. Кроме ножей, другого оружия они не имели; возможно, оно лежало в блокгаузе.

Над огнем на толстом суку висел большой железный котел, в котором варились крупные куски мяса, рядом лежали две огромные тыквы с выдолбленной серединой, наполненные забродившим медовым напитком. Ведя оживленный разговор, люди временами прихлебывали из тыквы или черпали ковшом из котла мясной бульон.

Компания, похоже, чувствовала себя в полной безопасности — никто не старался говорить тише. Конечно, если бы у этих людей имелись враги, то огонь, пожалуй, был бы разведен по-индейски, тогда костер бы едва курился, чтобы издали никто не мог его заметить. К стене дома были прислонены топоры, секиры, пилы и другое нехитрое плотницкое снаряжение, по которому нетрудно было догадаться, что это товарищество рафтеров, то есть лесорубов и сплавщиков леса.

Эти люди являли собой совершенно обособленный тип пионеров Запада, занимающих среднее положение между фермерами и охотниками за пушниной. В то время как фермер более цивилизован и ведет оседлый образ жизни, траппер не привязан к одному месту и своей волей к свободе стоит ближе к индейцам. Так же и рафтер, он ведет свободное, почти независимое существование, кочует из одного штата в другой, из другого — в третий. Людей и жилища он избегает, ибо его ремесло, собственно

говоря, противозаконно, ведь земля, на которой он рубит лес, не принадлежит ему, а вопросами о собственности он себя не обременяет. Найдя подходящую породу, а поблизости — воду, по которой можно сплавлять стволы, рафтеры разворачивают свое дело и не заботятся о том, принадлежит ли земля конгрессу или это уже частное владение. Они спокойно рубят, валят и обрабатывают стволы, выискивая при этом самые лучшие породы, связывают их в плоты и сплавляют отборный товар на продажу куда-нибудь вниз по реке.

Рафтер — не из числа желанных гостей. Хотя иные неопытные поселенцы в девственных лесах, возможно, и были бы рады помощи такого знатока, но рафтер никогда просто так не корчует деревья, он выбирает, как уже отмечалось, только лучшие стволы, а отпиленную крону и пни оставляет на месте, где впоследствии пустят ростки молодые побеги, которые благодаря дикому винограду и другим вьющимся растениям так крепко сплетутся воедино, что против них бессильны топор и даже огонь.

И все же рафтеру обычно никто не мешает, ибо он сильный и отважный малый, с которым в глуши, вдали от всяческой помощи не стоит ссориться. Один он, разумеется, работать не может, а потому рафтеры собираются в товарищества по четыре, по восемь или по десять человек. Иногда количество сплавщиков еще больше, и тогда рафтер чувствует себя в полной безопасности, ибо со столькими людьми, готовыми из-за древесных стволов рисковать жизнью, ни один фермер, ни кто-либо другой не затеет спор.

Конечно, они ведут тяжелую, со множеством лишений, напряженную жизнь, но и дело сулит огромную прибыль, ибо материал у них бесплатен. Обычно все они работают, а один или несколько, что зависит от количества людей в товариществе, заботятся о пище и провианте. Такая должность считается одной из самых трудных, ибо те, кто заботятся о провизии, часто вынуждены целыми днями, а иногда и ночами скитаться, чтобы «заготовить мясо». В богатых дичью местах с этим нет проблем, но если дичи мало, у охотника возникает много трудностей, у него не остается времени искать мед или другие деликатесы, и тогда лесорубам приходится довольствоваться такими кусками мяса, от которых любой вестмен безразлично отворотит нос, а иногда даже потрохами.

Товарищество, работающее здесь, на реке Черного Медведя, не страдало от нехватки мяса, о чем говорил полный котел, а поэтому все пребывали в хорошем настроении, позволив себе расслабиться и пошутить после тяжелой дневной работы. Захватывающие, нередко дающие повод для улыбки рассказы были в самом разгаре.

— Так, должно быть, вы его знаете, этого человека, которого я встретил там; в верховьях, в форту Найобрэра... — начал очередную историю старый, седобородый рафтер. — Он был мужчиной, и все же его прозвали Теткой.

— Ты имеешь в виду Тетку Дролла? — спросил другой.

— Да, его и никого другого! Ты тоже его встречал?

— Да виделись один раз. Это было в Де-Мойне, в гостинице; когда он там появился, многие засмеялись. Один из завсегдатаев особенно разошелся, не давал ему покоя, тогда Дролл взял его за воротник и выбросил из окна. Хе-хе! Тот больше не показывался.

— Охотно верю — этого от Тетки можно ожидать. Дролл любит шутки и ничего не имеет против, когда над ним подсмеиваются, но только в меру, а если кто-то переходит дозволенные границы, он показывает зубы. А вообще, я сам убил бы любого, кто действительно посмел бы его оскорбить.

— Ты, Блентер? Это почему же?

— Потому что я обязан ему жизнью. Мы вместе были в плену у сиу. Я говорю вам, что тогда, как пить дать, краснокожие с большой радостью отправили бы меня в Страну Вечной Охоты. Вам нет нужды рассказывать, что я не из тех, кто струхнет перед парой-тройкой индейцев, и не скулю, если дела идут навыворот, тогда действительно не было никакой надежды и никакого выхода. Но этот Дролл оказался несравненным ловкачом: он так пустил пыль в глаза краснокожим, что те не смогли ничего понять, а нам удалось скрыться.

— Как это было? Как? Рассказывай, рассказывай!

— Если тебя не очень обидит, я лучше помолчу. Не пристало говорить о тех событиях, где тебе отводится никчемная роль, да еще к тому же когда тебя одурачили краснокожие. Достаточно того, что я скажу: если я сегодня сижу здесь и могу слизывать с пальцев жир ароматного мяса, то только благодаря Тетке Дроллу.

— Должно быть, тогда ты влип по уши, раз говоришь такие вещи, ведь тебя, Миссури-Блентера, все знают как вестмена, который выпутается из любой передраги!

— Но тогда, однако, выхода я не видел, я уже почти стоял у столба пыток!

— Если так, то твое дело действительно было дрянь! Дьявольское изобретение этот столб пыток! Я готов разорвать этих краснокожих каналов, лишь только услышу об этом столбе!

— Ты не ведаешь, что творишь и говоришь! Кто ненавидит всех

индейцев, тот ничего в них не смыслит и знать не хочет, что им пришлось вытерпеть! Если бы сейчас кто-нибудь пришел, чтобы прогнать нас отсюда, что бы ты стал делать? — хитро прищурился старый Миссури-Блентер.

— Защищаться, во что бы то ни стало!

— А разве эта земля твоя собственная?

— Не знаю и звать не хочу, чья она, но я ее не покупал.

— Вот так, краснокожим принадлежит весь этот край, но мы его захватили, а когда они защищаются, имея больше прав, ты готов их разорвать?!

— Хм! Это верно, но краснокожий должен уйти, он вымрет — такова его судьба!

— Да, индеец вымирает, но потому, что мы убиваем его! Говорят, что у него нет культуры и он должен исчезнуть, но ведь культуру не выпустишь, как пулю из ружья, на это нужно время, много времени, может быть, столетие. Но кто даст ему это время? Если ты отдаешь шестилетнего мальчишку в школу, а он через четверть часа не становится профессором, разве ты бьешь его за это по голове? А именно так поступают с индейцами. Я не берусь защищать их, так как ничего в этом не смыслю, но я знаю среди них не меньше хороших людей, чем среди белых, а может, и больше. Кому я обязан, что не имею ни кола, ни двора, ни семьи, что я, седой старик, все еще скитаюсь по Дикому Западу? Бледнолицым или краснокожим?

— Откуда мне знать, ты не говорил!

— Потому что настоящий мужчина лучше похоронит все в своем сердце, нежели скажет. Я все еще ищу одного типа, последнего из тех, кто от меня улизнул и остался в живых, их предводителя, черт бы его побрал! Случай со мной скверный!

Старик произнес эти слова медленно, значительно, скрепя сердце, что сразу возбудило внимание товарищей, которые придвинулись ближе и вопрошающими взглядами уставились на Блентера, не говоря при этом ни слова. Тот некоторое время глядел в огонь, затем поворошил ногой пылающие поленья и словно сам с собой заговорил:

— Я не застрелил их и не прирезал, а забил до смерти плетьюми одного за другим. Я должен был схватить их живыми, чтобы они умирали точно так же, как вся моя семья, жена и двое сыновей. Подонков было шестеро; пятерых я настиг за короткое время, но шестой как в воду канул. Я охотился за ним по всем Штатам, и все равно ему удалось замести следы. Я до сих пор его не встретил, но он жив, ибо был значительно моложе меня. Теперь я лишь надеюсь, что мои старые глаза смогут его узнать, прежде

чем я отдам концы.

Наступило глубокое молчание — все почувствовали, что речь шла о чем-то очень необычайном и сокровенном. После долгой паузы один из рафтеров все же рискнул спросить:

— Блентер, кто был тот человек?

Старик очнулся от раздумий и ответил:

— Кто? Уж точно не индеец, а белый изверг, какого и среди краснокожих не найдешь. Да, люди, могу сказать, что он был тем, кем и мы — рафтером!

— Как? Рафтеры убили твоих близких?

— Да, рафтеры! У меня вовсе нет никакого повода гордиться вашим промыслом и воображать, что вы лучше краснокожих. Раз мы здесь сидим, значит, все мы воры и мошенники!

Послышались бурные протесты, но старик продолжал, совсем не смущаясь:

— Эта река, у которой мы находимся, тот лес, деревья которого мы рубим и продаем — все это не наша собственность. Но мы застрелим любого, будь то сам владелец, кто посмеет посягнуть на все это, хотя сами не имеем никаких прав. Разве это не воровство? Разве не грабеж?

Он посмотрел вокруг и, не получив ответа, продолжал:

— Вот с такими грабителями я и имел тогда дело. Я прибыл с Миссури с честным договором купли-продажи в кармане вместе с женой и сыновьями. Мы имели скот, несколько лошадей, свиней и большой фургон, полный домашней утвари, ибо тогда я жил безбедно, скажу вам. Ни одного поселенца не было вблизи, но мы ни в ком не нуждались, ведь четырьмя парами сильных и привыкших к работе рук мы могли все сделать сами. Скоро мы построили блокгауз, выжгли и выкорчевали участок под пашню и начали обрабатывать землю. Как-то раз у меня пропала корова, и я пошел в лес ее искать. Тут я услышал удары топора и двинулся на стук. Достигнув того места, я нашел там шесть рафтеров, которые рубили мои деревья. Рядом лежала корова, они застрелили ее, чтобы сожрать. Ну, друзья, что бы вы сделали на моем месте?

— Пристрелили бы наглецов, — ответил один. — Здесь, на Западе, кража лошади или коровы по полному праву карается смертью.

— Правильно, но я так не сделал. Я лишь потребовал, чтобы они тотчас ушли с моей земли и заплатили за корову. Разве я просил слишком много?

— Нет, нет! — прозвучало в кругу. — И что же?

— Они подняли меня на смех, и я ушел. Но пошел домой не прямой

дорогой, ибо хотел подстрелить что-нибудь к ужину. Когда я вернулся, увидел, что пропали еще две коровы. Рафтеры сделали это назло и дали понять, что меня ни во что не ставят. Когда я на следующее утро пришел к ним, они разделали животных на части, а вырезки повесили сушиться на пеммикан. Мое повторное, хотя и более жесткое, требование было встречено, как и накануне. Я пригрозил им, что воспользуюсь всеми своими правами, потребовал денег, и при этом я поднял ружье. В ответ один из них, который был предводителем, также вскинул ружье. Я понял, что он не намерен шутить, нажал на курок, и моя пуля разбила затвор его пушки, ибо я не хотел его ранить и целил в оружие. Тут же я бросился в лес, чтобы позвать сыновей. Нам втроем нечего было бояться этих шестерых, но, когда мы появились, их уже не было. Конечно, теперь требовалась осторожность; несколько дней никто не удалялся от блокауза, но на четвертый день кончилась пища, и я с одним из сыновей отправился на поиски живности. Никаких следов рафтеров мы не обнаружили, а когда возвращались и тихо пробирались через лес, неожиданно увидели опасность, подстерегавшую нас на расстоянии, быть может, двадцати шагов — за деревом стоял предводитель рафтеров. Он целился не в меня, а в моего сына. Если бы я тогда сразу пристрелил этого парня, на что имел полное право и что просто должен был сделать, то не лишился бы сыновей и не стал бы вдовцом. Но я никогда ни за что не убью человека просто так, поэтому мы успели быстро подскочить к нему, вырвали ружье, нож и пистолет, а я так приложил ему, что он на какой-то миг больше не поднимался с земли, чем усыпил мою бдительность. На самом деле он не потерял сознание и оказался проворнее меня, ибо в мгновение ока вскочил, бросившись прочь, прежде чем я успел протянуть к нему руку.

— Дьявольщина! За эту оплошность ты вскоре поплатишься! — вырвалось у кого-то. — Бьюсь об заклад, что этот человек отомстил за твой удар!

— Да, он отомстил мне, — кивнул старый Блентер и поднялся. Казалось, что старого рафтера душили воспоминания. Он походил взад-вперед, а потом снова сел и продолжил: — С охотой нам повезло, и мы скоро вернулись домой. Когда я пошел за дом, чтобы сложить добычу, мне показалось, что я услышал крик ужаса, но, к сожалению, не обратил на него внимания. А потом, войдя в дом, я увидел у очага моих людей, моих родных, связанных, с кляпами во рту. В тот же миг меня схватили, скрутили и бросили на пол. Пока нас не было, рафтеры пришли, напали на жену и младшего сына, а потом поджидали и нас. Когда старший сын раньше меня зашел в дом, бандиты кинулись на него, и он едва успел, чтобы

предупредить меня, издать короткий крик, на который я не среагировал, думая, что мне померещилось. Я ничего не успел понять, как уже лежал связанный, даже не помышляя о сопротивлении. В рот потом мне воткнули какие-то тряпки, чтобы я не издал ни звука.

— Ты сам виноват! Почему ты потерял осторожность? Тот, кто враждует с рафтерами, должен остерегаться вдвойне!

— Верно, но тогда у меня не было нынешнего опыта. Убей рафтеры мою корову сейчас, я бы тотчас перестрелял бы их, как куропаток! Но, дальше! Они собрали суд, на котором объявили меня преступником. Негодяи добрались до моего бренди и так напились, что не только потеряли человеческий облик, но даже и на зверей не были похожи, превратившись в настоящих бестий. Наша смерть должна была стать карой за избиение их предводителя. В отместку за мой удар тот потребовал, чтобы нас попросту забили насмерть. Двое согласились с ним, но трое оказались против, однако решение все равно было принято. Всех вытащили во двор. Первой была моя жена. Связав ее, бандиты начали бить ее палками. Один из них в приливе внезапной жалости быстро всадил ей пулю в голову. Сыновьям повезло меньше: они были методично забиты насмерть. А я лежал и должен был на все это смотреть, ибо оказался последним! Люди, говорю вам, тот час показался мне вечностью! Я не буду и пытаться рассказывать, какие мысли и чувства у меня были тогда! Я был как безумный, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Потом пришла моя очередь, но я не чувствовал ударов. Помню только, что внезапно услышал грозный окрик, который прозвучал со стороны кукурузного поля. Рафтеры не сразу обратили на него внимание, и тогда раздался выстрел, а я к тому времени совсем обессилел.

— Пришли люди, которые спасли тебя?

— Люди? Нет, он был один! Уже почти в забытьи я успел подумать, что моя жизнь не стоит и пенни, если не произойдет чуда. Вот тогда я услышал окрик и выстрел. Выстрел был предупреждающий, в воздух, ибо человек поначалу не знал, что имеет дело с убийцами. Когда потом мой спаситель быстро приблизился, один из бандитов в ужасе выкрикнул его имя, так как узнал его лицо. Трусливо убивать им было не трудно, но теперь эти шестеро даже не рискнули сопротивляться одному человеку, ибо настоящего мужества у них не было ни на грош. Без оглядки они кинулись в лес, прикрываясь домом, как щитом.

— Должно быть, твой спаситель был знаменитейшим вестменом, прошедшим огонь и воду, — сделал вывод кто-то.

— Вестменом? Нет! Он был индейцем! Да, люди, говорю вам, меня

освободил краснокожий!

— Краснокожий? И он вселил такой страх, что шесть бандитов бросились наутек? Никогда не поверю!

— Не сомневайся! Ты и сам, если бы задумал что худое, побросал бы все на свете, ибо им был не кто иной, как Виннету!

— Виннету, апач? Твое счастье! Тогда это очень даже похоже на правду. А он и в те времена был так знаменит?!

— Тогда, конечно, молва о нем только начинала расходиться, но один из негодяев, тот, кто первым узнал воина, уже встречался с ним и вовсе не желал столкнуться еще раз. Вообще, кто хоть раз видел Виннету, знает, какое впечатление производит лишь одно его появление!

— Но он позволил уйти тем убийцам?

— Поначалу да. А ты поступил бы иначе? По их поспешному бегству, он, разумеется, понял, что у них не было хороших намерений, но он не знал все же действительного состояния дел. Лишь когда он увидел на земле трупы, которых до того момента не мог заметить, он понял, что совершено преступление, но не мог преследовать бандитов, так как начал приводить меня в чувство. Очнувшись, я увидел, что он стоит надо мной на коленях, точь-в-точь как добрый самаритянин из Священного Писания. Апач освободил меня от веревок и кляпа, но запретил мне говорить. Не чувствуя боли, я хотел вскочить, обуреваемый лишь мыслью о мести, но индеец мне не позволил. Он перенес трупы и меня домой, где я уже мог легко отбиться от рафтеров, если бы им взбрела в голову идея вернуться. Потом он направился к ближайшему соседу, чтобы найти хоть кого-нибудь, кто мог бы временно остаться со мной. Скажу вам, что тот сосед жил в тридцати милях от нас, а Виннету никогда не был в этих краях! Несмотря на это, он его нашел, хотя и вечером, а к утру уже вернулся вместе с ним и его слугой. После этого апач оставил нас, чтобы идти по следу убийц, а я должен был ему свято обещать, что ничего не предприму, ибо это бессмысленно. Он вернулся через неделю. Я тем временем похоронил мертвых и попросил соседа, чтобы он продал мои владения. Мое разбитое тело еще не было совсем здорово, и я в страшных муках дожидался возвращения апача. Он рассказал, что догнал рафтеров и, подслушав их, узнал, что они собираются добраться до форта Смоки-Хилл. Индеец не стал показываться им и ничего не сделал, ибо месть лежала целиком на мне. Как только мы простились, я взял ружье, сел на коня и двинулся в путь. Остальное вы уже знаете или можете домыслить сами.

— Мы ничего не знаем! Рассказывай дальше, рассказывай! Почему Виннету не поехал с тобой?

— У него были свои дела. Или он мало для меня сделал? Дальше рассказывать я не буду — для меня это небольшое удовольствие, уж будьте уверены! Пятерых мучителей я прикончил одного за другим, и только шестой ушел от меня. Он был рафтером, потому и я занялся этим ремеслом в надежде отыскать его. А теперь... Смотри! Это что за люди?

Старый Блентер вскочил, другие последовали его примеру, ибо в тот момент в полосу света, падающего от костра, ступили две фигуры в пестрых покрывалах, скрывающих их лица. Это были индейцы: один старый, другой молодой. Первый спокойно поднял руку вверх и изрек на ломаном английском:

— Не волноваться, мы не враги! Здесь работать лесорубы, которые знают Черный Том?

— Да, мы знаем его, — ответил Блентер.

— Он уехал от вас, чтобы привезти деньги?

Белые переглянулись.

— Да, ему это было поручено, и он должен вернуться в течение этой недели.

— Он приходит еще скорее. Значит, мы у верных людей, которые мы искать. Нужно сделать маленький огонь, иначе его далеко видеть, и тише говорить, так как далеко слышать.

Белые снова переглянулись — что это за краснокожий, требующий выполнения своих желаний?!

Старый индеец тем временем сбросил покрывало, подошел к огню и разбросал в стороны горящие поленья, потушил их, оставив гореть одно, и почти загасил костер. Молодой воин помогал ему. Бросив взгляд в сторону котла, старик присел рядом и сказал:

— Давать нам кусок мяса, ибо мы издавна скакать и ничего не есть.

Такое самоуправство, естественно, вызвало у рафтеров не только удивление. Старый миссуриец раздраженно проговорил:

— Эй, что взбрело тебе в голову, краснокожий? Ты рискнул прийти к нам ночью и ведешь себя так, будто это место принадлежит тебе!

— Мы ничем не рискуем, — прозвучало в ответ. — Индеец не быть плохой человек, индеец быть хороший человек. Бледнолицые знают это.

— Но кто же ты? Во всяком случае, ты не принадлежишь ни к одному из племен, живущих на берегах рек или в прерии. По внешнему виду могу сказать, что ты из Нью-Мексико. А может, ты пуэбло? ²³

— Я родом из Нью-Мексико, но я быть не пуэбло. Я вождь тонкава Большой Медведь, а это мой сын.

— Что? Большой Медведь? — воскликнули сразу несколько человек, а

миссуриец добавил:

— А этого парня зовут Маленький Медведь, да?

Старый индеец кивнул.

— Тогда другое дело! Оба Медведя тонкава везде желанные гости! Берите мясо и мед, все, что нравится, и оставайтесь с нами, сколько пожелаете. Но что привело вас сюда?

— Мы пришли предупредить.

— О чем? Нам грозит опасность? — улыбнулся Блентер.

— И очень большая, — серьезно ответил вождь. — Тонкава сначала поест и приводить кони, потом говорить.

Отец дал знак сыну, после чего тот исчез, а вождь взял из котла кусок дымящегося мяса и принялся жевать с таким спокойствием, словно сидел дома в своем теплом вигваме.

— У вас есть кони?! — удивился старик Блентер. — Ночью в темном лесу? При этом вы нашли нас! Ну вы и мастера!

— Тонкава имеет глаза и уши. Он знает, рафтеры всегда жить у воды, у реки. Вы очень громко говорить и большой огонь разжечь, который мы заметить издали, а почувствовать еще раньше. Вы очень неосторожны, и враги легко вас найти.

— Здесь нет никаких врагов. Мы одни на всю округу, а если что случится, у нас хватит сил, чтобы защититься.

— Миссури-Блентер ошибаться.

— Как, ты знаешь мое имя?

— Тонкава долго стоять за деревом и слышать, о чем говорить бледнолицые, слышать и твое имя. Неприятеля здесь нет, однако он близко, а когда рафтеры быть неосторожны, даже несколько врагов победить их.

В этот момент издали донеслись глухие звуки ударов конских копыт — это Маленький Медведь вел двух коней. Приблизившись и привязав животных к дереву, молодой индеец взял кусок мяса из котла, уселся рядом с отцом, который доел свою порцию, спрятал нож за пояс и сказал:

— Теперь тонкава говорить, а потом рафтеры выкурить с ними трубка мира. Черный Том имеет много денег, а трампы идти, чтобы подстеречь его и забирать их.

— Трампы? Здесь, на реке Черного Медведя? По-моему, ты ошибаешься.

— Тонкава не ошибаться, он точно видеть и вам сейчас рассказать.

На своем ломаном английском вождь поведал о том, что произошло на пароходе, оставаясь при этом слишком гордым, чтобы упомянуть о геройском поступке своего сына. Все слушали с большим вниманием и

интересом. Потом он рассказал также, что произошло после бегства бандитов. Вместе с сыном на маленькой шлюпке он достиг другого берега Арканзаса, после чего они дождались утра, ибо в темноте идти по следу было бессмысленно. В утреннем свете следы были четкими и вели, минуя Форт-Гибсон, между Канейдиен и Ред-Форк на запад, а потом снова сворачивали к северу. В одну из следующих ночей трампы напали на деревню индейцев племени криков, чтобы раздобыть коней, и это им удалось. В полдень следующего дня оба тонкава натолкнулись на воинов племени чоктау ²⁴, у которых смогли купить себе коней. Однако из-за церемоний, которые сопровождали покупку коней, они потеряли так много времени, что отстали от бандитов на целый день пути. Оба Медведя переправились через Ред-Форк и прискакали по открытой прерии к реке Черного Медведя. Наконец им удалось близко подойти к трампам, которые расположились в просеке на берегу реки, и индейцы посчитали необходимым спешно отправиться на поиски рафтеров, чтобы сообщить им об опасности.

Рассказ возымел сильное действие: теперь все заговорили тихо и почти затушили огонь.

— Как далеко отсюда лагерь трампов? — спросил миссуриец.

— Дорога отнимает время, которое белые называют полчаса, — ответил старый индеец.

— Слава Богу! Значит, наш огонь они вряд ли могли заметить, но вот дым почувствовать можно. Мы действительно были слишком беспечны! Давно они там?

— За час перед вечер.

— Тогда они наверняка уже искали нас. Ты знаешь что-нибудь об этом?

— Тонкава не могли следить трампы, ибо тогда еще быть светло, они тотчас отправиться дальше на поиски рафтеров, чтобы...

Старый индеец запнулся и прислушался и вдруг почти шепотом сказал:

— Большой Медведь видеть какое-то движение за угол дома. Тихо сидеть и не говорить. Тонкава подползать и посмотреть.

Старик легко лег на землю и тихо пополз к дому, оставив ружье. Рафтеры насторожились. Прошло, может быть, минут десять, как вдруг раздался короткий вскрик, так хорошо знакомый каждому вестмену — смертельный крик человека. Через несколько мгновений показался вождь.

— Лазутчик трампов, — пояснил он. — Тонкава ударить его сзади ножом в сердце — теперь он не мочь сказать, что он видеть и слышать

здесь. Но, может быть, есть еще один, он мочь возвращаться и сообщить. Нужно торопиться, если белые люди хотят подслушать бандитов.

— Ты прав, — согласился миссуриец, — я пойду с тобой. Ты меня проводишь к тому месту, где они остановились, ибо хорошо его знаешь. Пока они не подозревают, что мы их открыли, они чувствуют себя в безопасности и будут обсуждать свои планы. Если мы тотчас отправимся в путь, то, возможно, узнаем, что они намерены предпринять.

— Да, но тихо и осторожно, чтобы второй лазутчик, если он быть, не видеть, что мы идти. Ружья с собой не брать, только ножи. Ружья нам помешать.

— А чем пока займутся остальные?

— Идти в дом и спокойно ждать, пока мы возвращаться.

Рафтеры последовали совету вождя и удалились в бревенчатую хижину, где их никто не мог заметить. Миссуриец вместе с вождем проползли немного вперед и лишь потом поднялись, чтобы спуститься к реке и, по возможности, подслушать трампов.

Реку Черного Медведя можно считать границей той своеобразной холмистой местности, которую нарекли Волнистой прерией. Холмы-близнецы, разделенные долинами, также похожими одна на другую, теснятся там, налезая друг на друга, по всему Восточному Канзасу. Волнистая прерия богата водой и лесами, а с высоты птичьего полета богатые водой и лесами нескончаемые холмы и долины напоминают катящиеся волны зеленого моря. Отсюда и название, из которого можно заключить, что под прерией не всегда следует понимать луг или покрытую травой равнину. Воды реки Черного Медведя глубоко проели эту мягкую, богатую гумусом холмистую землю, и теперь ее берега на всем протяжении прерии большей частью круты и поросли вплоть до самой воды густым лесом. Местность эта являет или скорее являла собой настоящий дикий уголок, но в последнее время Волнистая прерия относительно плотно заселена, а ее девственная природа начисто ограблена горе-охотниками.

Там, где работали рафтеры, недалеко от блокгауза, высокий берег круто обрывался в воду, что было весьма выгодно, ибо позволяло организовать здесь что-то наподобие верфи, представляющей собой большие стоки-катки, по которым сплавщики без особого труда могли спускать на воду стволы и бревна. К счастью, берег был свободен от поросли, но все же пробираться в темноте оказалось нелегко. Миссуриец был бывалым, многоопытным вестменом, но и его удивляла та легкость, с которой вождь, держа белого за руку, двигался бесшумно и уверенно между деревьями и так ловко избегал стволы, словно проделывал это ясным днем.

Внизу шумела река, которая хорошо приглушала звуки их шагов.

Блентер находился здесь уже давно, но работал как охотник и «заготовитель мяса», а потому знал окрестности как свои пять пальцев. Уж он, как никто, мог оценить уверенность старого вождя, с которой тот пробирался, оказавшись в этой местности первый раз, да еще и в темноте.

Спустя четверть часа оба спустились в одну из долин Волнистой прерии, которая пересекала здесь русло реки. Долина, как оказалось, заросла деревьями, между корней которых струился тихо журчащий ручей. Вблизи места, где он впадал в реку, находилась маленькая поляна, на которой росло несколько кустов. Именно там расположились бандиты, разложив костер, блеск которого ударил обоим в глаза, еще когда они находились под крышей лесного свода.

— Трампы также быть неосторожны, — шепнул вождь тонкава своему спутнику. — Палить такой огромный костер, словно они хотят сжарить целый бизон! Индейские воины всегда жечь только малый огонь. Пламя не видеть, и совсем мало дыма. Мы легко подойти к ним ближе и сделать так, что они нас не заметят.

— Да, — размышлял вслух старик, — подойти-то мы сможем, но услышим ли мы, что они говорят — вот ведь вопрос.

— Мы совсем близко и слышать. Будем держаться вместе, а если бандиты обнаружат нас, мы убить напавших и быстро скрыться в лес.

Остановившись перед краем поляны, они четко увидели огонь и сидевших вокруг людей. Здесь, внизу, в речной долине, комаров, которые в изобилии водятся в этой местности, оказалось намного больше, нежели наверху, в лагере рафтеров, потому, пожалуй, трампы и разожгли такой огромный костер. Где-то в стороне стояли их кони — видно их не было, зато было слышно. Они так натерпелись от moskitov, что находились в постоянном движении, не давая насекомым сесть. Миссуриец слышал звуки их копыт, а острое ухо вождя улавливало даже хлопки хвостов.

Теперь белый и индеец легли на землю и медленно поползли в сторону огня, прикрываясь зарослями, растущими вдоль просеки. Трампы сидели рядом с потоком, кругом заросшим густым камышом, который торчал вплоть до места их стоянки.

Индеец, ползущий впереди, подался в камыши, ибо лучшего укрытия нельзя было и придумать. При этом он показывал настоящее мастерство в искусстве подкрадываться. Нужно было пройти незамеченным сквозь стену высоких и тонких камышовых стеблей и не издать ни малейшего звука. Ни в коем случае нельзя было позволить камышам двигаться, ибо это сразу могло выдать. Большой Медведь решил вопрос просто: он расчищал себе

путь. Он клал перед собой срезанные острым ножом стебли даже излишне заботливо, чтобы облегчить путь следующему за ним миссурийцу. Все это происходило так бесшумно, что даже опытный старый Блентер никак не мог уловить звуки падающих срезанных стеблей.

Так они приблизились к огню и залегли рядом, лишь когда подкрались к трампам вплотную и могли слышать их далеко не тихие разговоры. Блентер лег рядом с вождем. Сквозь границу камышовых стеблей он окинул взглядом сидевших и тихо спросил:

— Который из них Полковник, о ком ты говорил?

— Его здесь нет, — ответил индеец шепотом.

— Может, он и ходил к нашему дому?

— Да, скорее всего.

— Так это тот, кого ты ударил ножом?

— Нет, это не он быть.

— Но ты не мог его видеть?!

— Бледнолицые видеть только глазами, а индеец еще и руками. Мои пальцы всегда узнать Полковник. Это не он быть!

— Значит, он был не один, а со спутником, который и попался тебе под руку.

— Это так. Сейчас мы ждатель, пока Полковник не возвращаться.

Трампы тем временем оживленно разговаривали, но только не о том, что могло представлять интерес для обоих подслушивающих, пока все же один не сказал:

— Не знаю, верно ли предположил Полковник? Досадно будет, если рафтеров здесь уже нет.

— Нет, они еще тут, — отозвался другой. — Щепки от топоров, которые принесла вода, еще свежие — здесь еще вчера или позавчера, в крайнем случае, кипела работа.

— Если так, то мы находимся слишком близко от них, и надо вернуться, ведь эти парни могут заметить нас. Зачем нам с ними связываться, заберем деньги у Черного Тома, и дело с концом.

— Так мы их не получим, — вмешался третий.

— Это почему?

— Вы думаете, рафтеры не заметят нас, когда мы пойдем обратно? Разве что если они слепые! Мы оставим здесь столько следов, что их вовек не уничтожить. А это выдаст наше присутствие, а заодно и наш план!

— Вовсе нет, мы их перестреляем!

— Я до сих пор не пойму — нам нужен Черный Том, а мы залезли в эти дебри! — снова раздался голос третьего. — Не проще ли было

выследить его одного?!

— Болван! Мы же скрывались от погони, а на пароходе это было просто невозможно.

— Они будут спокойно стоять и ждать, пока мы в них прицелимся? Я дал Полковнику хороший совет, но он, к сожалению, меня не послушал. На востоке в больших городах обворованные идут в полицию, и та начинает искать преступника, но здесь, на Западе, каждый вершит правосудие сам! Я уверен, что кое-кто идет по нашим следам. Кто? Во всяком случае, среди пассажиров, которые смыслят в этих делах, могут быть и Олд Файерхэнд, может быть, и сам Черный Том, да и этот чудак Тетка Дролл! Если бы мы немного подождали, то без особого труда забрали бы деньги у этого Тома. Вместо этого мы отправились в далекий путь и теперь сидим тут, у этой проклятой Медвежьей реки, не зная, что делать дальше. А то, что Полковник ночью бродит по лесу в поисках рафтеров, вообще страшная глупость. Мог бы подождать до утра и...

Говоривший внезапно осекся, ибо тот, о ком шла речь, вынырнул из-за деревьев и подошел к огню. Поймав на себе любопытствующие взгляды, он бросил шляпу на землю и произнес:

— Плохие вести, ребята! Случилось несчастье!

— Какое? Что за дела? Что стряслось? — загудели вокруг. — Где Брэнс? Почему он не с тобой?

— Брэнс? — изрек Полковник, усаживаясь. — Он больше не придет, он мертв.

— Ты спятил! Это что же, несчастный случай? Кто мог его убить?

— Как ты умен! — ухмыльнулся предводитель. — Бедняга умер от ножа, который воткнули ему в сердце.

Весть ошеломила всех настолько, что каждый, стараясь перекричать другого, полез к Полковнику с расспросами, а тот никак не мог перекричать громкие злые голоса. В конце концов, он приказал всем замолчать, а когда страсти поулеглись, сказал:

— Брэнса я взял с собой, потому что он лучший разведчик, точнее, был им. Он и сегодня это еще раз доказал, ибо его нос и привел нас к рафтерам.

— Его нос? — спросил тот, кто обычно всегда от имени всех вел разговоры с Полковником.

— Да, нос. Мы предполагали, что товарищество рафтеров где-то выше по течению, потому и взяли это направление. Шли мы очень осторожно и медленно, иначе нас легко могли заметить, до тех пор, пока не стемнело. Я хотел вернуться, но Брэнс не согласился, ибо еще при свете мы видели

совершенно четкие и свежие следы их ног, по которым он заключил, что мы приближаемся к плотоспуску. Брэнс был уверен, что мы почувствуем запах костра, который рафтеры обязательно разведут, спасаясь от мошкары. Он не ошибся. Вскоре мы почуяли дым, а на высоком берегу сквозь чащу ветвей заметили проблески огня. Мы забрались повыше и увидели перед собой блокгауз и горящий костер, вокруг которого сидели рафтеры. Их было двадцать, прямо как нас. Чтобы подслушать, мы подползли ближе. Я остался под деревом, а Брэнс укрылся за домом. Мы не успели много услышать, как внезапно появились еще два парня, но не рафтеры, а чужаки. Ну, скажите-ка, кто это были? Нет, вы все равно не угадаете. Те самые два индейца, два Медведя с «Догфиша».

Сообщение об индейцах поразило трампов, они не хотели в него верить, а дальнейший рассказ Полковника о том, что он услышал из уст вождя тонкава, произвел эффект внезапного удара молнии. Между тем главарь продолжал:

— Потом я увидел, как краснокожий совсем загасил огонь, стал говорить тихо, и я ничего не мог разобрать. Я хотел было уйти, но должен был дождаться Брэнса. В этот миг со стороны блокгауза, где он укрылся, раздался такой страшный крик, что пронзил меня насквозь. Это был Брэнс, и я понял, что он уже мертв. На ощупь я стал пробираться в темноте вокруг лагеря к хижине, ища выход к дороге. Тут же я наткнулся на человеческое тело, лежавшее в луже крови. По одежде я понял, что это Брэнс. В спине у него зияла дыра — удар ножа пришелся в сердце, и, конечно же, он был мертв. Что мне оставалось делать? Я вытащил содержимое его карманов, взял револьвер и нож, но труп пришлось оставить там. Потом я заметил, что рафтеры скрылись в блокгаузе, и дал тягу.

Трампы начали было высказывать соболезнования по поводу страшной смерти своего товарища, но предводитель быстро прервал их, сказав:

— А теперь хватит! У нас нет на это времени, пора отсюда удирать!

— Почему? — спросил кто-то.

— Вы разве не слышали, что краснокожие знают, где наш лагерь? Естественно, рафтеры нападут на нас, и не позже, чем утром! Они знают, что мы потеряли одного человека, и подозреваю, что могут заявиться сюда и пораньше! Если они захватят нас врасплох, то будет худо. Потому и надо тотчас сматываться.

— Но куда?

— К Орлиному Хвосту.

— А, будем брать железнодорожную кассу! Значит, от денег рафтеров мы отказываемся?

— К сожалению! Пока это будет самое благоразумное...

Внезапно Полковник остановился, сделав рукой жест, который поначалу никто не понял.

— Что случилось? Что там у тебя? — спросил один. — Выкладывай дальше.

Полковник молча встал. Он сидел как раз вблизи того места, где лежали оба разведчика рафтеров, которые теперь располагались поодаль, не так, как прежде. Когда взгляд старого миссурийца упал на Полковника, им овладело необычайное волнение, еще более усилившееся, как только он услышал голос трампа. Старик не смог лежать спокойно и подполз к самому краю камышей. Его глаза пылали, и он, казалось, готов был вылезти из кожи вон. Забыв об осторожности, Блентер не обратил внимания, что его голова почти полностью вылезла из зарослей.

— Нельзя смотреть! — хотел было удержать его вождь, но не успел.

Именно в этот момент Полковник заметил старого миссурийца, поэтому он прервал рассказ и быстро встал, но не стал действовать сразу. Он пошел на хитрость:

— Сейчас мне показалось, что там, у коней, я... Эй вы, двое, подите-ка сюда!

Он подал знак двум трампам, сидевшим справа и слева от него, которые тотчас вскочили, а он успел им шепнуть:

— Я специально несу чушь, ибо там, в камышах, лежит какой-то парень, возможно, рафтер. Если он заметит, что я его увидел, то убежит. Как только я на него брошусь, тотчас хватайте его, чтобы он не успел сориентироваться и защищаться. Вперед!

Последнее слово он произнес довольно громко. Хитрый главарь быстро повернулся и прыгнул к тому месту, где увидел голову.

Вождь тонкава был опытен и предельно осторожен. Он видел, что Полковник встал и шептался со своими людьми, видел он также, что тот сделал невольное движение назад. Как бы коротко и незаметно оно ни было, все же Большой Медведь понял, о чем шла речь. Он коснулся старика рукой и прошептал:

— Быстро назад! Полковник тебя видеть. Быстро!

С этими словами не по годам ловкий индеец откатился за ближайший куст. Это было делом пары секунд, но окрик Полковника «вперед» уже прозвучал за его спиной, а когда индеец обернулся, он увидел, как рыжий и двое других бросились на миссурийца.

Несмотря на остроту ума и слуха, старый Блентер был захвачен врасплох. Пока трое сидели на нем и крепко держали за руки и за ноги,

остальные трампы тоже вскочили и быстро подлетели к предводителю. Индеец вытащил нож, чтобы помочь старику, но понял, что силы слишком неравны. Ему ничего другого не осталось, как только заползти подальше в камыши.

Трампы, увидев пленника, хотели поднять шум, но Полковник успел остановить их:

— Тихо! Может, кто-то есть тут по соседству. Держите его крепко, а я пойду проверю.

Он обошел вокруг огня, но, никого не увидев, успокоился. Вернувшись к пленнику, он приказал отнести его к костру. Тот силился освободиться, но тщетно, и ему пришлось покориться судьбе. Хотя ничего плохого, по крайней мере, пока, с ним не должно было случиться, ведь он, по его мнению, не сделал трампам ничего худого. Впрочем, мысль об индейце, который наверняка уже в пути за помощью, тоже успокаивала Блентера.

Пока трампы крепко удерживали пленника на земле, Полковник склонился над ним, чтобы рассмотреть лицо. Оглядев, он сказал:

— Эй, парень, ведь я тебя знаю! Где-то мы уже виделись.

Блентер был осторожен и не сказал правду Полковнику, иначе он потерял бы все. Ненависть разрывала его грудь, но он изо всех сил старался казаться как можно более безразличным.

— Кто ты? Ты из рафтеров, которые работают здесь, вверху?

— Да.

— Что ты тут шастаешь? Для чего подслушиваешь?

— Удивительный вопрос! Разве на Западе запрещено смотреть на людей? Это скорее необходимость. Здесь полно всяких типов, за которыми нужен глаз да глаз!

— А к какому типу ты нас причислишь?

— Кто вы — еще поглядим, ведь я вас пока не знаю.

— Это ложь. Ты слышал, о чем мы говорили, и знаешь, таким образом, кто мы и откуда.

— Ничего еще не слышал. Я был внизу, шел к нашему лагерю, а когда увидел огонь, пополз посмотреть, кто здесь расположился. У меня не было времени услышать ваш разговор, ибо по своей неосторожности быстро попал к вам в руки.

Блентер был уверен, что никто, кроме мертвого трампа, у блокгауза его не видел, но он ошибся, ибо рыжеволосый ответил:

— Он лжет! Я только что видел тебя с рафтерами и даже слышал твой голос. Что скажешь?

— Что-то ничего на ум не приходит! Я говорю правду, так что ты,

верно, меня с кем-то спутал.

— Хорошо, значит, ты действительно был здесь один?

— Истинный Бог.

— И утверждаешь, что ничего из нашего разговора не слышал?

— Ни слова.

— А как тебя зовут?

— Адамс, — тут же сочинил миссуриец, считая, что есть большие основания не открывать своего настоящего имени.

— Адамс... — повторил Полковник задумчиво. — Адамс! Не помню ни одного Адамса с твоим лицом, но знаю, что мы с тобой уже виделись. Ты меня не знаешь?

— Нет, — снова правдиво ответил старик. — Отпустите меня. Я не сделал вам ничего дурного и надеюсь, что вы учтивые вестмены, которые не тревожат честных людей.

— Да, мы, несомненно, учтивые люди, очень учтивые, — рассмеялся рыжий Полковник, — но вы сегодня прирезали одного из наших, и по законам Запада это карается смертью. Кровь за кровь, смерть за смерть. Ты можешь быть кем хочешь, но песенка твоя спета!

— Вы хотите меня убить?

— Да, точно так, как и вы — нашего товарища. Осталось лишь уточнить, умрешь ты от ножа, как и он, или мы утопим тебя в реке. Долго церемониться с тобой у нас нет времени. А сейчас проголосуем. Эй, заткните ему рот, чтобы не кричал! Кто за то, чтобы бросить его в воду, поднимите руку!

Трампы с воодушевлением зашевелились, и большинство проголосовало «за», ожидая развлечений.

— Значит, утопить! — сделал вывод предводитель. — Свяжите ему руки и ноги так, чтобы он не смог выплыть, потом бросайте в воду, и уносим ноги, пока не пришли его люди.

В этот же миг несколько сильных рук схватили старого миссурийца. Прежде всего надо было заткнуть ему рот, но Блентер знал, что индеец еще не успел добраться до лагеря рафтеров, и он сделал то, что сделал бы на его месте любой другой — закричал изо всех сил. Его крик застыл над ночным лесом.

— Гром и молния! — выругался рыжий главарь. — Заткните ему глотку! Если вы не можете это сделать, то я успокою его сам! Смотрите!

С этими словами Полковник схватился за карабин, собираясь ударить старика прикладом по голове, но это ему не удалось, ибо...

Незадолго до наступления темноты четверо всадников, не спускавшие

глаз со следов трампов, ехали вверх по течению реки. Ими были Олд Файерхэнд, Черный Том и Тетка Дролл со своим парнем. Следы вели среди деревьев, и, хотя оказались весьма четкими, трудно было определить, когда они были оставлены. Лишь при переходе через поросшее легкой травой местечко Олд Файерхэнд слез с коня, чтобы изучить след, поскольку стебли травы могли дать гораздо больше сведений, нежели старый лесной мох. Внимательно осмотрев место, охотник произнес:

— Эти примерно в английской миле ²⁵ от нас, ибо отпечатки оставлены полчаса назад. Придется пришпорить коней.

— Зачем? — спросил Том.

— Чтобы до наступления темноты настичь их и знать, где их лагерь.

— Не слишком ли рискованно?

— Насколько мне кажется — нет.

— Однако! Они наверняка разобьют лагерь, прежде чем стемнеет, а если мы будем спешить, то попадем прямо им в лапы.

— Опасаться этого не стоит. Даже если ваши предпосылки верны, мы не доберемся до них раньше, чем спустятся сумерки. В силу различных обстоятельств я полагаю, что мы недалеко от стойбища рафтеров, которых нам надо предупредить прежде всего. Тут-то и хорошо выяснить, где трампы разбили свой лагерь. К тому же надо спешить, ведь ночь может преподнести кучу сюрпризов, да таких, что поутру мы никому не сможем помочь. Каково ваше мнение, Дролл?

Оба разговаривали по-немецки, и Дролл ответил на своем любимом диалекте:

— Послушайте мое сугубо личное мнение: поскачу я быстрее — буду на месте раньше, медленнее — позже, и гораздо вероятнее, что окажусь в одной луже на пару с теми, кому хотел помочь. А значит, господа, я помчусь рысью, и да дрожите деревья!

Лес не был густым, поэтому предложение Дролла было легко выполнимо. Трампы воспользовались дневным светом на всю катушку и остановились, лишь когда пойти на это их вынудила темнота. Если бы Олд Файерхэнд двигался чуть ближе к берегу, он бы наткнулся еще на одни следы — индейцев тонкава, которые также проскакали здесь, но чуть раньше.

Вскоре стемнело, отпечатки копыт различать стало трудно, и Олд Файерхэнд снова слез с коня, чтобы осмотреть место. Результат был таков:

— Мы приблизились к ним на полмили, но, к сожалению, трампы не сбавили темпа, хотя мы все-таки попробуем их нагнать. Слезайте, пойдем пешком, а коней поведем в поводу.

К несчастью, отрезок пути, который им удалось еще пройти, оказался очень маленьким, ибо лес вскоре погрузился в такой мрак, что никаких следов вообще нельзя было разобрать. Все четверо остановились.

— Что теперь? — спросил Том. — Придется стать здесь?

— Нет, — подал голос Дролл. — Я не остановлюсь и буду скакать дальше, пока не найду их.

— Но ведь они услышат, что мы идем!

— Буду ступать потише, так что никто меня не услышит и не найдет! А вы как думаете, мистер Файерхэнд?

— Так же, как и вы, — ответил тот, — но осторожность не позволит нам дальше идти по следу. Если пойдем дальше, то, как и говорил Том, они нас услышат. Предлагаю следующее: примем правее от реки, тогда они окажутся между нами и потоком. Мы увидим их огонь на фоне воды, а сами останемся под прикрытием леса.

— А если они не жгут костер? — заметил Том.

— Тогда я почувствую их коней, — заметил Дролл. — В лесу почуять коня гораздо легче, чем в открытой прерии. Мой нос мне пока еще не изменял. Итак, дальше вперед и немного правее!

Впереди шагал Олд Файерхэнд, ведя коня за узду, за ним друг за другом двигались остальные. Река в том месте делала большой изгиб влево, что не сразу было замечено и вследствие чего идущие удалились от нее на приличное расстояние. Обнаружив это по тому, как снизилась влажность почвы, Олд Файерхэнд снова был вынужден свернуть влево, к реке. В итоге обход не удался, а продвижение по темному лесу оказалось очень медленным. Все четверо пришли к выводу, что допустили ошибку, и посчитали разумным вернуться к реке. Они не подозревали, что уже прошли лагерь трампов и теперь находились между ними и рафтерами. К счастью, Олд Файерхэнд почувствовал запах дыма и остановился, чтобы определить, откуда он шел. Тотчас за его спиной несколько раз шмыгнул носом Дролл:

— Это дым, он идет оттуда, с той стороны, а значит, и я сворачиваю туда же. Смотрите — по-моему, там что-то светлеет. Это может быть только огонь.

Он хотел было двинуться дальше, но остановился, ибо его острый слух уловил тихие звуки приближающихся шагов. Олд Файерхэнд тоже насторожился и одновременно почувствовал дыхание идущего. Отпустив поводья своего коня, он сделал несколько шагов вперед и понял, что человек шел мимо. В такой густой тьме даже глаз знаменитого охотника едва мог что-либо различить, но все же он заметил перед собой слабые

контуры человеческой фигуры, которая хотела прошмыгнуть дальше, но крепкие руки Олд Файерхэнда тотчас сдавили ее, как клещи.

— Стой! — приказал охотник твердо, но тихо, чтобы никто рядом не мог услышать. — Кто ты?

— Шаи нек-энох, шай копейя! ²⁶ — раздалось в ответ, и говоривший попробовал вырваться.

Даже самый бесстрашный человек вздрогнет, когда он, будучи в ночном лесу один, внезапно окажется схваченным сильными руками. В такой момент любой, кто, хотя и говорит обычно на чужом языке, всегда воскликнет на своем родном. Олд Файерхэнд сразу понял, в чем дело.

— Это тонкава! Большой Медведь и его сын опередили нас. Но кто ты, отец или сын, говори!

Теперь человек перестал сопротивляться, он узнал голос большого охотника и, вздохнув, заговорил на ломаном английском:

— Я — Нинтропан-Хауей, ты — Олд Файерхэнд. Это хорошо, очень хорошо! С тобой много людей?

— Большой Медведь! Вот удача! Да, я Олд Файерхэнд, со мной еще трое и кони. Что привело тебя сюда? Здесь рядом трампы, будь осторожен!

— Я их видеть. Они схватить старый Миссури-Блентер и скорее всего хотят его убить. Я бежать за помощью к рафтеры, но Олд Файерхэнд остановить меня.

— Они хотят убить рафтера? Мы должны помешать им! Где они сейчас?

— Там, за мной, где между деревья видет свет.

— И рыжий Полковник с ними?

— Да, он быть там.

— Где их кони?

— Если Олд Файерхэнд идти прямо к ним, то кони стоять справа, не доходить до огня.

— А где рафтеры?

— Там, на горе. Большой Медведь уже быть у них и говорить с ними.

В двух словах старый индеец рассказал о том, что случилось, на что Олд Файерхэнд ответил:

— Если трамп был убит, то Миссури-Блентеру грозит смерть, а поскольку они знают, что теперь обнаружены, то попытаются скрыться, ибо лишнего времени у них нет. Мы привяжем здесь коней и вчетвером сейчас же помчимся к огню, чтобы помешать убийству. А ты, вождь, беги к рафтерам и бери их на подмогу! Бояться этих трампов нам нечего, но будет лучше, если лесорубы придут туда!

Индеец тотчас продолжил свой бег, а Олд Файерхэнд и трое его спутников привязали поводья лошадей к деревьям, а сами направились к лагерю трампов. Очень скоро у них под ногами стало светлее, и они заметили поблескивающее между деревьев пламя костра, а справа в его свете увидели коней.

До сего момента вестмены не особо заботились о том, что их могут услышать или увидеть, теперь же все четверо легли на землю и осторожно поползли к огню. При этом Олд Файерхэнд повернулся к юному Фреду, он хотел дать ему поручение засесть у коней и стрелять в любого трампа, попытавшегося бежать, но едва он успел открыть рот, как в этот миг раздался громкий пронзительный крик о помощи. Это кричал миссуриец.

— Они убивают его! — воскликнул Олд Файерхэнд, но пока еще достаточно тихо. — Быстро вперед! И никакой пощады тем, кто будет сопротивляться!

Он бросился к огню, по пути раскидав в стороны трех или четырех трампов, мешавших ему добраться до рыжего, который, как уже упоминалось, готов был нанести смертельный удар. Но охотник успел вовремя и свалил Полковника прикладом ружья. Двое державших миссурийца и рта не успели раскрыть, как тут же рухнули на землю под могучими ударами Олд Файерхэнда. Потом вестмен отбросил еще ни разу не выстрелившее ружье в сторону, вытащил револьвер и молча открыл огонь по опешившим врагам — в подобных переделках он не имел обыкновения медлить.

Тем громче вели себя его друзья! Черный Том, обрушившийся на бандитов как гром среди ясного неба, работающий прикладом направо и налево, разразился отборной бранью и проклятьями. Схватившись с каким-то крепышом, он с треском проломил кустарник, и два сцепившихся тела долго катались по сухим веткам. Молодой Фред, лишь раз выстрелив из ружья, как и Файерхэнд, отбросил его и теперь кричал что есть мочи, наводя, по его мнению, страх на трампов, и палил по ним из револьвера.

Но громче всех был слышен тонкий, визгливый фальцет Тетки Дролла. Этот удивительный охотник так кричал и изрыгал проклятья, что трампы ни секунды не сомневались, что их окружила добрая сотня врагов. Дролл быстро лавировал между противниками, не давая им выстрелить, да никто и не пытался, ибо бандиты, ошеломленные неожиданным нападением, поначалу и не помышляли о защите, а когда увидели, что на земле распластались тела убитых и раненых их товарищей, решили, что бегство — самый лучший выход из положения. Они бросились прочь, даже не удосужившись сосчитать нападавших, которых было меньше в несколько

раз, но которых, по их мнению, судя по воплям Дролла, было немало. От момента, когда Олд Файерхэнд нанес первый удар, до беспорядочного бегства не прошло и минуты.

— За ними! — кричал Олд Файерхэнд. — Я останусь здесь, а вы не давайте им добраться до коней!

Том, Дролл и Фред с громкими криками бросились к месту стоянки животных. Трампы, которые хотели вскочить в седло, со страху не успели этого сделать, и бросились в лес. Снова грянули выстрелы вслед убегающему сброду. Кое-кому все же удалось улизнуть, но их было очень мало.

Тем временем в верховьях реки в блокгаузе рафтеры с нетерпением ждали возвращения своих разведчиков — миссурийца и вождя тонкава. Когда они услышали доносившиеся снизу отдаленные выстрелы, то сразу поняли, что с миссурийцем и старым вождем случилась беда. Похватав оружие, люди покинули дом и бросились быстро, насколько позволяла тьма, на звуки пальбы. При этом они кричали во весь голос, чтобы хоть как-то подбодрить товарищей и напугать врагов. Впереди бежал Маленький Медведь, указывая направление пути, ибо он точно знал место, где был лагерь трампов. Он иногда подавал голос, чтобы рафтеры в темноте не сбились с дороги. Они не прошли и половины пути, как услышали еще один голос, и перед ними из кустов вынырнул Большой Медведь.

— Скорее бежать! — еле выговорил запыхавшийся старик. — Там быть Олд Файерхэнд и в трампов стрелять! С ним быть лишь трое. Помогать ему!

Тем временем события в долине развивались с нарастающей быстротой. Выстрелы прекратились, и теперь никто не знал, что же произошло. Крики рафтеров заставили улизнувших трампов забиться в самые дальние углы леса. Рафтеры же спешили на выручку, наскакивая на деревья и раня себя об сучья, совершенно, впрочем, не обращая на это внимания.

Глава четвертая. ИЗБЕЖАВШИЙ ВОЗМЕЗДИЯ

Когда рафтеры появились у костра, Олд Файерхэнд, Том, Дролл, миссуриец и Фред сидели вокруг него так спокойно, словно огонь давно был разведен для них и ничего необычного вообще не произошло. С одной стороны костра лежали трупы убитых, с другой — связанные тела раненых и взятых в плен трампов, среди которых был и рыжий Полковник.

— Тысяча чертей! — вырвалось у одного из рафтеров, который первым подошел к миссурийцу. — Мы думали, твоя жизнь висит на волоске, а он сидит здесь прямо как в лоне Авраамовом! [27](#)

— В лоне Авраамовом? — отозвался Блентер. — Меня чуть было не отправили туда! Приклад ружья Полковника уже готов был разmozжить мне голову, но тут подоспели эти четверо господ и высвободили меня. Быстрая и толковая работа! Вы можете у них кое-чему поучиться, ребята!

— А Олд Файерхэнд действительно здесь?

— Да, вот он сидит. Посмотрите на него и пожмите руку! Он этого достоин. Подумать только, четыре человека разогнали двадцать головорезов, сами вышли без единой царапины, девятерых прикончили и шестерых схватили, а пуль и ударов, которые получили все, в том числе и пара улизнувших, и вовсе не сосчитать! А всего-то их — трое мужчин и один парень! Разве такое бывает?

С этими словами Блентер встал, другие поднялись тоже. Рафтеры продолжали оставаться на почтительном расстоянии, пожирая восхищенными взглядами гигантскую фигуру Олд Файерхэнда. Он пригласил их подойти ближе и с уважением пожал руку каждому. Обоих тонкава охотник поприветствовал особо:

— Мои красные братья преследовали трампов выше всяких похвал, что и позволило нам легко идти следом. Мы тоже купили себе коней у индейцев, чтобы нагнать вас, по возможности, до встречи с бродягами.

— Похвала моего белого брата намного выше, чем я заслужить, — скромно ответил Большой Медведь. — Трампы оставить такие большие и глубокие следы, подобно стадо бизонов. Кто их не видит, тот просто слепой. Но где Полковник? Он мертв?

— Нет, жив. Мой приклад немного оглушил его, но теперь он уже пришел в себя и лежит, связанный, там.

Охотник указал на место, где находился стянутый веревками Полковник. Тонкава подошел к трампу, выхватил нож и произнес:

— Ты не умереть от удар, но умереть от нож! Он меня ударить, и теперь я хотеть его кровь!

— Стой! — вмешался миссуриец, перехватив занесенную для удара руку индейца, державшую нож. — Этот человек принадлежит не тебе, а мне!

Большой Медведь повернулся к нему и, серьезно взглянув в лицо, спросил:

— Ты тоже хотеть мстить?

— Да, и не просто так!

— Кровью?

— И жизнью!

— За что?

— Много лет назад этот бандит отправил на смерть мою жену и двух сыновей!

— А ты не ошибаться? — спросил индеец, который не хотел отказываться от задуманного, хотя закон прерий говорил об обратном.

— Нет, ошибки быть не может. Я его сразу узнал. Такую физиономию забыть нельзя.

— Ты его хочешь убить?

— Да. Без жалости и милосердия!

— Тогда я уступить, но не во всем. Он мне дать кровь, а тебе — жизнь. Тонкава отдать его, но взять его уши. Ты согласиться?

— Хм! А если нет?

— Тогда тонкава его тотчас убить.

— Хорошо, его уши твои. Может быть, это не по-христиански, но кто вытерпел столько мук и зла от этого мерзавца, тот должен поступить по закону прерии!

— Кто еще говорить с тонкава? — спросил вождь, оглядываясь вокруг. Не услышав ни одного возражения, вождь продолжил:

— Тогда уши мои, и я их сейчас возьму.

Индеец со свирепым видом присел рядом с Полковником, собираясь выполнить задуманное. Увидев, что вождь не шутит, пленник вскрикнул:

— Что вам взбрело в голову, господа! Это ли по-христиански? Что я вам сделал, что вы позволяете красномазому язычнику калечить меня?

— О том, что ты нам сделал, поговорим позже, — ответил Блентер твердо и хладнокровно.

— А что касается тебя, то я сейчас скажу, — добавил Олд

Файерхэнд. — Мы не обыскали твои карманы; позволь сначала взглянуть, что там у тебя внутри.

Охотник дал знак Дроллу, и тот в момент опустошил содержимое карманов пленника. Наряду с другими вещами был найден бумажник трампа, который тотчас открыли. Конечно же, банкноты, украденные у инженера, лежали там.

— Хм! Ты еще не поделился со своими людьми? — усмехнулся Олд Файерхэнд. — Значит, они тебе доверяют больше, чем мы. Ты вор, это по меньшей мере, так что никакой пощады не будет. Большой Медведь может делать, что хочет!

Полковник издал крик ужаса, но вождь не обратил на него никакого внимания. Он взял бандита за шевелюру и двумя короткими взмахами ножа отсек Полковнику ушные раковины и бросил их в реку. Проделав это, индеец спокойно сказал:

— Тонкава отомстить и может ехать дальше.

— Сейчас? — спросил Олд Файерхэнд, не обращая внимания на дикие вопли Полковника. — Ты не хочешь поехать со мной или хотя бы на одну ночь остаться с нами?

— Тонкава все равно, день или ночь; его глаза остры, а времени очень мало. Он потратит слишком много дней, чтобы искать Полковника, и теперь он должен торопиться, чтобы добраться до своей вигвам. Он друг белых людей и большой друг и брат Олд Файерхэнда. Пусть Великий Дух дать много порох и мясо бледнолицым, которые стать друзья тонкава! Хуг!

Закинув на плечо ружье, которое захватили с собой рафтеры, когда мчались на выручку из блокгауза, вождь как ни в чем не бывало развернулся и зашагал прочь. Его сын, также взвалив на плечо карабин, пошел следом, растворившись в ночной тьме.

— Где же их кони? — осведомился Олд Файерхэнд.

— Там, наверно, — ответил миссуриец. — Разумеется, они вдвоем пойдут туда и возьмут их, но найдут ли они потом дорогу ночью в этом девственном лесу, я...

— Не беспокойтесь, — перебил охотник, — они хорошо знают путь, иначе остались бы здесь. Как говорил Большой Медведь, он многое накупил. Все эти вещи сейчас в пути, и он должен нагнать свой караван, хотя и потерял столько времени. Так что его спешка легко объяснима. Пусть они едут, а мы вернемся к нашим проблемам. Что делать с убитыми и пленниками?

— Первых утопим в воде, а над другими устроим суд по старому обычаю. Но перед этим надо убедиться, не грозит ли нам опасность со

стороны сбежавших.

— О, их так мало, что не стоит опасаться. Они будут бежать, пока хватит сил. Но пару часовых обязательно выставим, — решил Олд Файерхэнд, — я думаю, это более чем достаточно.

Полковник лежал вместе с пленными трапами и выл от боли, но никто, казалось, не обращал на это внимания. Со стороны реки никакая опасность не угрожала, поэтому несколько часовых были выставлены с другой стороны суши, после чего Олд Файерхэнд приказал собрать всех коней, а также созвал своих прежних трех спутников, чтобы можно было начать суд прерий.

Сначала взялись за дружков Полковника. Невозможно было доказать, что кто-нибудь из них причинил конкретное зло кому-либо из присутствующих. За свой злой умысел они заплатили ранами, а также были лишены оружия и коней, поэтому победители решили стеречь бандитов до утра, а на рассвете отпустить на все четыре стороны.

Наконец, пришла очередь главного подлеца, Полковника, который до сих пор лежал в тени и теперь был перенесен ближе к огню. Как только на его лицо упал блеск огня, молодой Фред вскрикнул, вскочил, склонился над ним, внимательно осмотрел и обратился к Тетке Дроллу:

— Это он, это он, убийца! Я его узнал! Наконец мы его нашли!

Дролл подскочил как наэлектризованный:

— Ты не ошибся? Может, это вовсе не он? Ведь это невозможно!

— Да он же, он, как пить дать! — дрожал голос парня. — Загляните ему в глаза! Это ли не страх приближающейся смерти! Он надеется на пощаду!

— Подожди, но если бы это был он, ты узнал бы его на пароходе!

— Там я его не заметил. Трампов-то я видел, а вот его не заметил. Должно быть, он сидел так, что другие его загоразивали.

Могло быть и так, но еще вот что — ты описывал убийцу как черного с кудрявыми волосами, а у этого волосы короткие, гладкие и рыжие!

Фред замолчал. Он не сразу осознал сказанное Теткой, но потом коснулся рукой лба бандита, подергал за волосы и неуверенно произнес:

— Это, конечно, правда. Лицо то самое, но волосы другие...

— Видишь, Фредди, ты все же ошибся. Люди часто бывают похожи, но черные волосы никогда не могут стать рыжими.

— Стать рыжими не могут, — вмешался миссуриец, — но их можно остричь и наложить рыжий парик.

— А! Так вы думаете... — Дролл не успел закончить предложение.

— Естественно! Этими рыжими волосами меня не проведешь! Я готов

поклесться, что это тот мерзавец, которого я долго искал, ибо убийца моей жены и сыновей тоже был курчавым брюнетом! У этого негодяя рыжие волосы, но я уверен, что он и есть тот, кого мы все ищем! Он носит парик.

— Это невозможно! — возразил Дролл. — Вы разве не видели, что индеец, отрезавший уши, схватил его за волосы? Если бы этот мерзавец носил парик, он слетел бы с его головы.

— Уфф! Просто он ладно сделан. Сейчас я вам докажу.

Полковник лежал на земле, связанный по рукам и ногам. Теперь, несмотря на страшную боль в ушах, из которых еще струилась кровь, все свое внимание Полковник обратил на слова говорившего, и если до того момента он не очень прислушивался к разговору, то теперь выражение его глаз резко изменилось. Страх уступил место надежде, ужас — насмешке, отчаяние — уверенности в победе. Старый миссуриец, твердо убежденный, что бандит носит парик, приподнял пленника и схватил за волосы, пытаясь содрать их с головы. К великому сожалению, ему это не удалось; волосы действительно были собственными.

— Дьявол, лысина этого головореза действительно покрыта настоящими волосами! — Блентер скорчил такую мину, что присутствующие наверняка рассмеялись бы, если бы положение не было столь серьезным.

Лицо Полковника скривилось усмешкой. Он забормотал, едва скрывая свою ненависть:

— Ну, ты, лжец и клеветник, где же парик? Легко оскорбить человека только лишь за то, что он похож на кого-то другого. Докажи, что я тот, за кого хочешь меня выдать!

Блентер смотрел то на пленника, то на Олд Файерхэнда.

— Сэр, скажите же что-нибудь! — растерянно попросил он Файерхэнда. — Тот, о ком я говорю, действительно был черный и курчавый, а этот — рыжий. И все же я тысячу раз поклянусь, что это он! Мои глаза нельзя обмануть!

— Но можно и ошибиться, — заметил охотник. — Сдается мне, что здесь простое сходство, которое ввело вас в заблуждение.

— Так значит, я не имею права верить моим старым глазам!

— Открой их получше! — процедил сквозь зубы Полковник. — Пусть меня дьявол заберет, если я хоть что-то знаю о том, как кто-то отправил на тот свет мамашу с двумя сыновьями!

— Однако ты знаешь меня! Ты сам мне недавно говорил об этом!

— Даже если я и видел тебя раз, то это еще не значит, что я тот человек, за которого ты меня принимаешь. Этот парень тоже говорил обо

мне, и я так понял, вы все говорили об одном и том же человеке, но я не знаю этого парня, и...

Внезапно Полковник замолк, словно он чего-то испугался или удивился, но тотчас взял себя в руки и продолжил дальше:

— ...никогда не видел его. Если хочешь сказать что-то против меня, то давай доводы! Если вы меня из-за случайного сходства хотите линчевать, то вы сами убийцы! Такой несправедливости я никак не могу ожидать от знаменитого Олд Файерхэнда. Я отдаю себя под его защиту!

На то, что трамп прервал свои излияния, оказало влияние весьма существенное обстоятельство. Сейчас он лежал рядом с трупами, опираясь головой на один из них. Когда миссуриец поднял и посадил Полковника, чье-то тело, казавшееся окоченелым и безжизненным, слегка пошевелилось, но никто не обратил на это внимания, считая, что оно просто потеряло точку опоры. Теперь тело лежало за Полковником, в его тени, отбрасываемой огнем. Но человек не был мертв, он не был даже ранен — приклад Олд Файерхэнда лишь оглушил его. Кровь раненого товарища забрызгала его лицо, и нападавшие приняли его за убитого. Когда он снова пришел в себя, то понял, что находится среди мертвецов, карманы которых пусты и оружие отобрано. Бандит видел, что нападавших оказалось лишь четверо, и первым его желанием было подняться и убежать в чащу леса, но в реку прыгать он не хотел, и в тот же миг с другой стороны он услышал крики приближающихся рафтеров. Решив дождаться подходящего момента, трамп осторожно вынул нож, спрятал его в рукаве и затаился. После этого его еще раз перевернул миссуриец и, приняв за мертвеца, вытащил содержимое карманов и оружие из-за пояса, после чего оттащил к трупам. С того момента трамп следил за происходящим у огня из-под полуоткрытых век. Он не был связан, мог в любой момент вскочить и броситься бежать, но тут на него положили Полковника, и ему в голову тотчас пришла мысль его освободить. Когда рыжеволосый был поднят, мнимый мертвый перекатился так, что оказался лежать прямо перед связанными за спиной руками Полковника. Когда главарь говорил, внимание всех было сосредоточено на нем, поэтому трамп спокойно вытащил нож из рукава и быстрым, но осторожным движением перерезал веревки на руках товарища. После этого бандит вставил рукоять ножа в правую ладонь предводителя, чтобы тот мог освободить от пут свои ноги, вскочить и бежать. Почувствовав рукоять, рыжий запнулся, но лишь на секунду, и никто не заметил происходящего за его спиной. А тем временем Полковник воззвал к справедливости Олд Файерхэнда, на что охотник ему ответил:

— Если я вмешиваюсь в подобные дела, то убийству нет места, можешь быть уверен! Но так же верно и то, что меня не провести твоими рыжими волосами. Их можно перекрасить.

— Ого! Неужели можно полностью перекрасить всю голову в рыжий цвет?

— Разумеется, — твердо ответил охотник и многозначительно кивнул.

— Разве что красной охрой? — скривился Полковник не то от ненависти, не то от боли. — Она отлично красит!

— Смеешься? Тебе не долго осталось издеваться, — спокойно произнес Олд Файерхэнд. — Можешь дурачить кого угодно, но не меня!

Охотник подошел к оружию и вещам, отобранному у пленных и убитых, наклонился, поднял кожаный мешок Полковника, развязал его и произнес:

— Я уже смотрел этот мешок. Здесь есть кое-какие предметы, цель которых не ясна, но я кое о чем догадываюсь.

Файерхэнд вытащил закупоренную фляжку, маленький рашпиль и кусок сучка длиной в палец, на котором еще висели остатки коры, после чего поднес все это к лицу Полковника:

— Зачем ты носишь их с собой?

Пленник слегка побледнел, но ответил сразу и уверенно:

— Удивительно, что такой большой Файерхэнд интересуется такими мелочами! Кто бы мог подумать! Во фляжке лекарство, рашпиль для вестмена — незаменимый инструмент, а кусок дерева оказался в сумке случайно. Вы удовлетворены, сэр?

Он бросил насмешливый, но при этом все же боязливый взгляд на охотника, на что тот серьезно ответил:

— Да, я удовлетворен, но не твоим ответом, а своими выводами. Трампу не нужен рашпиль, тем более такой крохотной величины, скорее, ему принесет больше пользы напильник. В этой фляжке в спирту опилки от рашпиля, а это, судя по коре, кусок ветки каменного дерева. Теперь я точно знаю — этими опилками, растворенными в спирту, можно преспокойно перекрасить темные волосы в рыжий цвет. Что теперь скажешь?

— Что из твоего ученого бреда я ничего не понял! — зло ответил Полковник. — Хотел бы я взглянуть на человека, которому могла прийти в голову идея сделать черные волосы рыжими! Такой парень наверняка был бы не в своем уме.

— О вкусах здесь речь не идет, все зависит от целей! Человек, разыскиваемый за тяжелые преступления, перекрасит свои волосы во что угодно. Теперь я убежден, что ты — тот, кого ищут, и завтра с первыми

лучами солнца мы хорошенько осмотрим твою голову и волосы.

— Так долго ждать мы не можем, — вмешался Фред. — Есть знак, по которому можно его опознать. Когда он свалил меня на землю и топтал ногами, я пробил ему ножом насквозь икру ноги, да так, что нож остался там. Пусть оголит голень. Если это так, в чем я не сомневаюсь, на том месте должны остаться два рубца.

Для рыжего такой поворот дела мог оказаться губительным, но, с другой стороны, это было как нельзя кстати, ибо его ноги все еще стягивали веревки. Он быстро ответил:

— Well, мудрый мальчик! Хочешь убедиться, что вы все ошибаетесь?! Пожалуйста! Но если ты так хитер, зачем требуешь от меня закатать штаны? Человек, у которого связаны руки и ноги, не может этого сделать.

— Я знаю и потому сделаю это сам.

Парень в пылу подсел к Полковнику и развязал ремень, стягивающий его икры. Когда узел поддался, Фред начал было закатывать нанковые штанины, но в тот же миг получил от рыжего такой сильный удар обеими ногами, что отлетел в сторону.

В следующий миг Полковник вскочил.

— Прощайте, господа! Еще встретимся! — крикнул он и, размахивая ножом, пробился между двух опешивших рафтеров, а затем бросился в лес.

Побег только что связанного по рукам и ногам человека для всех присутствующих, кроме двоих, явился полной неожиданностью — все застыли как вкопанные. Этими двумя были Олд Файерхэнд и Тетка Дролл. Первый никогда не терялся ни при каких необычных ситуациях, да и второй немногим уступал ему в этом, хотя в остальном они были совершенно разными людьми.

Как только Полковник вскочил и поднял нож, Олд Файерхэнд уже был готов подскочить и схватить его, но в этот момент на его пути встало неожиданное препятствие, ибо выдававший себя за убитого трамп решил, что его час пробил. Он рискнул воспользоваться замешательством, пока внимание всех было привлечено Полковником. Трамп вскочил и метнулся в сторону от костра, чтобы пробиться через круг рафтеров, и в этот миг столкнулся с Файерхэндом, который перемахнул через огонь и налетел на бандита. Схватить того, поднять и швырнуть на землю для великана было делом пары секунд.

— Свяжите этого парня! — крикнул Олд Файерхэнд и подался в сторону, где скрылся Полковник, которому этой заминки оказалось достаточно, чтобы отбежать от костра. Вестмен схватил ружье, приложил приклад к щеке и уже собирался выстрелить, но, увы, не смог этого

сделать, ибо Дролл кинулся вдогонку за рыжим и уже находился на одной линии с бегущим. Пуля могла задеть его.

Полковник, преодолевая боль, бежал изо всех сил, зная, что только таким способом сможет спасти свою шкуру. Дролл тоже мчался что есть мочи, насколько позволял ему злополучный «спальный халат», который в подобном деле был лишь помехой. Олд Файерхэнд с досадой отбросил ружье и, как пантера, кинулся следом.

— Стойте, Дролл! — крикнул Олд Файерхэнд бегущему вслед, но тот не слышал и неслся напролом сквозь сучья и ветки. А Полковник тем временем исчез с поляны и пропал из виду.

— Остановитесь, ради Бога, остановитесь, Дролл! — снова закричал разгневанный Олд Файерхэнд в очередной раз. Он почти догнал Тетку и был уже в трех-четырех шагах от него.

— Мы должны его достать, должны! — раздался фальцет Дролла, который ловко славировал между деревьями и нырнул в чащу.

В этот момент Олд Файерхэнд, подобно хорошо обученному коню, который слушается поводыев даже при карьере, резко прервал бег, повернулся и спокойно, словно ничего не произошло, вернулся к огню, где в ожидании стояли остальные.

— Все-таки вы вернулись один! — произнес раздосадованный миссуриец.

— Как видите, — ответил вестмен, пожав плечами.

— Неужели его нельзя было догнать?

— Совсем наоборот, но помешал проклятый трамп, который оказался между нами.

— Дело дрянь — преступник ускользнул у нас из-под носа!

— Ну, вы-то, старый Блентер, меньше всех могли бы возмущаться.

— Почему?

— Потому, что вы сами тому виной.

— Я? — удивился старик. — Не понял! Объясните!

— Хм! Кто обыскивал «мертвого», который «ожил»?

— Наверное, я.

— И посчитали его мертвецом! Как вы, опытный рафтер и охотник, могли допустить такое? А кто проверял его карманы и отбирал оружие?

— Тоже я.

— И оставили ему нож?

— У него не было никакого ножа.

— Он спрятал его, потом лег как мертвый позади Полковника и не только разрезал путы на его руках, но и дал ему клинок.

— Неужели так оно и было? — смутился Блентер.

— Спросите его сами. Вон он лежит.

Блентер пнул ногой теперь уже связанного трампа и вынудил его дать ответ, который убедил старика в правоте Олд Файерхэнда. Миссуриец со злостью взъерошил руками свои длинные седые волосы и в гневе пробормотал:

— Во всех Штатах никто не делал большей глупости! Я виноват, я один виноват! Ведь это именно тот, кого я искал!

— Разумеется, он, иначе он вел бы себя по-другому. Если бы у него не было шрамов, мы ничего не смогли бы доказать, а стало быть, и наказать по закону прерии.

В это время на свет не торопясь вышел взмокший и обозленный Дролл. По его словам, он забрался довольно далеко в чащу, несколько раз останавливался, чтобы прислушаться, но тщетно. Не услышав нигде ни малейшего шума, Дролл вынужден был вернуться.

Олд Файерхэнду нравился этот удивительный человек, он не желал стыдить его перед рафтерами, поэтому подошел ближе к Дроллу и спросил на немецком:

— Но, Дролл, неужели вы не слышали, что я звал вас несколько раз?

— То, что вы кричали, я, пожалуй, слышал, — буркнул толстяк.

— А почему не остановились?

— Я хотел настичь негодяя.

— И поэтому бежали за ним через лес?

— А как же иначе? Может, он вернулся бы добровольно и сам просунул руки в ремень?

— Нет, — улыбнулся Файерхэнд, — но если хочешь поймать человека в лесу, да еще ночью, нужно по меньшей мере хотя бы его видеть или слышать! Когда бежишь сам, звуки чужих шагов не слышны, ведь так?

— Это, конечно, так, но неужели я должен был остановиться?

— Да.

— Бог мой, как же так! Я останавливаюсь, он убегает прочь, а мне потом стоять и дожидаться Страшного суда? Или вы думаете, он по собственной воле вернется ко мне в руки?

— И да, и нет. Бьюсь об заклад, что Полковник был хитер и не убежал далеко. Он не стал мчаться в глубь чащи, а скрылся где-нибудь поблизости за деревом, чтобы дать вам возможность просвистеть мимо.

— Что? Мимо него? Если это правда, то для меня нет большего позора!

— Именно так и было. Поэтому я и взывал вас к благоразумию, чтобы

вы остановились. Мы бы легли в траве, скрывшись в лесной тьме, приложили ухо к земле и, таким образом, могли бы не только услышать его шаги, но и узнать их направление, а когда он остановился, мы бы спокойно подкрались к нему; в этом деле опыта вам не занимать, уж я-то знаю.

— Возможно, это было бы разумнее, — согласился Дролл, которому похвала была приятна. — Стоит лишь немного подумать, я мне сразу кажется, что вы всегда правы. Я просто струсил. У меня верх взяли эмоции! Но, может, еще удастся поправить дело? Как вы думаете?

— Дело поправить можно, но это будет нелегко. Придется подождать до рассвета и тогда отправиться по следу. Если пойдем за ним по пятам, то, вероятно, догоним!

Это решение поддержали также и рафтеры, на что миссуриец заметил:

— Сэр, я еду с вами. Коней мы раздобыли достаточно, один и для меня найдется. Этот рыжий Полковник — тот самый убийца, которого я ищу уже много лет и поэтому не могу остаться здесь, пока не найду его. Думаю, мои товарищи поймут меня и не будут возражать, ведь убытков мы не понесем — работы начались недавно.

— Мне это по душе, — сказал Олд Файерхэнд. — По дороге сюда я уже решил сделать вам хорошее предложение, на которое, надеюсь, вы откликнитесь.

— Какое?

— Об этом позже. Нам надо подготовить все необходимое, для чего прямо сейчас придется вернуться наверх, в ваш блокгауз.

— А почему бы нам не сделать это с утра, сэр?

— Потому, что ваша собственность и имущество в опасности! От Полковника можно ожидать всего, что угодно. Он знает, что мы находимся здесь, внизу, а, значит, может спокойно обшарить вашу хижину.

— Черт побери! Это было бы скверно! У нас там инструмент, запасное оружие, провиант, порох и патроны со свинцом. Надо торопиться!

— Хорошо! Идите первым, Блентер, и возьмите с собой еще двоих. Мы пойдем следом с конями и пленниками. Дорогу будем освещать факелами от костра.

Предусмотрительный охотник не ошибся — Полковник действительно спрятался за деревом. Он слышал, как Дролл пробежал мимо, и видел, как Олд Файерхэнд вернулся к огню. Дролл побежал в сторону, противоположную от блокгауза, что только и надо было Полковнику, который тихо двинулся к жилищу рафтеров. Выставив вперед руки, чтобы не натолкнуться на деревья, он стал карабкаться вверх по горе. Место, где стоял блокгауз, он знал, ибо уже был там вечером, а потому ускорил шаг,

насколько позволяла темнота.

Забравшись на гору, он прислушался — весьма вероятно, что кого-то могли оставить охранять жилище — но все было тихо, тогда он приблизился к бревенчатому дому, контуры которого вырисовывались даже во тьме, и осторожно нащупал двери. Он хотел проверить, заперты ли они, как вдруг в тот же миг был схвачен за горло и прижат к земле. Несколько теней тотчас склонились над ним.

— Вот этот один и заплатит нам за всех! — проревел чей-то бас.

Полковник сразу узнал голос, но крепкие руки держали его за горло. Напрягшись, рыжий все же на секунду освободился и выкрикнул:

— Вудуард, это ты, черт тебя подери! Отпусти меня.

Вудуард был правой рукой и близким помощником Полковника. Он сразу узнал предводителя, освободил его и отпихнул остальных.

— Это Полковник! Действительно, Полковник! Откуда ты здесь? Мы думали, что тебя схватили!

— Так оно и было! — злобно прошипел главарь, ибо боль в ушах снова напомнила о себе. — Но я бежал. Нельзя ли поосторожнее?! Чуть не придушили меня своими кулачищами!

— Мы приняли тебя за рафтера, — усмехнулся бородатый Вудуард.

— Вот как! А что вы здесь делаете?

— Мы случайно встретились там, внизу. Нас всего трое, и, где остальные, не знаем. Мы видели, что рафтеры сидели там, у костра, и решили вернуться сюда, чтобы отплатить им сполна.

— У нас с вами схожие идеи. Я хочу сжечь дотла этот сарай.

— Мы тоже собирались это сделать, но сперва надо взглянуть, что внутри. Может, мы найдем что-нибудь подходящее.

— Но нам нужен свет. Эти негодяи отняли у меня все, даже огниво и спички, и мы будем лишь зря терять время.

— Ты забыл, что у нас-то ничего не отобрали.

— Действительно. Оружие тоже при вас?

— Да.

— А вы уверены, что здесь нет засады?

— Здесь нет ни души! Дверь легко отпирается, и мы уже хотели зайти внутрь, как вдруг появился ты.

— Так открывайте быстрее, пока этим парням не взбрело в голову вернуться.

— Но мы ничего не знаем о том, что же там внизу произошло?

— Не сейчас — позже, когда будет время.

Вудуард отодвинул тяжелый засов, и трампы вошли внутрь. Закрыв за

собой двери, бандиты запалили огонь из пакли и посветили кругом. Прямо над ложем были положены толстые доски, на которых стояли свечи из оленьего сала, обычно изготавливаемые вестменами собственноручно. Все их тотчас зажгли и в спешке начали осмотр помещения.

Там было несколько ружей, полные пороха рожки, топоры, несколько коробок с патронами, пилы, ножи, мясо и другой провиант. Каждый взял то, что ему было нужно и нравилось. Через несколько минут трампы воткнули свечи в тростниковую вязанку, которая являлась ложем. В момент все помещение было охвачено пламенем, и поджигатели выскочили наружу, оставив двери открытыми, чтобы обеспечить огню тягу. Бандиты прислушались. Ничего не было слышно, кроме треска огня и шума обдуваемых ветром ветвей.

— Еще не подошли, — произнес Вудуард. — Что теперь?

— Разумеется, уходим, — ответил Полковник.

— Но куда? Мы плохо знаем округу.

— С утра они наверняка будут искать наши следы и пойдут по ним. Позаботимся о том, чтобы их не оставлять.

— Это невозможно, если только плыть по воде...

— Именно так мы и сделаем.

— Но на чем?

— На лодке, естественно. Ты что, не знаешь, что каждое товарищество рафтеров имеет челн, а иногда и несколько?! Бьюсь об заклад, они стоят там внизу, у плотоспуска.

— Но где это место?

— Его легко будет найти. Смотрите! Вот там сток-каток, по которому они спускают деревья.

Тем временем пламя вырвалось через крышу и осветило поляну. На лесной опушке, ближе к реке, среди деревьев зияла брешь, которую трампы тотчас заметили и поспешили к ней. Оказавшись на месте, они увидели, что их предводитель не ошибся. Вниз вела узкая крутая прямая дорога, рядом с ней был укреплен трос, за который можно было держаться. Все четверо ринулись вниз.

Оказавшись на берегу, они услышали крики трех человек: миссурийца и двух его спутников, подошедших к блокгаузу.

— Появились! — усмехнулся Полковник, поправив повязку на голове, которую он наложил себе на раны в блокгаузе. — Теперь быстро! Ищите лодку!

Трампам не пришлось долго искать, ибо там, где они стояли, на воде покачивались три челна, привязанные к берегу. Лодки были сделаны по

индейскому обычаю из коры деревьев, хорошо просмолены и имели вид настоящих каноэ, вмещавших по четыре человека.

— Эти две привяжем одну за другой! — скомандовал Полковник. — Возьмем их с собой, а позже разобьем или утопим, иначе они отправятся следом.

Все четверо быстро привязали челны, сели в первое каноэ, взяли за лежавшие внутри короткие весла и, тихо орудуя ими, отчалили от берега. Полковник сел вперед, чтобы править, а один из трампов тем временем взмахнул веслами, желая направить лодку вверх по реке.

— Нет! — остановил его Полковник. — Поплывем вниз!

— Нам же надо в Канзас на большой сбор трампов?! — удивился бородач.

— Да! Но об этом упрямый Олд Файерхэнд узнает от пленников. Он будет завтра искать нас в верховьях реки, а мы тем временем будем далеко внизу.

— Это же огромный крюк!

— Ничего подобного. Мы завтра же доберемся до ближайшей прерии, потопим лодки и попытаемся раздобыть коней у тамошних индейцев. Потом быстро возьмем на север и за один день наверстаем упущенное, пока рафтеры будут разыскивать наши следы!

Лодки осторожно плыли вдоль берега, чтобы не попасть случайно под свет бушевавшего вверху огня. Через десять минут, когда Полковник направил лодки к середине реки, рафтеры вместе с лошадьми и пленниками наконец добрались до пылающего блокгауза.

Страшное количество проклятий и ругательств слетело с их уст, когда они увидели, как горит их имущество. Но Олд Файерхэнд успокоил их:

— Я догадывался, что Полковник затеет что-либо подобное, но, к сожалению, мы прибыли слишком поздно. Тем не менее, я хочу вам сказать, чтобы вы не очень расстраивались по поводу происшедшего. Если вы согласитесь на мое предложение, то скоро получите гораздо больше и забудете об этой утрате.

— Как так? — не удержался миссуриец.

— Об этом чуть позже. Сейчас надо убедиться, нет ли поблизости еще кого-нибудь из этой банды.

Окрестности тотчас были тщательнейшим образом обшарены и обысканы, но ничего подозрительного найти не удалось. Тушить пожар было бесполезно, ибо сгоревший остов блокгауза рухнул и превратился в щепу. Отведя пленников на расстояние, не позволявшее им слышать разговоры, Олд Файерхэнд собрал друзей.

— Прежде всего, господа, — начал охотник, — дайте мне слово, что все, что я вам поведаю, вы никому не расскажете, даже если не согласитесь на этот проект. Я уверен, что все вы джентльмены, на которых я могу положиться.

После данного обещания говоривший продолжил:

— Кто-нибудь из вас знает большое горное озеро, которое называют Серебряным?

— Я! — выпалил Дролл после секундной тишины. — Вероятно, каждый из нас слышал это название, но никто, судя по молчанию этих джентльменов, кроме меня, там не был.

— Well! Я знаю, что там в горах есть богатые рудники, старые разработки еще с древнейших времен, которые до сих пор не открыты и их никто никогда не использовал. Мне известны многие из этих залежей, и теперь я собираюсь с одним опытным горным инженером разобраться, можно ли там заняться разработкой и эксплуатацией шахт и есть ли возможность использовать само озеро в качестве источника энергии. Предприятие это далеко не безопасное, потому мне нужны крепкие опытные вестмены, которые согласились бы пойти с нами. Отложите на время ваши дела, господа, и махнем со мной на Серебряное озеро! Я вам хорошо заплачу!

— Слово «да» — лучшее из слов! — восхищенно заговорил миссуриец. — То, что Олд Файерхэнд честно и хорошо заплатит, в этом никто не сомневается, а уж то, что все участники переживут сотни и тысячи приключений, это как пить дать! Я не раздумывая с удовольствием отправился бы в это путешествие, но не могу — мне нужен Полковник!

— Я тоже, сэр! — подтвердил Дролл. — Очень хочу пойти с вами, и не ради денег, а просто потому, что считаю за честь отправиться вместе с Олд Файерхэндом! Но не могу, ибо тоже должен идти по следу этого негодяя.

Лицо Олд Файерхэнда засветилось улыбкой:

— Вы вдвоем испытываете жажду, которую полностью утолите именно тогда, когда останетесь со мной! Почему мистер Блентер стал на путь мести, мы все знаем. Зачем Дролл вместе со своим храбрым Фредом идет за ним, мы, надеюсь, узнаем. Я вовсе не хочу влезать в чужие тайны, но одно обстоятельство я не имею права утаивать от вас. Когда мы внизу оставили огонь, чтобы подняться сюда, то, естественно, должны были захватить и связанных трампов. Я взял с собой одного, самого молодого. Он рискнул сам заговорить со мной, и я с его слов понял, что он не принадлежал к этим бродягам, а оказался с ними только из-за своего брата, который лежит теперь среди убитых. Он хотел стать настоящим вестменом,

а когда услышал мое имя, поистине загорелся желанием примкнуть к нашей группе. Он обещал мне рассказать кое-что о намерениях Полковника, и я хотел бы оставить его при себе не только из гуманных соображений, но и из предусмотрительности. Разрешите привести вам этого парня?

Присутствующие согласились, а Олд Файерхэнд встал и пошел к трапам. Он вернулся с молодым человеком лет двадцати, довольно смышленным на вид и хорошего сложения, которому он предварительно разрезал веревки и теперь посадил рядом с собой. Охотничья куртка как влитая сидела на его широких плечах, и было видно, что он не пренебрегает физическими упражнениями. Остальные трапы, от которых охотник его предусмотрительно отделил, лежали так, чтобы не могли видеть своего бывшего товарища, ибо они и сейчас и позже не должны были знать, что он теперь не с ними.

— Ну, — обратился к нему Олд Файерхэнд, — ты видишь, что я не нарушил слова, поговорил с остальными и исполнил обещание. Тебя к трапам заманил твой брат, а сам теперь отправился на тот свет. Если ты обещаешь с сегодняшнего дня действительно стать настоящим человеком и если твои чувства искренни, я тотчас освобожу тебя и помогу стать путевым вестменом. Как тебя зовут?

— Нолли, сэр, — ответил парень, пожав охотнику руку. — Я не хочу здесь плакаться о своей беспутной жизни, об этом позже при случае вы узнаете. Но я буду вам очень признателен, если вы исполните два моих желания.

Рафтеры переглянулись: у этого парня еще хватает наглости торговаться!

— Какие? — невозмутимо уточнил Олд Файерхэнд.

— Простите меня не только на словах, но и на деле и, второе, позвольте мне завтра утром похоронить брата. Я не хочу, чтобы его тело было скормлено рыбам или гнило в воде.

— Твои желания говорят о том, что я в тебе не ошибся. Они выполнимы. С этого момента ты с нами, твои бывшие дружки не должны тебя видеть и не должны знать, что ты перешел на нашу сторону. Ты говорил о намерениях Полковника. Ты их действительно знаешь?

— Да. Он долго скрывал их, но вчера рассказал. Сначала он собирался на большой сход трапов, который будет в Канзасе.

— Чудесно! — вырвалось у Дролла. — Стало быть, меня правильно проинформировали, что где-то около Харпера собираются несколько сотен бродяг, которые хотят вместе обсудить кое-какие дела. Ты знаешь это

место?

— Да, — ответил Нолли. — Это действительно будет за Харпером, если смотреть отсюда, а место называется Осэдж-Нук.

— Никогда не слышал об этом Нуке. Странно! Я должен был разыскать место сбора и найти там того, кого искал, но не имел понятия, что еду с ним на одном пароходе. Если бы я мог взять его на борту! Значит, Полковник прибудет в Осэдж-Нук? Тогда и мы, конечно, поскачем за ним, не так ли, мистер Блентер?

— Да, — кивнул старик, — но, к сожалению, придется расстаться с сэром Файерхэндом.

— Тут вы перегнули, — заметил охотник. — Моя близлежащая цель расположена рядом — это ферма Батлера, брата того самого инженера, который будет ждать меня там. Так что, по меньшей мере, до того места мы едем вместе. А есть ли у Полковника дальнейшие планы?

— После сбора он поедет к Игл-Тейл (Орлиному Хвосту), чтобы ограбить железнодорожную кассу, которая, по рассказам, должна быть полна!

— Хорошо, теперь мы знаем об их замыслах. Если нам не удастся схватить его на сборе, найдем его в Игл-Тейл.

— А если упустим там, — продолжил Нолли, — то уж настигнем на Серебряном озере.

Слова вызвали немалое удивление у присутствующих, даже для самого Олд Файерхэнда это было полнейшей неожиданностью.

— На Серебряном озере? Что он знает о нем и что хочет там найти? — спросил вестмен.

— Он хочет добраться до какого-то клада.

— Клада? Разве там спрятан клад?

— Да. Там есть место, где закопаны или затоплены несметные богатства какого-то древнего народа. У Полковника есть точный план места, где их искать.

— Ты видел этот план?

— Нет! Он не показывает его никому.

— Но мы обыскали его с ног до головы, и никакого плана при нем не было.

— Значит, он его хорошо спрятал. Думаю, что он даже не носит его при себе. По его отрывочным фразам можно предположить, что он где-то зарыт.

Внимание всех было обращено на Нолли, и никто не заметил, какое неожиданное впечатление произвело вышесказанное на Дролла и Фреда,

которые не на шутку разволновались. Дролл смотрел на Нолли широко открытыми глазами, а Фред, когда рассказчик закончил, воскликнул:

— Это Полковник, это он! Тот план принадлежал моему отцу!

Теперь уже недоуменные взгляды были обращены на молодого парня. Присутствующие сразу забросали его вопросами, но Дролл отрицательно замахал головой:

— Ни слова об этом, господа! Позже вы все узнаете. Могу вам только сказать, что сама судьба распоряжается нами. Мы с Фредом поступаем на службу к Олд Файерхэнду и полностью к его услугам.

— Я тоже, — весело добавил Миссури-Блентер — Мы попали в целый омут тайн, и мне чертовски хочется узнать, как мы сможем из него выплыть! Вы тоже идете со всеми, друзья?

— Да, да, конечно! — прозвучало в кругу рафтеров

— Хорошо, — произнес Олд Файерхэнд, — тогда утром отправляемся в путь. Нам совершенно не нужно заботиться о следах Полковника, ибо теперь мы знаем где он. Будем искать его в лесах и прериях, в горах и долинах, а если понадобится, отправимся за ним до самого Серебряного озера. Скучать нам не придется а потому давайте дружить, господа!

Глава пятая. ИНДЕЙСКАЯ ЛОВКОСТЬ

Волнистая прерия вся была залита светом полуденного солнца. Теснившиеся друг на друге холмы, поросшие густой травой, стебли которой едва подрагивали под легким ветерком, напоминали штормящее изумрудное море с застывшими и навечно затвердевшими волнами. Похожие как две капли воды «волны» прокатывались из одной волнистой долины в другую, и вряд ли даже опытному глазу удалось бы отличить их друг от друга. Ничего, совсем ничего вокруг, кроме зеленых волнистых холмов до самого горизонта, и горе тому, кто оказывался здесь без компаса или не мог ориентироваться по солнцу.

Казалось, что зеленая пустыня вовсе не дышала жизнью, и лишь над ней, высоко в небе, парили два черных грифа, широко раскинув свои кажущиеся неподвижными крылья. Неужели они единственные живые существа здесь? Но нет — послышалось громкое фыркание, а потом из-за одного из волнистых холмов вынырнул всадник очень странного вида.

Внешне человек выглядел совершенно обыкновенно — не слишком высок и не слишком низок, не слишком толст и не слишком худ, но обладающий, по-видимому, достаточной силой. Он носил длинные панталоны, жилет и короткую куртку — все из непромокаемой прорезиненной ткани. Голову всадника прикрывал тропический шлем с назатыльником, который обычно носили в Ост-Индии и других жарких странах английские офицеры, а ноги были обуты в индейские мокасины.

Всадник держался в седле очень хорошо, а его лицо... О да, оно заслуживает особого описания! Его выражение можно было бы даже назвать глупым, и не только из-за носа, одна сторона которого резко отличалась от другой. Слева нос был белым и в профиль походил на орлиный клюв, правая половина казалась раздутой, словно опухшей, по цвету являя нечто среднее между красным, зеленым и синим. Лицо путника обрамляла окладистая борода, длинные тонкие волосы которой росли ежиком по направлению от горла к подбородку. Бороду подпирала два огромных стоячих воротничка, чей голубоватый блеск говорил о том, что всадник в прерии предпочитал носить резиновое белье.

Справа и слева к стременным ремням было пристегнуто по одному карабину, приклады которых упирались в похожие на туфли стремена. Спереди, поперек седла, висел какой-то длинный жестяной рулон или футляр, назначение которого вызывало лишь недоумение. За плечами

всадника болтался кожаный ранец средней величины, на котором была закреплена жестяная посуда и странной формы железная проволока — возможно, приспособление для жарки. Широкий кожаный ремень напоминал так называемый кошель на поясе, с которого свисало несколько маленьких сумок. Спереди из-за пояса торчала рукоять ножа и револьверы, а сзади висели две сумки, предназначенные, по всей видимости, для патронов.

Его лошадь выглядела самой обыкновенной кобылой, ничем не примечательной, не хорошей и не плохой для тяжелых будней Запада, и лишь одеяло, служившее вместо чепрака и за которое хозяин, очевидно, выложил много денег, могло привлечь внимание.

Всадника, похоже, устраивало, что его лошадь больше разумела в прерии, нежели он, ибо со стороны казалось, что животное шло без управления и само выбирало дорогу. Животное шагало через волнистые долины, то взбираясь на самую вершину холма, то снова трусая вниз, то идя рысью, то самостоятельно переходя на шаг, короче говоря, человек в тропическом шлеме с преглупым лицом, казалось, не имел никакой определенной цели, но обладал уймой лишнего времени.

Внезапно лошадь стала и прынула ушами, а хозяин вздрогнул, ибо совсем рядом, но совершенно непонятно, откуда, послышался резкий требовательный голос:

— Стой! Ни шагу дальше, иначе буду стрелять! Кто вы, мистер?

Всадник поднял голову, посмотрел перед собой, за собой, вправо и влево, но нигде не увидел ни одной живой души. С неизменным выражением лица всадник сдернул покрывало с длинного рулонообразного жестяного футляра, который висел спереди поперек седла, вытряхнул из него подозрительную трубу, звенья которой выдвинулись футов на пять, прищурил левый глаз и, приложив правый к окуляру, направил трубу в небо, которое он некоторое время так серьезно и внимательно разглядывал, что чьи-то нервы не выдержали и снова послышался насмешливый голос:

— Сложите обратно ваш телескоп! Я же не на Луне, а здесь, в долине, на старой Земле-матушке. А теперь говорите, откуда едете?

Повинуясь услышанному приказу, путник сложил трубу, сунул ее в футляр, неспешно и тщательно закрыл его, как будто никого рядом не было, после чего указал рукой за спину и ответил:

— Оттуда!

— Это видно, старина! А куда?

— Туда! — всадник указал рукой перед собой.

— Вы действительно забавный малый! — засмеялся невидимка. — Но

вы, находясь в этой благословенной прерии, должны, как я полагаю, знать ее обычаи. Тут таскается всякий сброд, и честный человек вынужден держать ухо востро. Ради Бога, вы можете повернуть обратно, если вам так нравится, но раз вы собрались ехать вперед, а мне кажется — так оно и есть, то придется держать ответ и говорить, разумеется, только правду. Итак, отвечайте! Откуда вы едете?

— Из замка Кастлпул, — ответил всадник голосом нашкодившего школяра, съездившегося перед строгим учителем.

— Не знаю такого! Где это?

— Ищите это место на карте Шотландии, — пояснил путник, и его лицо стало еще глупее, чем прежде.

— Сжался, Боже, над вашим разумом, сэръ! Какое мне дело до Шотландии! А куда скачете?

— В Калькутту.

— Тоже не знаю. И где же это прекрасное место?

— В Ост-Индии.

— Превосходно! И вы хотите этим солнечным днем из Шотландии на коне добраться до Ост-Индии через Соединенные Штаты?

— Сегодня совсем не обязательно.

— Да уж пришлось бы потрудиться! Пожалуй, вы англичанин?

— Да!

— И чем вы занимаетесь?

— Я лорд!

— О, Боже! Английский лорд с круглой шляпной картонкой на голове! На вас стоит взглянуть повнимательнее! Выходи, Дядюшка, он нас не укусит. Я бы хотел поверить в его слова. Либо у него не все дома, либо он действительно английский лорд с уймой причуд и капризов!

Тотчас на вершине ближнего волнистого холма показались две фигуры, одна длинная, другая короткая, обладатели которых до сего момента лежали в траве. Одеты они были абсолютно одинаково — во все кожаное, как подобает истинным, настоящим вестменам, и даже их широкополые шляпы также были из кожи. Длинный торчал на гребне, как фонарный столб, а маленький казался еще ниже, чем он есть, ибо был горбуном. Кроме этого, он имел еще одну особенность — ястребиный, острый, как нож, нос. У их старых, одинаковых конструкций ружей были очень длинные стволы. Особенно это оказалось заметно у маленького горбуна, который хотя и стоял, опершись прикладом о землю, но все же ствол его ружья торчал на несколько дюймов выше его шляпы. Похоже, что разговаривал с путником именно он, ибо длинный до сих пор не раскрыл и

рта, а маленький тем временем продолжал:

— Стойте пока на месте, мистер, иначе стреляем! Мы еще далеки от того, чтобы обниматься с вами.

— Предлагаю пари! — неожиданно произнес англичанин, глядя наверх.

— Что?

— Десять долларов, или пятьдесят, или сто! Сколько захотите!

— О чем спорим?

— О том, что я пристрелю вас раньше, чем вы мена

— Тогда вы проиграете.

— Вы думаете? Ладно, ставим по сто долларов!

Лорд потянулся назад к патронной сумке, выдвинул ее вперед, открыл и вытащил несколько банкнот. Двое людей, стоявших над ним, удивленно переглянулись.

— Мистер, — заговорил малыш, — я полагаю, у вас серьезные намерения!

— А как иначе? — в свою очередь, удивился англичанин. — Спор моя страсть, а это значит, что я спорю охотно, всегда и везде!

— И таскаете по прерии сумки, полные банкнот!

— А как бы я мог держать пари, не имея при себе денег? Итак, сто долларов, согласны? Или вы хотите поставить больше?

— У нас нет денег.

— Не беда, я одолжу вам их, потом отдадите.

Он сказал это так серьезно, что длинный от удивления даже задержал дыхание, а горбатый удивленно воскликнул:

— Дадите нам в долг, пока не сможем вернуть?! И вы, конечно, уверены в победе?

— Конечно!

— Ну, мистер, чтобы выиграть, вы должны перестрелять нас быстрее, чем это сделаем с вами мы, а мертвые не смогут заплатить!

— Не имеет значения! Главное — сам факт победы, а денег мне и без ваших хватит.

— Дядя, — маленький снова повернул голову к длинному, — такого парня я еще не видел! Нужно сойти к нему да получше рассмотреть.

Он быстро спустился вниз, а длинный направился следом, прямой, как свечка, — его напряженная поступь выдавала человека, проглотившего бильярдный кий. Оказавшись в долине, горбун снова заговорил:

— Спрячьте ваши деньги — со спором ничего не выйдет. Примите мой совет — не показывайте никому ваш кошелек с банкнотами, ибо сильно

пожалееете о том, а может, даже заплатите жизнью. Право, не знаю, что о вас думать и что с вами делать. Мне кажется, у вас действительно не все в порядке с головой. Пощупаем-ка вас поглубже! Пройдемте дальше на несколько шагов.

Горбун протянул руку, чтобы взять за узду коня англичанина, но в тот же миг в обеих руках лорда блеснули два револьвера и он коротко, но ясно приказал:

— Руки прочь, или я стреляю!

В первую секунду малыш инстинктивно отступил и хотел было вскинуть ружье.

— Оставьте его! Не двигаться, иначе спущу курок!

Лицо и внешний вид англичанина внезапно изменились до неузнаваемости — глуповатое выражение исчезло, а глаза путника засветились умом и такой энергией, что двое опеших вынуждены были подчиниться. Длинный стоял сбоку, но тоже не решался воспользоваться ружьем, ибо дуло револьвера смотрело ему прямо в лоб.

— Вы правда думаете, что я сумасшедший? — спросил лорд невозмутимо. — И приняли меня за того, перед кем можете вести себя так, будто прерия ваша собственность? Тут вы ошиблись! До сих пор вы меня спрашивали — я отвечал, но теперь все поменялось, и я хочу знать, кого вижу перед собой! Как вас зовут и кто вы такой?

Вопросы были адресованы маленькому горбуну; он взглянул в пытливые глаза чужака, которые сверлили его насквозь, и ответил полугневно-полусмущенно:

— Вы здесь чужой, а потому вас никто не знает, а мы известны от Миссисипи аж до самого Фриско ²⁸ как честные охотники. Сейчас мы на пути в горы — ищем охотников на бобров и хотим присоединиться к ним.

— Well! А ваши имена?

— Наши настоящие имена ничего вам не дадут. Меня называют Горбатым Биллом, ибо я, к сожалению, горбат, но не имею пока желания умереть от этого с тоски. А моего товарища здесь величают не иначе как Дядей Шомполом, потому как он очень уж прямо и несгибаемо бродит по этому свету, будто шомпол проглотил. Итак, теперь вы знаете нас и можете сказать правду о себе без всяких глупых шуток!

Англичанин смерил их проницательным взглядом, словно хотел проникнуть в их души, потом черты его лица приняли дружелюбное выражение; он вытащил из сумки какую-то бумагу, разложил ее и подал охотникам:

— Я не шутил. Я считаю вас хорошими и честными людьми, потому

даю возможность посмотреть на свой паспорт.

Взяв бумагу, оба вестмена прочитали ее, переглянулись, после чего длинный хлопнул глазами и открыл рот так широко, насколько это возможно, а маленький продолжил разговор теперь уже очень доброжелательным тоном:

— Действительно лорд, лорд Каствул! Но, милорд что вам нужно в прерии? Ваша жизнь...

— Тьфу! — перебил англичанин. — Что мне нужно? Познакомиться с прерией и Скалистыми горами, а потом добраться до Фриско. Теперь мы познакомились и станем доверять друг другу. Идите за вашими конями! Я уверен, что они у вас есть, хотя пока и не видел.

— Конечно, они у нас есть. Животные сейчас там, за холмом, где мы остановились, чтобы отдохнуть.

— Тогда следуйте туда за мной!

Судя по его тону, лорд был любителем отдавать указания, особенно тем, кто, по идее, должен был указывать ему. Он слез с коня и пошел впереди охотников по волнистой долине, пока не оказался за гребнем холма, где паслись два коня, принадлежавшие к тому типу животных, которых на вульгарном языке обычно величают «клячами» или «козлами». Лошадь англичанина трусила за ним следом, как верный пес, пока не остановилась, а когда оба коня подошли к ней, она грозно заржала и принялась лягаться, отгоняя их прочь.

— Ядовитая плутовка! — произнес Горбатый. — Необщительная, должно быть!

— О, нет! — пояснил лорд. — Она просто чувствует, что я еще не сошелся с вами близко, а потому будет держаться подальше и от ваших коней.

— Она действительно так умна? По внешнему виду не скажешь — она чем-то похожа на коня-работягу.

— Ого! Это настоящий курдский жеребец, если вы любезно позволите.

— Ах так! А где же этот край?

— Курдистан? Между Персией и Турцией. Я сам его там купил и взял домой.

Лорд сказал это с такой простотой, словно привезти коня из Курдистана в Англию — дело такое же простое, как перенести канарейку из Гарца в Тюрингенский Лес. Охотники украдкой переглянулись, а лорд уже расположился без стеснения в траве, где только что сидели вестмены. Там лежал начатый, еще вчера поджаренный окорок козули. Лорд спокойно вытащил нож, быстрым движением отрезал приличный кусок и начал есть,

словно мясо он раздобыл сам.

— Вот это правильно! — произнес горбун. — В прерии все запросто.

— К чему церемонии! — ответил с полным ртом лорд. — Вчера вы добыли мясо, а сегодня или завтра я, естественно, позабочусь о вас.

— Да? Разве мы завтра, милорд, еще будем вместе?

— Завтра и еще долго. Хотите поспорить? Ставлю десять долларов или больше, если пожелаете! — проговорил англичанин, снова берясь за сумку с деньгами.

— Оставьте в покое ваши банкноты, — раздраженно отозвался Горбатый Билл. — Мы не собираемся с вами спорить.

— Тогда садитесь рядом — хочу вам кое-что рассказать!

Оба охотника сели напротив. Лорд еще раз бросил на них внимательный взгляд, а потом изрек:

— Я поднялся в верховья Арканзаса и высадился в Малвене — хотел там нанять одного-двух проводников, но не нашел никого, кто бы мне понравился — там была лишь халтура, настоящий сброд! Тогда я сам отправился в дорогу, ибо мне сказали, что истинных жителей прерий можно встретить лишь в глуши. Я встретил вас, и вы мне понравились. Поедете со мной?

— Это куда же?

— В ту сторону, к Фриско.

— Вы говорите об этом так, словно это поездка на день!

— Будет ли эта поездка продолжаться день или год, мне все равно.

— Хм, да! Вы имеете хоть понятие о том, что вас ждет по дороге?

— Не думал об этом, но надеюсь узнать.

— Вы слишком многого хотите! Впрочем, мы просто не можем ехать с вами. Мы не так богаты, как вам, должно быть, кажется. Мы живем охотой и не можем совершать экскурсию до Фриско протяженностью в несколько месяцев.

— Я хорошо заплачу!

— Да? Ну, тогда еще можно потолковать об этом.

— А вы умеете стрелять?

Горбун бросил жалостливый взгляд на лорда и ответил:

— Охотник прерий и — стрелять! Вы бы еще спросили, умеет ли медведь грызть?! Конечно, и это такая же истина, как и мой горб.

— Хотел бы, однако, убедиться. Сможете сбить грифа вон там, наверху?

Горбатый Билл смерил глазом высоту, на которой парили птицы, и ответил:

— А почему нет? Вам-то уж с нами не тягаться с вашими горелками [29](#).

С этими словами охотник указал на лошадь лорда — ружья все еще висели у стремян, до блеска начищенные и очень похожие на новые, что, естественно, вызвало у вестмена отвращение.

— Так стреляйте! — скомандовал лорд, не обращая внимания на последние слова горбуна.

Горбатый Билл встал, вскинул ружье, быстро прицелился и нажал на курок. Одна из птиц, дернувшись, захлопала крыльями, пытаясь удержаться в воздухе, но тщетно — она стала терять высоту, сначала медленно, потом быстрее и, в конце концов, сложив крылья, колом пошла вниз, ударившись о землю словно куль.

— Ну, милорд, что скажете? — спросил стрелок.

— Неплохо, — равнодушно прозвучало в ответ.

— Что? Только «неплохо»? Беря во внимание высоту, а также то, что пуля поразила грифа в сердце, и то, что он уже вверху был мертв?! Любой, кто знает толк в подобных делах, назвал бы этот выстрел мастерским! — не выдержал Горбатый Билл.

— Well, теперь другой, — лорд повернулся к длинному Дяде Шомполу, не обращая внимания на возмущение горбуна.

Дядя с трудом поднял с земли свое негнущееся тело, оперся левой рукой на длинное ружье, вынес правую, словно собрался декламировать стих, вознес глаза к небу и неожиданно с пафосом прочитал:

— Что кружишь, орел, в просторе небесном?

Что ищешь внизу? Останки умерших?

Хочешь вдохнуть могил аромат?

Пуля пробьет твоё сердце, мой брат!

Импровизируя, Шомпол застыл в угловатой позе подобно манекену. До сих пор он не проронил ни слова, и тем больший отпечаток оставил этот неожиданный великолепный стих — так думал он. Опустив вытянутую руку, Дядя повернулся к лорду и посмотрел на него в гордом ожидании. Лицо англичанина уже давно стало, как раньше, глуповатым и теперь вздрагивало — то ли он смеялся, то ли плакал.

— Вы слышали, милорд? — спросил горбун. — Да, Дядя Шомпол мировой парень! Раньше он был актером, а теперь еще и поэт. Он говорит ничтожно мало, но уж если открывает рот, поет ангельским голосом — даже в рифму!

— Well! — кивнул англичанин. — Говорит ли он стихами или двух слов связать не может — это его дело, а не мое. Но умеет ли он стрелять?

Длинный поэт растянул рот до ушей и снова вытянул вперед руку, что могло быть жестом презрения. После этого он вскинул длинноствольное ружье, но тут же опустил оружие — он упустил момент, ибо во время его поэтического излияния самка грифа, напуганная смертью самца, поспешила удалиться и находилась теперь слишком далеко.

— В нее сейчас не попасть, — буркнул Горбатый Билл. — Правда, Дядя?

Поэт вознес руки к небу и продекламировал:

— Уносят его крылья далеко,

Он реет над холмами высоко!

И к сожаленью моему, но к радости своей,

Уходит птица от меня, и все быстрей!

Тому, кто хочет все же птицу подстрелить,

Желаю я полет с ней разделить!

— Вздор! — повысил голос лорд. — Вы действительно считаете, что в нее не попасть?

— Да, сэр, — ответил за обоих Горбатый Билл. — Ни Олд Файерхэнд, ни Виннету, ни даже Олд Шеттерхэнд не смогут ее достать, а ведь они лучшие стрелки Дикого Запада!

— Так!

Пока лорд издавал неясные восклицания, мелкая дрожь пробежала по его лицу. Он поспешил к своему коню, сорвал с ремня один из своих карабинов, опустил предохранитель, прицелился и нажал на курок. Все это произошло в один короткий миг, затем он опустил карабин, невозмутимо сел на место и снова принялся за мясо, откусив очередной лакомый кусок.

— Ну что? Нельзя попасть? — спросил он, продолжая жевать.

На лицах обоих охотников появилось выражение не только сильного удивления, но даже восхищения. Птица была сражена наповал; ее бездыханное тело петляло по спирали, пока не грохнулось о землю.

— Превосходно! — восхищенно воскликнул горбун. — Милорд, если это не случайность...

Он замолчал, ибо, повернувшись к жующему англичанину, увидел, что тот сидит спиной к направлению своего поистине мастерского выстрела. В такое едва ли можно поверить!

— Но, милорд, — заговорил снова продолжающий удивляться Билл. — Посмотрите! Вы не только попали, но и убили ее!

— Я знаю, — англичанин и ухом не повел, а лишь поднес ко рту еще один кусок.

— Вы даже не взглянули!

— А зачем, я и так все знаю. Мои пули никогда не идут мимо.

— Уж будьте уверены, вы тот парень, который по умению стрелять может сравниться с тремя знаменитыми вестменами, чьи имена я только что назвал! Не правда ли, Дядюшка?

Шомпол снова принял позу и, жестикулируя руками, продекламировал:

— Выстрел был необычайный,
Гриф на смерть послан не мной!
Моей славе чрезвычайно...

— А теперь свой рот закрой! — неожиданно закончил стих лорд. — К чему эти рифмы и позы! Я просто хотел узнать, что вы за стрелки. Теперь снова садитесь сюда, и начнем переговоры. Итак, вы едете со мной, а я хорошо оплачиваю ваше путешествие. Согласны?

Оба охотника переглянулись, кивнули и дали свое согласие.

— Well! Сколько вы просите?

— Хм, милорд, ваш вопрос несколько озадачил меня. Мы никогда не состояли ни у кого на службе и поэтому о так называемом гонораре у скаутов, которыми мы для вас будем, говорить, пожалуй, не принято.

— Порядок! У вас есть понятие о чести, и мне это нравится. Потому-то речь и пойдет о гонораре, к которому я, если буду удовлетворен, прибавлю еще и дополнительную награду. Я приехал сюда, чтобы испытать приключения и увидеть славных охотников, а потому делаю вам предложение: за каждое пережитое приключение я плачу пятьдесят долларов.

— Сэр! — засмеялся Горбатый Билл. — Мы скоро станем богаче вас, ибо приключения здесь всем наступают на пятки. Испытать их действительно можно, а вот пережить — это уже вопрос! Мы в подобных передрыгах недостатка не испытываем, а вот чужаку лучше избегать их, чем искать.

— Я же ищу их, разве непонятно! А, кроме того, хочу встретиться со знаменитыми охотниками. Кстати, только что вы называли три имени, о которых я уже столько слышал. А сейчас эти трое на Западе?

— Спросите что-нибудь полегче. Эти знаменитости везде и нигде. Их можно встретить лишь случайно, и даже если где-нибудь вы пересечетесь с ними, это еще вопрос — снизойдет ли один из королей вестменов до того, чтобы обратить на вас внимание.

— Он должен и будет обращать внимание! Я лорд Кастлпул и если что хочу, то получу это непременно! За каждого из этих трех охотников, с которыми мы встретимся, я плачу по сто долларов.

— Дьявольщина! И вы не боитесь таскать с собой столько денег, милорд?

— У меня их столько, сколько потребуется в пути, так что свои деньги вы получите во Фриско у моего банкира. Вы удовлетворены?

— Да, весьма. Вот вам наши руки, ибо нам не остается ничего другого, как последовать вашему приглашению!

Скрепив договор крепким рукопожатием, лорд передвинул вперед вторую сумку, открыл ее и достал потертую книжечку.

— Это моя записная книжка, в которой я все буду фиксировать, — пояснил лорд. — На каждого я открою счет, а сверху помещу его имя и голову.

— Голову? — удивился Билл.

— Да, вашу голову. Сидите на месте, как сидите, и не двигайтесь!

Лорд открыл книжку и вытащил из кармана карандаш. Вестмены наблюдали, как он по очереди смотрел то на одного, то на другого, потом снова на бумагу, при этом двигая карандашом. Через несколько минут рисунки были готовы. Вестмены увидели достаточно похожие лица, а под ними свои имена.

— Сюда мы будем заносить все, что я вам буду должен, — пояснил англичанин. — Если со мной что-нибудь случится, вы заберете эту книжку с собой во Фриско, покажете ее там банкиру, имя которого я назову вам позже, и он выплатит вам надлежащую сумму тотчас и без лишних вопросов.

— Поистине великолепная организация, милорд, — заметил Билл. — Мы, правда, хотели, чтобы... Эй, Дядя, взгляни на наших коней! Они дергают ушами и шевелят ноздрями — должно быть, поблизости кто-то чужой. Волнистая прерия опасна! Подняться на холм — значит вовремя заметить врага, а остаться внизу — значит быть застигнутым врасплох! Следовательно, нужно забраться наверх.

— Я поднимусь с вами, — произнес лорд.

— Лучше останьтесь здесь, сэр! Вы можете мне все дело испортить.

— Я ничего не испорчу.

Оба направились к вершине холма. Добравшись почти до гребня, оба легли на землю и крайне осторожно поползли вверх. Трава закрывала их тела, а головы они поднимали лишь настолько, чтобы осмотреться.

— Хм, для новичка вовсе не так уж плохо, — похвалил англичанина Билл. — Я сам едва ли сделал бы лучше. Но видите человека на другом гребне, прямо перед нами?

— Да! Индеец, как мне кажется?

— Да, краснокожий. Если бы у меня... ох, сэр, быстрее спускайтесь вниз и принесите вашу подзорную трубу, чтобы я мог узнать лицо этого человека.

Лорд послушно пополз обратно.

Индеец лежал на вышеупомянутом гребне холма в траве и внимательно смотрел на восток, где совершенно ничего не было видно. Несколько раз воин приподнимался, чтобы улучшить свой обзор, и тотчас же снова прикивал к земле. Если он кого-то выслеживал, то определенно с враждебными намерениями.

Тем временем лорд притащил подзорную трубу, настроил ее и подал горбуну. Теперь, когда Билл смотрел через нее на индейца, тот на какой-то миг повернулся назад, и этого момента хватило, чтобы узнать его лицо. Горбун тут же отдал трубу лорду, вскочил так, чтобы его фигура была хорошо видна индейцу, и, приложив руки к устам, громко крикнул:

— Менака-Шеха, Менака-Шеха! Пусть мой брат подойдет к своему белому другу!

Индеец быстро повернулся и, узнав фигуру горбуна, молниеносно сорвался вниз и исчез в волнах долины.

— Теперь, милорд, очень скоро вам придется заплатить мне первые пятьдесят долларов, — снова нагнулся Билл к англичанину.

— Будет приключение?

— Очень может быть, ибо вождь наверняка высматривал врага.

— Это вождь?

— Да, этот великолепный парень — вождь осэджей.

— И вы его знаете?

— Мы его не только знаем, мы выкурили с ним трубку мира и дружбы и обязались помогать друг другу.

— Well! В таком случае я бы хотел, чтобы он ждал не одного, а как можно больше противников.

— Не спешите за волком в лес! Подобное желание может иметь весьма опасные последствия, ибо оно очень легко выполнимо. Идемте вниз! Дядя обрадуется, хотя тоже удивится, когда узнает, что вождь осэджей здесь.

— Как зовут краснокожего?

— Менака-Шеха на языке осэджей означает «Доброе Солнце» или «Большое Солнце». Он очень храбрый и опытный воин, а к тому же друг бледнолицых, хотя осэджи и принадлежат к ветви самого неукротимого племени сиу.

Спустившись вниз, они застали Дядю в той же напряженной театральной позе. Он слышал, о чем шла речь, и теперь хотел, по

возможности, с помпой приветствовать краснокожего друга.

Через короткое время кони снова зафыркали, и тотчас показался индеец. Он был в полном расцвете сил и носил, по индейскому обычаю, кожаную рубаху, обшитую бахромой, а также кожаные штаны. Сразу бросалось в глаза, что его одежда в нескольких местах оказалась порванной и испачканной свежей кровью. Оружия у воина не было. На его щеках красовалось вытатуированное солнце. Кожа на запястьях обеих рук вождя оказалась стертой, видимо, индеец был связан и поранен веревками, но ему удалось разорвать путы и убежать от врагов, которые, похоже, шли по его следу.

Несмотря на опасность, которая реально ему грозила и могла быть совсем рядом, вождь оседжей неторопливо подошел к обоим охотникам, подал, не обратив никакого внимания на англичанина, им правую руку и спокойно произнес на хорошем английском:

— Я сразу узнал голос и фигуру своего брата и друга. Менака-Шеха рад приветствовать вас!

— Мы также рады, — ответил Горбатый Билл, а длинный Дядя Шомпол поднял две руки над головой вождя, словно хотел благословить его, и воскликнул:

— Привет тебе тысячу раз,
Ты снова радуешь мой глаз!
Великий вождь, садись со мной,
Сокровище мое, не стой!
А взявши мяса лучший кус,
Садись и пробуй его вкус!

Шомпол указал рукой на траву, где теперь лежала ляжка косули, а точнее, то, что от нее осталось — кость с жилами, которые даже ножом невозможно отделить.

— Тихо, Дядя! — перебил его Билл. — Сейчас не время для твоей чудесной поэзии. Разве ты не видишь, в каком положении вождь?

Был связан он,
Но вновь освобожден!
Заброшен Богом к нам
И будет здесь спасен! —
не унимался поруганный поэт.

Отвернувшись от него, горбун указал на лорда и обратился к оседжу:

— Этот бледнолицый — мастер в стрельбе и наш новый друг. Рекомендую его тебе и твоему племени.

Лишь теперь краснокожий подал руку англичанину и ответил:

— Я друг каждого хорошего и честного бледнолицего, но воры, убийцы и осквернители могил вкусят мой томагавк!

— Вождь встретился с плохими людьми? — осведомился Горбатый Билл.

— Да! Пусть мои братья зарядят свои ружья, ибо те, кто за мной охотятся, могут появиться здесь в любой момент, хотя пока я их не видел. Они едут верхом, а я шел пешком, но ноги Доброго Солнца быстры и выносливы, как ноги оленя. Я делал круги, двигался пятками вперед и много петлял, чтобы запутать след, но они идут за мной, ибо хотят отнять мою жизнь.

— С подобной идеей им придется распрощаться. Их много?

— Не знаю, я был уже далеко, когда они обнаружили мое бегство.

— Кто они? Какие белые могли рискнуть взять в плен Доброе Солнце?

— Их много, их много раз по сто, этих плохих людей, которых бледнолицые называют трампами.

— Трампы? Откуда они здесь взялись и что им надо? Где они сейчас?

— В другом углу леса, который называется Осэдж-Нук, а мы зовем это место Угол Убийства, ибо там был коварно убит наш славный вождь вместе с храбрейшими воинами. Каждый год, в день тринадцатой луны, посланцы нашего племени отправляются к этому месту, чтобы у могил убитых исполнить танец смерти. Так и в этот раз я с двенадцатью воинами покинул наши пастбища, чтобы отправиться к Осэдж-Нук. Позавчера мы прибыли туда, обследовали место и убедились, что нет ни одного врага. Мы чувствовали себя в безопасности и разбили палатки у могилы. Вчера мы охотились, а сегодня принялись за торжество. Я был осторожен, выставил двух часовых, но все же белым людям удалось подкрасться к нам незаметно. Они увидели наши следы, которые остались после охоты, и в час танца напали так внезапно, что мы не успели дать им отпор. Нескольких из них мы убили, но они застрелили восемь храбрых воинов, а меня и еще четверых схватили и связали. Они вершили над нами суд, и мы узнали, что сегодня вечером должны умереть на костре. Трампы разбили у могил лагерь, они отделили меня от моих воинов, чтобы мы не могли разговаривать. Меня привязали к дереву, поставили рядом часового, но ремень, которым я был связан, оказался гнилым, и я разорвал его. Он глубоко, до самого мяса, прорезал мои руки, но я все же освободился от него, воспользовался моментом, когда часовой отвлекся, и незаметно уполз.

— А твои четверо спутников? — спросил Билл.

— Они еще там. Или ты думаешь, что я должен был их искать?

— Нет, ты бы лишь снова оказался в плену.

— Мой брат говорит верно, я не смог бы их спасти, а оказался бы вместе с ними. Я решил поспешить на ферму Батлера, владелец которой мой большой друг, и попросить у него помощи.

Горбатый Билл покачал головой и сочувственно произнес:

— Невероятно! От Осэдж-Нук до фермы Батлера верхом добрых шесть часов пути, а с плохим конем еще дольше. Разве ты успеешь вернуться до вечера, когда твои спутники должны умереть?

— Ноги Доброго Солнца так же быстры, как и ноги коня, — ответил вождь самоуверенно. — Мой побег будет иметь последствия — они отложат казнь и прежде всего постараются меня поймать. А значит, помощь придет вовремя!

— Может, так, а может, и нет. Хорошо, что ты встретился с нами, и теперь нет нужды бежать к Батлеру. Мы пойдем вместе и поможем тебе, вождь.

— Мой белый брат действительно хочет так сделать? — индеец не стал скрывать свою радость.

— Естественно! А как же иначе? Осэджи — наши друзья, а трампы — враги каждого честного человека.

— Но их много, очень много, а у нас у всех вместе только восемь рук!

— Плевать! Ты же знаешь меня! Ты думаешь, что я намерен бросаться на них сломя голову? Четыре умных головы могут все же рискнуть подкрасться к банде трампов и вызволить нескольких пленников. Что скажешь, старина Шомпол?

Негнувшийся Дядя раскинул руки, прикрыл в чувствах глаза и выдал:

— Туда, где белых кишит рой,

Скачу я тотчас дать им бой!

Забыв про страх и помня долг собратьев,

Освобожу из плена красных братьев!

— Bravo! А вы, милорд?

Англичанин тотчас достал записную книжку и вписал имя вождя, после чего спрятал ее обратно в сумку и ответил:

— Конечно, я еду с вами, ведь это же приключение!

— И весьма опасное, сэр!

— Тем лучше! Я плачу на десять долларов больше — то есть шестьдесят. Но если мы хотим ехать, то должны позаботиться о коне для Доброго Солнца.

— Хм, действительно! — заметил Билл, испытывающе взглянув на лорда. — Но откуда же вы его возьмете, а?

— Разумеется, у его преследователей, которые шли за ним и теперь

должны быть недалеко отсюда.

— Очень логично! А вы вовсе не так просты, сэра, и я думаю, что мы сработаемся. Только было бы неплохо, если бы у нашего краснокожего друга имелось еще и оружие.

— Я уступлю ему один из моих карабинов. Вот он, а как с ним обращаться, я разьясню. Сейчас у нас нет времени, и я предлагаю расположиться так, чтобы преследователи, когда они здесь появятся, оказались зажатыми со всех сторон.

Выражение удивления снова появилось на лице маленького Билла. Он смерил англичанина вопрошающим взглядом и сказал:

— Вы говорите, сэра, как старый и опытный охотник! А как вы думаете, с чего следовало бы начать?

— Очень просто. Один останется здесь, на холме. Он примет парней точно так же, как прежде — вы меня. Трое других сделают крюк, чтобы не оставлять следов, и поднимутся на три близлежащих холма. Когда придут эти мерзавцы, они окажутся между четырьмя холмами и у нас в руках, а мы сверху отправим их к праотцам, пока они будут высматривать дым от наших выстрелов.

— Вы говорите как по-писаному, милорд! Скажите откровенно, вы первый раз в прерии?

— Разумеется. Но прежде я находился в тех местах, где требуется не меньшая осторожность, чем здесь. Мы ведь уже об этом говорили.

— Well! Я смотрю, у нас с вами нет никаких хлопот, и мне это по нраву. Признаться, я хотел предложить то же самое. Ты согласен, Дядюшка?

Дядя Шомпол сделал театральный жест и ответил:

— О да! Ловушку трампам мы устроим,

Окружим их и разом всех накроем!

— Хорошо, я остаюсь здесь, чтобы поговорить с ними, а вы распределяйтесь по холмам. Вы, милорд, идите направо, ты — налево, а вождь займет пост на холмике, который виден перед нами. Таким образом, они окажутся между нами, а убьем мы их или нет, зависит от обстоятельств.

— Лучше не убивать! — выразил свое мнение лорд.

— Совершенно верно, сэра! Я тоже за, но эти негодяи не заслуживают никакого снисхождения, и если мы их пощадим, то что будем потом с ними делать? Не потащим же мы их с собой? А если оставим их на свободе, они тотчас докажут нам, что мы допустили непростительную ошибку. Я буду специально громко говорить с ними, и вы услышите каждое слово и сами

поймете, что надо делать. Я выстрелю поверх их голов — это будет сигналом начала действий. Уйти никто не должен! Отблагодарите их за смерть восьми осэджей, не выказавших им никаких враждебных намерений. А теперь, вперед, господа; я думаю, у нас нет времени на колебания.

После этих слов Горбатый Билл поднялся вверх на ближний холм и лег в траву в том самом месте, откуда он прежде с англичанином заметил индейца, а трое других, оставив лошадей там же, где они стояли, молча разошлись в разные стороны. Лорд прихватил с собой подзорную трубу.

Прошло, пожалуй, четверть часа, но не было видно ни одной живой души — похоже, что часовой, от которого улизнул вождь, был очень нерадив и трампы отправились в погоню позже, чем могли это сделать. По всем расчетам, белые вот-вот должны были появиться, и наконец, с холма, где лежал англичанин, послышался громкий окрик:

— Будьте внимательны, они едут!

— Тише! — предостерег его горбун менее громко.

— Они в миле от нас и ничего не услышат.

— Где?

— Прямо на востоке. Я увидел через окуляр двух парней, которые стояли на холме и смотрели оттуда, не виден ли вождь. Лошади их наверняка стоят внизу.

— Так удвойте свое внимание и пощадите животных, они нам понадобятся!

Прошло еще некоторое время, затем послышался топот копыт приближающихся лошадей. В волнистой долине, раскинувшейся перед горбуном, показались два скачущих рядом всадника. Они были очень хорошо вооружены и внимательно осматривали следы вождя, по которым прибыли сюда. Потом за ними показались еще двое, а потом еще один — всего их оказалось пятеро. Когда процессия достигла середины долины и находилась как раз между укрывшимися в засаде, с одного из холмов раздался голос Горбатого Билла:

— Стоп, господа! Ни шагу дальше, или услышите мое ружье!

Всадники мгновенно остановились и посмотрели вверх, но никого не заметили, ибо горбун лежал в высокой траве. Все же они повиновались его приказу, а тот, кто ехал первым, заговорил:

— Дьявол! Что это здесь за таинственный разбойник с большой дороги? Покажитесь нам и скажите, по какому праву задерживаете нас?

— По праву любого охотника, который встретил чужаков!

— Мы тоже охотники, и если ты честный парень, выходи!

Пятеро трампов тотчас схватились за ружья; они выглядели отнюдь не мирно, но горбун продолжал:

— Я честный человек и, пожалуй, могу показаться вам на глаза. Вот он я.

Билл поднялся из травы так, что теперь была видна вся его фигура. Его глаза остро следили за малейшими движениями противников.

— Черт побери! — воскликнул один из трампов. — Если я не ошибаюсь, Горбатый Билл!

— Да, меня действительно так называют.

— Значит, где-то рядом и Дядя Шомпол, ведь эти двое неразлучны!

— Разве вы знаете нас?

— Надо думать! Как-то мы перекидывались с вами несколькими словечками.

— Но я вас не знаю!

— Возможно, ибо сейчас вы меня видите издалека. Ребята, этот парень вздумал встать у нас на пути! Полагаю, что он даже связался с этим краснокожим! Снимем его оттуда!

Еще не договорив до конца, трамп вскинул ружье и нажал на курок. Горбатый молниеносно упал, словно в него попала пуля.

— Хо-хо, прекрасный выстрел! — усмехнулся трамп. — Но мы забыли о Дяде...

Договорить он не успел. Хитрый Билл за миг до выстрела бросился в траву, и теперь оба ствола его длинного ружья по очереди блеснули огнем, после чего тотчас заговорили ружья остальных. Простреленные тела пятерых не успевших даже удивиться трампов вывалились из седел, а нападавшие с дымящимся оружием уже бежали с холмов вниз, чтобы не дать уйти напуганным лошадям.

— Неплохо для начала, — изрек Билл. — Ни одного промаха! Они все мертвы.

Вождь осэджей внимательно осмотрел двоих, которым целил в лоб, когда стрелял. Увидев маленькие дырочки от пуль в переносице каждого, он повернулся к лорду и произнес:

— Ружье моего брата очень маленького калибра, но это великолепное оружие, на которое можно положиться.

— Само собой разумеется, — ответил лорд. — Я заказал оба ружья специально для поездки по прериям.

— Пусть мой брат продаст мне его. Я дам ему сто бобровых шкурок.

— Оно не продается.

— Тогда я дам ему сто пятьдесят!

— Тоже нет.

— И за двести тоже нет?

— Нет, даже если все вместе эти бобровые шкурки в десять раз перекроют шкуру одного слона.

— Тогда я предлагаю ему самую высокую награду, которую могу дать — я меняю это ружье на лучшего скакуна осэджей!

По выражению лица говорившего было видно, что он еще никому никогда не делал подобных предложений, и все же лорд покачал головой и ответил:

— Лорд Кастрлпул никогда не меняет и не продает, И зачем мне другой конь, если мой не менее великолепен, чем тот, о котором ты говоришь.

— Ни один конь прерий не может сравниться с моим, но я не могу принуждать моего белого брата продать ружье и вернуть его. У убитых много оружия, которое я возьму.

Осэдж возвратил карабин, но сделал это весьма неохотно. У мертвых забрали оружие и вещи, а когда осматривали их сумки, Горбатый Билл промолвил:

— Парень узнал меня, но я никак не могу припомнить, где его видел. По его словам было ясно, что от него и его дружков хорошего ждать нечего, поэтому давайте не будем скорбить по поводу его смерти. Кто знает, сколько гнусностей мы предотвратили своими пулями. Теперь вождь поедет верхом и еще четыре лошади оставим для осэджей, которых вызволим из плена.

— А сейчас напрямик к трампам? — уточнил англичанин.

— Естественно! — отозвался Горбатый Билл. — Я знаю эту местность и уверен, что до вечера нам не достигнуть Осэдж-Нук, ибо мы поедем туда не прямо, а сделаем крюк, чтобы обойти лес и выйти к месту с другой стороны.

— А эти трупы?

— Оставим здесь. А может, у вас возникло желание соорудить им фамильный склеп или мавзолей? Пусть ими займутся грифы и койоты, больше и слышать о них не хочу!

В какой-то мере эти слова были жестоки, но на Диком Западе свои понятия о благодетели; в местности, где кругом смерть и гибель, человек вынужден прежде всего заботиться о себе и избегать всего, что может грозить его личной безопасности. Пока четверо занялись бы трупами, чтобы похоронить их и прочитать молитву, пленные осэджи легко распрощались бы со своими жизнями. Итак, лошади без седоков были связаны таким образом, что могли идти одна за другой. Сделав это, четверо

всадников двинулись в северном направлении, а потом свернули на восток.

Вождь ехал впереди и был проводником, ибо хорошо знал место расположения лагеря трампов. Всю вторую половину дня они ехали по холмистой прерии, не встречая никаких следов и никаких людей. Когда солнце склонилось к закату, вдали показалась темная полоска леса.

— Мы пришли с другой стороны, а внутри есть огромная опушка, края которой образуют угол, врезающийся в лес — его называют Угол Убийства. Там находятся могилы наших воинов, — пояснил осэдж.

— Сколько нужно идти через лес, прежде чем достичь этого Угла Убийства?

— Когда мы войдем в лес, нам придется идти, как говорят у вас, четверть часа, чтобы достичь лагеря трампов, — пояснил краснокожий.

Тут Горбатый Билл неожиданно остановил коня, соскочил на землю и, не говоря ни слова, сел в траву. Дядя Шомпол и индеец последовали его примеру, как само собой разумеющееся. Англичанин также спустился и с недоумением осведомился:

— Мне казалось, что у нас нет времени?! Разве мы сможем освободить осэджей, если будем сидеть здесь, сложа руки?

— Вопрос неверный, сэр, — ответил горбун. — Спросите лучше, как мы сможем освободить осэджей, если нас пристрелят?

— Пристрелят? Но почему?

— Вы думаете, трампы спокойно сидят у костра?

— Едва ли!

— Совершенно точно, нет! Они должны есть, а значит, и охотиться. Они будут шляться по всему лесу, а отсюда до лагеря всего пятнадцать минут ходьбы, и вполне вероятно, что кто-то обязательно нас заметит. Поэтому мы должны ждать здесь, пока не стемнеет — тогда все трампы соберутся в лагере и мы незаметно сможем двигаться по лесу. Теперь вам понятно?

— Well, — кивнул лорд и тоже сел. — Не думал я, что окажусь таким глупцом!

— Да, вы прискакали бы прямо в руки к этим парням, а я вынужден бы был отвезти ваш дневник во Фриско, не получив при этом ни единого доллара.

— Ни одного? Но почему?

— Потому что это приключение мы еще не испытали.

— Испытали уже давно! Оно даже внесено в список. Встреча с вождем и перестрелка с пятью трампами потянут на пятьдесят долларов, так что я уже ваш должник, а освобождение осэджей — новое приключение.

— Также на пятьдесят долларов?

— Да, — кивнул лорд.

— Ну, тогда пишите, сэр! — засмеялся Билл. — Если делить каждое событие на подобные частные приключения, то во Фриско вы задолжаете нам столько, что сами не будете знать, где взять такие деньги!

Лорд усмехнулся и ответил:

— На ваш век хватит! Я смогу вам заплатить, не продавая замок Кастрлпул. Или вы хотите пари? Ставлю десять долларов. Кто еще?

— Я — нет, сэр. Если я поспорю, то все, что заработал, снова потеряю, а это вовсе не входит в планы племянника моего дяди!

Солнце теперь зашло, и сумрачные тени, окутавшие холмы, расплзлись по долине, постепенно одев лес в мрачные одежды. Небо казалось черным, поскольку не было видно ни одной звездочки.

Теперь можно было отправляться в путь, но, разумеется, не верхом — осторожность требовала оставить животных на открытом месте. Деревянные колышки, которые вбивают в землю, чтобы привязать к ним поводья коней, возит с собой каждый вестмен. Именно таким способом, привязав коней, всадники гуськом повернули к лесу.

Краснокожий шагал впереди. Стопы его ног касались земли так тихо, что чужое ухо не могло этого услышать. Лорд, идущий следом, ценой невероятных усилий старался двигаться так же бесшумно. Вокруг все было тихо, и лишь легкий ветерок покачивал кроны деревьев.

Вдруг осэдж схватил англичанина за правую руку и шепнул ему:

— Пусть мой брат подаст руку следующему, чтобы бледнолицые образовали цепь, которую я поведу. Так никто не натолкнется на дерево.

Так он шел с вытянутой вперед рукой и тянул за собой остальных. Лорду время казалось вечностью, ибо в таком положении минуты превращались в часы. Наконец вождь остановился и прошептал:

— Пусть мои братья прислушаются. Я слышал голоса трампов!

Они напрягли слух и скоро убедились в том, что краснокожий не ошибся. Действительно, где-то вдали послышался разговор, но слова разобрать было невозможно. Люди сделали несколько шагов, и их глаза различили среди деревьев слабый свет.

— Пусть мои братья подождут здесь, пока я не вернусь, — проговорил осэдж.

Едва он это сказал, как тотчас исчез. Прошло, пожалуй, более получаса, прежде чем он вернулся обратно. Никто не слышал и не видел, как он пришел — Менака-Шеха словно вырос из-под земли.

— Ну? — спросил Билл. — Что нам скажет вождь?

— Что трампов стало еще больше, намного больше.

— Проклятье! Неужели эти головорезы устроили здесь сбор? Горе фермерам и прочему люду, кто живет неподалеку! Ты слышал, что они говорили?

— Там горят много костров и место хорошо освещено. Трампы образовали круг, в котором стоял какой-то бледнолицый с рыжими волосами и говорил долго и очень громко.

— О чем он говорил? Ты понял?

— Я все понял, ибо он ревел совсем рядом; но мое внимание было направлено на то, чтобы отыскать моих краснокожих братьев, и потому я мало запомнил, что он говорил.

— Ну, что ты запомнил?

— Он сказал, что богатство всегда копилось за счет бедных и его нужно отнимать у богатых. Он утверждал, что государство не имеет права взимать с подданных никаких налогов, а потому все деньги из касс должны быть конфискованы. Он сказал, что все трампы братья и быстро могут стать очень богатыми, если они последуют его призыву.

— Дальше! Что еще?

— Дальше я уже не обращал внимания на его слова. Он говорил еще о большой и полной кассе железной дороги, которую надо опустошить. Но потом я больше не слышал его слов, поскольку увидел место, где находились мои краснокожие братья.

— Где это?

— Вблизи маленького костра, у которого никто не сидит. Они стоят там, привязанные к деревьям; каждого охраняет один трамп.

— Туда трудно пробраться?

— Пробраться можно. Я мог бы сам попробовать перерезать веревки, но решил лучше не делать этого, а позвать на помощь моих белых братьев, чтобы справиться с этим скорее. Но прежде чем уйти, я подполз к одному моему краснокожему брату и шепнул ему, что их всех спасут.

— Очень хорошо, ибо теперь они готовы к нашему появлению и не выдадут нас, вскрикнув от радости, — заключил Горбатый Билл. — Эти трампы не вестмены! Чудовищная глупость с их стороны — не поместить пленников в середину лагеря. В том случае пришлось бы вчетвером, рассчитывая только на внезапность, заскочить в круг этих парней и, воспользовавшись парализовавшим их страхом, отвязать осэджей. Веди нас к тому месту, где они находятся.

Вождь снова был впереди — перебежал от дерева к дереву, заботясь о том, чтобы оставаться в тени стволов. Так они быстро приблизились к

месту стоянки, где насчитали восемь пылающих костров. Самый маленький горел почти в вершине угла, рядом с деревьями, именно туда направлялся вождь. Остановившись на какой-то миг, вождь шепнул трем белым:

— Теперь у огня много бледнолицых, хотя до этого там никого не было. Человек с рыжими волосами тоже здесь. Похоже, это их вожди. Стоят ли в нескольких шагах оттуда у деревьев мои осэджи?

— Да, — тихо ответил горбун. — Этот рыжий закончил свою болтовню, и теперь негодяи сидят вдали от остальных и, похоже, держат совет. Возможно, речь идет там о чем-то важном — так много трампов вместе не станут собираться ради пустяка. К счастью, их ружья стоят под деревьями. Я подползу и послушаю, о чем они говорят.

— Пусть мой брат этого не делает, — предостерег Доброе Солнце.

— Почему? Не думаешь ли ты, что я позволю себя схватить?

— Нет, я знаю, что мой брат очень ловок, но его могут увидеть.

— Увидеть — это еще не схватить!

— Да, у моего брата легкие ноги и он смог бы быстро убежать, но тогда нам не удастся освободить осэджей.

— Нет! Мы бы в момент сняли часовых и успели бы разрезать веревки, а потом — быстро через лес и к лошадям! Хотел бы я увидеть трампа, который помешал бы нам это сделать! Короче, я пополз туда, а если меня заметят, сразу же бросайтесь к пленникам. Ничего с нами не случится. Вот мое ружье, Дядя!

Отдав оружие своему товарищу, чтобы оно не мешало, Билл лег на землю и пополз к огню. Его задача оказалась значительно легче, чем он думал. Трампы разговаривали так громко, что ему достаточно было залечь на полпути, чтобы слышать каждое слово.

Вождь не ошибся, предположив, что четверо сидевших у огня — вожаки. Рыжий, конечно же, был не кем иным, как Полковником, который, скрываясь от мести рафтеров, прибыл в лагерь сегодня вечером. Как раз в этот момент звучал его голос, и Горбатый Билл четко слышал слова:

— Могу обещать вам большую удачу, ведь там у них главная касса! Вы согласны?

— Да, да, да, — кивали трое других.

— А как с фермой Батлера? Вы идете со мной или я должен рассчитывать на собственные кулаки, завербовав для этого человек тридцать ваших людей?

— Конечно, действуем вместе, — отозвался один из предводителей. — Не понимаю, почему деньги должны сыпаться только в твой карман!

Вопрос в том — на месте ли эти деньги.

— Пока нет. Мы лишили рафтеров лошадей, а сами уже следующим утром раздобыли себе несколько неплохих кляч, так что фермы им еще долго не видать. Но этот Батлер и без того очень богат. Мы нападём на ферму, захватим ее, а потом спокойно подождём этих рафтеров и тех мерзавцев, что ведут их.

— Ты точно знаешь, что они едут туда?

— Совершенно точно! Этот Олд Файерхэнд обязательно приедет туда, чтобы встретиться с инженером, который, наверное, уже там.

— С каким инженером? Что у них за дела?

— Да так, пустяки. Это история, которая не вызовет у вас интереса. Может быть, я расскажу об этом, но в другой раз, а может, найму вас еще для одного ловкого дела, которое сулит уйму денег.

— Ты что-то темнишь! Говоря откровенно, я бы не хотел связываться с этим Олд Файерхэндом — уж слишком много о нем наслышан!

— Ты боишься? — усмехнулся Полковник.

— Не боюсь, но у меня предубеждение к подобным людям.

— Чепуха! Что он сможет нам сделать? Подумать только, нас четыреста человек, готовых сразиться с самим дьяволом!

— Ты хочешь взять всех на ферму Батлера?

— Естественно! Ведь нам по пути. Или мы снова сюда вернемся?

— Нет. А когда тронемся в путь?

— Завтра после полудня, так что к вечеру будем у фермы. Огромная ферма запылает гигантским костром, на котором мы сможем приготовить уйму жаркого!

Горбатый Билл услышал достаточно; он пополз назад к своим спутникам и призвал их к немедленному освобождению индейцев.

По его мнению, каждый должен был подползти к одному из пленников и перерезать веревки, но вождь возразил:

— Я привел моих белых братьев, чтобы они быстро помогли, если мне не удастся одному освободить моих воинов. Все, что сейчас произойдет — дело не белых, а индейца! Я пойду один, и пусть мои братья придут мне на помощь, но только тогда, когда меня заметят враги!

Сказав это, вождь змеей скользнул меж кустов.

— Что он хочет сделать? — тихо спросил удивленный англичанин.

— Сейчас он преподаст урок индейской ловкости, — ответил Билл. — Будьте так добры, пригнитесь пониже и внимательно смотрите туда, где стоят пленники. Если дело будет туго, мы поспешим на помощь. От нас требуется лишь быстро разрезать веревки, а потом добраться до коней.

Лорд повиновался. Огонь, у которого сидели четверо вожаков трампов, находился на расстоянии не более десяти шагов от кромки леса. Ближайшими к нему деревьями оказались те, к которым в стоячем положении были привязаны пленники. Около каждого сидел вооруженный охранник. Часовые смотрели в сторону костра, пытаясь уловить, о чем там шла речь. Англичанин напряг зрение, стараясь увидеть вождя, но тщетно. Он заметил лишь, как один из сидевших часовых вдруг лег, да так быстро, словно был кем-то опрокинут. Точно так же, один за другим, улеглись трое остальных и остались лежать в тени деревьев. При этом не было слышно ни звука, ни малейшего шума.

Прошло еще некоторое время, и внезапно лорд увидел вождя, который уже лежал на земле между ним и Биллом.

— Ну? Готово? — спросил Горбатый Билл

— Да, — ответил краснокожий.

— Но ведь твои осэджи еще связаны! — удивился лорд.

— Нет. Они лишь остались в том положении, пока я здесь, с вами. Мой нож поразил часовых в сердце, а рука забрала их скальпы. Я поползу туда снова, чтобы идти вместе с моими краснокожими братьями к лошадям трампов, среди которых есть и наши звери. Все прошло гладко, и мы не можем уйти, не взяв с собой лошадей.

— Зачем лишний раз подвергать себя опасности! — предостерег Билл.

— Мой белый брат ошибается, и никакой опасности больше нет! Как только вы увидите, что пленники исчезнут, можете уходить. Очень скоро вы услышите топот лошадей и крики трампов, которые их охраняют, а потом все мы встретимся у того места, где спешили раньше. Хуг!

Своим последним восклицанием вождь дал понять, что дальнейший спор бесполезен, и тотчас растворился в ночи. Лорд неотрывно продолжал следить за пленниками, которые по-прежнему опирались на деревья, но как ни был он внимателен, все же не заметил, в какой момент они вдруг исчезли — словно сквозь землю провалились.

— Превосходно! — не удержался лорд. — Все как в авантюрном романе!

— Хм! — усмехнулся горбун. — С нами вы «перечитаете» кучу всяких романов и тогда сами решите, что лучше — читать или участвовать!

— Мы уходим?

— Еще нет. Хочу посмотреть на лица этих парней, когда начнется кутерьма. Подождем еще немного.

Долго ждать не пришлось, ибо с другой стороны лагеря раздался громкий, ужасный крик, ему ответил другой, а за ними — вдруг сразу

несколько, по которым сразу было ясно, что исходят они из индейских глоток. Тут же послышалось фыркание и ржание, топот копыт и какой-то грохот — казалось, что задрожала земля.

Трампы вскочили и в панике забегали; никто из них не мог понять, что случилось. Где-то рядом раздался крик рыжего Полковника:

— Осэджи сбежали! Дьявольщина! Кто их...

Голос прервался, ибо говоривший подскочил к часовым, которые, как ему показалось, уснули, и встряхнул ближайшего. В свете костра он увидел остекленелые глаза и безволосый, окровавленный череп.

— Убиты и оскальпированы, все четверо! А краснокожие сбежали!

— Индейцы! Индейцы! — послышалось со стороны, где стояли лошади трампов.

— К оружию! К лошадям! — пытался бешеным криком навести порядок Полковник. — На нас напали! Они хотят увести коней!

Дальнейшее просто невозможно описать: в полутьме поднялась страшная суматоха, все бегали взад-вперед, но никто не видел врага, и лишь по прошествии некоторого времени, когда страсти чуть улеглись, оказалось, что исчезли только захваченные лошади индейцев. Сразу же после того как все стихло, выставили посты и обыскали окрестности лагеря, но безуспешно. В конце концов, трампы сошлись на версии, что в лесу оказались другие осэджи, которые незаметно подкрались и освободили своих соплеменников, при этом убив и оскальпировав стражников и забрав своих коней. Однако трампы никак не могли взять в толк, как совершенно без шума были сняты часовые и как вообще все произошло. Еще больше удивились бы они, если бы узнали, что освободил пленников всего лишь один человек, проделав это поистине мастерски.

Когда вожаки банды снова собрались у костра, Полковник сказал:

— Побег краснокожих, конечно, не большое несчастье для нас, но он вынуждает изменить план на завтра.

— Почему? — спросили его.

— Потому что осэджи слышали все, о чем мы говорили, они ведь знают язык белых. К счастью, им ничего не известно о наших целях в Хвосте Орла, ибо об этом мы говорили не здесь, а у другого костра. Но эти псы знают, что мы едем на ферму Батлера.

— И ты думаешь, они нас выдадут?

— Разумеется!

— Должно быть, дикари дружны с Батлером?

— Дружны или нет, они сообщат ему, чтобы просто отомстить нам, а тот приготовит горячий прием!

— Да, такое не трудно предвидеть, а потому надо поторопиться. Хотел бы я только знать, где те пять наших ребят, что отправились за сбежавшим вождем?

— Мне это тоже не понятно. Если бы вождь искал спасения в лесу, то найти его там просто невозможно, но его следы вели в прерию, и шел он пешком. Они должны были его схватить!

— Возможно. Может, их на обратном пути внезапно настигла ночь и они заблудились? Или разбили лагерь, чтобы не заблудиться, и завтра будут здесь? Во всяком случае, завтра отыщем их следы, ведь наше направление совпадает с их маршрутом.

Но говоривший заблуждался. Небо, а скорее, затянувшие его тучи позаботились об обратном, ибо среди ночи зарядил хотя и легкий, но продолжительный дождь, смывший все следы, оставленные людьми и животными.

Глава шестая. ИЗНУРИТЕЛЬНАЯ СКАЧКА ВО МРАКЕ

Как только возле коней трампов поднялся крик, послуживший сигналом для Билла переводить Дядю и англичанина в безопасное место, все трое поспешили, насколько позволяла темнота, через лес к своим лошадям. Последние были быстро найдены лишь благодаря чутью обоих охотников, ибо лорд с трудом ориентировался в ночи: в сумерках волнистые холмы и долина выглядели совершенно по-иному. Отвязав животных, белые вскочили на них, крепко взяв за длинный повод остальных привязанных вереницей коней без седоков.

Едва они это проделали, как тотчас услышали приближение индейцев. Казалось, вождь чувствовал себя в темноте так же легко, как светлым днем.

— Трампы слепы и глухи! — произнес Доброе Солнце. — Нам не удалось убить многих из них, так как воины осэджей должны были забрать своих коней и не могли оставаться там долго. Но мы еще отправим их в Страну Вечной Охоты, чтобы они прислуживали духам наших воинов!

— Ты будешь мстить? — спросил Билл.

— Почему мой брат спрашивает меня? Разве смерть восьми павших воинов уже отомщена? А четверо оставшихся разве не должны были стоять под пытками перед смертью? Мы поедем в вигвамы осэджей, чтобы собрать много воинов. Потом мы пойдем по следу этих бледнолицых до тех пор, пока Великий Маниту не отдаст их нам в руки!

— А где сейчас находятся стойбища храбрых осэджей?

— Отсюда надо ехать на запад.

— Так это должно быть недалеко от фермы Батлера?

— Да.

— А сколько оттуда до твоих верхом?

— Первый поселок можно встретить, проскакав полдня, если иметь хорошего коня и поторопиться.

— Очень хорошо. Мы должны спешить, чтобы спасти ферму Батлера.

— Что говорит мой брат? Батлер — друг и защитник осэджей. Ему грозит несчастье?

— Да, но поговорим не сейчас и не здесь. Кое-что могут сказать и твои воины, если понимают английский. Прежде всего нам нужно уехать отсюда, чтобы не попасться трампам. Они завтра хотят напасть на ферму, и

мы должны предупредить ее владельца.

— Уфф! Пусть мои краснокожие братья возьмут лишних коней, чтобы белым братьям было легче следовать за мной.

Его люди беспрекословно повиновались, взяв за повод лошадей без седоков, а потом галопом помчались между холмами, но не по своим оставленным следам, ибо это было северное направление, а по следам, которые еще раньше оставил вождь и его преследователи — они вели прямо в район фермы Батлера.

Галопом?! В ночной тьме?! И все же это было именно так. Даже днем только хорошо знающий местность разведчик сможет правильно ориентироваться в Волнистой прерии, а уж не заблудиться ночью — это могло быть лишь чудом. Когда неискушенный англичанин, ехавший рядом с Биллом, что-то заметил по этому поводу, тот с улыбкой ответил:

— Да, сэр, я уже понял, что вас оторопь взяла. Но могу вас уверить — вы еще не раз увидите, услышите и переживете сами то, что прежде считали невозможным!

— Так вы бы тоже здесь не заблудились?

— Я? Хм! Если быть откровенным, мне бы и в голову не пришло так нестись меж этих волнистых холмов. Я бы тихо-мирно поехал, тщательно обследуя каждый изгиб каждой долины, которые встретились бы на моем пути, и все равно утром оказался бы, где угодно, но только не там, куда стремился!

— Так значит, с вождем может случиться то же самое!

— Нет. У краснокожего чутье на дорогу. А самое главное — под ним снова его собственный конь! Это животное ни на шаг не собьется со следа, по которому бежал сегодня его хозяин. Небо чернее копоти, да и на земле я вижу не больше, чем с ноготь, но все же мы несемся галопом как ясным днем по главной улице, и держу пари, что не пройдет и шести часов, как мы осадим своих коней у дверей фермы Батлера.

— Что-что? — обрадовался англичанин. — Пари? Вы хотите поспорить? Это же великолепно! Значит, вы в этом уверены? Тогда я утверждаю обратное и ставлю пять долларов или все десять. А может быть, вы хотите поспорить на большую сумму? Я тотчас готов!

— Благодарю, милорд! Ни о каком пари не может быть и речи. Я повторяю, что ни с кем никогда не заключаю пари. Пожалейте ваши деньги — они понадобятся вам для другого! Вы только подумайте, сколько вам придется заплатить мне и Дяде только лишь за сегодня!

— Сто долларов! Пятьдесят за убитых трампов и пятьдесят за освобождение осэджей.

— А очень скоро у вас снова будут большие траты.

— Разумеется, ибо нападение на ферму, которое мы должны предотвратить, — новое приключение, и я оцениваю его тоже в пятьдесят долларов.

— Удастся ли нам предотвратить нападение, еще не известно! Это действительно приключение, которое, как вы говорите, обойдется вам в пятьдесят долларов, но только если мы останемся живы. А вот как быть с Олд Шеттерхэндом, Виннету или Олд Файерхэндом? Сколько вы заплатите, если мы столкнемся с кем-нибудь из них нос к носу?

— Сто долларов, если вы согласны!

— Очень даже согласен, ибо завтра или послезавтра мы, вероятно, встретимся с Олд Файерхэндом.

— Это правда?

— Да. Он тоже должен прибыть на ферму Батлера.

Вождь осэджей, ехавший впереди и случайно услышавший эти слова, тотчас развернулся, не осаживая коня.

— Олд Файерхэнд, знаменитый бледнолицый, приедет на ферму? — спросил он.

— Да. Об этом сказал у костра трамп по кличке Полковник.

— Рыжеволосый, у которого длинный язык? Откуда ему это известно? Он видел великого охотника или разговаривал с ним?

Припустив коня вперед, Билл кратко рассказал, что ему удалось услышать.

— Уфф! — вырвалось у вождя. — Тогда ферма спасена, ведь одна голова этого бледнолицего стоит больше, чем все оружие тысячи трампов!

— Ты его знаешь?

— Все вожди Запада видели его и курили с ним трубку мира. Почему же я не должен его знать? Мой брат чувствует, что начинается дождь? Это хорошо, ибо дождь даст силы упавшей траве и рано утром трампы не заметят ни одного нашего следа.

Теперь беседа прекратилась. Быстрая скачка, требующая внимания, затрудняла разговоры, а начавшийся дождь сделал людей еще менее общительными.

Дорога не создавала больших трудностей — ни камней, ни ям, ни каких-либо других подобных препятствий не попадалось. Волнистые долины, покрытые мягкой травой, расширялись, и вскоре уже несколько всадников могли скакать рядом. Лишь только темнота затрудняла передвижение.

Временами всадники позволяли коням идти шагом, давая им

передышку, но потом снова мчались рысью или галопом. Спустя несколько часов прежняя уверенность Билла все же несколько поколебалась, и он обратился к вождю:

— Мой брат уверен, что мы выбрали верный путь?

— Пусть мой брат не спрашивает, — спокойно ответил вождь осэджей. — Мы очень торопились и скоро будем на том месте, где я сегодня встретил тебя и Дядю.

Было ли это результатом тренировок или врожденной интуицией? Как мог вождь так точно определить место? Так или иначе, Билл все же не хотел верить, что они преодолели такое большое расстояние. С дождем посвежело и повеяло сквозняком, который обдувал всадников снизу и значительно облегчал бег коням. Вскоре после упомянутого разговора конь вождя внезапно перешел с галопа на шаг, а потом без команды хозяина встал и зафыркал.

— Уфф! — произнес Доброе Солнце приглушенным голосом. — Перед нами должны быть люди. Пусть мои братья прислушаются и не двигаются, пусть они глубоко вдохнут воздух.

Все встали, боясь шевельнуться, и слушали, что вождь скажет дальше.

— Огонь! — шепотом пояснил он.

— Однако следов никаких не видно! — заметил Билл.

— Я чувствую дым, который идет с ближнего холма. Пусть мой брат сойдет с коня и вместе со мной взберется на холм и посмотрит, что там за ним.

Спустившись на землю, белый и индеец бесшумно подкрались к близлежащему холму, контуры которого выделялись в свете вновь выглянувшей луны. Не успели они пройти дальше и десяти шагов, как вдруг чьи-то сильные руки сдавили индейцу горло, прижав к земле так, что он не мог издать ни звука. Одновременно другие руки вцепились в горло горбуну и также придавили его к земле.

— Крепко держите? — спросил тихо тот, кто схватил индейца, на чистейшем немецком.

— Да, — тихо прозвучало в ответ. — Держу его так крепко, что он и не пикнет!

— А теперь быстро прочь, за холм! Сейчас узнаем, кто это к нам пожаловал. Вам не тяжело?

— Какое там! Этот парень легче мухи, неделю не евшей и не пившей. Боже мой, кажется, у него сзади горб, который я обычно называю «косым хребтом»! Не мой ли...

— Что?

— Не мой ли это старый приятель Горбатый Билл!

— Увидим у огня. Минута у нас еще в запасе, и пока никто нас не преследует. Их там внизу по меньшей мере с дюжину, но они не двинутся с места, пока не вернутся эти двое.

Все произошло быстро и бесшумно, а потому спутники Билла и вождя, несмотря на близость, даже не догадывались, что случилось. Олд Файерхэнд — а это был именно он — взял одного пленника на руки, а Дролл потащил другого за собой по траве. С другой стороны холма тихо лежали усталые лошади, едва курился маленький костер, и в его скудном свете можно было различить двадцать фигур, стоявших с ружьями наготове, чтобы приветствовать врага градом пуль.

Когда оба вестмена принесли пленников к огню, у каждого из них вырвался возглас удивления.

— Бог ты мой! — воскликнул Олд Файерхэнд. — Это Менака-Шеха, вождь осэджей! Его нам нечего опасаться.

— Дева Мария! — вырвалось у Дролла. — Это действительно Билл, Горбатый Билл! Парень, друг, возлюбленное дитя, почему ты молчал, когда я сдавил твою глотку?! И теперь лежишь тут и не можешь ни слова сказать, ни пикнуть! Поднимайся и падай в мои объятия, братец! Ах так, ты даже по-немецки не понимаешь? Нет, он все же не должен так просто взять и умереть! Да поднимайся ты, в конце-то концов, сокровище моего сердца! Я же действительно не хотел тебя задушить, разве это возможно вполсилы!

Бравый альтенбуржец в тот момент не на шутку испугался за жизнь лежавшего с закрытыми глазами и с трудом хватяющего воздух, едва не задушенного Билла. Наконец тот приподнял веки, беспмятным взглядом уставившись на склонившегося над ним Дролла, а затем охрипшим голосом спросил:

— Возможно ли такое, Тетка Дролл?

— Благодарю Бога, что я тебя не отправил к праотцам! — с ликованием ответил Дролл, но уже по-английски. — Конечно же, я! Почему ты мне не сказал, что это ты?

— Да разве я мог говорить? Меня так быстро схватили, что я даже не успел никого увидеть! Боже, Олд Файерхэнд!

Увидев знаменитого охотника, Билл стал подниматься под взглядом гиганта, который, казалось, возвращал ему способность двигаться. Хватка Файерхэнда была намного крепче, чем у Дролла, поэтому вождь осэджей по-прежнему лежал, не двигаясь.

— Он мертв? — озабоченно спросил поднявшийся горбун.

— Нет, — ответил Олд Файерхэнд, подавая ему руку. — Он только

потерял сознание, но сейчас придет в себя. Приветствую вас, Билл! Какая радостная неожиданность! Как вы оказались вместе с вождем осэджей?

— Я знаю его уже несколько лет.

— Вот как? А кто с вами? Наверное, воины его племени?

— Да, их четверо.

— И только? У вас есть лошади без седоков?

— Конечно. Кроме того, там еще Дядя Шомпол, которого вы также хорошо знаете, и один английский лорд.

— Лорд? Знатная встреча! Ведите сюда своих людей. Ни вам, ни нам нечего теперь опасаться.

Билл побежал и, не преодолев даже половины расстояния, радостно закричал:

— Дядюшка, отправляйтесь вперед! Мы среди друзей. Олд Файерхэнд и Тетка Дролл здесь!

Услышав обращение, индейцы и белые последовали призыву Билла, а лежавшие в засаде рафтеры, готовые к суровой драке, поднялись из травы, чтобы приветствовать прибывших. Как же были удивлены последние, когда узнали, что здесь произошло, и увидели лежащего вождя! Осэджи, спустившись с коней, остались на месте и издали бросали полные глубокого уважения взгляды на Олд Файерхэнда, уложившего самого сильного и хитрого воина племени.

Лорд сделал круглые глаза и приблизился к гиганту медленным шагом с такой глупой миной, что трудно было удержаться от смеха. Взглянув на англичанина, Олд Файерхэнд сразу узрел его нос, сильно опухший с одной стороны. Подав ему руку, охотник произнес:

— Приветствую вас, милорд! Вы были в Турции, Индии, возможно, также и в Африке?

— Откуда вы это знаете, сэр? — удивился англичанин.

— Я просто предположил, ибо вы до сих пор носите на носу следы алеппской опухоли. Кто побывал в подобных путешествиях, тот и здесь, пожалуй, не спасует, хотя...

Он замолчал и бросил насмешливый взгляд на экипировку англичанина, особенно на жаровню, прикрепленную к ранцу. Тем временем пришел в себя вождь осэджей. Открыть глаза, глубоко вздохнуть, вскочить на ноги и выхватить нож было для него делом одной секунды. Но когда взгляд его упал на охотника, рука, сжимавшая нож, опустилась.

— Олд Файерхэнд! Это ты меня схватил?

— Да. Было так темно, что я не смог узнать моего краснокожего брата.

— Тогда я рад, ибо быть взятым в плен Олд Файерхэндом не

бесчестие! Если бы это сделал кто другой, пятно позора лежало бы на мне, пока я не убил бы врага! Мой белый брат едет на ферму Батлера?

— Да, откуда ты знаешь?

— Бледнолицые говорили об этом.

— На ферме я появлюсь позже. Сейчас моя цель — Осэдж-Нук!

— Кого ищет там мой славный брат?

— Одного белого, которого называют Полковником Бринкли, и его друзей — трампов.

— Мой брат может спокойно ехать с нами на ферму, поскольку Полковник будет там завтра днем. Он хочет напасть на нее.

— Откуда ты знаешь?

— Он сам об этом сказал, а Билл и мои воины слышали. Трампы сегодня напали на меня и моих воинов, восемь из них погибли, а я и остальные попали в плен. Но я убежал и встретил Билла с Дядей, которые вместе с тем лордом помогли освободить моих братьев.

— Так это тебя преследовали пять трампов?

— Да.

— Билл и Дядя располагались здесь?

— Да.

— А англичанин встретился с ними незадолго до этого?

— Все так, как говорит мой брат, но откуда он это знает?

— Мы скакали вверх по течению реки Черного Медведя и сегодня рано утром оставили ее, чтобы прибыть в Осэдж-Нук. Здесь мы натолкнулись на мертвых трампов и...

— Сэр! — вмешался Горбатый Билл. — Откуда вам известно, что это были трампы? Никто не мог вам об этом сказать!

— Вот этот клочок бумаги говорит лучше других, — ответил Олд Файерхэнд. — Вы обыскали их, но оставили его в кармане одного из трампов.

Вытащив кусок газеты, Олд Файерхэнд поднес его к огню и прочитал:

«Забывчивость или ошибка, которую едва ли посчитали бы возможной, была обнаружена комиссаром Бюро по территориальным вопросам Соединенных Штатов. Этот чиновник обратил внимание правительства на тот невероятный факт, что в самом центре Соединенных Штатов существует полоса земли, по размерам больше иного государства и, к радости некоторых лиц, полностью не контролируемая ни правительством, ни администрацией. Этот примечательный участок земли представляет собой огромный четырехугольник в сорок миль шириной, сто пятьдесят длиной и занимает около четырех миллионов акров земли.

Местность расположена между Индейской территорией ³⁰ и Нью-Мексико, севернее Техаса и южнее Канзаса и Колорадо. Как теперь оказалось, эта область при официальной топографической съемке не была учтена и обязана упомянутым преимуществом ошибке в определении линии границ соседних территорий. Вследствие этого данный участок не принадлежал никакому штату и никакой территории, не учтен правительством и, следовательно, не попал под юрисдикцию никакого закона. Закон, право и налоги там — неизвестные понятия. В рапорте комиссара земля представляется прекраснейшей и плодороднейшей местностью на всем Западе, исключительно подходящей для земледелия и разведения скота. Но несколько тысяч поселившихся там» свободных американцев» не занимаются ни земледелием, ни скотоводством, а собираются в банды бездельников, бродяг, конокрадов, деспердос и беглых преступников, которые стекаются туда со всех сторон света. Они наводят ужас на соседние территории, особенно донимая скотоводов, которые больше всего страдают от их грабежей. Пострадавшая сторона требует, чтобы правительственные органы немедленно прекратили беззакония и положили конец этому разбойничьему государству».

Индейцы, слышавшие эти слова, остались равнодушными, но белые удивленно переглянулись.

— Неужели правда? И это возможно? — спросил лорд.

— Полагаю, что да, — ответил Олд Файерхэнд. — В конце концов, лгут газетчики или нет, это сейчас не столь важно. Главное другое, что только трамп мог таскать с собой везде и всюду этот листок, поэтому тех пятерых я сразу принял за трампов. Прибыв сюда, мы увидели, что на земле лежат трупы, и, естественно, поняли, что произошла схватка. Мы обыскали мертвых, хорошо изучили следы и выявили следующее: двое белых сделали здесь привал, один длинный, другой маленький. Потом пришел третий белый, который присоединился к ним и доел остаток еды. Затем состоялись соревнования по стрельбе, при которых были убиты два грифа — таким образом, третий белый доказал, что он хороший стрелок, и был принят в общество этих двух. Потом появился индеец — он бежал из Осэдж-Нук, и за ним гнались пять трампов; оказалось, что он друг белых, и те стали на его защиту, перестреляв преследователей. Затем трое бледнолицых и индеец сели на коней, чтобы кружным путем вернуться в Осэдж-Нук — очевидно, они хотели напасть на трампов. Я решил помочь им, но тем временем спустились сумерки, и мы стали ждать рассвета, ибо в темноте боялись потерять следы.

— Почему мой белый брат напал на нас? — спросил Доброе Солнце.

— Потому что принял вас за трампов.

— Почему так подумал мой брат?

— Я знал, что в Осэдж-Нук у них большой сбор. Пятеро из них отправились за индейцем, но были застрелены и, естественно, не вернулись. Остальных это могло обеспокоить, и вполне возможно, что они решили выслать помощь. Я выставил часового, который вовремя заметил приближающихся всадников и сообщил мне. Ветер был со стороны Осэдж-Нук, и ваше приближение мы могли заметить издали. Мои люди взяли за оружие, а Дролл и я отправились вам навстречу. Двое спешили, потом подползли ближе, и нам пришлось взять их в плен, чтобы у огня рассмотреть лица. Остальное вы знаете.

— Мой брат снова доказал, что он самый знаменитый охотник среди бледнолицых! А что теперь он хочет сделать? Трампы его личные враги?

— Да. Я преследую рыжего и хочу поймать его. Что делать дальше, я могу решить лишь после того, как узнаю, как обстоят дела в Осэдж-Нук и что там произошло. Вы расскажете мне об этом, Билл?

Горбатый Билл кивнул, после чего подробно изложил суть дела, а в заключение добавил:

— Сами видите, сэр, что времени у нас мало. Пожалуй, вы охотно вместе с нами сядете в седло, чтобы тотчас скакать на ферму.

— Нет. Сейчас я поступлю по-другому.

— Почему? Вы хотите попутно дать трампам бой?

— Этого мне в голову не приходило, но я останусь здесь, хотя уверен, что опасность гораздо большая, чем вы думаете.

— Что вы имеете в виду?

— Вы думаете, что эти бездельники отправятся в путь лишь после полудня?

— Да, — не понимая, к чему клонит Олд Файерхэнд, ответил Билл.

— А я говорю вам, что они уже ранним утром будут в седле!

— Но Полковник так сам сказал!

— Между тем он уже рассудил по-другому.

— Как к вам пришла эта мысль?

— Где были привязаны пленные осэджи? — ответил Олд Файерхэнд вопросом на вопрос.

— Вблизи костра, у которого сидел рыжий.

— Они слышали, что говорили трампы?

— Да, те говорили довольно громко.

— А то, что бандиты нападут на ферму Батлера?

— Тоже.

— Ну, а теперь пленные сбежали. Разве Полковнику не может прийти в голову, что они поспешат к Батлеру, чтобы предупредить его?

— Дьявол, правда ваша! Само собой разумеется!

— Конечно! Но ущерб, который может принести им это обстоятельство, можно уменьшить, если они отправятся в путь раньше. Бьюсь об заклад, что они решили седлать коней на рассвете.

— Заклад? — оживился лорд. — Well! Сэр, вы мой человек! Вы готовы поспорить, что трампы поедут ранним утром? Хорошо, тогда я утверждаю, что они покинут Осэдж-Нук лишь завтра вечером! Ставлю десять долларов, а то и двадцать, тридцать! А может, вы хотите пятьдесят?

Он уже выдвинул вперед свою сумку, готовый вытащить деньги. Одного незаметного для англичанина знака Горбатого Билла было достаточно, чтобы Олд Файерхэнд понял, что перед ним азартный спорщик.

— Закройте вашу сумку, сэр, и успокойтесь. Мне и в голову не пришло говорить о закладе серьезно. Спорить в таких важных делах вовсе не годится!

— Но я хочу поспорить именно сейчас! — не унимался лорд.

— А я не хочу!

— Жаль, очень жаль! Я слышал о вас столько хорошего. Каждый истинный джентльмен готов поспорить. То, что вы не хотите этого сделать, почти вынуждает меня изменить такое лестное мнение о вас.

— Пусть будет так, если вам угодно! Но потом, пожалуй, очень скоро наступит время, когда вы вернетесь к своему прежнему мнению. А теперь стоит заняться другим, более важным делом. Собственность и жизнь многих людей поставлены на карту, и наш долг — предотвратить несчастье. Споры здесь неуместны.

— Совершенно верно, сэр. Я ведь спорю так, походя. Когда наступит время действий, вы, конечно же, увидите меня на нужном месте, даже, может быть, таким же уверенным и спокойным, как и вы. Физическая сила — это еще не все! Запомните это!

Лорд горел негодованием и мерил геркулесову фигуру Файерхэнда придирчивым взглядом. В тот момент казалось, что знаменитый охотник даже не знал, как поступить с англичанином, и лица его коснулась тень, но тут же черты разгладились, и вестмен улыбнулся вновь:

— Спокойно, сэр! До того момента, как мы с вами познакомились, мы отнюдь не собирались грубить друг другу! Вы здесь пока новый человек.

Слово «новый» сыграло обратную роль, и лорд, еще более рассерженный, повысил голос:

— Кто вам это сказал? Разве я похож на новичка? По крайней мере, я экипировался, как принято в прериях! Вы же похожи на человека, только что вышедшего из какого-нибудь клуба или покинувшего женское общество!

И верно, внешне все выглядело именно так! Олд Файерхэнд до сих пор был одет в элегантный дорожный костюм, в котором появился еще на пароходе. Ему не во что было переодеться, ибо его охотничья одежда ждала его на ферме Батлера — ее туда привез инженер. Во время поездки к рафтерам и других передряг костюм Файерхэнда сильно пострадал, но в свете блеклого, прибитого дождем пламени костра был как новый, поэтому знаменитый охотник в этот момент не казался лорду образцом настоящего вестмена. Олд Файерхэнд с улыбкой кивнул и сказал:

— Не могу, сэр, не признать вашу правоту, но у меня здесь, на старом Западе, еще будет время сменить наряд. Во всяком случае, я хотел бы, чтобы мы стали друзьями.

— Если вы говорите серьезно, то не обижайтесь больше из-за спора, ибо истинные джентльмены познаются в пари. Впрочем, я не понимаю, почему вы остаетесь здесь и не хотите тотчас с нами скакать к ферме. Именно это в первую очередь и дало мне повод сомневаться в вас.

— Есть веские основания.

— Мой белый брат назовет их мне? — раздался голос вождя осэджей.

— Да. Достаточно будет, если ты поедешь и оповестишь Батлера. Он тот человек, который сделает нужные приготовления. Я останусь с рафтерами и попробую придержать трампов, чтобы они шли помедленнее и не появились там раньше, чем нужно.

— У моего брата всегда лучшие мысли, но Батлера нет в его вигваме!

— Нет? — вырвалось у Олд Файерхэнда от неожиданности.

— Нет. Когда я ехал в Осэдж-Нук, я проезжал мимо фермы и заглянул туда, чтобы выкурить трубку мира с моим белым другом Батлером. Но я не застал его дома. Его посетил далекий брат со своей дочерью, и они вместе отправились в Форт-Додж, чтобы купить хорошую одежду для юной белой госпожи.

— Так значит, его брат уже прибыл! Ты знаешь, сколько времени Батлер будет находиться в Форт-Додже?

— Еще несколько дней.

— А когда ты был на ферме?

— Позавчера утром.

— Тогда я непременно должен ехать туда! — заключил Олд Файерхэнд и вскочил. — Сколько тебе нужно времени, чтобы ты смог привести на

помощь своих осэджей?

— Если я поеду сейчас, то в следующую полночь мы будем на ферме.

— Слишком поздно. Осэджи теперь в мире с шайенами и арапахо?

— Да. Мы зарыли топоры войны в землю.

— Эти племена обитают с другой стороны реки, и отсюда до них можно доехать за четыре часа. Мой брат готов, чтобы передать им послание от Олд Файерхэнда?

Доброе Солнце взглянул охотнику в глаза и, не говоря ни слова, пошел к своему коню.

— Скачи туда, — продолжал Олд Файерхэнд, — и передай обоим вождям мою просьбу — как можно быстрее с сотней воинов прибыть к ферме Батлера.

— Это все?

— Да.

Вождь осэджей одним махом вскочил в седло и, дав коню шенкелей, исчез в ночной тьме. Лорд глядел на все это с нескрываемым удивлением. Неужели в самом деле такой большой вождь беспрекословно подчинился этому человеку в салонном пиджаке? Англичанин лишь успел подумать, а знаменитый вестмен уже сидел в седле.

— Господа, мы не можем терять ни минуты, — проговорил он. — Хотя наши кони устали, до фермы Батлера они должны дотянуть. Вперед!

В один миг отряд был готов к отъезду: впереди Олд Файерхэнд со своими бывшими знакомцами и охотниками, за ними рафтеры и в конце процессии — оставленные вождем осэджи с лошадьми без седоков. Огонь был погашен, и отряд двинулся в путь. Сначала животные двигались шагом, потом рысью, а позже, когда глаза уже привыкли к темноте, лошади понеслись галопом. Лорд нагнал Горбатого Билла и спросил у горбуна:

— А Олд Файерхэнд не заблудится? Разве он знает дорогу?

— О, не хуже, чем вождь осэджей! Поговаривают даже, что глаза у него, как у кошки.

— И носит выходной костюм... Странный святоша!

— Подождите еще, вы не видели его в охотничьем наряде! Тогда заговорите по-другому!

— Фигуру я и сейчас могу оценить, — буркнул лорд. — Но кто та женщина, которая чуть вас не задушила?

— Женщина? Ха! — Горбатый Билл засмеялся. — Эта леди — мужчина.

— Кто этому поверит!

— А вот поверите!

— Но ее называли «теткой»!

— Только ради шутки, ибо у него высокий, писклявый фальцет и своеобразная одежда. Его зовут Дролл, он великолепный охотник, а как трапперу вообще нет ему равного! Бобры и выдры сами бегут в его силки. Кажется, он владеет какой-то тайной приманкой, которую никто не знает. Но закончим разговоры. Похоже, что мы рехнулись — так гнать коней!

Горбатый Билл был прав. Олд Файерхэнд, как дьявол, неудержимо мчался вперед, остальные волей-неволей неслись следом с той же быстротой. Лорд был страстным любителем парфорсных ³¹ скачек и не прочь был рискнуть, но так мчаться, как сейчас, ему еще не приходилось никогда! Как в темном туннеле, их окружал глубочайший мрак — ни холмов, ни земли, которой касались копыта коней, вообще не было видно. Животные словно парили в бескрайней бездне, и все же они не сделали ни одного неосторожного шага и ни разу не споткнулись! Один конь следовал след в след другому, и все это зависело от знаний и умения Олд Файерхэнда. Его конь никогда не был в этих местах, к тому же это был самый обыкновенный жеребец, которого пришлось взять охотнику за неимением другого. Даже лорд потихоньку стал пересматривать свое отношение к этому человеку.

Так прошло полчаса, потом час и еще один; всадники мчались с короткими перерывами, чтобы дать коням перевести дух. Снова пошел дождь, но такой скудный и легкий, что не принес людям ни малейшего беспокойства. Так они скакали, пока спереди до остальных не донесся громкий голос Олд Файерхэнда:

— Осторожно, господа! Дорога идет вниз, а потом через брод. Вода достигает там лишь брюха животных.

Всадники сбавили темп и услышали шум реки, а вскоре, несмотря на кромешную тьму, заметили фосфоресцирующую гладь воды. Лошади сразу бросились в воду. Пока они шли по броду, всадники принимали ножные ванны, ибо вода действительно не поднималась выше брюха животных, которые очень быстро достигли противоположного берега. Еще одна минута скачки, лошади остановились, и лорд услышал звонкий голос колокола, хотя перед глазами было все так же темно, как и прежде.

— Что это? Кто звонит и где мы? — начал спрашивать он Горбатого Билла.

— Мы у лестницы фермы Батлера, — ответил тот.

— Разве вы видите хоть что-нибудь, напоминающее ферму?

— Нет, но еще несколько шагов, и вы упрутся в стену.

Залились собаки, по глухому и злобному лаю которых можно было

судить об их немалых размерах. Затем послышался вопрошающий голос:

— Кто там? Кто хочет войти?

— Мистер Батлер уже вернулся? — спросил Олд Файерхэнд.

— Нет.

— Тогда принесите от леди ключи и скажите, что здесь Олд Файерхэнд.

— Олд Файерхэнд? Well, сэр! Сейчас быстро схожу. Мэм не спится, не спят и другие. Осэдж недавно проскакал мимо и сообщил, что вы приедете следом.

— Что за люди?! — в очередной раз удивился лорд. — Этот вождь приехал сюда еще быстрее, чем мы!

Через несколько минут всадники услышали, как кто-то успокоил злых псов, потом звякнули ключи, крякнули деревянные засовы, взвизгнули петли, и, наконец, лорд увидел множество фонарей, чей свет сделал еще более непроглядной темноту казавшегося бескрайним двора. Поспешившие со всех сторон слуги взяли коней всадников и потом проводили гостей в высокий, угрюмо выглядывший дом. Одна из служанок попросила Олд Файерхэнда подняться наверх, к мэм. Для других на первом этаже дома была открыта большая, дочерна закоптелая комната, с потолка которой свисали тяжелые нефтяные лампы. Там уже приготовили несколько столов со стульями и скамьями, на которые тотчас сели уставшие люди. На столах лежали всевозможные продукты, стояли бутылки и стаканы — результат того, что вождь осэджей поспешил предупредить хозяйку фермы заранее.

Рафтеры и осэджи сели за двумя длинными столами и сразу храбро и молча принялись за еду, ибо вестмены не раздают и не любят слушать ненужные в подобных делах комплименты. Элита общества расположилась вместе за отдельным столом: лорд сел рядом с Горбатым Биллом и Дядей Шомполом, тут же к ним подсели Дролл с молодым Фредом Энгелем и Черный Том, сел с ними и старый Миссури-Блентер.

Еда и питье у вестменов в почете, а уж когда наступало время трапезы — держись кто может! Внешне лорд напоминал человека, случайно оказавшегося в волчьей стае и вынужденного выть по-волчьи вместе со зверями — он отбросил все свои привычки и принялся за еду с таким же вожделением, что и его соседи.

Позже показался Олд Файерхэнд с хозяйкой дома, которая очень любезно приветствовала гостей. Она пояснила англичанину, что для него приготовлена отдельная комната, но тот сразу возразил, что не хочет иметь никаких преимуществ перед товарищами, ибо он теперь не кто иной, как вестмен! Новость порадовала остальных, которые выразили громкое и

искреннее одобрение. Потом Олд Файерхэнд посоветовал друзьям обязательно поспать остаток ночи, чтобы завтра быть свежими, ибо на ферме достаточно слуг и пастухов, с которыми он сам займется необходимыми приготовлениями.

Тем временем лорд не мог оторвать от Файерхэнда своих удивленных круглых глаз, ибо тот совершенно неожиданно преобразился, сменив свое цивильное платье на охотничий костюм. Теперь он был одет в обшитые бахромой по обеим сторонам короткие легины, достигавшие лишь колен, заправленные в высокие, с отворотами, сапоги. На нем была жилетка из мягкой, добела выдубленной кожи косули и короткая охотничья куртка из оленьей кожи, поверх которой хорошо сидела плотная широкая накидка из кожи, снятой с брюха бизона. Его крепкие бедра стягивал широкий кожаный пояс, за который был заткнут маленький револьвер, а голову прикрывала широкополая шляпа из бобровой кожи со свисающим вниз хвостом, призванным, пожалуй, скорее защитить затылок вестмена от предательского удара сзади, нежели придать ему вид разухабистого авантюриста. Вокруг шеи на цепочке вместе с зубами серого медведя висела трубка мира с великолепно вылепленной из священной глины чашечкой. Все швы накидки были оторочены когтями гризли, а если учесть, что такой человек, как Олд Файерхэнд, никогда не носил чужих трофеев, то можно сделать вывод, как много этих ужасных зверей пало от его пуль и крепких рук. Когда Файерхэнд снова удалился вместе с хозяйкой, лорд обратился к своим соседям:

— Теперь я верю всему, что о нем говорят! Этот человек действительно великолепен!

— Да! — отозвался Дролл. — Вестмена не всегда можно оценить по одной фигуре, ибо большее значение имеет душа! Не всегда такие великаны обладают большим мужеством, хотя у него, конечно, с этим все в порядке. Олд Шеттерхэнд не так широк и высок, а Виннету, апач, еще меньше похож на исполина, но они оба не уступят ему ни в чем!

— И в физической силе тоже?

— Да. Я сам видел, как Олд Шеттерхэнд одной рукой несколько раз мог встряхнуть крепкого мустанга, да так, что у того ноги отрывались от земли. Кто знает, сможет ли так сделать Олд Файерхэнд? Мышцы настоящего вестмена постепенно становятся как железо, а сухожилия как сталь, даже если он внешне и не похож на Геракла!

— Так значит, и вы из стали и железа, мистер Дролл?

В голосе лорда послышалась усмешка, но Дролл приветливо улыбнулся:

— Вы хотите в этом убедиться?
— Да, очень хочу.
— Кажется, вы сомневаетесь?
— Разумеется! Тетка — и стальные мышцы! Давайте поспорим?
— О чем и на что?
— Кто сильнее, я или вы? — по-детски распалился лорд. — Почему бы и нет?

Наконец-то англичанин нашел того, кто готов был с ним поспорить! Он радостно вскочил и воскликнул:

— Но, Тетка Дролл, я укладывал тех, кому пришлось бы нагибаться, чтобы только заметить вас! Вы действительно решитесь?

— Разумеется.
— Спорим на пять долларов!
— Well!
— Я вам их даю в кредит.
— Благодарю! Дролл не берет в долг.
— Так у вас есть деньги?
— На ваш век хватит, сэр!
— Даже десять долларов?
— Даже десять.
— Или двадцать?
— Почему нет!
— Тогда пятьдесят? — оживился лорд.
— Согласен! Но не больше, ибо не хочу оставить вас без денег, сэр!
— Что? Как? Лишить лорда Кастлпула его денег? Вы в своем уме, Тетка? Закончим с деньгами! Вот пятьдесят долларов!

Он выдвинул вперед висевшую сзади на ремне сумку, вытащил оттуда десять пятидолларовых банкнот и положил их на стол. Дролл сунул руку в рукав своего спального халата и выставил мешочек на обозрение. Открыв его, он показал лорду, что тот наполнен золотыми самородками величиной с лесной орех. Положив пять из них на стол, Дролл быстро спрятал мешочек обратно и сказал:

— У вас лишь бумажки, милорд! Хм! Тетка Дролл имеет дело только с настоящим золотом! Самородков здесь больше, чем на пятьдесят долларов. А теперь можно начать, но как?

— Сначала вы покажете мне, как это делается, потом я, а затем поменяемся.

— Нет, я лишь «тетка», а вы лорд! Так что слово за вами.

— Хорошо! Стойте крепко и напрягите мышцы; я подниму вас на стол!

— Попытка — не пытка...

Дролл расставил ноги, а лорд схватил его крепко за пояс и попробовал поднять, но ноги Тетки ни на дюйм не оторвались от пола комнаты, словно Дролл был врыт в землю. Англичанин попробовал еще несколько раз и в конце концов должен был признать, что не в состоянии выполнить задуманное, хотя и утешил себя словами:

— Я вас не поднял, но и вам не удастся проделать это со мной!

— Увидим! — рассмеялся Дролл, уставившись в потолок, в котором прямо над их столом торчал железный крюк для лампы. Те, кто перехватил этот взгляд и знал весельчака, действительно обладавшего необычайной физической силой, украдкой улыбнулись.

— Ну, вперед! — произнес ничего не подозревающий лорд.

— Значит, только на стол? — уточнил Дролл.

— А вы хотите поднять меня выше?

— Насколько можно. Осторожно, сэр!

Несмотря на свой балахон, Дролл одним прыжком вскочил на стол и схватил англичанина под мышки. Тот взлетел вверх над столом так быстро, что не успел понять, как это произошло, а мгновение спустя уже висел под потолком прицепленный поясным ремнем за крюк. Дролл спрыгнул вниз и с улыбкой спросил:

— Ну, вы вверху, сэр?

— О Господи! О горе мне! Снимите меня вниз, снимите! Если крюк ослабнет, я сверну шею! — взмолился англичанин, дергая руками и ногами, не чувствуя опоры.

— Скажите лишь, кто выиграл?

— Вы, конечно, вы!

— Ну, что, будем продолжать спор?

— Я освобождаю вас. Снимите меня вниз! Быстрее, быстрее!

Под оглушительный хохот присутствующих Дролл снова залез на стол, с которого, конечно, предварительно была убрана посуда, взял англичанина двумя руками за ремень, приподнял немного, чтобы ремень слез с крюка, затем опустил, поставив на стол рядом с собой, а потом и на пол. Спрыгнув вниз, Дролл положил ему руку на плечо и спросил:

— Ну, сэр, как вам нравится «тетка»?

— Очень-очень нравится! — ответил лорд, не отрывая глаз от того места, где он только что висел.

— Тогда в мешок эти старые бумажки!

Дролл спрятал банкноты и самородки в мешочек и продолжил с усмешкой:

— Прошу вас, милорд, если у вас еще когда-нибудь появится желание поспорить, смело обращайтесь ко мне! Я всегда к вашим услугам!

Он снова расставил на столе тарелки, бутылки и стаканы, ловя на себе уважительные взгляды. Лорд же отошел в сторону, осматривая свои руки, ноги и ремни, проверяя, все ли на месте, а когда увидел, что все в порядке, подал Тетке руку, неожиданно рассмеялся и с удовлетворением произнес:

— Прелестное пари! Не так ли? Все же отличные парни, эти вестмены! Надо только учтиво обходиться с ними!

— Ну, я думаю, что лишь в том случае, если и с вами учтивы, сэр!

— Тоже правильно! Вы действительно сильны, а значит, у меня есть все основания предположить, что вы наверняка родом из Старой Англии?

— О нет, сэр. Я немец, — ответил Дролл скромно.

— Немец? Ну тогда, конечно, из Померании?

— Не угадали! Тамошние цветочки выше и шире меня. Я из Альтенбурга.

— Хм! Маленькое гнездышко!

— Немецкое герцогство, сэр! Там готовят отличный козий сыр.

— Не слышал.

— Очень жаль!

— Вы великолепный парень, Дролл, и мне интересны. Но ведь вестменом вы были не всегда? Или в Альтенбурге тоже есть трапперы?

— В мое время не было, хотя сейчас, может быть, и появились.

— Кем был ваш отец и почему вы переехали в Соединенные Штаты?

— Лордом мой отец не был, он был куда важнее!

— Черт возьми, это невозможно!

— Вы только лорд и, вероятно, ничего больше. Мой же отец научился многим занятиям!

— Ну, каким же? — не понимал англичанин, ожидающий услышать очень занимательную историю жизни.

— Он приглашал на свадьбы, крестины и погребения, был звонарем, работал церковным служкой, могильщиком, кельнером, точильщиком кос, садовым сторожем и наряду с тем являлся фельдфебелем гражданской гвардии. Этого мало?

— Well, более чем достаточно!

— Верно, а если бы я хотел сказать короче — он был просто отличным парнем!

— Он умер?

— Очень давно. У меня не осталось родных.

— И вы от тоски перебрались за океан?

— Не от тоски. Мой диалект подвел меня.

— Ваш диалект? Разве это возможно?

— Чтобы понять, вы должны быть немцем или, по меньшей мере, говорить по-немецки. Считается, что каждый человек носит в себе две сути — ангела и дьявола. Так вот, мой дьявол — альтиенбургский диалект! Он гнал меня на родине из одного дома в другой, от одной улицы к другой, с одного места на другое и в конце концов загнал за океан. Здесь говорят по-английски, и лишь поэтому мой сатана перестал меня преследовать. Я тоскую по родине, у меня даже скопились средства, чтобы надолго обрести там покой, но, к сожалению, не могу, ибо стоит мне только высадиться на сушу, как в Гамбурге или Бремерхафене этот дьявол тотчас набросится на меня!

— Я не понимаю.

— Но я понимаю, — вмешался Черный Том. — Наш Дролл говорит на таком ужасном немецком, что на другой стороне океана никто его не поймет.

— Тогда он должен выучить его лучше!

— Ничего не выйдет! Со всех сторон ему вдалбливали правильное произношение, но все напрасно — это лишь больше сбивало его с толку. Давайте поговорим о другом; он не любит эту тему!

Тем временем снова вернулся Олд Файерхэнд, настоятельно обратив внимание еще раз, что неплохо бы поспать, ибо уже с раннего утра придется стоять на ногах. Люди повиновались с похвальной готовностью и отправились в другое помещение, внутри которого стояли лежаки, представляющие собой деревянные рамы с натянутой на них прочной кожей, которые служили обслуге фермы как гамаками, так и постелью. Для удобства каждому гостю выдали мягкие подстилки и покрывала, и неприхотливые люди, имевшие по западным меркам поистине роскошные покои, забылись крепким сном.

Глава седьмая. В БОРЬБЕ ЗА ФЕРМУ БАТЛЕРА

Защитников фермы разбудили ранним утром. Летний день обещал быть теплым, даже жарким, и в приветливом утреннем свете еще вчера казавшееся таким мрачным здание сегодня выглядело совсем иначе. Построенный из кирпича и оборудованный для многих жильцов двухэтажный дом с плоской крышей оказался очень длинным и широким. Окна были достаточно высокие, но все же такие узкие, что человеку вряд ли удалось бы протиснуться внутрь. Предосторожность в этой местности, где частенько орудовали разбойничьи шайки индейцев, не была лишена здравого смысла. В тех местах довольно часто случается или, по меньшей мере, случалось, что жителям одиноких домов или ферм, расположенных вдали от соседей, приходилось обороняться от всякого сброда.

Большой обширный двор, который окружала снабженная бойницами стена из прочного адобес [32](#), также казался очень удобным для защиты от нападения. Вдоль стен между амбразурами располагались широкие деревянные подставки, на которые можно было подняться и при необходимости вести огонь через стену.

Недалеко от фермы шумела река, брод через которую позволил вчера ночью Олд Файерхэнду и его друзьям добраться сюда. Со стены брод хорошо простреливался ружейными пулями и еще ночью по приказу охотника был заставлен непроходимыми заграждениями. Олд Файерхэнд решил соблюсти все необходимые меры предосторожности и приказал отогнать стадо Батлера на пастбище ближайшего соседа, что тоже было сделано до наступления утра. Кроме того, Файерхэнд выслал посланца в район Форт-Доджа, с целью предупредить обоих братьев Батлеров о грозящей опасности, если те уже находились на пути домой — нельзя было допустить, чтобы они попали в руки трампов.

Олд Файерхэнд вывел своих спутников на крышу дома, откуда открывался широкий обзор: с востока и севера тянулась волнистая травянистая прерия, с юга и запада — широкие и ухоженные поля, засеянные маисом и другими культурами.

— Когда можно ждать индейцев? — уточнил Дролл.

— Судя по расчетам вождя, они могут скоро заявиться, — ответил Файерхэнд.

— Не думаю. Эти краснокожие должны сначала собраться, возможно, даже издалека, а к тому же, они никогда не ступят на тропу войны до того, как исполнят свои старые обряды! Хорошо, если они к полудню появятся здесь, а тем временем трампы могут быть уже рядом. Я не слишком доверяю шайенам и арапахо.

— Я тоже, — согласился Билл. — Эти племена немногочисленны и давно не держали в руках боевых топоров. На них нечего полагаться, а других сильных соседей у нас нет, так что надо готовиться к долгой осаде.

— Этого не стоит опасаться, ибо в погребках большие запасы, — заметил Олд Файерхэнд.

— А вода — это же самое главное! — снова вмешался Дролл. — Если трампы станут у стен, мы не сможем спуститься к реке и набрать воды.

— Это и не нужно. В одном из погребов есть колодец, из которого берут питьевую воду, а для животных подойдет канал.

— Разве здесь есть канал?

— Да. Здесь все подготовлено на случай войны. Может быть, вы заметили, что за домом есть деревянный люк? Так вот, если его открыть, можно увидеть лестницу, ведущую к покрытому сводом подземному каналу, который где-то снаружи связан с рекой.

— Он глубокий?

— В человеческий рост. Воды там по грудь.

— А он выходит прямо в реку?

— Нет! Враг не сможет его заметить, ибо то место на берегу густо заросло кустами и вьющимися растениями.

Собственно говоря, Дролл не связывал никаких четких планов с этим каналом, чтобы была причина так подробно о нем осведомляться, но позже эти знания оказались как нельзя кстати.

Хозяйка дома вместе с Олд Файерхэндом всю ночь провела в заботах и лишь с наступлением дня удалилась в свои покои; она даже не успела переговорить с гостями, но тем грех было жаловаться, ибо о них хорошо позаботились. Столы, лавки, стулья, на которых вчера сидели люди, теперь вытащили во двор — было решено завтракать на свежем воздухе. Потом из дома вынесли все имеющиеся запасы оружия и амуницию с целью проверить их пригодность.

Позже Олд Файерхэнд вместе с госпожой Батлер сидел на смотровой площадке дома и с нетерпением поглядывал на юг, откуда должны были появиться индейцы. Наконец, полдень миновал, и вдали показался длинный ряд пеших краснокожих воинов, идущих гусиным маршем — это были ожидаемые всеми индейцы с гордо восседавшим на своем жеребце Добрым

Солнцем во главе.

Когда они неторопливо проходили через ворота, Олд Файерхэнд насчитал более двухсот человек, но, к сожалению, действительно хорошо вооруженных среди них было очень немного. Большинство индейцев вообще не имели коней, а те, у кого они были, отказались взять их с собой, готовые скорее положить себя, чем дать погибнуть своим животным. Впрочем, для защиты хорошо укрепленной фермы не нужны были всадники.

Олд Файерхэнд разделил в прошлом очень гордых, а теперь потерявших былой пыл краснокожих на две группы: первая должна была остаться на ферме, а вторая, под предводительством вождя осэджей — отправиться к границе пастбища ближайшего соседа, куда раньше перегнали скот. У этих людей была задача предупредить возможное нападение трампов с той стороны. Чтобы обострить внимание и поднять боевой дух в рядах этого не очень организованного воинства, за каждого убитого трампа Олд Файерхэнд пообещал награду, после чего вождь увел свой отряд.

Таким образом, за стенами фермы находились теперь чуть больше сотни индейцев, двадцать рафтеров и охотники. Против огромной орды трампов это было, конечно, не густо, но один вестмен или рафтер стоил нескольких бродяг; не надо было также сбрасывать со счетов крепкие стены и дом. Какие-либо особые приказы никто пока не отдавал: с какой стороны будет совершено нападение трампов, точно сказать было нельзя.

Теперь ничего другого не оставалось, как только спокойно ждать их появления. Стоит отметить и то, что миссис Батлер смотрела опасности в лицо с достаточным спокойствием. Ей, женщине, не пришлось и в голову утомлять своих людей стонами и вздохами. Наоборот, она собрала их вокруг себя и за верность и мужество пообещала не забыть их заслуг. Их было около двадцати слуг, которые понимали толк в оружии и на которых Олд Файерхэнд мог смело положиться.

Когда все приготовления были закончены, Олд Файерхэнд снова вышел на смотровую площадку с хозяйкой и англичанином. Он держал в руке огромную подзорную трубу лорда и старательно изучал окрестности с той стороны, откуда вероятнее всего должны были появиться трампы. После долгих напряженных стараний ему все же удалось обнаружить место, где сгрудились в кучу люди и животные, которых невооруженным глазом увидеть было просто нельзя. Ими оказались, конечно, трампы. Вскоре от них отделились три фигуры и двинулись в направлении фермы; люди шли пешком. Сняв одежду, посланцы сразу переплыли реку, не

удосужившись осмотреть брод, словно не знали, что он существует, а на самом деле просто не подозревали, что он непроходим. Им нужно было сыграть роль несведущих чужаков.

— Так, высылают разведчиков! — заметил Олд Файерхэнд. — Возможно, они так дерзки, что потребуют их впустить.

— Это была бы смелость, о присутствии которой у этих людей я и не подозревал, — заметил лорд.

— Почему нет? Они послали трех негодяев из тех, кто раньше не был с Полковником и которых здесь никто не знает. Они войдут внутрь под каким-нибудь предлогом. Кто бы им мог отказать? Спустимся вниз на верхний этаж, чтобы они нас не видели на крыше. Сможем наблюдать за ними и через окно.

Кони вчера прибывших находились за домом, так что заметить их посланцы не могли. Все защитники фермы также поспешили укрыться, чтобы трое трампов, если они войдут во двор, убедились, что на ферме нет достаточной охраны.

Они медленно подошли поближе, и Олд Файерхэнд заметил, что один из трампов поднял другого, чтобы через окно бойницы осмотреть двор. Он тотчас отдал еще несколько распоряжений, которые счел необходимыми, потом быстро спустился вниз. В тот момент, когда зазвенел колокол, охотник подошел к воротам и спросил, что нужно.

— Фермер дома? — откликнулся чей-то голос.

— Нет, он уехал, — ответил вестмен.

— Мы ищем работу. Вам не нужны пастухи или слуги?

— Нет!

— Тогда мы хотели бы хоть перекусить с дороги. Мы идем издалека и очень голодны. Прошу, впустите нас!

Это было сказано очень жалостливым тоном. На всем Западе не найдется фермера, который бы прогнал голодного. У всех первобытных народов и везде, где нет отелей и гостиниц, этот недостаток компенсируется неписаными законами гостеприимства; так же обстоят дела и на Диком Западе. Отказ был бы не только жестокостью по отношению к нуждающемуся, но и позором для фермы, а скорее, для ее владельца.

Людей впустили, а когда дубовые ворота снова были закрыты на засов, им дали указание сидеть около дома на том месте, где, похоже, оставаться им отнюдь не хотелось. Хотя они и придали себе равнодушный вид, все же не могло ускользнуть, что трампы внимательно осматривали дом и окрестности, временами переглядываясь друг с другом.

— Мы бедные, маленькие люди и не хотим никому докучать! — подал

голос один из них. — Позвольте нам остаться у ворот, где больше тени, нежели тут. Мы сами принесем себе стол.

Их просьбу удовлетворили, хотя намерения бродяг были видны насквозь — трампы хотели остаться у ворот, чтобы открыть их своим друзьям, которые тем временем медленно подтягивались к ферме. Посланцы сами вынесли из дома стол и три стула, а потом служанка подала им еду. Теперь на этой стороне двора не было видно ни одного человека, поскольку все, включая Олд Файерхэнда и служанку, скрылись из виду.

Мнимые рабочие, как понял Олд Файерхэнд, скользя своим острым взглядом по их физиям и жестам, которыми те сопровождали тихий разговор, были очень обрадованы отсутствием людей. Они были уверены, что если внутри дома фермы и находятся какие-нибудь защитники, то их так мало, что их вовсе не стоит принимать во внимание. Временами один из трампов вставал и словно невзначай подходил к ближайшей бойнице, через которую осторожно выглядывал наружу. Это повторилось несколько раз и служило верным знаком, что парни ожидают скорого прибытия трампов.

Олд Файерхэнд тем временем стоял на верхнем этаже у окна и через трубу наблюдал за местом, откуда последние должны были появиться. Трампы сразу после отправки разведчиков снова скрылись из виду, но теперь показались опять, всю гоня коней галопом, чтобы как можно быстрее покрыть расстояние, которое отделяло их от фермы.

Среди них, похоже, находились те, кто хорошо знал местность, ибо всадники сразу взяли направление к броду. Когда они его достигли и увидели заграждения, им пришлось остановиться, чтобы обследовать место. Это послужило для Олд Файерхэнда сигналом начала действий. Он быстро сбежал вниз к воротам, не обращая внимания на лазутчиков. Один из трампов в тот момент снова стоял у бойницы и высматривал своих товарищей. От неожиданности он испугался и, поняв, что замечен, быстро отошел назад.

— Что тебе здесь надо? Что ищешь у бойницы? — спросил у него вестмен резким тоном.

Тот смущенно взглянул снизу вверх на огромного охотника и ответил:

— Я... я хотел... я хотел посмотреть, куда нам идти дальше.

— Не лги! Дорогу свою все вы прекрасно знаете. Она ведет к людям, которые собрались у реки.

— О ком вы говорите, сэр? — с притворным удивлением осведомился трамп. — Я никого не заметил.

— Если бы это было правдой, ты был бы слепым, но ты зрячий, а

значит, видел всадников.

— Каких всадников? Кто они?

— Хватит попусту тратить время! Вы из банды трампов с Осэдж-Нук, которые хотят напасть на нас и которые вас сюда прислали.

Тут парень скорчил мину ужасно обиженного и с негодованием выкрикнул:

— Что? Мы — трампы? Сэр, мы честные и прилежные рабочие и не имеем ничего общего с бродягами, если они действительно есть тут. Мы ищем работу, но у вас ничего не нашли и пойдем дальше, чтобы поискать в другом месте. Причислять нас к такому сброду — просто оскорбление! Подумайте, что вы говорите! Если бы действительно трампы хотели напасть на вас, а мы были бы из их банды, с какой целью нам понадобилось бы наведываться к вам? Это рискованное дело, которое могло бы плохо закончиться.

— Цель совершенно ясна. Наши стены слишком высоки, поэтому вы под предлогом поиска работы и должны были прийти к нам, чтобы открыть ворота своим сообщникам. По какой другой причине вы сели так близко от ворот?

— Сэр! — вскипел человек, схватившись за сумку.

Но Олд Файерхэнд уже выхватил револьвер и с угрозой произнес:

— Оставь свои игрушки! Как только я их увижу, сразу нажму на курок. Вы действительно рисковали, прибыв сюда, ведь я мог задержать вас и призвать к ответу, но для меня вы никакой опасности не представляете, а потому я вас отпускаю. Выходите и скажите вашему сброду, что каждому, кто перейдет реку, мы пустим пулю в лоб! Все! Убирайтесь!

Он открыл ворота. Трампы, казалось, еще что-то хотели сказать, но ствол направленного на них револьвера возымел действие. Однако, когда бандиты очутились за воротами и засов был задвинут, послышался насмешливый голос:

— Глупец! Зачем же ты нас отпустил, если мы трампы? Посмотри, сколько нас! С парой твоих людей разговор у нас будет короткий, и через четверть часа их вздернут!

— А вы будете первыми, кто отправится на тот свет! — крикнул им вдогонку Олд Файерхэнд. При этом он подал условный знак, по которому скрывшиеся защитники вышли из-за дома и быстро заняли места у бойниц. Он сам встал у одной из них, чтобы наблюдать за передвижением противника.

Выгнанные разведчики теперь достигли берега реки и выкрикивали какие-то слова, которые со стены трудно было разобрать. После этого

несколько трампов поскакали к воде и погнали коней в реку, чтобы переплыть на другую сторону.

— Возьмите на мушку этих шпионов, как я и предупреждал их! — приказал Олд Файерхэнд Черному Тому, Блентеру и Дролла, которые стояли рядом. — Я беру на себя первых двух, выходящих из воды. После меня стреляют Билл, Дядя, лорд и другие в том порядке, как стоят. Каждый получит своего человека, но не стреляйте вдвоем в одного и того же, ибо надо беречь патроны и порох! Передайте это по цепочке!

— Ладно! — ответил Горбатый Билл, послунявив мушку длинного ружья и просунув его в бойницу. — Буду держаться этой последовательности.

А его приятель Дядя Шомпол продекламировал:

— Только трампы реку перейдут,
Взять на мушку их мы не сочтем за труд.
В каждого прицелимся мы тщательно,
К дьяволу отправим обязательно!

Наконец первый всадник добрался до берега, второй уже следовал за ним. В том месте, где они выходили на сушу, их ждали лазутчики, выдававшие себя за мнимых рабочих. Олд Файерхэнд подал знак. Загрохотали выстрелы — его ружье и ружья Тома и Дролла разрядились почти одновременно. Оба передних всадника уткнулись носом в мокрый берег, а рядом с ними рухнули замертво трое разведчиков. Увидев это, трампы подняли яростный вой, скачущие сзади стали напирать на передних, чтобы скорее достичь берега. Один толкал другого навстречу гибели, ибо как только очередной конь выходил на берег, всадника тотчас выбивала из седла пущенная с фермы пуля. Через две минуты по берегу метались более двух десятков испуганных коней, потерявших седоков.

Такого горячего приема трампы не ожидали. Те разведчики, которые вернулись с фермы, когда еще были живы, кричали им через реку, что ферма слабо защищена. А теперь из бойниц гремели выстрел за выстрелом, и ни одна пуля не прошла мимо! Яростный вой перерос в крики ужаса; теперь раздавались совершенно другие приказы и находящиеся в воде всадники быстро поворачивали своих коней обратно, чтобы вернуться на другой берег живыми.

— Отбили! — послышался голос Миссури-Блентера. — Любопытно, что они теперь предпримут?

— Насчет этого у меня нет никаких сомнений, — заметил Олд Файерхэнд. — Они попробуют переплыть реку в другом месте, где их не достанут наши пули.

— А потом?

— Потом? Пока еще трудно сказать. Если они пораскинут мозгами, то нам будет туго.

— А что вы под этим подразумеваете?

— Они не станут бросаться скопом, а должны будут рассредоточиться. Если они оставят своих коней, а потом одновременно со всех четырех сторон бросятся к стене, укрывшись за ней, нам придется очень тяжело. Мы будем вынуждены распределиться на четыре фронта, а если трампы в какой-то момент стянут свои силы в одну точку, то, возможно, смогут перелезть через стену.

— Это так, но многих из них мы стерли бы в порошок, хотя сами остались бы без укрытия.

— Ха! Нам пришлось бы отступить в дом, откуда снова заставили бы их убраться за стену. Наше счастье, что двор такой большой и свободный, а дом стоит в самом центре. Но пока выждем, что они станут делать. Кажется, они готовятся.

Трампы снова собрались толпой, от которой отделились четверо, вероятно, предводители. Лиц их узнать было нельзя, но оживленная жестикуляция давала понять, что говорили они о чем-то важном. Потом все двинулись вверх по реке, на север, пока не оказались за пределами ружейного выстрела с фермы. Там они спокойно переправились через реку. Когда они снова собрались вместе, образовали большую группу, которая повернулась фронтом к воротам. До этого момента защитники восточной стороны стояли у своих бойниц, но теперь Олд Файерхэнд громким голосом скомандовал;

— Быстро всем на северную сторону! Трампы идут прямо на ворота!

— Не смогут же они проломить их! — заметил Блентер.

— Нет, но если они доберутся до них беспрепятственно, то смогут быстро перемахнуть через ворота прямо с седел, и тогда им удастся зажать нас внутри двора!

— Сначала многие из них найдут смерть!

— Но еще больше останется! Не стрелять, пока я не дам команду, а потом выстрелим все одновременно — два залпа из двустволок в самую их гущу.

Северная стена тотчас была занята. Часть защитников распределилась у бойниц, часть между ними на подставках, с которых можно было стрелять через стену. Последние пригнулись, чтобы не быть замеченными раньше времени.

Предположение Олд Файерхэнда оправдалось — большая группа

всадников неслась галопом прямо к воротам. Лишь когда трампы оказались на расстоянии не более восьмидесяти шагов от ворот, прозвучал приказ открыть огонь; два залпа грохнули быстро один за другим, словно стреляла одна-единственная двустволка, и клубы дыма взметнулись над стеной. Успех полностью соответствовал ожиданиям Олд Файерхэнда. Со стороны могло показаться, будто масса улюлюкающих всадников в самый разгар скачки была задержана натянутым поперек дороги канатом. Люди и кони сплелись в единый гигантский клубок, который не мог распутаться достаточно быстро. Лорд, который управлялся с двумя карабинами, сделал еще два выстрела, а другие получили время быстро перезарядить оружие и стреляли теперь не залпами, а в беспорядке и без команд, но непрерывно. Трампы перелетали через головы животных, кувыркаясь в дорожной пыли под ногами лошадей. Бандиты попытались с ходу открыть по ферме пальбу, но тщетно — такой шквал огня они не смогли выдержать и быстро рассеялись, оставив лежать своих убитых и раненых, ибо задерживаться у них было крайне опасно. Лошади без всадников инстинктивно продолжали мчаться к воротам, поэтому защитники открыли их, чтобы впустить животных внутрь.

Когда потом трампы все же попытались взять своих раненых, им не стали мешать, проявив милосердие. Было видно, что их перенесли в раскинувшуюся вдаль рощу, чтобы там хорошо перевязать.

Тем временем наступил поддень, и храбрым защитникам раздали еду и питье. Потом часовые сообщили, что трампы ушли, оставив раненых в роще; они ускакали на запад.

— Неужели уходят? — воскликнул Горбатый Билл. — Получили хорошую взбучку, и, должно быть, урок пошел им впрок!

— Не это у них в голове, — вмешался Дролл. — Если бы они действительно отказались от своих замыслов, то забрали бы раненых с собой. Я думаю, что они теперь вспомнили о скотине, которая принадлежит ферме. Вот за ней-то они и отправились! Посмотрите вверх, на крышу! Там стоит Олд Файерхэнд с подзорной трубой в руке. Он наблюдает за мерзавцами, и думаю, скоро мы получим от него новый приказ.

— Какой?

— Идти на помощь к индейцам и пастухам.

Предположение Тетки сбылось. Трампы были теперь так далеко, что исчезли из виду, но Олд Файерхэнд пока еще держал их в поле зрения. Внезапно он крикнул сверху:

— Быстро седлайте коней! Бандиты поворачивают на юг и встретятся теперь с Добрым Солнцем и его людьми!

Не более пяти минут потребовалось на подготовку лошадей, и все, кроме нескольких слуг, оставшихся во дворе, которые при необходимости должны были открыть ворота, вскочили на коней. Под руководством Олд Файерхэнда всадники выехали наружу, завернули за ближайший угол стены и взяли южное направление. На юг от фермы раскинулось несколько полей, за которыми начиналась прерия, зеленое пастбище, в беспорядке поросшее островками высоких кустов.

Простым глазом трампов увидеть было невозможно, но Олд Файерхэнд не расставался с подзорной трубой, через которую следил за их передвижением. Благодаря этому защитникам фермы удалось параллельно и незаметно следовать за ними. Через четверть часа Олд Файерхэнд остановился, поскольку трампы тоже притормозили своих коней. Они достигли границы с выгоном соседа и заметили не только пасущийся там скот, но и вооруженную охрану.

Олд Файерхэнд быстро осмотрел островки кустарника и нашел те, которые могли служить укрытием. Скрываясь за ними вместе со своими людьми, Файерхэнд осторожно приблизился к месту, где должно было произойти вероятное столкновение. Потом они оставили коней и стали пробираться дальше, пригибаясь к земле, пока не достигли широкой группы зарослей, к которым по всем предпосылкам должны были во время борьбы приблизиться трампы. Здесь люди Олд Файерхэнда расположились так, что не могли быть замечены бандитами, и держали свои ружья готовыми к бою. Отсюда и нападавшие и защищающиеся были видны невооруженным глазом.

Первые поначалу немало удивились, увидев большую группу индейцев, охранявших стадо. Когда они могли успеть нанять краснокожих, да еще в таком количестве! Трампы были озадачены. Но скоро заметили, что индейцев не так уж много, а огнестрельного оружия у них нет, и успокоились. Предводители собрали короткое совещание, после чего без колебаний ринулись на индейцев. Было ясно, что они не собирались завязывать продолжительный бой, а хотели просто промчаться по людям и смять их. С угрожающими криками и улюлюканьем трампы всей массой помчались прямо на них.

Но Доброе Солнце, похоже, не растерялся. Он быстро отдал громкий приказ, и его люди тотчас рассеялись, так что ни о каком вклинивании в ряды краснокожих не могло быть и речи. Трампы поняли этот маневр и сделали поворот, не тронув индейцев, чтобы обойти правый фланг краснокожих и развернуться к левому, но вождь осэджей вовремя разгадал их замысел. Снова раздался его громкий голос, и снова его воины на

мгновение собрались в клубок, а потом опять рассыпались в разные стороны. Но сейчас их построение существенно изменилось — прежде краснокожие располагались с запада на восток, теперь же линия их обороны проходила с севера на восток. Осэдж изменил боевой порядок вовсе не потому, что догадывался о близости союзников, а чтобы, подобно изнуренному бизону, подставить врагу не бок, а крепкий, защищенный рогами лоб. Этот маневр сам по себе оказался искуснейшим, а кроме того, благодаря ему, чисто случайно, конечно, разбойники внезапно оказались прямо между индейцами и спрятавшимися за кустами белыми. Трампы поняли, что их план сорван, и остановились, похоже, недооценивая силу индейского оружия и чувствуя себя в безопасности, но за такую неосторожность они тотчас должны были поплатиться. Пока один из их предводителей пытался перестроить неуправляемую массу бродяг, возникла заминка, которой незамедлительно воспользовался осэдж. Он издал клич, по которому его люди быстро рванулись вперед, внезапно остановились, пустили стрелы и снова отскочили назад. Выстрелы достигли цели — мертвые, а еще больше раненые всадники выпали из седел. Раненые животные, издавая дикое ржание, вставали на дыбы и топтали бандитов, упавших в траву; кони хотели сорваться прочь и не давались седокам. Все это создало суматоху, которой теперь должен был воспользоваться Олд Файерхэнд.

— Вперед! — раздался его призывный голос. — Стрелять только по мерзавцам, лошадей не трогать!

Выступив вперед из-за кустов, его люди оказались в тылу у противника, который пока не мог их заметить. Но когда прогремели выстрелы и град свинца посыпался на головорезов, те развернулись и тут же попали под второй залп. Трампы выстрелили в ответ, но их ужас был слишком велик, чтобы удачно держать оборону.

— Назад! — взревел кто-то из них. — Мы окружены. Прорывайтесь через линию краснокожих!

Приказ тотчас был исполнен. Оставив своих мертвых и тяжелораненых на произвол судьбы, трампы снова бросились на индейцев, которые охотно пропустили их, улюлюкая им вслед.

— Они удирают! — ликовал старый Блентер. — Теперь-то уж не сунутся! Знаете, чей это голос призвал их к бегству?

— Естественно! — отозвался Черный Том. — Его голос я узнаю всегда! Это рыжий Полковник, которого, похоже, сам Сатана взял под свою защиту! Не желаете ли преследовать негодяев, сэр?

Фамильярный вопрос был обращен к Олд Файерхэнду, на который тот

ответил:

— Нет. Мы не так сильны, чтобы схватиться с ними врукопашную. Впрочем, возможно, они догадаются, что мы не были здесь прежде и пришли с фермы, чтобы помочь краснокожим. В этом случае весьма вероятно, что они поскачут туда и попытаются проникнуть за стены во время нашего отсутствия.

— А что будет с ранеными трампами и их конями?

— Предоставим их краснокожим. А сейчас не будем терять времени, быстро к лошадям!

Люди замахали шляпами, приветствуя индейцев громким «ура», которые в ответ издали пронзительный победный клич. Потом защитники фермы побежали к коням, вскочили на них и поскакали обратно к ферме. Ни одного трампа не было видно поблизости, за исключением раненых, оставшихся лежать под деревьями. По возвращении Олд Файерхэнд тотчас поднялся на плоскую крышу дома, чтобы продолжить обзор окрестностей.

Там вверху, на смотровой площадке, сидела озабоченная миссис Батлер, которая наконец к своей радости услышала, что нападение блестяще отбито.

— Так значит, мы спасены? — прошептала смелая женщина, затаив дыхание. — Раз трампы потерпели тяжелое поражение, возможно, у них теперь не хватит мужества продолжать враждебные действия?

— Может быть, — задумчиво и сухо ответил охотник.

— Только «может быть»?

— Увы! Еще раз на ваш скот они напасть не осмелятся, ибо теперь им ясно, что охраняют его не только индейцы, но и достаточное количество белых, но с домом дела обстоят иначе. Негодяи, конечно, поняли, что днем у них ничего не выйдет, и все же в ночной тьме они могут еще раз предпринять попытку штурма. Во всяком случае, надо готовиться к ночному нападению.

— Но днем они ведь больше не покажутся?

— О нет! Там, в роще, лежат их раненые, о которых они должны позаботиться. Я убежден, что мы скоро снова их увидим. Мерзавцы бежали в западном направлении, а значит, оттуда и появятся.

Охотник довольно долго смотрел в подзорную трубу на запад, пока не произнес:

— Совершенно верно, они там! Они сделали крюк и снова вернулись к раненым. Думаю, что...

Внезапно он осекся. Продолжая смотреть в трубу, вестмен повернул ее в северном направлении.

— Что случилось? — спросила хозяйка фермы, изменившись в лице. — Почему вы не продолжаете, сэр? Почему выглядите так озабоченно?

Олд Файерхэнд продолжал молча смотреть в окуляр, затем отложил трубу и ответил:

— Потому что сейчас, вероятно, происходит нечто, что вряд ли улучшит наше положение.

Что вы имеете в виду? Что должно произойти? — с тревогой спросила женщина. Вестмен задумался, очевидно решая, должен ли он говорить правду. К счастью, его затруднениям положило конец неожиданное появление лорда, вышедшего на крышу и пожелавшего осведомиться, появились ли трампы. Олд Файерхэнд тут же воспользовался моментом и ответил даме:

— Ничего не случилось, что могло испугать вас, миледи. Вы можете спокойно спускаться вниз. Единственное, о чем я вас попрошу — напоить тех, кто хочет пить.

Хозяйка направилась вниз, но, как только она исчезла, охотник сразу же обратился к лорду, который принес с собой свою гигантскую трубу:

— У меня есть веские причины удалить отсюда даму. Возьмите вашу трубу в руку, милорд, и посмотрите прямо на восток. Кого вы там видите?

Взглянув в окуляр, англичанин ответил:

— Трампов. Вижу их хорошо. Они идут.

— Действительно идут?

— Конечно! Что же они еще могут делать?

— Тогда в мою трубу видно лучше, чем в вашу, хоть она и меньше. Взгляните еще раз, движутся ли трампы?

— Нет. Они стоят...

— Лицом куда?

— На север.

— А теперь поверните трубу в северном направлении! Может быть, вы заметите, почему стали эти бездельники?

— Well, сэр, вижу! — воскликнул, наконец, лорд и через секунду продолжил: — Там трое всадников; они не видят трампов!

— Всадники? Вы уверены?

— Да! Или нет... кажется, с ними леди. Верно, это дама. Я вижу ее длинный костюм для скачек и развивающуюся вуаль.

— А кто эти трое, вы знаете?

— Нет. Откуда мне знать... Хей-хо, а не...

— Вот именно! — кивнул Олд Файерхэнд озабоченно. — Это они —

фермер и его брат с дочерью. Индеец, которого мы выслали к ним навстречу, похоже, не встретился с ними.

Лорд сложил трубу и возбужденно затараторил:

— Тогда нам надо срочно седлать коней, иначе они попадут в руки трампов!

Он хотел было уже бежать вниз, но охотник задержал его своей железной рукой и сказал:

— Подождите, сэр, не поднимайте паники! Леди ничего не должна знать! Мы уже не сможем ни предупредить, ни помочь — слишком поздно. Смотрите!

Лорд снова разложил трубу и уставился в окуляр.

Он тотчас увидел, что трампы галопом понеслись к троим несчастным.

— Тысяча чертей! — вырвалось у него. — Они убьют их!

— Нет! Эти парни знают свои преимущества и будут использовать их надлежащим образом. Какой выигрыш от смерти этих трех персон? Никакого. Напротив, благодаря этому лишь активизировались бы наши действия! Но если они оставят их в живых в качестве заложников, то попытаются добиться от нас уступок, на которые мы ни при каких других условиях не пошли бы. Смотрите внимательно! Все, они окружены! Мы бы не смогли ничего сделать, ибо, во-первых, слишком мало времени, а, во-вторых, мы даже теперь в открытом поле против трампов слишком слабы,

— Well, это верно, сэр, — отозвался лорд. — Но горе этим негодьям, если они обойдутся с пленными непорядочно! Разве мы пойдем у них на поводу и позволим ставить условия? Собственно, нам было бы просто стыдно вступать в переговоры с людьми подобного сорта!

Олд Файерхэнд пожал плечами, никак не реагируя на заключения англичанина, и самоуверенная, почти насмешливая улыбка заиграла на его губах:

— Предоставьте это мне, сэр! Я никогда не делал ничего такого, за что потом пришлось бы стыдиться. А трампам, будь их хоть тысяча, Олд Файерхэнд никогда не позволит приказывать! Если я говорю, что этим трем особам, которые сейчас находятся в плену, не грозит опасность, можете верить моим словам! Но все же я прошу вас не говорить миссис Батлер о том, что произошло. Я сам в первое мгновение едва удержался, чтобы не сказать, но это вряд ли принесло бы пользу, а лишь только усилило волнения хозяйки.

— Значит, никто не должен знать?

— Мы расскажем только тем, кто нам ближе всех. Если хотите взять это на себя, то идите вниз к нашим друзьям, но они не должны болтать! Я

понаблюдаю тут за этой бандой, а потом решу, что нам делать дальше.

Лорд снова спустился во двор, чтобы известить о происшедшем тех, кого имел в виду Олд Файерхэнд. Сам же вестмен продолжал очень внимательно следить за трампами, которые оцепили новых пленников и двигались в направлении неоднократно упоминавшейся рощи. Там они остановились, спустились с коней и разбили лагерь. Охотник хорошо видел, что бандиты вели очень оживленную беседу или совещались. Всеми мыслями он пытался постичь смысл этого совещания, чтобы решить, как действовать дальше. Его мысли неожиданно прервал Дролл, поспешно вышедший на крышу, и обратившийся к нему на немецком:

— Это действительно правда, что сказал нам лорд? Оба Батлера в плену, а с ними маленькая девочка?

— Да, — кивнул Олд Файерхэнд.

— Я должен был предвидеть такое положение! Теперь трампы уверены, что у них в руках все козыри; они придут и выдвинут большие требования. А мы? Чем мы на это ответим?

— Ну, что вы посоветуете? — спросил Олд Файерхэнд, бросив лукавый пристальный взгляд на Дролла.

— И вы еще спрашиваете?! Ничего, никаких уступок! Или вы хотите предложить им выкуп?!

— Разве мы не вынуждены сделать это?

— Нет, нет и еще раз нет! Эти мерзавцы — настоящее ничтожество! Разве они решатся убить пленных? Им это не взбредет в голову, ведь тогда наша месть будет ужасна! Даже если они будут угрожать нам, мы не должны воспринимать это всерьез.

— Даже если ваше предположение верно, нам придется обратить внимание на пленников, чье положение, по меньшей мере, щепетильно! Если им сохранят жизнь, все равно бандиты сделают все возможное, чтобы запугать и сломить их.

— Это вовсе не пойдет им во вред! Почему они так неосторожно сунули лапы в капкан? — возмутился Дролл. — Это послужит им уроком на будущее, а, впрочем, горевать они будут недолго. Мы же здесь, и сам дьявол не помешает нам найти средства и способы вытащить их из этой дрянной истории!

— С чего начнем? У вас есть план, Дролл?

— Нет, еще нет, но он и не нужен. Прежде всего я должен подождать, что произойдет дальше, и лишь тогда смогу что-то предпринять. Я не испытываю тревоги, по крайней мере, за себя, ибо хорошо себя знаю. Как только наступит подходящий для действий момент, меня тотчас посетят

дельные мысли! Я пережду лишь ночь, поутру не спущу глаз с бандитов, а потом змеей проскользну в их лагерь, чтобы вызволить пленных.

— Я охотно доверю вам подобное рискованное предприятие, но это крайне опасно!

— Та-та-та! Мы с вами бывали и не в таких переделках, парни мы вроде бы неглупые, а старая альтенбургская пословица гласит: «Я смог сделать больше, потому что лучше действовал». Так же и здесь. Не будем же мы действительно опасаться этих гайдуков ³³, называемых трампами, у которых смекалки ни на грош! Я думаю, что... Стойте! — Дролл прервался. — Смотрите! Теперь они идут сюда, два бездельника идут прямо к ферме! Они машут белыми тряпками; не то они парламентареры, не то сушат подштанники?! Будете с ними говорить?

— Естественно! Ради жизни пленных я должен знать, чего они от нас требуют. Идемте!

Оба спустились во двор, где весь гарнизон застыл в ожидании у бойниц, наблюдая за парламентарерами. Те остановились снаружи на расстоянии выстрела и продолжали махать платками. Олд Файерхэнд открыл ворота, вышел и подал им знак, чтобы подошли, чему те подчинились. Когда трампы приблизились, они вежливо поздоровались, но, похоже, держались не очень уверенно.

— Сэр, мы идем как посланцы, — произнес один, — чтобы выставить наши условия.

— Да?! — в голосе охотника проскользнули нотки иронии. — С каких это пор трусливые зайцы прерий приходят к гризли, чтобы приказывать ему?

Сравнение, которым он воспользовался, было вовсе не преувеличенным, ибо огромный, широкий и сильный вестмен возвышался над трампами, как скала; его взгляд прожигал бандитов насквозь, заставляя невольно отступить назад.

— Мы не трусливые зайцы, сэр! — произнес один.

— Нет? Ну, тогда, пожалуй, вы койоты с поджатыми хвостами, которые решили полакомиться падалью. Вы выдаете себя за парламентареров, но на самом деле вы грабители, воры и убийцы — люди вне закона, и теперь каждый честный человек может со спокойной совестью пристрелить вас!

— Сэр, — перебил трамп. — За такое оскорбление я должен...

— Молчи, мерзавец! — загремел голос Одда Файерхэнда. — Вы негодяи, и больше ничего! Собственно говоря, я позорю себя, ведя с вами разговоры. Я позволил вам приблизиться, чтобы убедиться, до какого

состояния может дойти ваша наглость! Вы будете слушать, что я стану говорить, и не дай вам Бог перебивать меня! Любое слово, которое мне не понравится — и вы трупы! Вы знаете, кто я?

— Нет, — неуверенно ответил человек.

— Меня называют Олд Файерхэндом. Повторите это тем, кто вас послал. Они, возможно, знают, что я не из тех, кто позволит одурачить себя! А теперь коротко, что там у вас за поручение?

— Мы хотим сообщить, что фермер с братом и племянницей попали к нам в руки.

— Мы знаем об этом.

— Они все должны умереть...

— Хо-хо! — прервал его охотник.

— ...если вы не пойдете на наши условия, — продолжал парламентар.

— Олд Файерхэнд не позволит ставить себе никаких условий, тем более людьми вашего сорта! К тому же, вы побежденные и могли бы выдвигать требования, только если бы мы поменялись ролями!

— Но, сэр, если вы меня не слушаете, пленников вздернут на ваших глазах!

— Попробуйте! Здесь, на ферме, веревок хватит на вас всех.

Такой реакции трамп не ожидал. Он хорошо знал, что его предводители вряд ли рискнули бы действительно привести угрозу в исполнение, но надеялся, что Олд Файерхэнд попадет на их удочку. В растерянности потупив взор, трамп произнес:

— Подумайте, три человеческие жизни!

— Я уже обо всем подумал — три человеческие жизни, за которые мы всех вас сотрем в порошок! Преимущество на нашей стороне.

— Но вы ведь легко можете предотвратить смерть ваших друзей!

— Каким образом?

— Таким, что вы отступите и сдадите ферму.

Тут Олд Файерхэнд хлопнул вздрогнувшего парламентаря по плечу своей тяжелой рукой, после чего сказал:

— Эй, да ты спятил! Ты еще что-нибудь хочешь сказать?

— Нет.

— Тогда как можно скорее убирайся отсюда, иначе я сочту тебя за опасного умалишенного, которого необходимо обезвредить!

— Вы это серьезно, сэр?

— Какие тут шутки! Катитесь к дьяволу, иначе сейчас что-то произойдет!

Он вытащил револьвер, и оба, развернувшись, быстро зашагали прочь.

Но все же на известном удалении один из них рискнул на мгновение остановиться.

— Мы можем вернуться, если получим другое поручение? — прокричал он.

— Нет!

— Значит, вы отказываете нам в любых переговорах?

— Да. Только рыжему Бринкли я уделю время, но не больше минуты.

— Вы обещаете ему, что он вернется к нам живым?

— Да, если не будет оскорблять меня.

— Мы скажем ему об этом.

Довольно быстро трампы убрались к своим, что говорило об их большом желании побыстрее скрыться с глаз разгневанного гиганта. Тот не стал возвращаться во двор, а зашагал в направлении лагеря трампов, пока не преодолел половину расстояния. На середине пути между лагерем и фермой он присел на камень, чтобы подождать рыжего Полковника, который, по его мнению, обязательно должен был прийти.

Кто не был знаком с Олд Файерхэндом, посчитал бы необычайным риском с его стороны удаляться от своих, не имея с собой хотя бы ружья. Но охотник очень хорошо знал, что делал.

Ближайшие события показали, что в своем предположении он не ошибся. Круг трампов вскоре расступился, и навстречу вестмену медленно вышел Полковник. Подойдя наконец к охотнику, он сделал элегантный, как ему казалось, но получившийся очень угловатым поклон и сказал:

— Добрый день, сэръ! Вы требовали разговора со мной?

— Ничего подобного, — отрезал охотник. — Я только сказал, что ни с кем другим разговаривать не буду, хотя было бы лучше, чтобы и вы не показывались мне на глаза!

— Мистер, вы очень уж горды!

— Имею на то основания, но не советовал бы вам использовать подобный тон.

Они взглянули друг другу в глаза. Полковник первым отвел взгляд и с едва скрываемым раздражением произнес:

— Сейчас мы стоим один на один, как равный с равным!

— Трампы перед честным вестменом? Победенный перед победителем? Это вы называете равным?

— Я еще не побежден. Мы докажем вам, что ваши прежние успехи временны. В наших руках сменить тактику и действовать по-другому.

— Попробуйте! — Олд Файерхэнд презрительно усмехнулся.

Это разозлило Полковника, и он, едва не дрожа от злости, ответил:

— Мы воспользуемся вашей неосторожностью!

— Да? Что за неосторожность я допустил?

— Вы удалились от фермы. Стоит нам захотеть, и вы окажетесь в наших руках! А без вас, надо признать, там, за стеной, вряд ли нам смогут противостоять.

По лицу Олд Файерхэнда пробежала широкая улыбка, подобная той, что появляется на лице добродушного взрослого, когда ребенок произносит несусветную глупость.

— Вы, пожалуй, и сами не верите в собственные слова, — ответил он. — Вам схватить Олд Файерхэнда?! Почему же вы этого не сделали? Вы даже ни разу не попытались, а это лучшее доказательство, что вы сами не верите в эту возможность.

— Ого! Хоть и известно, что вы хороший вестмен, но до непобедимого, которым вас принято считать, вам еще далеко! Вы находитесь на полпути между нами и фермой. Достаточно несколькими из нас вскочить на коней, чтобы отрезать вам путь к отступлению и сделать нашим пленником.

— И вы действительно уверены?

— Да. Даже если вы лучший бегун — коня вам не обойти, с этим вы и сами согласитесь. Вас окружат, прежде чем вы достигнете фермы.

— Ваш расчет верен, за исключением двух пунктов. Во-первых, спрашивается, стал бы я защищаться? Несколько трампов вряд ли вселили бы в меня страх. Во-вторых, вы не приняли во внимание, что желающим меня схватить придется оказаться в радиусе действия пуль моих людей, и все они лягут трупам. Но не об этом должен быть наш разговор.

— Нет, не об этом, сэр. Я пришел, чтобы дать вам шанс спасти жизни трех пленников.

— Тогда это напрасный труд, ибо их жизни вне опасности.

— Вне опасности? — произнес Полковник со злорадной усмешкой. — Тут вы сильно ошибаетесь, сэр. Если вы не согласитесь на наши требования, их вздернут, сэр!

— Я уже ясно выразился, что потом всем вам не миновать петли.

— Это же смешно! Вы хоть считали, сколько нас?

— Да, но может быть, и вы знаете, какое количество защитников могу выставить я?

— Весьма точно.

— Ха! Вы не могли нас сосчитать.

— Это и не нужно. Мы знаем, сколько обычно слуг и рабочих находится на ферме Батлера — больше их быть никак не может, даже

теперь! Добавим к этому рафтеров, которых вы привели с реки Черного Медведя...

Трамп искоса взглянул на охотника, ибо он в действительности не знал, сколько человек было в его распоряжении. Теперь он хотел понять по выражению лица Олд Файерхэнда, правильно ли его предположение, или нет, но вестмен догадался об этом. Сделав презрительный жест рукой, он ответил:

— Пересчитайте ваших убитых и раненых, а потом скажете мне, могла ли это сделать горстка рафтеров. Кроме того, вы видели индейцев, а также других белых, которые ударили вам в тыл.

— Других белых? — хрипло засмеялся трамп. — Да это же были не кто другой, как те же рафтеры! Охотно признаю, что там вы застали нас врасплох. Но ведь это вы поспешили с фермы на помощь индейцам; об этом я, к сожалению, догадался слишком поздно. Нам надо было тотчас скакать к ферме, и она стала бы нашей, но мы упустили момент! Нет, сэр, с вашей численностью вы не сможете внушить нам уважение. Даже если мы прикончим пленных, у вас не хватит сил отомстить нам.

Снова скрытый выжидающий взгляд был брошен на Олд Файерхэнда. Тот пренебрежительно пожал плечами и произнес:

— Давайте не будем спорить. Даже если нас и действительно было бы так мало, как вам ошибочно кажется, все равно превосходство на нашей стороне! Трампы, что это за люди? Бездельники, бродяги, повесы! А там, за стеной, — самые знаменитые охотники и скауты Дикого Запада! Каждый из них стоит, как минимум, с десятков таких бродяг! Даже если бы нас было только двадцать, а вы рискнули бы убить пленных, мы бы неделями или месяцами наступали вам на пятки, пока не уничтожили всех до одного! Вы это хорошо знаете, а потому поостережетесь и будете следить, чтобы ни один волосок не упал с их голов!

Слова эти Олд Файерхэнд произнес таким резким, не терпящим никаких возражений тоном, что Полковник потупил взор. Он, как никто другой, знал, что охотник слов на ветер не бросает. Не раз случалось, что какой-нибудь отважный человек в одиночку преследовал целую шайку бандитов и мстил, постепенно уничтожая ее до последнего человека с помощью своего надежного карабина. Такие люди действительно существовали, и Олд Файерхэнд был из их числа. Но Полковник не торопился безоговорочно согласиться с обуревавшими его сомнениями. Он поднял глаза, насмешливо взглянул на охотника и произнес:

— Мы подождем! Если бы у вас все было так гладко, вы бы здесь не стояли. Только опасения могли заставить вас выйти ко мне.

— Не болтайте глупостей! Я высказал готовность поговорить с вами и только с вами, но вовсе не из страха, а с целью окончательно запечатлеть ваше лицо и голос, чтобы обезопасить в будущем свои дела. На то есть причина. Теперь вы накрепко засели в моей памяти, и мы не расстанемся теперь навеки! А сейчас хватит болтовни.

— Еще не все, сэр! Прежде я должен знать, какой ответ вы дадите.

— Он у вас уже есть.

— Нет, ибо я должен сделать вам новое предложение.

— О, милейший! Какое же?

— Вы возвращаете наших коней, которых забрали после перестрелки, складываете оружие и снаряжение, потом выдаете необходимые нам несколько голов скота, чтобы не было проблем с провиантом, и отсчитываете нам двадцать тысяч долларов, которые, я знаю, вы наскребете на ферме.

— Только-то? Больше ничего? Прекрасно! А что вы предложите взамен?

— Мы отпустим пленных и уедем, если вы дадите нам слово чести, что больше никогда не будете стоять на нашем пути! Теперь вы знаете, чего я хочу, и жду вашего решения. Мы слишком долго и впустую здесь болтали!

Трампа заговорил таким тоном, словно имел неоспоримое моральное право выдвигать требования. Олд Файерхэнд вытащил револьвер и ответил не гневно, но твердо и спокойно:

— Да, наплели вы тут достаточно, и все сплошь несусветная чушь, на которую я вам могу сказать лишь одно — сейчас же убирайтесь, иначе получите пулю в лоб!

— Как? Это...

— Прочь отсюда! Быстро! — перебил бандита охотник нешуточным тоном и направил на него револьвер. — Один, два...

Трампа предпочел не дожидаться «три», а развернулся и, извергая проклятия, быстро пошел обратно. Раньше он уже имел возможность убедиться, что охотник на счет «три» действительно стреляет. Файерхэнд проводил его взглядом, ибо не был уверен, что у трампа не возникнет желания выстрелить ему подло в спину, а потом повернул к ферме, откуда с напряженным вниманием следили за встречей. После вопроса о результатах он сделал короткий доклад, который был воспринят с одобрением.

— Вы действовали совершенно правильно, сэр, — засвидетельствовал лорд. — Таким негодьям нельзя ни в коем случае делать ни малейших

уступок! Они испугались и теперь не рискнут взяться за пленных. Как вы думаете, что они теперь предпримут?

— Хм! — Олд Файерхэнд покачал головой. — Солнце уже заходит. Предполагаю, что они подождут, пока стемнеет, чтобы потом все-таки еще раз попытаться перелезть через стену. Если им это не удастся и теперь, они все равно оставят у себя пленников для дальнейшего шантажа.

— Они действительно еще раз отважатся на штурм?

— Вероятно. Они знают, что численно превосходят нас. Мы должны подготовиться к обороне, ибо эти негодяи просто так не откажутся от своей затеи. От нас требуется осторожность — мы должны за ними четко следить. Как только стемнеет, несколько человек должны выйти наружу, чтобы пробраться к ним и сообщать мне о каждом их движении. Кто добровольно пойдет на это задание?

Таковыми оказались все, но Олд Файерхэнд выбрал троих, по его мнению самых подходящих, а те были искренне рады оказанному доверию.

Солнце достигло линии горизонта, а его лучи подобно жидкому золоту растеклись по широкой равнине, осветив группу трампов, да так, что даже с фермы можно было различить отдельные фигуры. Бродяги не делали никаких приготовлений ни к отъезду, ни к ночевке. Следовательно, можно было предположить, что они не собирались покидать место, но и не хотели оставаться именно здесь.

По приказу Олд Файерхэнда в четыре угла двора натаскали дров и угля, которого в Канзасе горы, да к тому же он очень дешевый, а кроме того, прикатили несколько бочек с керосином. Позже, с наступлением темноты, выслали разведчиков. Чтобы в случае их поспешного возвращения или при преследовании им не пришлось долго ждать у ворот, в нескольких местах со стены спустили крепкие лассо, по которым они быстро могли бы забраться наверх и спуститься во двор. Затем поленья облили керосином, запалили и выбросили через бойницы наружу. Постепенно принесли еще много дров и угля, зажгли на четырех углах стены огни, благодаря которым окрестности и пространство перед стенами были ярко освещены, чтобы легко можно было заметить приближение трампов не только всех вместе, но и поодиночке. Пламя снаружи не могло перекинуться на ферму, ибо пространство перед ней было совершенно голым и свободным от растительности. Огонь по мере необходимости поддерживался непрерывно через бойницы, что было безопасно, ибо люди не подставлялись под пули врага.

Прошло больше часа, но снаружи, казалось, ничего не шевелилось. Вскоре появился длинный Дядя Шомпол, который, поупражнявшись с

лассо, перевалился через стену. Он отыскал Олд Файерхэнда и доложил в своей излюбленной манере:

— Трампы от шока оправились,

В другое место направились.

— Так я и думал. Но куда? — спросил охотник, улыбнувшись.

Дядя Шомпол указал вправо от ворот и с непоколебимой серьезностью продолжил:

— Там внизу, в кустах, у реки

Можно их теперь найти.

— Они рискнули подойти так близко? Но тогда мы должны были услышать их коней!

— Их трампы срочно в прерию прогнали,

Чтоб те немного травки пощипали.

Но место то не знаю я —

Не брал с собою фонаря.

— А где же Билл и Дролл?

— Те решили побродить,

Чтоб за трампами следить,

Караулить, охранять,

В общем, глаз с них не спускать!

— Прекрасно! Я должен совершенно точно знать то место, где расположились трампы. А теперь, будьте так любезны, присоединитесь снова к нашим приятелям. Как только негодяи разобьют лагерь, пусть Дролл придет и даст мне знать. Трампы, вероятно, полагают, что действуют очень мудро, но они попали в ловушку, которую нам осталось лишь захлопнуть.

Шомпол удалился, а лорд, который присутствовал при разговоре, осведомился у Олд Файерхэнда, о какой ловушке шла речь.

— Неприятель находится там, у реки; позади него вода, а впереди стена. Если мы преградим бандитам путь с двух других сторон, они окажутся в тисках.

— Хорошая идея! Но как вы возведете эту преграду?

— Я вызову индейцев, которые подойдут с юга, а мы, я имею в виду тех, кто сейчас на ферме, выберемся за ворота и нападём на противника с севера.

— Вы хотите оставить стены без прикрытия?

— Нет, оставим здесь слуг и рабочих, этого будет достаточно. Нам пришлось бы туго, если бы трампов вдруг осенило напасть на ферму, но я не думаю, что они поверят в то, что мы так отважны и решили рискнуть

нашим главным бастионом. Я должен узнать, где они оставили своих коней. Если мы это узнаем, нам нетрудно будет снять малочисленную охрану. Когда животные будут у нас в руках, бандиты проиграют сражение, ибо даже тех, кто уйдет сегодня вечером, мы сможем преследовать днем, а потом догнать и уничтожить.

— Well, хоть и дерзкий, но превосходный план. Воистину, сэр, вы великолепный парень!

Теперь настала очередь Черного Тома и старого хитрого Блентера — они должны были отправиться на поиски коней. Потом к вождю осэджей для дачи ему дальнейших инструкций были высланы двое слуг, хорошо знающие местность. До возвращения этих людей было решено ничего не предпринимать.

Прошло достаточно времени, прежде чем появился один из них, а потом и второй. Они нашли индейцев и вывели их с пастбища; те замаскировались в каких-нибудь ста шагах от трампов, недалеко от реки, и готовы были броситься на бандитов по первому выстрелу.

Тем временем вернулись Дролл, Билл и Дядя.

— Все трое? — в голосе Олд Файерхэнда звучало неодобрение. — По крайней мере, один из вас должен был остаться снаружи!

— Не понимаю, зачем, если потребно? — отозвался Дролл, снова впавший в свою привычную манеру разговора.

— Чтобы следить за трампами дальше, разумеется!

— Это ни к чему! Я знаю, как быть, ибо подкрался к ним так близко, что мог подслушать. Они страшно ругались по поводу нашего огня, который мешает им напасть, и собираются подождать, пока у нас не кончится запас дров и угля. По их мнению, его хватит ненадолго, ибо фермер вряд ли готовился жечь огонь в таких количествах, тем более в теплое время.

— Тем самым мы выиграли время, чтобы захлопнуть мышеловку.

— Какую мышеловку?

Олд Файерхэнд кратко пояснил Тетке суть дела.

— Великолепно, хи-хи-хи-хи! — зашелся Дролл негромким смехом, неестественно трясая щеками, как это он имел обыкновение делать, когда что-то вдруг улучшало его настроение. — Это должно получиться и обязательно получится! Болваны убеждены, что мы по-прежнему уверены, будто бы они все еще там, под деревьями, и нос свой высунуть боимся! Но, сэр, при этом нужно подумать еще кое о чем, что имеет огромное значение!

— О чем же?

— О положении пленников. Боюсь, что их убьют, как только мы

начнем действовать.

— И вы уверены, что я об этом даже не задумывался? К счастью, у меня нет ваших забот. Конечно, я также убежден, что пленные будут первыми, на кого падет месть негодяев, но мы сможем это предотвратить и позаботимся, чтобы с ними ничего не случилось. Мы проберемся к трапам, а трое из нас, когда мы внезапно ударим по ним, тотчас займутся обоими Батлерами и юной дамой. Они связаны?

— Да, но не очень крепко.

— Тогда они быстро будут освобождены от пут, а потом...

— А потом в воду вместе с ними! — перебил осененный догадкой Дролл.

— В воду? — удивился Олд Файерхэнд.

— Конечно.

— Вы шутите, дорогой мой Тетка?

— Шучу? И не собирался!

Заметив полный удивления взгляд Файерхэнда, Дролл, хихикая, продолжил:

— Да, в воду, хи-хи-хи-хи! Это будет лучшая из проделок! Представляю, как вытянутся рожи у этих парней! Долго они будут ломать свои бестолковые головы!

— На это у них вовсе не будет времени, ибо их черепа к тому моменту окажутся проломленными.

— Ну, я думаю, они заметят побег не сразу, а позже.

— Позже? Почему позже?

— Мы уведем пленных еще до нападения.

— Вы считаете это возможным?

— Не только возможным, а даже очень необходимым! — оживился Дролл. — Во время боя это сделать будет труднее, ибо велика угроза для их жизней! Поэтому мы должны увести их с опасного места раньше, и это вовсе не трудно.

— Не трудно? Но как вы это представляете? Я знаю, вы хитрый лис! Вы уже не раз обводили вокруг пальца далеко не глупых парней и вынимали свою голову из петли, которую, казалось, уже затягивали на вашей шее.

— Возможно, так.

— Ну, так расскажите нам, что у вас за идея?

— Большого ума здесь не нужно, скажу сразу. Я удивлен, что вы сами еще не догадались об этом. вспомните о канале, который со двора ведет прямо к реке! Трампы понятия не имеют о его существовании. Я крался

вдоль воды и, несмотря на темноту, случайно обнаружил место, где он выходит у реки. Там в воду сброшены большие камни, образующие эту плотину, отделяющую канал от реки, через которую во время половодья вода попадает внутрь. Вы только подумайте, господа, неподалеку от этого места и стоит лагерь трампов! Расположившись прямо у воды, они образовали на берегу полукруг, внутри которого находятся пленные. Трампы уверены, что пленники в надежном месте, но именно их положение и позволяет нам устроить побег.

— Так, я начинаю понимать! — сделал вывод Олд Файерхэнд. — Вы хотите спуститься во дворе в канал, а там по нему добраться до реки?

— Да, конечно, но не я один! Нужны еще два человека, чтобы вести пленных.

— Хм! Мысль, конечно, превосходная. Но сначала нужно удостовериться, могут ли по нему идти люди.

Спросив об этом нескольких слуг, Олд Файерхэнд к своей радости узнал, что канал свободен от ила и туда проникает чистый воздух, а самое главное, что у выхода наружу там тщательно замаскирована лодка, которая могла бы увезти трех человек. Она всегда находилась там в хорошо укрытом месте, чтобы ее не смогли украсть ни индейцы, ни какие-либо другие враги.

План опытного, хитрого вестмена был подробно обсужден, после чего для его исполнения снарядили самого Дролла, Горбатого Билла и Дядю Шомпола. Тем временем вернулись Блентер и Том. Они облазили всю округу, но коней, к сожалению, так и не нашли. Очевидно, трампы предусматривали такой ход действий и отвели лошадей подальше.

Теперь Олд Файерхэнд вместе с одним из тех слуг, который знал новое местоположение индейцев, перемахнул через стену, чтобы отправиться к вождю осэджей и убедиться, что тот хорошо осведомлен. Убедившись в этом на месте, он вернулся как раз в тот момент, когда Дролл, Билл и Дядя стягивали с себя верхнюю одежду, готовясь пробраться по подземному ходу. Они осторожно спустились в канал, после чего им подали фонари. Вода доходила им только до груди, поэтому охотники без хлопот взвалили ружья на плечи, к которым предварительно привязали револьверы, ножи и сумки для пороха и пуль. Впереди продвигался сухой и негибачый Дядя Шомпол с большим фонарем, за ним рассекал воду толстяк Дролл, а сзади едва не захлебывался маленький Билл. Как только охотники исчезли из виду, Олд Файерхэнд, взяв фонарь, двинулся в путь.

Он тихо открыл ворота и вместе со своими людьми вышел наружу. Створы ворот лишь прикрыли, чтобы по возвращении при необходимости

найти их тотчас открытыми. Одного из слуг оставили охранять вход и сразу закрыть ворота на все запоры, если приблизятся трампы. Оставшиеся рабочие, слуги и даже служанки заняли свои позиции у выходящей к реке стене, готовые по мере сил противостоять врагу.

Рафтеры и находящиеся среди них вестмены осторожно пробирались к лагерю трампов. Под руководством знаменитого охотника они сначала сделали крюк на север, чтобы удалиться от огня подальше, а затем, когда достигли реки, ползком повернули вдоль берега на юг, пока не поняли, что добрались до места. Дальше Олд Файерхэнд пополз один, и вскоре его острые глаза сквозь тьму обнаружили расположившихся полукругом бродяг. Теперь белый охотник точно знал, с какой стороны можно пробраться незамеченными и напасть на трампов. Вернувшись к своим людям, он сориентировал их и велел ждать условленного сигнала от Дролла, Билла и Дяди.

Последние тем временем пробрались через канал, вода в котором не была очень холодной, а потому переход не стал им в большую тягость. Недалеко от выхода из канала на воде покачивалась лодка с веслами, привязанная к железному крюку, на который Дядя повесил погашенный фонарь. Дролл распорядился подождать его, ибо хотел сначала один выйти к реке, чтобы разведать обстановку, после чего выбрался из канала. Прежде чем он вернулся, прошла четверть часа.

— Ну? — спросил Горбатый Билл с нетерпением.

— Задание было не из легких, — отозвался Дролл. — Вода не помешает нам, ибо там не глубже, чем здесь, но темнота доставила мне много хлопот. Вообще ничего не было видно, и пришлось идти на ощупь, но теперь я ориентируюсь как у себя дома и эта темнота — наш лучший друг!

— Но если смотреть против огня фермы, все видно и так!

— Да, но только не от воды, а с берега. Итак, трампы сидят полукругом, диаметр которого образует река, а внутри неподалеку от воды находятся пленники.

— Какая неосторожность! В такой тьме они же не могут четко следить за ними. Если пленным каким-либо образом удастся освободиться от пут и если хотя бы двое из них плавают, они легко ускользнут по воде.

— Чепуха! Рядом сидит трамп, который за ними зорко наблюдает.

— Хм! Его надо убрать, но как?

— Придется обезвредить, и ничего другого! Никаких сожалений по поводу безвременной смерти этого парня быть не может.

— У вас есть план?

— Да. Пленникам даже не потребуется входить в воду, ибо лодку мы подгоним прямо к берегу.

— Нас заметят.

— Чепуха! После вчерашнего дождя вода так мутна, что на ее поверхности ничего нельзя различить. С берега она напоминает сушу. Мы осторожно причалим и привяжем лодку. Вы останетесь при ней, а я один пойду на берег, чтобы снять часового и освободить пленников от веревок, а потом провожу их к вам. После этого они в лодке отплывут к каналу, а мы уютненько расположимся на том самом месте, где они сидели. Потом подадим условленный сигнал — крик грифа, — и начнется катавасия! Согласны?

— Well, лучше не придумаешь.

— А вы, Дядя?

— Был задуман план ваш тонко —

Ждет теперь нас работенка!

— Отлично! Тогда за дело!

Отвязав лодку, трое бесшумно перетащили ее из канала в реку, после чего Дролл, который теперь знал место, уверенно повел свою команду вперед. Охотники крайне осторожно прошли по воде, прижимаясь к берегу и толкая вперед маленькое судно, пока Дролл не скомандовал остановиться.

— Мы на месте, — прошептал он.

Берег не был высоким, и Дролл легко и бесшумно выбрался наверх. Свет горевших на стене фермы огней почти не доходил сюда, и все предметы приобретали едва знакомые очертания. Не более чем в десяти шагах от берега сидели четверо: пленники и их страж, а чуть сзади в разных позах спали бродяги. Не откладывая ружья, Дролл пополз дальше, пока не оказался за спиной охранника. Теперь охотник остановился и отложил ружье, взявшись за нож. Трамп должен был умереть, не издав ни звука. Подтянув под себя колени, Дролл осмотрелся, потом быстро сорвался с места и крепко схватил трампа за горло левой рукой, а правая рука тут же вонзила острый клинок в спину охранника, прямо в сердце. Мгновенно опустившись на землю, Дролл положил не издавшего ни звука трампа рядом с собой. Все произошло очень быстро, и даже пленники ничего не успели заметить. Лишь через некоторое время девочка взволнованно обратилась к отцу:

— Па! Наш охранник ушел!

— Что? Ах, да. Это удивляет меня! Но сиди спокойно, дочка. Он, возможно, хочет нас проверить.

— Тихо! — шепнул им Дролл. — Никакого шума! Ваш страж лежит

здесь, в траве. Я пришел, чтобы спасти вас!

— Спасти?! Боже! Это невозможно! Вы и есть наш охранник!

— Да нет же, сэр, я ваш друг! Вы знаете меня еще с Арканзаса! Помните Дролла, которого прозвали Теткой?

— О, Боже! Это правда?

— Тише, тише, сэр! Олд Файерхэнд тоже здесь, а также Черный Том и еще много других. Трампы хотели пожить на ферме, но мы их опередили. Мы видели, как вас схватили, и я с двумя отличными парнями пробрался сюда, чтобы освободить вас. А если вы мне все еще не верите, ибо моего лица вам не видно, то доказательством истинности моих слов будет ваше освобождение. Давайте-ка сюда ваши веревки!

Несколько взмахов ножа — и трое пленников снова могли свободно двигать руками и ногами.

— Теперь мы верим, сэр, — прошептал фермер, который до сих пор молчал. — Вы еще увидите, как я вас отблагодарю! Но куда теперь?

— Теперь тихо вниз, там есть челн. Мы пришли сюда через канал и притащили лодку. Вы все сядете в нее вместе с юной мисс и доберетесь до канала, о котором вам и не хуже нашего известно. Ждите там, пока закончится свистопляска.

— Свистопляска? Какая свистопляска?

— Которая сейчас начнется. Здесь, с этой стороны, у бандитов река, а напротив — стена; эти два препятствия они не смогут устранить. Справа от нас находится Олд Файерхэнд с охотниками и рафтерами, а слева — вождь осэджей Доброе Солнце с группой краснокожих воинов. Все они лишь ждут моего сигнала, чтобы напасть на лагерь. Как только я его дам, люди поймут, что вы на свободе и в безопасности, и со всех сторон кинутся на бродяг. Если их полностью не сотрут с лица земли, то уж понесут они столько потерь, что навсегда оставят вас в покое.

— Вот даже как! А мы, значит, должны сидеть в лодке в укрытии?

— Да, дело чересчур опасное! Если бы мы напали, не освободив вас заранее, мерзавцы тотчас расправились бы с вами. Потому мы и явились сюда, чтобы прежде всего вас вывести отсюда.

— Это так же славно, как и отважно! Вы имеете полное право рассчитывать на нашу самую искреннюю благодарность, но вам, похоже, кажется, что мой брат и я лишь трусы, которые сидят сложа руки, пока другие сражаются и рискуют своей жизнью! Нет, сэр, тут вы ошибаетесь!

— Хм, прекрасно! Я рад это слышать. Значит, нас теперь на два человека больше. Стало быть, делайте, что вам нравится, но маленькая мисс не может оставаться здесь, ибо пули не выбирают цели!

— Конечно. Будьте так добры, отвезите ее в канал на лодке. Но как с оружием? Наше у нас отняли. Не могли бы вы дать нам револьвер или хотя бы нож?

— К сожалению, сэр, все это потребуется нам самим, но тут лежит охранник, чье ружье может взять один из вас. Об остальном я позабочусь, ибо сейчас подползу к любому трампу, чтобы... тсс, тихо, похоже там кто-то идет! Наверное, один из вожаков, он хочет убедиться, что вы на месте. Предоставьте его мне.

На фоне света огня Дролл различил силуэт человека, который отделился от основной массы трампов, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Бандит медленно подошел к пленникам, остановился перед ними и спросил:

— Эй, Коллинз! Не случилось чего?

— Нет, — хрипло ответил Дролл, играя роль охранника.

— Well! Смотри в оба! Если что случится, ответишь головой!

Понятно?

— Да! Но моя голова сидит крепче, чем твоя, побереги ее!

Дролл произнес последние слова с угрозой и сказал их намеренно своим голосом. Он хотел, чтобы трамп наклонился ближе, и желание хитрого охотника было удовлетворено. Бандит сделал шаг вперед, склонил голову и пробормотал:

— Что это тебе взбрело в башку? Да чей это голос? Ведь ты не Коллинз, которого я...

Говоривший не успел закончить, ибо руки Дролла подобно железным тискам сжали его горло, рванули книзу и стиснули шею так, что трамп не мог издать ни звука. Послышался звук короткой борьбы, и все стихло.

— Он был так любезен, что сам принес вам оружие, — раздался шепот Дролла.

— Вы его задушили? — осведомился фермер.

— Что за вопрос! Он мертв! Берите его ружье и все запасы к нему, а я провожу юную мисс к лодке.

Тетка взял Эллен Батлер под руку и, пригнувшись, повел к воде, где он в двух словах обмолвился о происшедшем с поджидавшими его спутниками. Билл и Дядя провели юную особу в канал, крепко привязали челнок, а сами вброд вернулись к Дроллу и обоим Батлерам, вооружившимся тем временем оружием обоих трампов.

— Теперь можем начинать. Эти парни тотчас сюда заявятся, чтобы взять пленников, и могут доставить нам неприятности. Предлагаю отползти отсюда.

Все пятеро осторожно двинулись к берегу, пока не достигли подходящего места. Там они поднялись, и каждый стал за деревом, служившим ему укрытием. Они находились в полнейшей темноте, но при этом могли достаточно ясно видеть перед собой трампов, чтобы точно прицелиться. Дролл приложил ладонь ко рту и издал короткое приглушенное карканье, напоминающее крик испуганной хищной птицы. Подобные звуки очень часты в прериях и не могли привлечь внимание трампов даже тогда, когда Дролл повторил их еще и еще раз. На несколько секунд воцарилась полнейшая тишина, а потом вдруг словно с небес раздался звучный голос Олд Файерхэнда: «Огонь!»

Справа заговорили ружья рафтеров, которые подползли так близко, что каждый уже заранее наметил себе жертву. Потом слева раздался леденящий крик боевой клич индейцев, которые сначала послали в трампов дождь стрел, а потом бросились на них с томагавками.

— А теперь мы! — скомандовал Дролл, вскидывая ружье. — Сначала пули, потом приклады!

Разыгралась воистину дикая, но характерная для Дикого Запада сцена. Трампы чувствовали себя в безопасности, и внезапное нападение в очередной раз повергло их в ужас. Как степные зайцы, за которыми устремились стаи орлов, бродяги бросились врассыпную, поначалу даже и не пытаясь сопротивляться. Нападавшие очень быстро оказались в середине лагеря, расчищая себе путь прикладами, томагавками, револьверами и ножами «боуи», но трампов было огромное количество, и, немного придя в себя, они начали вяло обороняться. Снова все произошло настолько неожиданно, что бандиты опять не могли воспользоваться своей численностью, хотя среди них было много людей, ловко обращающихся с оружием. Оказавшись почти в кольце, трампы все же попытались вступить в рукопашный бой. Повсюду трещали выстрелы, раздавались стоны и удары, но бандиты не могли отразить нападение. Бродяги в скудном свете не пытались даже сосчитать противников, чье количество казалось им вдвое или втрое большим, чем это было в действительности, а это увеличивало страх, и вскоре бегство показалось им единственным путем к спасению.

— Вперед, к лошадям! — кричал, или скорее ревел, чей-то голос.

— Это Полковник! — вскрикнул Дролл. — Хватайте его! Не дайте ему уйти!

Он сам поспешил туда, где только что услышал знакомый голос главаря, другие последовали за ним, но тщетно. Рыжий Полковник был хитер — он сразу нырнул в кусты подальше от греха, и скорее всего, оттуда

наблюдал за сценой боя. Подобно змее, извивался он в глубокой тьме среди зарослей, стараясь, чтобы никто его не заметил. Победители пытались никого не выпустить из кольца, но количество трампов было так огромно, что удержать их всех не представлялось возможным, и, к тому же, бандиты стали держаться вместе, легко прорвав цепь защитников фермы, а затем бросились бежать в северном направлении.

— За ними! — приказал Олд Файерхэнд. — Не дайте им прийти в себя!

Он хотел отрезать трампов от их коней, но это оказалось невозможным. Чем дальше бандиты удалялись от фермы, тем скуднее становился свет горящих факелов, и во тьме друзья тотчас перемешались с врагами. Произошло то, что защитники фермы едва не наскочили друг на друга, и это задержало преследование. Олд Файерхэнд вынужден был объявить сбор, после чего прошло несколько минут, прежде чем его люди смогли собраться, а этого оказалось недостаточно, чтобы дать беглецам возможность улизнуть. Охотники и рафтеры снова продолжили преследование, но вскоре услышали насмешливые крики трампов и удары копыт несущихся прочь коней. Стало ясно, что все дальнейшие хлопоты бесполезны.

— Возвращаемся! — с досадой крикнул Олд Файерхэнд. — Нам остается лишь позаботиться об их раненых, чтобы они не ускользнули.

Но эти заботы были излишни. Индейцы не принимали участия в преследовании. Жаждающие скальпов бледнолицых краснокожие остались в лагере и стали тщательно обыскивать место борьбы, а также ведущие к реке заросли, чтобы убить и скальпировать любого еще живого трампа. Вскоре смолк последний выстрел, что возвестило о бесславном поражении бандитов в ими же навязанном сражении.

Когда позже при свете факелов были подсчитаны потери, оказалось, что с учетом павших днем на каждого защитника фермы приходилось по два убитых трампа. Среди рафтеров и индейцев оказалось много раненых. Конечно, цифры ужасны, ибо в каждом случае речь шла о человеческих жизнях! Несмотря на это, число улизнувших было так велико, что они снова могли объединиться в банду.

Эллен Батлер, разумеется, вызволили из укрытия. Девочка не испугалась и вообще с момента пленения вела себя на удивление спокойно и благоразумно. Когда Олд Файерхэнд узнал об этом, он заметил отцу:

— До сих пор я считал, что брать Эллен с собой на Серебряное озеро очень рискованно, но теперь я ничего не имею против, ибо она не доставит нам больших хлопот.

Возвращения трампов не предвиделось, поэтому победители, в большей мере это касалось индейцев, могли посвятить остаток ночи празднованию победы. Они получили двух самых больших коров из стада Батлера, забили их, поделили мясо, и вскоре вся округа наполнилась нежным ароматом жаркого. Позже индейцы разделили добычу, ибо все оружие и имущество трампов принадлежало им. При этом были выполнены надлежащие церемонии, произнесены длинные речи, исполнены военные и другие танцы. Лишь с восходом солнца краснокожие утомонились, их радостные крики умолкли и индейцы, наконец, заснули, завернувшись в свои покрывала.

Иначе поступили рафтеры. К счастью, никто из них не погиб, но несколько раненых были перенесены на ферму. Олд Файерхэнд намеревался на рассвете отправиться по следам трампов, а потому они легли спать, чтобы запастись силами и быть бодрыми.

Утром они отыскивали следы бандитов, которые вели назад к Осэдж-Нук. Когда охотники и рафтеры прибыли туда, место оказалось пустым. Тщательно изучив окрестности, Олд Файерхэнд пришел к выводу, что трампы снова объединились в своем пункте сбора. Новый отряд без промедления двинулся в северном направлении, ибо главари предчувствовали, что за ними могла быть погоня. Итак, трампы отказались от своих намерений, связанных с фермой, но не подозревали, что Олд Файерхэнд точно знал их дальнейшие планы.

Глава восьмая. ДРАМА В ПРЕРИИ

По прерии усталой походкой медленно шагал человек — явление редкое и удивительное, ибо даже последний нищий предпочитает коня, корм которого здесь ничего не стоит. К какому сословию принадлежал путник, определить было трудно. Городской, сильно поношенный костюм придавал ему вид весьма миролюбивого человека, и лишь старый, непомерно длинный флинт, болтавшийся за плечом, позволял усомниться в этом, а бледное и впалое лицо свидетельствовало о лишениях и трудностях долгих пеших странствий.

Временами путник останавливался, чтобы передохнуть, но надежда на встречу с людьми гнала его все дальше. Снова и снова с надеждой всматривался он в даль, но напрасно. В один из моментов, когда путник уже готов был отчаяться, его потухшие глаза вдруг радостно блеснули — на горизонте показался человек, который также двигался пешком, приближаясь к владельцу флинта справа, и, по всей видимости, пути обоих должны были пересечься. Появление живого существа придало первому путешественнику новые силы, он стал шагать размашистее и вскоре понял, что другой тоже заметил его, ибо остановился и стал поджидать.

Одет последний был весьма странно: он носил голубой фрак с красным воротничком «стойкой» и желтыми пуговицами, красные панталоны до колен, а также высокие кожаные сапоги с желтыми отворотами. обвивал синий шелковый платок, завязанный спереди в большой двойной бант шириной во всю грудь. Голову длинного и тощего путника прикрывала широкополая соломенная шляпа. На ремне, перекинутом через шею, подобно шарманке висел ящик из полированного дерева. По острым чертам гладко выбритого худощавого лица, а также по маленьким хитрым глазам сразу можно было догадаться, что путешественник — чистокровный янки, да не просто янки, а из числа тех, чья хитрость и лукавство стали притчей во языцех.

Когда оба приблизились так, что могли услышать друг друга, человек с ящиком слегка приподнял шляпу и поприветствовал другого:

— Добрый день, приятель! Откуда идете?

— Из Кинсли, снизу, — ответил другой, указывая рукой через плечо. — А вы?

— Отовсюду! А последний раз с фермы, которая осталась там, за моей спиной.

— И куда же?

— Куда угодно. Сначала к ферме, которая лежит на нашем пути.

— Там есть ферма?

— Да. Мы доберемся до нее не больше чем за полчаса.

— Слава Богу! Дольше я бы не выдержал! — тяжело вздохнул обладатель длинного флинта, подойдя ближе к незнакомцу.

— Не выдержите? Но почему? — спросил другой, окидывая взором пошатывающуюся фигуру своего собеседника.

— Я умру от голода.

— Дьявольщина! От голода? Разве это возможно? Подождите, тут я могу вам помочь. Садитесь сюда, на мой ящик. Сейчас что-нибудь перекусите.

Отставив ящик и усадив на него изголодавшегося путника, янки вытащил из нагрудного кармана два бутерброда, а из коленного — солидный кусок ветчины, протянул все это голодному и произнес:

— Ешьте, приятель! Это, конечно, не деликатесы, но голод утолить можно.

Тот, к кому были обращены эти слова, тотчас принялся за еду. Он был так голоден, что готов был затолкать в рот весь хлеб, но опомнился, остановился и ответил:

— Вы очень добры, сэр! Но это ваши припасы, и если я все съем, что же останется вам?

— Ерунда! Могу заверить вас, что на ближайшей ферме я раздобуду столько еды, сколько захочу.

— Вас там знают?

— Нет. Я еще никогда не был в этих краях, но не тратьте время на разговоры, а займите свои уста более приятной работой.

Изголодавшийся последовал совету, а янки сел на траву и не без удовольствия стал наблюдать, как исчезла ветчина, а за ней и хлеб. Когда с едой было покончено, американец спросил:

— Не скажу, что вы сыты, но хоть немного утолить голод вам удалось?

— Словно заново родился, сэр. Подумать только, я три дня в пути и не держал во рту ни крохи!

— Мыслимо ли это! От самого Кинсли вы ничего не ели? И не взяли с собой провиант?

— Нет! Мой уход был слишком внезапен.

— И по пути никуда не зашли?

— Я вынужден был обходить стороной любую ферму,

— Ах вот как! Но у вас есть ружье, и вы могли подстрелить какую-

нибудь дичь!

— О, сэр, я не стрелок. Скорее я попаду в луну, чем в пса, который будет сидеть рядом.

— Зачем же вам ружье?

— Чтобы отпугнуть при случае красных или белых бродяг.

Янки смерил говорившего испытующим взглядом и произнес:

— Послушайте, мистер, у вас что-то стряслось. Кажется, вы в бегах, хотя выглядите человеком вполне порядочным. Куда же, собственно, вам нужно?

— В Шеридан, на железную дорогу.

— Так далеко, без продовольствия и средств к существованию! Все это может закончиться весьма плачевно. Мы с вами не знакомы, но когда человек в беде, стоит отбросить формальности и верить друг другу, а потому скажите мне, что за мозоль докучает вам? Может, я смогу вам помочь.

— Рассказывать особо нечего. Вы не из Кинсли, иначе я бы знал вас, а, стало быть, опасаться мне нечего. Меня зовут Галлер. Мои родители были немцами. Они переехали сюда из Старого Света, чтобы выбиться в люди, но им это не удалось. Мой путь тоже не был усеян розами, ибо я брался за любое дело, пока два года назад не устроился писарем на железной дороге. В конце концов, попал на службу в Кинсли. Сэр, я и мухи не обижу, но, когда меня сильно оскорбляют, моя душа не выдерживает и я выхожу из себя! Так вот, повздорил я как-то с тамошним редактором, да так, что дело закончилось дуэлью. Подумать только, дуэль на флинтах! Я никогда раньше не держал в руках эту убийственную штуку, а тут поединок на флинтах, да еще тридцать шагов дистанции! У меня в глазах помутнело, когда я только услышал об этом. Но буду краток — пришел час, и мы стали на изготовку. Сэр, думайте обо мне, что хотите, но я миролюбивый человек и никогда не хотел быть убийцей. При мысли о том, что могу лишиться жизни противника, я весь покрывался гусиной кожей! Поэтому, как только прозвучала команда, я умышленно прицелился на несколько локтей в сторону и нажал курок; он тоже. Прогревели выстрелы, и, подумать только, я стоял цел и невредим, а моя пуля поразила противника прямо в сердце. Вцепившись в флинт, который мне не принадлежал, я в ужасе бросился прочь. Потом я пытался доказать, что ствол кривой, а потому пуля ушла на три локтя влево, но все напрасно! Редактор имел многочисленных и влиятельных знакомых, а здесь, на Западе, это многое значит. Мне тотчас пришлось уносить отсюда ноги, я едва успел встретиться со своим начальником, чтобы проститься. Желая мне добра, тот посоветовал идти в Шеридан и дал мне на руки

рекомендательное письмо к тамошнему инженеру. Можете его прочитать, и вы убедитесь, что все это правда.

Рассказчик вытащил письмо из кармана, раскрыл его и подал янки. Тот прочитал:

«Дорогой Чарой!

Посылаю тебе мастера Йозефа Галлера, моего бывшего писаря. Он немец, парень честный, верный и аккуратный. Но на его долю выпало несчастье — чисто случайно, на дуэли, он смертельно ранил своего противника, а потому ему нужно на некоторое время уехать отсюда. Ты окажешь мне большую любезность, если дашь ему работу в своей конторе, пока страсти по этому делу не улягутся.

Твой Бент Нортон».

Под именем для большей достоверности стояла печать. Янки сложил письмо, вернул его хозяину.

— Я верю вашим словам, мистер Галлер, — губы янки тронула полуироничная-полужалостливая улыбка, — и без вашего письма. Глядя на вас, сразу видно, что вы тише воды, ниже травы. Со мной та же история — я не большой охотник и не великий стрелок. Не только ведь порохом или свинцом жив человек! Но так пугаться я бы на вашем месте не стал. Мне кажется, вы сильно преувеличили страхи.

— О, нет, положение действительно было опасным!

— Значит, вы убеждены, что вас преследовали?

— Несомненно! Поэтому я до сих пор обходил стороной всякие фермы и поселки, чтобы никто не узнал, куда я свернул.

— А вы уверены, что в Шеридане вас хорошо примут и вы получите место?

— Да, ибо мистер Нортон и мистер Чарой, инженер в Шеридане, очень большие друзья.

— Ну, а какое жалованье вам положат?

— До настоящего времени я получал восемь долларов в неделю и думаю, что там мне заплатят столько же.

— Так! Я знаю одну должность, на которой будут платить в два раза больше — шестнадцать долларов в сутки плюс бесплатный стол.

— Что? Действительно? — удивленно воскликнул обрадованный писарь и вскочил. — Шестнадцать долларов? Это же райская жизнь!

— Не совсем, но вы сможете накопить.

— И где же такое место? У кого?

— У меня.

— У... вас? — в голосе Галлера послышалось разочарование.

— Конечно. Вероятно, вы мне не верите?

— Хм! Я вас не знаю.

— Это сейчас же легко исправить. Я магистр доктор Джефферсон Хартли, врач и ветеринар.

— Значит, лечите людей и животных?

— Да, — кивнул янки. — Если у вас есть желание, то будьте моим помощником, и я буду платить вам указанную сумму.

— Но я ничего не понимаю в вашем деле, — скромно ответил простодушный Галлер.

— Я тоже ничего, — сознался магистр.

— Ничего? — лицо немца вытянулось от удивления. — Вы же должны были обучаться медицине?

— И не собирался!

— Но если вы магистр, да еще и доктор...

— Несомненно! Такими титулами я действительно владею, это уж точно, ибо наградил ими себя сам.

— Вы... вы сами?

— Конечно! Говорю с вами откровенно, ибо надеюсь, что вы примете мое предложение. Собственно, сначала я был портным, потом стал парикмахером, позже — учителем танцев, еще позже основал школу для воспитания юных леди, а когда все это закончилось, взялся за гармонику и стал бродячим музыкантом. С тех пор я «на ура» перепробовал еще десятка два различных специальностей, познал жизнь и людей и понял, что разумный парень не должен упустить своего. Люди сами хотят, чтобы их обманывали. Да! Они чрезвычайно благодарны, когда им втирают очки. Особенно важно польстить их ошибкам, их грешкам и недостаткам, как физическим, так и духовным, поэтому я, приняв все это во внимание, и стал врачом. Вот, взгляните на мою аптеку!

Американец отпер ключом ящик, при этом попросив Галлера встать, и отбросил крышку. Внутри ящик был довольно изящно исполнен, он состоял из пятидесяти отделений, выложенных простроченным золотом бархатом и украшенных арабесками. В каждом отделении находились колбочки с жидкостями всех возможных цветов и оттенков.

— Так это ваша аптека! — воскликнул Галлер. — И откуда у вас эти медикаменты?

— Я сам их изготавливаю.

— Я думал, что вы ничего в этом не понимаете!

— О, в этом как раз я понимаю! Это же до смешного просто! То, что вы видите — не что иное, как немного краски и воды, называемой аквой.

Этим словом заканчиваются все мои познания в латыни. К нему я добавляю выражения моего собственного сочинения, которые должны звучать как можно краше. Вот, посмотрите надписи: «Аква саламандра», «Аква пелопоннесия», «Аква химборасоллария», «Аква инвокабулатария» и так далее. Вы, конечно, не поверите, что такой водой можно что-либо вылечить, но я и не возьмусь вас разубеждать, ибо сам, естественно, этого не знаю. Самое главное — не дожидаться действия, а получить гонорар и вовремя удалиться! Соединенные Штаты велики, и прежде чем я обойду их по кругу, пройдут годы, я уже не буду таскаться с ящиком, а окажусь совсем в другом обществе, среди богатых людей. А пока жизнь практически бесплатна, ибо везде, куда я прихожу, меня кормят и поят до отвала, а когда ухожу, наполняют мои карманы. Индейцев мне бояться нечего, ибо у них люди, знакомые с врачеванием, считаются шаманами, они неприкасаемы, почти как святые. Соглашайтесь! Хотите стать моим помощником?

— Хм! — буркнул Галлер и почесал за ухом. — Дело кажется мне сомнительным, да и нечестным к тому же.

— Не будьте смешным! Вера делает все! Мои пациенты всегда верят в действие моих лекарств, и это помогает им выздоравливать. Разве это мошенничество? Попробуйте хотя бы раз! Теперь вы подкрепились, а ферма, к которой я направляюсь, лежит также и на вашем пути, так что заглянуть туда вам не будет во вред.

— Ну, хорошо, попробую, но только из благодарности перед вами; я не обладаю даром внушения.

— Это вовсе и не нужно — об этом позабочусь я сам. Вы должны все время молчать; вся ваша работа будет заключаться в доставании из ящика тех колбочек, которые я вам укажу. Конечно, придется свыкнуться, что при этом я буду обращаться к вам на «ты». Если все это вас устраивает, то вперед! Отправляемся в дорогу!

Он снова забросил ящик за спину, и они вдвоем зашагали в сторону фермы. Едва прошло полчаса, как вдали показалось небольшое хозяйство. Теперь шкатулку должен был нести Галлер, поскольку «магистру» не подобало с ней таскаться.

Главное здание фермы было сколочено из дерева. Позади него раскинулись ухоженные садики и поля, а неподалеку стоял хозяйский дом. Перед ним у веранды были привязаны три лошади — верный признак присутствия в доме чужаков. Те сидели в комнате и потягивали домашнее пиво, приготовленное самим хозяином. Гости были одни, ибо дома находилась только жена фермера, которая вышла в маленький хлев. Чужаки через окно сразу заметили шарлатана и его фамулуса (помощника).

— Гром и молния! — удивился один из них. — Кого я вижу! Если не ошибаюсь, это Хартли, музыкант с гармоникой!

— Твой знакомый? — спросил другой. — У тебя что-то было с ним?

— Конечно. Парень сделал одно дело и набил свои карманы долларами. Естественно, я тоже сделал свое дело, обчистив их ночью.

— А он знает, что это ты?

— Хм, вероятно. Хорошо, что я вчера снова покрасил волосы в черный цвет. Не называйте теперь меня ни Бринкли, ни Полковником, а то этот бездельник нам все карты спутает!

Тем временем оба вновь прибывших подошли к дому как раз в тот момент, когда жена фермера вышла из конюшни. Она приветливо поздоровалась и спросила, что им нужно. Когда женщина услышала, что перед ней врач и его помощник, она не смогла скрыть большой радости и попросила их войти в комнату, открыв перед ними двери.

— Господа! — крикнула она внутрь. — Вот ученый доктор со своим аптекарем. Думаю, что их общество не будет вам неприятным.

— Ученый доктор? — тихо усмехнулся Полковник. — Бесстыдный бездельник! Хотел бы я напомнить тебе, кем ты был раньше!

Вошедшие поклонились и без церемоний заняли места за столом. Бринкли, к своему удовлетворению, отметил, что Хартли не узнал его. Назвавшись траппером, он сказал, что вместе с двумя спутниками следует в горы. Пока хозяйка занималась очагом и вешала котел, завязался разговор, а когда обед был готов, женщина вышла во двор и, по обычаю этих мест затрубила в рог, чтобы позвать своих.

Очень скоро с близлежащих полей потянулись люди: сам фермер, его сын, дочь и слуга. Они приветствовали гостей, особенно горячо пожав руку доктору, и подсели к ним, предварительно помолившись. Это были люди простые, открытые и благочестивые, которые, конечно, легко могли попасться на удочку янки.

За обедом фермер был неразговорчив, но потом, однако, запалил трубку. Поставив локти на стол, он обратился к Хартли:

— Нам уже пора в поле, и времени на разговоры мало, но, может, я успею занять вас. В каких болезнях вы разбираетесь?

— Что за вопрос! — оживился шарлатан. — Я врач и ветеринар, лечу любые болезни.

— Well, вы тот человек, который мне нужен. Надеюсь, вы не из тех проходимцев, что кочуют, выдают себя за врачей и обещают манну небесную.

— Разве я похож на мошенника? — с обидой в голосе спросил

Хартли. — Разве бы я выдержал экзамен на титул доктора и магистра, если бы не был ученым человеком? Вот сидит мой помощник. Спросите его, и он вам скажет, что тысячи и тысячи, не считая животных, благодарны мне за здоровье и спасенную жизнь.

— Я верю этому, верю, сэр! Вы пришли как нельзя кстати. Моя корова тяжело больна и стоит в хлеву; вот уже два дня, как она не хочет есть и не поднимает головы. Мне кажется, она безнадежна.

— Хо! Больной безнадежен, если испустил дух! Пусть ваш слуга покажет мне ее, потом я дам ответ.

«Доктора» привели в хлев, чтобы он осмотрел корову. Некоторое время тот пробыл там, а когда вернулся, скорчил серьезную мину и произнес:

— Я успел как раз вовремя, ибо корова могла пасть уже сегодня вечером. Она объелась дурмана, но, к счастью, у меня есть верное средство, и завтра утром ваша корова станет здоровой, как прежде. Принесите ведро воды, а ты достань «акву сильвестрополию».

Галлер, как и подобает фамулусу, быстро раскрыл ящик, поискал нужную колбочку, потом подал ее Хартли. Тот влил из нее в ведро несколько капель, перемешал и наказал фермеру давать животному каждые три часа по полгаллона ³⁴«лекарства». Потом очередь дошла до двуногих пациентов. У жены начинался зуб, и она получила «акву суматралию», фермеру, который страдал ревматизмом, прописали «акву сенсационию», а его дочь, которая ничем не страдала, приняла от нескольких веснушек «акву фуронию». Слуга прихрамывал с детства и получил возможность избавиться от недуга с помощью «аквы министриалии». Напоследок Хартли осведомился также о здоровье троих гостей, но Полковник покачал головой и ответил:

— Благодарю, сэр! Мы совершенно здоровы, а когда чувствуем себя плохо, пользуемся шведским методом.

— Как это?

— Занимаемся лечебной гимнастикой. Обычно я прошу сыграть мне на гармонике лихой рил ³⁵ и танцую до тех пор, пока не вспотею. Испытанное средство! Понятно?

Сказав это, Бринкли многозначительно кивнул, а лжеврач молча и смущенно отвернулся от собеседника, чтобы расспросить хозяина о соседях. Он тут же услышал, что ближайшая ферма лежала в восьми милях западнее, но была и еще одна — на расстоянии пятнадцати миль в северном направлении. Когда магистр сообщил, что немедленно должен отправиться

к первой, фермер спросил о гонораре. Хартли потребовал пять долларов, которые ему тут же выплатили. Потом вместе с помощником, который снова загрузил ящик склянками и забросил его на шею, они зашагали прочь. Удалившись от фермы на безопасное, по их мнению, расстояние, оба остановились.

— Мы шли на запад, но теперь повернем на север, ибо я не собираюсь идти к первой ферме, — подал голос янки. — Корова была так плоха, что сдохнет, пожалуй, уже через час — тут и ветеринаром быть не надо. Если фермер пустится в погоню, то нагонит нас, и это может плохо закончиться. Пойдем к другой ферме, что дальше. Но обед и пять долларов за десять капель анилиновой воды, это ли не удача! Надеюсь, вы оценили преимущества и пойдете ко мне на службу.

— Я вас, видимо, удивлю, сэр, — ответил Галлер. — Вы мне предлагаете много, очень много, но за это мне придется лгать и лгать еще больше! Не держите на меня зла — я человек честный и хочу им остаться. Совесть не позволяет мне откликнуться на ваше предложение.

Он произнес это так серьезно и твердо, что магистр сразу понял, что дальнейшие увещевания бесполезны. С сочувствием кивнув головой, он сказал:

— Я желал вам добра! Жаль, что ваша совесть столь девственна.

— Я благодарю Бога, что он не дал мне иного. Вот вам ваш ящик. Я охотно отблагодарил бы вас за то, что вы для меня сделали, но не могу — нечем.

— Well! Вольному — воля, спасенному — рай! Не буду вам докучать больше. И все же нам не стоит так сразу расставаться. Ваш путь — пятнадцать миль до близлежащей фермы — также и мой, и мы можем идти вместе хотя бы до нее.

С этими словами «доктор» снова повесил ящик себе на шею. Его дальнейшее долгое молчание говорило о том, что честность писаря запала ему в душу. Так они брели дальше, смотря только вперед, пока не услышали сзади стук копыт. Обернувшись, они увидели тех трех чужаков, с которыми недавно встретились на ферме.

— Горе мне! — вырвалось у Хартли. — Кажется, это за мной. Эти парни собирались в горы. Почему же они едут не на запад? Я не верю им! Они скорее похожи на бродяг, чем на трапперов!

В том что догадка его верна, шарлатану, к его сожалению, пришлось убедиться очень скоро. Всадника резко осадил коней около путников, после чего раздался насмешливый голос Полковника:

— Эй, мистер! Вы, кажется, сменили направление? Теперь фермер не

найдет вас.

— Не найдет? — удивился янки.

— Да. Когда вы убрались, я искренне поведал ему, как обстоят дела с вашими прекрасными титулами, и он тотчас бросился в погоню, чтобы забрать деньги!

— Чушь, сэр!

— Это не чушь, а истинная правда. Он направился в сторону фермы, которую вы будто бы собирались осчастливить своим появлением. Но мы оказались умнее и сразу пошли по вашему следу, чтобы сделать предложение.

— Я не знаю вас и не имею с вами ничего общего!

— Зато у нас к вам есть дело. Мы позволили вам обмануть честных людей, а значит, стали вашими сообщниками, за что вам придется поделиться частью гонорара. Вас двое, а нас трое, и, стало быть, нам полагаются три пятых от суммы. Вы видите, мы поступаем справедливо. Но если вы не согласны, то... взгляните сюда!

Полковник повернулся к двум другим, которые молча и спокойно подняли ружья, направив их на Хартли. Тот смекнул, что отпираться бесполезно, ибо теперь был полностью убежден, что имеет дело с настоящими грабителями. Хартли в глубине души почувствовал даже некоторую радость, что мог так легко отделаться от них. Без разговоров он вынул из кармана три доллара и подал их Полковнику со словами:

— Вы, кажется, ошиблись во мне и потому попали в неловкое положение. Я же приму вашу претензию за шутку, и на этом расстанемся. Вот три доллара, которые по вашим расчетам причитаются вам.

— Три доллара? Дьявол вас заberi! — засмеялся Полковник. — Вы думаете, что из-за такой мелочи мы бы погнались за вами коней? Нет, нет! Я имел в виду не только сегодняшние деньги. Мы требуем нашу долю от суммы, которую вы вообще заработали. Я полагаю, что все деньги при вас.

— Ваши предположения ни на чем не основаны! — повысил голос Хартли, чувствуя, что дело приобретает крутой оборот.

— Посмотрим! Вы лжете, а потому мне придется вас обыскать. Мне кажется, вы не будете возражать, ведь мои друзья носят ружья не для парада! Жизнь жалкого игрока на гармонике для нас и гроша не стоит!

Полковник слез с коня и подошел к янки. Хартли ничего не оставалось делать, как повиноваться. Стволы ружей смотрели на него так грозно, что шарлатан покорился судьбе, надеясь все же, что Полковник ничего не найдет, ибо вся наличность была далеко припрятана.

Рыжий Бринкли, шевелюра которого теперь была черной, обыскал все

карманы, но обнаружил лишь несколько завалявшихся долларов. Затем трамп ощупал каждый дюйм платья янки, пытаясь почувствовать, не вшиты ли деньги, но все без успеха. Хартли уже было собирался праздновать победу, но Полковник не желал так просто отказываться от задуманного. Он приказал открыть ящик и стал тщательно его осматривать.

— Хм! — промычал негодяй. — Эта бархатная аптека так глубока, что, похоже, имеет двойное дно. Давайте-ка попытаемся вынуть перегородки.

Хартли побледнел, ибо трамп шел по верному пути. Последний схватился обеими руками за стенки перегородок и потащил их вверх, они поддались, и вся аптека была вытащена из ящика, на дне которого лежала гора бумажных конвертов. Раскрыв конверты, Полковник нашел то, что искал — банкноты различного достоинства.

— О, вот оно, спрятанное сокровище! — удовлетворенно улыбнулся трамп. — Я сразу понял, что этот «врач» и «ветеринар» зарабатывает бешеные деньги — должны же они где-то быть!

Трампа сгреб конверты, желая вытащить их из ящика, что привело янки в ярость. Шарлатан без раздумий бросился на грабителя, пытаясь вырвать деньги, и тут же грохнул выстрел. Останься Хартли на месте, пуля обязательно пробила бы навывлет его тело, но он кинулся вперед, поэтому свинец ударил в плечо и раздробил кость. Громко вскрикнув, раненый упал в траву.

— Довольно, пройдоха! — пробормотал Полковник. — Попробуй встать или солгать еще раз — другой выстрел будет точнее! А теперь обыщем прислужника.

Распихав конверты по карманам, трамп шагнул к Галлеру.

— Я не его помощник. Я встретил его лишь недавно, недалеко от фермы, — ответил тот с тревогой, даже и не пытаясь воспользоваться флинтком.

— Вот как? А кто вы?

Галлер на свою беду сказал Полковнику правду и дал ему прочитать рекомендательное письмо, чтобы доказать истинность сказанного. Трамп принял к сведению содержание письма, отдал его обратно и с пренебрежением сказал:

— Я верю. По вам сразу видно, что вы честный парень, но пороха не выдумали! Ступайте в свой Шеридан — до вас мне дела нет. — Повернувшись к янки, бандит продолжил: — Я говорил о нашей доле, но ты солгал, и теперь мы заберем все. Так что без обид! Потрудись в дальнейшем исправиться, чтобы при следующей встрече мы поделились по-братски.

Хартли понял, что сопротивление бесполезно. Корчась от боли, он выдавил из себя несколько слов, надеясь вернуть часть денег, но над ним лишь посмеялись. Полковник снова сел в седло и вместе со своими спутниками поскакал на север, еще раз доказав, что никакого отношения к трапперам не имел и не помышлял ехать на запад.

По пути бродяги посмеялись над авантюрой, а заодно решили поделить деньги без участия остальных своих компаньонов. После долгих поисков они нашли подходящее место, откуда можно было хорошо обозревать окрестности и где их никто не мог заметить, после чего слезли с коней, сели и сосчитали добычу. Потом, когда каждый спрятал свою долю, один из двух трампов обратился к Полковнику:

— Ты должен был обыскать и другого. Не мог он идти пустым.

— Тьфу! Что можно найти у нищего писаря! Несколько долларов — не больше. Это не стоило трудов.

— Он точно писарь? Что стояло в письме, которое он тебе показал?

— Это было рекомендательное письмо к инженеру Чарою в Шеридане.

— Что? — говоривший вскочил. — И ты его вернул?

— Да. Чем нам могла быть полезна эта мазня?

— Очень многим! И ты еще спрашиваешь? Ясно как Божий день, что письмо могло бы помочь нашему плану! Очень странно, что ты не понял этого и не воспользовался моментом. Мы покинули наших, чтобы осмотреть окрестности, разузнать, как дела в кассе, и при этом должны были умудриться не показываться никому на глаза! Если бы мы забрали письмо, один из нас мог бы отправиться в Шеридан и выдать себя за писаря. Он определенно стал бы служить в конторе, получил бы доступ к книгам, и мы бы на первый или второй день узнали все необходимые сведения!

— Дьявол! — выругался Полковник. — Это правда. Как это случилось, что мой котелок оказался пуст! Ты вроде неплохо обращаешься с пером и мог бы сыграть эту роль.

— Пожалуй, стоит рискнуть — ведь так мы бы избавились от многих трудностей! Может, еще не все потеряно?

— Конечно! Время еще есть! Мы же знаем, куда им надо, а дорога, которую указал фермер, проходит здесь рядом. Нам останется лишь подождать, когда они появятся.

— Да, давайте сделаем так! Но отобрать письмо у писаря — это полдела, ибо он дойдет до Шеридана и может все испортить. Придется сделать так, чтобы он туда не дошел.

— Само собой. Пустим каждому пулю в лоб и зароем их. Потом ты с

письмом отправишься в Шеридан, разузнаешь что и как и дашь нам знать.

— Но где и когда?

— Мы вдвоем поскачем назад за остальными. Найдешь нас в том месте, где железная дорога проходит через Хвост Орла. Более точно я сейчас определить не могу, а потому в направлении Шеридана выставлю форпост, на который ты, безусловно, наткнешься, и ребята приведут тебя к нам.

— Отлично! А если мое исчезновение бросится в глаза и навлечет подозрения?

— Хм, это тоже надо предусмотреть. Чтобы избежать подобных неприятностей, возьми с собой Фоллера. Скажешь, что встретил его по дороге, а он подтвердит, что ищет работу у строителей колеи.

— Идет, — отозвался другой трамп, которого звали Фоллер. — Работу, может, дадут сразу, а если нет — тем лучше, ибо будет больше времени на то, чтобы принести новости к Хвосту Орла.

План обсудили подробнее, после чего договорились строго ему следовать. После этого трое мерзавцев стали поджидать шарлатана и его помощника, но время шло, а последние не появлялись. Похоже было на то, что путники снова изменили направление следования, чтобы не наткнуться на трампов еще раз. Подождав немного, последние решили вернуться и искать новые следы.

Тем временем писарь кое-как перевязал рану американцу. Ранение не было тяжелым, но плечо оказалось сильно повреждено и раненому необходим был уход, хотя бы поначалу. Местом его временного пристанища могла служить ферма, к которой они двигались, но ведь и трампы уехали в том направлении!

— Думаю, нам не стоит попадаться к ним в руки еще раз, — произнес янки. — Они пожалеют, что не убрали нас сразу, и при новой встрече исправят ошибку. Деньги мои они забрали, но жизнь свою я не тороплюсь им отдать. Будем искать другую ферму!

— Кто знает, когда мы ее найдем, — заметил Галлер. — Вы разве выдержите долгие скитания?

— Думаю, да. У меня достаточно сил, чтобы добраться до какого-нибудь местечка, прежде чем начнется травматическая лихорадка. Надеюсь, вы не оставите меня раньше?

— Конечно, нет. Если вы вдруг не сможете идти, я попытаюсь отыскать людей, чтобы они забрали вас, здесь же не пустыня! Теперь, однако, не будем тратить время. Куда мы пойдём?

— На север, как и прежде, но теперь примем вправо. Горизонт там

темный — значит там лес или заросли, а где растут деревья — там должна быть вода. Будем охлаждать ей мою рану, — простонал Хартли.

Галлер подхватил ящик, и они вдвоем покинули место происшествия. Хорошо еще, что янки шел сам, иначе хлипкий Галлер не смог бы его нести на себе. Предположения Хартли оправдались — через некоторое время оба добрались до густых зеленых зарослей, среди которых действительно струился ручей. Здесь писарь сменил первую повязку, а Хартли вылил все крашенные капли и наполнил колбочки чистой водой, которой можно будет в пути по необходимости смачивать повязку. Затем они снова тронулись в путь.

Они шли через прерию, ступая по скудным островкам низкой травы и высохшей почве, на которой едва ли можно было различить следы и лишь глаза очень опытного вестмена разобрали бы отпечатки. Прошло много времени, прежде чем путники снова заметили темную линию на горизонте — знак того, что они опять приближались к лесному массиву. В этот миг янки случайно обернулся и увидел вдали несколько движущихся точек. Их было три, и Хартли тотчас сообразил, что это возвращаются трампы. Теперь речь шла о жизни и смерти! Другой обратил бы внимание писаря на погоню, но хитрый янки этого не сделал, он продолжал путь с удвоенной быстротой, а когда Галлера удивила его внезапная поспешность, он дал весьма правдоподобные объяснения.

Верховых всегда заметно издали, но фигуру пешего возможно различить лишь на более близком расстоянии. Расстояние, на котором находились всадники, было достаточно велико, и Хартли мог предположить, что трампы пока не заметили ни его, ни Галлера. В его мозгу зарождался план собственного спасения. Он давно понял, что сопротивление бесполезно — их бы настигли и просто пристрелили. Возможность спастись существовала, но лишь для одного из них и ценой жизни другого. Роль этого другого, по всей видимости, выпадала на долю простодушного писаря, который пока и не подозревал о нависшей над ним опасности. Хитрый янки молчал, как молчала его совесть, хотя ее хозяин просто-напросто обрекал своего спутника на гибель.

Так они шли дальше и дальше, пока не достигли перелеска, над густыми зарослями которого возвышались верхушки ореховых деревьев, дубов и вязов. Лес был неглубок, но тянулся далеко вправо от пути следования беглецов. Когда путники пересекли его и оказались на другой стороне, янки остановился и сказал:

— Мистер Галлер, я понял, что для вас я большая обуза. Вы шли в Шеридан, а теперь из-за меня вынуждены уклониться от прямого пути. Кто

знает, где и когда мы набредем на ферму, и вы целыми днями будете мучиться со мной? Ведь есть же простое средство положить конец этому ненужному самопожертвованию!

— Это какое же? — удивился Галлер.

— Ради Бога, идите дальше, а я вернусь на ферму, с которой вышел прежде, чем встретился с вами.

— Мне кажется, это слишком далеко для вас!

— Вовсе нет. Сначала я двигался на запад, потом с вами — прямо на север, а стало быть, сильно принял вправо. Если срезать это расстояние, то отсюда до фермы не более трех часов, и столько я выдержу.

— Вы думаете? Ну, хорошо, но я тоже пойду с вами. Я обещал, что не брошу вас.

— Я вынужден освободить вас от этого обещания, так как не хочу подвергать опасности.

— Опасности?

— Да. Жена фермера, как она сама мне рассказала сестра шерифа из Кинсли, — тут же сочинил «доктор», не моргнув и глазом. — Если вас там еще ищут, бьюсь об заклад, что шериф наведывается на эту ферму, и вы попадете ему прямо в лапы!

— Это, конечно, меняет дело, — в голосе Галлера чувствовался испуг. — Вы действительно хотите идти туда?

— Да. Так будет лучше для меня и для вас.

Шарлатан продолжал доказывать преимущества данного решения так искренне и убедительно, что бедный писарь, в конце концов, сам захотел распрощаться. Они пожали друг другу руки, пожелали всего хорошего и разошлись. Галлер вышел в открытую прерию и направился дальше, а Хартли, взглянув ему вслед, подумал про себя: «Жаль этого парня, но ничего другого не остается. Останься мы вместе — погибли бы оба. Но теперь придется поторопиться. Если они его нагонят и спросят обо мне, он скажет им, что я пошел направо, но я пойду налево и поищу место, где можно спрятаться».

«Доктор» не был охотником, но знал, что следы за собой оставлять нельзя. Врезавшись в кустарник, он нашел место, где следы не были заметны, а если и оставался какой-нибудь слабый отпечаток, он старательно затирает то место здоровой рукой. Конечно, ему мешал ящик, и ныла рана, но речь шла о жизни, и Хартли продолжал медленно продвигаться вперед. На свое счастье, вскоре он набрел на густые заросли, сквозь которые вообще ничего не было видно. Он еле-еле пробрался внутрь, оставил ящик и сел на него. Только он это сделал, тут же услышал

голоса всадников и топот копыт. Трое бандитов проскакали мимо и не обратили внимание, что дальше в прерию вел след только одного человека.

Янки осторожно раздвинул ветви, чтобы взглянуть на прерию — там вдалеке еще маячила спина Галлера. Трампы, увидев его, помчались галопом. Он тоже услышал их, развернулся и в ужасе застыл. Они быстро его нагнали и заговорили с ним; он указал на восток, похоже, давая понять, что Хартли возвратился к ферме в этом направлении. Потом послышался пистолетный выстрел, и Галлер упал на землю.

— Дьявол! — пробормотал Хартли, в глубине души надеявшийся, что трампы не тронут писаря, ибо небезосновательно полагал, что они идут за ним одним. — Подождите, мерзавцы! Может, я еще встречу вас, и тогда вы дорого заплатите за этот выстрел! Но что же они теперь будут делать?

Он увидел, что убийцы слезли с коней и склонились над жертвой. Потом стали друг напротив друга, по-видимому, совещаясь, пока снова не вскочили на коней. Перекинув убитого через седло, Полковник, к великому изумлению янки, поехал назад, в то время как оба его спутника, не разворачиваясь, двинулись дальше. Добравшись до зарослей, рыжий Бринкли немного углубился в них и сбросил труп, после чего бандит исчез из виду, а через некоторое время послышался стук копыт, потом все стихло.

Янки овладел ужас. Теперь он почти раскаивался, что вовремя не предупредил писаря, но ничего поправить уже было нельзя. Он стал свидетелем ужасного преступления, а труп лежал совсем неподалеку. Он охотно сбежал бы отсюда, но не мог решиться, ибо полагал, что Полковник еще ищет его. Так прошла четверть часа, потом еще пятнадцать минут. Наконец янки все же решил покинуть ужасное место. Прежде всего он еще раз оглядел прерию, и тут его глаза заметили нечто такое, что снова заставило его забиться в укрытие.

С правой стороны по прерии ехал всадник, ведущий за собой еще одного коня. Наткнувшись на следы двух уехавших трампов, человек остановился и легко спрыгнул с лошади. Осмотревшись, незнакомец наклонился, чтобы изучить следы, затем неторопливо прошел по ним назад, к тому месту, где было совершено убийство. Там он опять остановился и огляделся. Склонился к земле и разогнулся лишь после того, как тщательно изучил место преступления. Опустив глаза, он пошел по следу Полковника. Не доходя пятидесяти шагов до зарослей, он остановился, издал какой-то особенный гортанный звук и указал рукой в кустарник. Очевидно, это относилось к коню, ибо тот сразу удалился от хозяина, сделал маленький крюк и потом вернулся на край зарослей, втягивая воздух через широко открытые ноздри. Животное вело себя

спокойно, поэтому путник подошел ближе. Явных признаков беспокойства не было, и всадник прошел мимо.

Теперь янки мог его рассмотреть — перед ним стоял индеец. Он носил обшитые бахромой легины и охотничью рубаху, украшенную богатой вышивкой и также отделанную по швам бахромой. Маленькие ступни его ног были обуты в изящные мокасины. Длинные, черные как смоль волосы были аккуратно уложены под налобной повязкой из гремучих змей, за которой не торчало ни одного орлиного пера. С шеи индейца свешивалось тройное ожерелье из клыков медведя с трубкой мира и мешочком с «лекарствами». В руке краснокожий сжимал двустволку, ложа и приклад которого были обиты мелкими серебряными гвоздями. Матовая светло-бурая кожа лица отливала бронзой; оно имело римский профиль, и лишь слегка выдающиеся скулы выдавали его индейский тип.

Собственно говоря, соседство любого краснокожего должно было внушить янки, который и без того не был рожден героем, немалые опасения. Но чем больше он всматривался в лицо индейца, тем больше ему казалось, что ему нечего бояться пришельца. Краснокожий приблизился шагов на двадцать. Его конь пошел еще дальше, тогда как другой жеребец продолжал стоять за спиной индейца. Первый жеребец поднял было переднее копыто, чтобы сделать очередной шаг, как вдруг резко лягнул ногой и с громким фырканием кинулся назад — животное почувствовало запах янки, а может быть, трупа. Индеец в тот же миг как пантера отскочил в сторону и исчез из виду, а за ним — и второй конь. Теперь Хартли больше ничего не мог видеть.

Он застыл в долгом и напряженном ожидании, едва сдерживая в груди тяжелое дыхание, и в этот миг до его ушей долетел полуприглушенный звук «уфф!». Когда он повернул лицо в сторону услышанного восклицания, он увидел склонившегося, вероятно, над трупом индейца. Через несколько мгновений краснокожий пополз назад, и его не было видно около четверти часа, как вдруг янки в ужасе вздрогнул, ибо голос индейца раздался совсем рядом:

— Почему бледнолицый сидит в укрытии? Почему он не выйдет, чтобы показаться на глаза красному воину? А может быть, он скажет, куда скрылись убийцы другого бледнолицего?

Когда Хартли со страхом повернул голову, он увидел индейца, стоявшего на коленях рядом с ним с блестящим ножом — «боуи» в руке. Слова краснокожего доказывали, что он верно прочитал след и рассудил чрезвычайно проникательно. Он не считал американца убийцей, и успокоенный этим Хартли отозвался:

— Я прятался от них. Двое удалились прочь, в прерию, а третий бросил труп здесь. Я остался в укрытии, ибо не знал, ушел он или нет.

— Он ушел. Его след ведет через заросли, а потом на восток.

— Значит, он пошел за мной на ферму. Его действительно здесь нет?

— Нет. Мой белый брат и я — единственные живые люди тут. Пусть он выходит на открытое место и расскажет мне, что случилось.

Краснокожий отлично владел английским, а то, что и как он говорил, вселило в американца доверие, поэтому Хартли не отказался последовать приглашению. Когда он выбрался из чащи, то заметил, что оба коня стояли на достаточном расстоянии от перелеска, привязанные к колышкам. Краснокожий окинул белого взглядом, который, казалось, проник в самую его душу, а потом произнес:

— С юга сюда шли пешком двое; один укрылся здесь, им был ты; другой пошел дальше, в прерию. Потом появились трое всадников, которые преследовали этого другого; они застрелили его в голову пистолетной пулей. Двое из них уехали, а третий взял труп на лошадь, проехал к зарослям и сбросил его там, а потом галопом умчался на восток. Это так?

— Да, именно так, — кивнул пораженный шарлатан.

— Тогда скажи мне, почему застрелили твоего белого брата? Кто ты и что делаешь здесь, в «этой местности? В плечо тебя ранили эти же люди?

Дружелюбный тон, с которым был задан вопрос, свидетельствовал о том, что краснокожий не был настроен против янки и не имел никаких подозрений, поэтому тот ответил ему. Индеец слушал внимательно, не смотря на американца. Потом он, однако, снова бросил на него острый взгляд и спросил:

— Так значит, твой спутник заплатил своей жизнью за твою?

У Хартли снова заныла рана, он опустил глаза и, запинаясь, ответил:

— Нет... Я просил его, чтобы он со мной спрятался, но он не захотел.

— Так ты сказал ему, что убийцы едут за вами?

— Да.

— И сказал, что хочешь укрыться здесь?

— Да.

— Так почему же он тогда указал на восток, к ферме, когда убийцы спросили его о тебе?

— Чтобы обмануть их.

— Так он хотел спасти тебя! Он был храбрым другом! А ты достоин его? — индеец прожег Хартли своим взглядом. — Только Великий Маниту знает все, а мой глаз не может видеть твое сердце. Если бы я мог все знать, тебе было бы стыдно передо мной, но я буду молчать, и пусть твой Бог

судит тебя! Ты меня знаешь?

— Нет, — тихо отозвался Хартли.

— Я Виннету, вождь апачей. Моя рука преследует подлецов, а плечо готово стать опорой любому, у кого чистая совесть. Я осмотрю твою рану, но еще необходимее знать, почему вернулись убийцы. Ты знаешь это?

Хартли часто слышал о Виннету. И теперь, когда знаменитый вождь стоял перед ним, ему следовало беседовать с ним не иначе, как любезно:

— Как я уже говорил, они хотели прикончить нас, чтобы мы позже не смогли их выдать.

— Нет. Если бы дело было только в этом, они пристрелили бы вас на месте. Здесь что-то другое. Какие-то мысли пришли им в голову позже. Они хорошо обыскивали тебя?

— Да.

— И все забрали? А твоего спутника?

— Нет. Он рассказал им, что находится в бегах, и подтвердил это, показав письмо.

— Письмо? Они его забрали?

— Нет. Они вернули его обратно.

— Где он его прятал?

— Во внутреннем нагрудном кармане.

— Сейчас его там нет. Я обыскал одежду убитого, но никакого письма не нашел. Именно это письмо заставило их развернуться и догонять вас.

— Едва ли! — покачал головой Хартли.

Индеец не ответил. Он вынес труп из зарослей и обыскал еще раз его одежду. Вид у убитого был ужасный, но вовсе не от пулевого ранения, а потому, что убийцы исполосовали ножами его лицо вдоль и поперек, чтобы никто не мог опознать человека. Карманы Галлера были пусты, а длинное ружье бандиты, естественно, забрали с собой.

Индеец задумчиво посмотрел вдаль, а потом с уверенностью произнес:

— Твой товарищ хотел добраться до Шеридана. Двое убийц поскакали на север — значит, им тоже нужно туда. Почему они забрали письмо? Потому что оно могло сослужить им хорошую службу. Почему убийцы изуродовали лицо мертвого? Потому что его никто не должен узнать. И все это для того, чтобы одному из убийц выдать себя за него!

— Но с какой целью?

— Сейчас я не знаю, но позже мы узнаем и это.

— Значит, ты хочешь идти следом за ними?

— Да. Мне нужно к реке Смоки-Хилл, а Шеридан лежит поблизости. Если я направлю туда коня, то не очень отклонюсь от своей цели. Эти

бледнолицые задумали что-то подлое. Может быть, мне удастся расстроить их планы. Мой белый брат едет со мной?

— Я хотел добраться до ближайшей фермы, чтобы подлечить рану. Конечно, я более охотно направился бы в Шеридан, может, получил бы назад украденные деньги...

— Тогда ты поедешь со мной.

— Но моя рана...

— Сейчас я осмотрю ее. На ферме позаботились бы о моем белом брате, но там нет доктора. В Шеридане, однако, мы его найдем. Виннету тоже понимает в лечении ран, он снова может сделать крепкими раздробленные кости и знает средства от горячки при ранениях. Покажи мне плечо!

Раньше при перевязке писарь уже разорвал рукав фрака янки, поэтому теперь» доктор» без труда обнажил плечо. Виннету внимательно осмотрел его и засвидетельствовал, что рана не такая тяжелая, какой казалась на первый взгляд. Выстрел был с близкого расстояния, пуля не раздробила кость плеча, а пробил его насквозь. Индеец вытащил из торбы у седла какое-то засушенное растение, увлажнил его и приложил к ране, потом быстро выстрогал из дерева две длинные палочки, заменившие шины, с помощью которых он завязал рану так искусно, что лучше с данными средствами не справился бы ни один хирург.

— Мой брат может спокойно ехать со мной. Горячки не будет, а если она и появится, мы к тому времени уже давно будем в Шеридане, — объявил он.

— Разве мы не узнаем прежде, что делает третий убийца?

— Нет, он ищет тебя, и если найдет твои следы, вернется и поедет за двумя своими спутниками. Возможно, он не станет этого делать, а разыщет других сообщников прежде, чем отправится вместе с ними в Шеридан. Я пришел из обитаемых краев и узнал, что в Канзасе собралось много бледнолицых, которых называют трампами. Возможно, что убийцы — из этих людей, ибо трампы собираются нанести удар по Шеридану и рыскают в округе. Мы не можем терять времени и должны поторопиться, чтобы предупредить живущих там белых.

— Но если этот третий вернется сюда, он найдет наши следы и по ним узнает, что мы последовали за его друзьями. Не заподозрит ли он чего?

— Мы не поедем за ними. Виннету знает, куда им нужно, и ему не нужны их следы. Мы поскачем по другому пути.

— А когда мы прибудем в Шеридан?

— Не знаю, как ездит мой брат.

— Да уж, конечно, не как циркач. Я мало сидел в седле, хотя сбросить себя коню не дам.

— Тогда мы не будем спешить, но поедem без остановок. Будем ехать всю ночь и наутро приблизимся к цели. Те, кого мы преследуем, разобьют на ночь лагерь, а потому приедут позже нас.

— А что будет с останками бедного Галлера?

— Мы похороним его, и пусть мой брат прочтет молитву над его могилой.

Земля была рыхлой, и оба, используя только ножи, довольно быстро вырыли достаточно глубокую яму, куда опустили покойника и забросали землей. Когда могильный холм был насыпан, янки снял шляпу и сложил ладони для молитвы. Молился он при этом или нет, трудно сказать, а вот апач проводил заходящее солнце таким взглядом, словно видел там, на западе, Страну Вечной Охоты. Он был язычником, но определенно молился. Когда ритуалы были закончены, они подошли к лошадям.

— Пусть белый брат садится на моего скакуна, — сказал Виннету. — У него мягкий шаг, он плывет по прерии, как каноэ по воде. Я сяду на второго.

Оседлав коней, всадники поначалу взяли курс на запад, а потом свернули в северном направлении. Животные, конечно, не были свежими, но вышагивали бодро и весело, словно только что вернулись с пастбища. Солнце опускалось все ниже и ниже, пока наконец совсем не скрылось за горизонтом. Короткие сумерки быстро сгустились в ночь, вселив в янки неуверенность и даже страх.

— Ты не заблудишься в такой темноте? — спросил он вождя.

— Виннету никогда не заблудится, ни днем, ни ночью. Он как звезда, которая всегда находит свое место. Он знает все места этой страны, как бледнолицый — комнаты своего жилища.

— Но есть много препятствий, которые невозможно заметить!

— Глаза Виннету видят и ночью, а если они что-нибудь упустят, это не уйдет от внимания его коня. Пусть мой брат едет не рядом, а за мной, тогда и его конь не наделает ошибок.

Было просто удивительно, с какой осторожностью нес конь индейца. Час за часом, то шагом, то рысью, а чаще галопом двигался жеребец, огибая любое препятствие. Путники преодолевали болота и переправлялись вброд через широкие потоки, проезжали фермы, и в любой момент Виннету всегда знал, где он находился и, похоже, ни разу не испытывал сомнений, что совсем уже успокоило янки. Он был озабочен своим плечом, но средство от раны возымело действие, ибо он не

чувствовал почти никакой боли — ему не на что было даже жаловаться, кроме как на неудобства необычной скачки. Несколько раз путники останавливались, чтобы напоить коней и освежить повязку холодной водой. После полуночи Виннету вытащил кусок мяса и протянул его Хартли, чтобы тот немного подкрепился на ходу. Кроме этого не было никаких пауз, и когда заявила о себе утренняя прохлада, Хартли не без удивления отметил про себя, что он до сих пор еще в состоянии сидеть в седле. На востоке вскоре занялась заря, но местность еще нельзя было разглядеть, поскольку густой туман окутал землю.

— Это туман реки Смоки-Хилл, — заметил вождь. — Мы скоро ее достигнем.

Похоже, Виннету хотел еще что-то сказать, но вдруг остановил коня и стал прислушиваться. С левой стороны от путников раздавался размеренный топот копыт — должно быть какой-то всадник мчался галопом. Через несколько мгновений он появился внезапно, как призрак, и молниеносно исчез. Оба не успели разглядеть ни его, ни коня. Сквозь густой, ползущий по земле туман мелькнул лишь темный силуэт широкополой шляпы. Несколько секунд спустя все стихло.

— Уфф! — вырвалось у Виннету. — Бледнолицый! Так мчаться по ночам могут только двое — Олд Шеттерхэнд, но его здесь нет, ибо я должен с ним встретиться наверху, у Серебряного озера, либо Олд Файерхэнд. Может, это его занесло в Канзас?

— Олд Файерхэнд?! — удивился янки. — Это же самый знаменитый вестмен!

— Он и Олд Шеттерхэнд — храбрейшие и лучшие из опытнейших бледнолицых, которых знает Виннету. Он его друг.

— Похоже, он очень торопится. Куда он так мчится?

— В Шеридан. Он скачет в том же направлении, что и мы. Слева от нас лежит Хвост Орла, а впереди брод, ведущий через реку. Мы через несколько минут достигнем его и в Шеридане узнаем, кто был тот всадник.

Туман начал рассеиваться, ибо ранний ветерок принялся за работу, и вскоре перед путниками раскинулась река Смоки-Хилл. Апач еще раз показал удивительное знание местности: он вывел своего коня на берег именно в том месте, где находился брод. Вода едва доходила животным до брюха, и переправа прошла легко и безопасно.

Оказавшись на другом берегу, всадники пробрались сквозь заросли, выходившие прямо к воде, и вскоре снова поскакали по открытой прерии, пока их глазам наконец не открылась цель поездки — Шеридан.

Глава восьмая. ХИТРОСТЬ ПРОТИВ ХИТРОСТИ

В те времена, о которых идет речь в нашем рассказе, Шеридан не был ни городом, ни даже местечком, а представлял собой лишь временное поселение строителей железной дороги. Поселок состоял из множества каменных домов, землянок и бревенчатых хижин — построек крайне примитивных, над дверьми многих из которых красовались гордые надписи. Сплошь и рядом тут были «отели» и «салоны», в которые за океаном не сунул бы нос даже самый мелкий немецкий ремесленник. Среди этих аляповатых строений встречались милые на вид деревянные домики, готовые в любой момент к разборке и переезду на другое место. Самый большой из них стоял на холме и еще издали завлекал крупной вывеской, на которой было выведено: «Чарльз Чарой, инженер». Именно к нему и направились два путника, остановив животных у дверей, рядом с которыми был привязан по-индейски оседланный конь.

— Уфф! — глаза Виннету заискрились. — Этот жеребец достоин хорошего всадника. Он принадлежит бледнолицему, который проехал мимо нас.

Соскочив с лошадей, путники привязали их к коновязи. Поблизости не было ни души, а когда они окинули поселение взглядом, то заметили лишь трех или четырех зевающих рабочих, которые вышли осведомиться о погоде. Несмотря на столь ранний час, двери оказались открытыми, и Виннету вместе с Хартли вошли внутрь. К ним сразу же вышел негр, спросив, что им нужно. Они еще не успели ответить, как со скрипом открылись боковые двери и появился молодой белый, бросивший на апача удивленный, но, вместе с тем, приветливый взгляд. Это был инженер. Его имя (скорее всего французское имя Шарль Шаруа произносится американцами как Чарльз Чарой. — Прим. перев.), смугловатый цвет лица и темные вьющиеся волосы говорили о том, что он из потомков старинной французской семьи, давно поселившейся на территории нынешних южных штатов.

— Кого вы ищете в такой ранний час, господа? — спросил инженер, вежливо поклонившись.

— Мы ищем инженера, мистера Шаруа, — спокойно ответил индеец на чистейшем английском, при этом совершенно правильно выговорив

французское имя.

— Well, это я. Прошу вас!

Чарой вернулся в комнату, приглашая обоих прибывших последовать за ним. Комната оказалась маленькой и скромно обставленной; по разложенным всюду на мебели канцелярским принадлежностям можно было сделать вывод, что это контора инженера. Хозяин пододвинул гостям два стула и с большим вниманием стал ждать, что они ему скажут. Янки сразу же упал на стул, буквально свалившись от усталости, но индеец продолжал учтиво стоять, кивнув в знак приветствия головой.

— Сэр, — начал он. — Я Виннету, вождь апачей...

— Я уже знаю, уже знаю! — скороговоркой выпалил инженер.

— Знаешь? Значит, мы встречались?

— Нет, но здесь есть тот, кто знает тебя и видел через окно, как вы приближались. Я чрезвычайно рад познакомиться со знаменитым Виннету. Садись и скажи, что привело тебя ко мне, а потом я попрошу тебя быть моим гостем.

Индеец сел на стул и спросил:

— Ты знаешь бледнолицего, который живет в Кинсли и которого зовут Бент Нортон?

— Да, очень хорошо. Это один из моих лучших друзей, — пояснил Чарой.

— А знаешь ли ты бледнолицего Галлера, его писаря?

— Нет. С тех пор, как мой друг живет в Кинсли, я ни разу не навещал его.

— Этот писарь приедет к тебе с еще одним белым, чтобы передать от Нортонa рекомендательное письмо. Ты должен будешь одного из них оставить в конторе, а другому дать работу. Но если ты это сделаешь, то подвергнешь себя большой опасности!

— Какой опасности?

— Я еще не знаю, но эти двое бледнолицых — убийцы. Если ты будешь вести себя с ними умно, мы вскоре узнаем, что им нужно.

— Может, они хотят убить меня? — спросил Чарой, недоверчиво усмехнувшись.

— Возможно, — совершенно серьезно произнес Виннету. — И не только тебя, но и других. Скорее всего это трампы.

— Трампы? — оживился инженер. — Ага, тогда это уже кое-что! Мы в курсе, что банда трампов собирается у Хвоста Орла. Они имеют виды на нашу кассу.

— От кого ты это узнал?

— От... ну, лучше всего, пожалуй, если я не буду называть этого человека, а просто приведу его.

Лицо инженера сияло от удовольствия, ибо теперь он мог преподнести приятный сюрприз самому Виннету! Он распахнул двери соседней комнаты, из которых вышел Олд Файерхэнд. Если инженер ожидал восторженных слов и излияний, значит, он просто не знал индейских обычаев — ни один краснокожий воин не выразит бурную радость в присутствии других людей. Хотя глаза апача и блеснули, он остался спокоен, подошел к охотнику и протянул ему руку. Тот притянул его к своей могучей груди и радостно воскликнул:

— Мой друг, мой дорогой брат! Как я был поражен, когда увидел тебя за окном! Как долго мы не виделись!

— Виннету видел своего брата на заре, — ответил индеец, — когда он промчался мимо нас в море тумана на той стороне реки.

— И ты не окликнул меня!

— Туман окутал моего брата, и я не мог точно его узнать. Он пронесся, как буря по равнине.

— Я должен был спешить, чтобы прибыть сюда раньше трампов. Дело настолько серьезное, что никому другому я не мог доверить этой поездки — сюда приближаются более двухсот бродяг.

— Значит, я не заблуждался. Убийцы — это разведчики, которые идут впереди остальных.

— Могу ли я узнать, что за дела у тебя с этими людьми?

— Вождь апачей — человек действий, а не языка. Здесь сидит бледнолицый, который хорошо все знает и поведает нам свою историю.

С этими словами Виннету указал на Хартли, который при появлении Олд Файерхэнда поднялся, забыв о ране и усталости, до сих пор продолжая глядеть на гиганта с нескрываемым удивлением. Да, поистине настоящими героями были этот Олд Файерхэнд и этот Виннету! Янки казался таким маленьким и жалким, что почувствовал себя неловко; те же мысли обуревали инженера, по меньшей мере выражение его лица и почтительный вид выдавали его чувства.

Хартли поведал еще раз о своих вчерашних злоключениях, а потом Олд Файерхэнд, насколько можно было кратко, рассказал о встрече с рыжим Полковником на пароходе, у рафтеров и, наконец, на ферме Батлера. Затем охотник попросил описать внешность предводителя, который застрелил писаря, а когда янки удалось набросать характерные черты его портрета, Олд Файерхэнд нахмурился.

— Бьюсь об заклад, это опять Полковник! Выкрасил волосы в темный

цвет и снова за старое! Надеюсь, теперь-то он попадетса мне в руки!

— Тогда заплатит за все! — проговорил инженер. — Более двухсот трампов! Сколько же это бесчинств, смертей и пожаров! Господа, вы наши избавители, и я не знаю, как мне отблагодарить вас! Этот Полковник каким-то образом узнал, что я получаю деньги за большой перегон, а потом распределяю их среди моих коллег для выплаты строителям. Но теперь я предупрежден, пусть только сунется сюда со своими бродягами!

Дело вовсе не безопасное! — предостерег Олд Файерхэнд. — Двести отчаянных бездельников все же кое-чего стоят!

— Возможно, но я могу за несколько часов собрать тысячу строителей!

— И все они будут хорошо вооружены?

— У каждого есть какое-нибудь огнестрельное оружие. В конце концов, возьмут заступы или лопаты.

— Заступы и лопаты против двух сотен флинтов? За подобное кровопролитие я бы не хотел нести ответственность.

— Ну, тогда я вызову из Форт-Уоллеса сотню солдат.

— Ваше мужество похвально, сэр! Но хитрость здесь эффективнее силы. Если можно уничтожить противника хитростью, зачем же я должен рисковать жизнью стольких людей?

— Какую хитрость вы имеете в виду, сэр? Я много слышал о вас и охотно последую вашему совету. Вы совершенно другой человек, нежели я, и если вас устроит, я тотчас готов передать вам командование своими людьми и руководство обороной этого места.

— Ну, не горячитесь, сэр! Нам нужно все взвесить. Прежде всего, трампы не должны догадаться, что вас предупредили. Они не должны, следовательно, знать, что здесь есть мы, и не должны видеть наших коней. У вас найдется укрытие для лошадей?

— Спрятать их я могу хоть сейчас, сэр.

— Но так, чтобы при случае они были у нас под рукой.

— Конечно. К счастью, вы прибыли так рано, что никто из рабочих вас не видел, ведь от них разведчики тоже могли что-нибудь узнать. Мой негр — парень верный и молчаливый; он укроет животных и позаботится о них.

— Хорошо, дайте ему соответствующие указания. А сами займитесь этим мистером Хартли — он ранен и нуждается в опеке. Постелите ему где-нибудь, но никто не должен знать о его присутствии. Никто, кроме вас, негра и доктора! Доктор, пожалуй, у вас есть?

— Да. Я его сейчас же позову.

Инженер удалился вместе с янки, охотно последовавшим за ним, ибо

чувствовал себя скверно. Когда вскоре инженер вернулся и сказал, что о раненом и конях позаботятся, Олд Файерхэнд заметил:

— Хотел бы я, однако, избежать всяческих совещаний в присутствии этого псевдофармацевта, ибо не доверяю ему. В его рассказе остается неясным один нюанс. Я убежден, что он послал на смерть того бедного писаря, чтобы спасти свою шкуру, а потому не очень хочу иметь дело с подобными людьми. Сейчас мы одни и каждый знает, что может положиться на другого...

— Так вы хотите сообщить нам о вашем плане? — заинтересованно спросил инженер.

— Нет. О плане мы сможем говорить лишь тогда, когда узнаем намерения трампов, а это произойдет не скорее, чем сюда придут их разведчики и побеседуют с вами.

— Верно. Надо запастись терпением.

Тут Виннету сделал рукой знак, который означал, что он другого мнения:

— Каждый воин может либо нападать, либо защищаться. Если Виннету не знает, как защищаться, и сомневается, может ли он вообще это делать, он атакует сам! Так быстрее и надежнее!

— Значит, мой краснокожий брат ничего не хочет знать о планах трампов? — спросил Олд Файерхэнд.

— Он их узнает, но почему вождь апачей должен ждать и действовать в соответствии с их планами, когда ему легче вынудить их действовать по его усмотрению?

— Так, стало быть, у тебя есть идея?

— Да. План пришел мне в голову во время ночной скачки, и я дополнил его, когда услышал, что намереваются делать трампы. Эти ничтожества не воины, с которыми можно сражаться честно, а бешеные псы, которых надо уничтожать дубиной! Почему я должен ждать, пока такой пес укусит меня, если я могу убить его прежде одним ударом или задавить в капкане!

— Ты знаешь такой капкан для трампов?

— Знаю, и мы расставим его. Эти койоты придут, чтобы ограбить кассу. Если касса здесь, они придут сюда, если где-нибудь еще, они отправятся туда. Если деньги повезут на Огненном Конне, трампы сядут на него и поедут навстречу своей гибели, не причинив ни малейшего вреда живущим здесь людям.

— Хм! Я начинаю понимать! — воодушевился Олд Файерхэнд. — Каков план! Такое мог придумать только Виннету! Ты хочешь сказать, что

мы должны заманить этих бездельников на поезд?

— Да. Виннету не разбирается в Огненном Конне и не умеет им править. Он подал мысль, и пусть мои белые братья подумают над ней.

— Заманить на поезд? — переспросил инженер. — Но с какой целью? Мы можем все же подождать их здесь, на открытом воздухе, навязать бой и уничтожить.

— Но при этом многие из нас должны погибнуть! — возразил Олд Файерхэнд. — Если они окажутся на поезде, мы сможем отвезти их в такое место, где заставим сдать, и не понесем потерь!

— Но им и в голову не придет сесть на поезд!

— Сядут, если мы поманим их кассой.

— Значит, я должен всю кассу погрузить в поезд?

Это был вопрос, который трудно было ожидать от сообразительного инженера. Виннету сделал пренебрежительный жест рукой, а Олд Файерхэнд ответил:

— Кто от вас этого требует? Трампы должны быть уверены, что деньги на поезде. Вы примете их шпиона в качестве писаря и сделаете вид, что полностью доверяете ему, потом сообщите ему, что здесь остановится поезд, в котором находится большая сумма денег. Они, конечно, придут и полезут в вагоны. А как только они окажутся внутри, дело будет сделано!

— Звучит, конечно, неплохо, сэр. Но все это не так легко, как вы думаете.

— Да? Какие трудности вы имеете в виду? Есть ли в вашем распоряжении для этой цели какой-нибудь состав?

— О, вагонов много — сколько захотите. Но взять ответственность на себя я мог бы, лишь рассчитывая на успех! Есть еще одна проблема — кому вести поезд? Ведь ясно, что трампы застрелят машиниста и кочегара.

— Хо! Машиниста мы, пожалуй, отыщем, а кочегаром буду я сам. Предлагаю свои услуги и тем самым доказываю вам, что никакой серьезной опасности нет. В ближайшее время мы обсудим все подробнее, но самое главное — не ждать слишком долго и не терять времени. Я предполагаю, что трампы сегодня будут у Хвоста Орла, ибо это их первая цель, а значит, ударим по ним завтра ночью. Для этого нужно выбрать место, в которое отвезем негодяев. Найти его надо до полудня, поскольку, пожалуй, уже во второй половине дня сюда заявятся их разведчики. У вас есть дрезина, сэр?

— Естественно.

— Тогда мы вдвоем поедem на ней и отыщем нужное нам место. Виннету не сможет ехать — он должен остаться в укрытии, ибо его

появление может выдать наши планы. Меня тоже никто не должен узнать, поэтому я воспользуюсь старой сменной одеждой, которая всегда со мной на всякий случай.

Инженер скорчил гримасу и озабоченно произнес:

— Сэр, в подобных переделках вы как рыба в воде. Мне, однако, все это отнюдь не кажется легким и естественным. Как мы дадим знать этим трампам? Как склоним их к выгодным для нас действиям?

— Что за вопросы! Все, что новоиспеченный писарь выведает у вас, и все, во что вы заставите его поверить, он донесет своим как чистую правду.

— Хорошо! А если решат не садиться в поезд? Если они предпочтут где-нибудь разобрать рельсы и пустить состав под откос?

— Этого можно легко избежать, если вы скажете писарю, что перед каждым таким составом с деньгами, ввиду ценного груза, всегда идет отдельный паровоз, который испытывает колею. Им придется отказаться от порчи пути. Если вы поступите мудро — все пройдет гладко. Писаря нужно занять работой и постараться удержать, чтобы он не покидал дома до отхода ко сну и ни с кем не разговаривал. Потом выделите ему комнату в доме на верхнем этаже, но только с одним окном. Ваша плоская крыша возвышается над последним этажом всего на пол-локтя; я выйду на нее и буду слышать каждое произнесенное слово.

— Вы думаете, что они будут переговариваться через окно?

— Разумеется. Этот мнимый Галлер будет вынюхивать все у вас, а другой, который придет с ним, станет посредником между ним и трампами. Ничего другого быть не может — вы сами скоро в этом убедитесь. Тот, другой, также будет требовать работу, чтобы остаться здесь, но под любым предлогом ему нужно отказать, чтобы у него была возможность в любой момент покинуть место и быть посланцем. Возможно, он попытается заговорить с писарем, чтобы узнать новости, но до ночи не давайте им встретиться. К вечеру он станет крутиться вокруг дома, этот писарь откроет окно, а я буду лежать на крыше прямо над ним и слушать разговор. Сейчас, конечно, все кажется вам каким-то надуманным и чересчур авантюрным, ибо вы не вестмен, но если вы хоть раз поучаствуете в подобной переделке, вы увидите, что все пойдет как само собой разумеющееся.

— Хау! — согласился Виннету. — Пусть мои белые братья ищут место, где удобнее поставить западню. Как только они благополучно вернутся, я удалюсь, чтобы никто не смог меня здесь увидеть.

— Куда потом хочет направиться мой брат?

— Виннету везде у себя дома — в лесу ли он или в прерии.

— Уж я-то хорошо это знаю! Но вождь апачей может найти себе

спутников, если захочет. Я сказал рафтерам и охотникам, которые находятся с ними, чтобы они отправились к месту, находящемуся в часе езды ниже Хвоста Орла. Они будут наблюдать за трампами. С ними Тетка Дролл.

— Уфф! — воскликнул скупой на чувства апач, и его лицо приобрело веселое выражение. — Тетка Дролл — честный, смелый и мудрый бледнолицый. Виннету пойдет к нему.

— Отлично! Мой красный брат найдет там еще нескольких храбрых мужей: Черного Тома, Горбатого Билла и Дядю Шомпола — все это люди, имена которых, по меньшей мере, слышал мой брат. А сейчас пусть Виннету останется в моей комнате и подождет там нашего возвращения.

Олд Файерхэнд еще до прибытия апача получил от инженера комнату, куда и направился теперь вместе с Виннету, чтобы сменить бросающийся в глаза охотничий наряд на другой, в котором он среди строителей железной дороги мог сойти за нового их коллегу. Вскоре дрезина была готова, Олд Файерхэнд и инженер заняли переднее сиденье, а двое рабочих стали на подножку над ходовыми колесами, чтобы привести в движение рукоять шкива. Несколько минут дрезина медленно набирала скорость, проезжая мимо усердно работающих строителей, уже начавших свой трудовой день, а потом выкатилась на свободный участок дороги, рельсы которой вели напрямиком в Кит-Карсон.

Тем временем Виннету устроился поудобнее в покоях инженера; он всю ночь напролет скакал и теперь позволял себе воспользоваться возможностью немного вздремнуть. Время пролетело быстро, и вот уже вернувшийся инженер тронул его за плечо. Узнав, что Олд Файерхэнд нашел идеально подходящее место, которое охотник ему описал, вождь апачей удовлетворенно кивнул и сказал:

— Теперь этим псам придется дрожать и выть от страха! Сдаться нам в плен для них будет единственным спасением. Виннету едет к Тетке Дроллу, он скажет ему и рафтерам, чтобы они были наготове.

С этими словами индеец прокрался к выходу и легкой походкой вышел из помещения, направившись к укрытию, где находились лошади.

Сообразительный вождь не обманулся в отношении сроков прибытия разведчиков. Едва прошел полуденный перерыв в работе строителей, как со стороны реки перед железнодорожной насыпью показались два всадника. Сомнений не было, это были те люди, которых описал янки и которых здесь давно ждали.

Олд Файерхэнд быстро отправился к Хартли, который спал, но охотно поднялся, чтобы опознать бандитов. После того как он их с полной

уверенностью узнал, Олд Файерхэнд удалился в расположенную рядом с конторой комнату, чтобы через едва прикрытые двери стать свидетелем разговора. Во время поездки на дрезине он окончательно склонил инженера в пользу своего плана и так четко разъяснил служащему железнодорожной компании его обязанности, что ошибка последнего была практически исключена.

Инженер находился у себя, когда в контору вошли двое в запыленной одежде. Учтиво поздоровавшись, один из них вручил рекомендательное письмо, не говоря при этом ни слова о цели своего прибытия. Инженер пробежал глазами по бумаге и произнес дружелюбным тоном:

— Вы работали у моего друга Нортон? Как его успехи?

Тут же последовали обычные в подобных ситуациях вопросы и ответы, а потом, когда Чарой справился о причинах, вынудивших писаря бежать из Кинсли, прибывший рассказал очень жалостливую историю, которая подходила под содержание письма, но которую, однако, он полностью выдумал сам. Инженер выслушал внимательно и заметил:

— История очень печальна, примите мое глубокое сочувствие. Как я вижу из письма, за вас поручился Нортон, а потому его просьбу о вашем устройстве я не могу не удовлетворить. Хотя у меня есть писарь, мне уже давно требуется человек, под чье перо я мог бы доверить дела конфиденциальные и достаточно важные. Как вы думаете, могу я попробовать вас в этом деле?

— Сэр, — с удовлетворением произнес мнимый Галлер, — давайте попробуем! Я убежден, что вы будете довольны мной.

— Well, попробуем. О жалованье мы пока говорить не будем — я должен с вами познакомиться, а через несколько дней решим этот вопрос. Чем исправнее будете работать и исполнять поручения, тем выше будет оплата, но вы понимаете, что это будет особая служба, которая потребует некоторых ограничений. Сейчас я очень занят. Освойтесь в округе и возвращайтесь к пяти часам. К этому времени я подыщу вам первую работу. Будете жить у меня в доме и есть за моим столом, но придется подчиняться порядку, который здесь установлен. Я не хочу, чтобы вы поддерживали отношения с рядовыми рабочими, и учтите, что ровно в десять все двери дома закрываются.

— Это мне подходит, сэр, ибо я и раньше жил по схожим законам, — уверил трамп, который полностью был удовлетворен. — Только одна просьба, которая касается моего спутника. Может быть, и ему найдется какое-нибудь дело?

— Какое дело?

— Любое, — отозвался скромно другой трамп. — Я был бы рад заняться любой работой.

— Как вас зовут?

— Фоллер. Я встретил мастера Галлера в пути и присоединился к нему, когда узнал, что здесь на железной дороге можно найти работу.

— Галлер и Фоллер — странное сходство имен! Надеюсь, вы и в прилежании тоже похожи. Чем же вы занимались раньше, мистер Фоллер?

— Долгое время был ковбоем на ферме, там, в Лас-Анимасе. Жизнь казалась мне совсем пустой, но так не могло долго продолжаться, и я ушел. Вдобавок ко всему, в последние дни я поссорился с другим парнем, таким грубияном, который ранил меня ножом в руку. Рана еще не совсем зажила, но, надеюсь, через два-три дня смогу выполнять ту работу, какую вы пожелаете мне дать.

— Ну, работу сможете получить в любой момент. Оставайтесь все же здесь и лечите руку, а когда будете здоровы, известите. Сейчас можете идти.

Пришельцы покинули контору. Когда они снаружи проходили мимо открытого окна комнаты, где находился Олд Файерхэнд, тот услышал приглушенный голос одного из них:

— Все в порядке! Если бы все закончилось так, как началось!

В этот момент инженер вошел к Олд Файерхэнду.

— Вы были совершенно правы, сэр! — воскликнул он. — Этот Фоллер сам позаботился о том, чтобы не нуждаться в работе и иметь время сходить к Хвосту Орла. Он перевязал себе руку.

— Разумеется, он совершенно здоров. А зачем вы отправили писаря до пяти часов?

— Чтобы потом занять его до самого сна, а если бы мы сидели тут с ним весь день, это утомило бы его и меня и, пожалуй, бросилось бы ему в глаза.

— Верно. Но с пяти до десяти останутся целых пять часов, и не так-то легко будет помешать ему встретиться с другим.

Итак, первая часть приготовлений была закончена. Ко второй части следовало приступить только после разговора разведчиков, а до него оставалось много времени, которое Олд Файерхэнд, не желавший показываться на глаза, использовал для сна. Когда он проснулся, было уже темно, и негр принес ему ужин. Голова была тяжелая, поэтому Файерхэнд встал и немного размялся. Ровно в десять вошел инженер и поведал о том, что писарь давно уже съел ужин и теперь удалился в свою комнату, находившуюся, как и договаривались, на верхнем этаже.

Олд Файерхэнд медленно поднялся наверх, откинул прямоугольную крышку чердака и вылез на плоскую крышу. Оказавшись на свежем воздухе, он лег и тихо пополз к краю, туда, где под крышей, как он осведомился, располагалось нужное ему окно. Было так темно, что он рисковал свалиться вниз, но все же преодолел расстояние и оказался так близко к своей цели, что мог даже коснуться окна рукой.

Он спокойно лежал и ждал, пока не услышал, как внизу хлопнула дверь. Послышались шаги к окну, и полоса света вдруг резко упала на участок земли под вторым этажом. Крыша состояла из тонкого слоя досок, с прибитыми к ним сверху листами цинковой жести. Шаги могли принадлежать и писарю, поэтому надлежало быть предельно осторожным и не греметь жестью.

Теперь охотник напряг все свое зрение, словно старался просверлить ночную мглу, и не напрасно. От напряжения в его голове остался лишь шум сверчка, стрекотавшего где-то в кустах, но все-таки он заметил, как внизу, вблизи освещенного участка, появилась чья-то тень.

— Осел! — послышался тихий, но гневный шепот. — Погаси лампу — свет падает прямо на меня!

— Ты сам идиот! — прозвучало в ответ. — Зачем пришел так рано! В доме еще не спят. Приходи через час.

— Ладно, но скажи прежде, есть ли новости?

— Еще какие!

— Хорошие?

— Отличные! Все гораздо лучше, чем мы полагали! А теперь иди, тебя могут заметить.

Окно закрылось, а фигура исчезла. Теперь Олд Файерхэнду предстояло в томительном ожидании проторчать на крыше как минимум час, да еще и без движений! Но ему это не стоило нечеловеческих усилий: вестмен привык к любым тяготам западной жизни.

Время шло страшно медленно. Внизу, в домах и хижинах, еще горел свет, а здесь, наверху, у инженера, все было в глубокой тьме. Когда прошел час, охотнику показалось, что прошла ночь. Неожиданно он услышал, что окно вновь открылось, но лампа уже не горела. Писарь ждал своего товарища. Вскоре послышался хруст земли под тяжестью ног.

— Фоллер! — шепнул из окна писарь.

— Да, — откликнулся его напарник.

— Где ты? Не вижу.

— Прямо под твоим окном, у стены.

— В доме везде темно?

— Да. Я обошел его два раза — все спят. Так что скажешь?

— Что со здешней кассой ничего не выйдет. Деньги тут выдают каждые четырнадцать дней, а вчера как раз был день выплаты. Нам придется ждать две недели, а это невозможно. В кассе нет и трехсот долларов — игра не стоит свеч!

— И это ты называешь отличной новостью? Что скажет Полковник, идиот!

— Молчи! Со здешней кассой не пройдет, но завтра ночью пройдет поезд с сорока тысячами долларов.

— Бред!

— Это правда! Я убедился своими собственными глазами! Поезд едет из Канзас-Сити и направляется в Кит-Карсон, где эти деньги пойдут на прокладку новой ветки железной дороги.

— Ты это точно знаешь?

— Да. Я читал письмо и депешу. Этот глупый инженер доверяет мне, прямо как самому себе.

— Так и что? Поезд лишь проедет здесь!

— Глупец! Он будет стоять ночью целых пять минут!

— Черт возьми!

— И я и ты будем на этом паровозе.

— Дьявол! Да ты бредишь!

— И не думал! Поезд этот должен принять в Карлайле специальный служащий. Когда состав проедет здесь, он будет сидеть на паровозе, а потом сопроводит поезд аж до Уоллеса, чтобы сдать там под охрану военных.

— Этим служащим, похоже, хочешь стать ты?

— Да. И ты должен быть со мной, точнее, можешь быть.

— Зачем?

— Инженер выделил мне завтра целый день, чтобы я вместе с ним подыскал помощника, который бы поехал со мной, а когда я спросил, кого бы он предложил, он ответил, что не будет давать мне специальных указаний, ибо полагается на мой выбор. Разумеется, я выберу тебя.

— Что-то слишком много доверия — все это очень подозрительно! Все ли тут чисто?

— Собственно, я тоже сомневался. Но теперь я знаю, что он давно нуждался в доверенном лице, но никогда такового не имел. Великолепное рекомендательное письмо сыграло здесь, естественно, решающую роль! К тому же, мне не кажется подобное доверие очень удивительным, ибо есть здесь свое «но».

— Так! Какое же?

— Задание вовсе не безопасно.

— Ну, ты меня успокоил, — съязвил Фоллер. — Так в чем дело? Колея кое-как проложена?

— Нет, хотя рельсы проложены временно, как я узнал об этом из книг и планов. Дело в другом! Ты можешь себе представить, что на всей этой большой новой дороге нет достаточно испытанных служащих! Тут много машинистов, которым не доверяют, а в кочегары нанимаются люди, чье прошлое весьма сомнительно. Так вот, поезд, который везет почти полмиллиона долларов, управляется машинистом и кочегаром. Если эти парни поедут одни, то спокойно смогут остановить состав где-нибудь на линии и смыться вместе с деньгами. Потому этот поезд необходимо сопровождать, а так как их двое, мне тоже нужен помощник. Сообразил? Это что-то наподобие полицейского поста! У каждого в кармане будет заряженный револьвер, чтобы при случае поговорить с машинистом или кочегаром, если те что замыслят, либо защититься от грабителей.

— Послушай, это же комедия! Мы — и охранять деньги! Да мы сами вынудим парней остановиться где-нибудь в пути, а там ищи-свищи!

— Нет, так не пройдет. Кроме машиниста и кочегара, будут еще начальник состава и служащий кассы из Канзас-Сити, который повезет деньги с собой в чемодане. Оба они хорошо вооружены. Если даже нам удастся вынудить машиниста остановить состав, эти двое сразу заподозрят неладное и попытаются влить нам порцию свинца. Мы должны забрать деньги другим способом — нужно напасть на поезд превосходящими силами в таком месте, где этого никто не ожидает, а именно — здесь.

— Ты думаешь, это удастся?

— Конечно! Нет никаких сомнений, и ни один волос не упадет с наших голов! Если бы я в этом не был убежден, я не посылал бы тебя сейчас к Полковнику.

— Но я не смогу ехать в такой темноте — я же не знаю округу.

— Тогда жди до утра, но это крайний срок, ибо до полудня у меня должен быть ответ. Пришпорь покрепче коня и выжми из него все силы!

— А что я должен сказать?

— Все, что от меня услышишь. Поезд прибудет сюда ровно в три ночи. Мы вдвоем уже будем на паровозе, ибо сядем на него еще в Карлайле, а как только он остановится, возьмем на себя машиниста и кочегара. При необходимости пристрелим их. Полковник с нашими должен стоять у дороги наготове и тотчас подняться в вагоны. При таком перевесе сил трое или четверо служащих железной дороги, с которыми мы будем иметь дело,

да кто-нибудь из рабочих, кому не спится, не успеют и сообразить, в чем дело.

— Хм, план неплохой, а сумма чертовски велика! Если каждый получит равную долю, на человека выпадет по две тысячи долларов! Надеюсь, Полковник согласится с твоим раскладом.

— Было бы безумием отказаться от него. Скажи ему, что я сам возьмусь за дело, если он не решится. Риск, конечно, большой, но и сумма при удаче гигантская!

— Не беспокойся! Я тоже не хочу упускать такую великолепную возможность, а потому позабочусь, чтобы у Полковника не возникло никаких сомнений! Я принесу тебе его согласие. Вот только как я дам тебе знать?

— Это, конечно, щекотливый вопрос. Мы должны отказаться от всего, что может вызвать подозрение, поэтому надо избежать личной встречи. Ты должен сообщить мне письмом.

— А это не бросится в глаза? Если я пошлю тебе кого-нибудь...

— Кто сказал об этом? — перебил писарь. — Не наделай глупостей! Я не уверен, удастся ли мне одному выйти из дома, поэтому ты напишешь мне, а записку спрячешь где-нибудь рядом.

— А где?

— Хм! Нужно найти место, к которому мне удастся пройти незамеченным и чтобы это не занимало много времени. Я уже знаю, что в первой половине дня буду занят — мне придется заполнять платежные ведомости, как сказал инженер. Я попытаюсь выкроить время, чтобы хотя бы дойти до дверей дома. Рядом с ними, вплотную к стене, на улице стоит бочка с дождевой водой. Вот за ней ты можешь спрятать записку. Если еще придавишь ее камнем, то вообще никто не обратит внимания.

— Но как ты узнаешь, что записка уже на месте? Ты же не сможешь часто и просто так ходить к бочке?

— Это и не нужно. Я все же должен буду известить тебя, что ты вместе со мной должен сопровождать состав, и это будет в первой половине дня. За тобой пошлют, а когда найдут, ты придешь сюда, чтобы справиться, зачем тебя вызвали, и спрячешь записку за бочкой, а, стало быть, с твоим приходом и я буду знать, что все на месте. Идет?

— Да. Все или ты еще что-нибудь скажешь?

— Пока все. Давай поднажми, чтобы мой план был принят и по возможности, без изменений — они могут потребовать приготовлений, на которые у нас не будет времени. И поторопись! Ну, давай, до завтра!

Трампа удалил, а окно тихо закрылось. Олд Файерхэнд еще некоторое

время пролежал на крыше, потом крайне осторожно пополз к чердачному отверстию. Когда охотник неторопливо спустился вниз по лестнице, неожиданно тихий голос спросил его:

— Кто здесь? Это я, инженер Чарой.

— Олд Файерхэнд. Идите со мной в мою комнату, сэр!

Когда они зашли в покои охотника, служащий спросил, удалось ли подслушать разговор. Охотник рассказал ему все, что слышал, и дал понять, что пока дела идут по плану. Обменявшись замечаниями, они разошлись.

Утром Файерхэнд проснулся рано. Привыкший к действиям, он тяжело переживал нудное сидение в доме, однако должен был потерпеть и выждать время. Было около одиннадцати, когда к нему в комнату тихо вошел инженер. Он сказал, что писарь приступил к порученной ему работе и из кожи вон лезет, чтобы выглядеть деловым человеком. Послали также и за Фоллером, которого, естественно, не нашли, вследствие чего строители получили задание при его появлении тотчас отослать будущего «рабочего» к инженеру. А тем временем Олд Файерхэнд выглянул в окно и неожиданно увидел маленького горбатого человека, взбирающегося на холм и направляющегося к дому. На нем была кожаная охотничья одежда, а через плечо висело длинное ружье.

— Горбатый Билл! — пояснил инженеру Олд Файерхэнд и продолжил: — Это один из моих людей. Похоже, случилось что-то неожиданное, иначе он бы не появился тут. Будем надеяться, что ничего плохого. Он знает, что я здесь, так сказать, инкогнито, поэтому не будет справляться обо мне ни у кого, кроме вас. Приведите его, пожалуйста, сюда, сэр!

Инженер вышел, и в тот же момент Билл переступил порог дома.

— Сэр! — обратился старик к Чарою. — Я прочитал на вывеске, что здесь живет инженер. Могу ли я увидеться с этим мистером?

— Да, это я. Входите!

С этими словами Чарой проводил вошедшего в комнату Олд Файерхэнда, который сразу же спросил, почему Билл оказался здесь раньше времени.

— Не волнуйтесь, сэр, ничего плохого, — ответил Билл. — Может, даже что-то хорошее, во всяком случае, есть кое-что, что вам необходимо знать. Наши друзья решили дать вам знать и снарядили меня для этого дела. Я ехал осторожно, держался железнодорожного полотна, ибо знал, что там трампы не покажутся, а, стало быть, никем из них замечен не был. Своего коня я спрятал в лесу, сам пришел пешком, чтобы никто из здешних людей не обратил на меня внимания.

— Хорошо, — кивнул Олд Файерхэнд. — Что же случилось?

— Вчера под вечер к нам, как вы знаете, заявился сам Виннету. Тетка Дролл был ужасно рад, да и другие оживились, увидев вождя апачей...

— Раз он так легко нашел вас, пожалуй, вы скверно спрятались.

— Вовсе нет, сэр! Мы не должны были показываться трампам и выбрали для лагеря такое место, которое не нашел бы ни один из этих бездельников. Но что может скрыться от глаз Виннету! Перед своим прибытием он выследил лагерь трампов, а когда совсем стемнело, снова отправился к ним, чтобы понаблюдать и послушать. Когда до восхода солнца, а потом и после него он не вернулся, мы заволновались, но напрасно — ничего не произошло. Он лишь в очередной раз доказал свое мастерство: выждал до утра и подкрался к трампам так близко, что мог слышать их разговоры. Впрочем, скорее, это были крики. Из Шеридана к ним вернулся посланец, а новость, которую он принес, взбудоражила весь лагерь, и эти парни как с цепи сорвались.

— А-а, Фоллер!

— Да, Фоллер! Так звали этого мерзавца. Он говорил о полумиллионе долларов, которые нужно взять из поезда.

— Это правда.

— Апач говорил о том же. Так значит, это западня, в которую вы хотите загнать мерзавцев? Фоллер выложил трампам все, во что вы его заставили поверить. И, конечно, вы знаете, что он отправился к ним с сообщением?

— Да, это входит в наши планы.

— Но вы также должны знать, что они решили?

— Разумеется! Мы сделали некоторые приготовления, чтобы сразу по возвращении Фоллера узнать обо всем.

— Теперь этот бездельник вам не нужен, ибо Виннету все подслушал. Негодяи так громко кричали от радости, что их было слышно на многие мили. У Фоллера загнанный конь, и он сможет вернуться лишь после полудня, поэтому Виннету был осмотрителен и послал меня сюда, чтобы новость стала известна раньше.

— Он поступил правильно — чем скорее мы узнаем решение трампов, тем раньше сможем начать действовать. Теперь я хочу сообщить о наших планах.

Олд Файерхэнд описал горбуну ситуацию, с которой приходилось считаться. Билл слушал внимательно, а потом заметил:

— Великолепно, сэр! Я думаю, что все пойдет по вашим расчетам. Трампы согласились с планом писаря и ничего не изменили в нем, кроме

одного пункта.

— Какого?

— Места, где должно произойти нападение. Здесь, в Шеридане, много рабочих и поезд с такими большими деньгами все же привлечет внимание. Трампы решили, что, пожалуй, слишком много строителей могут выйти поглазеть на состав, а, стало быть, возникнут осложнения. Бездельники хоть и жаждут денег, не хотят рисковать своей шкурой. Поэтому писарь должен позволить поезду спокойно отправиться из Шеридана, но потом вынудить машиниста и кочегара остановить его на открытом перегоне.

— Место определено?

— Нет, но трампы хотят прямо на полотне запалить костер, перед которым паровоз придется остановить. Если машинист и кочегар не послушаются, то их застрелят. Или вам не по душе такое изменение, сэр?

— Нет, отнюдь, ибо мы отведем от рабочих грозящую опасность. Нам теперь не придется ехать с двумя разведчиками в Карлайл и совершенно не нужно долго водить их за нос. Виннету сказал вам, где вы сами будете находиться?

— Да, перед туннелем, который открывается с другой стороны моста.

— Правильно! Но вы должны спрятаться раньше, чем туда въедет поезд. Остальное все получится само собой.

Теперь все стало понятным, маленькие неувязки прояснились, и можно было начинать приготовления. Прежде всего телеграфировали в Карлайл, чтобы отправили состав, и послали депешу в Форт-Уоллес, чтобы прислали солдат. Тем временем Горбатый Билл перекусил, выпил, после чего удалился так же незаметно, как и появился.

В полдень с обеих станций пришли уведомления о принятых сообщениях, в которых значилось, что просьбы будут удовлетворены. Около двух часов появился Фоллер. Олд Файерхэнд сидел с инженером в комнате, украдкой наблюдая за трампом, который стоял у дома и бросал короткие, но озабоченные взгляды на бочку с дождевой водой.

— Примите его в конторе, — обратился Олд Файерхэнд к Чарою, — и попытайтесь задержать, пока я не войду. Я хочу прочитать записку.

Инженер удалился в свой рабочий кабинет, а Олд Файерхэнд, подождав, пока за его дверьми скрылась фигура Фоллера, быстро вышел из дома. Бросив взгляд на бочку, он сразу увидел лежавший на земле камень, поднял его и нашел под ним искомый листок. Охотник развернул бумагу и прочитал набросанные Полковником строки. Содержание полностью соответствовало донесению Горбатого Билла. Олд Файерхэнд заложил бумагу обратно под камень и решительно вошел в контору, в которой с

выражением полного почтения перед инженером стоял Фоллер. Трамп сначала не узнал охотника в простой рубашке и суконных штанах, а потому немало удивился, когда Файерхэнд положил ему руку на плечо и с угрозой в голосе спросил:

— Вы знаете, кто я, мистер Фоллер?

— Нет, — прозвучало в ответ.

— Значит, у фермы Батлера ваши глаза были закрыты. Я Олд Файерхэнд. У вас есть оружие?

Не дожидаясь ответа, охотник вытащил из-за пояса трампа нож, а из кармана брюк — револьвер. Пораженный лазутчик стоял неподвижно и ничего не предпринимал, чтобы помешать вестмену. Разоружив Фоллера, Олд Файерхэнд повернулся к инженеру:

— Сэр, я попрошу вас подняться наверх, к писарю, и сказать, что Фоллер здесь, но ничего больше! Потом возвращайтесь назад.

Инженер удалился, а Олд Файерхэнд посадил трампа на стул и привязал его к спинке с помощью длинного шнура, лежавшего на письменном столе.

— Сэр, — послышался голос очнувшегося от оцепенения бандита. — Что вы делаете? Почему вы меня связываете? Я вас не знаю!

— Помолчи теперь! — приказал вестмен, пригрозив трампу его же револьвером. — Если ты издашь еще хоть звук раньше, чем я позволю, пущу пулю в лоб!

Трамп побледнел как мертвец, и больше его не было слышно. Вернулся инженер, и Олд Файерхэнд подал ему знак остаться у дверей, а сам встал у окна так, чтобы снаружи его нельзя было видеть. Вестмен был уверен, что писарь не заставит себя долго ждать. Не прошло и пары минут, как он заметил руку, потянувшуюся за бочку; самого человека пока видно не было, так как он стоял в дверном проеме. Файерхэнд кивнул инженеру, и тот быстро распахнул дверь, как раз в тот момент, когда писарь проходил мимо.

— Мистер Галлер, не желаете войти?

Трамп еще сжимал в руке клочок бумаги; он быстро его спрятал и с услужливым видом последовал приглашению внезапно появившегося инженера. Но что сделалось с его лицом, когда он увидел своего сообщника, привязанного к стулу! Однако он быстро взял себя в руки, что действительно ему удалось, и придал лицу безразличное выражение.

— Что за бумагу вы только что засунули в карман? — спросил его Олд Файерхэнд.

— Всего лишь старый пакет, — ответил трамп.

— Да? Покажите!

Писарь бросил на охотника удивленный взгляд а ответил:

— С какой стати вы приказываете мне? Кто вы такой? Я вас не знаю! Разве мои карманы — ваши?

— Вы его хорошо знаете, — вмешался инженер. — Это Олд Файерхэнд.

— Олд Фа...! — буквально выкрикнул трамп. Два последних звука застряли у него в груди, ибо страх не дал им прозвучать. Его остекленевшие, широко раскрытые глаза уставились на вестмена.

— Да, это я, — подтвердил охотник, — и увидеть меня здесь ты не предполагал. А что касается содержимого твоих карманов, то я имею на него, пожалуй, больше прав, чем ты. Выворачивай их!

Олд Файерхэнд отобрал у не рискнувшего сопротивляться трампа сначала нож, потом вытащил заряженный револьвер, который тут же спрятал у себя, а затем и записку.

— Сэр, — снова обратился трамп, теперь уже озлобленным тоном. — По какому праву вы делаете это?

— Во-первых, по праву сильного и честного, а, во-вторых, мистер Чарой, который наделен полномочиями начальника полицейского участка Шеридана, дал мне поручение заменить его в этой должности по делу трампов.

— По какому делу? Все, что у меня при себе, — моя собственность! Я не сделал ничего противозаконного и требую ответить, по какому праву меня обвиняют в воровстве?!

— Воровстве? Хо! Хорошо, если только это! Но здесь речь идет не только о краже, а, во-первых, об убийстве, во-вторых, кое о чем худшем, чем просто убийство — о нападении и ограблении поезда, в результате которого должны были погибнуть люди.

— Сэр, что я слышу? — воскликнул трамп с хорошо сыгранным удивлением. — Кто вам наболтал такую чудовищную ложь?

— Никто. Мы точно знаем, что это страшное преступление уже подготовлено.

— От кого?

— От вас!

— От меня? — трамп усмехнулся. — Но, сэр! Тот, кто утверждает, что я — бедный писарь — один и без помощников хочу остановить поезд и ограбить его, должен быть просто безумцем!

— Совершенно верно. Но прежде всего вы не писарь, а потом, вы тут не один, в чем хотите нас уверить. Вы из банды трампов, которые у Осэдж-

Нук напали на осаджей, потом пытались взять штурмом ферму Батлера, а теперь хотите украсть из поезда полмиллиона долларов.

Было видно, что оба бандита занервничали, однако мнимый Галлер снова взял себя в руки и ответил тоном совершенно невиновного человека:

— Ничего об этом я не знаю!

— И все же пришли вы сюда с определенной целью — шпионить и обо всем доносить своим сообщникам, — невозмутимо продолжал Олд Файерхэнд.

— Я? Да я не выходил из дома ни на минуту!

— Совершенно верно, ибо посланцем был ваш товарищ. О чем говорили вы вчера вечером через открытое окно? Я лежал прямо над вами, на крыше, и слышал каждое слово. А в этой записке написан ответ, который передал вам рыжий Полковник. Я ее еще не читал, но содержание мне известно, и хочу вам это доказать. Трампы разбили лагерь на той стороне, у Хвоста Орла. Они собираются ближайшей ночью перейти сюда и, став лагерем у железной дороги, недалеко от Шеридана, зажечь костер, который будет освещать место, где машинист должен остановить поезд с деньгами.

— Сэр, — вырвалось у писаря, который теперь уже не мог скрыть свой страх. — Если и существуют такие злоумышленники, которые хотят все это подстроить, то я первый раз слышу об этих совершенно неизвестных мне обстоятельствах, якобы связывающих меня с преступниками. Я честный человек и...

— Замолчите! — приказал Олд Файерхэнд. — Честный человек не убивает!

— Вы утверждаете, что я убийца?

— Конечно! Вы оба убийцы! Где доктор? А где его товарищ, которых вы преследовали с рыжим Полковником? Разве первого вы не застрелили из-за нужного вам письма, чтобы представиться здесь писарем Галлером и облегчить таким образом выполнение своего задания? А разве не вы забрали у доктора все его деньги?

— Сэр, я ничего... ничего... не знаю об этом! — заикался трамп.

— Не знаете? Тогда стоит заняться вами основательнее. Однако, чтобы у вас не родилось мысли о побеге, придется позаботиться о ваших особах. Мистер Чарой, будьте добры, свяжите этому парню руки за спиной, а я его подержу.

Услышав эти слова, трамп рванулся к дверям, пытаясь улизнуть, но охотник оказался проворнее. Схватив бандита, он рванул его за одежду и, несмотря на сильное сопротивление, так крепко схватил лазутчика, что инженеру не составило труда связать его. Потом, отвязав Фоллера от стула,

Олд Файерхэнд вывел обоих в комнату, где лежал раненый Хартли. Когда тот увидел трампов, он сел на кровати и воскликнул:

— Эй! Да это же те самые мерзавцы, которые ограбили меня и убили бедного Галлера! А где третий?

— Его пока нет, но и он попадет нам в руки, — ответил Олд Файерхэнд. — Но пока они не хотят сознаваться в преступлениях.

— Не признаются? Да это они, я готов тысячу раз присягнуть! Надеюсь, мое слово стоит больше, чем их лепет!

— Ваше уверение вовсе не нужно, мистер Хартли. У нас в руках достаточно доказательств, чтобы отправить их куда надо.

— Прекрасно! Но как обстоят дела с моими деньгами?

— Пока не нашли. Для начала я отобрал у них оружие и эту записку, которую мы сейчас прочтем.

Он развернул бумажку, снова пробежал по ней глазами и передал инженеру. Текст записки соответствовал тому, что подслушал Виннету и что Олд Файерхэнд совсем недавно говорил трампам. Последние не проронили ни слова. Им стало ясно, что отпираться дальше просто смешно.

Теперь их карманы и сумка были полностью опорожнены, а найденные банкноты возвращены обрадованному Хартли. Трампам пришлось сознаться, что остальные деньги забрал рыжий Полковник. После этого бандитам связали ноги и положили обоих на пол, ибо в доме не было ни подвала, ни достаточно крепкой комнаты, где их можно было содержать. Хартли был так зол на трампов, что лучшего сторожа трудно было пожелать. Он получил револьвер с полной обоймой и указание тотчас стрелять, если пленники попытаются избавиться от веревок.

Когда с этими двумя было покончено, снова занялись приготовлениями. С этого момента совершенно не нужно было сажать трампов на паровоз, не нужно было и Олд Файерхэнду ехать в Карлайл. Туда быстро телеграфировали новое указание, по которому в определенное время поезд должен был быть отправлен и остановлен в условленном месте на небольшом расстоянии перед Шериданом.

На исходе дня по телеграфу из Форт-Уоллеса пришло сообщение, что с наступлением темноты выйдет отряд солдат и уже в полночь прибудет к месту сбора охотников и рафтеров.

Глава десятая. У ХВОСТА ОРЛА

Рабочие Шеридана, в основном, немцы и ирландцы по происхождению, до сих пор ничего не знали о происшедшем, ибо допускалось, что Полковник мог выслать одного или нескольких лазутчиков, и любое оживление среди строителей дало бы трампам повод для подозрений. Но все же под конец рабочего дня инженер сообщил своему сменному мастеру необходимые сведения, поручив незаметно посвятить в суть дела остальных, которым надлежало вести себя как можно непосредственной.

Сменный мастер был уроженцем Нью-Гэмпшира и повидал на своем веку предостаточно. Когда-то он обучался строительному делу и ряд лет работал по специальности, но это не принесло ему удовлетворения, а потому он смело взялся за другое дело, к чему янки относятся достаточно просто, однако и тут счастье ему не улыбнулось. Он распрощался с восточным побережьем, переправился через Миссисипи, чтобы попытаться счастья на Западе, но также безуспешно. Наконец он обрел пристанище в Шеридане, где даже мог применить ранее приобретенные знания, но снова отнюдь не чувствовал себя удовлетворенным. Кто хотя бы раз вдыхал свежий воздух прерий и девственных лесов — тому нелегко, а скорее даже невозможно усидеть на месте.

Этот человек, которого звали Уотсон, был чрезвычайно обрадован, когда услышал, что должно произойти.

— Слава Богу! Хоть какое-то оживление в этой дыре! — в сердцах заметил он. — Мое старое ружье давно покрылось в углу паутиной. Оно только и ждет своего часа! Стало быть, сегодня этот час пробил. Но имя, которое вы называли, сэр, кажется мне знакомым. Рыжий Полковник? Да еще и Бринкли? Я встречал одного Бринкли, носившего рыжий парик, хотя на самом деле у него был черный скальп. Встреча с ним едва не стоила мне жизни!

— Где и когда это было? — заинтересовался Олд Файерхэнд.

— Два года назад, в верховьях Рио-Гранде. Я был тогда с одним помощником — немцем по имени Энгель — там, наверху, у Серебряного озера. Мы хотели добраться до Пуэбло, а потом по арканзасской дороге отправиться на восток, чтобы достать инструменты для одного дела, которое должно было принести нам миллионы.

Олд Файерхэнд насторожился.

— Того человека звали Энгель? — уточнил он. — «Дело», которое должно принести миллионы? Вы можете сообщить об этом подробнее?

— А почему нет! — отозвался Уотсон. — Правда, мы оба обещали молчать, но миллионы рассеялись как дым, ибо наши планы не осуществились, а потому, думаю, что теперь я не связан обетом молчания. Речь шла о подъеме огромного сокровища, которое было затоплено в водах Серебряного озера.

Инженер скептически улыбнулся, но Уотсон совершенно серьезно продолжал:

— Пусть это звучит невероятно, но в моих словах нет ни капли лжи. Вы, мистер Файерхэнд, один из знаменитейших вестменов, такое пережили и узнали, что, если вдруг начнете рассказывать, никто вам не поверит. Может, хоть вы не будете смеяться над моими словами.

— И не думал! — искренне ответил охотник. — Я готов отнестись к вашему рассказу с полным доверием, ибо имею на то основания. Мне совершенно точно известно, что на дне озера должно лежать затопленное сокровище.

— Да? Ну, тогда вы не примете меня за легковверного и не будете считать лжецом! Я могу с чистой совестью присягнуть, что эта история с кладом не выдумка! Тот, кто рассказал ее нам, определенно не лгал.

— Кто это был?

— Старый индеец. Никогда раньше я не видел такого древнего человека. Он весь высох, как скелет, и сам поведал нам, что прожил более ста зим. Он называл себя Хауей-Колакахо, но как-то раз доверительно сообщил нам, что его имя Ихачи-Татли. Что могут означать эти индейские слова, я не знаю до сих пор.

— Мне это известно, — произнес Олд Файерхэнд. — Первые два относятся к наречию тонкава, а вторые из языка ацтеков, но все они означают одно и то же — Великий Отец. Говорите дальше, мистер Уотсон! Мне очень хочется узнать, как вы познакомились с ним.

— Ну, собственно говоря, в этом нет ничего необыкновенного, а тем более невероятного. Однажды я заблудился и надолго заплутал в горах, где меня застал врасплох первый снег. Мне пришлось искать место, где можно было перезимовать и избежать голодной смерти. Я был один, меня всего занесло, какие уж тут шутки! Я почти отчаялся, но, к счастью, случайно набрел на Серебряное озеро и заметил там каменную постройку, над которой курился дымок. Я был спасен! Хозяином дома оказался тот самый старик-индеец, у которого еще были внук и правнук, Большой и Маленький Медведи...

— О! Нинтропан-Хауей и Нинтропан-Хомош? — уточнил Олд Файерхэнд.

— Да, так по-индейски звучали их имена. Значит, вы их знаете, сэр?

— Да, но дальше!

— В то время оба Медведя были на другой стороне, в горах Уосатч, где им пришлось остаться до весны. Зима свалилась на голову слишком рано, и оттуда через снежные завалы добраться до Серебряного озера было почти невозможно. Но Медведи очень беспокоились за старика. Они знали, что он один, и, скорее всего, были уверены, что он погибнет в одиночестве в своей хижине среди холодов и выюг. К счастью, в это время я набрел на его жилище и нашел там еще одного белого, которым и был упомянутый немец Энгель. Он, как и я, нашел в хижине спасение от ужасного снегопада. Не буду рассказывать, что выпало на нашу долю, хочу только сказать, что мы перезимовали втроем. Мы не голодали — дичи было достаточно, но холода сильно подточили силы старика, и, когда подули теплые ветры, организм индейца не выдержал, и нам пришлось его похоронить. Он полюбил нас как своих детей, ибо мы во всем помогали и вели хозяйство. Перед смертью в качестве благодарности он сообщил о тайне сокровищ Серебряного озера. Старик носил с собой древний кусок кожи, на которую был перенесен точный план того места. Он позволил нам его срисовать. Случайно у Энгеля завалялась бумага, без которой мы бы не смогли обойтись, поскольку старик не хотел отдавать кожу — он должен был сохранить ее для обоих Медведей. Он уже лежал, но за день до смерти собрал силы и где-то закопал план. Но где — этого мы не знали, а если бы стали искать, то нарушили бы его волю, поэтому, похоронив индейца, мы отправились в путь. Энгель зашил рисунок в своей охотничьей куртке.

— И вы не дождались возвращения Медведей? — спросил Олд Файерхэнд.

— Нет.

— Большая ошибка с вашей стороны!

— Возможно, но мы месяцами торчали в снежном плену и жаждали встречи с людьми. Вскоре мы оказались среди людей, но среди каких! Сначала мы наткнулись на индейцев племени юта, которые дочиста нас обобрали. Они бы неминуемо отправили нас на тот свет, но знали старого индейца и почитали его, а потому, когда им стало известно, что мы заботились о нем и похоронили старика, подарили нам жизни и вернули одежду. Ружья, правда, краснокожие оставили себе, и за это мы вряд ли могли быть им благодарны, ибо без оружия мы были обречены на голодную смерть. Но, к счастью или, скорее, к несчастью, через три дня мы встретили

бродягу-охотника, который угостил нас мясом. Когда он услышал, что нам надо в Пуэбло, уверил нас, что тоже идет туда.

— Это был рыжий Бринкли?

— Да. Назвался он тогда иначе, но позже я узнал его настоящее имя. Он спрашивал нас, а мы рассказывали ему обо всем, не говоря, естественно, о сокровище и рисунке, ибо этот парень не внушал нам доверия. Охотник мне сразу не понравился. Не знаю, почему, но у меня всегда отвращение к рыжим, хотя среди них не больше мерзавцев, чем среди других. Конечно, наше молчание нас не спасло. У него у одного имелось оружие, поэтому частенько он уходил на охоту, а мы оставались вдвоем и почти все время болтали о сокровищах. Однажды он тихо вернулся и подслушал нас, а когда снова отправился на добычу мяса, потребовал от меня сопровождать его, сказав, что четыре глаза лучше, чем два. Через час, когда мы достаточно удалились от Ангеля, он сказал мне, что все слышал и в наказание за наше недоверие отберет рисунок. С этими словами он выхватил нож и бросился на меня. Я защищался как мог, но все же лезвие вонзилось мне в грудь.

— Гнусность! — вырвалось у Олд Файерхэнда. — Он собирался убить и Ангеля, чтобы одному завладеть тайной сокровищ!

— Конечно. К счастью, он не попал мне в сердце, хотя и посчитал меня мертвым. Очнулся я рядом с большой лужей крови на коленях у индейца, который случайно меня нашел. Это был Виннету, вождь апачей.

— Вот это удача! Вы попали в хорошие руки! Похоже, что вождь апачей вездесущ!

— Это так, я попал действительно в хорошие руки. Когда я очнулся, краснокожий меня уже перевязал. Он дал мне воды, и я рассказал о том, что случилось. Затем он оставил меня лежать и пошел по следу Бринкли. Апач отсутствовал более двух часов, а когда вернулся, сообщил о результатах поисков. Убийца действительно сразу направился обратно, чтобы избавиться от Ангеля. Тот, встревоженный моим долгим отсутствием, заподозрил неладное и пошел за нами следом. Что произошло дальше, ясно говорили следы. Издали он стал свидетелем умышленного убийства, но убийца сделал все так быстро, что у моего друга не было времени мне помочь. Теперь Ангель тоже находился в опасности, ибо не был вооружен и посчитал самым лучшим тотчас убежать. Когда Бринкли бросил меня, считая, что отправил на тот свет, он вернулся, нашел следы и пошел по ним. Но Ангелю, как я позже узнал, удалось скрыться.

— Да, он скрылся, — кивнул Олд Файерхэнд.

— Как? — удивился сменный мастер. — Вы это знаете, сэр?

— Да, но об этом позже. Рассказывайте дальше!

— Виннету скакал на север, и у него не было времени неделями возиться со мной. Он перевез меня в лагерь индейцев тимбабачей ³⁶, с которыми был в дружбе. Те выходили меня и доставили в ближайший поселок, где я тоже встретил хороший прием. Там полгода я не пренебрегал никакой работой, поэтому подзаработал денег и отправился на восток.

— Куда вы направлялись?

— К Энгелю. Я предполагал, что ему удалось уйти от Бринкли. Я знал, что у него в Расселвилле, в Кентукки, был брат, и мы еще раньше вместе решили ехать к нему, чтобы начать приготовления для отправки на Серебряное озеро. Когда я, наконец, добрался до места, то узнал, что брат Энгеля уехал в Арканзас, но куда — никто не мог сказать. У соседа он оставил для своего брата письмо на случай, если тот приедет. Энгель прибыл туда и получил письмо, в котором, во всяком случае, указывалось новое место жительства, а потом он уехал, да и соседа не стало — он умер. Таким образом, я приехал в Арканзас и обыскал весь штат, но напрасно. Но в Расселвилле Энгель рассказал эту историю и назвал имя Бринкли. Откуда он узнал его, мне неизвестно, но с того момента и я узнал имя мерзавца. Итак, господа, это все, что я должен был вам рассказать. Если это тот самый Бринкли, я буду безумно рад встретиться с ним! Думаю, что, наконец, сведу с ним счеты.

— Тут есть и другие, которые хотят сделать то же самое, — заметил Олд Файерхэнд. — Теперь еще вот что — вы сказали, что рыжие волосы Бринкли были ненастоящими. Откуда вы могли это узнать?

— Все очень просто. Когда он напал на меня, а я защищался, я схватил его за голову. Я определенно свалил бы его и вышел бы победителем, если бы скальп этого мерзавца был бы его собственным, но у меня в руке остался лишь парик, а пока я удивлялся, получил нож в грудь. Его собственные волосы, как я успел заметить, оказались темными.

— Well! У меня нет ни тени сомнения, что вы имели дело с рыжим Полковником. Такое впечатление, будто вся его жизнь — сплошной кошмар преступлений. Пора уже положить этому конец.

— И я всем сердцем желаю того же. Но пока вы еще не сказали, как мы будем защищаться от нападения?

— Всему свое время. Прежде всего, пусть рабочие ведут себя спокойно; их нужно настроить на то, что ни о каком сне этой ночью не может быть и речи. Кроме того, они должны привести в порядок свое оружие. Еще до полуночи они должны сесть в поезд, который привезет их в указанное место.

— Well, удовлетворюсь пока этими сведениями. Мы исполним все ваши приказы.

Когда Уотсон удалился, Олд Файерхэнд осведомился у инженера, есть ли у того двое рабочих, которые хотя бы отдаленно напоминали внешне пойманных трампов и к тому же обладали бы достаточным мужеством, чтобы вместо пленников сесть на паровоз. Шаруа задумался, потом послал негра, чтобы он привел тех, кого он посчитал подходящими.

Когда через некоторое время они пришли, Олд Файерхэнд отметил, что выбор инженера не так уж плох. Фигурами они, конечно, были похожи, а что касается лиц, то в ночной тьме никто не будет их разглядывать. Стоило позаботиться о том, чтобы манера разговаривать и голоса не очень разнились, поэтому Олд Файерхэнд привел их в комнату Хартли и устроил в присутствии строителей еще один короткий допрос. Рабочие послушали трампов и их манеру держаться и, следовательно, могли позже попытаться подражать им.

Когда со всем этим было покончено, охотник покинул дом, чтобы выяснить, не послал ли рыжий Полковник разведчиков по обычаям вестменов осмотреть округу. Разумеется, проделал он это в том месте, где бандиты могли появиться скорее всего — в направлении Хвоста Орла.

Когда опытный охотник хочет подкрасться незаметным, особенно если местоположение противника неизвестно, он не делает этого наобум, а продумывает за врага, какое место в создавшейся ситуации тот мог бы выбрать. Так же поступил и Олд Файерхэнд. Если лазутчики уже появились — они находились там, откуда ночью с наименьшим риском и наибольшей выгодой можно наблюдать за поселком строителей. А такое место было неподалеку от дома инженера. За железнодорожной насыпью поднимались холмы, один из склонов которых высился как раз над рельсами. Оттуда сверху открывался великолепный вид на поселок, а деревья служили хорошим укрытием. Если бандиты послали лазутчиков, то искать их нужно было именно там.

Олд Файерхэнд постарался незаметно подойти к подножию холма с другой стороны и потом тихо пополз вверх. Его расчеты полностью подтвердились, ибо, достигнув вершины, он увидел под деревьями спокойно сидящих людей. Их было двое. Они разговаривали очень тихо, чтобы внизу никто не мог слышать их слов. Отважный охотник приблизился к трампам довольно близко, коснувшись головой ствола дерева, рядом с которым они сидели. При желании он даже мог дотронуться до них рукой. Разговоры трампов обязательно следовало послушать, но решиться подобраться так близко Олд Файерхэнд мог только

благодаря своей серой рабочей одежде, которая сливалась с землей. В этот миг беседа прервалась и наступила длительная пауза, прежде чем послышался голос:

— Разве ты знал, что будет потом, когда мы закончим здесь всю эту возню?

— Толком ничего, — отозвался другой.

— Поговаривают многие, но точно знают лишь единицы.

— Да. Полковник молчалив и никому не доверяет. Его настоящий план знают только те, кто был с ним до нас.

— Ты имеешь в виду Вудуарда, с которым он тогда был у рафтеров? По-моему, он к тебе очень расположен. Неужели ничего не сказал?

— Намекал, и только.

— Но и из намека можно сделать вывод!

— Конечно! Так, с его слов, к примеру, я понял, что Полковник не собирается долго держать при себе всю нашу братию. Слишком много лишних людей для его дальнейших планов! Тут я с ним согласен. Чем больше ртов, тем меньше кусок. Думаю, что Полковник отберет лучших и исчезнет с ними в один прекрасный день.

— Дьявольщина! Он хочет одурачить остальных?

— Почему одурачить?

— А что, если Полковник исчезнет уже завтра?

— Об этом не стоит сожалеть — я был бы только рад.

— Вот как! Я не допущу этого!

— Ты? Болван! Я считал тебя намного умнее.

— Ты о чем?

— Само собой разумеется, что ты не из группы оставшихся неудачников.

— Можешь поручиться? Если это не так, я буду начеку и пробью тревогу!

— Не горячись! Догадаться обо всем не трудно. Разве Бринкли не послал тебя вместе со мной?

— Ну, что с того?

— Только люди, проверенные и годные к делу, выполняют такие поручения. Полковник доверил нам следить за поселком, дав таким образом понять, что полагается на нас! Что отсюда следует? Если он действительно хочет потом избавиться от части наших, то уж, во всяком случае, мы из тех, кто останется.

— Хм! Мило слышать такие слова. Но если ты уверен, что мы из избранных, почему ты утаиваешь от меня, что знает о его планах Вудуард?

— Потому что я сам толком не знаю ничего. Речь идет о походе в горы.

— Почему в горы?

— Хм! Я не знаю, стоит ли об этом говорить, но все же хочу тебе сообщить. Там, наверху, в древние времена жил народец, название которого выпало из моей головы. Этот народ не то переселился на юг, не то был уничтожен, но прежде в озере затопил огромные сокровища.

— Вздор! Они бы забрали сокровища с собой.

— Я же тебе говорю — возможно, что этот народ истребили!

— Что за сокровища? Деньги?

— Не знаю. Я не ученый и не могу утверждать — пользовались ли древние монетами, или печатали банкноты, но Вудуард говорил, что это были язычники, владевшие огромным храмом, в котором находились статуи богов, полностью отлитые из золота и серебра, а также огромное число таких же сосудов. Эти богатства лежат в Серебряном озере — потому оно так и называется.

— Так значит, нам придется выпить это озеро до дна, прежде чем отыскать нужные нам вещицы?

— Не пори чушь! Полковник, разумеется, знает, где их искать и что делать. У него есть рисунок. На нем указано точное место.

— Так! А где же оно, это Серебряное озеро?

— Не знаю. Во всяком случае, он скажет об этом не раньше, чем определит, кого брать с собой. Само собой, он не раскроет свою тайну и намерения раньше времени.

— Это уж точно! Но дело вовсе не безопасное!

— Почему?

— А индейцы?

— Тьфу! Там живут только двое краснокожих, внук и правнук того старика, от которого они получили рисунок. На них мы потратим не больше двух пуль.

— Хорошо, если так. Я еще никогда не был высоко в горах, а потому доверюсь тем, кто смыслит в этом деле. Но сначала давай займемся нынешними заботами. Как ты думаешь, удастся ли нам взять кассу?

— Конечно, удастся! Ты только посмотри, как спокойно в округе! Ни один человек там, внизу, понятия не имеет о нашем присутствии и намерениях, а двое наших хитрецов уже здесь, чтобы подготовить почву. Кто бы мог подумать о неудаче!

— Well! Если рабочие достаточно умны, они не станут вмешиваться, иначе нам придется схватиться за ружья.

— Так и будет. Им вовсе не взбрдет это на ум, ибо они ничего сейчас

не знают. Поезд остановится здесь на пять минут, а потом пойдет дальше. В часе езды отсюда его будет ждать наш костер. Когда состав будет подъезжать к нему, двое наших приставят ко лбу машиниста револьверы и заставят его остановить поезд. Мы тотчас возьмем его в кольцо. Вот тогда Полковник сядет в вагон и возьмет...

— Ого! — перебил говорившего его собеседник. — Кто сядет? Полковник? Один? А может, вместе с теми, кого он наметил себе в компаньоны? С ними он преспокойно умчится на всех парах! Потом он остановит поезд, возьмет полмиллиона, сойдет и исчезнет. А остальные будут сидеть здесь, ничего не видя, кроме собственных глупых рож? Нет, так не пойдет!

— Что ты плетешь? — резко отозвался другой. — Я же тебе сказал, что, если Полковник действительно имеет такие намерения, мы вдвоем будем среди тех, кто сядет с ним в поезд.

— Если ты так считаешь, я могу поверить. Но я слышал также, что говорят другие! Полковнику нельзя доверять! Я убежден, что, когда поезд остановится, все окажутся в вагонах.

— Пожалуй! У меня нет намерений обставить остальных. Если Серебряное озеро обещает несметные сокровища, нам ни к чему обманывать наших. Когда возьмем кассу, мы поделимся, и каждый получит свою долю, а потом Полковник выберет себе тех, кого захочет взять в горы. Ну, хватит об этом! Баста! Теперь я хотел бы знать, что это за паровоз вон там, внизу. Под его котлом горит огонь, и он стоит готовый к отправлению. Но куда?

— Может, это и есть та самая машина, что должна идти впереди транспорта с деньгами?

— Нет, она бы отправилась сразу перед поездом, а он придет лишь в три часа ночи. Здесь что-то неладное, нужно посмотреть.

Трамп был встревожен — это следовало принять во внимание, поэтому Олд Файерхэнд принял решение отправить машину как можно быстрее.

Это был обычный маленький монтажный состав, в вагонах которого транспортировали землю; теперь же в этих вагонах собирались перевезти строителей. С отправкой нельзя было ждать до ночи, чтобы не вызвать подозрений у разведчиков. Вестмен тихо пополз обратно и довольно скоро добрался до дома инженера, где рассказал последнему все, что услышал.

— Well! — растерянно проговорил Шаруа. — Значит, нужно отправить рабочих прямо сейчас. Но лазутчики увидят их, когда те будут садиться!

— Нет. Мы прикажем рабочим незаметно выбраться из поселка. Пусть они четверть часа идут дальше, а потом ждут у полотна, пока не подойдет

пустой поезд. Колея поворачивает за холм, и лазутчики не увидят, да и не услышат, как остановится паровоз, — подытожил вестмен.

— А скольких людей мы оставим здесь?

— Человек двадцать вполне достаточно, чтобы защитить ваш дом и охранять двух пленных. Нужные распоряжения вы можете сделать в течение получаса, а потом отправьте состав. Я вернусь к наблюдателям, чтобы не терять их из виду.

Начало смеркаться. Проделав обратный путь, Олд Файерхэнд снова с предельной осторожностью вернулся к обоим лазутчикам, которые теперь молчали. Охотник так же хорошо, как и бандиты, видел раскинувшееся под ними пространство. Он напряг свое зрение и весь обратился в слух, чтобы заметить хотя бы какое-нибудь движение людей, но тщетно. Строители исчезли так осторожно, что трампы ничего не заметили. К тому же свет, горевший в домах и хижинах, был таким скудным, что ничего нельзя было разобрать.

Вдруг охотник заметил у дома инженера яркий огонь фонаря, и тот, кто его нес, громко крикнул:

— Отправляйте пустой состав в Уоллес! Там нужны вагоны.

Это был инженер. Он и без подсказки Файерхэнда смекнул, каким способом лучше всего снять подозрение лазутчиков. Машинист, как они условились заранее, ответил громким голосом:

— Well, сэр. Это мне по нраву. Давно я засиделся без работы и не хочу есть хлеб даром. У вас есть какое-то поручение в Уоллесе?

— Никакого. Пожелайте спокойной ночи моему коллеге инженеру, которого застанете за игрой в карты. Доброго пути!

— Спокойной ночи, сэр!

Раздался пронзительный сигнальный свисток, и поезд тронулся. Когда шум колес стих, один из трампов произнес:

— Ну, теперь понял, что это за паровоз?

— Да, я спокоен. Он привезет в Уоллес пустые товарные вагоны, которые там ждут. Мои подозрения похоже, излишни. Все продумано и, безусловно, должно получиться! Теперь можно спокойно идти.

— Нет. Полковник приказал нам ждать полуночи, и мы не должны нарушать его приказов.

— Пожалуй! Но раз я должен торчать здесь еще столько времени, не вижу повода не смыкать глаз. Я пока прилягу.

— Дельная мысль, я тоже. Потом не будет ни времени, ни желания.

Олд Файерхэнд подождал еще немного, а потом быстро повернул обратно, ибо оба зашевелились, чтобы поудобнее расположиться. Он

вернулся к инженеру и похвалил того за находчивость. Вместе с Шаруа Файерхэнд вошел в дом, после чего хозяин достал сигары и вино, чтобы скрасить время ожидания. В поселке осталось только двадцать рабочих — количество, вполне достаточное для охраны, ибо нападения на Шеридан не предвиделось.

Остальные тайно выбрались из поселения, как и было условлено. Они выходили по одному друг за другом, а оказавшись за поселком, собрались вместе и продолжали двигаться вдоль железнодорожного полотна, пока не удалились на требуемое расстояние. Затем они подождали поезд, который подобрал их и отвез вплоть до самого Хвоста Орла. Трампы, которые тоже были в пути, не могли наблюдать за дальнейшим развитием событий, поскольку река задержала их на большом удалении от железной дороги.

Окружающая местность как нельзя лучше подходила под план Олд Файерхэнда. Колея пересекала реку, которая в том месте, казалось, была задавлена крутыми берегами, соединенными временным мостом. Рельсы вели через мост и на другой стороне исчезали в туннеле длиной около семидесяти метров. Паровоз притормозил перед самым мостом. Вагоны состава не были пустыми, как считали лазутчики трампов, — два последних заранее оказались загружены сухим деревом и углем. Как только поезд остановился, из тьмы выплыл невысокий, толстый человечек, своими очертаниями напоминающий женщину, и спросил машиниста высоким фальцетом:

— Сэр, что вы прибыли так рано? Вы уже привезли строителей?

Из кабины высунулась голова.

— Да, — отозвался человек, с большим удивлением рассматривая забавную фигуру, на которую падал свет. — А вы, собственно, кто?

— Я? — засмеялся толстяк. — Я Тетка Дролл.

— Тетка! Гром и молния! Что же нам делать с женщинами и старыми тетками?!

— Ну, не удивляйтесь так сильно, а то это плохо скажется на ваших нервах! Тетка — это просто так, потом вам объясню. Так почему вы здесь?

— Олд Файерхэнд приказал нам выехать сюда. Он подслушал двух лазутчиков трампов, которые едва не заподозрили, что мы должны были отправиться в путь. Так вы из его людей?

— Да, но только не пугайтесь — все они настоящие «дядьки», я единственная «тетка» среди них.

— Мне даже в голову не пришло испугаться вас, мисс или миссис, — пробормотал рабочий, не отвечая на шутку. — А где же трампы?

— Они уже три четверти часа как в пути.

— Значит, мы можем разгрузить уголь и дерево?

— Да. Соберите ваших людей, а я поднимусь к вам, чтобы дать нужные указания.

— Вы? Дадите указания? Разве вас возвели в чин генерала нашего армейского корпуса?!

— Если вы нижайше позволите, то да. А теперь пустите своего «коня» медленным шагом через мост и остановите его так, чтобы вагоны с углем стали у входа в туннель.

Дролл вскарабкался на паровоз. Рабочим, которые при остановке поезда покинули вагоны, снова пришлось вернуться в них. Машинист еще раз смерил Тетку весьма подозрительным взглядом, по которому было видно, что ему нелегко следовать указаниям какой-то странной «тетки».

— Ну, как там? — спросил Дролл.

— Неужели вы действительно тот человек, которого я должен слушать?

— Да! И если вы это сейчас же не сделаете, я помогу вам. У меня нет ни малейшего желания торчать на этом мосту до скончания века!

Вытащив длинный охотничий нож, Дролл направил острие в грудь машинисту.

— Дьявольщина! Какая злобная и боевая «тетка»! — вырвалось у того. — С этим ножом я скорее приму вас за трампа, нежели за союзника. А может, вы и есть трамп?

— Не плетите чепухи! — ответил Дролл серьезным тоном, пряча нож за пояс. — Мы сидим там, с другой стороны туннеля. Доказательство тому, что я не трамп — мое появление перед вами, ибо я перешел через мост навстречу вам, а значит, знал о вашем прибытии заранее и, стало быть, не могу принадлежать к трампам.

— Хорошо, я вам верю, — усмехнулся машинист. — Едем на ту сторону.

Поезд, преодолев мост, въехал в туннель так, что два последних вагона остались снаружи. Рабочие быстро разгрузили содержимое одного вагона, после чего поезд тронулся дальше и, выйдя из туннеля, притормозил так, что еще один полный вагон стал у выхода. Строители снова соскочили на землю, после чего с двух концов туннеля сложили из сухого дерева и угля легковоспламеняющиеся кучи, расположив при этом их так, чтобы потом не повредить огнем рельсы. Паровоз продвинулся немного вперед и снова остановился, а машинист вернулся к туннелю.

Недоверчивость его исчезла, ибо все происходящее говорило о том,

что он среди верных людей. Туннель был пробит сквозь высокую скалу, за которой пылал огонь, невидимый с долины реки, где располагались трампы. У костра сидели рафтеры и все остальные, кто прибыл к Хвосту Орла с Олд Файерхэндом. Справа и слева от костра в землю были вбиты два срубленных ствола-рогатины, на которых вращалась крепкая палка, с посаженной на нее большой бизоньей тушей. Когда присутствующие увидели прошедший сквозь туннель состав, они поднялись, чтобы приветствовать рабочих.

— Ну, теперь вы не думаете, что я трамп? — спросил Дролл машиниста, когда они вдвоем подошли к огню.

— Нет, сэр, — кивнул тот. — Вы честный парень.

— И к тому же неплохой! Я вам это докажу, пригласив поужинать. Мы подстрелили жирную самку, и вы сейчас узнаете, какая она вкусная, если ее приготовить по рецепту прерии. Всем хватит, и я надеюсь, ваши люди скоро закончат свою работу, чтобы сесть с нами.

Очень скоро все принялись за сочное мясо. У огня, конечно, места было немного, и сидевшие разбились на группы, которые обслуживали рафтеры, чувствующие себя хозяевами. Кроме бизоньего мяса, в наличии имелась первосортная дичь, поэтому, несмотря на большое количество рабочих, еды оказалось предостаточно.

Незадолго до этого, когда собирался состав и инженер разыскал сменного мастера, чтобы отдать приказ к отправлению, он заметил:

— Олд Файерхэнд просил вам передать, что если вы хотите узнать о вашем спутнике Энгеле, то обратитесь к одному немцу, некоему мистеру Пампелю, которого встретите среди рафтеров.

— Он его знает?

— Наверняка, ибо Олд Файерхэнд не послал бы к нему просто так.

Уотсон задумался над этими словами и теперь жаждал найти рафтера с немецким произношением. Очень скоро, сидя у костра, он уже услышал многих, но все они говорили по-английски, правда, с американским произношением. Сменный мастер решил начать поиски сам. Он сидел у костра рядом с Теткой Дроллом и Горбатым Биллом.

— Сэр, — обратился он к последнему, — позвольте один вопрос — есть ли среди вас немцы?

— И очень много, — ответил Горбатый Билл.

— Действительно? Кто же, например?

— Ну, прежде всего сам Олд Файерхэнд. Потом могу вам назвать толстого Тетку и сидящего там Черного Тома. Есть здесь и юный Фред, которого вы видите на другой стороне.

— Хм, среди названных, кажется, нет того, кого я ищу.

— Что? Кого вы ищете?

— Некого мистера Пампеля.

— Пам... пам... пам... Пампеля? — вырвалось у горбуна, и он чуть не подавился лающим смехом. — Боже! Что за имя! Кто сможет произнести его! Пам... пам... как там? Я должен услышать его еще раз.

— Мистер Пампель, — снова повторил мастер, после чего остальные подхватили смех горбуна. Со всех сторон послышались лающие, ревущие, пищащие на разные лады голоса. Не было ни одного, у кого на лице не проскользнула хотя бы улыбка. Ни одного? Все же нет. Мина Дролла оставалась совершенно бесстрашной. Дролл отрезал себе громадный кусок бизоньей ляжки, набил полный рот и продолжал чинно и с истинным наслаждением жевать, даже не сразу услышав голос Билла:

— Нет, сэр, тут вы, должно быть, ошиблись ила спутали. Среди нас нет никакого Пампеля.

— Но Олд Файерхэнд назвал это имя! — повысил голос Уотсон.

— Вы его, наверное, не расслышали или неправильно произносите. Я убежден, что каждый из нас пустил бы себе пулю в лоб с такой фамилией. Ты согласен со мной, старый Дролл?

Дролл на секунду прекратил жевать и ответил:

— Пулю? Это мне и в голову не приходило!

— Ты, конечно, можешь говорить так, поскольку сам не Пампель. Если бы ты носил такую фамилию, как пить дать, не стал бы появляться на людях!

— Но я же нахожусь среди вас!

Он подчеркнул последнее слово, но Билл не понял и смерил его удивленным взглядом:

— Значит, у тебя эта фамилия не вызывает смеха?

— Нет. Я не стал бы оскорблять товарища, тем более, что он действительно находится среди нас.

— Как? Этот Пампель здесь?

— Конечно.

— Дьявол! Кто же это?

— Я, собственной персоной.

Билл подскочил:

— Ты, ты сам этот Пам... пам... пам...!

Он не смог сдержать смеха; другие тоже не могли совладать с собой. Это усугублялось еще и тем, что Дролл продолжал оставаться совершенно серьезным и с таким видимым удовольствием жевал мясо, словно

сказанное к нему вовсе не относилось. Но, едва проглотив последний кусок, он вскочил, осмотрелся и крикнул так, чтобы слышали все:

— Господа, теперь шутки в сторону! Никто не виноват в своем имени, а кто будет насмехаться над моим, налетит на серьезные неприятности! Пусть берет нож, и мы поговорим с ним в сторонке. Посмотрим, кто будет смеяться последним!

Тотчас воцарилась глубокая тишина.

— Но, Дролл! — начал оправдываться Билл. — Кто мог предположить, что это ты! Фамилия действительно очень оригинальная. Мы не хотели тебя оскорблять, и я надеюсь, что ты не обидишься на мои слова.

— Well, я не буду сердиться, ибо знаю, что слово действительно звучит неблагозвучно. Но теперь вы знаете мое имя и должны оставить его в покое.

— Естественно! Само собой! Но почему ты до сих пор молчал? Ты вообще из тех молчунов, что не очень охотно рассказывают о своих прежних делах.

— Неохотно? Кто это сказал? Я с удовольствием поведаю о своем прошлом, но все должно быть к месту, а пока я еще ни разу не имел возможности о нем поговорить.

— Так наверстай упущенное! О нас всех ты знаешь. Мы уже давно сроднились и должны хорошо знать друг друга. Вот только о тебе мы не знаем ничего, почти ничего.

— Знать-то особо и нечего. Впрочем, откуда я родом вы знаете.

— Да, из Лангенлейбы в Альтенбурге.

— О моем отце тоже слышали. Кто знает положение вещей за океаном и помнит, что мой отец занимался чем ни попадя, тот сразу скажет, что он был человеком беднее некуда, но сограждане уважали его. Нас было почти дюжина — вечно голодных и нуждающихся детей, старающихся жить честно. Могу вам позже рассказать...

— Прошу вас, подождите! — вмешался Уотсон. — Вы обратили внимание на пожелания других, но ведь я был первым, кто задал вам вопрос. Олд Файерхэнд передал мне ваше имя...

— Да, он единственный, кто знал его.

— ...чтобы, — продолжал сменный мастер, — я мог от вас узнать о дальнейшей судьбе вашего земляка Энгеля.

— Энгеля? Какого Энгеля вы имеете в виду?

— Охотника-траппера, который был там, наверху, на Серебряном озере.

— О нем? — оживился Дролл. — Откуда вы его знаете?

— Я познакомился с ним у Серебряного озера. Из-за снега нам довелось в горах переждать целую зиму...

— Вас зовут Уотсон? — перебил Дролл.

— Да, сэр, именно так.

— Уотсон, Уотсон! Что за случай! Или нет, никакой это не случай! Это должно было произойти! Мистер, да я вас знаю, как собственные карманы, хотя никогда раньше не видел.

— Вам рассказывали? Кто?

— Брат вашего спутника Ангеля. Взгляните сюда! Этого парня зовут Фред Энгель; он племянник вашего товарища с Серебряного озера. Сейчас он вместе со мной ищет убийцу своего отца.

— Его отца убили? — спросил взволнованный Уотсон, подавая парню руку.

— Да, и это все из-за рисунка, который...

— Снова этот рисунок! — прервал Тетку Уотсон. — Вы знаете убийцу? Наверняка это рыжий Полковник!

— Да, это он, сэр! Но... ведь вас он тоже убил!

— Только ранил, сэр, только ранил. Удар, на счастье, не достиг сердца. Я умер бы от потери крови, если бы не спаситель, индеец, который перевязал мне рану и перевез к другим краснокожим, выходящим меня. Мой спаситель — знаменитейший из индейцев и...

Он не смог выговорить дальше ни слова, ибо в тот момент его взгляд был прикован к скале, мимо которой неторопливо шел к костру сам Виннету!

— Вот он идет! Виннету, вождь апачей! — воскликнул сменный мастер. — Вот он! Виннету! Какое счастье!

С этими словами Уотсон бросился навстречу вождю с распростертыми объятиями. Апач взглянул на лицо белого и тут же приветливо улыбнулся.

— Мой белый брат Уотсон! Я заезжал к воинам тимбабачей и узнал от них, что ты выздоровел и направился к Миссисипи. Великий Маниту тебя очень любит — твоя рана была плоха, но он позволил ее вылечить. Садись и рассказывай, что произошло с тобой потом.

Казалось, всех должны занимать вести о трампах, а не рассказ о судьбе сменного мастера, но Виннету знал, что делал. Если он обращал внимание многих людей на судьбу одного человека, сменного мастера, значит, конечно же, имел на то основания, а стало быть, вернувшись после разведки местности, был убежден, что их лагерь находится в безопасности.

Конечно, всех заинтересовала судьба человека, и они, затаив дыхание, слушали о событиях, о которых Уотсон уже рассказывал Олд Файерхэнду и

инженеру. Едва закончив, он сразу задал Дроллу вопрос:

— А вы, мистер Дролл, можете мне сказать, что случилось с моим товарищем?

— Да, — вздохнул Дролл, — могу. Его больше нет. Полковник ранил его так же, как и вас, от этого бедняга позже и умер.

— Рассказывайте, сэр, рассказывайте! — нетерпеливо заговорил Уотсон, когда Дролл сделал паузу.

— История короткая. Когда Полковник выманил вас в лес, Энгель заподозрил неладное. Зачем этот человек забрал вас на охоту, ведь у вас не было оружия? Вы оба не доверяли Полковнику, и тревога не давала Энгелю покоя. Он не смог с собой совладать и пошел по вашему следу. Энгель торопился и почти бежал за вами уже целый час. Завернув в какой-то момент за один куст, он оказался у цели. Но то, что открылось его глазам, заставило его отпрянуть. Рыжий бандит уже нанес удар и теперь наклонился, чтобы удостовериться, что рана смертельна. Потом он выпрямился и некоторое время стоял, что-то обдумывая. Что же оставалось Энгелю? Броситься на хорошо вооруженного убийцу, чтобы отомстить, не имея при себе оружия? Это было бы безрассудным. Или он должен был подождать, пока Полковник удалится, и проверить, живы ли вы? Тоже нет! Вы, конечно же, были мертвы, иначе этот парень ударил бы еще раз. Кроме того, рыжий, безусловно, отправился бы по следу Энгеля, чтобы убить его. Тот понял, что наступал его черед, и бегство было единственно верным решением. Он развернулся и бросился прочь. Но убийца не долго стоял на месте и тоже повернул обратно, нашел следы и пошел по ним. Вскоре Энгель, забравшись на пригорок и обернувшись, заметил, что рыжий идет прямо за ним. Разделяло их расстояние, соответствующее десяти минутам ходьбы. С другой стороны пригорка открывалась ровная прерия. Энгель бросился вниз, а потом что есть мочи вперед, изо всех сил стараясь уйти от преследователя. Его бегство продолжалось четверть часа, после чего Энгель увидел перед собой заросли, посчитав их своим спасением. Но заросли оказались редкими, а в густой траве, которая их окружала, следы его ног отпечатывались еще глубже. Лишения тяжелой зимы подточили силы Энгеля, хотя он и был неплохим бегуном — преследователь приближался с каждой минутой. Их разделяло всего сто шагов, когда Энгель увидел воду. Это был Орфорк, впадающий в Рио-Гранде. Последними усилиями Энгель устремился к воде, но лишь достиг ее, прогремел выстрел. Беглец почувствовал сильный толчок в правый бок, но бросился в воду, чтобы переплыть на другую сторону. В этот момент Энгель заметил ручей, впадающий в реку неподалеку. Он повернул к устью

ручья, чтобы попробовать переправиться там. Здесь он увидел густые кусты, гибкие ветви которых свисали с берега до самой воды. Энгель протиснулся сквозь плотную стену зарослей и ногами достал дно. Тем временем Полковник достиг берега, но преследуемого нигде не было видно. Он подумал, что беглец переплыл на другую сторону. Бандит вошел в реку, соблюдая осторожность, чтобы не замочить оружие и амуницию. Довольно долго он плыл на спине, держа над водой ружье, пока не достиг берега и не исчез в прибрежных кустах.

— Конечно, он вернулся, — позволил себе, опережая события, вставить словцо Горбатый Билл, — потому что не нашел следов и понял, что беглец остался позади.

— Естественно. Он вернулся обратно и решил продолжать поиски, но напрасно. Всякий раз след приводил рыжего бандита к воде. Два раза он проходил совсем рядом. Потом Энгель уже не слышал и не видел убийцу, но простоял в воде, пока не стемнело. Только тогда Энгель отважился переправиться на другой берег. После этого он почти всю ночь шел на запад, стараясь по возможности дальше отойти от злополучного места.

— Но ведь он был ранен?

— Да, пуля задела правый бок под рукой. Вследствие величайшего напряжения и действия холодной воды, он не сразу заметил рану, но во время марша она сразу напомнила о себе, и у Энгеля начался жар. Он кутался как только мог, время от времени прикладывая охлаждающие листья, найденные в пути. Он смертельно устал и был голоден, ибо питался кореньями. Только к вечеру следующего дня он наткнулся на лагерь, где его покормили гостеприимные обитатели. Энгель был так ослаблен, что даже не мог объяснить, что с ним стряслось, я потерял сознание. Когда он пришел в себя, заметил, что лежит на какой-то старой кровати. Позже он узнал, что пролежал почти две недели в горячке, говоря в бреду об убийстве, крови, побеге и воде. Придя в себя, Энгель сбивчиво рассказал о своих приключениях, а сам услышал, что один ковбой встретил рыжеволосого человека который осведомлялся, не появлялся ли в лагере неизвестный. Ковбой когда-то уже встречался с этим человеком в Колорадо-Спрингс и знал, что того звали Бринкли. Не испытывая к рыжему большого доверия, ковбой ответил отрицательно. Так Энгель узнал имя убийцы. Рана потихоньку заживала, и поэтому при первой возможности он отправился вместе с ковбоями в Лас-Анимас.

— Значит, не в Пуэбло, — изрек Уотсон, — иначе я бы наткнулся на его след, когда позже приехал туда. Что он делал потом?

— Нанялся возницей в торговом караване, который направлялся в

Канзас-Сити по старой арканзасской тропе. Таким образом, у него появились средства, нужные для поисков брата. Прибыв в Расселвилл, он узнал о его отъезде, но получил у соседа оставленное для него письмо, из которого понял, что брата можно найти в Бентоне, в Арканзасе.

— Черт возьми! — вырвалось у Уотсона. — Бентон — одно из тех немногих мест, куда я не заходил! А что случилось с рисунком, который был при нем?

— Он сильно пострадал от воды Орфорка, и Энгель должен был его скопировать. Конечно, он рассказал все брату и склонил его к походу на Серебряное озеро, и все уже было готово для отправки в путь. Но, к сожалению, вскоре оказалось, что последствия известных событий резко отразились на здоровье Энгеля. Он вдруг стал чахнуть и постоянно кашлять. Врач поставил диагноз — скоротечная чахотка, и через восемь недель после встречи с братом Энгель умер.

— Так значит, его смерть тоже на совести Полковника!

— Если бы только его! Здесь, среди нас, есть многие из тех, кто хотел бы свести с ним счеты. Энгель, теперь я имею в виду его брата, был зажиточным человеком. Он владел землей, а кроме того, занимался прибыльной торговлей. Семья состояла из родителей, двух детей — мальчика и девочки — и конюха, который при необходимости выполнял обязанности прислуги. Так вот, как-то позже к Энгелям пришел незнакомец и сделал выгодное предложение. Пришелец выдал себя за предпринимателя, занимающегося лодочным делом, и утверждал, что нашел свое счастье, будучи золотоискателем, когда и познакомился с охотником по фамилии Энгель. Естественно, он имел в виду брата хозяина и так много рассказывал о нем, что прошел вечер, а незнакомец и не помышлял об уходе. Естественно, ему предложили остаться на ночь, на что он после слабых возражений согласился. В конце концов, Энгель рассказал ему о смерти брата и достал рисунок из стенного шкафчика. Потом все легли спать. Вся семья поднялась на второй этаж в спальню, а конюх-слуга расположился наверху в маленькой каморке. Гостю же выделили лучшие покои в передней части дома. Внизу все двери были замкнуты, а ключ Энгель забрал с собой. Накануне праздновали именины Фреда, его сына, на которые он получил в подарок двухлетнего жеребца. Фреду что-то не спалось, и, лежа на кровати, он вдруг вспомнил, что вечером, увлекшись рассказами о приключениях, забыл накормить своего питомца. Он встал и осторожно, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, покинул спальню. Спустившись вниз, он пошел к задним дверям и открыл их, вытащив засов. Мальчик направился к конюшне. Лампа была заперта на кухне, и ему

пришлось пробираться в потемках, поэтому на обычный путь к конюшне ушло много времени. Едва успев войти, Фред неожиданно услышал крик. Он выскочил во двор и сразу заметил в спальне свет, который тотчас погас и загорелся в каморке конюха, откуда послышался грохот падающей мебели и снова раздался крик человека. Фред подбежал к стене и взобрался по виноградному шпалернику наверх, к окну. Когда он заглянул внутрь, увидел лежавшего на полу конюха, а рядом — сидевшего на коленях чужака, который держал его левой рукой за горло, а правой пытался направить револьвер в голову своей жертве. Раздались два выстрела. Фред хотел закричать, но от ужаса не смог издать ни звука. Руки его разжались, он упал вниз и едва не разбился о вымощенную камнями дорожку под окнами. Мальчик ударился головой и потерял сознание. Когда он пришел в себя, то не сразу осознал, что же произошло. Убийца еще находился в доме, поэтому он не рискнул войти внутрь, но нужно было звать на помощь. Он хотел уже было броситься прочь, как вдруг на вымощенную дорожку свалился Полковник, выпрыгнувший из окна нижнего этажа. Он неудачно приземлился и выронил нож, который держал в руке. Находившемуся рядом Фреду в этой заминке удалось схватиться за оружие и всадить клинок противнику в икру. Тот вскрикнул от неожиданности и боли, отскочив в сторону, а Фред молниеносно перескочил через ограду, закричал и что есть мочи побежал к ближайшему соседу. Люди услышали крики и выскочили из дома.

Когда соседи разобрались, что же случилось, они тотчас вооружились и последовали за парнем. Еще не добравшись до дома Ангелей, они увидели, что верхний этаж горит. Незнакомец поджег его и скрылся. Пожар быстро расходился, и забраться наверх было уже невозможно. Осталось только позаботиться о находящихся внизу вещах. Стенной шкафчик был опорожнен, а трупы, к которым невозможно было добраться, сгорели вместе с верхним этажом. Трагедия вызвала всеобщее негодование. Убийцу искали повсюду, но никаких результатов. У братьев Энгель в Сент-Луисе была сестра, жена богатого судовладельца. Та назначила награду в десять тысяч долларов за поимку убийцы, грабителя и поджигателя. Но и это не принесло результатов. Тогда ей пришла в голову мысль обратиться в частное сыскное бюро Харриса и Блотера... Это возымело успех.

— Успех? — удивился Уотсон. — Убийца еще на свободе! Я понимаю, что это не кто иной, как Полковник.

— Да, пока на свободе, — отозвался Дролл, — но песня его спета. Еще тогда я отправился в Бентон, чтобы убедиться собственными глазами, что...

— Вы? А почему вы?

— Чтобы заработать пять тысяч долларов.

— Но ведь было объявлено десять!

— По договору, половину получают Харрис и Блотер, а вторую — сыщик.

— Сэр, неужели вы полицейский?

— Хм! — хитрый Дролл сощурил свои маленькие глазки. — Я думаю, что имею дело с честными людьми, среди которых нет скрывающихся от правосудия, поэтому хочу рассказать о том, что до сих пор скрывал: я частный детектив и работаю во вверенных мне районах Дальнего Запада. Не одного мерзавца, чувствовавшего себя в полной безопасности, доставил я к «мастеру Пеньке» и думаю, что проделаю это еще не раз.

Теперь вы знаете об этом, знаете также и причины, заставляющие меня молчать. Старый Дролл, над которым смеялись все кому не лень, вовсе не так уж смешон. Все же это к делу не относится, ведь я хотел поговорить об убийстве.

В этот миг многие взглянули на Дролла совершенно другими глазами. То, что он сыщик, проливало некоторый свет на его личность и на все его чудачества. Он лишь прятался за маской чудака и именно такое поведение должно было помогать ему выполнять сложные задания.

— А потом, — продолжал Дролл, — я прежде всего разыскал Фреда, чтобы расспросить его. Я собрал практически все сведения о том убийстве. Логика оказалась простой и зловещей. Убийца не смог открыть стеной шкафчик, а если бы стал его ломать, то шум сразу разбудил бы жильцов. По этой причине он решил тихо расправиться с ними, чтобы беспрепятственно забрать план. Бандит действительно лелеял мечту добраться до Серебряного озера. Он не смог сделать все бесшумно, и в доме поднялся крик, вследствие чего убийце пришлось лишиться жизни всех с нечеловеческой жестокостью. А я с Фредом, который один видел его и чудом уцелел, теперь должен идти по следу негодяя — ведь рисунок он все же украл! Мы уже встретили этого мерзавца на пароходе, а у рафтеров Фред узнал его, так что моя уверенность, что мы на правильном пути и я скоро схвачу его, растет изо дня в день.

— Ты? — внезапно подал голос старый Блентер, сидевший рядом. — Ого! Что ты хочешь с ним сделать?

— То, что сочту лучшим в тот момент.

— Отвезти его в Бентон?

— Возможно.

— И не мечтай! Тут есть люди, которые имеют гораздо больше прав. Сколько ему должен один только я! А другие рафтеры?

— А я! — вмешался сменный мастер.

Вокруг загудели.

— Не напрягайтесь, он еще не в наших руках, — заметил Дролл.

— Он будет у нас в руках! — твердо сказал Блентер. — Во всяком случае, он первым из первых сядет на поезд.

— Возможно, но я не облизываюсь раньше, чем подстрелю бизона, — заметил Дролл. — Впрочем, мне все равно, кто его поймает. Мне достаточно будет доказательств его смерти и моей причастности к этому делу, и премия станет такой же реальностью, как то, что это — спальный халат! Я уже достаточно наболтал сегодня, а теперь хочу немного поспать. Разбудите меня, когда придет время.

Он встал, чтобы поискать рядом укромное местечко. Остальные, однако, и не думали о сне. То, что они слышали, занимало их еще долгое время, а когда вопрос был исчерпан, предстоящая схватка с трампами снова стала темой для разговоров.

Виннету не принимал в них участия. Опершись о скалу, он прикрыл глаза, но не спал, ибо временами его веки поднимались, и из-под них как молнии сверкали зоркие глаза.

Было около полуночи, когда двадцать рабочих пришли к инженеру, чтобы оцепить его дом. Олд Файерхэнд отправился к лежавшему на кровати Хартли, рядом с которым сидел негр Чароя с револьвером в руке. Чернокожий вместо нуждавшегося в сне раненого стерег обоих трампов. Окинув негра беглым взглядом, Олд Файерхэнд понял, что тот не нуждался ни в какой помощи. Охотник вернулся к инженеру и напомнил ему, что пора встречать поезд. Тот вызвал двух рабочих, которые должны были занять место на паровозе вместо трампов, и вестмен вместе с ними двинулся вдоль темных домов, заботясь, чтобы лазутчики бандитов ничего не заподозрили.

Стало совсем темно, но рабочие отлично ориентировались в округе, и Олд Файерхэнд полностью положился на них. Пока они шли в направлении Карлайла, он еще раз строго им приказал, как они должны вести себя в каждом возможном случае. Так они добрались до заранее условленного места, где должен был остановиться состав, и сели на траву, ожидая его прибытия. Когда поезд подъехал и затормозил рядом с ними, не было и трех часов после полуночи. Весь состав состоял из паровоза и шести больших пассажирских вагонов, которые Олд Файерхэнд быстро осмотрел. Вагоны были пусты, и лишь в первом стоял набитый камнями чемодан. Начальника поезда не было, остались только машинист и кочегар. Выйдя из вагона, Олд Файерхэнд подошел к обоим и дал необходимые указания. Он

еще не успел закончить, а кочегар уже возразил:

— Сэр, минуточку! У меня нет никакого желания исполнять ваши приказы.

— Почему?

— Я кочегар, и мое дело топка, за это мне и деньги платят. Быть пристреленным у меня нет никакой охоты.

— А кто говорит о том, чтобы «быть пристреленным»?

— Не вы, конечно. Но мне самому нетрудно догадаться.

— Все останутся живы и здоровы.

— Я вообще не хочу заботиться больше ни о чем, кроме топки.

— Но разве ваши начальники не потребовали от вас делать то, что мы вам прикажем?

— Нет, они не могут этого сделать. Я отец семейства и служу исправно, но биться с трампами вовсе не входит в мои обязанности. Мне сказали, что я приеду сюда, а потом должен слушать, что мне тут скажут. Но вот подчиняться или нет — полностью зависит от меня самого! Сейчас я не буду этого делать.

— Это ваше окончательное решение?

— Да.

— А вы, сэр? — обратился Олд Файерхэнд к машинисту, который до сего момента спокойно слушал.

— Я не покину кабины, — ответил бравый железнодорожник.

— Считаю своим долгом предупредить вас, что с вами по пути может случиться все, что угодно.

— А с вами нет, сэр?

— Конечно.

— Так что же! Вы чужак и рискуете! Я служащий, а значит, тем более имею право на риск.

— Хорошо! Вы храбрый человек. Пусть кочегар спокойно идет в Шеридан и там ждет нашего возвращения, я встану на его место.

— Well, желаю удачи! — пробормотал кочегар и без разговоров удалился.

Олд Файерхэнд поднялся с двумя рабочими наверх, выполнил все указания машиниста, после чего намазал лицо сажей. В полотняной робе он теперь выглядел как настоящий кочегар. Поезд тронулся.

Вагоны были сработаны чисто по-американски — чтобы добраться до первого, необходимо войти в последний. Все они, естественно, обеспечивались освещением. Паровоз, принадлежащий к так называемым тендерным локомотивам, был со всех сторон окружен высокими и

прочными стенками из листового железа, защищавшими от ненастья, а при случае и от нападения. Стенки полностью закрывали стоявших внутри людей и в момент перестрелки могли укрыть их от пуль.

Поезд очень быстро достиг Шеридана и притормозил. У полотна стоял один лишь инженер. Он перекинулся несколькими словами с машинистом и быстро отправил состав дальше.

Тем временем двое лазутчиков, которых подслушал Олд Файерхэнд, прибыли на место, где находился Полковник с трапами, и уверили главаря, что в Шеридане никто ни о чем не подозревает. Эта весть вызвала необычайную радость. Но потом они отвели Полковника в сторону и решили сообщить о своих опасениях, которые были темой их разговора в Шеридане. Бринкли выслушал их спокойно, а потом сказал:

— Ваши страхи мне понятны. Мне и в голову не придет брать с собой всех этих парней, большинство из которых бездельники. Я и не думал давать им ни одного доллара из этого полумиллиона. Они ничего не получают.

— Но они возьмут их сами.

— Не торопитесь! У меня есть план.

— Они же сядут в поезд!

— Хм! Я знаю, что все попытаются войти внутрь, но я останусь снаружи и буду ждать, пока вынесут кассу. Пусть поезд трогается, там видно будет, что делать.

— А как с нами?

— Останетесь со мной. Раз я послал вас в Шеридан — значит, доверяю. Теперь идите к Вудуарду, он знает мой план и назовет имена тех, кто едет с нами.

Они повиновались и направились к Вудуарду, который под началом «полковника», похоже, ходил в чине «лейтенанта». Тем временем все погрузилось во мрак. Позже, когда приблизился ожидаемый час, трампы разожгли маленький костер. Они и не предполагали, что им уготовили эти поздние ночные часы. В три было еще темно, но, когда поезд достиг Хвоста Орла, занялась заря.

А пока была четверть четвертого, когда наблюдатели слышали далекий гул приближающегося состава, а вскоре заметили свет паровозного фонаря. Олд Файерхэнд закрыл топку, чтобы ни его, ни остальных невозможно было узнать в отблесках пламени. На расстоянии примерно ста шагов от костра машинист, словно внезапно подчинившись чьему-то требованию, резко дернул рычаг. Раздался свисток, заскрежетали и завизжали тормоза; поезд стал.

Все шло по плану. До сих пор трампы не были уверены, удалось ли «писарю» и его помощнику заставить машиниста и кочегара подчиниться, но теперь, когда они увидели, что поезд остановился, они издали вопли радости и столпились у последнего вагона. Лишь Полковник не забыл о том, о чем надо было думать в первую очередь. Подойдя к паровозу, он поднял глаза вверх, пытаясь заглянуть за край металлической стенки, и спросил:

— Все в порядке, ребята?

— О'кей! — ответил один из рабочих, приложив к груди машиниста револьвер. — Ты должен сидеть тихо! При любом неосторожном движении спущу курок.

Олд Файерхэнд стоял, словно пораженный, опершись о бак для воды, и разыгрывал трагедию, ибо перед ним находился второй рабочий с револьвером. Полковник пока ничего не заподозрил.

— Отлично! — констатировал он. — Вы хорошо потрудились и получите хорошую награду. Оставайтесь здесь, пока мы все не закончим, а потом, как я дам знак, соскочите на землю, чтобы эти почтенные люди не умерли от страха и могли ехать дальше.

Полковник шагнул в темноту. Похоже, он ничего не заподозрил. Когда он ушел, Олд Файерхэнд высунулся, чтобы осмотреться. Он никого не увидел, но вагоны уже кишели трампами. Было слышно, что они ссорились у чемодана.

— А теперь вперед! — скомандовал охотник машинисту. — Скорее! Похоже, Полковник тоже сел. Мы не можем больше ждать, иначе они вылезут обратно.

Машинист принялся за дело, состав дернулся и снова пришел в движение.

— Стой, стой! — закричал чей-то голос. — Застрелите этих псов!

Когда вагоны дернулись, бандиты не столько испугались, сколько были удивлены. Они пытались выйти или выскочить, но паровоз набирал скорость, и подобная выходка равнялась самоубийству. Олд Файерхэнд активно раздувал огонь, который теперь хорошо освещал его и рабочих. Запертая дверь переднего вагона была с треском выбита, и в проеме показалось бородатое лицо Вудуарда. Через низкий задний борт трамп увидел перед собой машину и ярко освещенное лицо охотника, рядом с которым совершенно спокойно стояли мнимые трампы.

— Олд Файерхэнд! — вскрикнул он так громко, что его было слышно, несмотря на стук колес и гул машины. — Ты здесь, пес! Так иди к дьяволу!

Вытащив из-за пояса пистолет, бандит выстрелил. На мгновение

раньше Олд Файерхэнд упал на пол, чтобы увернуться от пули, и в тот же миг в его руке блеснул револьвер. Выстрел — и грузный Вудуард, пораженный пулей прямо в сердце, рухнул в проем. В открытых дверях появились другие, и тотчас же их настигли пули — оба рабочих также стреляли по дверям из револьверов, предварительно согнув металлический лист заднего борта.

Между тем поезд бежал дальше; машинист не отвлекался и внимательно следил за дорогой, освещенной прожектором. Так прошли две четверти часа, и на востоке стало светать. Паровоз залился протяжным, растянутым гудком. Приближаясь к мосту, машинист давал сигналы ожидающим их людям.

Те давно стояли на своих постах. Еще до полуночи прибыли драгуны из Форт-Уоллеса; они расположились на обоих берегах реки под мостом, чтобы схватить любого трампа, который попытался бы спуститься с поезда. В начале моста позицию занимали Виннету с рафтерами и охотниками, а за мостом с двух сторон от входа в туннель поджидали вооруженные строители, стоявшие также и у выхода. С ними находился сменный мастер, которому предстояло выполнить далеко не безопасное задание: внутри туннеля отцепить паровоз от поезда. Услышав свисток машины, Уотсон приказал своим людям разжечь огонь.

Незамедлительно подожгли перед входом в туннель кучи дров и угля, а Уотсон вошел внутрь и, прижавшись к стене, ожидал поезда, который на малой скорости миновал мост, приближаясь к туннелю. Олд Файерхэнд на ходу крикнул своим людям:

— Зажгите за нами!

Минуту спустя поезд остановился почти в том самом месте, где прятался у стены Уотсон. Тот быстро пробрался между локомотивом и первым вагоном и без особых хлопот разомкнул соединение между ними. Паровоз тронулся, а вагоны остались на месте в туннеле, вход и выход из которого оказались перекрыты плотной стеной огня.

Все произошло гораздо быстрее, чем это можно было ожидать — трампы не могли даже сориентироваться в новом положении. Уже во время шальной езды они узнали, что у машины стоял Олд Файерхэнд, и понимали, что их план сорван. Все же они пока еще не осознали до конца, в каком положении оказались. Бандиты были хорошо вооружены и не сомневались, что вряд ли кто рискнул бы схватить их даже на оживленной станции.

Теперь поезд стоял, а трампы выжидали. Они выглянули через боковые окна, но в глаза ударила непроглядная тьма. Те, кто находился у

дверей последнего вагона, словно через телескоп заметили сильно дымивший костер. Те же, кто был в первом вагоне, увидели, что паровоз исчез, а вместо него пылали дрова и угольные кучи.

— Туннель! — вскричал один из бандитов, осененный ужасной догадкой, и другие голоса эхом вторили ему. Трампы растерялись и стали толкаться, пытаясь выбраться из вагонов. Выход из переднего теперь был свободен, и пытавшиеся спокойно выйти через него оказались просто-напросто выпертыми своими же товарищами, находившимися сзади. Оказавшись на земле, бандиты стали проклинать своих спутников. В суматохе и давке поднялась паника, дело дошло до того, что кое-кто схватился за оружие.

Темноту туннеля, которую не смогли рассеять ни яркий огонь, ни свет из вагонных фонарей, теперь еще дополнил густой и едкий угольный дым, разгоняемый внутри утренним ветром.

— Дьявол! Они хотят нас удушить! Выходим отсюда! Выходим!

Десять, двадцать, пятьдесят, сто голосов отозвалось на эти призывы, и толпа в панике и ярости, толкаясь и напирая, бросилась к обоим выходам. Но там трещал высокий огонь, чье взметнувшееся пламя не позволяло пробиться наружу. Кто хотел вырваться из туннеля, должен был прыгать через огонь. Передние ряды отпрянули, трампы повернули назад, но другие шеренги продолжали напирать, и именно в этот момент между двух костров завязалась ожесточенная драка среди людей, которые совсем недавно были друзьями и братьями в общем деле — теперь все спасали своя шкуры. Эхо туннеля десятикратно усилило звуки безумных криков и яростного рева. Снаружи казалось, будто самое дикое зверье земли выпущено на свободу.

Олд Файерхэнд обошел скалу, чтобы вернуться к горящему У входа костру.

— Нам не стоит утруждаться, — обратился к нему один из строителей. — Эти бестии уничтожат себя сами. Вы только послушайте, сэр!

— Да, они попали в переделку, — ответил вестмен. — Но все же это люди, и мы должны быть снисходительны. Помогите мне очистить проход!

— Вы хотите войти туда, сэр?

— Да.

— Ради Бога, сэр, не делайте этого! Они бросятся на вас и убьют!

— Нет. Они не огорчатся, если я укажу им путь к спасению.

Строители и охотник палками отодвинули и разбросали в стороны пылающие головни. Между стеной туннеля и кучей образовался маленький

проход, через который просто войти было нельзя — надо было прыгать. Одним прыжком охотник оказался в туннеле среди ошалевших людей. Никогда еще Олд Файерхэнд не вел себя так дерзко, но никогда, пожалуй, он не чувствовал себя так уверенно. Он не на словах знал, как мужество одного человека поворачивало вспять бушующие массы.

— Эй, тише! — раздался звучный голос Олд Файерхэнда, заглушивший крики ругающихся трампов и заставивший их умолкнуть. — Слушайте, что я вам скажу!

— Олд Файерхэнд! — прошел в толпе гул удивления и ненависти.

— Да, это я! Я не бросаю слов на ветер! Если вы не хотите задохнуться, оставьте здесь оружие и выходите, но по одному. Я стану у костра и буду управлять движением. Кто выскочит, не дождавшись моего знака, того настигнет пуля. Обещаю, что то же самое постигнет тех, кто возьмет с собой оружие! Нас много: рабочие, охотники, рафтеры и солдаты, по крайней мере, достаточно, чтобы осуществить все, о чем я говорю. Подумайте! Выбросьте нам шапку или шляпу — это будет знак, что вы готовы сдаться. Если вы не сделаете так, сто ружей уже смотрят на огонь, и никому не удастся здесь пройти.

Последние слова вестмен из-за едкого дыма смог выговорить с большим трудом, после чего мгновенно прыгнул обратно, исчезнув за стеной огня, чтобы не послужить мишенью для бандитов. Но это было излишней предосторожностью в данном случае, ибо его появление подействовало на трампов так, что ни один из них не рискнул поднять ружье.

Охотник дал знак рабочим направить свое оружие на вход в туннель, чтобы отбросить трампов назад, если они сделают попытку прорваться с боем. Снаружи было слышно, как много голосов старались перекричать друг друга, но дым был очень едок, дыхание становилось спертым, а поэтому времени на совещание у трампов совсем не оставалось. Гарь заполняла туннель, забивая легкие. Перед таким человеком, как Олд Файерхэнд, бандиты все же дрогнули — они знали, что тот слов на ветер не бросает, а чад становился все гуще, и теперь выход был только один — сдаваться. Через огонь пролетела шляпа, а затем окрик Олд Файерхэнда возвестил, что первый из трампов может выйти. По указанию охотника тот без остановки вынужден был пройти через мост, где его приняли рафтеры и охотники. Для осуществления плана, который, собственно, был идеей Виннету, загодя запаслись веревками, лассо и ремнями, и теперь рабочие связывали руки каждому, кто только достигал выхода. Едва прошла четверть часа, как все трампы сдались на милость победителям. Но, к

великому сожалению охотников и рафтеров, выяснилось, что рыжий Полковник снова ускользнул. Пленники, у которых о нем спросили, рассказали, что он с двадцатью другими в самый последний момент не стал садиться в поезд. Их искали в туннеле и в вагонах, но никаких следов не нашли, так что пришлось на слово поверить бандитам.

Опять мириться с тем, что этот человек, которого искали столько времени, снова на свободе? Нет! Пленников доверили солдатам и строителям, а Олд Файерхэнд, Виннету, охотники и рафтеры вернулись на место, где затормозил поезд, чтобы найти следы улизнувших. Вестмен сразу же выслал в Шеридан четырех рафтеров, чтобы ему привели его коня, охотничью одежду и обоих пойманных трампов-шпионов, а заодно сообщили об удачном исходе задуманного. Файерхэнд не собирался возвращаться в Шеридан, он хотел вместе с друзьями ехать в форт Уоллес, где трампов должны были оставить под охраной военных, ибо место подобным мерзавцам могло быть только там.

Затем нашли место, где ранее располагались трампы в ожидании поезда. После долгих поисков и изучения следов коней и людей, вестмены пришли к выводу, что действительно ушло около двадцати человек, которые взяли с собой много запасных коней — естественно, лучших, разогнав остальных по прерии.

— Этот Полковник поступил очень хитро, — заметил Олд Файерхэнд. — Если бы он забрал с собой всех животных, то обременил бы этим свой маленький отряд, да и следов осталось бы столько, что даже ребенок без труда смог бы их прочитать. Разогнав коней, он затруднил наши поиски и выиграл во времени, а поскольку он прихватил с собой далеко не худших животных, то теперь имеет большое преимущество, которое мы с трудом сможем наверстать.

— Возможно, здесь мой белый брат ошибается, — заметил Виннету. — Этот бледнолицый не покинул местность, не узнав, что произошло с его людьми. Если мы пойдем по его следу, то он определенно приведет нас к Хвосту Орла.

— Мой краснокожий брат предположил верно. Полковник ускакал отсюда, чтобы подслушать нас. Теперь он знает, что делать, а потому бежал прочь как можно скорее. Мы же, пытаясь сейчас узнать, где он находится, лишь теряем драгоценное время.

— Если мы быстро вернемся, возможно, еще нагоним их.

— Нет. Мой брат должен согласиться, что мы не можем тотчас преследовать трампов. Мы все вместе должны отправиться в Форт-Уоллес и дать там показания. На это придется потратить весь сегодняшний день.

Лишь завтра утром мы сможем преследовать бандитов.

— Тогда они еще на один день опередят нас!

— Да, но мы знаем, куда они едут, и нам не нужно тратить время, идя по следу. Мы поедем прямо к Серебряному озеру.

— Мой брат уверен, что они едут именно туда? Они не сменят своих намерений после сегодняшнего поражения?

— Конечно, нет! Им нужны были деньги, чтобы запастись необходимым и приготовиться к походу. Однако они могут обойтись и без денег, ибо у них, пожалуй, есть оружие, да и припасы тоже. Если вдруг чего-либо не хватит, эти ушлые люди найдут способ пополнить свои запасы. Я уверен, что они поедут на Серебряное озеро.

— Так поедем сейчас по их следу, чтобы узнать, куда они отправились хотя бы отсюда.

Двадцать всадников наследили достаточно. Их следы вели к реке, а потом шли вдоль берега. Отпечатки были такими четкими, что можно было скакать галопом без боязни потерять их из виду.

У Хвоста Орла, недалеко от моста, трампы остановились. Один из них, скорее всего Полковник, прокрался потом под защитой деревьев наверх, к рельсам. Там, лежа на насыпи, он стал свидетелем пленения всей компании. Как только он вернулся к своим, бандиты тотчас умчались прочь.

Охотники и рафтеры шли по следу еще полчаса, но потом повернули назад, к мосту, поскольку теперь точно знали, в каком направлении ускакали беглецы. Трампы держали путь к Буш-Крик — верный знак того, что они стремились в Колорадо, откуда собирались повернуть к Серебряному озеру.

Тем временем четверо рафтеров вернулись из Шеридана вместе с инженером Шаруа и Хартли, которые также направлялись в Форт-Уоллес, где были важны их показания. Рабочим, получившим в награду оружие трампов, предстояло вернуться в Шеридан пешком, ибо оба стоявших за туннелем состава — как монтажный, так и поезд с «деньгами» — готовились к отправке в Форт-Уоллес. После того как в них погрузили пленных, остальные тоже сели в вагоны, и оба поезда тронулись. Драгуны на конях двинулись следом.

Между тем в форте были оповещены о происшествии, и местное население жаждало узнать, как развивались события дальше. Когда составы прибыли на место, толпы людей обступили их, и трампы по гневному настроению жителей прекрасно поняли, что могло их здесь ждать. Если бы не эскорт, их тотчас бы линчевали.

Бандиты понесли большие потери, ибо почти четверть их отряда нашла свою смерть в туннеле. Остается лишь сказать, что до сих пор в тех местах рассказывают о знаменитой истории выкуривания трампов из туннеля у Хвоста Орла, при этом, естественно, называя имена Олд Файерхэнда и Виннету.

Глава одиннадцатая. В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Там, где над одним из берегов Ганнисон-Ривер возвышаются горы Элк, по необъятному и пустынному плоскогорью, поросшему низкой травой, скакали четверо всадников. Известно, что весь Дикий Запад полон необыкновенными личностями, однако эти четверо сразу приковывали к себе внимание.

Один из них, очень благородного вида, сидел на великолепном черном жеребце из породы тех, что разводят некоторые племена апачей. Его фигура не поражала своими размерами, но было очевидно, что человек обладал необычайной физической силой и выносливостью. Его опаленное солнцем мужественное лицо обрамляла темно-русая окладистая борода. Он носил коричневые кожаные легины, охотничью рубаху из того же материала и высокие сапоги, доходившие до колен. Голову путника покрывала широкополая фетровая шляпа, вокруг тульи которой был повязан толстый шнур с болтающимися ушами гризли. За широкий, сплетенный из нескольких ремней и полный патронов пояс были заткнуты два револьвера, сбоку в кожаном чехле висел длинный охотничий нож. К седлу были приторочены две пары прикручивающихся подков и четыре округлые, грубые плетенки из соломы и тростника, с ремнями и пряжками. Похоже, они пристегивались к копытам животного, когда нужно было обмануть преследователей. Торс всадника с левого плеча до правого бедра обвивало скрученное лассо, а на шее на шелковом шнуре покачивалась трубка мира, украшенная кожей колибри. В правой руке человек сжимал короткоствольное ружье, с затвором особой конструкции, а за плечами на широком ремне висела длинная тяжелая двустволка, когда-то метко нареченная «медвежебоем», ствол которой был рассчитан на пули самого крупного калибра. Этим человеком был Олд Шеттерхэнд, известнейший охотник, получивший свое прозвище благодаря тому, что мог свалить и оглушить любого противника ударом кулака.

Рядом с ним ехал маленький, хилый человечек без каких-либо следов растительности на лице в голубом долгополом фраке с желтыми, до блеска начищенными пуговицами. На его голове красовалась большая дамская шляпа — «амазонка», с которой свешивалось гигантское перо. Брюки всадника были слишком коротки, вследствие чего можно было обозреть

голые ноги, торчащие из старых кожаных сапог с мексиканскими шпорами. Всадник обвешал себя целым арсеналом, но добродушное выражение его лица говорило о том, что все это лишь для отпугивания врага. Этим человеком был не кто иной, как герр Гелиогабал Морфей Франке, прозванный товарищами Хромой Френк, ибо вследствие давнего ранения припадал на одну ногу ³⁷.

За первыми двумя на старом, низком муле, который, казалось, под тяжестью выбивался из сил, восседала особа ростом более шести футов, представляющая собой то, что обычно называют «кожа да кости». Кожаные штаны, в которых болтались длинные ноги всадника, несомненно, были скроены на тучного и малорослого человека. Его кожаные сапоги, одетые также на босу ногу, столько раз были залатаны и зашиты, что, похоже, сплошь состояли из клочков и кусочков, вследствие чего каждый из этих сапог весил не менее пяти или шести фунтов. Рубаха из шкуры бизона, на которой не было видно ни пуговиц, ни застежек, ни петель, открывала впалую грудь, а ее рукава доходили всаднику лишь до локтей. Вокруг шеи человека был повязан выцветший суконный платок, а на острой голове сидел забавный головной убор, бывший в прошлом серым цилиндром, украшавшим, возможно, чело какого-нибудь толстосума, пошедшим затем по рукам и невесть каким способом заброшенным в прерии Дикого Запада. Новый владелец оборвал поля, посчитав их никчемными, оставив лишь маленький край, за который можно браться, чтобы снять или одеть этот неопишимо выгнутый и деформированный головной убор. За толстым веревочным шнуром, опоясывающим талию вместо ремня, были заткнуты два револьвера и индейский нож для скальпирования; на шнуре также висели несколько сумок с различными мелочами, без которых не может обойтись ни один вестмен. На плечи всадника был накинут резиновый плащ с пелериной. Этот элемент его гардероба уже никогда не мог быть использован по назначению, ибо после первого же дождя полностью сел и съезжился, напоминая теперь гусарскую бурку. Поперек бесконечно длинных ног всадник держал ружье, из которого настоящий охотник никогда бы не промахнулся, стреляя по цели. Сколько ему было лет — не смог бы определить даже тот, кто сумел бы догадаться о возрасте его мула. Самое большее, что можно предположить — то, что оба, и хозяин и животное, повидали на своем веку немало и пережили вместе множество различных передряг.

Четвертый всадник восседал на очень высоком и крепком жеребце. Своей фигурой этот муж напоминал широкий бочонок. При этом он был так мал, что его ноги не доставали даже брюха животного. Несмотря на

палящее солнце, толстяк носил вылинявшую шубу, всей шерсти с которой хватило бы разве что на шкурку полевой мыши. Голову толстяка прикрывала гигантских размеров шляпа-панамы, а из-под шубы выглядывали большие сапоги с отвернутыми голенищами. Рукава шубы скрывали кисти всадника, и единственное, что было видно — его толстое, красное, радушное и вместе с тем плутоватое лицо. Большая шуба не позволяла видеть какое-либо оружие, кроме длинноствольного ружья, которое болталось за его спиной.

Этими двумя были Дэвид Кронерс и Якоб Пфедферкорн, всюду известные как Длинный Дэви и Толстяк Джемми ³⁸. Они были неразлучны подобно сиамским близнецам и всегда и везде появлялись вместе. Джемми был немцем, Дэви — янки, но после многих лет совместных скитаний последний набрался достаточно немецких выражений и теперь хорошо понимал чужую речь. Так же неразлучны были и их лошади. Они всегда находились рядом, вместе щипали траву, а когда вынуждены были терпеть общество других своих братьев, отходили в сторонку, жались бок о бок, пофыркивали и ласкались друг к другу.

Едва перевалило за полдень, четверо всадников покрыли уже значительное расстояние, и не только по мягкой траве, ибо толстый слой дорожной пыли лежал на одежде людей и телах животных. Все же никто не показывал своей усталости — ни люди, ни кони. Если даже они и были утомлены, об этом можно судить лишь по молчанию, с которым ехали всадники. Первым долгу тишину нарушил Хромой Френк, трусивший рядом с Олд Шеттерхэндом и обратившийся к нему на своем излюбленном диалекте :³⁹

— Стало быть, заночуем сегодня у Элк-Форк? Сколько еще до нее?

— Будем там под вечер, — ответил охотник.

— Только под вечер? Увы! Кто это вытерпит! Мы в седле с раннего утра! Может, остановимся и дадим передохнуть хотя бы лошадям? Как вы думаете?

— Конечно, остановимся, но только когда проедем прерию. Дальше пойдет широкий лес, там найдем воду.

— Прекрасно! Будет возможность напоить коней и накормить их травой. Но что мы там найдем? Вчера мы съели последний кусок бизоньей вырезки, а сегодня утром глодали кости. С того момента нам на мушку не попался даже воробей, не то что там дичь, а мне просто необходимо что-нибудь съесть, иначе я умру с голоду!

— Не волнуйтесь, дружище! Я уж забочусь о жарком.

— Да? Но о каком? Этот старый луг так пуст, как и мое брюхо, даже жуков — и тех не видно! Где же тут досточтимый голодный вестмен достанет жаркое?

— Я уже его вижу. Ведите моего коня за поводья и отправляйтесь дальше вместе с остальными, но не слишком торопитесь.

— Что? — удивился Френк, недоверчиво качая головой. — Вы уже видите жаркое? Но я вовсе не ощущаю ничего подобного.

Тем не менее, взяв поводья коня Олд Шеттерхэнда, Френк поехал дальше за Дэви и Джемми. Охотник же, спрыгнув на землю, направился в сторону торчащих среди травы маленьких холмиков. Здесь была колония луговых собачек — именно так называются американские сурки, издающие звуки, напоминающие собачье тьяканье. Эти существа безвредны и очень занимательны и, что очень интересно, живут по соседству с гремучими змеями и совами. Когда кто-нибудь приближается к ним, они встают на задние лапки, чтобы лучше рассмотреть, а как только заметят что-нибудь подозрительное, молниеносно ныряют в свои норы, и никому уже их не выкурить оттуда. Охотник, который может найти какую-нибудь другую живность, пренебрегает мясом этих зверьков, и вовсе не потому, что оно несъедобно, а просто по предубеждению. Если же зверолов решится поймать такую «собачку», то он и не подумает приближаться к норе, ибо эти создания очень внимательны и таким простым способом поймать их не удастся. Достигнуть своей цели охотник сможет лишь благодаря ужимкам и нелепым движениям, поскольку должен возбудить любопытство зверька. Луговые собачки очень любопытны, потому они не сразу поймут, кто идет к ним и зачем, а будут наблюдать. Олд Шеттерхэнд прекрасно разобрался в повадках зверьков, которые, сидя на своих холмиках, давно заметили его. Он неожиданно начал пританцовывать, то поднимаясь и пригибаясь, то кружа, вращая при этом руками с ружьем подобно ветряной мельнице.

Хромой Френк, ехавший вместе с Джемми и Дэви, наблюдая за сценой, с удивлением произнес:

— Бог ты мой, что это ему стукнуло в голову? Не припадок ли это? Он ведет себя так, будто выпил белламадонны!

— Белладонны, ты хотел сказать, — поправил Джемми.

— Молчи! — приказал малыш. — Белладонна! Что за галиматья! Это называется белламадонной. Уж я-то, уроженец Морицбурга, знаю! Там, в лесу, растет дикая белламадонна. Я, пожалуй, ее тысячу раз видел. Чу! Он стреляет!

Неожиданно Олд Шеттерхэнд два раза выстрелил из ружья. Оба выстрела слились в один. Спутники охотника повернулись в сторону

холмиков, а Олд Шеттерхэнд уже подбежал туда, два раза наклонился, что-то поднял и направился к остановившимся всадникам. Положив двух «собачек» в большую седельную сумку, он сел на коня. Хромой Френк не мог скрыть своего разочарования и даже во время езды продолжал брюзжать:

— И это жаркое? Покорнейше благодарю!

— Почему?

— Такого куска мне не проглотить!

— А ты пробовал когда-нибудь что-либо подобное?

— Никогда! Подобное и во сне не приснится!

— Значит, не знаешь, съедобны они или нет. Ты пробовал хоть раз молодого козленка?

— Молодого козленка?! — Френк щелкнул языком. — Естественно! Послушайте, это же само изящество!

— Да что вы, Френк? — засмеялся Олд Шеттерхэнд.

— Клянусь честью! Деликатес, равный которому не отыскать!

— У многих это вызовет лишь улыбку.

— Да, глупцов всегда хватало. Скажу вам, мы — саксонцы — народ с головой и знаем толк в наслаждениях, как никто другой во всей Европе! Положить молодого козленка в здоровенную кастрюлю, добавить головку чеснока и несколько стеблей майорана, все это зажарить до хрустящей коричневой корочки, а потом подать на стол. Это воистину пицца богов и богинь с Олимпа! Я знаю это не понаслышке, ибо вся Саксония по воскресеньям и праздникам ест только жареную козлятину, особенно под Пасху, когда подрастают молодые козочки.

— Очень хорошо! Но скажи мне, ты хоть раз пробовал раньше Lapin?

— Lapin? Что это такое?

— Домашний заяц, попросту кролик.

— Кролик? *A la bonne heure!* ⁴⁰ Это действительно деликатес! В Морицбурге и окрестностях в мои времена к празднику освящения церкви всегда откушивали крольчатину. Нежнейшее мясо, прямо как масло! Оно просто тает во рту!

— Но найдется много таких, кто высмеет тебя, если ты им такое скажешь.

— А у тех, кто смеется, попросту не все дома! У кролика, который ест лучшую и свежую зелень, должно быть соответствующее по вкусу мясо — это же само собой разумеется! Разве вы будете отрицать?

— Конечно же, нет, но и ты не должен незаслуженно смеяться над песиком прерии. Ты сам увидишь, что его мясо не уступит ни молодой

козлятине, ни крольчатине.

— Такого я никогда не слышал!

— Теперь услышал, а еще и попробуешь сегодня. Я говорю тебе, что... Стой, не всадники ли там скачут?!

Олд Шеттерхэнд указал на юго-запад, где вдали показались какие-то фигуры. Расстояние до них было приличным, а потому узнать, кто появился на горизонте — бизоны, кони или люди, пока не представлялось возможным. Охотники неторопливо направились дальше, не спуская глаз с группы. Через несколько минут стало ясно, что это всадники, а вскоре можно было различить их синие мундиры, которые выдали солдат.

Военные, собственно, держали курс на северо-восток, но, заметив четырех всадников, резко изменили направление и галопом погнали к ним коней. Отряд из двенадцати драгунов возглавлял лейтенант. Остановив подчиненных на расстоянии, быть может, тридцати шагов, офицер окинул четырех всадников мрачным взглядом и спросил:

— Откуда, ребята?

— Черт возьми! — насупился Хромой Френк. — Мы позволим называть нас «ребятами»? Должен же видеть этот парень, что мы из лучших сословий!

— Что вы там шепчетесь! — строго прикрикнул лейтенант. — Я хочу знать, откуда вы едете!

Френк, Джемми и Дэви одновременно взглянули на Олд Шеттерхэнда — что будет дальше? Как тот отреагирует на обращение и что предпримет?

— Из Лидвилла, — ответил спокойно вестмен.

— И куда направляетесь?

— В горы Элк.

— Это ложь!

Олд Шеттерхэнд направил своего коня к военным, пока не поравнялся с офицером, после чего тем же спокойным тоном спросил:

— У вас есть основания называть нас лжецами?

— Да!

— Ну, какие?

— Вы едете не из Лидвилла, а из Форт-Индиана.

— Тут вы ошибаетесь.

— Я не ошибаюсь. Я вас знаю.

— Да? Ну, и кто же мы?

— Имен я не знаю, но вы их сами мне назовете.

— А если нет? — охотник пристально взглянул на офицера.

— Тогда поедете со мной! — безапелляционно прозвучало в ответ.

— А если мы не поедем?

— Тогда пеняйте на себя, — многозначительно протянул лейтенант. — Кто мы такие и что это за форма, вам, надеюсь, понятно. Кто из вас схватится за оружие, тут же будет пристрелен.

— Неужели? — Олд Шеттерхэнд улыбнулся. — Так узнайте сначала, по силам ли вам эта задача!

Правая рука охотника, державшая ружье, вскинула его как пистолет, направив дуло на офицера, а левая тотчас выхватила револьвер. В руках Френка, Дэви и Джемми также блеснуло оружие.

— Тьфу, дьявол! — выругался лейтенант, хотевший было схватиться за пояс. — Я...

— Стой! — приказал Олд Шеттерхэнд тоном, не терпящим возражений. — Руки прочь от кобуры, парень! Всем руки вверх, или за нами не задержится.

В подобных ситуациях лучше подчиниться, чем получить пулю в лоб, — именно так подумали офицер и его подчиненные. Чувствуя превосходство и считая себя в безопасности, они упустили из виду, что должны держать оружие в руках, и теперь имели полную возможность заглянуть в дула восьми ружей и револьверов, направленных прямо на них. Господа военные полагали, что имеют дело с настоящими головорезами, а потому мгновенно подчинились услышанному приказу.

Смотрелось, конечно, комично — хорошо вооруженные кавалеристы с поднятыми вверх руками на конях! Едва уловимая улыбка разгладила серьезное лицо Олд Шеттерхэнда, и он продолжил:

— Так! Как вы думаете, ребята, что мы теперь будем делать?

— Стреляйте же! — со злобой отозвался лейтенант, к которому был обращен вопрос. — Но месть настигнет вас! Она будет страшна!

— Хо! Что нам с того, что мы потратим наши ценные пули на тех, кто позволил запугать себя четверем жалким бродягам и вытянул руки к небу! Какая слава! Я хотел преподать вам урок. Вы еще молоды, и он вам пойдет впрок. Будьте всегда по возможности вежливы, сэр! Джентльмены при встрече не станут называть друг друга «ребятами». И потом, никогда не обвиняйте людей во лжи, если не можете этого доказать. Так очень легко попасть впросак. И третье, когда здесь, на Западе, встречаете людей, с которыми вы не связаны узами нежнейшей дружбы, берите в руки ружья, иначе случаи, подобные сегодняшнему, будут происходить с вами часто. Вы просто ошиблись — мы не «ребята» и не лжецы. А теперь опустите руки, у нас нет намерений дырявить ваши шкуры!

Олд Шеттерхэнд заткнул револьвер за пояс и опустил ружье; трое его

спутников последовали его примеру. Потом, когда солдаты опустили руки, их раскрасневшийся не то от ярости, не то от стыда офицер выкрикнул:

— Сэр, как вы можете ломать такую комедию! Вы же рискуете! Вы должны знать, что у меня хватит силы наказать вас!

— Силы? — улыбнулся Олд Шеттерхэнд, чувствуя, что лейтенант понял его не до конца. — Хитрости — наверное, да, но силы — нет! Вам это уже доказали. Хотел бы я знать, с чего вы начнете свое наказание? Что бы вы ни сделали — будете опозорены, как и прежде.

— Ого! Теперь все зависит от того, кто первым вытащит револьвер... Последнюю фразу он не закончил, ибо в тот момент,

когда его рука потянулась к кобуре, он почувствовал, что седло вдруг ушло из-под него, а тело повисло в воздухе. Через мгновение Олд Шеттерхэнд бросил лейтенанта поперек своего коня прямо перед собой, молниеносно вытащил нож и приставил его к груди, после чего, улыбаясь, крикнул:

— Продолжайте дальше, сэр! Что вы хотите сказать? Все зависит от того, кто первым вытянет другого из седла. Не так ли? Это вы имели в виду? Стоит вашим людям пошевелиться, и я всажу клинок в ваше сердце!

Солдаты словно прилипли к седлам. Такой силы, ловкости и быстроты они не ожидали. Военные были так смущены и ошеломлены, что напрочь забыли о своем численном превосходстве и оружии.

— Тысяча чертей! — крикнул офицер, от страха не осмелившийся даже пошевелиться. — Что вам взбрело в голову? Оставьте меня!

— Я лишь хотел доказать вам, что вы действительно не на тех напали. Бьют не числом, а умением! Будь вас хоть целый эскадрон — нам все равно нечего опасаться. Станьте вот здесь и учтиво послушайте, что я вам скажу.

Он взял офицера за воротник, стянул одной рукой с коня и опустил в траву. Потом продолжил:

— Может, вы видели кого-нибудь из нас раньше?

— Нет, — ответил лейтенант, восстанавливая дыхание. Он был взбешен, но теперь не решался выплескивать ярость. Он чувствовал себя опозоренным перед своими подчиненными и готов был выхватить саблю, чтобы разрубить Олд Шеттерхэнда на куски, но голос рассудка говорил ему, что попытка закончится плачевно.

— Значит, нет? — продолжил охотник. — Но я убежден, что вы нас знаете. Хотя бы слышали наши имена. Вам рассказывали о Хромом Френке? Вот он, собственной персоной.

— Не знаю ни имени, ни человека, — буркнул офицер, поправляя

мундир.

— Но о Длинном Дэви и Толстяке Джемми вы слышали?

— Да. Разве это они?

— Разумеется.

— Хо! Не верю.

— Хотите снова наказать меня за ложь? Не стоит, сэр! Олд Шеттерхэнд отвечает за каждое слово, которое говорит.

— Олд Шетт..., — лейтенант не смог выговорить, попятившись назад и уставившись круглыми глазами на охотника. Его люди тоже заметно оживились.

— Да, Олд Шеттерхэнд, — проговорил тот. — Вам знакомо это имя?

— Я знаю его, мы все его хорошо знаем. И этот человек вы... вы, сэр?

Лейтенант испытующе взглянул на вестмена, при этом его лицо выражало сомнение. Но в тот момент его взгляд упал на упомянутый штуцер с шарообразным затвором, и тотчас выражение его лица изменилось:

— Смотри! Это штуцер — «генри», сэр?

— Он самый, — кивнул вестмен. — А вы знаете это оружие?

— Я не видел ни одного экземпляра, но ружья мастера Генри мне описывали подробно. Мастер был большим чудаком и изготовил всего несколько таких штуцеров, поскольку опасался, что, если многозарядные штуцеры войдут в серийное производство, индейцы и бизоны будут быстренько уничтожены. В основном, они все пропали, и только Олд Шеттерхэнд владеет последним единственным экземпляром.

— Это правда, сэр. Из тех одиннадцати или двенадцати штуцеров — «генри», которые были сделаны, у меня остался последний, а остальные бесследно исчезли на Диком Западе вместе с их владельцами.

— Значит, вы действительно... этот Олд Шеттерхэнд, знаменитый вестмен, который одной рукой может заставить поклониться земле бизона и уложить наповал ударом кулака самых сильных индейских воинов?

— Я уже сказал. А если вы еще сомневаетесь, можете в этом убедиться, ибо мой кулак сбивает с ног не только индейцев, но и белых.

— Нет, сэр, благодарю! Я верю вам, и никакие доказательства мне не нужны. У меня только один череп, и сомневаюсь, что смогу его заменить. Прошу прощения, я прежде был не очень вежлив! У нас есть повод заглянуть в лицо таким известным людям, как вы. Не будете ли вы так любезны поехать с нами? Мои друзья не только были бы очень рады, но и почли бы за честь встретить такого гостя.

— А куда вы едете?

— В Форт-Мормон.

— Сожалею, что не могу принять ваше предложение, ибо мы движемся в противоположном направлении. У меня в условленное время встреча с друзьями.

— Мне искренне жаль. Могу я спросить, сэр, куда вы направляете своего коня?

— Сначала в горы Элк, как я уже говорил, а оттуда на другую сторону, в горы Бук.

— Тогда должен вас предостеречь, — офицер заговорил деликатным тоном, будто стоял перед высоким начальством. — Здесь рыскают краснокожие!

— Благодарю, но не представляю, какая опасность может мне угрожать с их стороны. Сейчас краснокожие живут в крепком мире с белыми, а тем более юта, о которых, должно быть, идет здесь речь, уже несколько лет не давали никакого повода, чтобы возбудить к ним недоверие.

— Это верно, но именно поэтому они разгневаны еще больше. Мы точно знаем, что юты недавно вырыли топор войны, и по этой причине постоянно патрулируем между Форт-Мормоном и Форт-Индианом.

— Это правда? Мы ничего не знали.

— Не удивительно, вы едете из Колорадо, а вести об этом туда еще не дошли. Ваш путь идет как раз по территории юта. Я знаю, что имя Олд Шеттерхэнда в почете у всех индейских народов, но не перенадейтесь, сэр! У юта есть основания гневаться на белых.

— Какие?

— Группа белых золотоискателей напала на их лагерь, чтобы забрать лошадей. Все произошло ночью. Юта проснулись и стали обороняться, но значительно лучше вооруженные белые застрелили многих воинов, увели лошадей и прихватили с собой все остальное. Рано утром собравшиеся с мыслями краснокожие пустились в погоню. Снова началось сражение, поскольку индейцы настигли воров, и снова пролилось много крови — погибло более шестидесяти индейцев, но и много белых, из которых только шестерым удалось уйти. Теперь юта рыщут по округе в поисках этих шестерых, кроме того, они выслали парламентаров в Форт-Юнион требовать возместить убытки: за каждого коня им должны дать другого, за утраченное имущество — тысячу долларов, а за каждого убитого индейца — по два коня и ружье.

— Мне кажется это справедливым. Согласились ли в форте на такие условия?

— Нет. Белые вовсе не имеют намерений признавать права этих краснокожих и исполнять какие бы то ни было их требования. Парламентеры вернулись обратно, не получив ничего, и после этого они вырыли топор войны. Юта объединяются и настраиваются на долгую борьбу. На их территории слишком мало наших солдат, а потому нужны союзники. Несколько офицеров направились к навахам, чтобы склонить их выступить против юта, и это им удалось.

— А что обещано навахам за помощь?

— Вся добыча, которую они захватят сами.

Услышав это, Олд Шеттерхэнд нахмурился.

— Значит, сначала было нападение на юта — их ограбили и многие из них убиты, а когда они заявили о законном наказании виновных и возмещении убытков, на них натравливают навахов, которым обещают добычу, отнятую у оскорбленных! Нет ничего удивительного, что они чувствуют себя загнанными в угол и прибегают к таким крайним средствам. Ожесточение может ослепить их, и горе тем белым, что попадут им в руки!

— Я должен исполнять приказ, и у меня нет права обсуждать его. Я сказал вам об этом только для того, чтобы предостеречь, сэр. Мое мнение не должно быть вашим.

— Я понимаю. Примите благодарность за предупреждение, а когда вернетесь в форт и расскажете, что встретились с нами, напомните, что Олд Шеттерхэнд не враг краснокожим и он сожалеет о том, что богато одаренный природой народ обречен на вымирание. Время не позволяет ему естественно развиваться по законам человеческой культуры, а все вокруг требуют в один миг превратиться из охотников и кочевников в современное общество. Это то же самое, что лупить школяра за недостаточные знания и отсутствие у него возможностей стать генералом или профессором астрономия. Прощайте, сэр!

Повернув коня, Шеттерхэнд вместе с друзьями поехал прочь, даже не обернувшись на военных, которые сначала в смущении смотрели вслед, а потом снова продолжили прерванную скачку. Не скрывая раздражения, произнес охотник последнюю фразу, ибо хорошо знал, что подобные разговоры бесполезны. Теперь он молчал и все больше думал о том, что его слова потрачены даром, поскольку «брата Джонатана» ⁴¹ никак не убедить в том, что он имеет не больше прав на существование, чем индеец, которого гонят с места на место подобно зверю и травят, обрекая на смерть.

Минуло полчаса, и Олд Шеттерхэнд прервал свои думы, обратив взор на горизонт, темневший впереди черной полосой.

— Там лес, — охотник указал рукой, — о котором я говорил. Пришпорим коней и через пять минут будем на месте.

Стоит упомянуть, что между ним и его спутниками выработалась определенная манера общения: он доверительно обращался к ним на «ты», они же использовали почтительное «вы». Ни один из них не допустил бы неуважения или оскорбления, но стоять с ним на одной ступени они все же не считали возможным.

Пустив лошадей галопом, всадники вскоре достигли густого хвойного леса, высокие ели которого стояли такой плотной стеной, что, казалось, о проезде сквозь нее верхом нечего было и думать. Но Олд Шеттерхэнд знал, что делать. Он направил животное прямо через узкий подлесок и оказался на так называемой «индейской тропе» шириной не более двух футов, давно проложенной часто бывающими здесь краснокожими. Прежде всего вестмен спустился с коня, чтобы посмотреть, нет ли на тропе каких-либо следов. Закончив осмотр и не найдя ничего подозрительного, он снова сел в седло и подал знак своим спутникам следовать за ним.

Здесь, в девственном лесу, не чувствовалось ни малейшего ветерка, и кроме приглушенного стука копыт не было слышно ни малейшего шума. Олд Шеттерхэнд сжимал в правой руке готовый к бою штуцер — «генри» и внимательно смотрел вперед, чтобы при малейшей опасности направить оружие на врага. Однако он был уверен, что никакой опасности нет. Если бы в этой дикой местности рыскали индейские всадники, они держались бы вместе и, конечно, не ступили бы на малообследованную тропу, движение по которой было очень затруднительно для большого отряда. Тропа была так узка, что и один всадник едва ли мог развернуть своего коня в обратном направлении. Даже большая группа едущих верхом краснокожих сразу была бы зажата здесь со всех сторон всего лишь горсткой пеших противников.

После долгих зигзагов по лесу тропа вывела медленно двигающихся всадников на прогалину, посреди которой высилась довольно большая груда скальных глыб, в беспорядке громоздившихся друг на друга. Все они были покрыты лишайником, а из щелей между обломками пробивались кусты, находившие там достаточно влаги для своих корней. Остановившись, Олд Шеттерхэнд произнес:

— Здесь мы дадим лошадям немного отдохнуть и испечем наших песиков. Вода тут тоже есть, как видите.

Маленький ручеек вытекал из-под камней, змеился через просеку и терялся где-то в лесу. Рассредоточившись по поляне, всадники соскочили с коней и сняли с них сбрую, чтобы животные могли спокойно щипать траву.

После этого люди собрали сухие ветки и сучки для костра. Толстяк Джемми вызвался снять кожу с «собак» и выпотрошить их, а Олд Шеттерхэнд удалился, чтобы осмотреть местность.

По «индейской тропе», разрезавшей лес поперек, ельник можно было пройти за три четверти часа. Прогалина, где расположились спутники Олд Шеттерхэнда, находилась как раз посредине.

Прошло немного времени, а мясо уже жарилось на огне и по поляне растекался манящий аромат, выворачивающий наизнанку голодные желудки. Вскоре вернулся Олд Шеттерхэнд. Он рассказал, что скорым шагом добрался до противоположного конца леса, осмотрел открытую прерию и сообщил, что пока все спокойно.

Прошел еще час, и жаркое было готово.

— Хм! — буркнул Хромой Френк. — Есть собачье жаркое! Если бы кому-нибудь пришло в голову напорочить мне, что я буду пробовать мясо наивернейшего друга человека, я бы так ответил, что у него волосы встали бы дыбом! Но сейчас я голоден, и придется отведать даже такое кушанье.

— При чем здесь собака?! — напомнил ему Джемми. — Ты же слышал, что эти сурки называются луговыми собачками благодаря собственному голосу, похожему на лай.

— Это как раз и удручает меня! Жаркое из сурка! Кто бы подумал! Временами человек все же склонен к воистину консистентным вещам. Ну, давайте посмотрим.

Взяв кусок грудинки, Хромой Френк очень осторожно попробовал его, после чего его лицо прояснилось. Вложив себе в рот еще один не самый маленький кусочек и продолжая жевать, он произнес:

— Даже неплохо! Клянусь честью! Действительно, почти как кролик, хотя и не такое нежное, как козлятина. Дети мои, кажется, от этих двух песиков сейчас ничего не останется.

— Нам надо оставить кое-что на вечер, — предостерег Дэви. — Не знаю, подстрелим ли мы еще какую-нибудь живность сегодня.

— Я не забочусь о том, что будет позже. Если я устал и готов броситься в объятия Орфея, значит, на некоторое время полностью удовлетворен.

— В объятия Морфея, — поправил его Джемми.

— Да замолкни ты! Для меня не существует никаких «М» перед моим Орфеем! Я знаю это очень хорошо, ибо в деревне Клотше, что под Морицбургом, существовало общество певцов под названием «Орфей в этом мире»; эти ребята пели так сладко, что слушатели впадали в приятную дремоту. Оттуда, стало быть, из Клотше, и пошло выражение «попасть в

объятия Орфея». Не ссорься со мной, а лучше молча ешь песика прерий. Тебе лучше им заняться, нежели спорить с таким опытным человеком, как я! Ты же знаешь, что я хороший парень, но, если кто навяжет мне за едой Морфея, испортит мне аппетит и настроение!

Олд Шеттерхэнд кивнул Джемми, дав понять, чтобы тот помолчал и чтобы все спокойно поели, но он не знал, что их спокойствию угрожало нечто другое, гораздо более серьезное и отличное от словес маленького, обидчивого Хромого Френка. Четверо сидевших у огня не чувствовали опасности, но в этом была их ошибка, поскольку опасность приближалась к ним в виде двух групп всадников, направлявшихся к лесу.

Первая была маленькой и состояла из двух человек, которые скакали с севера. Натолкнувшись на следы Олд Шеттерхэнда и его спутников, они соскочили с лошадей, чтобы осмотреть тропу. То, как они это сделали, наталкивало на мысль, что они далеко не новички в подобных делах. Они были хорошо вооружены, но их одежда свидетельствовала о том, что недавно они побывали в какой-то переделке. А что касалось их лошадей, то они были упитанны и бодры, но не имели ни седел, ни узд; на них были надеты лишь ременные поводья. Так обычно выглядят пасущиеся индейские мустанги, отдыхающие неподалеку от лагеря краснокожих.

— Что скажешь об этих следах, Нокс? — спросил один из всадников другого. — Перед нами индейцы?

— Нет, — без колебаний отозвался его спутник. — Лошади подкованы. Всадники ехали радом, а не друг за другом, как краснокожие.

— Сколько их было?

— Только четверо. Нам нечего опасаться, Хилтон.

— Лишь бы не солдаты!

— Хо! Даже если и так?! В форту нам, конечно, нечего показываться, слишком уж много там пытливых глаз да вопросов от этих настырных военных. Но четверо кавалеристов вряд ли стали бы нас допытывать. С чего это им взбредет в голову, что мы из тех, кто напал на индейцев юта?!

— Да, я тоже думаю, но дьявол частенько навязывает свою игру, и ничего нельзя предвидеть. Наше положение довольно скверно. С одной стороны нас преследуют индейцы, а с другой — можно нарваться на солдат. Носимся туда-сюда по территории юта! Было глупо польститься на золотые горы, обещанные этим рыжим Полковником и его трампами!

— Глупо? Не думаю. Мы сможем быстро стать богатыми, а это прекрасно! Я в этом не сомневаюсь. Скоро Полковник снова придет с другой группой и у нас не будет больше забот. Нужно только выбраться отсюда. Я вижу единственный выход.

— Какой же?

— Нужно присоединиться к белым. Вместе с ними мы сойдем за охотников, и никому в голову не придет связывать нас с теми, кто вынудил красномазых вырыть топор войны.

— И ты полагаешь, что эти четверо — те, кто нам нужен?

— Да, я так думаю. Они отправились в лес, давай и мы последуем за ними.

Они погнали коней в сторону ельника, к Олд Шеттерхэнду и его друзьям. Пока они ехали, вспоминали о происшедшем и говорили о своих намерениях. Из их разговоров можно было заключить, что они были союзниками рыжего Полковника. Тот, видимо, пытался пополнить свой отряд, состоявший из двух десятков трампов, уцелевших после западни у Хвоста Орла. Бринкли пришел к выводу, что его шайка слишком малочисленна, а индейцы в горах вряд ли встретили бы их дружелюбно. Потому по пути через Колорадо он брал с собой любого, кто выражал согласие. Естественно, это были люди сплошь без средств к существованию, напрочь лишенные морали. Именно к их числу и принадлежали вышеупомянутые Нокс и Хилтон, направлявшиеся теперь в лес. Новая шайка Полковника вскоре так выросла, что стала обращать на себя внимание, а прокормить и обеспечить такую массу людей становилось все труднее. Ввиду этих причин Полковник решил разделить свой отряд: с одной половиной рыжий Бринкли отправился в окрестности Ла-Веты через Скалистые горы, а другая повернула в сторону Моррисона и Джорджтауна, чтобы там перебраться через горные хребты. Нокс и Хилтон были людьми знающими и опытными, потому охотно взялись провести вторую группу и стали во главе отряда. Без приключений преодолев горы, бандиты остановились недалеко от Брекенриджа. Там их ждала большая неприятность: сбежавший табун лошадей какого-то незадачливого асьендеро промчался мимо, при этом лошади трампов сорвались с привязи и ускакали, влекомые своими собратьями. Рыская в поисках новых, бандиты наткнулись на небольшой лагерь индейцев юта и напали на них. Индейцы быстро пришли в себя и достойно отразили нападение, хотя при этом погибло много воинов, но все же шестерым бандитам удалось сбежать. Разъяренные краснокожие неотступно шли за ними по пятам. Четверо были убиты еще вчера, а двум предводителям — Ноксу и Хилтону — на украденных конях удалось скрыться от мстительных юта.

Обо всем этом они и говорили, пока приближались к лесу.

Обнаружив «индейскую тропу», оба двинулись вперед. На поляну конокрады вышли как раз в тот момент, когда закончился словесный

поединок между Джемми и Хромым Френком.

Когда они заметили сидевших людей, оба долго их изучали, но ничего подозрительного не заметили.

— Итак, мы охотники, понятно! — шепнул Нокс Хилтону. — Давай договоримся, что на вопросы отвечать буду я.

Теперь и Олд Шеттерхэнд заметил их. Другие были в шоке, но он, спокойно взяв в руки штуцер, внимательно смотрел на незнакомцев, пока те приближались.

— Добрый день, господа! — бодро приветствовал Нокс четверых вестменов. — Вы позволите нам отдохнуть вместе с вами?

— Каждый честный человек приятен нам, — ответил Олд Шеттерхэнд, окидывая всадников и их лошадей придирчивым взглядом.

— Надеюсь, вы не подумали о нас иначе, — проговорил Хилтон, стараясь не волноваться под острым взглядом охотника.

— Я могу судить о ближнем, только когда познакомлюсь.

— Ну, так позвольте предоставить вам такую возможность!

Соскочив с коней, пришельцы сели у огня. Они действительно были очень голодны и бросали недвусмысленные взгляды на остатки жаркого. Добродушный Джемми пододвинул им несколько кусочков мяса. Двум беглецам второго приглашения не потребовалось, и они тотчас принялись за еду. Пока они ели, вежливость остальных не позволяла задавать вопросы, и некоторое время все пребывали в молчании.

Тем временем другая, ранее упомянутая группа всадников, состоявшая приблизительно из двух сотен индейцев, приближалась к лесу с противоположной стороны. Олд Шеттерхэнд выходил на эту сторону ельника, чтобы осмотреть открытую прерию, но тогда он не мог заметить приближающихся краснокожих, ибо они к тому времени находились за выступающим вперед углом леса. Индейцы отлично знали местность и направлялись прямо к узкой лесной тропе, ведущей к поляне.

Краснокожие находились на тропе войны, о чем говорила яркая боевая раскраска, покрывавшая их лица. Большинство из них были вооружены ружьями, и лишь несколько воинов имели луки и стрелы. Отряд вел огромного роста индеец, который, очевидно, являлся вождем, ибо носил пышный головной убор из раскрашенных орлиных перьев. Возраст воина узнать не представлялось возможным из-за покрывавших все лицо черных, желтых и красных линий. Придержав коня у тропы, он соскочил вниз, чтобы осмотреть округу. Краснокожие, ехавшие следом в первой колонне, остановились, напряженно наблюдая за ним. Один из коней фыркнул, и вождь предостерегающе поднял руку. Владелец животного тут же прикрыл

ноздри зверю ладонью. Вождь, очевидно, заметил что-то подозрительное, а потому требовал идеальной тишины. Медленно, шаг за шагом, низко пригнувшись к земле, он прокрался вдоль тропы и исчез в лесу. Когда потом вождь вернулся, он подошел к передней шеренге своих воинов.

— Один бледнолицый был здесь ровно столько времени назад, сколько потребуется солнцу, чтобы пройти по небу на одну пядь, — тихо произнес он на языке юта, принадлежавших к шошонской ветви сонорской языковой семьи. — Пусть воины юта укроются под деревьями вместе с лошадьми. Овуц-ават пойдет искать бледнолицего.

Вождь юта, которого звали Овуц-ават, что означало «Большой Волк», внешне напоминал гиганта Олд Файерхэнда, но казался выше, шире и даже мощнее охотника. Он бесшумно прокрался обратно в лес, а когда через полчаса вернулся, его людей нигде не было видно. Он тихо свистнул, и тотчас краснокожие появились среди деревьев, оставив там своих коней. Большой Волк подал знак, и рядом с ним выросли фигуры пяти или шести индейцев, являвшихся предводителями маленьких отрядов.

— Шесть бледнолицых разбились под скалой лагерь, — обратился к ним вождь. — Скорее всего это те шестеро, что вчера убежали от нас. Они едят мясо, а коней оставили пастись. Мои братья пойдут со мной до того места, где кончается тропа. Там они разделятся: половина обойдет поляну справа, другая — слева. Мы их окружим, а когда я дам знак, красные воины должны выскочить из укрытия. Белые псы будут так поражены, что не успеют взяться за ружья, мы схватим их и приведем в наше стойбище, чтобы привязать к столбам пыток. Пятеро воинов останутся здесь сторожить коней. Хуг!

Последнее слово означало приблизительно то же, что наше «все» или «довольно». Когда краснокожий говорил «хуг», он считал вопрос исчерпанным и не подлежащим обсуждению.

Краснокожие во главе с вождем осторожно двинулись по лесной тропе, так тихо, что не было слышно ни малейшего шума. Когда они добрались до места, где дорога выходила на прогалину, то быстро рассредоточились с двух сторон, ловко пробираясь сквозь непроходимые заросли, чтобы окружить скалу из больших глыб.

Белые уже закончили ужин. Хромой Френк заткнул свой охотничий нож за пояс и произнес, естественно, на английском:

— Итак, мы подкрепились, кони отдохнули. Теперь пора снова в путь, ибо до ночи должны успеть прибыть на место.

— Ты прав, — согласился Джемми. — Но прежде нужно познакомиться и разобраться, куда мы все направляемся.

— Верно, — подтвердил Нокс. — Позвольте узнать сначала, куда сегодня едете вы?

— Мы направляемся в горы Элк.

— Мы тоже, это чудное совпадение! Значит, можно ехать вместе.

Олд Шеттерхэнд не произнес ни слова, а дал Джемми украдкой знак, чтобы тот продолжал свой опрос, ибо хотел вмешаться в разговор, но чуть позже.

— Меня это устраивает, — сказал Толстяк Ноксу. — Но куда вы двинетесь потом?

— Окончательно еще не решили. Возможно, на Грин-Ривер, поискать бобров.

— Едва ли их там много. Кто хочет найти толстые хвосты, должен идти дальше на север. Так вы, стало быть, охотники на бобров?

— Да. Мое имя Нокс, а моего товарища зовут Хилтон.

— А где вы носите, мистер Нокс, бобровые капканы, без которых вам не видать богатой добычи?

— Их украли у нас в долине реки Сан-Хуан, возможно даже, краснокожие. Надеемся, что встретим какой-нибудь лагерь, где можно купить новые. Так значит, вы не возражаете, если мы присоединимся к вам, пока не достигнем гор Элк?

— Не имею ничего против, если только согласятся мои спутники.

— Прекрасно, мистер! А как вас зовут?

— Меня называют Джемми, Толстяком Джемми. Мой сосед справа...

— Вероятно, Длинный Дэви?! — опередил Нокс.

— Да. Вы догадались?

— Естественно! Все знают, что там, где Толстяк Джемми, не надо долго искать Дэви. А этот маленький мистер, что сидит от вас по левую руку?

— Его прозвали Хромым Френком. Чудный парень! Вы еще о нем услышите.

Френк смерил говорившего горящим и благодарным взглядом, а Толстяк продолжал:

— Последнее имя, которое вы сейчас узнаете, во много раз известнее, чем мое. Я думаю, все вы слышали об Олд Шеттерхэнде?

— Олд Шеттерхэнд?! — вырвалось у Нокса. — В самом деле? Это правда, сэр? Вы — Олд Шеттерхэнд? Позвольте мне познакомиться с вами, сэр!

С этими словами Нокс подал охотнику руку и бросил на Хилтона многозначительный взгляд, давая понять, что теперь они в полной

безопасности.

Олд Шеттерхэнд, однако, не прикоснулся к протянутой руке и сухо произнес:

— Вы действительно рады? Жаль, но я не разделяю вашей радости.

— Но почему, сэр?

— Вы из тех людей, которым вряд ли кто будет рад.

— Как это понимать? — спросил Нокс, смущенный таким поворотом дела.

— Я говорю серьезно. Вы оба лжецы, хоть ваш приятель и рта не открыл, а возможно, здесь кроется что-то большее.

— Ого! И вы думаете, что мы спокойно стерпим подобное оскорбление?

— Да, я так думаю, а вы думаете иначе?

— Но вы же не знаете нас?!

— Нет, это не было бы для меня большой честью.

— Сэр, вы очень нелюбезны. Докажите, что мы мошенники!

— Почему бы и нет? — равнодушно заметил Олд Шеттерхэнд. — Не трудитесь напрасно и ради Бога не считайте Олд Шеттерхэнда болваном, которому можно выдать койота за бизона. Как только вы сюда явились, я уже знал, кто вы и что вы. Значит, ваши капканы остались в долине Сан-Хуана? Когда это случилось?

— Четыре дня назад.

— Так вы идете, стало быть, прямо оттуда?

— Да.

— Значит, вы пришли с юга? Но это чистая ложь! Вы появились здесь тотчас после нас, и мы должны были видеть вас в открытой прерии. Но к северу, однако, ельник имеет большой выступ. За этой узкой полоской леса вы и находились, когда я последний раз, перед тем как свернуть на тропу, сделал обзор.

— Но, сэр, я сказал правду...

— А где ваши седла?

— Их тоже украли! — с готовностью ответил Нокс.

— И сбрую?

— Все вместе.

— Эй, вы все же считаете меня глупцом? — презрительно улыбнулся Олд Шеттерхэнд. — Вашу сбрую и седла вы тоже клали в воду, когда ставили в нее капканы, охотясь на бобров? И там они пропали? Разве охотник снимает с коня узду? И откуда у вас индейские недоуздки?

— Мы выторговали их у одного краснокожего.

— Может быть, и коней тоже?

— Нет, — произнес Нокс, чувствуя, что обман скрыть невозможно, а если продолжать и дальше в том же духе, то можно нарваться на неприятности.

— Разве индейцы юта торгуют недоузками? Я об этом не слышал. Так откуда у вас лошади?

— Мы их купили в Форт-Додже.

— Так далеко отсюда? Бьюсь об заклад, что эти животные в последние недели отдыхали на пастбище. Конь, который принес бы сюда всадника из Форт-Доджа, выглядел бы иначе. А как получилось, что они не подкованы?

— Об этом можете спросить торговца, у которого их купили.

— Вздор! Торговец! Эти животные украдены!

— Сэр! — не выдержал Нокс и схватился за нож. Хилтон тоже положил руку на пояс.

— Оставьте клинок в покое, иначе крепко пожалеете! — твердо произнес Олд Шеттерхэнд. — Вы думаете, я не вижу, что у коней индейская выучка?

— Откуда вы можете это знать? Вы не видели нас верхом!

— Но я вижу, что они сторонятся наших лошадей и держатся вместе. Эти животные украдены у индейцев юта, а вы из той банды, которая напала на них.

Нокс растерялся, он уже не находил слов, чтобы что-то возразить на пронизательность Олд Шеттерхэнда. С ним начало происходить то, что обычно случается в таких случаях с подобными людьми — он стал искать опору в грубости.

— Сэр, я слышал о вас много и считал вас совершенно другим человеком, — начал он. — Вы будто бредите! Кто утверждает подобное, попросту спятил! Наши лошади — и индейская выучка! Можно умереть от смеха, если бы все это не было так серьезно. Я понимаю, что мы не подходим друг другу и теперь должны расстаться, ибо у меня нет никакого желания выслушивать ваши фантазии!

Он поднялся, и Хилтон тоже. Но Олд Шеттерхэнд положил ему руку на плечо и спокойно, но очень твердо сказал:

— Вы останетесь.

— Что? Остаться? Или вы приказываете мне?

— Вы угадали. Я должен доставить вас юта.

— О! Даже так? Это не меньший вздор, чем индейская выучка!

Он сказал это насмешливо, но его губы дрожали, и было видно, что ему с трудом удается владеть собой.

— Но и то и другое — непреложные истины, — ответил охотник. — То, что эти кони принадлежат юта... Дьявольщина, что это?

Говоря о животных, Шеттерхэнд бросил на них свой взгляд и неожиданно заметил нечто такое, что сразу привлекло его внимание. Кони выставили вверх ноздри, завращали головами, втягивая воздух, и вдруг, издав радостное ржанье, помчались к краю поляны.

— Что это?! — повторил вопрос охотника Джемми и сам же ответил: — Индейцы поблизости!

Одним взглядом Олд Шеттерхэнд оценил ситуацию.

— Мы окружены индейцами и, похоже, именно юта, ибо кони почувствовали своих, и теперь краснокожим придется появиться.

— Что будем делать? — спросил Дэви. — Защищаться?

— Сначала покажем им, что ничего общего не имеем с этими бандитами. Сейчас это самое важное!

В ту же секунду тяжелый кулак охотника обрушился на голову Нокса, свалив его на землю. Та же участь постигла и Хилтона, который от неожиданности даже не успел защититься. Оба без сознания лежали у камней.

— А теперь быстро наверх, на скалу! — скомандовал Олд Шеттерхэнд. — Там наше укрытие, и там мы подождем, что будет дальше.

Взобраться на гигантские глыбы было делом нелегким, но в том положении ничего иного не оставалось. Возможностям человека оставалось только удивляться — прячась за уступами и кустами, люди за несколько секунд взобрались наверх, скрылись за выступами одной из площадок и распластались на ней. С того мига, когда заволновались индейские кони, до настоящего момента прошло не более минуты. Вождь юта хотел сразу же дать сигнал к нападению, но, увидев, что один из белых свалил на землю двух других, не смог объяснить себе такое поведение и задумался. Того времени, пока думал вождь, как раз хватило, чтобы белые беспрепятственно забрались на скалу.

Теперь Большой Волк решал, что ему делать дальше. Захватить белых врасплох ему не удалось. Последние спрятались наверху и имели более выгодное положение, ибо вести по ним прицельный огонь краснокожие не могли, а вот вестмены хорошо просматривали окрестности и имели возможность стрелять в разных направлениях. Две сотни воинов против четырех или шести бледнолицых! Победа казалась очевидной. Но как ее добиться? Штурмовать скалу? При этом погибнут много воинов. Краснокожий храбр и мужествен, но если он может добиться своей цели хитростью, не подвергая себя опасности, ему не взбрдет в голову ставить

на карту свою жизнь. В данной ситуации вождь поступил мудро, ибо он собрал вокруг своих предводителей, чтобы держать совет.

Результаты этого совета очень скоро оказались налицо, а точнее, были услышаны. С края поляны раздался громкий голос. Прогалина была не более пятидесяти шагов в диаметре. Расстояние между скалой и тем местом, откуда раздался голос, равнялось половине, а стало быть, двадцати пяти шагам, и можно было слышать каждое слово. Говорил сам вождь, стоявший у дерева:

— Бледнолицые окружены многими краснокожими! Пусть они сойдут вниз!

Не получив ответа, Большой Волк повторил свое воззвание еще два раза. Снова не услышав ответа, вождь прокричал:

— Если белые не подчинятся, они погибнут!

Теперь раздался голос Олд Шеттерхэнда:

— Что мы сделали краснокожим воинам, что они окружили нас и почему они хотят напасть?

— Вы — псы, убившие наших людей и укравшие лошадей!

— Это ложь! Только двое из тех мерзавцев здесь. Они встретились с нами недавно, а когда мы узнали, что они враги народа юта, я свалил их на землю. Они не умерли и скоро очнутся. Если хотите их взять с собой, то забирайте.

— Ты хочешь заманить нас к скале, чтобы убить! — Нет! Кто ты? Как твое имя?

— Я Овуц-ават, вождь юта, — гордо ответил Большой Волк.

— Я знаю тебя. Большой Волк силен телом и духом! Он — вождь ямпа-юта, которые смелы и справедливы и не мстят невиновным!

— Ты говоришь как баба! Ты плачешь о своей жизни и называешь себя невиновным из страха перед смертью! Я презираю тебя! Как звучит твое имя? Оно будет кличкой старого слепого пса!

— Может, Большой Волк слеп сам? Он не видит наших коней! Разве они принадлежат юта? Среди них есть мул! Может, он тоже украден у вас? Как может Большой Волк считать нас конокрадами? Пусть он взглянет на моего вороного жеребца. Разве у юта было такое животное?! Он из мустангов тех кровей, которых выращивают только для рода Виннету, знаменитого вождя апачей-мескалерос и его друзей! Пусть юта услышат имя пса! Бледнолицые называют меня Олд Шеттерхэндом, а на языке юта мое имя звучит как Покай-му, Убивающая Рука.

Вождь ответил не сразу. Наступила тишина, которая свидетельствовала о том, что имя охотника возымело действие. Через минуту снова

послышался голос Большого Волка:

— Бледнолицый выдает себя за Олд Шеттерхэнда, но это обман! Он знает, что имя большого охотника уважают краснокожие, и потому назвался им, чтобы избежать смерти! Олд Шеттерхэнд не знает страха, а у тебя не хватает смелости показаться нам.

— А почему скрываются воины и вождь юта, когда перед ними только четверо бледнолицых? Кто же больше испугался, они или я? Впрочем, придется доказать тебе, вождь, что мы не боимся твоих краснокожих. Вы увидите меня!

Выйдя из укрытия, охотник поднялся на самую высокую точку скалы и огляделся. Он стоял там свободно и легко, словно поблизости не существовало ни одного ружья, из которого его могли поразить пулей.

— Инг Покай-му, инг Покай-му, хуг! ⁴² — раздалось сразу несколько голосов.

Скорее всего среди юта были те, кто его видел раньше. Вестмен, продолжая бесстрастно взирать на лес сверху вниз, снова обратился к вождю:

— Ты слышал свидетельства своих воинов? Теперь ты веришь, что перед тобой Олд Шеттерхэнд?

— Верю. Твоя отвага велика, но наши пули летят дальше, чем ты стоишь. Они могут убить тебя!

— Но вы этого не сделаете, ибо юта — храбрые воины, а не убийцы! А если они убьют меня, то дорого заплатят!

— Мы не боимся мести! — гордо ответил Большой Волк.

— Но она настигнет вас независимо от того, боитесь вы или нет. Я исполнил желание Большого Волка и появился, но почему он до сих пор стоит и прячется в укрытии? Или он боится, что я подлый убийца, который хочет отнять его жизнь?

— Вождь юта так не думает. Он знает, что Олд Шеттерхэнд берет за оружие только тогда, когда подвергается нападению, а потому покажется бледнолицему.

Вождь вышел из-за деревьев, и его мощная атлетическая фигура предстала во всем своем великолепии.

— Теперь Олд Шеттерхэнд доволен? — спросил он.

— Нет! Я бы хотел поговорить с тобой где-нибудь поблизости, чтобы узнать, что вам нужно. Подойди ближе на полпути, а я спущусь со скалы и стану напротив тебя. Потом мы сядем, как пристало достойным воинам и вождям, чтобы посоветоваться.

— Может быть, ты подойдешь к нам сам?

— Нет. Мы проявим взаимное уважение, если выйдем навстречу друг другу.

— Если я сяду с тобой на открытом месте, то окажусь без защиты под выстрелами твоих людей.

— Я даю тебе слово, что они ничего не сделают. Они будут стрелять, если краснокожие воины первыми выпустят пулю, но тогда и тебя ждет смерть.

— Если Олд Шеттерхэнд дает слово, ему можно верить, ибо его слово свято, как самая высокая клятва! Я приду. Какое оружие возьмет с собой великий белый охотник?

— Я отложу мое оружие и оставлю его здесь. Ты же можешь делать то, что пожелаешь.

— Большой Волк не покроет себя позором! Спускайся вниз!

Вождь положил оружие в траву там, где стоял, и стал ждать Олд Шеттерхэнда.

— Вы рискуете многим! — предостерег охотника Джемми. — Вы действительно уверены, что стоит это делать?

— Да. Если бы вождь юта сейчас скрылся в лесу, чтобы дать распоряжение своим людям, или подал бы им какой-нибудь знак, он мог бы вызвать подозрение. Но он этого не сделал, и я могу доверять ему.

— А что тем временем будем делать мы?

— Ничего. Лежите, чтобы вас не было видно, держите вождя на мушке, но осторожно. Стреляйте только в том случае, если он нападет на меня.

После этих слов вестмен спустился вниз, затем оба противника медленно направились друг к другу. Когда они приблизились, Олд Шеттерхэнд протянул вождю руку:

— Я никогда прежде не видел Большого Волка, но часто слышал, что он храбрейший в бою и мудрейший в совете. Я рад, что теперь увидел его и могу приветствовать его как друга.

Индеец игнорировал приветствие и не подал руки белому. Смерив фигуру и лицо охотника испытующим взглядом, он произнес:

— Сядем! Воинов юта вынудили вырыть топор войны против бледнолицых, поэтому нет ни одного белого, которого я приветствовал бы как друга.

Большой Волк сел, Олд Шеттерхэнд — напротив него.

Огонь тем временем погас. Нокс и Хилтон, которые лежали около пепелища, до сих пор не очнулись, а может быть, были даже мертвы. Мустанг Олд Шеттерхэнда почувствовал индейцев еще до того, как

раздался голос вождя, и, фыркая, направился за скалу. Старый мул Дэви также имел хороший нюх и пошел следом. Кони Френка и Джемми тоже правильно поняли, после чего все звери стали, почти прижавшись к скале, и всем своим поведением показывали, что полностью осознают опасность, которая нависла над их хозяевами.

А тем временем казалось, что ни один из сидевших не хочет первым начинать разговор. Олд Шеттерхэнд выжидал и пребывал в безразличном состоянии, словно ничто ему не угрожало. Краснокожий, однако, продолжал осматривать белого. Толстый слой краски, скрывающий черты лица вождя, не позволял видеть истинное его выражение, но уголки широкого рта, слегка опущенные вниз, говорили о том, что представления краснокожего об охотнике не соответствовали внешнему виду последнего. Это почувствовалось и в его словах, когда индеец с иронией заметил:

— Слава Олд Шеттерхэнда велика, но его фигура все же не доросла до нее!

Сила вестмена превосходила обычные человеческие возможности, но внешне он не выглядел гигантом, а в воображении индейца жил настоящий великан. Охотник с улыбкой ответил:

— Что может быть общего между фигурой и славой? Тогда и вождю юта можно ответить так: тело Большого Волка велико, но его слава пока не соизмерима с ним!

— Это уже было бы оскорблением, — вождь гневно блеснул очами. — За это ты мог бы поплатиться, если бы я дал приказ своим воинам!

— А почему же ты позволяешь себе такое по отношению ко мне? Конечно, твои слова не могут оскорбить Олд Шеттерхэнда, но от них исходит неуважение, которое я не должен терпеть! Я такой же вождь, как и ты, а потому буду разговаривать с тобой учтиво, чего и от тебя требую. Я должен предупредить тебя об этом перед нашим разговором, иначе он не достигнет цели.

Охотник был просто обязан ради себя и своих спутников преподать краснокожему подобный урок. Чем смелее он держался, тем больше импонировал индейцу, от которого сейчас зависела судьба вестмена и его друзей.

— Цель, которую мы должны достичь — ваша смерть! — повысил голос Большой Волк.

— Это было бы убийством, ведь мы не сделали вам зла!

— Ты вместе с убийцами, которых мы преследуем! Ты ехал с ними!

— Нет. Пошли одного из своих воинов, пусть он осмотрит наши следы. Очень скоро ты узнаешь, что эти двое пришли позже и наткнулись

на нас.

— Это ничего не меняет! Бледнолицые напали на индейцев во время мира, украли их коней и убили много их воинов. Наш гнев был велик, но не меньшим было и терпение. Мы выслали мудрых воинов, чтобы они договорились с белыми покарать виновных и возместить ущерб, как положено по договору, но их осмеяли и выгнали. Именно поэтому мы вырыли топор войны и поклялись, что, пока не отомстим, каждый белый, попавший в наши руки, будет убит! Мы должны выполнить нашу клятву, ведь ты бледнолицый!

— Но мы невиновны.

— А мои воины, которых убили, разве они были виноваты? Ты хочешь, чтобы мы были милосерднее, чем наши убийцы?

— Я скорблю вместе с вами над тем, что произошло. Большой Волк должен знать, что я друг всех краснокожих.

— Я знаю об этом, но, несмотря на это, и ты должен умереть. Когда лживые белые, выгнавшие наших послов, узнают, что своим поступком они обрекли на смерть невиновных и даже Олд Шеттерхэнда, это будет для них уроком, и в будущем они станут мудрее и благоразумнее!

Слова прозвучали с угрозой. Индеец, произносивший их, рассуждал вполне логично. Несмотря на это, Олд Шеттерхэнд ответил:

— Большой Волк думает только о своей клятве, но не о ее последствиях. Если нас убьют, то по горам и прериям пролетит клич гнева и возмущения, и тысячи бледнолицых выступят против юта, чтобы отомстить за нашу смерть. Эта месть будет еще страшнее, когда все узнают, что мы являлись друзьями краснокожих.

— Вы? Ты говоришь не только о себе? Ты говоришь и о своих спутниках? Кто эти бледнолицые?

— Одного называют Хромой Френк, возможно, ты его не знаешь. Но имена двух других слышал неоднократно — Толстяк Джемми и Длинный Дэви.

— Я знаю их. Эти двое никогда не разлучаются, и я не слышал, чтобы они были врагами индейцев. Но именно их смерть и убедит злых и несправедливых вождей белых, прогнавших наших посланцев. Ваша смерть предрешена, но вы умрете с почетом! Вы храбрые люди и потому погибнете как настоящие воины — в страшных муках! Вы будете терпеть, не имея права даже вздрогнуть, а когда отправитесь в Страну Вечной Охоты, весть о вашем мужестве разойдется по всем землям! Ваша слава станет еще больше, а ваши души будут жить в почете! Я думаю, ты оценишь наше великодушие и будешь благодарен!

Олд Шеттерхэнд отнюдь не был восхищен сделанными ему предложениями, однако виду не подал и ответил:

— Твои намерения очень добры, но те, кто придут отомстить, не будут так благодарны!

— Я презираю их! Пусть приходят! Овуц-ават не имеет обычая считать своих врагов, даже если их очень много. А знаешь ли ты, сколько соберется вскоре наших воинов? Сюда стекутся уивер ⁴³, юинта, ямпа, сампичи, па-вант, виминучи, элки, капоте, паи, таши, муачи и табеквачи. Все эти племена принадлежат к корню юта, они разобьют бледнолицых!

— Тогда иди на восток и сосчитай белых! А какие предводители будут возглавлять их! Эти люди стоят многих, многих воинов юта.

— Кто они?

— Назову лишь одного — Олд Файерхэнд!

— Он герой и подобен гризли среди бледнолицых псов прерий, — согласился вождь, — но такой воин один, другого такого ты не сможешь назвать!

— О, много, много воинов могу я еще назвать, но упомяну лишь Виннету, которого ты знаешь.

— Кто его не знает! Но если бы он оказался здесь, то тоже должен был бы умереть! Он наш враг!

— Нет, он может отдать жизнь за любого из своих красных братьев.

— Молчи! Он вождь апачей! Белые чувствуют себя слабее, поэтому они настраивают против нас навахов.

— Ты уже знаешь об этом?

— Глаза Большого Волка быстры, а от его ушей не ускользнет даже шорох. Разве навахи не принадлежат к ветви апачей? Разве теперь Виннету не наш враг? Плохо ему будет, если он попадет нам в руки!

— Плохо будет и вам! Я предупреждаю тебя! Против себя вы настроите не только белых, но также много тысяч воинов мескалерос, льянерос, хикарилья, тараконы, навахи, чиригуами, пиланехи, липаны, копперы, хила и мимбренхи, которые все принадлежат к корню апачей. Если они выступят против вас, белым не потребуются сражаться с вами, они лишь спокойно будут наблюдать, как юта и апачи станут убивать друг друга. Неужели мудрый Волк хочет доставить своим врагам такую радость?

Вождь взглянул перед собой и после некоторой паузы ответил:

— Ты говоришь истину, но бледнолицые теснят нас со всех сторон. Скоро они будут везде, и краснокожий человек примет мученическую и медленную смерть от удущья! Разве не лучше в таком положении сражаться и погибнуть в бою, чем ждать смерти? Будущее, которое ты

обрисовал, не может меня сдержать! Оно лишь убеждает в том, что топор войны должен быть вырыт без пощады! Не утруждай себя — все будет так, как я сказал.

— Ты о столбе пыток?

— Да.

— Хорошо, значит, вы убьете нас только тогда, когда мы попадем к вам в руки. Но пока этого не произошло.

— А может, ты надеешься, что тебе удастся уйти? Ты знаешь, сколько воинов здесь со мной? Их два раза по сто!

— И только? Это не то число, с которым можно победить нас. Каждый из моих спутников уложит по меньшей мере двадцать твоих воинов, а я отправлю в Страну Вечной Охоты более полусотни, прежде чем окажусь в ваших руках!

Это было сказано с такой уверенностью, что вождь с удивлением поднял на белого глаза. Потом он хрипло засмеялся и произнес, сделав пренебрежительный жест рукой:

— Твои мысли спутались. Ты смелый охотник, но как сможешь ты один убить пятьдесят воинов?

— Ты разве не знаешь, каким оружием я владею?

— Я слышал, что у тебя есть карабин, из которого можно долго стрелять, не перезаряжая его. Но я не верю в это.

— Ты хочешь убедиться? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Да! Покажи! — изрек вождь, вздрогнувший от мысли воочию увидеть знаменитый штуцер, о котором ходило столько легенд.

— Тогда мне нужно встать и принести оружие.

Поднявшись, охотник подошел к скале. В данной ситуации необходимо было ошеломить краснокожих, чтобы они отказались от решительных действий. Для этой цели как нельзя лучше подходил многозарядный штуцер — «генри». Индейцы называли его Волшебным ружьем, которое дал вестмену сам Великий Маниту, чтобы сделать непобедимым. Джемми бросил штуцер со скалы вниз Олд Шеттерхэнду, который поймал его одной рукой и вернулся к вождю. Протянув ему оружие, охотник произнес:

— Вот ружье, возьми и посмотри его!

Краснокожий уже протянул руку, но что-то заставило его ее отдернуть.

— Разве кто-нибудь может касаться его, кроме тебя? — спросил он. — Если это действительно Волшебное ружье, то каждому, кому оно не принадлежит, должна грозить опасность!

Олд Шеттерхэнд должен был воспользоваться этими словами и

извлечь из них пользу. Если ему предстояло покориться краснокожим вместе со своими спутниками, то уж, во всяком случае, надо было попытаться оставить при себе оружие, по крайней мере, его многозарядный штуцер. Впрямую обманывать вождя Олд Шеттерхэнд не хотел и потому ответил:

— Я не имею права выдавать тайну. Возьми и попробуй сам!

Сжимая штуцер в правой руке, охотник положил большой палец на затвор так, чтобы при любом легком, едва заметном движении рука задевала спусковой крючок и мог быть произведен выстрел. Острый взгляд Шеттерхэнда заметил нескольких краснокожих, которые из любопытства оставили свое укрытие и столпились на краю прогалины. Эта группа теперь являлась хорошей мишенью, и пуля, вылетевшая случайно из ствола, могла попасть в одного из них.

Итак, все зависело от того, возьмется ли вождь за ружье. Большому Волку менее любого из его воинов были свойственны предрассудки, но все же он не очень доверял охотнику и его непонятному оружию. Взять или не взять? Этот вопрос стоял в его жаждущих прикоснуться к ружью глазах. Олд Шеттерхэнд взялся за штуцер обеими руками и протянул его вождю. Ствол был направлен точно в сторону группы индейцев. Любопытство вождя взяло верх над осторожностью, и он взялся за оружие. В тот же миг грохнул выстрел, а со стороны индейцев раздался крик. Большой Волк в растерянности выронил штуцер. Один из его воинов был ранен.

— Это я его ранил? — растерянно спросил вождь.

— А кто же? — ответил Олд Шеттерхэнд. — Это предупреждение. Твой воин легко задет пулей, которая полетела дальше, но при втором прикосновении все может закончиться серьезней. Я позволю тебе взять оружие повторно, но берегись — теперь пуля...

— Нет, нет! — отшатнулся Большой Волк. — Это действительно Волшебное ружье, и оно принадлежит тебе!

— Очень мудро с твоей стороны, — заметил Олд Шеттерхэнд серьезным тоном. — Ты получил лишь маленький урок, но сейчас будет кое-что другое. Видишь молоденький клен там, у ручья? Его ствол толщиной в два пальца. Я сделаю в нем десять отверстий, которые окажутся на расстоянии твоего большого пальца друг от друга.

Охотник поднял штуцер, прицелился и десять раз без пауз нажал на спусковой крючок.

— Иди и посмотри! — изрек он. — Волшебное ружье может выстрелить еще много раз, но я думаю, этого достаточно, чтобы показать тебе, что за одну минуту я уложу пятьдесят твоих воинов!

Вождь подошел к деревцу, а Олд Шеттерхэнд наблюдал, как индеец мерил расстояние между отверстиями большим пальцем. Несколько краснокожих, гонимые любопытством, вышли из укрытий и подошли к вождю. Олд Шеттерхэнд воспользовался моментом и быстро вложил новые патроны в бешено вращающийся барабан.

— Уфф! Уфф! Уфф! — донеслось с края поляны.

Если для индейцев было настоящим чудом то, что штуцер делает столько выстрелов без перезарядки, то их удивление возросло еще больше, когда они увидели, что не только ни одна пуля не пролетела мимо цели, а все они пробили ствол на расстоянии одного большого пальца одна над другой. Вождь вернулся, снова сел и дал знак охотнику, чтобы тот последовал его примеру. Через минуту молчания Большой Волк, не поднимая глаз, произнес:

— Я вижу, что Великий Дух покровительствует тебе. Я слышал о твоём ружье, но не мог в это поверить. Теперь я знаю, что это правда.

— Так будь осторожен и хорошо подумай, прежде чем что-либо предпринять. Ты хочешь схватить и убить нас? Попробуй! Я не имею ничего против. Только когда будешь считать воинов, упавших под моими пулями, придумай что-нибудь, чтобы ответить на жалобные крики женщин и детей. Но винить за это ты будешь не меня, а себя!

— Ты думаешь, что мы дадим вам выстрелить? Вы сдадитесь нам без единого выстрела. Вы окружены, и вам скоро нечего будет есть. Мы останемся здесь настолько, насколько потребуется, пока голод не заставит вас сложить оружие!

— Ждать придется долго. Воды для питья и мяса для еды у нас пока хватит. В крайнем случае, здесь стоят четыре наших лошади, которые смогут поддержать нас не одну неделю. Но до этого не дойдет, ибо мы пробьемся. Я пойду впереди, буду посылать пулю за пулей, а у меня в них недостатка нет. Что из этого получится, ты уже видел.

— Нас скроют деревья!

— Думаешь, что они спасут вас от Волшебного ружья? Раскрой глаза, Большой Волк! Ты был бы первым, в кого попала бы пуля. Я друг красных людей и буду очень сожалеть, если мне придется стрелять в вас. В твоих вигвамах уже теперь оплакивают тяжелую утрату, а когда развяжется битва с солдатами и навахами, погибнет еще больше ваших воинов. Я не хочу поэтому, чтобы ты принуждал нас, ваших друзей, сеять смерть в ваших рядах.

Серьезные мысли охотника дошли до сердца вождя. Он долго смотрел перед собой, застыв подобно монументу.

Гордо подняв голову, он почти сожалеющим тоном сказал:

— Если бы мы не поклялись, что убьем любого бледнолицего, то, возможно, позволили бы вам уйти. Но мы должны исполнить клятву!

— Нет! — твердо произнес Олд Шеттерхэнд. — Клятву можно отменить по вашим законам!

— Но только если позволит большой совет! Но я здесь единственный вождь, и мне не с кем советоваться!

Это была маленькая и трудная победа вестмена, поскольку вождь уже не требовал только смерти белых. Раз Большой Волк заговорил о совете, значит, самая большая опасность миновала. Охотник достиг определенного успеха и знал, что теперь ни в коем случае нельзя было сдавать позиций. Олд Шеттерхэнд хорошо знал обычаи краснокожих, поэтому он молчал, ожидая, что скажет вождь юта.

Тот медленно и внимательно оглядел поляну. Он, конечно, понимал, что схватить четверых бледнолицых, не подвергаясь при этом опасности получить пулю из штуцера Шеттерхэнда, было очень трудно. Но вождю тяжело было смириться с тем, что двести человек должны пойти на уступки четверем. И только потом, когда эти размышления слишком затянулись, Олд Шеттерхэнд нарушил молчание:

— Вождь юта теперь слышал все, что я мог ему сказать. Мне нечего больше добавить, и я возвращаюсь к своим друзьям. Пусть он делает, что его душе угодно.

— Подожди! — тотчас подал голос Большой Волк. — Вы посчитаете нас трусами, если мы не станем с вами бороться у скалы?

— Нет. Хороший вождь не только смел и отважен, он еще умен и осторожен! Ни один предводитель не станет жертвовать своими без пользы. Каждый знает, что Большой Волк храбрый воин, но если ты здесь положишь половину своих людей, чтобы захватить всего лишь четверых белых, у любого костра будут говорить, что ты поступил глупо и больше не станешь водить в бой своих воинов! Не забывай, что белые и навахи уже в пути и тебе надо беречь своих людей.

— Ты прав, — ответил краснокожий, тяжело вздохнув. — Но я сам не могу нарушить клятвы. Это мне может позволить только собрание старейшин. Поэтому вы пойдете с нами как пленники, чтобы потом выслушать решение совета!

— А если мы откажемся это сделать?

— Тогда нам придется начать борьбу, и мы не пожалеем пуль, чтобы заставить вас подчиниться!

— Ни одна из них не попадет в цель. В скалах легко можно укрыться,

мы сможем сверху целиться в любое место, и наши пули будут точнее.

— Тогда мы дождемся ночи, подкрадемся к скале и натаскаем хвороста, а потом запалим костер. Еще до восхода солнца вам придется решать, сдаваться или погибнуть!

Он сказал это очень уверенно, но Олд Шеттерхэнд с улыбкой ответил:

— Это не так легко, как кажется. Как только стемнеет, мы спустимся со скалы и ляжем вокруг нее. Горе тому краснокожему, кто рискнет приблизиться к нам. Ты сам видишь, что у нас все преимущества, но я друг краснокожих людей и не хочу убивать ни одного из них, а потому я отказываюсь от всех преимуществ. Мы друзья и должны ими остаться. Сейчас я должен переговорить со своими спутниками. Но один вопрос — какие условия ты выдвигаешь? Пленником может быть лишь тот, кто пойман. Если вы хотите нас схватить — попробуйте, не имею ничего против, но это значит — борьба! А мне кажется, что и ты хотел бы избежать ее!

— Уфф! — поспешил откликнуться вождь. — Твои слова звучат точно как твои пули! Олд Шеттерхэнд не только герой сражений, но и мастер речей.

— Я пекусь не только о своей выгоде, но и о твоей. Зачем нам быть врагами? Вы вырыли топор войны против солдат и навахов, а стало быть, в такой ситуации лучше держать Олд Шеттерхэнда своим союзником, чем врагом, не так ли?

Вождь был достаточно умен, чтобы понять, что охотник был прав, но опять же его по рукам и ногам связывала клятва.

— Пока нет совета, — заключил он, — я вынужден считать вас врагами, и если ты не согласен, значит, будем разговаривать языком оружия!

— Я согласен, но должен переговорить с друзьями, и надеюсь, они согласятся ехать с вами в деревню, но не как враги!

— Значит, вы не отдадите оружие и не позволите нам связать вас?

— Ни в коем случае!

— Уфф! Тогда я скажу последнее — если ты не согласишься на условия, мы никуда не поедem, несмотря на твое Волшебное ружье! Но мы не будем забирать ваше оружие, ваших коней и связывать вас. Мы поступим с вами так, как если бы жили в мире, но вы должны обещать, что подчинитесь решению совета, каким бы оно ни было. Я сказал! Хуг!

Последнее слово говорило о том, что больше вождь не уступит. Олд Шеттерхэнд, в общем, был удовлетворен результатом переговоров. Он отлично понимал, что если бы индейцы действительно начали атаку, никто

из белых живым бы не ушел. Ведь было просто чудо, что они отступили перед Волшебным ружьем, благодаря которому белые достигли всего, чего только можно было достичь в данной ситуации. Во всяком случае, страх перед Волшебным ружьем мог повлиять также и на решение собрания старейшин.

— Большой Волк узнает, что я его друг! Теперь мне не надо советоваться с моими друзьями. Я даю вождю слово и слово моих спутников — мы беспрекословно подчинимся решению!

— Тогда возьми свой калюме и поклянись, что сделаешь так.

Олд Шеттерхэнд отвязал шнур с трубкой мира, наполнил ее чашечку щепоткой табака из походной сумы и зажег трубку с помощью панкса. Выпустив дым вверх, вниз и в четыре стороны света, он сказал:

— Обещаю, что мы не будем думать ни о каком сопротивлении.

— Хау! — закончил вождь. — Да будет так.

— Нет! Теперь и ты должен подтвердить свои слова, — возразил Олд Шеттерхэнд и подал трубку вождю.

Тот в душе надеялся, что охотник не поступит подобным образом. Тогда он не был бы связан обещанием и мог бы вершить над белыми суд, как только они сойдут со скалы. Но теперь Большой Волк не имел права противиться, он взял трубку, проделал с дымом то же, что и охотник, и изрек:

— Четверо бледнолицых будут неприкосновенны, пока совет старейшин не решит их судьбу. Хуг!

Отдав трубку Олд Шеттерхэнду, вождь подошел к Ноксу и Хилтону, которые лежали в том же положении, что и прежде.

— К этим мое обещание не относится, — сурово заметил Большой Волк. — Они убийцы, которые украли наших лошадей. Их наказание будет суровым! Их счастье, если твоя рука забрала их души. Кажется, они убиты.

— Нет, — ответил Олд Шеттерхэнд, от острых глаз которого во время переговоров не ускользнуло, что оба проходимца шевельнули головами, — они не убиты, а притворяются мертвыми, ибо думают, что мы оставим их здесь.

— Пусть эти псы поднимутся, иначе я затопчу их ногами! — прогремел голос вождя, который несколько раз пнул каждого так, что тем ничего не оставалось, как подняться. Их страх был так велик, что они даже и не думали о бегстве или о защите.

— Они ускользнули сегодня от моих воинов, но теперь Великий Маниту отдал бледнолицых убийц в мои руки, чтобы заставить их выть у столба пыток! Их услышат все бледнолицые, живущие в горах!

Оба белых очень хорошо понимали слова вождя, ибо тот прилично разговаривал по-английски.

— Убийц?! — пробормотал Нокс, пытаясь снова уйти от ответа с помощью лжи. — Кого же мы убили?

— Молчи, собака! О том, что вы сделали, знаю я, знают эти бледнолицые, которые вместе с вами попали в наши руки.

Нокс был пройдохой и, видя, что Олд Шеттерхэнд стоит рядом с вождем целый и невредимый, знал, что индейцы не посмеют просто так схватить знаменитого вестмена. Кто попадал под его опеку, определенно имел шанс остаться в живых. Потому он прибегнул к единственному возможному пути, чтобы спасти себя. Олд Шеттерхэнд был белым, неужели он не заступится за белых среди краснокожих?! Приблизительно так мыслил Нокс и поэтому ответил:

— Конечно же, они знают, поскольку мы все время ехали вместе с ними. Спросите Олд Шеттерхэнда, и вы поймете, что мы не те, за кого вы нас принимаете.

— Вы ошибаетесь, — возразил вестмен. — Я не буду лгать для того, чтобы спасти ваши шкуры от заслуженного возмездия и вместе с тем навлекать тень подозрения на моих друзей. Что я о вас думаю, вы знаете, и мнения своего не изменил.

Сказав это, охотник демонстративно отвернулся.

— Но, сэр, — забормотал Нокс. — Речь идет о наших жизнях!

— Да, но сначала речь шла об убитых вами!

— Дьявол! Если у вас нет желания помочь нам, так пропадайте же вместе с нами! — повернувшись к вождю, Нокс продолжил: — Почему ты не прикажешь связать и этих четырех? Они тоже принимали участие в похищении лошадей и от их пуль пало много твоих воинов!

Но все это оказалось бесполезным. Олд Шеттерхэнд хотел было броситься на бесстыдного лжеца, но передумал и сдержал себя. Глаза вождя блеснули подобно молнии:

— Трус! У тебя нет смелости искупить вину, и ты перекладываешь ее на тех, перед кем вы просто смрадные жабы! Своей трусостью ты подписал свой приговор, теперь ты не будешь визжать у столба пыток, а искупишь свою вину здесь. Я заберу твой скальп, но ты останешься жив и увидишь его на моем поясе. Нани вич, нани вич!

Эти слова на языке юта означали «мой нож, мой нож». Вождь прокричал их стоящим на краю поляны воинам.

— Ради всего святого! — вырвалось у Нокса. — Быть оскальпированным при жизни! Нет, нет!

Рванувшись в сторону, бандит хотел бежать, но вождь юта тотчас прыгнул следом, схватил его за шею и сдавил горло. Нокс почти повис на могучей руке, как тряпка. Один из индейцев подскочил и подал вождю нож. Большой Волк взял его, потом одним махом свалил полузадушенного на землю, встал над ним на колени. Три глубоких надреза, рывок за волосы, страшный крик лежавшего — и вождь поднялся, держа в левой руке окровавленный скальп. Нокс не двигался, ибо снова потерял сознание. Его голова имела ужасный вид.

— Так будет с каждым псом, который убивает краснокожих людей, а потом сваливает все на невиновных! — заключил Большой Волк, заткнув скальп за пояс.

Хилтон, наблюдавший за всем, что произошло, в ужасе не мог и пошевелиться. Он медленно опустился на землю рядом с оскальпированным и сел, не имея возможности даже раскрыть рот. Вождь подал знак своим воинам, и вскоре вся поляна наполнилась краснокожими, а Хилтон и Нокс были крепко связаны.

Пока Большой Волк говорил об оскальпировании, Олд Шеттерхэнд поднялся на скалу, чтобы не быть свидетелем жестокой сцены и рассказать товарищам о результатах переговоров.

— Плохо! — подытожил Джемми. — Значит, о полном освобождении договориться было невозможно? Может, было бы лучше, если бы мы вступили в драку?

— Нет, ни в коем случае! Мы заплатили бы своими жизнями.

— Ого! Разве краснокожие не испытывают поистине животного страха перед вашим штуцером?! Судя по всему, они не отважатся приблизиться к скале.

— Возможно, но они заморили бы нас голодом. Правда, я говорил о том, что мы съели бы своих лошадей, но я лучше умру, нежели убью моего вороного жеребца.

— До этого бы не дошло, поскольку краснокожие с началом боевых действий сразу же пристрелили бы наших коней. Да к дьяволу коней! Мы бы и без них справились! Две сотни краснокожих вокруг поляны! Поляна большая, и индейцы вряд ли смогли создать плотное кольцо. Как только бы стемнело, мы аккуратно спустились бы вниз и вчетвером по одному пробрались сквозь их цепочку, вот и все! На худой конец столкнулись бы с одним или максимум с двумя краснокожими, но пара выстрелов или удар ножа, и они не смогли бы нас сдержать.

— А что потом? — улыбнулся Шеттерхэнд. — Ты несколько идеализировал обстановку. Индейцы быстро разожгут огонь и будут

великолепно видеть путь нашего бегства. И даже если бы нам удалось пробиться сквозь их шеренги, мы не ушли бы далеко — они тотчас станут преследовать нас. Мы непременно убьем несколько воинов, при этом лишив себя последней надежды на пощаду с их стороны.

— Совершенно верно! — раздался голос Хромого Френка. — Я даже не знаю, как только подступиться к этому толстому Якобу Пфедферкорну, чтобы пожелать ему быть разумнее, чем наш Олд Шеттерхэнд. Ты всегда и везде как то яйцо, которое хочет научить курицу! Олд Шеттерхэнд сделал все возможное, и я поставлю ему за это высший балл с плюсиком. Наверняка Дэви думает так же!

— Само собой, — отозвался тот. — Борьба бы нас погубила.

— А к чему приведет эта поездка с ними? — не унимался Джемми. — Я думаю, что совет старейшин также посчитает нас врагами.

— Этого я бы им не советовал! — снова вмешался Френк. — В этой истории я тоже еще вставлю словечко. Они так легко не поставят меня к столбу! Я буду защищаться всеми своими потрохами!

— С этим придется подождать, ибо мы дали клятву и теперь должны терпеливо все вынести, — ответил Джемми.

— Кто это сказал? — в сердцах воскликнул Хромой Френк. — Ты действительно не понимаешь, жалкий мыловар, что эта клятва имеет свои причуды и параболы! Не нужно никаких гастрономических зеркальных телескопов, чтобы понять, что наш знаменитый Шеттерхэнд ловко приподнял с помощью этой клятвы прелестную закулисную портьеру! О том, что мы должны все терпеливо переносить, Обадя не пишет. То есть, как ты слышал, мы не будем думать ни о каком сопротивлении! Хорошо, пусть будет так. Пусть они решают, что хотят — мы не будем ломать копья, но хитрость, хитрость, хитрость, а не сопротивление — вот именно то, что нужно. Когда суфлер обрекает нас на смерть, мы бесследно исчезаем со сцены и неожиданно выплываем снова с грандифлорией на другой стороне театрального зала.

— Ты хотел сказать «Grandezza» ⁴⁴, — вставил Джемми.

— Снова за старое! — не на шутку рассердился малыш. — Замолчи сейчас же! Мне лучше знать, как я должен вести себя в разговорном лексиконе! Грандецца! «Гран» — это аптечная гиря и еще двенадцать фунтов, а «децца», «децца» — это вообще ничего не означает, понятно! А «гранд» — «большой», «флория» — значит, находится в процветании, в счастье, в полном расцвете! Стоит мне внезапно появиться с грандифлорией, каждый достаточно комфортабельный человек поймет, что я имел в виду! Но с тобой совершенно нельзя говорить о цветах, ты не

понимаешь прекрасных выражений, и на все высокое тебе начхать! Я твой верный, закадычный друг, но если я увижу тебя на моих глазах проколотым, точнее запротоколированным, ибо ты слишком толст, на мои ресницы навернутся слезы печали, и я воскликну вместе с мертвым Цезарем: «И ты, мой сын, плывешь в самом центре пруда!» Исправься, Джемми, исправься, сколько же можно! Ты отравляешь мне жизнь. Когда потом закроются мои глаза и я исчезну из этого брэнного мира, потеряв свою благородную жизнь из-за твоей зрачково-раболепской дерзости, ты с сожалением будешь взирать на мой призрак и кусать локти от скорби и горя, а все из-за того, что здесь, внизу, на этом свете, так часто и методично возражал мне!

Френк говорил вполне серьезно, ибо теперешнее положение белых было вовсе нешуточным. Он, этот маленький своеобразный человечек, произнес это действительно серьезно. Джемми хотел с иронией ответить саксонцу, но Олд Шеттерхэнд предостерег его:

— Френк хорошо меня понял — отказаться от вооруженной защиты, но не от хитрости! Однако я бы не хотел вынуждать к такому хитроумному истолкованию моего обещания. Будем надеяться, что у нас под руками появятся другие, более честные, средства. А теперь нам надо сначала обдумать свое положение.

— Прежде всего, спрашивается, — вставил Длинный Дэви, — стоит ли доверять краснокожим?! Сдержит ли слово Большой Волк?

— Несомненно. Еще ни один вождь не нарушал клятвы, закрепленной раскуриванием калюме. До совета мы можем смело с закрытыми глазами поверить юта. Но, идемте спустимся и сядем на коней, ибо индейцы уже готовы к маршу.

Нокса и Хилтона краснокожие привязали к лошадям. Первый из них, находящийся до сих пор в полузабытьи, лежал на хребте крепкого мустанга; его руки были связаны на шее зверя. Отправившись в путь, индейцы один за другим исчезли в узком проходе. Их вождь замыкал колонну, он ждал, подав знак белым ехать впереди него. Это было хорошим признаком, ибо охотники предполагали, что юта возьмут их в середину процессии и станут бдительно охранять. Было ясно, что Большой Волк к обещаниям Олд Шеттерхэнда отнесся с доверием.

Когда охотники проехали узкую «индейскую тропу» и выехали на опушку леса, краснокожие уже отвязали своих коней из-под деревьев и вскочили на них. Теперь все верхом тронулись в путь. Четверо белых остались с вождем в конце, а во главе отряда скакали несколько индейцев, которые везли Нокса и Хилтона. Краснокожие ехали гуськом, поэтому

отряд растянулся длинной змеей и в конце не было слышно криков вернувшегося в сознание заживо скальпированного.

Здесь, в прерии, открывался великолепный вид на горы Элк, ибо равнина простиралась до самых их подножий. Олд Шеттерхэнд не спрашивал вождя, но догадывался, что где-то среди этих скал находится цель сегодняшней поездки. Он вообще ни о чем не спрашивал. Белые хранили глубокое молчание, поскольку любые разговоры были бесполезны. Нужно подождать, пока они придут в лагерь юта — лишь там можно будет принять какое-то решение и разработать план спасения.

Глава двенадцатая. НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Краснокожие, казалось, очень спешили — они гнали лошадей рысью, не обращая внимания на двух связанных пленников, один из которых был тяжел ранен. Скальпирование — очень серьезное ранение. Хотя здесь, на Западе, иногда и встречаются скальпированные и оставшиеся в живых белые, это редчайшее исключение, ибо такие издевательства могут пережить лишь люди с очень крепкой конституцией и отменным здоровьем.

Горы надвигались все ближе, и к вечеру отряд добрался до первых склонов. Индейцы свернули в узкую длинную, окаймленную лесом долину, появившуюся на их пути. Эта долина также пересекалась множеством других, но индейцы легко, как ясным днем, находили ведущую в горы дорогу, несмотря на свалившуюся темь.

Позже вышла луна, осветившая густо заросшие лесом скалистые склоны, среди которых медленно, но верно двигались лошади. Казалось, вот-вот и закончится эта утомительная езда, но лишь к полуночи всадники добрались до места, где вождь отдал нескольким воинам короткий приказ выехать вперед — известить соплеменников о прибытии отряда.

Потом они вышли к достаточно широкому водному потоку, чьи высокие берега, вдоль которых следовал отряд, расходились все шире, пока в лунном свете уже невозможно было различить их очертаний. Лес, прежде раскинувшийся по обе стороны от потока и почти спускавшийся к воде, наконец отступил и сменился покрытой травой широкой равниной, на горизонте которой появились отблески пылающих костров.

— Уфф! — подал голос вождь, впервые за всю поездку раскрывший рот. — Там стоят палатки моего племени, и там решится судьба бледнолицых.

— Уже сегодня? — задал вопрос Олд Шеттерхэнд.

— Нет. Моим воинам надо отдохнуть. Ваша борьба за жизнь будет длиться долго и доставит нам радость, если перед ней вы тоже наберетесь сил и выспитесь!

— Недурно! — шепнул Джемми на немецком, чтобы вождь не смог его понять. — Наша борьба за жизнь! Говорит так, словно нам вовсе не избежать столба пыток! Что скажешь на это, старый Френк?

— Сначала не скажу ни слова, — отозвался саксонец. — Я буду

говорить лишь тогда, когда придет время конгресса. Никто еще не умирал до своей смерти, и я не имею желаний быть исключением из этого всемирно-исторического правила. Только хочу заметить, что у меня на душе вовсе не как у умирающего. Стало быть, терпеливо обождем. Однако, если меня задумают грубой силой преждевременно отправить к праотцам, я буду защищать свою шкуру и с уверенностью могу сказать, что у моего могильного камня зайдутся в плаче много вдов и сирот по тем, кого раньше успею отправить в Элизу.

— В Элизий, имел ты в виду? — уточнил толстяк.

— Не мели чепухи! Сейчас мы говорим по-немецки, и Элиза — слово чисто германское. Я добрый христианин и не желаю иметь ничего общего с древним римским Элизием. Почему те, у кого разума ни на грош, выглядят самыми умными?! Потому что дуракам всегда везет!

Пожалуй, Френк дал бы волю своему гневу, если бы не наступила минута приветствия прибывших. Все жители деревни высыпали навстречу возвращающимся воинам. Они шли гурьбой; впереди — мужчины и юноши, за ними — женщины и девушки. Все они кричали что есть мочи, словно дикие звери.

Олд Шеттерхэнд ожидал увидеть обычный палаточный лагерь, но, к своему разочарованию, заметил, что ошибся. Множество костров показывали, что здесь собралось гораздо больше воинов, нежели могли вместить палатка. Огромное количество жителей других деревень юта сосредоточилось здесь, чтобы посоветоваться, как отомстить белым. Высланные вперед гонцы рассказали, что вождь ведет шестерых бледнолицых, и теперь краснокожие выражали свое восхищение. Они размахивали оружием и кричали, выкрикивая страшные угрозы.

Когда отряд достиг лагеря, Олд Шеттерхэнд увидел, что он состоял из обтянутых бизоньей кожей палаток и сложенных из ветвей хижин-временок, стоявших широким кругом, внутри которого всадники остановились. Здесь обоих пленников отвязали от коней и сбросили на землю. Вновь раздавшиеся страшные стоны Нокса полностью заглушило вытье краснокожих. Остальных белых также препроводили к этим двум. Воины тотчас образовали круг, внутрь которого ступили женщины и девушки, чтобы среди криков и воя исполнить вокруг пленников свой танец.

Это было одним из страшных оскорблений, ибо позволить женщинам танцевать вокруг пленников означало отказ им в чести и отваге. Тот, кто покорно сносил подобное, подвергался всеобщему презрению и приравнялся к псам, то есть существам низшим. Оружия четверых белых

никто не лишал, и этим надо было воспользоваться. Олд Шеттерхэнд крикнул несколько слов своим спутникам, на что те быстро стали спинами друг к другу на колени и вскинули ружья, готовые выстрелить.

Он сам выстрелил из «медвежебоя», и громкий звук этого ружья заглушил вытье толпы. Тут же Олд Шеттерхэнд приложил к щеке штуцер — «генри», и почти сразу наступило глубокое молчание.

— Что это значит? — громко крикнул Олд Шеттерхэнд, чтобы все могли его слышать. — Разве мы приехали к вам не по собственной воле? Разве мы уже пленники? Я выкурил с Большим Волком трубку и согласился, что воины юта будут держать совет, на котором решат, враги мы им или друзья! Решения совета еще не было! Но даже если бы мы были пленниками, не потерпели бы танцев женщин, ибо мы не трусливые койоты. Нас лишь четверо, воинов же юта можно считать сотнями, но, несмотря на это, я спрашиваю, кто из вас отважится оскорбить Олд Шеттерхэнда? Пусть он выйдет сюда и борется со мной! Но будьте осторожней! Вы видели мое ружье и знаете, как оно стреляет. Если женщины еще раз отважатся продолжить танец, заговорят наши ружья, а это место станет багровым от крови вероломных, не знающих, что такое трубка совета, которую все храбрые воины считают священной!

Слова Олд Шеттерхэнда не прошли мимо ушей. Отвага, с которой славный вестмен высказал свою угрозу перед таким большим количеством противников, вовсе не показалась краснокожим безумной, она пришлась им по вкусу. Индейцы хорошо знали, что слова Олд Шеттерхэнда не пустой звук. Женщины и девушки отпрянули, не дожидаясь приказа. Мужчины начали вполголоса делать замечания, среди которых наиболее выразительными были «Олд Шеттерхэнд» и «Ружье смерти». Несколько индейцев, с головы до пят украшенные перьями, приблизились к Большому Волку и переговаривались с ним; потом тот приблизился к все еще державшим оружие на изготовку охотникам и сказал на языке юта, который понимал также и Олд Шеттерхэнд:

— Вождь ямпа-юта уважает калюме совета и помнит свои обещания. Утро наступающего дня решит судьбу четырех бледнолицых, а до того часа они останутся в палатке, которую я им укажу. Те двое — убийцы, и их мое обещание не касается! Они умрут так же, как жили — в крови! Хуг! Согласен ли Олд Шеттерхэнд с моими словами?

— Да, — ответил охотник. — Однако я требую, чтобы наши лошади остались вблизи палатки.

— Хорошо, я позволю это, но не вижу причины, из-за которой Олд Шеттерхэнд высказал свое пожелание, Или он думает, что сможет сбежать?

Вигвам будет окружен плотными кольцами моих воинов, и он не сможет ускользнуть.

— Обещаю, что мы подождем решения совета, а потому тебе незачем около нас выставлять охрану. Но если ты так хочешь, я не имею ничего против.

— Тогда идем!

Все четверо пошли за вождем. Индейцы расступались перед ними и бросали им вслед полные почтения взгляды. Белым выделили одну из самых больших палаток, по обеим сторонам от входа в которую в землю были воткнуты несколько копий, а три орлиных пера, украшавшие их острия, позволяли предположить, что это было жилище Большого Волка.

На входе висела рогожа, теперь приподнятая. На удалении не более пяти шагов пылал костер, благодаря которому было видно, что происходило внутри палатки. Охотники вошли, сложили ружья и сели. Вождь удалился, но через короткое время несколько краснокожих на определенном удалении расселись вокруг вигвама.

Вскоре какая-то молодая женщина поставила перед белыми две посудыны и молча удалилась. Старый горшок был наполнен водой, а в большой железной сковороде лежало несколько кусков мяса.

— Ого! — усмехнулся Хромой Френк. — Это, по всей видимости, наш суп. Горшочек с водой — это прекрасно! Эти бездельники морочат нам голову, чтобы мы руки заломили от изумления над их цивилизованными кухонными приборами. А бизонье мясо, по меньшей мере, фунтов на восемь! Как бы его не натерли крысиным ядом...

— Крысиным ядом? — засмеялся Толстяк. — Откуда у юта такое «лакомство»? Впрочем, это лосятина, а не мясо бизона.

— Снова ты все знаешь лучше меня? Что бы я ни говорил или ни делал, ты всегда вставишь словцо поперек. Никому другому и в голову не придет поправлять меня. Сегодня, однако, я не буду с тобой лаяться, а брошу на тебя лишь импровизированный взгляд, чтобы ты понял, как несравненно выше парит моя индивидуальность над твоей пигментовой фигурой.

— Пигмейской, — поправил Джемми.

— Ты помолчишь, хоть шесть восьмых такта! — взъярился малыш. — Не разгоняй желчь по моему телу, а оказывай должное уважение, которое я имею полное право требовать на основании моей необычайной автобиографии! Только при этом условии я могу снизойти до того, чтобы дать этому мясу благословение моего бесспорного кулинарного таланта.

— Да, Френк, поджарь мясо, — предложил Олд Шеттерхэнд, чтобы

отвлечь внимание саксонца.

— Сказать, конечно, легко! Но где взять лук и лавровый лист? Впрочем, я даже не знаю, могу ли я приблизиться со сковородой к огню.

— Попробуй.

— Да, попробуй! Если эти типы не стерпят того и всадят мне пулю в желудок, мне будет все равно, содрали ли с этого мяса лосиную или бизонью шкуру. Но, прочь страхи и сомнения! Фени, фиди, фидши ⁴⁵ — я выхожу!

Он понес сковороду с мясом к огню и сел рядом, колдуя над ним, как повар, при этом часовые ему не мешали. Остальные белые сидели в палатке и наблюдали через открытый вход за житьем-бытьем краснокожих.

Луна распространяла почти дневной свет. Он падал на ближний, густо поросший лесом горный массив, с которого широкой, поблескивающей серебряной лентой змеилась речка или бурный ручей, падающий в большой бассейн, напоминавший озеро. Сток этого бассейна или озера образовывал водное русло, берегом которого отряд пришел в лагерь. Вблизи не было ни кустика, ни деревца, и окрестности озера казались плоскими и голыми.

У каждого огня сидели индейцы, наблюдавшие за возившимися с мясом женщинами. Временами один или несколько из них поднимались, чтобы медленно пройти мимо вигвама и бросить взгляд на белых. Нокса и Хилтона не было ни видно, ни слышно, но все же можно догадаться, что их содержали отнюдь не в тех же условиях, что Олд Шеттерхэнда и его спутников.

По прошествии часа в палатку вернулся Хромой Френк с дымящей сковородой. Он сел и самоуверенно произнес:

— Вот она — ваша прелесть! Мне любопытно, что будет с вашими глазами. Приправа, конечно, отсутствует, но мое врожденное дарование заставит вас забыть о ней!

— Каким же образом? — поинтересовался Джемми, сунув в сковороду свой маленький носик. Мясо не только шкворчало, оно еще и дымило, и причем немало — вся палатка вмиг наполнилась едким запахом гари.

— Очень простым, ибо успех есть истинное чудо! — выпалил маленький саксонец. — Я давно читал, что угольки не только заменяют соль, которой у нас нет, но даже у такого мяса, имевшего весьма сомнительную репутацию, убивают дурной запах. Наше жаркое отдавало затхлостью, и потому я применил вышеуказанное средство, потушив его в древесной золе, что сделать было очень легко, ибо у нас тут полно дров. При этом немного огня попало в сковородку, но, как мне подсказывает мой кухонный гений, хрустящая корка, покрывшая жаркое, приведет в экстаз

чувствительных и преисполненных вкусом людей.

— О, Боже! Лосиное жаркое в древесной золе! Да ты ошалел!

— Изъясняйся нормально! Я всегда в ясном уме — это ты должен, в конце концов, знать. Зола — химический враг всех нечистот алхимии! Наслаждайся этим лосем с должным пониманием, тогда он пойдет тебе на пользу и придаст твоей конституции телесные и духовные силы, без которых человек полностью пожирается гнусными неорганизмами!

— Но, — Джемми задумчиво покачал головой, — ты сам говоришь, что огонь попал в сковородку. Мясо сгорело, оно испорчено!

— Давай жуй, а не разговаривай! — вспыхнул Френк. — Петь или болтать за едой крайне вредно, ибо при этом открывается не то горло и пища попадает в селезенку, вместо того чтобы проскочить в желудок.

— Жевать?! Кто может жевать эту гадость! Смотри сюда! Это мясо?

Толстяк наколот на нож кусочек, поднял его вверх и сунул в нос малышу. Покрытое толстым слоем золы мясо было совершенно черным.

— Естественно, мясо. Что же еще! — невозмутимо ответил Френк.

— Черное, как китайская тушь!

— Ты только укуси — сразу познаешь чудо!

— Охотно верю. А зола!

— Ее можно счистить.

— Покажи мне!

— С королевской легкостью!

Саксонец снял кусок с ножа и так долго тер взад-вперед о кожаную стену палатки, что зола прилипла к ней.

— Вот так, — продолжил он. — Но у тебя нет ни необходимой сноровки, ни присутствия духа. А теперь посмотри, как нежен вкус, когда я откушу краешек и положу на язык. Это...

Внезапно он замолк. Френк откусил кусочек, но тут же разжал зубы, распахнув рот, и по очереди переглянулся со всеми своими спутниками.

— Ну, — Джемми был неумолим. — Кусай дальше!

— Кусать? Как? Шут его знает! Оно хрустит, и трещит как... как... как, ну, как жареная метла. Это выше человеческих сил!

— Следовало ожидать. Мне кажется, старая сковорода мягче твоего мяса. Можешь наслаждаться творением своего разума!

— Ого! Не стоит так горячиться, вы же голодны. Что, если его немного отбить?

— Попробуй! — засмеялся Олд Шеттерхэнд. — Но я хочу взглянуть, действительно ли оно испорчено.

— Ну, может, есть еще кусок, не обладающий сильной крепостью

характера. Дайте, я поищу и ототру золу!

К счастью, нашлось несколько кусочков, которые с грехом пополам можно было назвать съедобными; их разделили на четверых. Френк казался обескураженным, он вернулся в темный угол и сделал вид, что спит. Но он слышал все, что говорилось, а также видел, что происходило снаружи, в лагере.

Нокс и Хилтон должны были завтра умереть у столба пыток, остальных белых, возможно, ждала та же участь. Для краснокожих это было праздником, к которому они заблаговременно готовились. Сразу после ужина они спокойно легли, затушив костры, оставив только два: один у палатки с Олд Шеттерхэндом и его спутниками, а другой там, где лежали Нокс и Хилтон с теми, кто их охранял. Вокруг вигвама было образовано три круга воинов, а, кроме того, перед деревней стояли многочисленные посты. Побег если и был возможен, то крайне тяжел и опасен.

Олд Шеттерхэнд опустил рогожу на входе, чтобы не находиться под любопытными взглядами часовых. Теперь белые лежали в темноте и тщетно пытались уснуть.

— Что с нами будет завтра? — нарушил молчание Дэви. — Возможно, красные отправят нас в Страну Вечной Охоты.

— Одного, двух или трех из нас — это уж точно, — заключил Джемми.

— Почему? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Я думаю, они не рискнут проделать то же самое с вами.

— Хм! Вот как вы обо мне думаете! Мы все вместе, и судьбы наши одинаковы. Если кого-то обрекут на смерть, мы будем бороться до последнего.

— Но вы же поклялись не защищаться.

— Конечно, и это обещание я сдержу слово в слово. Но я не обещал не убегать. По меньшей мере мы попытаемся это сделать, а кто станет на нашем пути, пусть пеняет на себя. Впрочем, мои заботы — совершенно иного рода, ибо я полагаю, что краснокожие не обрекут нас прямо на смерть.

— Может, они освободят нас?

— Тоже нет. Их ненависть к белым так велика, что они ни мне, ни тебе, ни одному бледнолицему не подарят свободу. Но наши имена пользуются у них авторитетом, а, кроме того, они боятся моего штуцера, даже не осмеливаются дотронуться до него. Я считаю не только возможным, но даже вероятным, что они сделают нам исключение. А значит, они не подарят нам жизнь и свободу, а вынудят бороться за них.

— Дьявольщина! Это то же самое, как если бы они нас просто убили, поскольку они выдвинут такие условия, что мы все равно погибнем.

— Конечно, но мы не должны терять мужества. Белый прошел школу у краснокожего, он обладает такой же хитростью и ловкостью. У нас у всех есть подобный опыт. Если подвести итог, я должен сказать, что в открытой борьбе трое вестменов могут потягаться даже с четырьмя индейцами, если, конечно, равное оружие и силы. Боевая гордость краснокожих помешает им выставить численно превосходящие силы. Если бы они все же решились на это, то послужили бы мишенью для наших насмешек и вынуждены были бы отказаться, от замысла.

— Но, — произнес до сих пор молчавший Хромой Френк, — перспектива, которую вы открываете, не особо радужная. Эти бездельники уж постараются наделать глупостей, каких только свет не видел! Да, вам с вашей силой и слоновой мощью хорошо смеяться! Вы прорубитесь, пробьетесь или, в конце концов, протолкнетесь сквозь их ряды, но мы трое — несчастные рухляди! Сегодня мы последний раз вкусим радость земного бытия.

— В виде твоего лосиного жаркого? — уточнил Джемми.

— Снова за старое! Я думал, что хоть наше положение заставит тебя прекратить злить твоего лучшего друга и боевого соратника, да еще перед самым его последним вознесением! Не дрони мои мысли! Все они остро направлены на наше спасение. Или ты думаешь, что это очень благородно и доблестно — медленно укокошить своими издевательскими выражениями познавшего истину человека за четыре часа до его почтительнейшей смерти?

Джемми не сдержался, что-то сказав, а малыш впал в такой гнев, что после возгласа «это уж слишком!», отвернулся и закрыл глаза. На другой стороне раздались какие-то звуки, напоминающие приглушенный смех, но Френк не обратил на них внимания. Никто не продолжил разговор, и теперь тишину иногда нарушал лишь треск огня.

Сон все же незаметно опустил их усталые веки, а когда они снова раскрылись, снаружи раздались громкие крики, и кто-то поднял рогожу. Внутрь заглянул краснокожий.

— Пусть бледнолицые поднимутся и идут со мной, — сказал он.

Они поднялись, взяли оружие и последовали за индейцем. Огонь был потушен, ибо солнце уже поднялось. В его первых лучах падающая с ранее упомянутого горного массива вода искрилась расплавленным золотом, а поверхность озера блестела, как полированный металлический диск. Теперь окрестности можно было рассмотреть лучше, чем вчера вечером.

Равнина, в которой покоилась западная часть озера, была около двух английских миль длиной и в милю шириной. Со всех сторон ее окружал лес. В южной части находился лагерь, состоявший из сотни палаток и хижин. На берегу озера паслись лошади, исключая тех, что принадлежали четверем охотникам — требования Олд Шеттерхэнда были выполнены, и их животные стояли у палатки.

Перед хижинами и палатками, а также между ними стояли или сновали облаченные в боевые наряды краснокожие, готовящиеся к празднику смерти убийц их воинов. Они учтиво расступились, когда четверо белых проходили мимо, и смерили их фигуры взглядами, которые скорее были оценивающими и испытывающими, чем враждебными.

— Что на уме у этих типов? — спросил Френк. — Они осматривают меня, как коня при покупке.

— Они изучают нас, — пояснил Олд Шеттерхэнд. — Это знак того, что я предположил верно. Вероятно, наша судьба уже известна им, и теперь нам придется бороться за свои жизни.

— Прекрасно! Мою я им дешево не отдам, а как ты, Джемми? Боишься?

Гнев саксонца уже прошел. В его вопросе чувствовалась забота о приятеле.

— Страх я не испытываю, но, само собой, озабочен. Страх нам только повредит. Теперь надо взять себя в руки и быть спокойными, насколько это возможно.

Невдалеке от лагеря в землю были врыты два столба, вблизи стояли пять украшенных перьями воинов, среди которых охотники узнали Большого Волка. Он вышел навстречу белым и пояснил:

— Я вызвал бледнолицых, чтобы они стали свидетелями того, как красные воины наказывают своих врагов. Сейчас приведут убийц, чтобы дать им умереть у столбов пыток.

— Мы не жаждем этого видеть, — ответил Олд Шеттерхэнд.

— Разве вы трусы, которые боятся крови? Тогда мы поступим с вами так же и не должны сдерживать обещание.

— Мы убиваем наших врагов, когда нет другого выхода, но не мучаем их.

— Сейчас вы у нас и подчиняетесь нашим обычаям. Если вы отказываетесь, то оскорбите нас и будете наказаны смертью.

Олд Шеттерхэнд знал, что вождь говорил серьезно и что ему и его спутникам грозила огромная опасность, если бы они отказались присутствовать при казни. Поэтому пришлось согласиться.

— Ну хорошо, мы останемся.

— Тогда садитесь рядом с нами. Если вы подчинитесь, встретите честную смерть!

Он сел в траву, повернув лицо к столбам. Другие вожди сделали то же самое, и белые вынуждены были подчиниться. Затем Большой Волк издал пронзительный крик, который был встречен всеобщим триумфальным воем. Это был знак, что ужасное представление должно начаться.

Воины приблизились к столбам и образовали полукруг, внутри которого сидели вожди с белыми. Потом подошли женщины и дети, остановившиеся напротив мужчин — круг замкнулся.

Теперь принесли Нокса и Хилтона, так крепко связанных, что они не могли идти. Ремни глубоко врезались им в тело, и Хилтон стонал, но Нокс был спокоен — он лежал в горячке и только что перестал бредить. Его вид был ужасен. Обоих привязали в стоячем положении к столбам мокрыми ремнями, которые должны были быстро высохнуть на солнце и стянуть тела жертв жестокого правосудия, причиняя им страшные муки.

Глаза Нокса были закрыты, его голова тяжело свешивалась на грудь — он потерял сознание и даже не знал, что с ним происходит. Хилтон смотрел вокруг блуждающим, полным ужаса взглядом. Увидев четырех охотников, он крикнул им:

— Спасите меня, господа! Вы же не язычники! Вы что, специально пришли, чтобы наблюдать нашу ужасную смерть и наслаждаться нашими муками?

— Нет, — ответил Олд Шеттерхэнд. — Нас вынудили выйти сюда, и мы не можем для вас ничего сделать.

— Сможете, сможете, если захотите. Краснокожие послушают вас!

— Нет. Вы сами виноваты в своей судьбе. Кто имел мужество согрешить, должен иметь мужество понести наказание.

— Я невиновен. Я не стрелял в индейцев. Нокс! Это он сделал!

— Не лгите! Бесстыдное малодушие — сваливать вину на него одного. Лучше покайтесь в содеянном!

— Но я не хочу умирать, я не могу умирать! Помогите! Помогите!

Он кричал так громко, что его голос застыл над широкой равниной. Тут встал Большой Волк, подав знак рукой, что будет говорить. Глаза всех присутствующих тотчас обратились к нему. Вождь говорил недолгую, сильную, но все же напыщенную речь индейского оратора. Он рассказал, что произошло, описал предательские действия бледнолицых, с которыми юта жили в мире и которых никто не оскорблял. Его слова оставили такой глубокий отпечаток в душах индейцев, что те забряцали оружием. В

заклучение вождь пояснил, что оба убийцы приговорены к смерти у столбов пыток и что казнь будет немедленно приведена в исполнение. Когда он закончил и сел, Хилтон еще раз попытался обратиться к Олд Шеттерхэнду, ища его защиты.

— Ну хорошо, я попытаюсь, — ответил тот. — Если я не могу отвести смерть, то попробую облегчить ваши муки или сделать их короткими.

Охотник знал, что его поведение только разозлит юта, но все же повернулся к вождю. Он еще не открыл рта, когда Большой Волк грозно окликнул его:

— Ты знаешь, что я говорю на языке бледнолицых и, стало быть, я понял, что ты обещал этому псу. Разве я не достаточно сделал, чтобы пойти на выгодные тебе условия? Ты хочешь выступить против нашего приговора? Этим ты вызовешь ярость моих воинов, и я не смогу тебя защитить! Молчи и не говори ни слова! Ты достаточно подумал о себе и теперь не должен заботиться о других. Если ты пойдешь навстречу этим убийцам, станешь в один ряд с ними и тебя ждет их участь.

— Моя религия приказывает мне заступиться за них, — ответил Олд Шеттерхэнд, и это было единственным, что мог белый сказать в свое оправдание.

— По какой религии мы должны судить, по нашей или по твоей? Разве ваша религия велит этим псам, напавшим на нас в мирное время, воровать коней и убивать наших воинов? Нет! Значит, ваша религия не сможет оказать никакого влияния на наказание.

Он отвернулся и подал знак рукой, по которому вперед выступили с дюжину воинов. Потом он снова повернулся к Олд Шеттерхэнду и объявил тому:

— Вот стоят родственники тех, кто был убит. Они имеют право наказывать первыми.

— Из чего состоит наказание? — осведомился охотник.

— Из разных мук. Сначала в них бросят ножи.

Если у краснокожих враг должен умереть у столба пыток, они всегда ищут возможность продлить его мучения. Сначала ему наносятся легкие раны, потом степень тяжести их постепенно увеличивается. Обычно все начинается с метания ножей, которые при этом попадают в различные части тела. Ножи либо вынимаются, либо остаются в ране. Цель выбирают так, чтобы не было большого пролития крови, иначе жертва преждевременно умрет.

— Большой палец! — хладнокровно приказал Большой Волк.

Руки пленников были связаны так, что их кисти висели свободно.

Вышедшие вперед краснокожие разделились на две группы по числу жертв. Они отмерили дистанцию в двенадцать шагов и стали друг за другом. В каждой группе передний воин взял нож между тремя пальцами поднятой правой руки, прицелился, бросил и попал в большой палец. Хилтон издал крик; палец Нокса тоже был поражен, но тот находился в таком глубоком обмороке, что даже не очнулся.

— Указательный палец, — приказал снова вождь.

Таким образом, метатели ножей прошлись по всем пальцам рук, демонстрируя поразительную меткость. Если сначала Хилтон только вскрикивал, то теперь он кричал непрерывно. Нокс очнулся, лишь когда острое лезвие ножа воткнулось в его левую ладонь. Он огляделся безумным отсутствующим взглядом, снова закрыл налившиеся кровью глаза и издал ужасный крик. У Нокса снова началась горячка, смешавшаяся с уже осознанным смертельным страхом, и бред, при котором из его груди вырывались звуки просто нечеловеческие.

Под непрерывные крики и вой обоих экзекуция продолжалась. Ножом были отмечены ладони, запястья, мышцы предплечья и плечи, затем в той же последовательности все повторилось с ногами. Это продолжалось приблизительно с четверть часа и было легкой прелюдией к самым мукам, которые должны были длиться часами. Олд Шеттерхэнд и его три спутника отвернулись. Несмотря на крепкие характеры, им было невозможно воочию наблюдать за ужасной сценой.

Индеец с раннего детства упражняется в терпении к физической боли, благодаря чему он выдерживает ужасные муки, ничем не выдавая своих ощущений. Если индеец схвачен и должен умереть у столба, он принимает боль с улыбкой, громко поет мелодию смерти и прерывает ее порой, чтобы поносить мучителей и высмеивать их. Плачущего индейца у столба пыток встретить невозможно. Кто жалуется на боль — презираем, а чем громче вопли, тем больше презрение. Случалось, что мучимые белые, обреченные на смерть, получали свободу, поскольку своими нечеловеческими воплями показывали, что они трусы, которых никто не боится и чье умерщвление для любого воина является позором.

Можно себе представить, какое впечатление произвели вопли Нокса и Хилтона. Краснокожие отвернулись, по их рядам пронесли крики негодования и презрения. Когда жаждущие мщения родственники убитых были удовлетворены, пригласили следующих, кто должен был продолжить пытку другими способами. Но не нашлось ни одного, кто бы согласился на это. Таких «псов, койотов и жаб» никто не хотел касаться. В этот момент поднялся один из вождей и сказал:

— Эти люди не достойны, чтобы храбрый воин поднимал на них руку. Мои красные братья это хорошо понимают. Нужно оставить их женщинам. Кто умрет от руки бабы, в Стране Вечной Охоты примет ее образ и будет всю вечность работать! Я все сказал.

Предложение после короткого совещания было принято.

Кликнули женщин и матерей убитых воинов и дали им ножи, чтобы нанести легкие раны в тех местах, которые снова укажет Большой Волк.

Женщины, в основном старухи, принялись за жестокую работу, и вопли жертв поднялись с новой силой. На этот раз даже привычные ко всему уши краснокожих не могли этого вынести. Большой Волк дал приказ остановиться и сказал:

— Эти трусы не стоят даже того, чтобы их убивали руками женщин. Но ни один красный воин не решит дать им свободу, ибо их вина слишком тяжела — они должны умереть! В Страну Вечной Охоты они отправятся как койоты, которых там постоянно будут травить и преследовать. Отдадим их собакам. Хуг!

Началось совещание, результат которого Олд Шеттерхэнд предвидел, а потому отвернулся. Охотник опять рискнул ходатайствовать о смягчении участи убийц, но его не захотели и слушать, и теперь он должен был быть удовлетворен хотя бы тем, что его поведение не вызвало гораздо более тяжкие последствия. Совет утвердил предложение Большого Волка. Несколько краснокожих удалились, чтобы привести собак, а вождь повернулся к четверым белым:

— Собаки юта обучены бросаться на бледнолицых. До того, как они будут натравлены, вам нечего бояться, но после они разорвут любого белого, который находится поблизости. Поэтому я уведу вас и оставлю под охраной в палатке, пока зверей не привяжут.

По его приказу охотников препроводили в вигвам, который тотчас окружила большая группа воинов. Белым было не по себе, словно их самих должны разорвать зубы бестий. Убийцы заслужили смерть, но быть разорванными собаками — ужасный конец!

Снаружи около десяти минут царила полная тишина, которая прерывалась воплями стоявших у столбов. Потом раздался громкий яростный лай, перешедший в леденящий душу рев. Два человеческих голоса слились в один пронзительный и страшный предсмертный крик, потом все стихло.

Теперь Олд Шеттерхэнда и его друзей снова вывели из палатки, чтобы привести на место судилища. Четверо или пятеро краснокожих тащили собак на крепких ремнях назад, в глубь лагеря. Возможно, звери учуяли

следы белых и один из псов едва не сорвался, оглядываясь по сторонам. Заметив охотников, он одним прыжком вырвался и помчался к ним. Те, кто видел это, издали крик ужаса, ибо пес был такой огромный и сильный, что человеку, казалось, справиться с ним просто невозможно. Но ни один индеец не стал в него стрелять, поскольку зверь был очень ценен. Джемми вскинул ружье и прицелился.

— Стой, не стрелять, — приказал Олд Шеттерхэнд. — Краснокожие не простят нам смерть этакого гиганта. Я хочу им заодно показать, что может сделать кулак белого охотника.

Эти слова были произнесены на ходу. Вообще, все произошло очень быстро, гораздо быстрее, чем можно рассказать или описать. Собака покрыла большое расстояние гигантскими прыжками всего за десять или двенадцать секунд. Олд Шеттерхэнд выскочил ей навстречу, держа руки внизу.

— Ты погиб! — крикнул ему Большой Волк.

— Не торопись! — едва успел ответить охотник.

Пес был рядом. Он раскрыл утыканную острыми зубами пасть и с хищным рычаньем бросился на человека. Тот внимательно следил за зверем, а когда собака прыгнула и какой-то момент находилась в воздухе, охотник кинулся к ней навстречу с распростертыми руками. Человек и зверь обнялись. Олд Шеттерхэнд успел ударить метившего в горло пса сзади по затылку, одновременно крепко прижав к себе голову собаки, которая никак теперь не могла его укусить. Охотник сдавил руки еще крепче, и пес перестал сопротивляться, слабо дрыгнул лапами и вяло свесил их. Резким движением охотник отодвинул левой рукой голову бестии прочь от себя, в тот же миг ударив зверя по морде правым кулаком, потом с силой, как можно дальше, отшвырнул его от себя.

— Вот он лежит, — крикнул он, тяжело дыша и разворачиваясь к вождю. — Свяжите его, чтобы он, когда проснется, не натворил бед.

— Уфф, уфф, уфф! — слетело с губ пораженных индейцев. Никто бы из них не рискнул сделать подобное, ибо считал такое невозможным. Большой Волк приказал убрать зверя, после чего подошел к Олд Шеттерхэнду и произнес искренне и удивленно:

— Мой белый брат герой. Он не дал кровожадному псу разорвать и убить себя, а свалил на землю. Ни один краснокожий так крепко не стоит на ногах, и ничья грудь не смогла бы выдержать подобного удара, после которого были бы переломаны ребра. Почему Олд Шеттерхэнд не стрелял?

— Потому что не хотел лишить вас такого превосходного зверя.

— Какая неосторожность! Он бы разорвал тебя!

— Хо! Ни один пес не разорвет Олд Шеттерхэнда! Что думают делать дальше воины юта?

— Они будут держать совет, на котором решится ваша судьба, ибо пришло к тому время. Не желают ли бледнолицые попросить о сострадании?

— Сострадании? Не сошел ли ты с ума? Спроси меня лучше, склонен ли я испытывать жалость к вам!

Вождь, чей взгляд выражал одновременно удивление и восхищение, повел белого за круг краснокожих, где должны были сидеть четверо вестменов, чтобы не слышать совета. Потом он расположился на том самом месте, что занимал прежде.

Глаза охотника были направлены, естественно, на столбы с жестоко казненными бледнолицыми.

Тем временем началось решающее заседание, которое проводилось исключительно по-индейски. Первым долго говорил Большой Волк, за ним последовали один за другим вожди, затем Волк начал снова, потом опять другие. Обычные воины не имели права говорить, они стояли в кругу и слушали, преисполненные глубокого уважения. Индеец немногословен, но на совете он говорит охотно и много. Есть краснокожие, знаменитые своим ораторским искусством.

Совещание отняло добрых два часа — долгое время для тех, чья судьба зависела от его результата. Наконец, громкое и всеобщее «хуг!» возвестило об окончании заседания. Привели белых; они должны были войти внутрь круга, чтобы там выслушать свою судьбу. Большой Волк поднялся известить их об этом:

— Четверо бледнолицых уже слышали, почему мы вырыли топор войны, и я не хочу повторяться. Мы поклялись убивать всех белых, которые попадут в наши руки, и я не могу для вас сделать никаких исключений. Вы следовали сюда со мной, чтобы покориться решению совета, и обещали мне не оказывать сопротивления. Мы знаем, что вы друзья красных людей, и поэтому вы не разделите участь тех бледнолицых, которые попадут к нам в руки. Те сразу пойдут к столбу пыток, но вы будете бороться за свою жизнь.

Он сделал паузу, которой Олд Шеттерхэнд тотчас воспользовался:

— С кем? Вчетвером против вас всех? Хорошо, я согласен. Мое Ружье смерти многих из вас отправит в Страну Вечной Охоты!

Он поднял штуцер. Вождь не смог полностью скрыть свое беспокойство, он невольно сделал движение рукой, словно хотел защититься, и ответил:

— Олд Шеттерхэнд ошибается, каждый из вас будет иметь противника и будет с ним бороться. Победитель получит право убить побежденного!

— Согласен. Но кто имеет право выбирать противника, мы или вы?

— Мы. Я объявлю вызов, на который отзовутся те, кто пожелает.

— А как мы будем сражаться или каким оружием?

— Как определяют те, кто выйдут бороться с вами.

— А! Значит, наши желания не будут учитываться?

— Нет.

— Это несправедливо.

— Нет, справедливо. Не забывай, сила и преимущество на нашей стороне, а значит, мы можем требовать.

— Преимущество? Какое?

— Вас только четверо.

— Хо! Что все ваше оружие против моего Ружья смерти! Только тот, кто боится, требует для себя преимуществ перед другими.

— Боится? — переспросил Волк, блеснув глазами. — Ты хочешь оскорбить меня? Ты утверждаешь, что мы боимся?

— Я не говорю о вас, а говорю в общем. Если плохой бегун бежит на спор с лучшим, он позаботится о том, чтобы иметь преимущества. Выставляя нас в невыгодном положении, ты даешь мне право думать, что считаешь вестменов лучшими воинами, чем вы. Но я не стал бы делать подобное, будучи вождем юта.

Большой Волк на некоторое время опустил глаза. Он не мог не признать правоту охотника, но должен был остерегаться соглашаться с ним, поэтому сказал:

— Мы и так сделали много снисхождений, и большего вы не вправе требовать! Боимся мы вас или нет, вы узнаете во время борьбы.

— Хорошо, но я требую честных условий.

— Что ты понимаешь под ними?

— Ты говоришь, что победитель имеет право убить побежденного. Если я одолею твоего воина и убью его, могу я потом свободно покинуть это место?

— Да.

— И мне никто ничего не сделает?

— Нет, но ты не победишь. Ни один из вас не победит!

— Я тебя понимаю. Вы сделаете выбор среди тех воинов и определите такой способ борьбы, чтобы мы заведомо проиграли? Не ошибись, вождь! Все может быть по-другому, нежели ты задумал.

— Что будет, я знаю точно, а потому выставляю еще одно условие —

победитель получает всю собственность побежденного.

— Такое условие действительно необходимо, поскольку иначе вряд ли кто вызовется бороться с нами.

— Поостерегись! — пригрозил вождь. — Ты должен просто ответить, согласен ты или нет.

— А если мы не согласимся?

— Тогда вы нарушите ваше обещание, поскольку ты сказал, что вы не будете сопротивляться.

— Я сдержу обещание, но хочу получить ваше слово, что тот из нас, кто выйдет победителем из борьбы, должен считаться вашим другом.

— Я обещаю тебе это.

— Мы должны раскурить трубку мира!

— Ты мне не веришь? — Большой Волк пристально взглянул на белого охотника.

Олд Шеттерхэнд понял, что сейчас должен умерить свой пыл, если не хочет лишиться прежде достигнутых преимуществ, поэтому он ответил:

— Ладно, верю. Спроси своих воинов, кто из них желает бороться!

Среди индейцев наступило большое оживление. Они горячо обсуждали что-то и кричали. Олд Шеттерхэнд тем временем обратился к своим друзьям:

— К сожалению, я не могу натянуть струны туже, иначе они порвутся, но полученными условиями я отнюдь не удовлетворен.

— Сейчас надо согласиться, тогда впоследствии сможем рассчитывать на что-нибудь лучшее, — заметил Длинный Дэви.

— Что касается меня, то у меня забот нет. Мне любопытно, какого противника найдут они против меня.

— Это ясно как Божий день.

— Кого?

— Им будет сам Большой Волк. Никто другой не вызовется, и ему придется спасти честь своего племени. Он великан, прямо-таки настоящий слон.

— Ба! Я не боюсь. Но вы! Вам выберут опаснейших бойцов и каждому определят способ борьбы, в котором он неопытен. К примеру, мой противник не выйдет ко мне с голыми руками.

— Поживем — увидим, — сказал Джемми.

— Сейчас заботы и страхи бесполезны. Напряжем мускулы и будем держать глаза открытыми!

— А разум светлым и ясным, — добавил Хромой Френк. — Что касается меня, то я спокоен, как верстовой столб. Я вовсе не знаю, что

произойдет дальше, но что мне нисколечки не боязно — это действительно правда. Эти юта сегодня познакомятся с саксонским морицбуржцем! Я буду сражаться, и искры нашей борьбы долетят до самой Гренландии!

Теперь среди краснокожих снова воцарился порядок. Опять образовали круг, и Большой Волк вывел вперед двух воинов, которые, как он представил, вызвались по собственной воле.

— Укажи пары! — потребовал Олд Шеттерхэнд.

Вождь пододвинул первого к Длинному Дэви и сказал:

— Вот стоит Пагу-ангаре, Красная Рыба, который решит вопрос жизни и смерти плаванием с этим бледнолицым.

Краснокожему выпал хороший выбор. Длинному, сухому как щепка Дэви нелегко будет плыть по воде; по крайней мере, так казалось внешне. Вышедший краснокожий имел мускулистые округлые бедра, широкую мощную грудь и сильные мышцы рук. Он непременно был лучшим пловцом племени, и если бы носил какое-либо другое имя, все равно об этом можно было догадаться по полному презрения взгляду, который он бросал на Дэви.

Затем вождь выставил напротив Джемми высокого, очень широкоплечего человека, чьи мускулы казались гигантскими опухольями, и сказал:

— Это Намбо-ават, Большая Стопа, он станет бороться с толстым бледнолицым. Они будут стоять связанные спиной друг к другу с ножом в правой руке, и тот, кто первый бросит другого на землю, может его заколоть.

Большая Стопа носил свое имя по полному праву. У него были такие огромные ступни, что, казалось, он стоял на них незыблемо, подобно гранитной скале.

Теперь вышел третий — костлявый парень, ростом не менее четырех локтей, с узкой, но выпуклой грудью и бесконечно длинными руками и ногами. Вождь поставил его перед Хромым Френком:

— А вот стоит То-ок-тей, Скачущий Олень.

Бедный Хромой Френк! Два семимильных шага этого Оленя едва покрылись бы и десятью шажками малыша. Да, краснокожие крепко позаботились о своих преимуществах.

— А кто борется со мной? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Я, — ответил Большой Волк гордым тоном, распрямив свою богатырскую фигуру. — Ты думаешь, мы боимся? Я покажу тебе, что ты ошибаешься!

— Я рад этому, — ответил белый дружелюбно. — До сих пор моими

противниками всегда были вожди.

— Считай, что ты побежден!

— Олд Шеттерхэнд непобедим!

— Овуц-ават тоже! Кто смог бы рассказать, что победил меня?!

— Сегодня об этом скажу я!

— А я буду хозяином твоей жизни!

— Сражаются не речами, а ружьями!

Олд Шеттерхэнд сказал это с легкой иронией; он знал, что вождь не согласится. И действительно, тот быстро ответил:

— Я не буду иметь дело с твоим Ружьем смерти. Нас рассудят нож и томагавк!

— Я удовлетворюсь и этим.

— Ты скоро станешь трупом, а я — владельцем всего твоего имущества и коня!

— Я знаю, что мой конь возбуждает твой аппетит, но Волшебное ружье еще ценнее. Может, начнешь с него?

— Оно мне не нужно, и также никто другой не испытывает желания завладеть твоим ружьем, ибо кто его коснется, застрелит своих лучших друзей. Мы зароем Ружье смерти глубоко в землю, и пусть оно там сгинет!

— Тогда пусть тот, кто коснется его при этом, будет предельно осторожен, иначе навлечет несчастье на все племя ямпа-юта. А теперь скажи, когда и в какой последовательности пройдут поединки?

— Сначала будут плавать. Но я знаю, что христиане перед смертью предаются своим обычаям, полным тайн. Я дам вам на это время, которое вы, бледнолицые, называете часом.

Краснокожие замкнули круг вокруг белых, но сделали это снова только для того, чтобы воочию убедиться, как испугались бледнолицые предстоящих поединков с сильными противниками. Но к их разочарованию они ничего подобного не увидели и снова разошлись. Казалось, теперь индейцы не интересовались охотниками, но те хорошо знали, что за ними зорко наблюдают. Они сидели напротив друг друга и взвешивали свои шансы. Над Длинным Дэви нависла самая серьезная опасность, ибо он был первым, кому предстояло бороться за свою жизнь. Выражение его лица не казалось совсем уж отрешенным, но все же было весьма серьезным.

— Красная Рыба! — пробурчал он. — Естественно, этот мерзавец получил свое имя за то, что отлично плавает.

— А ты? — осведомился Олд Шеттерхэнд. — Я видел, как ты плавал, но только во время купания или при переправе. Как у тебя насчет навыков?

— Не слишком хорошо.

— Увы.

— Да, увы! Я же не виноват, что мои кости такие тяжелые. Мне кажется, что тяжелее их вообще не существует!

— Значит, с быстротой ничего не выйдет. Но ты ведь выдержишь?

— Выдерживать? Ба! Сколько угодно. Сил у меня достаточно, вот только со скоростью не все ладно, а потому, пожалуй, придется отдать свой скальп.

— Это еще посмотрим. Я не теряю надежды. Ты умеешь плавать на спине?

— Да, кажется, так легче.

— Естественно! Опыт показывает, что худые и нетренированные люди так плавают быстрее. Стало быть, ложись на спину, смело откидывай голову подальше в воду, а ноги поднимай повыше, регулярно и сильно толкайся ими, а вдох делай только тогда, когда руки будут под спиной.

— Well! Но все это напрасно, поскольку Красная Рыба все равно опередит меня.

— Возможно, что и нет, если удастся моя хитрость.

— Какая?

— Ты должен плыть по течению, а он против.

— Разве можно так сделать? Здесь, в озере, есть течение?

— Предполагаю, что да. Если оно отсутствует, то ты, конечно, проиграешь.

— Мы даже не знаем, где я должен плыть.

— Разумеется, там, на озере, которое, скорее, представляет собой пруд шагов пятьсот в длину и триста — в ширину, как мне кажется отсюда. Воды, низвергающиеся со скал, вливаются в него большим потоком и, похоже, идут к левому берегу. Это, стало быть, дает в итоге течение, которое идет вдоль того берега и дальше, покрывая три четверти длины озера, как раз до того места, откуда из водоема вытекает речка. Если повезет, я постараюсь сделать так, что ты, благодаря этому течению, побьешь своего противника.

— Вот должна быть потеха, сэръ! Я полагаю, что, если мне это удастся, придется проткнуть парня?

— А ты этого хочешь?

— Во всяком случае, он бы меня не пощадил, хоть ради моего скарба.

— Это верно. Но нам же на пользу быть снисходительными.

— Отлично! А что вы будете делать, если он победит меня и бросится на меня с ножом? Я же не имею права защищаться!

— В этом случае я сумею добиться, чтобы со смертельным ударом

подождали, пока не закончатся все поединки, а там посмотрим.

— Well, хоть какое-то утешение, даже в худшем случае. Теперь я спокоен. Но, Джемми, как обстоят твои дела?

— Не лучше, чем у тебя, — ответил Толстяк. — Мой противник зовется Большой Стопой. Знаешь, что это значит?

— Ну?

— Он так крепко стоит на ногах, что никто его не опрокинет. А я? Я, который на две головы ниже, разве смогу? У него мускулы гиппопотама! Что против них мое сало?

— Не дрейфь, дорогой Джемми, — успокоил его Олд Шеттерхэнд. — Я точно в таком же положении. Вождь значительно выше и шире меня, хотя в ловкости он, пожалуй, уступит и, как мне кажется, в мускульной силе тоже.

— Да, ваша сила просто феноменальна, но это исключение. Что я против этого большеногого! Я буду защищаться, как смогу, но все равно мне не выиграть. Да, если бы здесь было что-то подобное течению, какая-нибудь хитрость!

— Хитрость есть! — воскликнул Хромой Френк. — Если бы я имел дело с этим Флорианом, мне вовсе не было бы страшно.

— Что? Да ты еще слабее, чем я!

— Телом да, но не духом. А главное — победить духом! Ты меня понимаешь?

— Что мне делать с моим духом против такой горы мышц!

— Видишь, какой ты! Всегда и везде ты знаешь все лучше меня, но когда речь зашла о жизни и скальпе, ты увяз, как муха в пахте — барахтаешься руками и ногами, а выбраться не можешь.

— Так выкладывай свою затею, если она хороша!

— Затея! Что за речи! Мне не нужны никакие затеи, я и без затей всегда остроумен. Вдумайся только в свое положение! Вы оба стоите спиной друг к другу и связаны вместе одной веревкой на поясе, прямо как прекрасные созвездия Сиамских Близнецов в Млечном Пути. Каждый получит по ножу, а потом начнется баталия. Кому удастся подмять под себя другого, тот и выиграл. Но как можно в таком положении подчинить себе противника? Только если вышибить опору из-под ног, а как этого добиться — крепко пнуть сзади по икре или обвить ступней его ногу и попытаться его бросить. Прав я или нет?

— Прав, ну а дальше?

— Тише! Все должно делаться обдуманно, и никакой спешки! Если эксперимент удастся, противник кувыркнется носом, и ты окажешься

сверху, правда, спиной к спине. При этом главное самому не потерять равновесие! Собственно, почему вы не должны стоять лицом друг к другу?! Кроется ли у краснокожих за этими обратными державными пропорциями какой-либо подвох, пока не могу раскусить, но знаю точно, что их коварство принесет тебе только пользу.

— Это каким образом? Скажи же, наконец! — не выдержал Джемми.

— Боже праведный, я уже четверть часа толкую! Так слушай! Краснокожий попытается сзади зацепить тебя ногой, чтобы вывести из равновесия. Тебе это не причинит вреда, поскольку при твоих конфессабельной толщины икрах ты почувствуешь пинок лишь четырнадцать месяцев спустя. Но ты выждешь момент, когда он снова ударит, а значит, будет стоять только на одной ноге. Тут ты что есть мочи наклонишься вперед и поднимешь его на спину, быстро разрежешь веревку или ремень, которым вы связаны, пополам и перебросишь его рывком через голову. Затем мгновенно выпрямишься, схватишь этого типа за глотку и приставишь ему к сердцу нож. Ты понял меня, старое решето?

Олд Шеттерхэнд протянул малышу руку и произнес:

— Френк, ты необыкновенный малый! Я бы действительно лучше не придумал. Твоя идея превосходна и должна помочь.

Честное лицо Френка засветилось от восторга, когда он стиснул поданную ему руку. Он ответил:

— Ладно, ладно, дорогой обер-мейстер! Стоит ли таких похвал то, что само собой разумеется! Мои заслуги и астры цветут где-то в другом месте. Но сейчас это лишнее подтверждение того, что бриллиант часто принимается неразумным человеком за кирпич. Поэтому дума...

— За голыш, а не за кирпич, — рискнул прервать его Джемми. — О, Небо! Где те алмазы величиной с кирпич!

— Молчи уж, ты, старый неисправимый спорщик! Я спасаю тебе жизнь моим духовным превосходством, а ты вместо благодарности бросаешь мне в голову нешлифованные кирпичи! Экий молодчина с такими причудами! Ты хоть раз находил алмаз?

— Нет.

— Тогда не говори о таких вещах!

— А ты находил?

— Да. Один стекольщик из Морицбурга потерял алмаз, а я подобрал его в ложбине. Тогда я был молод и получил за свою честность подарок, которому цены не было. Стекольщик являлся еще и лавочником, он подарил мне глиняную трубку за два пфеннига и полпачки табака за три. Это оставило в моей памяти неизгладимый след, и ты сам видишь, как

квалифицированно я могу теперь рассуждать об алмазах. Если ты не перестанешь задиаться, дело пойдет так далеко, что я откажу тебе в дружбе, а потом посмотрю, смог бы ты без меня существовать в этом мире. Но здесь все же не место и не время для ссор и споров! Мы все стоим перед последней жизненной чертой и свято обязаны помогать друг другу словом и делом. Если нам суждено быть приконченными в один час, зачем же мы продолжаем вредить бесценному здоровью и укорачиваем нашу жизнь грубостью? Я думаю, сейчас как раз время взяться за ум!

— Абсолютная правда, — согласился Олд Шеттерхэнд. — Давайте подумаем о том, что нам предстоит. Джемми, пожалуй, сделает свое дело — по нему видно, что у него на сердце полегчало. А что предпримешь ты сам, дорогой Френк?

— Дорогой Френк! — не без восторга повторил малыш. — Как прекрасно звучит на слух! Это действительно что-то другое, когда поддерживаешь отношения с образованными джентльменами! Что я предприму? Ну, буду бежать, что же еще?

— Это понятно, но ты отстанешь! На каждый его шаг тебе потребуются три!

— О, Боже мой!

— Вопрос в том, какое расстояние ты должен пробежать и выдержишь ли ты. Как у тебя с дыхалкой?

— Превосходно. У меня легкие как у шмеля — могу жужжать и зудеть весь день, а воздух еще останется! Этому я вынужден был научиться, будучи помощником королевского лесничего в Саксонии.

— Но с таким длинноногим индейцем ты не сможешь соревноваться!

— Хм! Это еще вопрос!

— Его называют Скачушим Оленем, а, стало быть, быстрота его козырь.

— Какая мне разница, как он зовется, если я скорее достигну цели, чем он.

— Но сейчас это невозможно!

— Ого! Почему нет?

— Я уже сказал, и ты сам согласился. Сравни твои ноги и его!

— Ах вот в чем дело — ноги! Вы, стало быть, думаете, все зависит от них?

— Естественно! От чего другого могут зависеть состязания по бегу, в которых к тому же речь идет о жизни и смерти?

— От ног — да, но вовсе не обязательно от тех, что длиннее. Большею частью все зависит от головы.

— Но она не побежит вместе с ногами.

— Как раз побежит. Или мои ноги поскачут впереди отдельно, а тело останется ждать, пока они вернуться? Рискованный эксперимент! Если бы они не вернулись, я остался бы сидеть, пока не выросли бы новые, а это когда будет! Нет, голова должна быть вместе с ногами, поскольку она выполняет главную работу.

— Я не пойму тебя! — воскликнул Олд Шеттерхэнд, совершенно удивленный спокойствием Хромого Френка и его шутками.

— Я тоже нет, по меньшей мере, пока еще нет. Сейчас я знаю только, что одна хорошая мысль лучше сотни шагов или скачков, которые могут и не привести к цели.

— Так у тебя есть мысль?

— Еще нет. Но думаю, если я смог дать хороший совет Джемми, то себя не брошу на произвол судьбы, Пока я не знаю, где я должен бежать. Когда это решится, увижу, пожалуй, где и как вбить крючочек. Не бойтесь за меня! Это говорит мне мой внутренний тенор, так что я пока еще не повернулся спиной к этому свету. Я был рожден для большего, а всемирно-исторические личности никогда не умирают до выполнения своей миссии, да еще в стороне от благ цивилизации!

Тем временем снова подошел Большой Волк с другими вождями, чтобы вызвать белых к озеру, где должны были состояться состязания по плаванию.

Когда охотники достигли берега, кишевшего людьми всех возрастов, Олд Шеттерхэнд убедился в том, что не ошибся, ибо течение действительно существовало. Озеро имело форму эллипса. Сверху в узкую его часть сбегала горная речушка и текла сначала вдоль левого длинного берега, а потом, поворачивая по нижней узкой части, — к находившемуся со стороны правого длинного берега истоку реки, бурлившему неподалеку от места впадения в озеро горного потока. Это течение, не бросающееся в глаза, следовательно, делало почти круг и покрывало три четверти периметра водоема. Если Дэви им воспользуется, он спасен.

Женщины, девушки и дети рассыпались по берегу. Воины спустились к нижней узкой части озера, ибо там должно было начаться состязание. Все глаза были направлены на обоих противников.

Красная Рыба смотрел на воду гордо и самоуверенно. Дэви тоже, казалось, был спокоен, но его кадык находился в постоянном движении, что было признаком сильного внутреннего волнения.

Наконец Большой Волк повернулся к Олд Шеттерхэнду:

— Можно начинать?

— Да, но мы еще не знаем условий, — ответил охотник.

— Вы их услышите. Оба войдут в воду прямо здесь, передо мной. Когда я хлопну в ладоши, они начнут плыть. Они проплывут вокруг всего озера один раз, но все это время должны держаться от берега на расстоянии длины тела одного человека. Кто свернет, чтобы срезать путь, — побежден. Тот, кто первым окажется здесь, убьет другого ножом.

— Хорошо! Но в какую сторону они поплывут? Направо или налево?

— Налево. А вернутся наоборот.

— Они поплывут рядом?

— Конечно!

— Значит, мой спутник будет справа от Красной Рыбы?

— Нет, наоборот.

— Почему?

— Потому что тот, кто поплывет слева — ближе к берегу, а значит, проложит большее расстояние.

— Тогда это несправедливо. Ты не любишь ложь и согласишься, что будет честнее, если они поплывут в разные стороны. Один возьмет направо, другой — налево. Они оба будут двигаться вверх, а потом каждый вдоль противоположного берега вернется назад.

— Ты прав, — согласился вождь. — Но кто справа, а кто слева?

— Чтобы и здесь торжествовала справедливость, пусть решит жребий. Смотри, я беру два стебелька травы, и оба пловца делают выбор. Кто вытянет длинный, поплывет налево, кто короткий — направо.

— Хорошо, пусть будет так! Хуг!

Последнее слово, к счастью для Дэви, говорило о том, что от этого решения теперь никто не откажется. Олд Шеттерхэнд сорвал два стебля, но так, что она оказались совершенно одинаковыми. Сначала он подошел к Красной Рыбе и дал выбрать ему, потом отдал Дэви его стебель, но в тот момент, когда тот брал травинку, крепко зажал ее пальцами, и маленький кусочек остался у него в руке. Стебли сравнили. У Дэви оказался короткий, а, следовательно, он должен был плыть направо. Его противник не выказал ни малейшего неудовольствия. Он, похоже, не чувствовал никакого подвоха. На лице Дэви появилась улыбка. Он осмотрел гладь озера и шепнул Олд Шеттерхэнду:

— Я не знаю, как мне достался маленький стебелек, но он спасет меня, ибо надеюсь, что причалю скорее. Течение сильное и задаст ему много хлопот.

Он сбросил верхнюю одежду и встал в мелкой воде. Красная Рыба сделал то же самое. В этот момент вождь хлопнул в ладоши — прыжок, и

оба уже оказались на глубине и быстро гребли вдоль берега в противоположные друг от друга стороны.

— Дэви, держись! — заорал Хромой Френк вслед своему другу.

Сначала они плыли одинаково. Индеец греб медленно, будто гладил, но его гребки были широкими и полными сил, словно он чувствовал себя в воде как дома. Он смотрел только перед собой, лишь иногда оглядываясь, чтобы взглянуть на белого. Дэви плыл беспокойно, рывками. Он был неопытным пловцом и постоянно сбивался с ритма движений. Ему никак не удавалось поймать момент, поэтому он лег на спину, и дело пошло лучше. Течение было здесь незначительным, но все же делало за него половину работы, подгоняя вперед, и он не отставал от краснокожего. Пока они оба плыли вдоль длинных берегов эллипсообразного озера.

Вскоре индеец начал смекать, что ему досталась более тяжелая дистанция. Он преодолел большую часть озера, приближаясь к самому устью горного потока, но с каждым движением чувствовал, что течение усиливается. Пока еще он имел достаточно сил, но вскоре стало заметно, что он начинает напрягаться. Краснокожий сильно отталкивался от воды и при каждом толчке вылетал из озера на полгруды.

На другой стороне, у Дэви, течение становилось все слабее, но его направление пока благоприятствовало ему. Дошло до того, что он сам стал плыть все более и более размеренно, работал правильно и обдуманно, следил за каждым своим успешным толчком и быстро избавлялся от ошибочных и лишних гребков. Поэтому его быстрота удвоилась, и вскоре он стал опережать краснокожего, что побудило последнего еще больше напрячь силы, вместо того чтобы сэкономить их для преодоления дальнейших трудностей.

Теперь Дэви приближался к стоку речки. Течение стало сильнее, оно готово было подхватить его и унести прочь из озера. Он с трудом боролся с ним и снова потерял преимущество перед краснокожим. Наступил момент, от которого сейчас зависело все.

Спутники стояли на берегу и с большим напряжением следили за каждым его движением.

— Краснокожий снова его догоняет, — с тревогой заметил Джемми. — Дэви пропал.

— Если он еще хотя бы на три локтя продвинется дальше, — ответил Олд Шеттерхэнд, — он преодолеет течение и спасется.

— Да, да, — согласился Френк. — Кажется, он это понял. Как он работает, какой у него ритм! Так, хорошо, он идет вперед... он вырвался! Аллилуйя, ура!

Длинному удалось одолеть течение, и теперь он очутился в спокойной воде. Вскоре он оставил позади правый длинный берег, в то время как краснокожий все еще никак не мог преодолеть своей левой части. Дэви повернул вдоль узкого берега к месту впадения горного потока. Индеец заметил это и заработал как сумасшедший, чтобы спасти свою жизнь, но каждый мощный толчок едва ли выбрасывал его на локоть вперед, в то время как Дэви мчался с удвоенной скоростью. Теперь последний достиг места впадения горного ручья, вода которого подхватила его и увлекла за собой вниз. Он уже преодолевал последнюю треть своего пути, когда индеец только-только осилил первую. Оба пролетели мимо друг друга.

— Ура! — не смог сдержаться Дэви, едва не захлебнувшись. Краснокожий ответил издали лишь яростным воем.

Преодолеть остаток пути теперь для Дэви не составляло труда, и он с радостью плыл к берегу. Ему оставалось лишь тихо подгрести, чтобы соблюдать вышеописанную дистанцию. Постепенно течение становилось слабее, и он должен был снова взяться за работу, что давалось ему легко, будто он всю жизнь только и плавал. Дэви достиг условленного места и выбрался на сушу. Когда он обернулся, то увидел, что индеец только что достиг истока реки и там снова боролся с течением.

Раздался короткий, но пронизывающий до мозга костей вой краснокожих, который свидетельствовал о том, что Красная Рыба проиграл и обречен на смерть. Но Дэви прежде всего быстро облачился в одежду и побежал к своим спутникам, приветствуя их на бегу, словно воскресший.

— Кто бы мог подумать! — едва смог вымолвить он, тряся руки Олд Шеттерхэнда. — Я победил лучшего пловца юта!

— Благодаря травинке, — улыбнулся охотник.

— Как вам это удалось?

— Об этом потом. Это была лишь маленькая уловка, которую вряд ли стоит называть мошенничеством, ибо речь шла о спасении твоей жизни, и оно не наносило краснокожим никакого вреда.

— Именно так! — подтвердил Фрэнк, бесконечно счастливый победой своего друга. — Твоя жизнь висела даже не на волоске, а на былинке! То же самое и с бегом. Ноги — это далеко еще не все! Кто знает, какой стебелек принесет спасение мне. Конечно, без ног тут не обойтись... Смотрите туда, вот он, Несчастная Рыба!

Индеец появился справа через пять минут после белого. Он поднялся на берег и сел там, отвернувшись к воде. Ни один из краснокожих не удостоил его даже взглядом, ни один не двинулся с места — они ждали, что Дэви нанесет смертельный удар.

Тут из толпы вышла одна из скво, ведущая в каждой руке по ребенку. Она подошла к проигравшему. Тот притянул к себе одно дитя справа, другое — слева, потом отстранил обоих, подал женщине руку и велел удалиться. Затем он поискал глазами Дэви и крикнул ему:

— Нани вич, не покай! ⁴⁶

У бравого Дэви едва не навернулись слезы. Он взял женщину с детьми и снова подтолкнул ее к мужу, сказав при этом на смеси английского и языка юта, которым не владел:

— Ни вич, ни покай!

Охотник повернулся и отошел к своим спутникам. Все юта видели и слышали, что произошло, а их вождь спросил:

— Почему ты его не убиваешь?

— Я дарю ему жизнь.

— Но если бы победил он, ты был бы убит!

— Но он не победил, а, стало быть, не может этого сделать. Пусть живет.

— Ты не берешь его собственность? Его оружие, его коня, его жену и детей?

— Такое мне и в голову не приходило! Я не грабитель. Пусть он оставит себе все, что имеет.

— Уфф, я не понимаю тебя! Он действовал бы умнее.

Остальные краснокожие, казалось, тоже не понимали поступка бледнолицего. Взгляды, которые они на него бросали, ясно говорили об их удивлении. Ни один из них не отказался бы от своего права, даже если бы речь шла о сотне человеческих жизней. Красная Рыба убрался прочь. Он также не мог понять, почему белый не ударил его ножом и не оскальпировал. Он стыдился своего поражения и посчитал лучшим исчезнуть с глаз долой.

Но одна благодарность все же прозвучала. Женщина подошла к Длинному Дэви и протянула руку, подняв также руки детей, и произнесла несколько негромких слов, смысл которых Дэви не понял, но мог легко догадаться.

Теперь к вождю приблизился Намбо-ават, Большая Стопа, и спросил, можно ли начинать состязание со вторым бледнолицым. Большой Волк кивнул и приказал идти к определенному месту. Оно находилось вблизи двух столбов пыток. Там, как и прежде, снова был образован широкий круг, в середину которого вождь вывел Большую Стопу. Олд Шеттерхэнд сопровождал Толстяка Джемми. Он делал это, чтобы пресечь какие-либо коварные намерения против последнего.

Оба борца разделись до пояса и стали спиной друг к другу. Голова Джемми не доставала даже плеча краснокожего. Вождь держал в руках лассо, которым крепко связал обоих. Ремень прошел краснокожему по линии бедер, белому — опоясывал грудь. Случайно, но к выгоде последнего, концы лассо оказались длинными и болтались, поэтому вождь вынужден был накинуть на грудь толстяка петлю.

— Теперь тебе не нужно разрезать ремень, надо только распустить петлю, — словно невзначай бросил ему по-немецки Олд Шеттерхэнд.

Каждый получил в руку нож, и поединок начался. Вождь сразу отступил назад, и Олд Шеттерхэнд последовал за ним.

— Проткни его, Джемми, и не дай себя бросить! — напутствовал Хромой Френк. — Ты знаешь, если он заколет тебя, я навсегда овдовею и осиротею, но ты же не хочешь этого! Бодни его только и качни как следует!

Краснокожий тоже слышал со всех сторон ободряющие возгласы. Он отвечал:

— Я не Красная Рыба, позволивший одолеть себя. Я раздавлю и распотрошу эту толстую жабу, висящую у меня на спине.

Джемми молчал. Он смотрел спокойно и серьезно, хотя и выглядел очень забавно на фоне краснокожего гиганта. Он предусмотрительно держал лицо отвернутым в сторону, чтобы наблюдать за движением ног краснокожего. Начинать борьбу было не в его интересах и не входило в его намерения; он хотел уступить инициативу индейцу.

Тот долгое время стоял спокойно и неподвижно; он собирался внезапным броском застать врасплох своего противника, но это ему не удавалось. Когда он вроде бы совершенно случайно продвинул свою ступню назад, чтобы подставить Джемми ногу, тот отвесил ему такого пинка своей массивной лапой по другой, твердо стоящей ноге, что индеец чуть было не упал.

Но теперь атака следовала за атакой. Краснокожий был явно сильнее, но белый — осторожнее и осмотрительнее. Первый постоянно пребывал в ярости из-за тщетности своих усилий, но, чем больше он бушевал и подставлял подножки, тем спокойнее становился последний. Борьба, похоже, затянулась, и интерес к ней остывал, поскольку не было заметно ни малейших преимуществ ни одного, ни другого. Но тем быстрее должна была быть развязка, замысленная коварным индейцем.

Тот до сих пор своим поведением преследовал лишь одну цель — сделать своего противника осторожным. Белый должен понять, что никакой другой способ нападения со стороны индейца не мог достичь и не достигнет успеха. Но теперь вдруг индеец вцепился в лассо, резко натянул

его так, что освободил себе некоторое пространство для поворота, и развернулся кругом — но попытка не удалась.

Если бы Большая Стопа сумел бы повернуться к белому лицом, то просто задавил бы его своей массой, но хитрюга Джемми был начеку. Хромой Френк также заметил коварные намерения краснокожего и за долю секунды до поворота крикнул Толстяку:

— Сбрось его, он разворачивается!

— Да знаю я! — прокряхтел Джемми.

В момент произнесения этих слов, когда краснокожий осуществил свой разворот лишь наполовину и, стало быть, нетвердо стоял на ногах, Толстяк резко нагнулся, рванув вверх своего противника, и быстро распустил петлю. Лассо ослабло. Краснокожий, беспомощно хватаясь руками за воздух, кувыркнулся над головой Джемми и грохнулся оземь, при этом выронив нож. Мгновенно Толстяк встал над ним на колени, схватил его левой рукой за горло, а правой приставил к сердцу клинок.

Возможно, Большая Стопа и собирался защищаться, но кувырок его ошеломил, а глаза Толстяка сверкали так близко и угрожающе, что он посчитал лучшим лежать без движений. Джемми метнул на вождя взгляд и спросил:

— Согласен, что он проиграл?

— Нет, — ответил тот и подошел к ним.

— Почему? — тотчас вмешался Олд Шеттерхэнд и тоже подскочил к борющимся.

— Он не побежден, ибо лассо развязано.

— В этом виноват сам Большая Стопа — он развернулся и тем самым вырвал ремень.

— Этого никто не видел. Пусти его! Он не побежден, и борьба начинается снова.

— Нет, Джемми, не отпускай! — приказал охотник. — Как только я скажу или если он рискнет пошевелиться, воткни ему нож в грудь!

Тут вождь гордо выпрямился:

— Кто здесь приказывает, ты или я?

— Ты и я, мы оба.

— Кто это сказал?

— Я. Ты вождь своих людей, а я предводитель своих, Ты и я, мы вдвоем, заключили договор об условиях борьбы. Кто не соблюдает этих условий, тот нарушает его, он лжец и обманщик!

— Ты рискуешь так говорить перед столькими красными воинами?

— Это не риск. Я говорю правду и требую справедливости и

честности. Если мне нельзя больше говорить, тогда заговорит Ружье смерти.

Прежде вестмен опирался прикладом штуцера о землю, теперь же он демонстративно поднял его вверх.

— Так скажи, чего же ты хочешь? — спросил вождь, значительно понизив голос.

— Ты согласен, что эти двое должны были бороться, стоя спинами друг к другу?

— Да.

— Но Большая Стопа приподнял лассо и развернулся. Это так? Ты должен был видеть!

— Да, — согласился вождь после некоторого колебания.

— Умереть должен был тот, кто оказывался под другим. Ты помнишь условие?

— Я знаю его.

— Ну, кто лежит внизу?

— Большая Стопа.

— Так значит, кто побежден? — продолжал задавать вопросы Олд Шеттерхэнд, не давая вождю опомниться.

— Он... — вынужден был ответить тот, ибо охотник так держал штуцер, что его ствол почти касался груди индейца.

— Ты хочешь возразить?

Тяжелый взгляд буквально давил вождя. Он, несмотря на свою гигантскую фигуру, почему-то почувствовал себя совсем маленьким и дал ожидаемый ответ:

— Нет, побежденный принадлежит победителю. Скажи ему, что он может его убить.

— Мне не нужно этого говорить, поскольку он и сам все хорошо знает. Но он не сделает этого.

— Он хочет подарить ему жизнь?

— Это мы решим позже. Пусть до того момента Большая Стопа будет связан тем самым лассо, от которого он хотел освободиться.

— Зачем его связывать? Он никуда не сбежит.

— Ты ручаешься?

— Да.

— Чем?

— Всей моей собственностью.

— Хорошо. Пусть он идет, куда хочет, но после последнего поединка должен вернуться к своему победителю.

Джемми тем временем встал и оделся. Большая Стопа тоже вскочил, прорубив себе дорогу в толпе краснокожих, которые пока не знали, выказывать ему презрение, или нет.

Эти юта, пожалуй, еще ни разу не видели, чтобы какой-то белый, подобно этому Олд Шеттерхэнду, так обращался с ними и их вождем. Он был в их власти, но все же никто не осмеливался отказать ему в исполнении его требований. В этом была сила его личности и лишнее доказательство воздействия ореола, окутавшего истории и сказания о его подвигах.

Вождь, безусловно, был разозлен тем, что уже двое его лучших людей проиграли, да еще противникам, которых они, казалось, превосходили по всем статьям. Теперь его взгляд упал на Хромого Френка, и настроение его тотчас улучшилось. Этот малыш был явно не в состоянии догнать Скачущего Оленя. По меньшей мере, здесь краснокожих должна ждать победа.

Он дал знак Скачущему Оленю приблизиться, подвел его к Олд Шеттерхэнду и сказал:

— Этот воин бежит как ветер, и еще никому из бегунов не удавалось его опередить! Может, ты сразу скажешь своему спутнику, чтобы он сдался без борьбы?

— Нет.

— Он умер бы быстро и без позора.

— Разве не больший позор сдаться, не сражаясь? Разве ты не называл неодолимым Красную Рыбу и не говорил, что Большая Стопа задушит своего противника за пару минут? Ты думаешь, Скачущий Олень будет счастливее их, так гордо начинавших, но так тихо и скромно закончивших и убравшихся прочь?

— Уфф! — воскликнул Скачущий Олень. — Я состязался с оленем!

Олд Шеттерхэнд посмотрел на него внимательнее. Да, краснокожий по строению был прирожденный бегун, и его ноги, конечно, могли без усталости покрыть большие расстояния. Но количество мозгов в его голове, похоже, никак не соответствовало длине ног.

Хромой Френк тоже приблизился и взглянул на Оленя.

— Что думаешь о нем? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Вылитый болван из Мейссена ⁴⁷, который выпучил глаза перед блестящей жиры в супе и не может найти бульона! — ответил в своей манере маленький саксонец.

— Ты думаешь, что сможешь с ним состязаться?

— Хм! Что касается его ног, то они в три раза длиннее моих. Но

относительно серого вещества — надеюсь, у меня его не меньше. Давайте сначала попробуем узнать, на какую дистанцию будет бег. Может быть, головой я пробегу лучше и быстрее, нежели он ногами.

Олд Шеттерхэнд снова повернулся к вождю:

— Уже известно, где пройдут состязания по бегу?

— Да. Идем, я покажу тебе.

Олд Шеттерхэнд и Хромой Френк последовали за ним, выйдя из круга индейцев. Скачущий Олень остался позади — ему цель давно была известна. Вождь указал на юг и сказал:

— Видишь дерево, которое стоит на полпути к лесу?

— Да.

— Они должны бежать до него. Победит тот, кто три раза обежит вокруг и вернется первым.

Хромой Френк прикинул на глаз расстояние, а также оглядел удаленные южные окрестности, после чего заметил на английском, на котором он, как известно, разговаривал более правильно, чем на своем родном.

— Надеюсь, что честность будут соблюдать обе стороны.

— Ты хочешь сказать, что нас можно обвинить в нечестности? — повысил голос вождь.

— Да.

— Я ведь могу убить тебя за эти слова!

— Попробуй! Пули моего револьвера быстрее, чем твоя рука. Разве не разворачивался Большая Стопа, хотя ему это было запрещено? Разве это честно?

— Это была хитрость.

— Вот как! А подобная хитрость разрешена?

Вождь задумался. Скажи он «да», оправдал бы тем самым поведение Большой Стопы, и, быть может, дал бы повод пуститься на хитрости Скачущему Оленю. Эти белые совершили гораздо большее, чем можно было от них ожидать. А вдруг и малыш также хороший бегун. Тогда, пожалуй, не будет лишним дать отступные его краснокожему противнику. Поэтому он ответил:

— Хитрость — это не обман. Зачем ее запрещать?

— А разве может она освободить от выполнения условий?

— Нет, их надо точно соблюдать.

— Тогда я согласен и готов начать бега. Откуда начнем?

— Я воткну копьё там, где начнется и закончится бег.

Вождь на короткое время удалился, и белые остались одни.

— Пожалуй, у тебя есть идея? — осведомился Олд Шеттерхэнд.

— Да. По мне видно?

— Конечно, ведь ты тихо посмеиваешься про себя.

— Это просто умора! Вождь хочет навредить мне своей хитростью, а на самом деле сослужит огромнейшую службу!

— Каким образом?

— Сейчас услышите. Что это за дерево, вокруг которого мы должны сделать три круга?

— Кажется, бук.

— Взгляните-ка дальше налево — там стоит еще одно дерево, но расположено оно почти в два раза дальше. Что это?

— Ель.

— Прекрасно. Куда же мы должны бежать?

— К буку.

— А я помчусь прямо к ели.

— Ты обезумел!

— Нет. К буку я побегу головой, а ногами — к ели, хотя туда и в два раза дальше.

— Зачем? — не понимал Олд Шеттерхэнд.

— Потом увидите и порадуетесь! Полагаю, что не обманусь в своих ожиданиях. Когда я гляжу на фасад этого Скачущего Оленя, понимаю, что ошибки быть не может.

— Будь осторожен, Френк! Речь идет о твоей жизни!

— Ну, если речь идет только о жизни, мне вообще не стоит напрягаться. Если бы меня победили, я все равно остался бы в живых. Большая Стопа должен умереть, да и вождя вы тоже уложите, так что я мог бы быть выкуплен в обмен на этих двух. Стало быть, за мою жизнь не стоит опасаться, но речь идет о чести и репутации! Разве можно позволить, чтобы позже в истории последней четверти девятнадцатого столетия прочитали, как меня, Хромого Френка из Морицбурга, обскакал такой вот индеец с физией мерина? Я не допущу, чтобы обо мне говорили подобное!

— Но поясни мне хотя бы свое намерение. Может быть, я дам тебе дельный совет!

— Покорнейше благодарю! Я уже сам себе посоветовал и хочу собственноручно разработать мое изобретение. Только скажите мне одно — как называется ель на языке юта?

— Овомб.

— Овомб? Странное название! А как прозвучало бы короткое предложение «к той ели»?

— Инч овомб.

— Еще короче, всего два слова! Уж их я не забуду.

— Как же связано это «инч овомб» с твоим планом?

— Это путеводная звезда в моем беге на длинную дистанцию. Но, тише! Вождь идет!

Большой Волк снова подошел к ним. Он воткнул копье в мягкий грунт и объявил, что «бег на смерть» начинается.

— А какая одежда? — уточнил Хромой Френк.

— Любая.

Френк мгновенно выскочил из своего одеяния, оставшись в брюках. Скачущий Олень стоял в одном кожаном переднике. Он окинул своего противника полным презрения взглядом.

— Френк, ты уж постарайся! — напутствовал Джемми. — Помни о том, что мы с Дэви победили!

— Только не хнычь! — отозвался малыш. — Если ты до сих пор не знаешь, есть ли у меня ноги, или нет, то сейчас увидишь, как они вырастут.

В этот момент вождь хлопнул в ладоши. Издав пронзительный крик, Скачущий Олень сорвался с места, а маленький Френк поскакал следом. Жители деревни снова собрались все вместе, чтобы наблюдать за состязанием. Через две-три секунды по их виду можно было точно определить, кто станет победителем. Олень вырвался далеко вперед и с каждым шагом получал все большее преимущество. Краснокожие ликовали. Было бы безумством утверждать, что белый перегонит или хотя бы догонит индейца.

Просто удивительно, как маленький саксонец выбрасывал свои ножки, несмотря на хромоту. Их было почти не видно — так быстро они двигались, и все же у внимательного наблюдателя создавалось впечатление, что он еще не весь выложился, что мог бежать куда быстрее, если бы захотел.

Индейцы не находили себе места: они выкрикивали насмешки, злорадствовали, они веселились и действительно имели на то полное право. А причина была в следующем: бук стоял прямоком перед лагерем, посреди прерии, на расстоянии, пожалуй, трех тысяч футов, а левее его, но, по меньшей мере, на две тысячи футов дальше, росла упомянутая ель, и теперь, когда оба бегуна находились на достаточном удалении, ясно было видно, что малыш взял не к буку, а к ели. Он мчался к ней, не жалея ножек. Конечно, это выглядело так весело, что у индейцев от смеха едва не перекосило лица.

— Твой спутник меня неправильно понял, — подал голос вождь,

обращаясь к Олд Шеттерхэнду.

— Нет.

— Но он бежит к ели!

— Конечно.

— Тогда Скачущий Олень победит еще быстрее!

— Нет.

— Нет? — не мог скрыть своего удивления вождь.

— Это хитрость, которую ты сам ему позволил.

— Уфф! — вырвалось у вождя, и ему завторили остальные, когда им пояснили слова Олд Шеттерхэнда. Их улыбки исчезли, а напряжение удвоилось, даже нет, удесятилось.

В короткое время Олень достиг бука. Он должен был три раза обежать его. Уже на первом круге он увидел, оглянувшись назад, что его соперник мчится в совершенно другом направлении в трех сотнях шагах от него. Он застыл, пораженный, и, выпучив глаза, уставился на морицбуржца.

Из лагеря видели, что малыш указал рукой к далекой ели, но не могли слышать, что он при этом крикнул.

— Инч овомб, инч овомб! (К той ели, к той ели!) — именно эти слова выкрикивал Френк.

Индеец замешкался. Не ослышался ли он? Его мысли вились дальше предположения, что он просто неправильно понял вождя и что не бук, а ель являлась рубежом состязаний. Малыш уже был намного дальше, и на раздумия времени не оставалось — шла борьба за жизнь! Краснокожий оставил бук и поспешил к ели. Через несколько мгновений он уже промчался мимо противника и понесся дальше, ни разу не оглянувшись.

Это вызвало сильное возбуждение среди краснокожих. Они завыли и зашумели, будто на карту была поставлена жизнь их всех. Тем больше была радость бледнолицых, особенно Толстяка Джемми, видевших, что смелый шаг их товарища удался на славу.

Как только Скачущий Олень пролетел мимо, Френк развернулся и помчался к буку. Достигнув его, он обежал три, четыре, пять раз вокруг ствола и еще более быстрым темпом направился назад. Четыре пятых пути преодолел он бешеной рысью, затем стал, чтобы взглянуть на ель. Рядом с ней в застывшей позе стоял Скачущий Олень. Естественно, выражения его лица разглядеть не могли, но всем было ясно видно, что он остолбенел как статуя. Он не знал, как быть, и его ум до сих пор не подсказывал ему, что он был мастерски одурачен.

Хромой Френк чувствовал себя в высшей степени удовлетворенным и остаток пути преодолел непринужденным шагом. Индейцы встретили его

мрачными взглядами, но ему до них не было никакого дела. Он подошел к вождю, хлопнул его по плечу и спросил:

— Ну, приятель, кто победил?

— Кто выполнил все условия, — сухо ответил вождь, едва сдерживая ярость.

— Тогда это я!

— Ты?

— Да, или я не достиг бука?

— Я видел это.

— Разве я не первый здесь?

— Да.

— Разве я не пробежал вокруг дерева пять раз вместо трех?

— А почему на два больше?

— Из чистой любви к Скачущему Оленю, — скривился Хромой Френк. — Он сделал один круг, а потом бросился прочь. Я за него доделал остальные, чтобы бук не обижался.

— А почему он оставил его и побежал к ели?

— Я сам хотел его спросить, но он так быстро пронесся мимо, что я не успел раскрыть и рта. Когда он вернется, он, наверное, сам тебе расскажет.

— А почему ты первый побежал к ели?

— Потому что был уверен, что это пихта. Олд Шеттерхэнд назвал дерево елью, и я, таким образом, хотел узнать, кто из нас прав.

— А почему ты развернулся, а не продолжил бег?

— Потому что Скачущий Олень побежал туда. От него я с таким же успехом мог бы узнать, кто ошибся — я или Олд Шеттерхэнд.

Он сказал это спокойнейшим и непосредственнейшим тоном. Внутри вождя все кипело. Его слова почти шипели на губах, когда он спросил:

— Ты обманул Скачущего Оленя?

— Обманул? Может, тебя послать в нокдаун? — вспылil в гневе малыш.

— Или перехитрил его!

— Перехитрил? Зачем же мне это понадобилось?

— Чтобы отослать Скачущего Оленя к ели.

— Но что это за хитрость? Мне должно было быть стыдно. Человек, который бежит, ставя на карту свою жизнь, не позволит себе устремиться мимо цели. Если он это сделал, у него нет мозгов, и те, кто тренировали и воспитывали его, должны постыдиться, что не делали это лучше. Только глупец позволил бы такому человеку бороться с белым! Я не могу понять тебя и твоих догадок, ибо ими ты оскорбляешь собственную честь.

Рука вождя легла на пояс и судорожно сжала рукоять ножа. Охотнее всего он заколол бы этого дерзкого и хитрого малыша, но он понимал, что не имеет права так поступить, и вынужден был погасить свою ярость. Хромой Френк вернулся теперь к своим спутникам, которые спокойно, но очень сердечно его поздравили.

— Я все же победил! Ты доволен мной? — спросил тот Джемми относительно напутствия Толстяка перед бегом.

— Естественно! Ты действительно хитро придумал. Прямо-таки мастерская работа!

— Правда? Тогда поставь заметку об этом в своей памяти на страничке сто тридцать шестой и раскрывай потом эту страницу, если взбредет на ум усомниться в моем превосходстве! Вот идет Скачущий Олень, но он не скачет, а еле движется. Похоже, у него беспокойно на душе и он жметя в угол, будто наполучал оплеух. Гляньте только на его лицо! И с этим растеряхой я должен был мериться силами! Да, да, ноги — вовсе не основное, даже в состязаниях по бегу! Самое главное — голова!

Олень, казалось, хотел исчезнуть с глаз подальше, но вождь окликнул его, подозвал к себе и спросил:

— Кто победил?

— Бледнолицый, — прозвучал робкий ответ. — Почему ты побежал к ели?

— Бледнолицый обманул меня. Он сказал мне бежать к ней.

— И ты поверил? Я же назвал тебе цель!

Олд Шеттерхэнд перевел Френку, что его назвали лжецом. Лукавый малыш не мог этого пропустить и повернулся к вождю:

— Я солгал? Я сказал Оленю, что цель ель? Это неправда. Я видел, как он остановился у бука. Он удивленно взирал на меня и, казалось, был в страхе, что я задумал недоброе. Тут я почувствовал сострадание к бедняге и крикнул ему: «Инч овомб!» Я сказал ему, стало быть, что собираюсь к ели. Почему он потом побежал туда, я не разгадал до сих пор, а может, он и сам не знает. Я сказал. Хуг!

Олд Шеттерхэнд беззвучно рассмеялся над тем, как этот маленький веселый бедовый парень воспользовался индейским выражением. Но вождь пришел в еще больший гнев и крикнул:

— Да, ты сказал и закончил, а я — нет и еще поговорю с тобой, когда придет время! Но я должен сдержать слово. Жизнь, скальп и собственность Скачущего Оленя принадлежат тебе.

— Нет, нет! — отмахнулся малыш. — Мне ничего не нужно. Оставьте его у вас, вам он, пожалуй, может пригодиться, особенно в состязаниях по

бегу с бледнолицыми.

Среди краснокожих прошел тихий гневный шепот, а вождь буквально взвился:

— Сейчас ты еще можешь извергать ядовитые речи, но потом будешь так плакать о пощаде, что твой вой услышат на небесах! Каждый член твоего тела умрет отдельно, и душа выйдет из тебя кусками, твое умирание продлится много лун!

— Что можете вы сделать? Я победил, а значит, свободен.

— Есть еще один, кто может оказаться побежденным — Олд Шеттерхэнд. Подожди немного — он упадет перед мной в пыль и будет молить о пощаде! Я сохраню его жизнь вместо твоей, а ты будешь в моей власти.

— Не ошибись! — серьезно предупредил Олд Шеттерхэнд. — Я еще не лежу перед тобой. А если тебе удастся то, что до сих пор не удавалось никому, я не поменяю свою жизнь на жизнь другого.

— Ждать недолго! Сейчас ты цел и невредим, но ожидающие тебя муки укротят твою гордость и изменят твой нрав! Ты подарил бы мне тысячу жизней за свою, если бы они только у тебя были! Идемте все со мной, сейчас начнется самый последний, самый большой и решающий поединок!

Краснокожие последовали за вождем беспорядочной толпой. Белые также медленно двинулись следом.

— Я что, чересчур много сказал? — осведомился Хромой Френк.

— Нет, — ответил Олд Шеттерхэнд. — Очень хорошо, что и ты можешь укротить их боевую гордость. Конечно, если вождь убьет меня, вы пропали — краснокожие тотчас набросятся на вас. Но даже если я скорее всего стану победителем, им нельзя доверять. Я, хоть у меня и нет сейчас определенных оснований, все же убежден, что краснокожие в любом случае не дадут нам спокойно уйти. Они решились на поединки только потому, что были уверены, что все мы погибнем. Теперь их планы рухнули, и они думают иначе. Самое главное, что мы внушаем им уважение. До настоящего момента это держало их в узде — должно принести пользу и дальше. А потому я рад, что ты так бесстрашно говорил с Большим Волком, ты, кроха, с этим Голиафом! Он взбешен, но теперь знает, что никто из нас не испытывает ни малейшего испуга. Сейчас необходимо сделать так, чтобы авторитет вождя упал в глазах его людей. Я об этом позабочусь — померяюсь с ним силой. Мне кажется, они хотят оставить нас заложниками, но этот план мы должны перечеркнуть во что бы то ни стало, иначе ни одного мгновения мы не можем чувствовать себя в

безопасности.

Во время этих разъяснений белые находились в кругу палаток и хижин. В центре лагеря начались приготовления к последнему и самому интересному поединку. Там из груды камней, весивших не меньше центнера каждый, торчал крепкий столб, к которому были привязаны два лассо. Вокруг этого места собрались все мужчины и женщины племени, чтобы стать свидетелями небывалого представления. Олд Шеттерхэнд заметил, что все краснокожие воины были хорошо вооружены — обстоятельство, которое не могло не вызвать опасений. Он решил воспротивиться такому ходу дела и вышел в середину круга, где уже находился вождь. Тот стоял с победоносным видом. Указав на оба лассо, он сказал:

— Ты видишь эти ремни? Знаешь, зачем они?

— Могу только догадаться, — улыбнулся охотник. — Во время борьбы мы должны быть связаны.

— Ты подумал правильно. Один конец лассо будет закреплен на столбе, другой получит каждый из нас и обвяжет им свое тело.

— Зачем?

— Чтобы мы двигались лишь в узком кругу вокруг столба и не смогли убежать.

— Что касается меня, то эта мера излишняя, поскольку мне и в голову не придет бежать от тебя. Истинная причина мне ясна. Ты уверен, что у меня больше быстроты и ловкости, чем силы, и хочешь помешать мне воспользоваться этими преимуществами. Пусть будет так, мне совершенно все равно! Каким оружием мы будем сражаться?

— Каждый возьмет нож в левую и томагавк в правую руку. Будем бороться, пока один из нас не убьет другого.

Ясно, как Божий день, что вождь выбрал такой способ борьбы, поскольку полагал, что превосходил в нем белого. Но последний словно не обращал на это внимания и совершенно спокойно сказал:

— Согласен.

— Согласен? Со своей смертью? Это же очевидно, что ты побежден!

— Посмотрим!

— Сначала испытай свою силу и попробуй, сможешь ли ты сделать, как я!

Индеец подошел к одному из тяжелых камней и поднял его вверх. Большой Волк обладал чудовищной физической силой, и, конечно, ни один из его воинов не смог бы сравниться с ним. Олд Шеттерхэнд наклонился, чтобы поднять тот же камень, но, несмотря на все видимые усилия, не

поднял его и на три дюйма.

Удовлетворенное «уфф» пронеслось по кругу индейцев. Но маленький саксонец с ухмылкой заметил Толстяку Джемми:

— Он только притворяется, чтобы усыпить бдительность. Я совершенно точно знаю, что он этот камень не только над головой поднимет, но и зашвырнет шагов на десять. Давайте подождем — краснокожий еще насмотрится чудес.

Но последний имел совершенно иную точку зрения. Он хотел лишиться белого мужества, демонстрируя свою силу, и был убежден, что это ему удалось. Когда он заговорил, в его тоне послышались нотки снисхождения:

— Ты видишь, что тебя ждет. Бледнолицые не забывают заботиться о молитве, когда стоят перед собственной смертью. Я позволю тебе поговорить с твоим Маниту, перед тем как начнется борьба.

— Это ни к чему, — ответил Олд Шеттерхэнд. — Я поговорю с ним потом, когда моя душа придет к нему. Ты сильный человек, и я надеюсь, в этой борьбе ты будешь полагаться только на себя...

— Только на себя. А кто должен был мне помочь?

— Твои воины. Похоже, они считают возможным, что ты будешь побежден мной, или нет? Почему они вооружились, словно приготовились к битве?

— Разве твои спутники не вооружены?

— Вооружены, но мы сложим все свое оружие в палатке. У бледнолицых таков обычай. Гордость храброго белого воина не терпит коварства. Могу я верить, что ты тоже храбрец?

— Ты хочешь меня оскорбить? — в гневе выкрикнул вождь. — Мне не нужна помощь других. Мои воины сложат оружие в палатках, если твои сделают так же.

— Хорошо! Ты увидишь, что мы сложим оружие, а я оставлю себе только нож.

Он передал свое ружье Хромому Френку. Джемми и Дэви сделали то же самое. При этом он бросил малышу на немецком несколько фраз:

— Ты понесешь все это якобы в палатку, но на самом деле, когда никто не будет за тобой следить, выдвинешь оружие из-под задней стенки вигвама наружу. Потом выползешь оттуда сам и подготовишь наших коней к отъезду.

— О чем ты говоришь с этим человеком? — окликнул его вождь. — Почему ты говоришь с ним на таком языке, который я не понимаю?

— Потому что это единственный язык, который хорошо понимает он.

— Что ты ему сказал?

— Чтобы он отнес эти вещи в нашу палатку и там охранял.

— Зачем охранять? Ты думаешь, что мы украдем их?

— Нет, но я не могу оставлять мое Волшебное ружье без присмотра, иначе очень легко может произойти несчастье. Ты же знаешь, что оно стреляет и попадает в краснокожих, как только кто-нибудь его коснется.

— Да, я видел это. Пусть охраняет. Если я убью тебя, я зарою его в землю или брошу в озеро, чтобы оно никому не принесло вреда.

По приказу вождя все индейцы сложили свое оружие и передали женщинам, которые должны были отнести его в палатки. Хромой Френк тоже удалился. Вождь разделся до пояса, обнажив свой мощнейший торс. Олд Шеттерхэнд не стал следовать его примеру. Если бы он победил, одевание лишь отняло бы время, что легко могло сыграть роковую роль. Женщины вернулись назад, чтобы не упустить ни одного момента. Глаза всех были направлены в центр круга, и уже никто не думал о маленьком саксонце.

— Твое желание удовлетворено, — произнес Большой Волк, играя вздутыми мышцами. — Начинаем?

— Прежде еще вопрос. Что будет с моими спутниками, если ты убьешь меня?

— Они станут нашими пленниками.

— Но они уже свободны, ибо боролись за свою жизнь и могут идти, куда захотят.

— Они уйдут, но прежде останутся у нас заложниками.

— Это против договора! Хотя я считаю ненужным терять время на слова. Что произойдет дальше, если тебя убью я?

— Этого не будет! — самонадеянно заявил вождь.

— Но мы должны предусматривать все варианты.

— Ну, хорошо! Если ты победишь меня, вы свободны.

— И никто не может нас задержать?

— Ни один человек!

— Тогда я удовлетворен, и мы можем начинать.

— Да, начинаем. Пусть нас привяжут. Вот твой томагавк.

Два боевых топора были отобраны заранее. Вождь, который, естественно, уже держал в руке нож, взял один из топориков и передал его Олд Шеттерхэнду. Охотник осмотрел оружие и неожиданно выбросил томагавк, который описал широкую дугу, упав за кругом.

— Что ты делаешь? — удивился вождь.

— Я выбросил томагавк, ибо он не годится. Твой, как я заметил, превосходной работы, а этот при первом же ударе разлетелся бы на куски в

моей руке.

— Ты думаешь, я дал его тебе с умыслом?

— Я думаю, он мне принесет больше хлопот, чем пользы, только и всего!

Охотник совершенно точно знал, что плохое оружие ему подсунули специально. Несмотря на толстый слой краски, на лице вождя можно было различить следы усмешки.

— Тебе позволили выбросить топор, но другого ты не получишь, — заметил он.

— Он мне и не нужен. Я буду бороться своим ножом, который меня точно не подведет.

— Уфф! В своем ли ты уме? Первый удар моего томагавка убьет тебя. У меня томагавк и нож, а ты не так силен, как я!

— Похоже, что мою прежнюю шутку ты принял всерьез. Я не собирался запугивать тебя, но сейчас у тебя будет возможность оценить наши силы.

Олд Шеттерхэнд наклонился к камню, который был гораздо тяжелее, чем тот, что брал Большой Волк. Он поднял его сначала до пояса, потом одним махом взметнул над головой, подержал некоторое время вверху и затем спокойно отбросил от себя. Камень грохнулся в пыль на удалении девяти или десяти шагов.

— Сделай так же! — крикнул он краснокожему.

— Уфф, уфф, уфф! — прозвучало в кругу. Вождь ответил не сразу. Он смотрел то на охотника, то на камень. Он был больше чем поражен и после некоторой заминки произнес:

— Ты хочешь напугать меня? И не думай! Я убью тебя и возьму твой скальп, даже если придется бороться до самого вечера!

— Это слишком долго, все закончится за несколько минут, — ответил, улыбаясь, Олд Шеттерхэнд. — Значит, ты хочешь забрать мой скальп?

— Да, поскольку кусок кожи с головы побежденного принадлежит победителю. Привяжите нас! — снова скомандовал вождь.

Этот приказ относился к двум стоявшим наготове индейцам, которые захлестнули петли лассо вокруг бедер вождя и Олда Шеттерхэнда, затянули узлы, а потом отступили. Итак, оба могли двигаться только внутри круга, чей радиус составлял длину свободного ремня. Сейчас они стояли по разные стороны от столба так, что оба лассо образовывали прямую линию — то есть диаметр круга. Краснокожий держал томагавк в правой, нож в левой руке; у Олда Шеттерхэнда был лишь нож.

Большой Волк, пожалуй, представлял борьбу так: один гонял бы

другого по кругу и попытался бы приблизиться настолько, чтобы иметь возможность нанести удар томагавком или ножом. Он хорошо понимал, что не превосходил своего противника в силе, но оружие было неравным, и вождь лелеял надежду, что победит; к тому же, по его мнению, белый неправильно держал нож. Олд Шеттерхэнд взял его так, что клинок был направлен не вниз, а вверх — значит, удар сверху вниз нанести он не мог. Краснокожий в душе смеялся над этим и постоянно держал противника в поле зрения, чтобы от него не ускользнуло ни одно его движение.

Белый также не спускал с него цепкого взгляда. Он отнюдь не собирался позволять гонять себя по кругу, но и не торопился атаковать. Олд Шеттерхэнд ожидал нападения, и это одно-единственное столкновение должно было решить исход боя. Все зависело только от того, каким способом Большой Волк воспользовался бы своим томагавком. Используйте он его для удара — это не страшно, но если он надумал метнуть топорик, требовались предельное внимание и осторожность. Оба стояли недалеко друг от друга, и уклониться от броска было бы очень тяжело.

К счастью, вождь не собирался бросать томагавк. Если бы он не попал, то не смог бы получить оружие обратно.

Так стояли они, выжидая, уже пять минут, потом десять, и ни один не двинулся вперед. Стали раздаваться возбужденные крики из рядов краснокожих, прошел даже гул неодобрения. Большой Волк с усмешкой потребовал от своего противника начать атаку; он выкрикнул какие-то оскорбления. Но Олд Шеттерхэнд молчал. Вместо ответа он сел на землю и принял такую спокойную и непринужденную позу, словно находился в компании давних друзей. Спокойствие было кажущимся, ибо его мускулы и сухожилия напряглись, как пружины, готовые в любой миг к быстрым и сильнейшим действиям.

Вождь посчитал поведение охотника пренебрежением и оскорблением, в то время как оно являлось лишь военной хитростью, подталкивающей его к неосторожным действиям. Цель была полностью достигнута. Вождь решил, что с сидящим противником совладать легче, и решил воспользоваться моментом. Издав громкий боевой клич, он прыгнул на Олд Шеттерхэнда, подняв томагавк для смертельного удара. Краснокожие уже полагали, что удар достиг цели, уже открылись рты для ликования, но тут белый резко метнулся в сторону, вверх, и удар пришелся мимо. Взятый «неправильно» нож сделал свое дело — мчащийся вниз кулак налетел на молниеносно подставленный клинок, который выбил боевой топор. Мгновенный и неожиданный удар Олд Шеттерхэнда по левой руке вождя — вылетел также и нож. А потом белый с такой силой ударил противника

твердой рукояткой своего ножа — «боуи» в область сердца, что краснокожий как подкошенный рухнул на землю и остался лежать без движений. Олд Шеттерхэнд поднял вверх нож и крикнул:

— Кто победил?

Не было слышно ни одного голоса. Даже те, кто считал подобный исход возможным, не думали, что их вождь будет побежден так быстро и таким способом. Люди словно окаменели.

— Он сам сказал, что скальп побежденного принадлежит победителю, — возвестил Олд Шеттерхэнд. — Его чуб, стало быть, моя собственность. Но мне он не нужен! Я друг красных людей и дарю ему жизнь. Возможно, у него сломано ребро, но он не мертв. Пусть мои красные братья осмотрят своего вождя, а я пойду к своей палатке.

Охотник отвязался от лассо и зашагал прочь. Никто не препятствовал ему, также никто не мешал Дэви и Джемми следовать за ним. Каждый прежде всего хотел убедиться, жив ли Большой Волк, и поэтому все озабоченно столпились вокруг него. Благодаря суматохе охотники спокойно достигли палатки. За ней уже лежало их оружие, а рядом стоял Хромой Френк с оседланными лошадьми.

— Быстро по коням и прочь отсюда! — скомандовал Олд Шеттерхэнд. — Поговорим позже.

Они вскочили на животных и поначалу медленно направили их из деревни, скрываясь за хижинами и вигвамами. Но на выходе их заметили часовые, которые стояли также и вокруг лагеря. Индейцы издали боевой клич и выстрелили по убегающим. Белые тотчас пришпорили коней, погнав их галопом. Озираясь, они увидели, что крики и выстрелы часовых привлекли внимание остальных. Краснокожие полились ручьями между палаток и, оказавшись снаружи, послали вслед убегающим сатанинский вой, отразившийся в горах многократным эхом.

Охотники мчались галопом напрямик через равнину к тому месту, где вода со скал низвергалась в озеро. Олд Шеттерхэнд знал местность достаточно хорошо, чтобы предположить, что долина этого ручья являлась лучшим путем для их бегства. Он был убежден, что юта тотчас вышлют погоню, а следовательно, должен был вести людей по такой местности, где краснокожие испытывали бы большие затруднения, идя по их следу.

Глава тринадцатая. БЛАГОРОДСТВО ОЛД ШЕТТЕРХЭНДА

В то утро вверх по течению ручья, вдоль которого накануне вечером следовали воины юта со своими пленниками, скакала группа всадников. Во главе находились Олд Файерхэнд с Теткой Дроллом, за ними ехали Горбатый Билл и Дядя Шомпол с английским лордом — в общем, это были те белые, которые пережили описанные приключения близ Хвоста Орла и теперь держали путь в горы, к Серебряному озеру. В Денвере к ним присоединился инженер Батлер со своей дочерью Эллен. Он отправился туда прямо с фермы своего брата, ибо не хотел лишний раз подвергать свое дитя опасности встретиться с трампами. Девочка, никак не желавшая расставаться с отцом и отправившаяся в глушь вместе с ним, сидела в паланкине, который несли два маленьких, но выносливых индейских пони.

Виннету нигде не было видно — он отправился далеко вперед как разведчик, с чьими обязанностями вряд ли кто мог справиться лучше. Случайно указанный им и Олд Файерхэндом путь вывел группу к лесу, а позже — и на прогалину, где Олд Шеттерхэнда и его спутников схватили юта. Оба предводителя были опытными и достаточно проницательными, чтобы прочесть следы; по отпечаткам они поняли, что белых взяли в плен индейцы, и тотчас были готовы идти по следу, чтобы прийти к ним на помощь.

Они не догадывались, что юта вырыли топор войны. Как Виннету, так и Олд Файерхэнд состояли с ними в давней дружбе; они были убеждены, что найдут у юта дружеский прием и смогут замолвить за пленных словечко.

Они не ведали, где краснокожие разбили лагерь, но хорошо знали, что озеро и его окрестности великолепно подходили под стоянку, и думали найти юта там. Несмотря на предполагаемый дружеский прием, не в обычаях Запада было появляться прежде, чем произвести наблюдение. Поэтому Виннету снова поскакал вперед, чтобы разведать обстановку. А теперь, когда группа достигла места, где берега потока расходились в стороны, образуя равнину, апач вернулся. Он прискакал галопом и уже издали махнул, чтобы остальные остановились. Это было дурным знаком, поэтому Олд Файерхэнд сразу, как только Виннету приблизился, спросил:

— Мой брат хочет предупредить нас. Он видел юта?

— Я видел их и их лагерь.

— Виннету не показался им?

— Нет — они вырыли топор войны.

— Откуда узнал об этом вождь апачей?

— Их собралось очень много, и все они были в боевой раскраске. Красные воины объединяются в таком количестве только в период войны или большой охоты. Сейчас не время перехода бизоньих стад, а значит, это может быть лишь топор битвы!

— Сколько их?

— Виннету не смог точно сосчитать. У озера собралось около трех сотен, но и в палатках тоже есть люди.

— У озера? Так много? Что они там делают? Может, гонят рыбу?

— Нет. Когда гонят рыбу, люди движутся вперед, но эти стояли и спокойно наблюдали за водой.

— Дьявольщина! Должно быть, они бросили в воду белых, чтобы утопить их.

Предположение Олд Файерхэнда не было далеким от истины, поскольку апач наблюдал за юта как раз в тот момент, когда начинался поединок в воде между Дэви и Красной Рыбой.

— Нет, это состязание в плавании, цена которого — жизнь, — произнес Виннету так уверенно, будто находился у озера среди краснокожих и все видел собственными глазами.

— У тебя есть основания так предполагать?

— Да. Виннету знает обычаи красных братьев, и Олд Файерхэнд также хорошо знаком с ними, а потому согласится со мной. Юта в боевой раскраске, а значит, считали пойманных белых врагами. Бледнолицые должны умереть. Но красный человек не позволит врагу умереть быстрой смертью, он будет медленно его мучить: он не бросит его в воду и не утопит, а выставит превосходящего по силам противника, в состязании с которым он должен бороться за свою жизнь. Поскольку противник всегда плавает лучше бледнолицего, белый, безусловно, погибнет. Ему разрешают плыть, чтобы только продлить мучения и страх перед смертью.

— Верно, и я, стало быть, держусь твоего мнения. Сначала мы насчитали следы лишь четырех белых, потом — еще двух, итого — шесть. Все они плавать вряд ли будут, но каждого заставят бороться за свою жизнь каким-нибудь другим способом. Нам надо поторопиться, чтобы их спасти.

— Если мой белый брат сделает это, он только поспешит в лапы собственной смерти.

— Ну, можно рискнуть. Я полагаюсь на то, что никогда не враждовал с

юта.

— На это не стоит полагаться. Если они вырыли против белых топор войны, лучшие их друзья станут злейшими врагами — они не пощадят и тебя!

— Но вожди защитят меня.

— Нет. Юта неискренни, и ни один вождь этого народа не сможет повлиять на своих воинов, чтобы спасти тебя. Мы не должны показываться им на глаза.

— Но ведь ты можешь идти к ним!

— Нет, ибо не знаю — вырыли ли они топор войны против других индейских народов.

— Тогда эти шестеро белых погибнут!

— Пусть мой брат не думает об этом. У меня есть два основания, чтобы возразить ему.

— Ну, первое?

— Во-первых, я уже говорил — пленники красных людей будут умирать медленно, все начнется не ранее утра, и у нас есть еще время следить за лагерем. Может быть, мы узнаем больше, чем знаем теперь, и тогда нам будет легче принять решение.

— А второе?

Лицо апача вдруг приобрело лукавое выражение:

— Во-вторых, среди бледнолицых находится один человек. Он не позволит просто так убить своих.

— Кто?

— Олд Шеттерхэнд.

— Что? — вскрикнул охотник. — Олд Шеттерхэнд, с которым ты хочешь встретиться на той стороне, у Серебряного озера? И он уже здесь?

— Олд Шеттерхэнд точен, как солнце или звезды на небе.

— Ты его видел?

— Нет.

— Как же ты можешь утверждать, что он здесь?

— Я знал об этом еще вчера.

— И не сказал мне?

— Иногда лучше промолчать, чем открывать уста. Если бы я вчера сказал, чье ружье стреляло на поляне, вы бы разволновались и поспешили бы вперед.

— Его ружье стреляло на поляне? Откуда ты знаешь?

— Когда мы обследовали лесную опушку и траву просеки, я нашел деревце с отверстиями от пуль. Пули были выпущены из штуцера Олд

Шеттерхэнда — это я знаю точно. Он хотел напугать красных людей, и теперь они действительно боятся его ружья.

— Если бы ты показал мне деревце! Хм! Раз Олд Шеттерхэнд среди белых — им, конечно, нечего бояться. Я хорошо знаю его и то, какое глубокое уважение питают к нему краснокожие. Что мы будем делать? Что предложит мой брат?

— Мои друзья последуют за мной. При этом они будут идти один за одним, чтобы юта, если обнаружат наши следы, не смогли сосчитать, сколько нас. Хуг!

Виннету повернул коня направо и поскакал дальше, не спрашивая, согласен ли с ним Олд Файерхэнд, и не проверяя, следует ли кто-либо за ним.

Берега ручья, как уже говорилось, расходились, а окаймлявшие равнину озера холмы стали подниматься все выше. Равнина казалась голой, но холмы поросли лесом, который сбегал до самых их подножий и переходил потом в полосу редких кустов. Ища укрытия среди этих кустов и деревьев, Виннету следовал по правой стороне большого холма, ограничивающего северную часть равнины и упирающегося дальше, на западе, в горный массив, чьи воды питали озеро.

Таким образом, белые объехали равнину с востока на запад, добрались до ручья и оказались на удалении ста шагов от озера под раскидистыми деревьями, откуда могли хорошо просматривать лагерь. Там они спешили. Всадники не стали привязывать лошадей — каждый держал своего зверя на поводу. Виннету сразу исчез, чтобы осмотреть окрестности. Очень скоро он вернулся и сообщил, что ничего подозрительного не обнаружил. Ни один юта сегодня не подходил сюда. Лишь теперь люди привязали животных, разбив лагерь на мягком мху. Место было подходящим, ибо позволяло тайно, да еще и уютно расположившись, наблюдать за индейцами.

Они увидели юта и двух мужчин, которые удалялись от них и что есть мочи мчались на юг. Олд Файерхэнд вытащил подозрную трубу, взглянул в нее и едва не вскрикнул:

— Состязание в беге между краснокожим и белым! Юта уже далеко впереди и должен победить. Белый — весьма тщедушный мальчик.

Он подал трубу апачу. Едва тот взглянул на маленького человечка, сразу воскликнул:

— Уфф! Это Хромой Френк! Этот маленький герой, должно быть, бежит, борясь за свою жизнь, но не может опередить краснокожего.

— Хромой Френк, о котором ты нам рассказывал? — возбужденно

спросил Олд Файерхэнд. — Мы не имеем права сидеть сложа руки, мы должны принять решение!

— Не сейчас, — заметил апач. — Пока Олд Шеттерхэнд с ним, опасность невелика.

Деревья росли так, что не позволяли обозревать всю округу. Оба бегуна исчезли с правой стороны, и теперь наблюдатели ждали их возвращения. Естественно, они были убеждены, что краснокожий появится первым. Каково было их удивление, когда вместо него совершенно спокойно и неторопливо выплыл малыш, будто он находился на прогулке.

— Френк первый! — воскликнул Олд Файерхэнд. — Как это ему удалось?

— Благодаря хитрости, — пояснил Виннету. — Он победил, и мы узнаем, как он этого добился. Слышите, как яростно кричат юта! Они возвращаются в лагерь. А видите, там стоят четверо бледнолицых? Я знаю их.

— Я тоже, — подал голос Дролл. — Олд Шеттерхэнд, Длинный Дэви, Толстяк Джемми и малыш Хромой Френк.

Эти имена тотчас всполошили людей. Кто-то знал одного или нескольких, кто-то достаточно о них слышал, чтобы проявить большой интерес. Со всех сторон посыпались замечания, пока Виннету не обратился к Олд Файерхэнду:

— Теперь мой брат видит, что я был прав? Наши друзья при оружии, значит, они не в смертельной опасности.

— Пока да, но как скоро все может измениться! Я предлагаю поехать прямо туда и не скрываться.

— Если мой брат хочет ехать, пусть едет, но я останусь здесь, — ответил вождь апачей категорично. — Олд Шеттерхэнд знает, что он должен делать, мы же не знаем обстоятельств и можем только помешать осуществлению его плана. Оставайтесь здесь, а я, как смогу далеко, проникну в лагерь, чтобы узнать, что там происходит.

Он оставил подзорную трубу в руке и исчез среди деревьев. Прошло долгих полчаса, прежде чем он вернулся.

— В центре лагеря идет поединок, — сообщил он. — Юта стоят так тесно, что я не мог видеть борющихся, но Хромого Френка я заметил. Он тайно вывел лошадей за палатку и подготовил к отъезду. Белые хотят сбежать.

— Тайно? Стало быть, бегство? — рассуждал вслух Олд Файерхэнд. — Тогда мы встанем у них на пути или выйдем навстречу.

— Ни то ни другое, — покачал головой Виннету.

— Похоже, мое мнение сегодня у Виннету вызывает лишь возражения!

— Пусть Олд Файерхэнд не сердится, а подумает. Что будут делать юта, если белые сбегут?

— Естественно, отправятся в погоню.

— Сколько нужно воинов для преследования четверых или шестерых белых?

— Ну, двадцать или тридцать.

— Хорошо! Их мы легко одолеем. Но если мы покажемся юта, они бросятся за нами всем племенем, и тогда прольется много крови.

— Ты прав, Виннету. Но мы не можем все же сделать краснокожих слепыми. Они очень скоро узнают, сколько нас, по следам.

— Они будут изучать только те следы, что перед ними, но не те, что окажутся сзади.

— О, ты хочешь сказать, что мы поедем следом?

— Да.

— И не появимся перед Олд Шеттерхэндом?

— Мы поговорим с ним, но только ты и я. Чу! Что это?

Со стороны лагеря раздался страшный вой, и сейчас же показались четверо скачущих галопом всадников. Это были белые. Они держались в направлении верхней части озера — а значит, имели намерение достичь ручья и мчаться вверх по его течению.

— Вон они, — сказал Виннету. — Пусть Олд Файерхэнд следует за мной. Но другие мои белые братья вместе с лошадьми должны быстро скрыться в лесу и ждать там, пока мы не вернемся. Пусть они возьмут с собой и наших коней.

Вождь апачей схватил Олд Файерхэнда за руку и потащил за собой вдоль высокого берега водного потока, скрываясь под деревьями, вплоть до места, откуда можно было наблюдать за лагерем, не будучи замеченными. Там они остановились.

Олд Шеттерхэнд приближался быстро. Вместе со своими спутниками он держался около воды и, стало быть, скакал вниз, в то время как апач и Олд Файерхэнд уже стояли на возвышении, прямо над ними. Когда вестмен оказался совсем рядом, внезапно сверху прозвучало:

— Уфф! Пусть мои белые братья остановятся здесь.

Те осадили лошадей и подняли наверх удивленные взгляды.

— Виннету! — воскликнули все одновременно.

— Да, это Виннету, вождь апачей, — ответил он. — А вот стоит еще один друг моих белых братьев.

Он вытянул из-за дерева огромного охотника.

— Олд Файерхэнд! — воскликнул Олд Шеттерхэнд. — Ты здесь! Я должен забраться наверх, чтобы приветствовать тебя! Или спускайся вниз!

Несмотря на опасность, в которой теперь находились все, он уже собирался было спрыгнуть с коня.

— Стой, остановись! — предостерег Олд Файерхэнд. — Я тоже не могу к тебе спуститься.

— Почему?

— Юта, которые преследуют тебя, не должны догадаться о нашем присутствии.

— Вот как! Вы одни?

— Нет. Нас, пожалуй, добрых четыре десятка охотников, рафтеров и прочих вестменов. Ты найдешь среди них старых знакомых и друзей. Но сейчас не время для разговоров. Куда ты направляешься?

— К Серебряному озеру.

— Мы тоже. Поедем вместе. Как только ваши преследователи промчатся мимо, мы тотчас тронемся следом, и они окажутся между двух огней.

— Хорошая мысль! — похвалил Олд Шеттерхэнд. — Какая радость встретить вас здесь! Но раз мы не можем тут терять время, я в двух словах поясню, что произошло. Вам оттуда, сверху, видно лагерь?

— Да.

— Тогда смотри в оба, чтобы нас не захватили врасплох. Я расскажу лишь самое важное.

Радость этого человека была необычайно велика, но обстоятельства не позволяли живописать события. Быстро были сделаны взаимные короткие замечания, легко дополнившие картину происшедшего, которая и без того уже начала вырисовываться в проницательных умах этих необыкновенных людей. Когда со всеми разъяснениями было покончено, Виннету взял слово и обратился к Олд Шеттерхэнду:

— Мой белый брат знает глубокое ущелье, которое называется бледнолицыми Ночной каньон?

— Да, мы с тобой не раз там бывали.

— Оно в пяти часах езды отсюда. В самом центре ущелье расширяется и образует округлую площадку, окруженную уходящими в небо стенами, на которые никто не сможет взобраться. Помнит ли Олд Шеттерхэнд это место?

— Очень хорошо помнит.

— Пусть мой белый брат скачет туда. Когда он пройдет через площадку, пусть остановится на другой ее стороне. Ущелье там такое узкое,

что едва ли смогут разъехаться даже два всадника. Моему брату не потребуется помощь его спутников, и он сможет один со своим Волшебным ружьем задержать несколько сотен юта. Когда они окажутся там, они не смогут идти ни вперед, ни назад, ибо мы будем быстро следовать за ними. У них будет выбор — быть расстрелянными до последнего человека или сдаться.

— Хорошо, мы последуем твоему совету. Но скажите мне вот еще что — с какой целью в таком количестве вы держите путь наверх, к Серебряному озеру?

— Я скажу, — ответил Олд Файерхэнд. — Там есть богатейший серебряный рудник, но расположен он в таком безводном месте, что разработка его невозможна, если мы не подведем туда воду. Тут мне пришла мысль взять воду из Серебряного озера. Если это удастся, мы выкачаем из рудника миллионы. Со мной здесь инженер, который рассмотрит техническую сторону дела и в случае удачи займется разработкой.

По лицу Олд Шеттерхэнда пробежала неопределенная улыбка:

— Рудник? Кто его открыл?

— Я сам присутствовал при этом.

— Хм! Подведи воду к руднику, тогда убьешь двух зайцев!

— Что?

— На дне озера лежат такие богатства, против которых твой серебряный рудник — невиннейшая безделица.

— Да! Ты имеешь в виду сокровище Серебряного озера?

— Конечно.

— Что ты о нем знаешь?

— Гораздо больше, чем тебе кажется. Позже, когда будет время, ты все узнаешь. Но ты сам говоришь об этом озере. А от кого ты о нем узнал?

— От... ну, об этом тоже потом. Поспеш! Я вижу выходящих из лагеря индейцев.

— Они направляются сюда?

— Да, верхом.

— Сколько?

— Пять.

— Хо! Их нечего опасаться, но вам не стоит все же показываться. Это авангард, который не должен спускаться с нас глаз, а главные силы непременно поедут следом. Так что, вперед! До встречи в Ночном каньоне.

Он дал коню шенкелей и помчался вперед вместе со своими спутниками. Олд Файерхэнд и Виннету пригнулись, чтобы пронаблюдать

за пятерыми юта. Те подъехали к месту остановки белых и поскакали дальше, внимательно смотря вперед и изучая землю. Они и не догадывались, что за люди находятся поблизости.

Теперь оба разведчика вернулись к своим. Те удалились в лес и находились неподалеку от места впадения ручья в озеро. Олд Файерхэнд хотел им сообщить, что разговаривал с Олд Шеттерхэндом, но тут его глаза упали на большую группу женщин юта, державших в руках снасти для рыбной ловли и приближавшихся к берегу озера. Он обратил на это внимание Виннету:

— Если бы нам удалось подслушать этих скво, может быть мы узнали бы что-нибудь о намерениях их воинов.

— Виннету попытается, когда они подойдут достаточно близко, — ответил апач.

И действительно, женщины подошли близко. Они собирались ловить рыбу не в озере, а остановились у устья ручья. Там, на берегу, они расселись под кустами, забросили удилища и заговорили. Женщины вовсе не знали, а скорее, не считали важным помалкивать во время рыбной ловли. Виннету змеей прокрался к кустам и лег за ними. Со стороны наблюдать за женщинами и вождем апачей было довольно занимательно. Так он пролежал, пожалуй, с четверть часа, потом вернулся обратно и сообщил:

— Если скво не научатся молчать, они никогда ничего не поймают. Скво разболтали все, что я хотел узнать.

— А что это было? — спросили апача.

— Пятеро проскакавших мимо воинов должны идти по следу Олд Шеттерхэнда. За ними последуют пятьдесят других во главе с самим Большим Волком.

— Значит, он цел и невредим?

— Да. Удар Олд Шеттерхэнда парализовал ему правую руку и сбил дыхание. Последнее вернулось, а рука не мешает ему возглавлять преследование. Юта должны застрелить Олд Шеттерхэнда, чтобы он не смог выдать навахам их намерения. Юта отправятся сегодня на большую охоту, чтобы заготовить мяса, ибо они сворачивают свой лагерь.

— Куда они переезжают?

— Женщины с детьми пойдут к старикам в горы, где они будут в безопасности. Но воины последуют за Большим Волком, чтобы присутствовать на месте сбора всех племен юта.

— Где это?

— Похоже, скво не должны об этом знать. Больше я не смог ничего

услышать, но и этого для нас достаточно.

— Тогда нам не остается ничего иного, как ждать, пока Большой Волк со своей группой проскачет мимо. То, что он берет с собой пятьдесят пять воинов, лишний раз показывает, какой страх испытывает он перед Олд Шеттерхэндом. Такая армада против четверых!

— Олд Шеттерхэнд — мой друг и ученик, — не без гордости заметил Виннету. — Ему не страшны и пятьдесят пять воинов.

Теперь все были настороже, ожидая, пока пробьет час Большого Волка и его людей. Те проскакали мимо, даже не бросив взгляд под деревья. Вид хорошо вооруженных воинов был крайне воинственным. Вождь держал руку на перевязи, а его лицо было размалевано еще сильнее, чем утром. С его плеч на спину жеребца спадал украшенный перьями боевой плащ, но ни одного орлиного пера в волосах не было видно. Он проиграл поединок и теперь мог носить почетные отличительные знаки лишь после отмищения. Люди Большого Волка скакали на самых лучших лошадях, какие только имелись в лагере.

Десять минут спустя проследовал отважный Виннету, совершенно один. А еще через десять — тронулись в путь остальные.

О хорошей дороге не могло быть, конечно, и речи. Всадники все время двигались в гору, держась рядом с водой. Та во время весеннего половодья выходила из берегов. Вырванные из земли камни и древесные стволы повсюду валялись в беспорядке и сильно затрудняли передвижение, временами приходилось даже на руках переносить паланкин. Когда потом горный хребет остался позади, стало легче. Очень крутой подъем наконец преодолели, и чем слабее становилось течение, тем меньше было разрушений в окрестностях ручья.

Никто не заботился о сокрытии следов. Олд Шеттерхэнд не считал это нужным. Преследующие его пятеро юта имели даже задание скакать так, чтобы отпечатки копыт их лошадей можно было легко различить, а поскольку Большой Волк понятия не имел ни о каком противнике у себя за спиной, ему также не приходило в голову соблюдать осторожность.

Путь к Ночному каньону вел через очень узкое место гор Элк, напрямик через горы. Когда подъем закончился, ручей был оставлен, и теперь всадники двигались в самом сердце густого девственного леса. Стоявшие друг от друга на большом расстоянии деревья объединяли свои кроны в густое покрывало листвы, сквозь толщу которого лишь иногда проникали крохотные солнечные лучики. На затхлой и влажной земле оставались глубокие следы.

Несколько раз люди Олд Файерхэнда приближались к апачу так, что

могли его видеть. Внешне Виннету казался совсем беззаботным. Он хорошо знал, что юта едва ли обращали свое внимание на то, что делалось позади.

Было десять часов, когда отряд Олд Файерхэнда тронулся в путь от озера. Около часа пробирались его люди через лес, а потом через прерию, поросшую низким кустарником, что белым было по нраву. Бели бы прерия была открытой, им пришлось бы замедлить темп, чтобы их не заметили. Покрытая травой земля часто опускалась в долины, снова поднималась, а потом всадников опять поглотил лес, но ненадолго, ибо всего через несколько минут они достигли опушки. Там их ждал апач. Почему он не скакал дальше, он не объяснил, а молча указал вперед.

Открывшийся глазам белых вид был довольно неожиданным. Хребты гор Элк остались у них за спиной, и теперь впереди открывались окрестности Рио-Гранде с ее каньоном. Перед всадниками, а также справа и слева от того места, где они остановились, уходили вниз три наклонные плоскости, напоминавшие гигантские, сходящиеся друг с другом грифельные доски. Склоны были так круты, а их поверхность так гладка, что о спуске в седле не могло быть и речи. Оторопь брала при взгляде на глубокое дно, которого все же нужно было достичь. По двум склонам туда, где сходились гигантские скальные плиты, сбегали вниз два водных потока, но ни деревца, ни куста, ни даже стебля они не питали. В самом низу обе воды объединялись и исчезали в скальной расщелине, которая казалась не шире школьной линейки.

— Это Ночной каньон, — пояснил Олд Файерхэнд, указав на расщелину. — Он носит это название, поскольку так глубок и узок, что солнечный свет не может в него проникнуть и даже светлым днем в его глубине почти как ночью. Днем едешь в нем как в сумерках. Посмотрите туда, вниз!

Он указал рукой в то место, где вода исчезала в расщелине. Там двигались мелкие фигуры — всадники, казавшиеся такими маленькими, что едва доходили наблюдателю до колен. Они быстро исчезли в расщелине скалы. Это были юта.

Расщелина почти отвесно врезалась в гигантскую каменную стену, над которой лежала широкая равнина с еле заметными в туманной дали вершинами гор Бук. Тетка Дролл глянул на дно и повернулся к Черному Тому:

— Нам надо туда, вниз? Такое под силу лишь кровельщику! Это же риск чистой воды, если потребно! Если тебя посадить на эту гладкую доску, а потом толкнуть, то доедешь до низу как на санях.

— И все же нам придется спускаться, — серьезно заметил Олд Файерхэнд. — Слезайте и берите лошадей под уздцы, ближе к морде. Будем съезжать прямо как на салазках, но поскольку нет ни саней, ни тормозных колодок, поедем вниз зигзагами и, таким образом, сможем притормаживать. Сначала в эту сторону, потом — в ту, — вестмен указал рукой.

Пришлось последовать этому совету, и как оказалось, он был не так плох, ибо скользить вниз напрямик — означало вряд ли добраться до дна невредимым. Спуск отнял более получаса. Истинное счастье, что юта так ничего и не подозревали! Если бы они заметили преследователей из расщелины, то без хлопот и труда по одному подобрали бы внизу всех медленно спускающихся людей.

Наконец последние ступили на дно. Приведя себя в порядок, они направились в каньон, который оказался так узок, что вдоль воды могли двигаться рядом только два всадника. Впереди снова был Виннету, за ним следовал Олд Файерхэнд с лордом, потом двигались охотники, а затем — рафтеры вместе с инженером и его дочкой. Группа стала многочисленнее, ибо после Хвоста Орла к ней присоединился Уотсон, сменный мастер, вместе с несколькими рабочими.

Все молчали, поскольку любой звук в этой расщелине был слышен во много крат сильнее, чем на открытом пространстве. Удары копыт также могли выдать, поэтому Виннету спустился с коня, отдав его на попечение рафтера, и теперь неслышно шел впереди своих спутников в мягких мокасинах.

Путь напоминал дорогу в преисподнюю. Спереди и сзади — узкая расщелина, снизу — застывшее каменистое дно и жуткая темь воды, справа и слева — вздымавшиеся ввысь скальные стены, такие высокие, что, казалось, они сходились наверху, полностью скрывая небо. Чем дальше проникали люди, тем холоднее и спертое становился воздух, а дневной свет растворился в сумерках.

А как долго тянулся каньон — целую вечность! Иногда он становился чуть шире, и появлялось пространство для пяти или шести всадников, но потом стены снова мрачно надвигались на людей, которым от ужаса быть задавленными хотелось громко кричать. Даже с лошадьми творилось неладное: они страшно сопели и фыркали, изо всех сил стремясь вперед, чтобы скорее вырваться из этой адской тесноты.

Прошла четверть часа, затем другая, и вдруг все невольно остановились — совсем рядом раздался такой грохот, словно дали залп одновременно десять артиллерийских орудий.

— О, Боже, что это? — вырвалось у Батлера. — Обвалились скалы?

— Это ружейный выстрел, — пояснил Олд Файерхэнд. — Момент настал! По одному человеку на три лошади, остальные вперед! Быстро слезайте!

Мгновенно более тридцати человек спрыгнули на землю и с ружьями наготове последовали за ним.

Сделав несколько шагов, они увидели Виннету, который стоял к ним спиной и целился из своего Серебряного ружья.

— Опустите оружие, иначе заговорит мое Волшебное ружье! — раздался властный голос, но откуда — сверху, снизу или из недр земли — было непонятно.

— Опустите оружие! — прогремело еще раз на языке юта. В тесной расщелине даже маленький звук гремел, как громовой раскат.

Потом быстро, один за другим, прозвучали три выстрела. Похоже, что говорил один и тот же ствол. Должно быть, это штуцер Олд Шеттерхэнда, чей «голос» сейчас звучал с силой пушечной картечи. Тотчас же ответило Серебряное ружье Виннету. Раздались крики, за которыми последовал такой вой, словно открылись все двери ада.

Олд Файерхэнд подбежал к апачу и только теперь смог увидеть, что произошло. Впереди расщелина снова расширялась и образовывала уютное пространство, которое можно было назвать «скальными покоем». Оно оказалось округлой формы и достаточно широким, чтобы вместить около сотни всадников. Вода бежала по его левому краю. Здесь также царили сумерки, в которых все же можно было разглядеть группу юта.

Пятеро высланных вперед воинов совершили роковую ошибку. Они остановились в «скальных покоях» и стали ждать своих. Если бы они этого не сделали, то находившиеся на другой стороне четверо белых вынуждены были бы обратиться к ним, а те, пожалуй, бросились бы назад и успели бы предупредить своих. Но поскольку юта долго ждали, пока главные силы подойдут следом, теперь все они оказались зажатыми между двух огней. На другой стороне стоял Олд Шеттерхэнд с поднятым штуцером — «генри», а рядом с ним опустился на колени Хромой Френк, давая таким образом возможность стрелять стоявшим сзади Дэви и Джемми. Краснокожие не опустили оружие по первому требованию, поэтому пали под выстрелами — пятеро мертвых юта лежали на земле. Другие едва ли могли думать о сопротивлении, поскольку пытались успокоить своих лошадей, страшно напуганных дьявольским эхом пальбы.

— Бросайте оружие, иначе я стреляю! — снова раздался голос Олд Шеттерхэнда.

Тут же прозвучало с другой стороны:

— Здесь стоит Олд Файерхэнд. Сдавайтесь, если хотите спасти свою жизнь!

А рядом крикнул апач:

— Кто знает Виннету, вождя апачей? Тот, кто поднимет против него ружье, потеряет свой скальп! Хау!

Если прежде юта полагали, что их противник впереди, то теперь они ясно видели, что просчитались. Сзади стоял Олд Файерхэнд и знаменитый вождь апачей. Рядом с ними из воды, поскольку другого свободного места не было, торчал Тетка Дролл с ружьем наперевес, а за спинами этих троих ощетинился лес других ружейных стволов.

Ни один юта не рискнул снова поднять свое оружие. Краснокожие растерянно озирались, но не знали, что нужно делать. Противостояние привело бы к гибели, — они это четко осознавали, но сдаться так быстро и без переговоров они не могли. В этот момент Дролл выпрыгнул из воды, подскочил к сидевшему на коне вождю, приставил ему к груди ружье и крикнул:

— Бросай ружье, иначе спущу курок!

Большой Волк устремил взгляд на толстую фигуру врага и словно увидел перед собой призрак — пальцы его правой руки тотчас разжались, и ружье выпало.

— Томагавк и нож тоже! — продолжал командовать Тетка.

Вождь вырвал из-за пояса оба названных предмета и швырнул их прочь.

— Отвяжи свое лассо!

И этому приказу Большой Волк также повиновался. Дролл взял лассо и ловко связал им ноги вождя под брюхом коня. Потом он взял лошадь за поводья, отвел в сторону и крикнул Дяде Шомполу, стоявшему позади Олд Файерхэнда:

— Иди сюда, Дядя. Свяжи ему руки!

Дядя неторопливо перенес свое негнущееся тело и продекламировал:

— Руки за спину загнуть,

Крепким лассо их стянуть,

К поясу их привязать,

Чтоб не мог он убежать!

Шомпол вскочил на коня позади Большого Волка и от слов тотчас перешел к делу, после чего спрыгнул вниз. Вождь был словно во сне — он до сих пор не мог понять, что с ним произошло. Подобное поведение не могло не оказать влияния на его воинов. Те спокойно сдались на милость

победителям, также были разоружены и связаны. Все это проделалось очень быстро, поскольку белые действовали четко и сноровисто.

С большой радостью Хромой Френк хотел поприветствовать Виннету. Дэви и Джемми имели то же желание, но ни Френк, ни они не могли даже подумать об этом. Прежде всего необходимо выйти из каньона. Поэтому после того, как был связан последний краснокожий и все захваченное оружие было подобрано, скачку тотчас возобновили. Впереди ехали охотники, за ними — краснокожие, а замыкали процессию рафтеры.

Виннету и Олд Файерхэнд находились вместе с Олд Шеттерхэндом. Они спокойно подали ему руки — единственный способ приветствия, которым они пока могли довольствоваться. Прямо перед носом у пленников ехали две особы, которые, как оказалось, стояли друг к другу намного ближе, чем они могли думать — а именно, Тетка Дролл и Хромой Френк. Пока ни один не сказал другому ни слова. По прошествии некоторого времени Дролл вдруг вынул ноги из стремян, на ходу взгромоздил их на спину лошади и перевернулся в седле, сев спиной вперед.

— Боже! Как это понимать? — подал голос Френк. — Вы хотите разыграть комедию, сэр? Может, вы раньше выступали в цирке клоуном?

— Нет, мастер, — ответил Дролл. — У меня привычка отмечать праздники в тот день, на который они выпадают.

— Что вы имеете в виду?

— Я сел наоборот, ибо не сделаю так — у нас все может пойти вкривь и вкось. Подумайте же о том, что позади нас пятьдесят краснокожих! Тут легко может произойти такое, чего и не предполагаешь. Я не теряю их из виду в таком положении, а мой револьвер всегда под рукой, чтобы при случае выдать им пилюлю, если потребно. Если вы разумны, то делайте так же!

— Хм! Вы говорите весьма правильные речи. Мой конь не обидится, если я сяду наоборот.

Несколько секунд спустя малыш также сидел спиной вперед, чтобы иметь возможность присматривать за краснокожими. Оба потешных всадника теперь смотрели не только на пленников, но поглядывали друг на друга, и постепенно их взгляды становились все приветливей. Прошла еще одна молчаливая пауза, которую все же не смог долго выдержать Хромой Френк. Он заговорил:

— Не думайте обо мне плохо, но хочу спросить ваше имя. Дело в том, что именно так, как сейчас вы сидите тут рядом со мной, я вас уже видел.

— Где же?

— В моем воображении.

— Черт возьми! Кто бы подумал, что я живу в вашем воображении! Какую плату за поднаем жилья я должен уплатить и как обстоят дела с предупреждением об освобождении помещения?

— Исключительно на ваше усмотрение, но сегодня с воображением покончено, ибо вы сейчас передо мной собственной персоной. Если вы тот, за кого я вас принимаю, то слышал о вас много смешного.

— Ну, за кого же вы меня принимаете?

— За Тетку Дролла.

— А где вы слышали о нем?

— В разных местах, когда бывал там с Виннету и Олд Шеттерхэндом.

— Что? Вы находились в компании этих знаменитостей?

— Да. Мы были там, вверху, в национальном парке, а потом в Эстакадо ⁴⁸.

— Гром и молния! Так вы, пожалуй, сам Хромой Френк!

— Да. Вы меня знаете?

— Конечно! Апач часто о вас говорил и еще сегодня, когда мы были у лагеря юта, назвал «маленьким героем».

— Маленьким... героем, — повторил Френк с блаженной улыбкой на лице. — Маленьким героем! Это стоит записать! Вы правильно угадали, кто я, но верно ли мое предположение?

— Да.

— Действительно? Сердечно рад!

— Как же вы пришли к этой мысли?

— Ваша одежда сказала об этом, а потом — ваше поведение. Я часто слышал рассказы о Тетке Дролле, исключительно смелой «бабенке», а когда увидел, как управились вы с вождем юта, сразу решил — вы не кто иной, как Тетка!

— Очень лестно! Ну, пожалуй, мы те парни, которые честно исполняют свой долг. Но самое главное для меня другое — говорят, вы земляк Олд Шеттерхэнда?

— Это правда.

— Значит, немец?

— Да.

— Откуда же?

— Прямо из самого сердца Германии! Я саксонец, — просто ответил Френк.

— Черт возьми! Саксонец! Откуда? Королевство? Альтенбург? Кобург-Гота? Мейнинген-Хильдбургхаузен?

— Королевство, королевство! Но вы так точно знаете эти названия...

Вы тоже из Германии?

— Конечно!

— Откуда? — спросил Френк, в свою очередь, восхищенно.

— Из Саксонии, а именно, из Альтенбурга.

— Боже ты мой! — воскликнул малыш на своем излюбленном диалекте. — Также саксонец! Из Альтенбурга! Мыслимо ли такое! Из самого Альтенбурга или из деревни, а?

— Не из резиденции, а из Лангенлейбе.

— Лангенлейбе? — Френк застыл с открытым ртом. — Лангенлейбе-Нидерхайн?

— Именно! Вы знаете это?

— А почему же нет? У меня там родственники, самые близкие родственники, у которых я еще в детстве побывал пару раз на ярмарках в годовщину освящения церкви. А какие там ярмарки, в Альтенбургии! Ровно две недели пекутся пироги. А когда празднество подходит к концу в одной деревне, ярмарка тут же движется к следующей. Потому там только и говорят об альтенбургских деревенских блюдах.

— Это верно, — кивнул Дролл. — Я смог сделать больше, потому что лучше действовал. Но у вас есть родственники в наших краях? Как же зовутся те люди и откуда они родом?

— Это самое близкое родство. Вот так! У моего отца была крестница, чья покойная сноха повторно женилась в Лангенлейбе. Позже она умерла, но ее пасынок имел свояка, так вот от него я и происхожу.

— Так! Кем он был?

— Кем угодно. Он был парнем что надо и все доводил до конца. Он служил то кельнером, то церковным служкой, то фельдфебелем гражданской гвардии, то рассыльным приглашений на свадьбы, то...

— Стоп! — прервал его Дролл, схватив за руку. — Как его звали?

— Имя не помню, но фамилия была Пампель. Я всегда звал его кузен Пампель.

— Как? Пампель? Я не ослышался? — крикнул Дролл. — У него были дети?

— Целая куча!

— Помните вы, как их звали?

— Нет, теперь уже нет. Но старшего я еще хорошо помню, ибо он был хорошим малым. Его звали Бастель.

— Бастель, стало быть — Себастьян?

— Совершенно верно, поскольку Себастьяна по-альтенбургски называют Бастелем. Я полагаю, его еще звали Мельхиором — имя в

Альтенбургии очень распространенное.

— Верно, все верно! Именно Себастьян Мельхиор Пампель! Знаете, что с ним стало?

— Нет, к сожалению, нет.

— Тогда взгляните на меня!

— Зачем?

— Я и есть то, что из него получилось!

— Вы... вы? — удивился малыш.

— Да, я! Я был Бастелем и знаю точно, что у нас на ярмарках бывал двоюродный брат Франке из Морицбурга, позже ставший помощником лесничего.

— Это я, собственной персоной! Значит, здесь, здесь, в дикой глуши, мы встречаем людей одного рода-племени, да еще и кузенов! Кто бы поверил! Иди сюда, братец, я должен прижать тебя к груди!

— Да, я тоже спешу к тебе!

Оба перегнулись в седле навстречу друг другу, но, чтобы совершить задуманное, им пришлось преодолеть некоторые трудности.

Мрачные индейцы, по меньшей мере, с удивлением глядели на обоих, но те не обращали никакого внимания на разукрашенные лица краснокожих, ибо скакали рука об руку спиной вперед, пребывая в счастливом детстве. Они, пожалуй, могли так беседовать целую вечность, если бы не произошла заминка в пути. Всадники достигли конца расщелины, которая теперь выводила в каньон пошире.

Хотя солнце опустилось так низко, что его лучи больше не касались земли, все же стало светлее, и в нос ударил свежий чистый воздух. Всадники облегченно вздохнули, оказавшись на свободе, но не торопились вступать в ущелье, прежде чем не сделали обзор окрестностей.

Ущелье достигало в ширину шагов двести; на самом его дне вилась маленькая узкая речушка, которую легко можно было перейти вброд. У воды зеленела трава и кустарник, а также росло несколько деревьев.

Краснокожие были сняты с лошадей, но на земле им снова стянули ноги лассо. Лишь теперь настал подходящий момент для настоящего приветствия, и им тотчас воспользовались. Те, кто до сих пор еще не был знаком, быстро познакомились, и через несколько мгновений не было слышно других обращений, кроме как на «ты». Исключением служили, конечно, Файерхэнд, Шеттерхэнд, Виннету, лорд и инженер.

Все подкрепились провиантом, который был у группы Олд Файерхэнда, после чего настал час решать судьбу краснокожих. Тут мнения разошлись. Виннету, Олд Файерхэнд и Олд Шеттерхэнд были готовы дать

им свободу, но остальные требовали строгого наказания. Возмущенный лорд не умолкал:

— До поединков я не считал бы их подлежащими наказанию, но после них они должны были отпустить вас на свободу. Вместо этого они преследовали вас и хотели убить! Теперь я не сомневаюсь, что у них не дрогнула бы рука, если бы им предоставилась такая возможность.

— Весьма вероятно, — заметил Олд Шеттерхэнд, — но они не нашли такую возможность и, стало быть, не смогли этого сделать.

— Well! Намерения тоже наказуемы.

— Как вы хотите их наказать?

— Хм! Это, конечно, непросто.

— Смертью?

— Нет.

— Арестом, пленом, тюрьмой?

— Хо! Надо крепко проучить их!

— Это было бы худшее, что мы могли сделать, ибо для индейца нет хуже оскорбления, чем удары. Они преследовали бы нас по всему континенту.

— Тогда наложить штраф!

— У них есть деньги?

— Нет, но лошади и оружие...

— Вы полагаете, что мы должны их забрать? Это было бы жестоко. Без лошадей и оружия они умрут с голоду или попадут в руки врагов.

— Я не понимаю вас, сэр! Чем снисходительнее вы с этими людьми, тем неблагодарнее они становятся. Не надо быть таким мягкосердечным, ибо сейчас вы тот, перед кем они провинились!

— Именно потому, что они виноваты передо мной, Френком, Дэви и Джемми, мы вчетвером и должны решать их судьбу.

— Делайте, что хотите! — закончил лорд, недовольно отвернувшись. Но тотчас снова повернулся и спросил: — А может, поспорим?

— О чем?

— О том, что эти типы отплатят вам сполна, если вы будете снисходительны!

— Не думаю.

— Ставлю десять долларов!

— А я нет.

— Ставлю двадцать долларов против десяти!

— Я вовсе не спорю.

— Никогда?

— Нет.

— Жаль, очень жаль! С момента последней долгой скачки от Осэдж-Нук я до сих пор не заключил ни одного пари! После всего, что я о вас слышал, я должен считать вас настоящим джентльменом, и вдруг вы заявляете мне, что никогда не спорите. Я повторяю — делайте, что хотите!

Лорд распалился не на шутку. Он очень легко и просто свыкся с жизнью на Диком Западе, но то, что никто не хотел с ним спорить, страшно раздражало его.

Слова Олд Шеттерхэнда о том, что он, Френк, Джемми и Дэви одни имеют право заседать, решая судьбу пленных, не остались незамеченными — по этому поводу разразились еще большие дебаты. Склонились к тому, что этим четверым нужно предоставить их право, но потребовать при этом от краснокожих не выказывать никаких враждебных действий, если их отпустят. Стало быть, надо добиться от юта крепкого обещания. Кроме того, недостаточно вести переговоры только с вождем, его подчиненные также должны слушать то, что он будет говорить и обещать. Возможно, он из уважения к их вере в него не смог бы нарушить обещание.

Белые и краснокожие образовали широкий круг. Двоих рафтеров выставили часовыми в верхней и нижней части каньона, чтобы те вовремя сообщили о приближении врага. Вождь сел перед Виннету и Олд Шеттерхэндом. Он не поднимал на них глаз, может, из чувства стыда, а скорее, из-за ожесточения.

— Что думает Большой Волк, как мы поступим с ним? — спросил Олд Шеттерхэнд на языке юта.

Ответа не последовало.

— Вождь юта испугался, поэтому он не отвечает?

Краснокожий устремил свой полный ярости взгляд на лицо охотника и ответил:

— Бледнолицый лжет, если утверждает, что я боюсь его!

— Так отвечай! Ты не имеешь права говорить о лжи, ибо сам обманщик.

— Это неправда!

— Это правда. Когда мы еще находились в вашем лагере, я спросил тебя: станем ли мы свободны, если я добьюсь победы? Что ты мне ответил?

— Что вы сможете уйти.

— Разве это не ложь?

— Нет, ведь вы ушли.

— Но вы преследовали нас!

— Нет.

— Ты будешь отрицать?

— Да.

— С какой целью вы оставили лагерь?

— Чтобы приехать на место сбора всех племен юта, но не преследовать вас.

— Почему же ты выслал вперед пятерых воинов?

— Я этого не делал. Мы вырыли топор войны, а раз это произошло, мы должны быть осторожны! Когда я обещал вам свободу, если ты победишь меня, я не знал, в каком направлении вы поедете. Мы хотели дать вам уйти и сдержали слово. Но вы напали на нас, отняли оружие и убили пятерых воинов. Их трупы еще лежат там, в скальной расщелине.

— Ты слишком хорошо знаешь сам, что я должен думать о твоих словах. Почему твои часовые стреляли в нас, когда мы уезжали?

— Они не знали, что я пообещал вам свободу.

— Почему все твои люди издали боевой клич? Они знали об обещании.

— Этот крик относился не к вам, а к часовым, чтобы они больше не стреляли. То, что мы хотели сделать для вас, ты представляешь теперь как плохое! — заключил хитрый вождь.

— Ты прекрасно понимаешь, что сейчас должен умно защищаться, но это не удастся — твоя вина доказана. Я хочу только посмотреть, обладают ли твои воины мужеством быть искреннее, чем ты.

Он задал краснокожим вопрос, за кем они скакали, но те, как и вождь, утверждали, что не имели никаких злых намерений против бледнолицых.

— Эти люди не хотят, чтобы ты был наказан за ложь, — продолжил он, обращаясь к Большому Волку. — Но я имею неопровержимые доказательства. Мы подкрались к твоему лагерю и подслушали твоих людей. Мы знаем, что вы хотели нас убить!

— Это только предположение!

— Нет, мы слышали это. Мы знаем также и то, что лагерь будет завтра свернут и что все воины последуют к месту сбора юта, но женщины и дети пойдут к старикам в горы. Это так?

— Да.

— Также правда и все остальное, что нам удалось услышать. Мы крепко убеждены, что вам нужны были наши жизни! Какое наказание вы за это получите?

Краснокожий не отвечал.

— Мы ничего не сделали вам, а вы взяли нас с собой в лагерь, чтобы убить, — продолжал охотник. — Вы и теперь хотели отнять наши жизни, а,

значит, заслужили не больше, чем смерть! Но мы простим вас. Вы снова получите свободу и оружие, но за это должны обещать, что ни у кого из тех, кто сидит здесь, ни одного волоска не упадет с головы на земле племени юта!

— Вы говорите языком или сердцем? — спросил вождь, бросив на Олд Шеттерхэнда испытующий, полный недоверия взгляд.

— Мой язык никогда не говорит по-другому, чем сердце. Ты готов дать мне обещание?

— Да.

— Что мы все, находящиеся здесь красные и белые люди, с сегодняшнего дня братья?

— Да.

— Хотим и должны помогать друг другу при малейшей опасности?

— Да.

— А ты готов поклясться со мной трубкой мира?

— Готов.

Он отвечал быстро и без раздумий — это позволяло сделать вывод, что он серьезно относился к обещанию и уже все обдумал. Но выражение его лица определить было трудно, ибо мешала боевая раскраска.

— Так пусть трубка идет по кругу, — распорядился Олд Шеттерхэнд. — Я подскажу тебе слова, которые ты должен повторить при этом.

— Скажи их, и я повторю!

Эта готовность казалась хорошим знаком, и доброжелательный охотник радовался от чистого сердца, но не мог не высказать предостережения:

— Надеюсь, в этот раз ты говоришь честно. Я всегда был другом красных людей и принимаю во внимание, что теперь юта в плену. Если бы не случай, вы не отделались бы так дешево. Но если ты еще раз не сдержишь слово — заплатишь жизнью! Уверю тебя в этом!

Вождь смотрел вниз перед собой, не поднимая взгляда на говорившего. Тот снял с шеи калюме и набил его. После того, как он разжег трубку, охотник освободил вождя от пут. Тот должен был подняться, чтобы выпустить дым в четырех направлениях, и при этом сказал:

— Я, Большой Волк, вождь ямпа-юта, обещаю за себя и за всех своих людей! Я обращаюсь к бледнолицым, которых вижу — к Олд Файерхэнду, Олд Шеттерхэнду и всем остальным, а также к Виннету, знаменитому вождю апачей. Все эти воины и белые люди наши друзья и братья! Они должны быть как мы, а мы будем как они! Никто из нас не причинит им

боль, и мы лучше умрем, чем согласимся, чтобы они считали нас своими врагами. Я сказал. Хуг!

Он снова сел. Теперь и остальные были освобождены от веревок, а трубка прошла из рук в руки, пока не была всеми раскурена. Даже маленькая Эллен Батлер вынуждена была сделать шесть маленьких затяжек, ибо речь шла о жизни.

Потом краснокожие получили свое оружие. Риска не было, поскольку клятве можно доверять. Но все же белые вели себя настолько осторожно, насколько это было возможно, и каждый из них держал руку вблизи своего револьвера. Вождь привел своего жеребца и спросил Олд Шеттерхэнда:

— Мой брат вернул нам полную свободу?

— Да.

— Так мы можем уехать?

— Да, куда хотите.

— Мы вернемся в наш лагерь.

— Вот как?! Вы же собирались к месту встречи юта! Теперь ты сам согласился, что целью вашей поездки были мы.

— Нет. Вы отняли у нас много времени, и теперь нам слишком поздно ехать туда. Мы возвращаемся.

— Через скальную расщелину?

— Да. Прощай!

Вождь подал руку и вскочил на коня. Потом он поскакал в расщелину, не удостоив остальных даже взглядом. Его люди последовали за ним, но перед этим каждый из них дружелюбно попрощался.

— А этот тип все же подлец! — заметил старый Блентер. — Если бы не раскраска толщиной в палец, мы бы прочитали на его лице фальшь. Пустить ему пулю в лоб было бы надежнее!

Виннету, услышав эти слова, возразил:

— Мой брат прав, но лучше сделать хорошее, чем плохое. Мы останемся здесь на ночь, а я последую за юта, чтобы узнать их планы.

Он исчез в скальной расщелине, не взяв с собой коня, ибо ему проще было осуществить свой замысел, будучи пешим.

Собственно, теперь на душе у всех стало светлее и чище, чем прежде. Что нужно было сделать с юта? Убить их всех? Это невозможно! Таскать с собой как пленников? Тоже нет! Теперь их обязали соблюдать мир и дружбу и отделались от них. Это было самым подходящим.

День клонился к концу, тем более, что здесь, в каньоне, темнело скорее, чем снаружи. Несколько человек отправились на поиски дров для костра. Олд Файерхэнд поскакал на юг, в нижнюю часть каньона, а Олд

Шеттерхэнд — на север, в верхнюю. Они хотели разведать местность, ибо приходилось соблюдать осторожность. Оба проложили значительные расстояния, но ничего подозрительного не заметили и вернулись.

Здесь, пожалуй, уже давно не ступала нога человека, поскольку дерева для костра было предостаточно, хотя никакого леса не существовало. Паводок нанес огромное количество стволов и корней, также много сломанных ветвей выбросило течением. Никто не обрадовался огню больше, чем лорд, ибо он получил великолепную возможность с помощью своего приспособления для жарки проявить свое кулинарное искусство. Оставался еще маленький запас мяса, были консервы, мука и подобное — все, что прихватили с собой в Денвере люди Олд Файерхэнда. Теперь лорд мог жарить и печь все, что ему хотелось.

Позже явился Виннету. Он великолепно ориентировался, хотя в расщелине не было видно ни зги. Вождь апачей рассказал, что юта собрали трупы, а потом действительно продолжили свой путь. Он преследовал их до самого выхода с другой стороны и ясно видел, что они по крутому скальному откосу забрались наверх и затем исчезли в лесу.

И все же в глубине расщелины оставили одного часового на случай неожиданного нападения. Еще двое других расположились внутри каньона в ста шагах выше и ниже лагеря — таким образом, победители думали, что позаботились о полной безопасности.

Конечно же, людям было что рассказать друг другу, и их голоса смолкли лишь далеко за полночь. Олд Файерхэнд проверил посты, чтобы убедиться, что часовые бодрствовали, и напомнил остальным последовательность смены караула. Потом погасил огонь, и в каньоне стало темно и тихо.

Глава четырнадцатая. СНОВА В ПЛЕНУ И ОПЯТЬ НА СВОБОДЕ

Виннету не ошибся — юта действительно исчезли наверху, в лесу, но не углубились в него, а остановились. Перевозка тел не стала им в тягость, ибо лошади убитых несли трупы на себе. Остановившись, вождь приказал опустить мертвых на землю. Он вышел на лесной опушке, посмотрел вниз, в скальную расщелину, и произнес:

— За нами наблюдали. Там, внизу, наверняка стоит белый пес, который хочет проследить, действительно ли мы возвращаемся к нашим вигвамам.

— Мы разве идем не туда? — спросил один из его воинов. Похоже, что храбростью или другими качествами он выделялся среди остальных, поскольку рискнул задать подобный вопрос.

— У тебя мозги шакала прерий? — не выдержал Большой Волк. — Надо отомстить этим белым жабам!

— Но теперь они наши друзья и братья!

— Нет.

— Мы курили с ними трубку мира!

— Кому принадлежала трубка?

— Олд Шеттерхэнду.

— Ну, значит, клятва имеет значение для него, а не для нас! Почему он был так глуп и не воспользовался моей? Тебе это непонятно?

— Большой Волк всегда прав, — уклончиво ответил индеец, полностью согласный с софистикой ⁴⁹ вождя, чьи высказывания непременно удовлетворили бы любого воина юта.

— Завтра утром души бледнолицых будут в Стране Вечной Охоты, чтобы потом прислуживать нам! — продолжил вождь.

— Ты хочешь напасть на них?

— Да.

— Нас слишком мало, и мы не можем вернуться через расщелину — она охраняется.

— Тогда пройдем другим путем и приведем с собой столько воинов, сколько нужно. Разве не достаточно их там, на другой стороне — в Па-мов, в Лесу Воды? И разве не ведет дальше наверх, поперек каньона, путь, который неведом бледнолицым? Лошадей с трупами оставим здесь, а двое

из вас будут их сторожить. Мы же поскачем на север.

Решение вождя тотчас исполнили. Целый час юта скакали галопом вдоль скудного лесного массива, пока вершина, на которую они взобрались, постепенно не спустилась к ущелью, прорезавшему скалы. По этому ущелью Большой Волк достиг главного каньона, в котором остановились на ночлег белые. Естественно, ущелье выходило в каньон, по меньшей мере, в трех английских милях выше лагеря белых, и те не подозревали о его существовании. Напротив выхода из ущелья, с другой стороны, в главный каньон врезался еще один — узкий боковой, хотя и не такой тесный, как скальная расщелина, где сегодня произошла стычка между белыми и краснокожими. Туда и направился Большой Волк со своими людьми. Похоже, он очень хорошо знал путь, ибо, несмотря на темноту, ни разу не ошибся и вел своего коня так уверенно, словно шел маршем по широкой военной дороге.

Этот каньон был совершенно безводным, и путь по нему вел в гору. Вскоре подъем закончился, и краснокожие оказались на широкой скалистой равнине, в которую глубоко врезалась большая сеть каньонов, имевшая многочисленные ответвления. Было светло, ибо луна маячила в безоблачном ночном небе прямо над ними. Галопом они промчались по равнине, а через полчаса дорога пошла вниз и местность спустилась в широкую, отлогую выемку. Справа и слева подобно мощным крепостным стенам незыблемо стояли скалы, вздымавшиеся тем выше, чем глубже спускались всадники, а через некоторое время впереди вдруг, словно мираж, возникли пышные кроны деревьев, под которыми горело множество костров. Это был лес, настоящий лес! Прямо посередине опустошенной бурей и превращенной солнцем в камень равнины!

Существовал он лишь благодаря впадине в рельефе. Бури ревели над выемкой, тщетно пытаясь проникнуть внутрь, где в результате скопившихся осадков образовалось озеро, вода которого растворила землю и питала корни деревьев. Это был Па-мов, Лес Воды, к которому так стремился Большой Волк.

Теперь лунный свет не требовался — так многочисленны оказались горевшие здесь и служившие хорошим ориентиром огни. У костров текла оживленная жизнь — будни военного лагеря. Не было видно ни палаток, ни хижин. Многие воины лежали у огня на подстилках либо прямо на голой земле; тут же среди них посапывали лошади. Здесь, в Па-мов, должны были собраться группы всех племен юта для военного похода.

Подъехав к первому огню, Большой Волк остановился, спешился, дал знак своим людям ждать здесь и окликнул одного из сидящих у костра,

назвав имя — Нанап-неав. Слова означали «Старый Вождь», и, стало быть, это имя носил непременно верховный вождь всех племен юта. Тот, к кому обратился Волк, поднялся и повел его к озеру, на берегу которого отдельно от других горел большой костер. Вокруг сидели четверо индейцев, все украшенные перьями. Один из краснокожих привлекал особое внимание. Его лицо не покрывала боевая раскраска, оно было испещрено неисчислимыми глубокими складками и морщинами. Его длинные седые волосы спадали на плечи. Этому белому как лунь человеку было по меньшей мере лет восемьдесят, но он сидел так прямо, гордо и уверенно, будто ему нет еще и пятидесяти. Он окинул прибывшего пристальным взглядом, но не поприветствовал его и вообще не сказал ни слова; так же молчали и остальные. Большой Волк сел и безмолвно уставился перед собой. Так продолжалось некоторое время, потом наконец с уст старика слетело:

— Дерево сбрасывает листву осенью, но если оно теряет ее раньше, то становится ни к чему не пригодным, сохнет и должно быть срублено. Три дня назад он еще носил их. Где они сегодня?

Вопрос, содержащий в себе уничтожающий упрек для такого храброго воина, как Большой Волк, касался орлиных перьев, которые сейчас у него отсутствовали.

— Завтра украшения заблестят снова, а на поясе будут висеть скальпы доброго десятка бледнолицых! — ответил Большой Волк с пылающими ненавистью глазами.

— Большой Волк побежден бледнолицыми и теперь не имеет права носить знаки его доблести и звания?

— Только одним бледнолицым, но тем, чей кулак тяжелее сотен кулаков других белых!

— Им мог быть только Олд Шеттерхэнд!

— Это он.

— Уфф! — вырвалось у старика, и его восклицание подхватили другие. Потом он спросил: — Значит, Большой Волк видел этого знаменитого бледнолицего?

— Его, а также Олд Файерхэнда, Виннету, длинного и толстого охотников и многих других. Всего их — пять раз по десять. Я пришел, чтобы принести их скальпы.

Индеец должен уметь скрывать свои чувства, особенно это касается заслуженных стариков и вождей, но то, что теперь услышали четверо предводителей, столь потрясло их, что самообладание изменило им и они не смогли погасить в себе вспышку радости и изумления. Лицо старика

приняло такое напряженное выражение, что почти все морщины исчезли с него без следа.

— Пусть Большой Волк расскажет! — потребовал он.

Вождь ямпа-юта повиновался. Его сообщение не во всем соответствовало истине, ибо он потратил немало усилий, чтобы представить себя и свои действия в лучшем свете. Остальные сидели неподвижно, слушая рассказчика с большим вниманием. Когда тот закончил, старик спросил вождя:

— А что теперь хочет делать Большой Волк?

— Ты дашь мне пятьдесят воинов, с которыми я нападу на этих псов. Еще до утренней зари их скальпы будут висеть на наших поясах!

На лице старика снова обнаружили морщины и складки, его брови сдвинулись, а орлиный нос, казалось, стал вдвое тоньше и острее.

— Еще до зари? — повторил он. — И это слова краснокожего воина? Бледнолицые напали на нас, ограбили и убили наших людей. Теперь они приведут с собой силы, чтобы пролить нашу кровь и позвать сюда навахов. Они заранее предсказывали нам гибель, но теперь, когда Великий Дух отдал величайших и благороднейших из них в наши руки, они должны быстро и без мучений умереть, как дитя на руках матери? Что скажут мои краснокожие братья на эти слова Овуц-авата?

— Белые должны стоять у столбов пыток! — произнес один из вождей.

— Мы должны схватить их живыми! — отозвался другой.

— Чем знаменитее они, тем сильнее должны быть их муки! — добавил третий.

— Мои братья хорошо сказали, — похвалил старик, окинув всех удовлетворенным взглядом. — Мы захватим этих псов живыми.

— Пусть Старый Вождь подумает, какие люди среди них! — предостерег Большой Волк. — Олд Шеттерхэнд свалит буйвола, да и Олд Файерхэнд не слабее. В их оружие вселились злые духи! А Виннету — великий воин...

— Апач! — гневно прервал старик. — Разве навахи, которые выступили против нас, не принадлежат к апачам?

— Он наш смертельный враг и должен испытать больше мук, чем белые! Я знаю, какая сила и ловкость даны этим знаменитым бледнолицым, но у нас хватит воинов, чтобы укротить их! Ты первым имеешь право на месть и будешь предводителем. Я дам тебе три сотни воинов, но ты приведешь мне бледнолицых живыми!

— Могу я потом, когда они будут привязаны к столбам пыток, взять

скальпы Олд Файерхэнда, Олд Шеттерхэнда и Виннету?

— Они твои, но только если ни один белый не будет убит! Преждевременная смерть любого из них лишит нас наслаждения смотреть на их муки. У тебя уже есть пятьдесят человек, и тогда на каждого белого придется по семь краснокожих людей. Если вы незаметно подкрадетесь к ним, то схватите их и свяжете, прежде чем они проснутся. Возьмите с собой достаточно ремней! Теперь идем, я выберу тех, кто пойдет с тобой. Оставшиеся расстроятся, но за это они станут первыми, кто нанесет белым раны у столбов пыток!

Вожди поднялись и обошли костры, чтобы определить, кому идти на бледнолицых. Вскоре собрали три сотни мужчин, а кроме того, выделили еще пятьдесят воинов на охрану лошадей, которых юта, естественно, не могли вести с собой до самого лагеря белых. Большой Волк пояснил людям, о чем шла речь, точно описал им ситуацию и поведал потом свой план нападения. После этого краснокожие вскочили на коней и выступили в поход, который должен был стать для белых роковым. Имена Олд Файерхэнда, Олд Шеттерхэнда и Виннету были у всех на устах. Еще бы, какая слава — пленить таких героев и поставить их к столбам пыток!

Юта двигались обратно точно по тому пути, которым пришел Большой Волк, но только до главного каньона. Там всадники спешили, оставив коней под защитой пятидесяти воинов. При явном перевесе сил задуманное дело казалось почти безопасным. И все же удача не была гарантирована, и главным образом из-за лошадей. Большой Волк слишком хорошо знал, что лошади белых учуют подкрадывающихся краснокожих. Животные наверняка выдали бы приближение большого отряда в три сотни воинов своим беспокойством и громким фырканием. Как воспрепятствовать этому? Вождь задал вопрос довольно громко, чтобы его слышали все стоявшие вокруг. Тут же один из них наклонился, сорвал какое-то растение, и сказал:

— Вот надежное средство, которое собьет с толку их коней.

Вождь тотчас узнал растение по запаху. Это был шалфей. На Дальнем Западе существуют многомильные пространства, полностью поросшие шалфеем. Также и здесь, в этом каньоне, чье дно прогревалось солнцем, шалфей имелся в большом количестве. Совет был дельным, и ему тотчас последовали. Краснокожие натерли листьями растения руки и одежду. Все это вызвало такой сильный запах, что надежда на победу переросла в уверенность. Кроме того, Большой Волк заметил, что имевшийся легкий ветерок поддувает снизу вверх, а это было на руку краснокожим.

Те, принимая во внимание приказ вождей и свое численное превосходство, вооружились не ружьями, а только ножами. Необходимо

было захватить белых врасплох и зажать так, чтобы они не смогли сопротивляться.

Теперь дальнейший путь — расстояние, превышавшее три английские мили, — они преодолевали пешим маршем. Поначалу индейцы бодро шагали вперед, но, пройдя две мили, стали вести себя осторожнее.

Лишь теперь вождю пришла в голову мысль, что белые из предосторожности могли перенести свой лагерь на другое место, отчего им овладело почти лихорадочное волнение. А его воины тихо и неудержимо шли все дальше и дальше, осторожно пробираясь, подобно змеям. Только подумать, шестьсот ног! И все же не слышно ни малейшего шума, ни один камушек не сдвинулся с места, не сломалась ни одна ветвь! Тем временем Большой Волк остановился. Он заметил горящие костры часовых. Как раз в это время Олд Файерхэнд менял посты. Вождь еще днем видел, что один часовой был выставлен выше, другой — ниже лагеря, в долине. Во всяком случае, часовые до сих пор еще стояли и были первыми, кого необходимо обезвредить.

Он тихо приказал остановиться и дал знак следовать за ним только двоим. Индейцы легли на землю и дальше пробирались ползком. Вскоре они оказались у верхнего поста. Часовой посмотрел вслед Олд Файерхэнду, только что оставившему его, и повернулся к краснокожим спиной. Внезапно две руки сдавили ему горло, а четыре другие вцепились в руки и ноги. Часовой не мог дышать, он потерял сознание, а когда снова пришел в себя, был уже связан и во рту торчал кляп, не позволявший ему и пикнуть. Рядом с ним сидел индеец, приставивший лезвие ножа к его груди. Пленник это просто чувствовал, ибо лунный свет не проникал вниз, на дно каньона.

Между тем огонь загасили, а вождь снова потребовал к себе двух воинов. Теперь речь шла о другом часовом, стоявшем внизу. Важно было миновать лагерь. Поскольку он лежал по эту сторону от воды, решено было двигаться по другой. Трое перешли поток вброд и прокрались дальше по другой стороне, что не было очень опасной затеей. Предполагалось, что оба поста находятся на одинаковом удалении от лагеря, и можно было легко посчитать, какое расстояние нужно пройти. Мерцающая поверхность воды и ее всплески могли выдать индейцев. Поэтому краснокожие проползли немного дальше, потом снова перешли вброд, снова легли и двинулись вверх на четвереньках, осторожно отталкиваясь от земли руками и ногами. Прошло совсем немного времени, и они увидели часового — он стоял в шести шагах от них, отвернув лицо в сторону. Еще один миг, прыжок, тихое приглушенное топанье ног — и все стихло. Оба краснокожих остались

возле поверженного часового, а Большой Волк один переправился обратно, чтобы теперь нанести самый главный удар.

Лошади стояли двумя группами между лагерем и обоими постами. Вплоть до настоящего момента животные вели себя совершенно спокойно, но не было никакой уверенности, что так будет продолжаться и дальше. Если индейцы подойдут совсем близко, то, несмотря на запах шалфея, лошади могут почуять неладное. Поэтому Большой Волк посчитал целесообразным также перевести своих людей через поток. Это было сделано мастерски — совершенно бесшумно. Оказавшись на другом берегу, все легли на землю, преодолели ползком расстояние в сто шагов и остановились напротив лагеря. Основная трудность заключалась теперь в следующем — огромное количество людей вынуждено было двигаться в узком пространстве, да еще и совершенно неслышно. Когда индейцы наконец легли рядом друг с другом, прямо напротив спящих людей и лошадей, последние все же забеспокоились. Действовать предстояло быстро, но о тихом пересечении водного пространства не могло быть и речи.

— Вперед! — прозвучал приглушенный, но все же услышанный всеми краснокожими голос Большого Волка.

Юта быстро перемахнули через речушку. Ни один белый так и не проснулся — над ними властвовал глубокий сон. Последующие сцены просто невозможно описать. Бледнолицые лежали так тесно, что три сотни индейцев не имели свободного места для передвижения. Пятеро или шестеро юта, а может, и больше, набросились на одного белого, схватили его и швырнули заспанного противника стоящим сзади, чтобы тут же взяться за второго, потом за третьего и так далее. Все произошло так быстро, что спящие оказались во власти индейцев, прежде чем смогли окончательно проснуться.

В противоположность обычаю индейцев сопровождать каждое нападение боевым кличем, эти юта орудовали почти бесшумно, и лишь потом, когда белые подали голос, испустили резкий крик, застывший где-то в ночной дали и размноженный стенами каньона. При этом поднялась такая суматоха, что невозможно было различить ни тел, ни рук, ни ног. Только три группы были едва различимы во тьме — три группы, которые двигались рядом вплотную к скальной стене. Их центрами были Олд Файерхэнд, Олд Шеттерхэнд и Виннету, вследствие своего большого опыта и присутствия духа не захваченные врасплох, как другие. Они вскочили и сразу встали так, что за их спинами оказалась скала. Теперь они оборонялись ножами и револьверами против превосходящего противника,

который не имел права воспользоваться своими клинками, поскольку белых нужно было взять в плен живыми. Но, несмотря на свое умение, ловкость и силу, они были побеждены. Краснокожие так тесно зажали их в кольцо, что обороняющиеся, в конце концов, просто не могли пошевелить даже руками. Они были схвачены и связаны, как и их спутники. Выворачивающий душу вой краснокожих засвидетельствовал скорую победу.

Большой Волк приказал разжечь огонь. Когда пламя осветило поле битвы, оказалось, что от пуль и ножей последних трех бойцов полегло или было ранено более двадцати краснокожих.

— За это псов ждут ужасные муки! — разгневался вождь. — Мы нарежем их кожу полосками! Они все должны умереть страшной смертью, и ни один из них не увидит завтрашних вечерних звезд! Подберите мертвых и оружие бледнолицых. Нам надо возвращаться.

— Кто должен коснуться Волшебного ружья белого охотника? — спросил один из воинов. — Оно стреляет, когда хочет, и убивает любого, кто его берет в руки, и еще многих других, кто окажется рядом.

— Мы оставим его здесь и сложим над ним кучу камней, чтобы оно не попало в руки ни одному краснокожему воину. Где оно?

Юта долго разыскивали штуцер, но нигде его не нашли — оружие исчезло. Когда Большой Волк спросил о нем Олд Шеттерхэнда, тот не ответил. Как только он проснулся в суматохе борьбы и вскочил на ноги, штуцер тотчас вырвали у него из рук и отшвырнули прочь. Вождь приказал взять горящую ветвь, чтобы осветить чистую, прозрачную воду ручья. Поток оказался таким мелким, что можно было пересчитать все лежавшие на дне камушки, но штуцера не было видно.

Ямпа-юта днем видели ружье в руках Олд Шеттерхэнда и не могли взять в толк, куда оно подевалось. Может быть, оружие осталось в скальной расщелине? Тотчас обыскали изнутри и ее, углубившись на большое расстояние и, разумеется, с факелами в руках, но напрасно. Последствия всего этого оказались следующими — даже те краснокожие, которые до сих пор еще сомневались, что ружье Олд Шеттерхэнда обладает сверхъестественной силой, теперь присоединились к мнению остальных. Пока они пребывали здесь, Волшебное ружье в любой миг могло продемонстрировать свою непостижимую силу, поэтому Большой Волк, которому самому на душе стало тревожно, приказал:

— Привяжите пленников к лошадям и прочь отсюда! Злой Дух изготовил Волшебное ружье. Мы не можем оставаться здесь, иначе оно пошлет свои пули!

Приказу мгновенно подчинились, и с той секунды, когда началась

борьба, до момента, когда индейцы отправились в обратный путь, прошло не многим больше часа.

«Ни один из них не увидит завтрашних вечерних звезд» — так сказал вождь. Он полагал, что все белые у него в руках, но это было ошибкой. Как упоминалось, Олд Файерхэнд выставил еще одного часового в скальной расщелине, чтобы тот дал знать, если ямпа-юта надумают вернуться. Этим стражем был Дролл, которого должны были сменить лишь через два часа. Хромой Френк по собственному желанию присоединился к нему, чтобы поболтать о родных местах. Они сели, естественно, при полном вооружении, и завели шепотом разговор, временами прислушиваясь к звукам в скальной трещине, чтобы во мраке ничего не ускользнуло от их ушей. Они не чувствовали большой усталости, ибо у них имелось столько тем, что разговоры казались неисчерпаемыми.

В какой-то миг внезапно у выхода из расщелины послышался шум, сразу привлечший их внимание.

— Чу! — шепнул Френк кузену. — Ты что-нибудь слышал?

— Да, слышал, — ответил Тетка так же тихо. — Что это было?

— Должно быть, наши люди поднялись.

— Нет, это не то. Людей, похоже, гораздо больше. Стучат ногами по меньшей мере сотни две...

Говоривший в ужасе замер, поскольку теперь белые в лагере были разбужены и подняли крик.

— Гром и нож, это же драка! — крикнул Хромой Френк. — Полагаю, на нас скорее всего напали!

— Да, на нас напали! — согласился Дролл. — Должно быть, это краснокожие негодяи, если потребно!

В следующую секунду это предположение подтвердилось, ибо раздался боевой индейский клич.

— Помоги нам, Боже! Это действительно они! — вскричал Френк. — К ним! Быстро выходим!

Он схватил Дролла за руку, чтобы потащить вперед, но известный своей хитростью охотник остановил его и сказал:

— Стой! Не так быстро! Если индейцы напали ночью, их собралось так много, что мы должны быть крайне осторожны! Давай сначала посмотрим, как обстоят дела. Что делать — решим после! Сейчас надо лечь и ползти вперед.

Оба так и сделали. Они двигались с помощью рук и ног вплоть до самого выхода. Там они узнали, несмотря на темноту, что их спутники схвачены. Преимущество было явно на стороне краснокожих, и лишь слева

от кузенов еще не спал накал борьбы. Выстрелы Олд Файерхэнда, Шеттерхэнда и Виннету еще грохотали, но недолго — вскоре из сотен глоток прозвучал победный клич краснокожих. Прямо перед выходом из расщелины путь пока был свободен.

— Скорей за мной через воду, на ту сторону! — прошептал Дролл кузену.

Он пополз так быстро и осторожно, как это только возможно. Френк неотступно следовал за ним. При этом в какой-то миг его рука зацепила твердый длинный предмет, оказавшийся ружьем с пулевым затвором. Штуцер Олд Шеттерхэнда! Эта мысль пронзила мозг саксонца, и он тут же взял его с собой.

Оба благополучно добрались до воды, а потом и до другого берега. Там Дролл схватил Хромого Френка за руку и потянул прочь от лагеря, вниз, в южном направлении. Бегство им удалось, ибо стояла тьма египетская, и их шаги на фоне криков индейцев совсем не были слышны. Но вскоре пространство между водой и скалами стало таким узким, что Дролл посоветовал:

— Нам надо снова на левый берег. Там дорога, пожалуй, шире.

Они опять перешли вброд. На их счастье, они оказались гораздо ниже того места, где стоял часовой и где теперь находились два краснокожих воина. Оба шли или, скорее, мчались, натыкаясь то на скальную стену, то на валявшиеся на пути камни, пока наконец голоса индейцев перестали быть слышны. Тут Хромой Френк остановил своего спутника и с упреком произнес:

— Ну, стой же наконец ты, тысяча чертей! Собственно, почему ты умчался прочь и позорно совратил на это меня? А где же долг и чувство товарищества! Неужели в твоём нутре нет никаких амбиций?

— Амбиций? — отозвался Дролл, задыхающийся после продолжительного бега. — В моем нутре они, пожалуй, есть, но кто хочет поговорить об амбициях, должен прежде всего спасти нутро. Потому я и помчался прочь.

— Такое поведение было совершенно непозволительным! — начал закипать Хромой Френк.

— Да? Почему это?

— Потому что спасти товарищей — наш долг!

— Так! И каким же способом?

— Нужно было броситься на краснокожих, чтобы разнести их в пух и прах и перерезать их всех до одного!

— Хи-хи-хи-хи! Разнести в пух и прах и перерезать! — занялся Дролл

своим своеобразным лающим смехом. — Этим мы ничего не добились бы, разве что сами оказались бы в плену вместе с ними.

— Взяты в плен! Ты уверен, что наши спутники только взяты в плен, а не застрелены, не заколоты и не убиты?

— Нет, это уж как пить дать! Я знаю точно.

— Это меня бы успокоило! — съязвил Хромой Френк.

— Хорошо, тогда успокойся. Ты слышал стрельбу?

— Да.

— А кто стрелял? Разве индейцы?

— Нет, я слышал револьверные выстрелы.

— Вот видишь! Индейцы вообще не воспользовались своими ружьями, а стало быть, их намерение — взять пленников живыми, чтобы позже подольше их помучить. Потому я убежал. Теперь мы вдвоем спасены и сможем сделать для наших людей гораздо больше, чем если бы попали в плен.

— Ты прав, кузен, тут ты прав! У меня с сердца упал тяжелый камень. Разве можно допустить, чтобы о всемирно известном Хромом Френке говорили, что он умчался прочь, как кролик, когда его друзья находились в смертельной опасности! Никогда! Лучше я брошусь в самую гущу схватки и пробьюсь как неистовый Хуфеланд! ⁵⁰ Я весь вне себя!

— Я тоже был взволнован и охвачен страхом, но все же не дал застать себя врасплох! Такие люди, как Виннету, Файерхэнд и Шеттерхэнд, не проиграют свою партию скорее, чем они действительно могут ее проиграть. К тому же они не одни — с ними много зубастых парней! Стало быть, спокойно обождем!

— Легко сказать. Что это были за индейцы?

— Юта, конечно. Большой Волк не вернулся в лагерь. Он знал, что вблизи находятся другие юта, и позвал их сюда.

— Мерзавец! А еще курил с нами трубку мира! С какой стороны он пришел?

— Да если бы я знал, был бы умнее, чем сейчас. Там, вверху, в лагере, он, конечно, не задержится и уведет с собой пленных. Поскольку мы не знаем, в каком направлении он повернул, мы не имеем права оставаться здесь. Нам надо идти вперед, причем намного дальше, пока не найдем место, где можно хорошо спрятаться.

— А потом?

— Потом? Ну, будем ждать, пока рассветет, затем обшарим следы и побежим за индейцами, пока не узнаем, что они хотят сделать с нашими друзьями. А теперь вперед. Идем!

Дролл снова подхватил Френка под руку и вдруг задел штуцер.

— Что? — вырвалось у него. — У тебя два ружья?

— Да. Я нашел штуцер Олд Шеттерхэнда, когда мы ползли к воде.

— Это просто превосходно! Он принесет нам удачу. Но ты можешь из него стрелять?

— Естественно! Я уже давно при Олд Шеттерхэнде и знаю его ружье не хуже, чем он сам. Но теперь вперед! Если краснокожие вздумают поскакать вниз по реке, они быстро догонят нас, и мы пропали. Но я должен сберечь свою бесценную жизнь, чтобы пожертвовать ею ради спасения моих друзей. Горе этим индейцам и всему Дикому Западу, если они хоть пальцем тронут кого-нибудь из наших! Я добрый человек, но если взбешен, то сотру в порошок всю мировую историю! Ты меня еще узнаешь! Я саксонец. Понятно? Мы, саксонцы, всегда были стратегически подкованным народом и во всех войнах и диатонических спорах всем раздавали тумаки направо и налево.

— Или получали! — вставил Дролл и потащил вперед своего спутника.

— Молчи! — пробурчал тот. — Вы, альтенбуржцы, всего лишь «сырные» саксонцы, а вот мы, на Эльбе, — настоящие! Пока человечество не забудет о культуре, Морицбург и Пирна всегда будут центрами всех величайших знаменитостей и приличий! Под Лейпцигом был разбит Наполеон, в Рекнице, под Дрезденом, Моро лишился обеих ног, на Вайсерице — вообще рассадник храбрости и отваги ⁵¹, которые я питаю в глубине души и не советую краснокожим приводить меня в бешенство! Я страшен в гневе и невменяем в ярости! Завтра утром, говорю я вам, завтра луч первого солнца потолкует с последней тенью мрака dos-a-dos и опрокинет ее в кровавую ниву! Хорошо (англ.). Похоже, Френк снова путает, имея в виду tete-a-tete (фр.) — «с глазу на глаз», а так у него получилось «спиной к спине». (Прим. пер.)]

Он сжал кулаки и погрозил ими воображаемому противнику. Еще никогда в жизни он не был так возбужден и разгневан, как сейчас, что выражалось не только в словах, но и в действиях, поскольку теперь, несмотря на мрак, он рвался вперед, словно нужно было догнать врага, который на самом деле был сзади.

И все же направление, в котором они двигались, оказалось верным и вело прямо к краснокожим, о чем оба беглеца, к собственному изумлению, узнали чуть позже. Чтобы не оказаться в лапах индейцев, они ускорили шаг, насколько позволял царивший мрак. Справа — вода, слева — скальная стена. Так они шли и шли на юг, пока, приблизительно через час, каньон не

сделал поворот на восток. Неожиданно над ними справа зависла луна, хороший обзор ее открывался благодаря тому, что с этой стороны в главный каньон впадал боковой, в разрезе которого виднелось ночное светило. Дролл остановился и сказал:

— Стой! Надо обдумать, куда свернуть — направо или налево.

— Нет никаких сомнений, — заметил Френк. — Мы должны идти в боковую долину.

— Почему?

— Потому что абсолютно уверен, что краснокожие останутся в главном каньоне. Спрячемся в боковом, пока они не пройдут мимо, а на заре сможем потом следовать по их пятам с облигатной гипнологией. Как считаешь?

— Мысль неплохая, к тому же луна висит прямо над боковой долиной и хорошо освещает нам путь.

— Да, луна излучает мне в сердце утешение и выжимает бушующие потоки слез из моей высохшей от ярости души. Следуем по ее сладкому лучу! Возможно, этот верный свет приведет нас к месту, где мы сможем хорошо спрятаться, что в нашей трудноуловимой ситуации самое главное.

Они перемахнули через воду и углубились в боковой каньон, в котором не было никакой воды, но имелось достаточно признаков, удостоверяющих, что в иное время года все дно узкой долины являет собой «водное ложе». Теперь они двигались прямо на запад. Им предстояло проникнуть глубоко в каньон, чтобы не попасться индейцам. Пожалуй, добрых полчаса они следовали по нему, как вдруг встали как вкопанные, натолкнувшись на приятнейшую неожиданность. Находившаяся справа от них скальная стена обрывалась, образуя острый угол с другой, шедшей с севера, стеной. Прямо перед ними лежал не просто открытый участок, а лес, настоящий лес, о наличии которого не мог бы догадаться ни один чужой человек. Касающиеся друг друга кроны деревьев поднимались над лесом округлым сводом, таким плотным, что свет луны вряд ли мог проникнуть внутрь. Это был Лес Воды — здесь юта разбили свой военный лагерь.

Низина, которую он заполнял, тянулась с севера на юг, параллельно главному каньону, находившемуся в получасе езды отсюда. Между последним и лесом имелись два соединения, две поперечные долины: одна — северная, которой воспользовался Большой Волк, другая — южная, через нее пришли Дролл и Френк. Обе протянувшиеся с востока на запад боковые долины образовывали с лесом и главным каньоном прямоугольник, чьи внутренние поверхности состояли из высоких скальных глыб, в которых вода промыла страшные пропасти глубиной в

многие сотни футов.

— Лес! Словно высаженный главным лесничим Саксонского королевства! — воскликнул Френк. — Лучше не сыщешь, ясно как Божий день! Что скажешь?

— Нет, — ответил Дролл, не испытывающий подобного восторга. — Этот лес кажется мне подозрительным или даже зловещим. Я не доверяю ему.

— Отчего же? Ты думаешь, что в нем устроились на ночлег медведи?

— Хуже. Медведей не стоит так опасаться, как других созданий, которые куда хуже.

— О ком ты?

— Об индейцах.

— Глупости какие!

— Был бы рад ошибиться, но мои мысли, пожалуй, верны.

— Ты хочешь этой мыслью логически растурбинить мое умиление?

Оба стояли на углу скалы — там, где была тень, и не спускали глаз с освещенной луной лесной опушки.

— Кто лучше осведомлен, что здесь есть лес? Мы или эти краснокожие парни? — спросил Дролл.

— Индейцы.

— Значит, они не хуже нашего знают, что самое лучшее укрытие мы сможем найти в лесу. Так?

— Естественно.

— Разве я не объяснял тебе, что где-то поблизости должны быть индейцы?

— Да, ибо от них Большой Волк получил помощь.

— Где будут находиться эти люди? В пустынном голом каньоне или в уютном лесу?

— В лесу, конечно.

— Правильно. Стало быть, нам надо остерегаться. Я убежден, что имею основания быть осторожным.

— Так ты считаешь, что лес надо обойти?

— Нет, но держать ухо востро. Видишь что-либо подозрительное?

— Вообще ничего.

— Я тоже не вижу. Так давай попробуем увидеть больше. Быстро на ту сторону, потом под кусты и послушаем лес. Вперед!

Они проскочили ярко освещенный луной участок и, остановившись под деревьями, притаились, чтобы прислушаться. Они ничего не услышали, даже легкого шелеста листвы, но Дролл втянул носом воздух и

обратился к малышу:

— Френк, шмыгни носом! Похоже, дым. Как считаешь?

— Да, — ответил тот, — но запах едва заметен. Это только полдогадки о четверти дымного следа.

— Потому что источник вдалеке. Нам надо проверить и подкрасться поближе.

Взявшись за руки, они медленно и тихо зашагали вперед. Под сводом крон было так темно, что им приходилось больше полагаться на осязание, чем на зрение. Они шли очень медленно, но чем дальше пробирались вперед, тем сильнее становился запах дыма. Хромой Френк хотел все же поделиться некоторыми размышлениями по поводу их опасного предприятия, а потому шепотом спросил:

— Не было бы лучше, если бы мы позволили дыму быть дымом? Мы совершенно бесполезно отправляемся в лапы опасности, и, если мы не сделаем этого, подобное отступление вряд ли сможет меня компримировать.

— Это, конечно, опасно, — согласился Дролл, — но мы должны рискнуть. Возможно, мы спасем наших друзей.

— Здесь?

— Да. Если Большой Волк не останется на месте нашего лагеря, он придет прямо сюда.

— Это было бы великолепно!

— Великолепно? Ну, ну, такое великолепие может стоить нам жизни!

— Не жалко, лишь бы спасти наших спутников. Теперь у меня и в мыслях нет поворачивать обратно.

— Хорошо, кузен. Ты хороший парень. Но чаще хитрость оказывается лучше силы. А посему — осторожность и только осторожность!

Они снова стали пробираться дальше, пока не увидели свет костра и не услышали какие-то неопределенные звуки. Казалось, что лес теперь забирал вправо. Они последовали в этом направлении и вскоре заметили еще большее количество огней.

— Немаленький лагерь, — прошептал Дролл. — Должно быть, это воины юта, которые собираются в поход против навахов. Тут непременно собралось их несколько сотен.

— Не беда. Сейчас подойдем поближе. Я хочу узнать, что с Олд Шеттерхэндом и остальными. Мне надо...

Френк запнулся, ибо внезапно раздался многоголосый вой, но это не были крики боли или ярости, это было ликование.

— О! Сейчас притащат пленных, — заметил Дролл. — Большой Волк

идет с севера, а мы пришли с юга. Теперь во что бы то ни стало надо узнать, что он хочет с ними делать.

До этого момента они шли, не пригибаясь, но теперь легли на землю и дальше пробирались ползком. Через короткое время они достигли вздымающейся, казалось, до небес скальной стены, которая являлась восточной границей леса. Вдоль нее они прокрались дальше, продолжая держаться рядом. Теперь огни оказались слева, и оба вскоре заметили маленькое озеро, на берегу которого горел костер вождей.

— Пруд или озеро! — подал голос Дролл. — Где лес, там должна быть и вода. Дальше идти нельзя — вода идет до самой скалы. Надо свернуть налево.

Они находились в южной части озера, на восточном берегу которого вокруг костра сидели вожди. Кузены поползли к берегу, пока не достигли высокого дерева, чьи ветви легко можно было достать рукой. Тем временем в упомянутый огонь подбросили свежие сучья, и пламя взметнулось кверху, осветив пленных бледнолицых, которых привели как раз в тот момент.

— Все внимание туда! — заметил Дролл. — Ты умеешь лазить, кузен?

— Как белка!

— Тогда живо давай наверх, на дерево. Сдается мне, что оттуда более прекрасный вид, чем отсюда.

Они ловко взлетели наверх и засели в листве так, что даже острый глаз индейца не смог бы их заметить.

Пленные должны идти, а значит, их ноги не были связаны. Их подвели к огню, где вожди, и, естественно, Большой Волк вместе с ними, снова сели. Вождь ямпа-юта не без удовлетворения достал спрятанные орлиные перья и надел свой торжественный головной убор. Он был победителем и снова имел право носить знаки доблести. Его глаза пожирали белых с выражением голодной пантеры, но пока он молчал, поскольку старейшины владели правом первыми получить слово.

Взгляд Нанап-неава, Старого Вождя, пробежал с одного белого на другого, пока не остановился на Виннету.

— Кто ты? — пренебрежительно спросил он апача. — Есть ли у тебя имя и как зовется тот паршивый пес, которого ты называешь своим отцом?

Старый Вождь был уверен, что гордый апач не станет ему отвечать, но Виннету спокойно произнес:

— Кто не знает меня — тот слепой червь, живущий в грязи. Я Виннету, вождь апачей.

— Ты не вождь и не воин, а падаль, мертвая крыса! — продолжал издеваться старик. — Все эти бледнолицые умрут честной смертью у

столбов пыток, но тебя мы бросим в воду, на корм лягушкам и ракам!

— Нанап-неава старый человек. Он видел много лет и зим и обладает большим опытом, но все же он, кажется, так и не понял, что Виннету не позволяет издеваться безнаказанно. Вождь апачей готов стерпеть все муки, но оскорблять себя он не позволит ни одному юта!

— Что ты можешь сделать? — спросил старик и усмехнулся. — Ты связан.

— Пусть Нанап-неав думает, что свободному человеку с оружием в руках легко быть грубым по отношению к связанному пленнику! Но это недостойно! Гордый воин никогда не сделает такого, и если Нанап-неав не хочет принять то, что говорит Виннету, пусть же он ответит за последствия!

— Какие последствия? Твой нос когда-либо чуял запах вонючего шакала, от которого даже стервятники воротят свои головы? Так этот шакал ты! Тот смрад, который...

Он не успел закончить. Из глоток всех стоявших поблизости юта вырвался крик ужаса. Виннету гигантским прыжком внезапно подскочил к старику, одновременно толкнув его всем телом, в результате чего тот упал навзничь. Тут же вождь апачей сильно пнул его несколько раз пяткой в грудь и в голову, после чего спокойно вернулся на свое место.

На миг наступила глубокая тишина, и громкий голос апача был слышен всем:

— Виннету предупреждал. Нанап-неав не послушал и никогда больше не оскорбит ни одного апача.

После минутного замешательства другие вожди тотчас вскочили, чтобы осмотреть старика. На его черепе справа виднелась вмятина; оказалась продавленной и грудная клетка. Старик был мертв. Красные воины сгрудились вокруг, схватившись за рукояти ножей и бросая на Виннету кровожадные взгляды. Казалось, что нападение апача должно было вызвать у юта приступ безумной ярости, но нет. Их гнев остался безмолвным, поскольку Большой Волк поднял руку и приказал:

— Назад! Апач убил Старого Вождя, чтобы умереть быстро и без мук. Он думал, что вы теперь наброситесь на него и быстро убьете, но он просчитался. Он должен умереть смертью, которой не умирал еще ни один человек. Мы посоветуемся об этом. Унесите отсюда Старого Вождя, чтобы глаза этих белых псов не любовались его трупом! Они все будут принесены в жертву у его могилы. Олд Файерхэнда и Олд Шеттерхэнда мы похороним в ней заживо!

— Тебе не жить так долго, чтобы похоронить меня! — отозвался Олд Шеттерхэнд.

— Молчи, собака, пока тебя не спросят! Откуда ты знаешь, сколько мне еще жить?

— Я знаю, сколько тебе осталось. И ни дня больше, ибо завтра в это время твоя душа уже покинет тело.

— Разве твои глаза так остры, что ты можешь заглянуть в будущее? Я прикажу выколоть их!

— Чтобы знать, когда ты умрешь, не надо иметь острый глаз. Ты когда-нибудь слышал, чтобы Олд Шеттерхэнд говорил неправду?

— Все бледнолицые лгут, и ты тоже.

— Краснокожие лгут, и ты сам это доказал. Нас было четверо белых, и мы боролись с четырьмя краснокожими за свою жизнь. В случае победы мы имели право убить своих противников и потом стать свободными. Мы победили и подарили вам жизнь. Несмотря на это, вы не дали нам свободу. Вы преследовали нас, а потом попали к нам в руки. Мы снова могли взять ваши жизни. Вы это заслужили, но все же мы так не сделали. Мы курили с вами трубку мира и дали обет быть друзьями и братьями до самой смерти. Мы освободили вас, а в благодарность за это вы напали на нас и привели сюда. Кто лжет, вы или мы? Ты помнишь, что я тебе говорил, прежде чем мы вечером расстались в каньоне?

— Большой Волк — гордый воин, он никогда не запоминает слов бледнолицего, — надменно заявил вождь.

— Тогда я напомню. Я предупредил тебя и сказал: если ты еще раз не сдержишь слово, то умрешь. Ты нарушил обещание, а потому умрешь.

— Когда? — усмехнулся вождь.

— Завтра.

— От чьих рук?

— От моих.

— У тебя дырка в голове, из которой улетучились мозги!

— Я сказал, и так будет, — спокойно, но серьезно произнес Олд Шеттерхэнд. — Два раза твоя жизнь была в моих руках, я подарил ее тебе, но, несмотря на это, ты обманул меня. В третий раз этого не произойдет. Краснокожие должны знать, что Олд Шеттерхэнд не только снисходителен, но и умеет наказывать.

— Пес, ты больше не накажешь ни одного человека! Вы окружены и всю ночь будете под охраной. Сейчас мы будем держать совет, и, как только придет рассвет, начнутся ваши смертельные муки, которые продолжатся многие дни.

Пленных перевели на маленькую лесную поляну, где горел огонь. Теперь им так же крепко связали ноги и положили на землю. Двенадцать

вооруженных воинов стали вокруг под деревьями, чтобы бдительно охранять место. Бегство было невозможно, по меньшей мере, так казалось.

Дролл и Френк со своего высокого наблюдательного пункта хорошо все видели. Их дерево стояло шагах в ста пятидесяти от огня вождей, так что большую часть произнесенных слов они могли понять. Теперь необходимо было отыскать место, куда должны доставить пленников, и приблизиться к нему.

В тот момент, когда они забрались на дерево, захваченное оружие и другие вещи белых уже были перенесены индейцами к костру вождей и там оставлены. Поскольку на эти предметы юта не обращала большого внимания, они решили, должно быть, заняться дележом добычи лишь днем, — обстоятельство, которое вполне устраивало Тетку Дролла.

У берегового костра теперь остались только предводители. Остальные воины были переведены в другое место, на что должны были быть основания. Что это за причины, Френку и Дроллу предстояло скоро узнать. Стали раздаваться какие-то странные жалобные звуки. Некоторое время слышалось соло, за которым потом вступил хор. Все это продолжалось без перерыва, то слабее, то громче.

— Знаешь, что это? — спросил Дролл своего морицбургского кузена.

— Пожалуй, реквием по Старому Вождю?

— Да. У юта отпевание начинается еще прежде, чем труп околеет.

— Для нас это важно, поскольку во время плача бездельникам тяжело будет услышать нас. Мы, безусловно, должны разыскать наших.

— Но что потом, когда мы найдем их? Вынести их мы ведь не сможем!

— Это вовсе и не нужно, поскольку они пойдут сами. Главное, что мы освободим их от пут или перережем ремни. Если место, где они лежат, — недалеко от огня вождей и там же, где оружие, — наша партия имеет шанс на выигрыш! Истинное счастье, что здесь, под деревьями, так темно. Огонь нам не помеха, наоборот — он нам нужен, поскольку в его свете мы легко узнаем фигуры краснокожих и сможем избежать встречи с ними.

— Это так. Стало быть, теперь снова вниз, на землю, а потом дальше, вперед! Я ползу первым.

— Почему это ты?

— Потому что я дольше на Западе, — ответил Дролл, — и понимаю в подобных делах больше, чем ты.

— Вот те на! Не слишком ли высоко метишь! Я опытен во всех вопросах жития-бытия на Западе. Чудовищная приспособляемость, с которой я воспринимаю тяжелейшие вещи, как чисто детскую игру, привела мою способность к усваиванию к тому, что теперь и речи не может

идти о вопросах, в которых я не знаток. Но поскольку ты — мой дорогой кузен, я пропущу тебя вперед. Только будь осторожен! Если кто-то впереди захочет нанести тебе смертельный укол, только дай знать, и я помогу сзади. Я не брошу тебя на произвол судьбы!

Маленький саксонец действительно доказал, что он прошел великолепную школу у Олд Шеттерхэнда. Он справился со своей задачей превосходно. Хотя Френк вынужден был нести два ружья, он двигался вперед ловко и бесшумно. Его направляющий, конечно, взял на себя более тяжелое задание, заключающееся в том, чтобы каждый подходящий предмет использовать под укрытие.

Они пробрались мимо круга вождей на удалении, быть может, шагов пятидесяти и повернули к следующему огню, у которого, к счастью, и лежали пленники. Дролл был уверен, что те не должны находиться в темном месте. Конечно, хотя и медленно, но неотступно они приближались к цели, что, естественно, было далеко небезопасно. Несколько раз случалось, что краснокожие шныряли совсем рядом с ними. Один раз Френк вынужден был броситься в сторону, чтобы не попасть под ноги спешивших индейцев. Но позже это снование туда-сюда прекратилось. Те, кто исполнял песнь мертвых, теперь сидели на корточках вокруг трупа, а остальные растянулись на земле, приготовились немного поспать.

Так оба оказались за спинами часовых, которые совершали обход. Дролл лег за деревом, а Френк сзади — за следующим. Человек, который должен был поддерживать огонь, в какой-то момент отошел, чтобы пропеть у трупа куплет песни плача. Несколько из двенадцати сторожей сделали то же самое. Пламя осело и теперь давало мало света. Фигуры пленников едва были узнаваемы. Дролл прополз несколько шагов вправо, потом — немного влево, но тут заметил часовых. Когда он потом вернулся к Френку, он прошептал:

— Момент, кажется, благоприятный. Видишь Олд Шеттерхэнда?

— Да. Вон он там, первый.

— Ползи к нему и заляг неподвижно, будто ты тоже связан!

— А ты?

— Я отправлюсь к Олд Файерхэнду и Виннету — они лежат с другой стороны.

— Это опасно!

— Не больше, чем здесь. Какова будет радость Олд Шеттерхэнда, когда он снова получит свой штуцер! Давай быстрее!

Хромому Френку не нужно было преодолевать никаких больших расстояний — он прополз не больше восьми шагов. Теперь пламя костра

билось так низко, что казалось, будто огонь почти погас. Стало темно, и различить фигуры пленников было невозможно. Один из часовых подошел к огню, чтобы подложить нового хвороста, но прежде чем занялся огонь, Дролл и Френк воспользовались темнотой и оба к этому моменту находились на месте.

Френк лежал рядом с Олд Шеттерхэндом. Он вытянул ноги, словно был связан, пододвинул своему соседу штуцер — «генри» и подтянул руки так, чтобы часовые думали, что они у него привязаны к телу.

— Френк, ты? — спросил Олд Шеттерхэнд тихо, но без удивления в голосе. — Где Дролл?

— Он лежит на той стороне, рядом с Виннету и Олд Файерхэндом.

— Слава Богу, что вы нашли следы и смогли прийти до рассвета.

— Вы знали, что мы придем?

— Конечно! Когда эти парни разожгли костер, я успел заметить, что среди пленных вас нет.

— Мы все же могли еще находиться в расщелине и быть схвачены позже!

— Хо! Краснокожие искали там мое ружье. Я испугался, что они найдут вас, но они вернулись ни с чем. Мой штуцер исчез — это сказало мне все. Я так был убежден, что вы не оставите нас, что даже угрожал Большому Волку смертью.

— Вот это отвага!

— Дорогой Френк, только отважным принадлежит весь мир!

— Да, отважным и Хромому Френку. Разве я подвел себя под трибунал? Разве мы не выполнили пиццикато [52](#) наши товарищеские обязанности?

— Вы вели себя великолепно, просто превосходно!

— Да, без нас вы бы пропали!

— Не совсем так. Ты знаешь, что я считаю свою игру проигранной лишь тогда, когда действительно нет выхода. Но здесь остались не просто карты, но еще и козыри. Если бы вы не пришли, мы должны были освободиться другим способом. Вот, смотри!

Френк глянул на охотника и увидел, что тот показывает ему свободную правую руку.

— Эту руку я уже освободил, — продолжил он, — другая стала бы свободной через четверть часа. У меня в маленьком потайном кармане перочинный ножик, который перешел бы из рук в руки, и в короткое время мы все перерезали бы ремни. Потом быстро выскочили бы к оружию, которое лежит на той стороне, у вождей...

— Вы и это знаете?

— Я был бы плохим вестменом, если бы не смог уйти. Без оружия нам не спастись, следовательно, я с самого начала обратил внимание, куда они его дели. Теперь прежде всего я должен знать, как вы здесь оказались. Вы преследовали краснокожих?

— Нет, что вы. Мы ведь намного раньше, чем они, ушли прочь из каньона.

— Чтобы наблюдать за ними и идти следом?

— Тоже нет. Мы просто удирали вниз по каньону, пока не попали в боковую долину, в которой смогли компрометироваться. Мы имели намерение — потом, на рассвете, идти по следам краснокожих, чтобы узнать, что мы можем для вас сделать.

— А, так, стало быть, это не ваша заслуга, что вы нашли этот лес?

— Нет, лес мы не заслужили. Но, поскольку нам его подбросил случай, пожалуй, вы не в обиде, что мы нанесли вам маленький визит?

— Ты иронизируешь.

— Немного. Тем самым я хотел бы только заключить, что ассимилировать сюда, к вам, через лес и сквозь ряды этих краснокожих нам было ох как нелегко!

— Это я ценю по достоинству, дорогой Френк. Вы рискнули ради нас своей жизнью, и мы никогда этого не забудем. В этом плане можешь быть спокоен. Но подтяни свое ружье ближе к себе! Его могут легко заметить. И дай мне твой нож, чтобы я освободил соседа, который передаст его дальше.

— А потом, когда избавимся от веревок? Что мы станем делать потом? Сначала к оружию, потом к коням и бежать?

— Нет, мы останемся.

— Дьявольщина! Вы это серьезно? Останемся здесь! И это называется вашим спасением?

— Да.

— Благодарю! Таким образом, эти парни сделали замечательное дело, поскольку, когда поутру взойдет любимое солнышко, оно посветит на двух новых пленников.

— Мы не будем в плену. Если бы мы взяли оружие, а потом побежали к лошадям, все это произошло бы так быстро, что возникла бы ужасная неразбериха. Никто за такое короткое время не нашел бы ни ружья, ни ножа, ни остального. Краснокожие обрушились бы на нас, прежде чем мы смогли бы достичь коней. А кто знает, оседланы ли они? Нет, мы должны сразу же прикрыться нашими щитами.

— Щитами? Я же не рыцарь Кунибольд фон Ойленшнабель [53](#), у меня

нет никаких доспехов и никакого щита! А если вы пользуетесь этими словами гектоэтрически, я попрошу о даче разъяснения, что я должен понимать под щитом?

— Вождей.

— А, шляпа! — Френк едва не повысил голос, но вовремя опомнился. — Конечно же, это грандиозная мысль!

— Не грандиозная, а вполне естественная. Мы захватим вождей и сразу будем в безопасности, потому что в этом случае ничего с нами не произойдет. Теперь тихо. Огонь снова поутих, и часовые, пожалуй, не увидят, что мы двигаем руками.

Охотник перерезал веревки и сделал то же самое со своим соседом. Тот передал нож дальше. Нож Дролла тем временем уже шел по рукам с другого края. Потом из уст в уста тихо был передан приказ Олд Шеттерхэнда, что все должны спешить к вождям, как только он погасит пламя.

— Погасить пламя? — пробормотал Френк. — Как вам это удастся?

— Смотри внимательно и увидишь! Костер должен быть погашен, иначе в нас попадут пули часовых.

Теперь все лежали наготове. Олд Шеттерхэнд ждал, пока человек у костра, который снова сидел рядом, подбросит в него дров, что на короткое время приглушит пламя. Когда момент настал, Олд Шеттерхэнд вскочил, кинулся к юта, ударил его кулаком по голове и бросил в костер. Три или четыре раза перекатившись через огонь, тело потушило слабое пламя, оставив лишь пепелище. Это произошло так быстро, что прежде чем часовые поняли, что случилось, поляна погрузилась во мрак. Индейцы испустили предупреждающие крики слишком поздно, ибо пленники уже проникли через лес к озеру. Олд Шеттерхэнд бежал впереди всех, за ним — Виннету и Файерхэнд.

Вожди все еще сидели, совещаясь, у своего костра. Для них, задумавших и обсуждавших немыслимые муки, от которых должны были умереть белые и апач, это было приятным занятием. Они, правда, услышали крики часовых и одновременно увидели фигуры освобожденных пленников, приближающихся к ним, но и рта не успели раскрыть, как несколько секунд спустя были брошены на землю, разоружены и связаны.

Теперь каждый белый схватил свое оружие, лежавшее рядом. Когда часовые показались из-за деревьев, они увидели поверженных предводителей, а рядом — склонившихся над ними белых с обнаженными ножами, сию секунду готовых заколоть вождей. Позади этой группы стояли другие с вскинутыми ружьями. Краснокожие в ужасе отпрянули и издали

яростный вой, который быстро созвал остальных.

Олд Шеттерхэнд не мог позволить юта перейти в наступление, а потому громким голосом объявил об ожидавшей вождей смерти, как только их попытаются освободить. Охотник потребовал, чтобы краснокожие отступили, после чего он будет вести мирные переговоры с их предводителем.

Это был решающий момент, от которого зависела жизнь и смерть! Индейцы стояли под защитой деревьев, белые были освещены огнем, но никто из юта не сомневался, что при первом же выстреле с их стороны ножи воткнутся в сердца их вождей.

— Оставайтесь там! — крикнул Большой Волк своим людям. — Я буду говорить с бледнолицыми.

— С тобой мы не будем вести переговоры, — отрезал Олд Шеттерхэнд. — Пусть говорят другие.

— Почему не я?

— Потому что твой рот полон лжи.

— Я буду говорить правду.

— Это ты уже обещал, но не выполнил. Прежде ты приказал мне говорить только тогда, когда меня будут спрашивать. Но я больше не пленник, а ты у меня в руках, и теперь я отдам тебе тот же приказ. Если ты заговоришь, когда от тебя этого не потребуют, без пощады получишь нож в сердце. Как тебя зовут?

Последний вопрос был направлен к самому старому на вид предводителю. Юта ответил:

— Мое имя Кунпуи, Огненное Сердце. Освободи меня, и я буду с тобой говорить!

— Ты будешь свободен, но лишь тогда, когда мы это определим и вы согласитесь с нашими требованиями.

— Чего вы потребуете? Свободы?

— Нет, свободу мы уже обрели и не позволим вам снова отнять ее у нас. Прежде всего кликни сюда пятерых самых знатных воинов!

— Что они должны делать?

— Потом услышишь. Позови их быстрее, иначе занесенные над вами ножи потеряют терпение!

— Я должен подумать, кого я выберу.

Индеец сказал так, лишь чтобы выиграть время и обдумать — действительно ли необходимо исполнять приказ Олд Шеттерхэнда, или нет. Но теперь он и сам был не рад, ибо во время паузы белые получили возможность завладеть отобранной собственностью. Конечно, бывшие

пленники, получив свои вещи, не были полностью удовлетворены, поскольку среди них не оказалось ни одного, у кого хотя бы что-нибудь не отсутствовало. Наконец Огненное Сердце назвал пять имен, и их обладатели должны были прийти сюда, предварительно оставив оружие. Они сели и стали ждать, что произойдет дальше. Они полагали сразу услышать требования бледнолицых, но сначала их ушей достигло нечто иное. Когда вязали вождей, Олд Шеттерхэнд на некоторое время выпустил из рук свой штуцер — «генри», теперь же он снова поднял его. Взгляд Большого Волка упал на ружье, и он в ужасе вскрикнул:

— Волшебное ружье! Волшебное ружье! Оно снова здесь, духи перенесли его по воздуху! Не прикасайтесь к нему, иначе это будет стоить вам жизни!

— Волшебное ружье! Волшебное ружье! — прозвучали со стороны леса испуганные голоса ямпа-юта.

Шеттерхэнд приказал Волку молчать и повернулся к Огненному Сердцу:

— Мы требуем следующее — у нас все еще нет вещей, которые отняли и которые вы вернете назад. На рассвете мы уедем и возьмем с собой вождей вместе с этими пятерыми людьми как заложников. Позже, как только мы убедимся, что нам не грозит опасность с вашей стороны, мы дадим пленникам свободу и позволим им уехать.

— Уфф! Вы требуете слишком многого, — произнес Огненное Сердце, нахмутив брови. — Мы не можем на это согласиться. Ни один храбрый краснокожий воин не согласится идти с белыми как заложник.

— Почему? Что хуже — быть заложником, который снова обретет свободу, или быть пленником, который по собственной неосторожности оказался в руках врага? Все же, наверное, последнее. Мы были взяты в плен вами, но, несмотря на это, ни нашей славе, ни нашей чести это не повредило, скорее, мы даже выиграли от этого, ибо доказали вам, что не пали духом, оказавшись во власти превосходящего нас противника. Для вас нет никакого позора скакать с нами один день, а потом целыми и невредимыми вернуться домой.

— Это позор, большой позор! Вы находились у нас в руках, столбы пыток должны были быть врыты с первыми лучами солнца, а теперь мы связаны, и вы диктуете нам условия!

— Разве будет лучше, если вы откажетесь удовлетворить мои требования? Или позор будет меньше, если вы призовете к борьбе, в которой погибнете и вы, сидящие здесь, и многие другие? Вожди и эти пятеро выдающихся воинов будут убиты первыми же выстрелами, а потом

вас поглотит огонь наших ружей. Подумайте о моем Волшебном ружье!

Похоже, что последнее предостережение подействовало, поскольку Огненное Сердце произнес:

— Куда мы должны вас сопровождать? Куда вы поскачете?

— Я мог бы солгать из предосторожности, — ответил Олд Шеттерхэнд, — но пренебрегу этим. Мы поедем в горы Бук, наверх, к Серебряному озеру. Если мы увидим, что вы честны, мы задержим вас только на один день. А сейчас я дам вам четверть часа на размышление. Если подчинитесь нашим желаниям, с вами ничего не случится! Но если вы откажетесь, как только истечет указанное время, заговорят наши ружья. Я сказал!

Он сделал ударение на последних словах, ясно дав понять, что никто не заставит его отказаться от своего требования. Огненное Сердце склонил голову. Неслыханно, что эти белые, которые всего несколько минут назад были обречены на ужасную смерть, теперь выставляли свои условия. И в этот миг внимание воина обратилось к деревьям, ибо оттуда раздался негромкий голос: «Маи иве!»

Эти слова означали «смотри сюда!». Их никто не выкрикивал, они были произнесены достаточно тихо. Слова эти могли относиться не только к вождю, но и к любому другому, они могли быть совершенно случайными и не иметь никакого значения для белых, но все же Шеттерхэнд, Файерхэнд и Виннету тотчас обратили свои взоры на упомянутое место. То, что они увидели за деревьями, должно было привлечь их внимание. Там стояли двое краснокожих, которые держали за два верхних края растянутое покрывало, подобно занавесу, и при этом быстро, но с определенными промежутками, двигали им вверх-вниз. Позади них пробивался свет костра. Оба индейца обращались к Огненному Сердцу.

Краснокожие имеют свой язык знаков, отличный у разных племен. По ночам они пользуются для этого раскаленными стрелами, которыми они поджигают подброшенные в воздух пучки травы. Днем они разжигают огонь и держат над ним шкуру или покрывало, чтобы собрать дым. Всякий раз, когда эти шкуры или покрывала убирают, либо слегка приподнимают, вверх выходит облачко дыма, которое имеет определенное значение. Это своего рода телеграф, подобный нашему, ибо интервалы между облачками имеют примерно то же значение, что наши «тире» и «точки». Но не надо думать, что племя всегда пользуется одними и теми же знаками. Их значение очень часто меняется, чтобы, насколько возможно, запутать врага или чужака.

Если оба краснокожих полагали, что на их действия никто не обратил

внимание, они ошибались. Как только индейцы начали шевелить покрывалом, Виннету шагнул в сторону, чтобы стать точно за Огненным Сердцем, которому предназначались сигналы. Оба индейца находились на прямой линии между последним и огнем. Поднимая и опуская покрывало, они то открывали, то накрывали огонь на глазах у вождя, делая при этом долгие и короткие паузы.

Олд Файерхэнду и Шеттерхэнду тотчас стало ясно, что краснокожие что-то замыслили, но они сделали вид, будто ничего не заметили и предоставили разгадку знаков Виннету, который как индеец в этом деле, несомненно, был искуснее.

«Телеграфирование» длилось, пожалуй, минут пять, и все это время Огненное Сердце не отрывал глаз от места, где стояли оба юта. Потом те так же незаметно исчезли, как и появились, закончив с сообщением и не догадываясь, пожалуй, что были подслушаны или подсмотрены своим противником. Огненное Сердце лишь теперь обратил внимание, что Виннету стоял у него за спиной. Это бросилось ему в глаза, и он с опаской резко развернулся, чтобы узнать, куда смотрит апач. Но тот был достаточно проникновен — мгновенно отвернулся и всем своим видом дал понять, что полностью увлечен мерцавшей в лунном свете гладью озера. Огненное Сердце успокоился, а Виннету медленно подошел к Олд Шеттерхэнду и Олд Файерхэнду. Те удалились с ним еще на несколько шагов, после чего Олд Файерхэнд тихо спросил:

— Краснокожие говорили с вождем. Видел ли мой брат слова и понял ли их значение?

— Видел, но не понял каждое в отдельности, — ответил вождь апачей. — Все же смысл мне ясен, ибо о том, чего я не понял, можно легко догадаться.

— Ну, что же они сказали?

— Оба краснокожих — два молодых вождя сампичи-юта, чьи воины находятся здесь вместе с ними. Они призвали Огненное Сердце спокойно следовать с нами.

— Значит, они считают, что мы поступаем справедливо? Меня это очень удивляет.

— Они не искренни. Мы хотим попасть на Серебряное озеро, а значит, наш путь лежит через Рио-Гранде и приведет в Тейвипа, Долину Оленей. Там стоят лагерем воины таши, капоте и виминучи — все они относятся к народу юта. Они собираются в поход против навахов и ожидают к себе находящихся здесь ямпа. Мы обязательно натолкнемся на них, а они, как кажется, должны напасть на нас и взять в заложники. Чтобы сообщить им

об этом, к ним пошлют нескольких гонцов. А чтобы мы ни в коем случае не смогли улизнуть, здешние юта сразу за нами свернут лесной лагерь и помчатся вдогонку, чтобы зажать нас в клещи и не дать никому уйти.

— Дьявол! План недурен. Что скажет мой краснокожий брат?

— Соглашусь, что он очень хорошо продуман, но имеет одно слабое место.

— Какое?

— Его слабое место в том, что я его подслушал. Мы теперь знаем их намерения и то, что нужно делать.

— Но если мы не хотим давать крюк в четыре дня длиной, нам все равно придется скакать в Долину Оленей.

— Мы не будем делать крюк, поскачем прямо к долине, но не попадем в руки юта.

— Это возможно?

— Да. Спроси моего брата Олд Шеттерхэнда. Я был с ним в Долине Оленей. Мы оказались там одни, когда за нами охотилась большая группа бродячих юта ветви элков. Мы ускользнули от них, поскольку нашли путь в скалах, которым раньше и, вероятно, потом, после нас, не ступал ни один человек. Путь опасен, но при необходимости выбора между ним и смертью, несомненно, лучше остановить свой выбор на нем.

— Хорошо, поскачем по нему. А что будем делать с заложниками?

— Мы не освободим их до тех пор, пока опасная Долина Оленей не останется у нас за спиной.

— Большому Волку мы тоже дадим свободу? — вметался в диалог Олд Шеттерхэнд.

— Ты хочешь его убить? — спросил Виннету.

— Он это заслужил. Я снова помиловал его внизу, в каньоне, но предупредил, что это будет в последний раз. Несмотря на это, он опять нарушил слово, и я считаю, что мы не имеем права оставить подобные вещи безнаказанными. Речь идет не только о нас одних. Если он не будет наказан, другие краснокожие сочтут, что белые не хозяева своих слов, и возьмут пример с этого вождя.

— Мой брат прав. Я не люблю убивать людей, но Большой Волк неоднократно нарушил клятву, а значит, и не раз заслужил смерть. Если мы оставим его в живых, он сам же посчитает это нашей слабостью и бессилием. Но если мы покараем его, воины юта узнают, что перед нами нельзя безнаказанно нарушать слово, и больше не рискнут действовать так вероломно. Но сейчас нам не стоит упоминать об этом.

Прошло четверть часа, и Олд Шеттерхэнд обратился к Огненному

Сердцу:

— Время вышло. Что решил вождь юта?

— Перед тем как сказать, — ответил старик, — я должен точно знать, куда вы потащите заложников?

— Мы не будем тащить их — они поедут с нами. Хотя они и будут связаны, мы не готовим им страданий. Мы едем к Тейвипа.

— А потом?

— Наверх, к Серебряному озеру.

— И так далеко заложники должны ехать с вами? Псы навахов могут быть там, наверху. Они убьют наших воинов!

— У нас нет желания брать их с собой так далеко, они будут сопровождать нас до Долины Оленей. Если с нами до того места ничего не случится, мы пойдем, что вы сдержали слово, и после Долины Оленей отпустим их.

— Это правда?

— Да.

— Вы будете с нами раскуривать трубку мира?

— Только с тобой одним — этого достаточно, ибо ты говоришь от имени остальных.

— Тогда бери свой калюме и запали его, — вождь пристально взглянул на охотника.

— Возьми лучше ты свой.

— Зачем? Твоя трубка не так хороша, как моя? Или из нее струится дым лжи?

— Наоборот. Мой калюме всегда говорит правду, а вот трубке краснокожего человека нельзя доверять.

Это было серьезным оскорблением.

— Если бы я не был связан, то убил бы тебя! Как смеешь ты обвинить наш калюме во лжи! — выкрикнул Огненное Сердце со вспыхнувшими гневом глазами.

— Потому что имею на это право. Трубка Большого Волка обманула нас, а ты взвалил часть его вины на себя, ибо дал ему воинов, чтобы напасть на нас. Нет, будем раскуривать твой калюме. Если не захочешь, мы посчитаем, что у тебя нет честных намерений. Решайся быстрее! У нас нет желания попусту тратить время на разговоры.

— Тогда развяжи меня, чтобы я мог воспользоваться трубкой!

— Это ни к чему. Ты заложник и должен быть связанным, пока мы не освободим тебя в Долине Оленей. Я сам займусь твоим калюме и вложу его тебе в рот.

Огненное Сердце предпочел больше не отвечать. Он вынужден был стерпеть оскорбление, ибо речь шла о жизни. Олд Шеттерхэнд снял с его шеи трубку, набил ее и зажег. Потом выпустил дым вверх, вниз и в четырех направлениях света и объявил, что он сдержит данное Огненному Сердцу обещание, если юта откажутся от всех враждебных действий. Огненное Сердце был поставлен на ноги и повернут в четырех направлениях. При этом он вынужден был сделать также шесть затяжек и пообещать за себя и своих выполнить клятву. На этом церемония завершилась.

Теперь юта должны были отдать отобранные у белых вещи. Краснокожие проделали это совершенно спокойно, поскольку сказали себе, что скоро снова станут их владельцами. Потом привели лошадей белых и заложников.

А тем временем начало светать. Белые сделали все, чтобы по возможности ускорить свой отъезд, что им удалось. При этом они должны были соблюдать крайнюю осторожность и не имели права даже на малейшую оплошность, из-за которой краснокожие могли получить какое-либо преимущество.

Пятеро выбранных воинов и молчаливые вожди были привязаны к лошадям. Каждого из них окружили двое белых, державшие револьверы наготове — на случай, если бы индейцы надумали вдруг сопротивляться, несмотря на положение заложников. Отряд двинулся к боковому каньону, по которому Хромой Френк и Тетка Дролл пробрались в лагерь. Индейцы вели себя спокойно, и только мрачные взгляды, которые они бросали на бледнолицых, выдавали обуревавшие их чувства.

Глава пятнадцатая. ИНДЕЙСКАЯ БИТВА

Никто не был горд счастливым концом этого приключения больше, чем Дролл и Хромой Френк, чьему разумному и энергичному вмешательству, по меньшей мере, его быстроте, были обязаны их друзья. Герои снова скакали рядом друг с другом позади пленников. Как только процессия покинула лагерь, Дролл, залившись своим неповторимым лукавым смехом, сказал:

— Хи-хи-хи-хи, прямо душа радуется! Должно быть, индейцы в ярости, что позволили нам ускакать просто так! Как считаешь, кузен?

— Конечно! — кивнул Френк, гордо восседавший на своем жеребце. — Это был удачный ход — лучше не бывает! А знаешь, кто при этом были главными матадорами? [54](#)

— Ну?

— Ты и я — мы вдвоем! Без нас остальные до сих пор томились бы в оковах, как Прометей, вынужденный из года в год питаться орлиной печенью [55](#).

— Ну, знаешь, Френк, я думаю, они все же нашли бы выход и без нас. Такие люди, как Виннету, Шеттерхэнд и Файерхэнд, не позволят так легко привязать себя к столбам пыток. Они не раз бывали и в худшем положении, но тем не менее живут и поныне здравствуют.

— Хотя я и согласен с тобой, думаю, им все же пришлось бы тяжело. Без нашего мирового удалства им было бы, хотя и не безнадежно, все же не так легко контрапунктироваться из этого дьявольского положения. Я, конечно, не могу гордиться этим, но все-таки испытываешь возвышенные чувства, когда можешь сказать себе, что наряду с выдающимся дарованием имеешь еще и резвый интеллект, который не сможет догнать даже самый быстрый конь! Когда я позже уйду на пенсию и буду при хороших чернилах, напишу мои мемуаранды, чем занимаются все знаменитости. Лишь после этого мир узнает, к каким галлюцинациям обладает компетентными способностями одна-единственная человеческая душа! Ты такой же высокоодаренный почетный гражданин Земли, и мы можем с гордостью нашего имитированного чувства собственного достоинства вспомнить о том, что мы не только земляки, но и конфигурированные кузены и родственники!

Тем временем отряд вступил в боковой каньон. Каньон не сворачивал влево, к главному, а вел направо и дальше шел вдоль него. Виннету,

который знал путь лучше всех, скакал, как обычно, во главе. За ним двигались охотники и рафтеры, охранявшие пленных. Следом покачивался паланкин, в котором находилась Эллен с ехавшим рядом отцом, а заключали процессию снова несколько рафтеров.

Эллен со вчерашнего дня держалась чрезвычайно стойко. С ней, к счастью, краснокожие не обращались так строго, как со взрослыми пленниками мужского пола. Когда те освободились от веревок и подскочили к вождям, чтобы захватить их, она осталась совершенно одна у погашенного Олд Шеттерхэндом костра. Просто чудо, что краснокожие не подумали воспользоваться ей, чтобы вынудить противника освободить заложников!

Дорога в узком каньоне шла в гору достаточно круто и по проществу, быть может, часа вывела на широкую открытую скалистую равнину, которая ограничивалась темными силуэтами Скалистых гор. Здесь Виннету развернулся и сказал:

— Мои братья знают, что краснокожие будут преследовать нас. Мы поскачем галопом, чтобы проложить между ними и нами как можно большее расстояние.

Все пришпорили лошадей и погнали их так, насколько это могли позволить паланкин и запряженные в него пони. Позже этот темп был снижен благодаря очень радостному для всадников обстоятельству — они заметили стадо вилорогов ⁵⁶, и двух из них им удалось подстрелить. Теперь на весь оставшийся день провианта было достаточно.

Горы подступали все ближе. Плоскогорье, казалось, наталкивалось на их подножия, но до склонов было еще далеко, поскольку дальше лежала долина Рио-Гранде. В полдень, когда палящее солнце нещадно жгло людей и зверей, всадники достигли узкого места скалистой равнины, откуда дорога вела вниз.

— Здесь начинается каньон, который выведет нас к реке, — пояснил Виннету и направил коня дальше. Казалось, будто великан гигантским стругом прорезал в твердом камне дорогу, идущую вниз все глубже и глубже. Появившиеся справа и слева скальные стены сначала были едва заметны, потом поднялись в человеческий рост, а вскоре стали огромными и продолжали вздыматься все выше, пока, казалось, не сошлись где-то наверху, скрыв небо. Здесь, в теснине, стало темно и холодно. Со стен сочилась вода, скапливающаяся на дне и очень скоро ставшая глубиной с фут, позволив животным утолить жажду. Но странно — каньон не делал ни малейшего витка. Он напрямик врезался в скалы, и задолго до того, как люди достигли его конца, они заметили впереди полосу света, которая

становилась тем шире, чем ближе они были к выходу, положившему вскоре конец протянувшейся на многие сотни футов теснине.

Когда всадники достигли его, их глазам открылось поистине потрясающее зрелище. Они находились в долине Рио-Гранде. Ширина ее была где-то в половину английской мили, а река бурлила прямо посредине, поросшая по обоим берегам травой, в которую бесцеремонно вторгались отвесные, вздымающиеся ввысь стены каньона. Протянувшаяся с севера на юг долина была проведена словно по линейке — обе скальные стены не имели ни малейшей щели или крохотного выступа. Над долиной блистало раскаленное солнце, которое, несмотря на глубину каньона, почти высушило траву.

Никакой щели? Да нет же! Прямо напротив всадников, на правом берегу реки, имелся достаточно широкий вырез, из которого большим потоком вытекал далеко не мелкий ручей. Именно на него указал Виннету и сказал:

— Мы должны следовать вверх по ручью — он приведет к Долине Оленей.

— Но как мы переберемся на ту сторону? — спросил Батлер, прежде всего заботившийся о своей дочери. — Река хоть и не бурная, но, похоже, глубокая.

— Выше места впадения ручья есть брод, который так мелок, что вода в нем в это время года даже не коснется паланкина. Пусть моя братья следуют за мной!

Всадники поскакали по траве к берегу, у которого находился брод. Тот был расположен так, что отряду требовалось перейти реку, а также еще и ручей, чтобы достичь правого берега, который оказался шире, а значит, и удобнее для передвижения, чем левый. Виннету погнал коня в воду, остальные последовали за ним. Он был прав — вода едва доходила ему до ступней. Вдруг он остановился вблизи противоположного берега и издал негромкий крик, словно заметил какую-то опасность.

— Что произошло? — озабоченно спросил Олд Шеттерхэнд, скакавший сзади. — Изменялось русло реки?

— Нет. Там, на той стороне, проскакали всадники.

Вождь указал на берег. Олд Шеттерхэнд погнал коня вперед и теперь также увидел след. Он был широкий, оставленный многими всадниками, трава еще не успела подняться.

— Это очень важно! — заметил Олд Файерхэнд, приблизившийся к друзьям. — Мы обследуем отпечатки, а остальные пока останутся в воде.

Трое поскакали на берег, соскочили там с лошадей и внимательно

окинули след опытным взглядом.

— Здесь были бледнолицые, — заключил Виннету.

— Да, — согласился Олд Шеттерхэнд. — Индейцы ехали бы друг за другом и не оставили бы такой широкий, бросающийся в глаза след. Я уверен, что это не настоящие вестмены. Охотник, обладающий опытом, намного осторожнее. Думаю, что их было тридцать или сорок.

— Да, — подтвердил Олд Файерхэнд. — Но белые здесь, при таких обстоятельствах! Должно быть, это новички или неосторожные люди, которым просто нужно наверх, в горы.

— Хм! — прогудел Олд Шеттерхэнд. — Рискну угадать, кого мы тут имеем.

— Ну, кого же?

— Рыжего Полковника с его отрядом.

— Черт возьми! Возможно, и так. По моим расчетам мерзавцы должны быть тут гораздо позже. И это согласуется с тем, что узнал и ты от Нокса и Хилтона. Нам надо след...

Файерхэнда прервал Виннету, который чуть раньше отошел к ручью, а теперь, указывая на прибрежную воду, сказал:

— Пусть мои братья идут сюда. Рыжий Полковник был здесь.

Они подошли и заглянули в воду. Это была чистая родниковая вода, которая четко позволяла видеть дно, и вестмены заметили целую серию отпечатков, ведущих по дну от одного берега к другому рядом с местом, у которого всадники перешли ручей.

— Прежде чем они переправились, — пояснил апач, — один из них спешил, чтобы проверить глубину воды. Они глупцы, ибо любой невооруженным глазом увидит, что вода не достигнет и ступней едущего верхом человека. Чем один из них обследовал ручей? Пусть об этом скажут мои братья.

— Киркой, которую он держал за ручку. Это ясно видно по отпечаткам, — ответил Олд Файерхэнд.

— Да, киркой или кайлом. Стало быть, эти люди не охотники, они собираются что-то копать. Это точно был рыжий Полковник.

— И я того же мнения, но все же не отбрасываю мысли, что это могли быть и другие, — заметил Олд Файерхэнд.

— Тогда здесь могли проезжать только золотоискатели, — произнес Олд Шеттерхэнд. — А это я опровергаю.

— Из каких соображений?

— Во-первых, золотоискатели — люди опытные, которые не так беспечны, а во-вторых, мы можем по следам сорока коней насчитать с

десяток вьючных лошадей, а значит, остаются тридцать всадников. Но золотоискатели не странствуют по горам и каньонам такими многочисленными группами. Нет, это рыжий Полковник со своими людьми. Я готов поклясться.

— Я тоже не сомневаюсь. Но куда же они направились? Там, на той стороне, свернули направо — значит, не поехали дальше вниз по Гранд-Ривер, а поскакали вверх по ручью, к Долине Оленей. Они идут прямо в лапы юта.

— Это их судьба, которую они сами себе уготовили. Мы не можем ее изменить.

— Ого! — воскликнул Олд Файерхэнд. — Мы должны ее изменить!

— Должны? Зачем? Разве они это заслужили?

— Нет. Но нам нужен план, рисунок, который украл Полковник. Если мы его не получим, то никогда не узнаем, где спрятаны сокровища Серебряного озера.

— Это так, и ты хочешь скакать за этими негодяями, чтобы предупредить их?

— Не чтобы предупредить, а чтобы прикончить.

— Это невозможно. Подумай, преимущество на их стороне!

Олд Файерхэнд нагнулся, чтобы еще раз обследовать траву, после чего с разочарованием произнес:

— Увы! Они были здесь четыре часа назад. Как далеко еще до Долины Оленей?

— До вечера мы ее не достигнем.

— Тогда я должен отказаться от своих намерений. Они будут во власти краснокожих, прежде чем мы пройдем половину пути. Но как обстоят дела с гонцами, которых должны были послать в долину ямпа-юта? Они наверняка отправились в путь еще перед нами, но мы не видели их следов.

— Эти люди, пожалуй, не ехали верхом — они бежали, — пояснил Виннету. — Пешком путь намного короче, поскольку мокасины пройдут даже там, где кони и всадники свернут себе шею. Пусть мои братья не думают о Полковнике, а лучше позаботятся о том, чтобы стереть эти следы.

— Зачем?

— Мы знаем, что ямпа-юта преследуют нас. Мы позже сойдем с того пути, по которому должны идти по их мнению. Нам нужно постараться обмануть их, если мы хотим ускользнуть. Юта должны посчитать нашими следы Полковника, которые идут прямо в Долину Оленей, потом они последуют по ним и не догадаются, что мы поскачем в стороне. Поэтому они не должны видеть и знать, что перед нами здесь были всадники. Оба

моих белых брата знают, как стереть следы. Хромой Френк и Дролл, Горбатый Билл и Дядя Шомпол также научены этому, Уотсон и Черный Том тоже. Пусть все эти люди поднимут траву и польют ее водой из своих шляп, а солнце высушит воду и вытянет траву вверх. Это нужно сделать на всем протяжении, какое только может окинуть глаз. Когда потом придут ямпа-юта, трава будет стоять везде и лишь там, где мы проскачем, окажется вытоптанной.

План был превосходен. Названных вызвали сюда, и они принялись осуществлять его, в то время как остальные преодолели брод, перешли через ручей и ждали теперь на другой стороне. Вестмены вернулись по следам Полковника на сотню шагов назад, полили траву водой и подняли ее тем, что, медленно двигаясь обратно, тянули за собой по земле покрывала. Остальное должно было доделать солнце. Если бы тот, кто не оказался свидетелем этого события, прибыл бы сюда спустя полчаса, то посчитал бы, что имеет перед собой только следы Олд Файерхэнда и его спутников. Когда уничтожившие следы закончили свое дело, они перешли через ручей и снова вскочили в седло.

Пленные краснокожие молча наблюдали за происходящим. С тех пор, как они отправились в путь, ни один из них не произнес ни слова, но то, что они теперь видели, казалось им подозрительным. Зачем бледнолицые стерли чужие следы? Почему они потратили на эту работу столько драгоценного времени вместо того, чтобы как можно быстрее помчаться по следу? Огненное Сердце не смог больше себя сдерживать и молчать; он повернулся к Олд Файерхэнду:

- Кто те люди, которые проскакали здесь до нас?
- Всадники, — коротко прозвучало в ответ.
- Куда они направляются?
- А почему мне знать?
- Зачем же ты уничтожил их следы?
- Из-за твоих воинов.
- Из-за них? Что они должны были делать с ними?
- Ничего, теперь они их не увидят.
- Они не увидят их, поскольку следы здесь, а мои воины в лагере, в Лесу Воды! — повысил голос Огненное Сердце.
- Их давно там нет — они у нас за спиной.
- Я не верю этому!
- А я не просто верю, я это знаю.
- Ты ошибаешься. С какой целью мои люди должны следовать за вами?

— Чтобы держать нас между собой и теми юта, что обосновались в Долине Оленей.

Было видно, что Огненное Сердце испугался. Но он быстро взял себя в руки и сказал:

— Мой белый брат любит мечтать? Я ничего не знаю о том, что он говорит.

— Не лги! Мы видели знаки, которые давали тебе покрывалом два молодых вождя. Мы так же хорошо поняли их, как и ты, и знаем, что ты обманул нас с калюме.

— Уфф! Мои слова были искренни!

— Посмотрим. Горе вам, если ямпа-юта преследуют нас! Больше я не должен тебе ничего говорить. Нам надо ехать дальше.

Прерванная скачка была возобновлена, но теперь вверх по ручью. След, по которому они шли, был широким, а значит, им пришлось скакать так же, как и их предшественникам, чтобы преследователи не смогли узнать, что перед ними два разных следа. Если краснокожие прежде были молчаливы, то теперь они и вовсе опустили головы. Юта выглядели подавленными и осознавали, что их жизнь теперь не стоит и гроша. Как охотно они спаслись бы бегством, но об этом не могло быть и речи — их связали очень крепко, к тому же они были зажаты белыми со всех сторон и не смогли бы прорвать их кольцо.

Ручей струился по лабиринту многочисленных излучин, постепенно забирая вверх. Долина стала шире и дальше, вверху, вся поросла кустарником и деревьями. Наконец, она разветвилась на множество боковых долин, из которых вытекали маленькие потоки воды, питающие ручей, бравший здесь свое начало. Виннету около четверти часа следовал вдоль этого бурного источника, долина которого оказалась достаточно широкой, а потом перед всадниками внезапно вырос узкий скальный коридор, за которым дорога снова расширилась, и глазам путников открылся горный луг с сочной травой. Когда коридор был пройден, вождь остановился и сказал:

— Это превосходное место для отдыха и еды. Наши лошади устали и голодны, мы тоже должны отдохнуть. Пусть мои братья спешатся и зажарят вилорогов.

— Но тогда нас настигнут юта! — заметил Олд Файерхэнд.

— Чем это повредит? Они должны видеть, что мы знаем их планы. Они ничего не смогут нам сделать, ибо мы выставим в скальном проходе всего лишь одного человека — он уже издали увидит их и предупредит нас. Они не смогут взять это место приступом, и им придется вернуться.

— Но мы потеряем здесь много времени!

— Мы не упустим ни минуты. Еда и питье удвоят наши силы, в которых мы, возможно, уже скоро будем нуждаться. А если дадим нашим коням траву и воду, сможем дальше мчаться быстрее. Я избрал это место. Пусть мой брат делает то, о чем я его попросил.

Апач был прав, и остальные также согласились, что привал надо делать именно здесь. Там, где скалы запирали долину, были выставлены часовые. Пленников привязали к деревьям, лошадей оставили пастись и разожгли два костра, на которых зажарили мясо. С едой управились быстро. Пленные индейцы получили свою долю, к тому же их еще напоили из стаканчика, который был при себе у лорда.

Тот был в прекрасном расположении. Он пришел на эту землю, чтобы найти приключения, а нашел гораздо больше, чем мог предположить. Теперь он достал записную книжку, чтобы сложить суммы, которые был должен Биллу и Дяде.

— Давайте поспорим? — обратился он с блаженной улыбкой к первому.

— По поводу?

— По поводу того, что я задолжал вам уже тысячу долларов и даже еще больше!

— Я не спорю.

— Очень жаль — это пари я бы выиграл!

— Рад за вас. Впрочем, сэр, вам сегодня, пожалуй, придется еще увеличить сумму на нашем счету, ибо, вероятно, вскоре что-то произойдет.

— Прекрасно! Если мы это только переживем, то пусть происходит. Смотрите, уже начинается!

Часовой издал негромкий свист и махнул рукой. Предводители поспешили к нему. Когда они, прячась за скалами, заглянули в скальный коридор, они увидели там юта,двигающихся вверх по долине. Те находились на удалении около тысячи шагов.

Снаружи прохода, перед скалами, разросся густой кустарник — здесь осталось большинство из отряда Олд Шеттерхэнда. Внутри он быстро расставил своих лучших стрелков и поручил стрелять, как только раздастся его первый выстрел, но целиться все должны были только в животных.

Краснокожие быстро приближались, устремив свои взгляды на следы. Они полагали, что белые были счастливы ускользнуть от них, а потому чувствовали себя в безопасности и не высылали вперед разведчиков. И вдруг перед ними грохнул выстрел, потом — десять, двадцать и еще больше. Пораженные кони падали или вскакивали на дыбы, а затем в ужасе

мчались назад, сбрасывая седоков и наводя панику среди индейцев. Раздался пронзительный вой, после чего краснокожие быстро исчезли и коридор остался пустым.

— Так! — раздался голос Олд Шеттерхэнда. — Теперь они в курсе, что мы настороже и знаем их замыслы. Но мы должны отправляться в путь, ибо они все же могут подкрасться со стороны. Стало быть, вперед!

Через несколько минут все уже снова были в седле и отряд тронулся. Предполагалось, что краснокожие теперь будут продвигаться очень медленно, делая каждый шаг с крайней осторожностью, поэтому преследуемые могли быть уверены, что получили достаточно преимуществ.

Они ехали вверх по луку, на другую сторону горных склонов, пока не достигли лабиринта ущелий и долин, приходивших с разных направлений и сходящихся, казалось, в одной и той же точке. Эта точка была входом в широкое пустынное и очень длинное ущелье, в котором, похоже, не росло ни травинки. Скальные обломки всяческих форм и размеров громоздились друг на друге или были разбросаны вокруг. Создавалось впечатление, будто бы здесь в доисторические времена обрушился гигантский природный туннель.

В этих горах обломков горной породы отыскивать связный след было тяжело. Только временами попадающиеся камни, столкнутые со своего «насиженного» места или оцарапанные конским копытом, говорили о том, что здесь были ловушки. Виннету указал рукой вперед и сказал:

— Через два часа этот каменный лабиринт спустится в зеленую Долину Оленей. Но мы поскачем отсюда налево. Пусть Олд Шеттерхэнд и Олд Файерхэнд спешатся, оставят своих лошадей под опекой других и пойдут сзади, чтобы тотчас уничтожить, возможно, оставшиеся наши следы, тогда ямпа-юта не заметят, что мы ушли в сторону!

Он свернул налево, в гору развалин, а оба названных охотника выполнили его указание и вскочили в седло лишь тогда, когда отряд достаточно далеко удалился от направления прежнего пути. Апач доказал, что он обладает несравненной зрительной памятью. Казалось, что ни один человек не смог бы ориентироваться в этом лабиринте, и, несмотря на то, что с момента последнего пребывания здесь прошли годы, вождь все же хорошо знал каждый камень, каждую скалу, каждый подъем и изгиб и ни разу ни на миг не испытал никаких затруднений в выборе пути.

Дорога забирала круто в горы, пока отряд не достиг широкого пустынного плоскогорья. По нему всадники понеслись галопом. Солнце уже почти исчезло за вершинами Скалистых гор, когда они достигли края

плато, но все же узрели перед собой бездну, поскольку апач остановился, указал вперед и пояснил:

— Еще пятьсот шагов, и камень падет в глубину, как капля воды. На противоположной стороне — то же самое. Но между ними, внизу, лежит Долина Оленей с чистой водой и большим лесом. Известно, что у нее есть только один вход — тот самый, от которого мы уклонились, а также только один выход, ведущий к Серебряному озеру. Я и Олд Шеттерхэнд — единственные, кто знает широкий проход, который мы случайно открыли, когда находились в опасности. Я покажу его вам.

Апач приблизился к краю плато. Здесь, на самом краю, лежали, сгрудившись, скальные обломки, словно защитная стена, не позволяющая свалиться в бездну. Виннету исчез между двумя обломками, и остальные по одному последовали за ним.

Странно, но там имелся проход. Справа зияла бездна, на дно которой они стремились, но вождь апачей повел налево, внутрь горного массива. Спуск был так крут, что люди предпочли спешиться и вести коней. Чудовищно огромный, в милю длиной и шириной скальный колосс когда-то дал трещину, которая по ломаной линии прошла по нему сверху вниз. Заполнившая трещину окатанная горная порода образовала твердое дно, которому можно было смело довериться.

Лошади не смогли бы упасть, несмотря на крутизну этого пути, поскольку под их ногами лежал не гладкий камень, а достаточно твердые окатанные обломки, которые препятствовали скольжению. Чем глубже они спускались, тем мрачнее становилось вокруг. Олд Файерхэнд посадил Эллен Батлер на своего коня и шел рядом, поддерживая девочку. Спуск казался вечным, но в один момент опускание прекратилось, земля выровнялась, а скальная трещина стала такой широкой, что напомнила большой зал, но без потолка. Виннету остановился.

— Мы почти в долине, — произнес он. — Здесь мы останемся, пока позволит темнота, в которой юта пройдут мимо. Дайте лошадям попить и заткните пленникам рты кляпами.

Краснокожие, естественно, также должны были спуститься вниз, поэтому им предварительно освободили ноги. Теперь же их снова связали и всем засунули кляпы. Кругом царили сумерки, но люди, которые были натренированы видеть ночью почти как кошки, все же легко ориентировались. В нижней части скалы влага собиралась в большую лужу, из которой дальше вперед слабо струилась вода, но куда — пока еще не было видно.

Виннету взял с собой нескольких охотников, чтобы показать им

местность. То, что те увидели, привело их в немалое удивление. Впереди, где зал снова сужался, имелся выход, такой узкий, что едва ли два человека могли пройти в него рядом. Проход дальше также вел вниз, но скоро закончился. Сделав несколько поворотов, люди оказались перед густым занавесом вьющихся растений, под которыми исчезала вода. Виннету слегка отодвинул в сторону эти «гардины», и тут же все увидели лес с высокими, крепкими, как на подбор, деревьями и так густо покрытый листвой, что последний свет дня не мог проникнуть через кроны.

Апач вылез наружу, чтобы разведать обстановку. Когда он снова вернулся, сообщил:

— Справа от нас, на север, а значит, вверх по долине, под деревьями горят много костров. Там расположились юта. Внизу мрак, и нам нужно туда. Возможно, там нет ни одного краснокожего. Самое большее — двое или трое выставлены у выхода Долины Оленей, но их очень легко можно вывести из строя, и, если бы рыжий Полковник не находился поблизости, мы могли бы без опаски покинуть долину. Нам, безусловно, надо знать, что с ним. Поэтому я, как только совсем стемнеет, подползу к огню, чтобы подслушать. До этого вы не должны двигаться вперед, поскольку нам надо вести себя тихо.

Он повел людей обратно, чтобы потом показать местность другим. Это было необходимо, поскольку каждый при случае должен знать, где он находится и где выход.

Пленники были связаны очень крепко, но все равно у каждого из них имелся свой страж. Если вчера белым в подобном положении удалось освободиться от пут, то сегодня это могли сделать и краснокожие.

Виннету настаивал на том, что на разведку пойдет он один, но ни Олд Шеттерхэнд, ни Олд Файерхэнд не согласились с ним. Дело было столь опасным, что один человек легко мог не вернуться, и потом никто бы не узнал, что с ним произошло и как прийти к нему на помощь. Именно поэтому охотники не хотели отпускать вождя одного.

После того как прошло два часа, все трое отправились в путь. Они выбрались в лес и остановились, чтобы подслушать, нет ли кого-либо поблизости, но ничего не было ни видно, ни слышно. Огни горели достаточно близко; их оказалось так много, что можно было сделать вывод — здесь располагалось огромное количество юта.

Теперь трое пробирались вперед, от дерева к дереву, и Виннету был впереди. Чем дальше они приближались к огню, тем легче становилось решение их задачи, ибо, смотря на пламя, они могли видеть любой стоявший или лежавший перед ними предмет.

Разведчики двигались по левому краю долины. Костры горели ближе к середине. Возможно, краснокожие не доверяли скальной стене. То, что от нее легко мог отделиться кусок, доказывали обломки, которые, поломав деревья, упали вниз и лежали теперь, глубоко врытые в землю. Трое быстро шли вперед. Они уже находились на уровне первого огня. Слева от него, но дальше назад, на удалении от других, горело яркое, высокое пламя. Вокруг него сидели пять вождей, как можно было догадаться по орлиным перьям, украшавшим их головные уборы.

Один из них поднялся. Он сбросил с себя боевой плащ. Его голый торс, как, впрочем, руки и лицо, был разрисован толстым слоем ярко-желтой краски.

— Таб-вагаре, Желтое Солнце, — прошептал Виннету. — Это вождь капоте-юта, он обладает силой медведя. Посмотрите, какие крепкие мускулы и какая широкая грудь!

Юта дал знак второму вождю, который тоже встал. Тот был выше ростом и, пожалуй, казался не менее сильным.

— Это Цу-ин-куц, Четыре Бизона, — пояснил Олд Шеттерхэнд. — Он носит это имя, поскольку однажды всего четырьмя стрелами убил столько же бизонов.

Оба вождя перекинулись друг с другом словами и потом удалились от костра. Возможно, они хотели проверить часовых. Они сторонились огней и вследствие этого шли близко к скальной стене.

— О! — произнес Олд Шеттерхэнд. — Они пройдут здесь рядом. Что скажешь, Файерхэнд? Возьмем их?

— Живыми?

— Конечно!

— Это был бы ловкий ход! Быстро на землю, сначала ты, потом я!

Оба юта приближались, один следовал за другим. Неожиданно за ними вынырнули темные фигуры — два мощных удара, и оглушенные вожди свалились на землю.

— Хорошо! — прошептал Олд Файерхэнд. — Они у нас в руках. Теперь берем их и быстро в укрытие!

Каждый поднял свою жертву. Виннету получил указание ждать, а оба охотника поспешили к скрытой скальной галерее. Туда они доставили новых пленников, приказали их связать и заткнуть рты кляпами, после чего вернулись к Виннету, но прежде напомнили своим друзьям, что ни один из них не имеет права покидать укрытие и заниматься самодеятельностью, пока они не вернуться.

Виннету все еще стоял на том же месте. Теперь подслушивать трех

оставшихся вождей было не так нужно, как разыскать место, где находился рыжий Полковник со своим отребьем. Для этого нужно было обойти или обползти весь лагерь. Таким образом, трое смельчаков снова пробирались вдоль скальной стены, оставив все огни по левую руку.

Впереди было темно, и стоило вести себя осторожно. То, что не видели глаза, приходилось ощупывать руками. Виннету, как обычно, шел впереди. Внезапно он остановился и издал довольно громкое «уфф!». Другие тоже замедлили шаг и напряженно прислушались. Все было спокойно, и Олд Шеттерхэнд тихо спросил:

— Что там?

— Человек, — ответил апач.

— Где?

— Вот здесь, передо мной.

— Держи его крепко! Не дай ему крикнуть*

— Он не может кричать, он мертв.

— Ты его задушил?

— Он уже был мертв, он висит на столбе.

— Господь Бог! Столб пыток?

— Да. Скальп отсутствует. Его тело сплошная рана. Он околел, и мои руки мокрые от крови.

— Значит, белые мертвы, а здесь было место пыток. Поищем дальше!

Они ощупали пространство вокруг себя и в течение десяти минут обнаружили около двадцати трупов, которые были привязаны к столбам и деревьям. Даже Олд Шеттерхэнд не смог сдержаться:

— Ужасно! Я полагал, что этих людей еще можно спасти хотя бы от стольких мук! Обычно краснокожие ждут дня, но здесь они не оставили им ни минуты.

— А план, рисунок! — воскликнул Олд Файерхэнд. — Он теперь потерян!

— Еще нет. У нас есть пленные вожди. Возможно, мы сможем их обменять на рисунок.

— Если он еще у юта, а не уничтожен.

— Едва ли! Краснокожие научились понимать важность таких бумаг. Индеец скорее теперь уничтожит все, что угодно, только не бумагу, которую найдет при белом, тем более, если она не напечатана, а расчерчена от руки. Так что оставь свои страхи. Впрочем, мне очевидно, из каких соображений этих парней так быстро убили.

— Ну, из каких?

— Чтобы освободить место для нас. О нашем прибытии их уже

известили. Нас еще нет здесь и, несомненно, ждут завтра утром, а если мы не появимся, за нами пошлют разведчиков.

— Гонцы, которых выслали, чтобы известить о нашем прибытии, уже были здесь, но ямпа-юта еще нет, — произнес Виннету.

— Да, их здесь пока нет. Прошел добрый час, прежде чем они рискнули проникнуть в скальный проход и показаться на месте нашего привала. Возможно, они придут лишь завтра утром, поскольку последняя часть пути так тяжела, что ночью не... Чу! Это идут они, они здесь!

Выше того места, где сейчас находились охотники и апач, внезапно раздался громкий, радостный вой, а снизу тотчас ответили. Это действительно пришли ямпа-юта, несмотря на тьму и плохую дорогу, которая, правда, должна была быть им хорошо известна. От поднявшегося воя едва не заложило уши. Из костров были вырваны головни, с которыми, как с факелами, присутствующие бросились навстречу вновь прибывшим. В лесу стало светло и оживленно, вследствие чего все трое оказались в большой опасности.

— Надо уходить, — сказал Олд Файерхэнд. — Но куда? Впереди и сзади полно людей.

— На деревья, — посоветовал Олд Шеттерхэнд. — На толстых ветвях мы сможем переждать, пока волнение уляжется.

— Хорошо, значит, наверх! Эй, Виннету уже там!

Да, апач вовсе не ждал особого приглашения. Он как птица взлетел наверх и скрылся в листве. Оба других последовали его примеру, взобравшись на ближайšie деревья. Скрываться от превосходящего по силам противника не было позором.

Теперь в свете огня и факелов они видели ямпа-юта и их соплеменников. Первые спешили, передали коней хозяевам лагеря и сразу спросили, появлялись ли Виннету и бледнолицые и схвачены ли они. Эти вопросы были встречены большим удивлением. Ямпа не хотели верить, что названные не появлялись, поскольку пришли по их следам. Вопросы сыпались направо и налево, было выдвинуто множество предположений, но истинное положение вещей оставалось загадкой.

Для остальных юта оказалось в высшей степени важным услышать, что Олд Файерхэнд, Олд Шеттерхэнд и Виннету находятся рядом. Из различных возгласов, по которым трое могли судить о чудовищном впечатлении, произведенном неожиданной вестью, им стало ясно, какой репутацией пользовались они у этих краснокожих.

Когда ямпа-юта узнали, что более двадцати белых было замучено до смерти, они посчитали, что это искомые, и потребовали увидеть их. С

факелами они пришли сюда, и теперь апачу и двум вестменам представилось страшное зрелище, казавшееся при блеклом мерцающем освещении еще ужаснее. Когда ямпа поняли, что это трупы не тех, они охладили свой пыл. К счастью, сцена продолжалась недолго, ибо произошло то, чего не мог ожидать ни один юта.

Откуда-то снизу долины раздался долгий крик, который никто из тех, кто его слышал, никогда не смог бы забыть.

— Уфф! — вырвалось у одного из стоявших под деревом вождей. — Что это? Там внизу Желтое Солнце и Четыре Бизона!

Тут же раздался второй похожий крик, а потом грохнуло множество выстрелов.

— Навахи, навахи! — закричал вождь. — Виннету, Шеттерхэнд и Файерхэнд привели их сюда, чтобы отомстить! Вставайте, воины! Бросайтесь на этих псов! Уничтожьте их! Лошадей назад, будем сражаться пешими за деревьями!

Через несколько мгновений юта в беспорядке помчались исполнять приказ. Они тотчас вооружились, подбросили в огонь хвороста, чтобы обеспечить необходимое для борьбы освещение. Теперь уже раздавались не только крики, но и рев, и весь лес наполнился адскими звуками. Выстрелы грохотали все ближе и ближе, чужие темные фигуры сновали от дерева к дереву с поблескивающим оружием в руках.

Поначалу юта ответили недружно, но потом быстро объединились в стойкие группы. Собственно говоря, как такового общего поля боя не существовало, если не обозначить этим термином всю долину, но схватки разгорелись у каждого огня.

Да, это были навахи; они хотели захватить юта врасплох, но не смогли бесшумно снять стоявших у выхода из долины часовых. Их предсмертные крики встревожили остальных, и теперь, когда краснокожие вступили в единоборство, не внезапность, а храбрость и численный перевес могли сыграть решающую роль.

Красный человек обычно нападает под утро, когда сон, как известно, очень глубок. Почему навахи не последовали этому правилу, трудно было понять. Возможно, они полагали незаметно вторгнуться в долину и перестрелять освещенных пламенем костров врагов. Это не удалось, но их храбрость не позволила им отступить — они все же проникли внутрь и теперь сражались, неся большие потери.

Оказалось, что юта имели численный перевес, вдобавок они лучше знали местность, и, несмотря на то, что навахи дрались чрезвычайно храбро, последние были оттеснены. Звуки борьбы раздавались вблизи и

вдали; краснокожие сражались как огнестрельным оружием, так и ножами и томагавками. Для скрытых зрителей это была в высшей степени волнующая сцена — дикари против дикарей! Там, где падал сраженный, победитель тотчас наклонялся за скальпом и, возможно, уже в следующий миг терял свой собственный.

Из трех вождей, которые раньше сидели у костра, двое боролись в первых рядах, чтобы увлечь своим примером воинов. Третий, прислонившись вблизи огня к дереву, зорко следил за ходом сражения и выкрикивал направо и налево приказы. Он был военачальником, к которому тянулись все нити обороны. Даже когда навахов стали теснить дальше и дальше, он оставался на месте. Он был верен своему посту, предоставив остальным вождям руководить преследованием бегущего врага.

Борьба удалялась с каждой минутой. Теперь для трех невольных свидетелей наступило время отойти в безопасное место. Путь к убежищу был свободен. Позже, если бы вдруг ход борьбы изменился или если юта возвращались бы с победой, удалиться из укрытия незаметными было бы практически невозможно.

Виннету осторожно спустился с дерева. Оба других, несмотря на темноту, заметили это и тоже оказались внизу. Вождь все еще стоял на месте, а борьба продолжала бушевать вдали.

— Теперь назад! — произнес Виннету. — Вскоре они разожгут костры радости, тогда для нас будет слишком поздно уходить.

— Вождя берем с собой? — осведомился Олд Шеттерхэнд.

— Да. Мы легко его схватим, ведь он один. Я хочу...

Апач прервался, ибо то, что он увидел, повергло его в величайшее изумление, и слова застыли у него на устах. Произошло следующее: из темноты подобно молнии вырвался маленький, хилый, прихрамывающий человек, размахнулся ружьем и, не давая вождю опомниться, свалил его на землю прицельным ударом приклада. Потом он схватил краснокожего за шиворот и быстро уволок прочь, растворившись во тьме. При этом раздались негромкие, но все же понятные слова:

— Что могут Олд Шеттерхэнд и Олд Файерхэнд, можем и мы, саксонцы!

— Хромой Френк! — произнес Олд Шеттерхэнд удивленно.

— Да, Френк! — подтвердил Олд Файерхэнд. — Малыш с ума сошел! Немедленно за ним, иначе он наделает глупостей!

— Сошел с ума? Вовсе нет! Он забавный карапуз, это так, но сердце у него на месте, разум тоже, и легкомысленным его не назовешь. Я принял

его в школу и могу сказать, что рад его успехам. Но все же нам надо идти следом, поскольку его путь также и наш.

Они поспешили в темноту за малышом. Вестмены и вождь апачей уже достигли входа в укрытие, когда прямо перед ними раздался выстрел.

— Краснокожий попал в него. Быстро на... — начал было Олд Шеттерхэнд, но замолчал, ибо раздался смеющийся голос малыша:

— Дурак, смотри, куда целишься! Если хочешь попасть в меня, не надо палить в луну! А теперь спокойной ночи!

Раздался звук тяжелого удара, и снова все стихло. Трое продвинулись вперед и натолкнулись на Френка.

— Назад! — приказал тот. — Здесь стреляют и протыкают ножами!

— Стой, не стреляй! — предостерег Олд Шеттерхэнд. — Что же тебе понадобилось здесь искать?

— Искать? Ничего, совсем ничего. Мне не нужно искать, ибо я уже сделал двойную находку. Благодарите Бога, что вы открыли рот! Если бы я не узнал ваш конгломератный голос, клянусь честью, расстрелял бы вас в пух и прах! У меня в ружье две пули, что при моем присутствии духа и консубстанции не дает права ни на какие шутки! Я предупреждаю вас с полной серьезностью больше так слепо не бросаться навстречу, во-первых, — опасности, во-вторых, — мне, поскольку иначе, в-третьих, — отправитесь как ветер к праотцам и патриархам!

Обоим белым охотникам, несмотря на серьезность положения, не оставалось ничего иного, как улыбнуться этим неодобрительным речам. Пока никаких врагов вблизи не было, Олд Шеттерхэнд мог осведомиться:

— Но кто же тебе дал разрешение покидать укрытие?

— Разве мне кто-то должен что-то разрешать? Я сам себе господин и владелец фидеикомисса ⁵⁷. Только забота о вас заставила меня застегнуть кирасу! Едва вы ушли, поднялся такой рев, будто кимвры обрушились на тевтонов ⁵⁸. Это я бы еще выдержал, ибо мои нервы натерты дегтем и рыбьим жиром. Но потом раздались выстрелы, мне стало страшно и боязно за вас. Мой простодушный нрав с отцовской привязанностью зависит от вашего душевного существования, и я не могу спокойно терпеть, когда краснокожие лишают вас вашей прекрасной жизни. Поэтому я взял ружье и шмыгнул вперед, хотя другие в тьме египетской этого не могли заметить. Стреляли слева, но вы ушли направо, и я пошел, стало быть, туда. Там, у дерева, как маринованный истукан, стоял вождь. Это разозлило меня, и я дал ему такого вертикального шлепка, что он сразу принял горизонталь. Естественно, я хотел быстро перенести его в мало-мальски безопасное

место и оттащил, но он был для меня слишком тяжел, и я присел на миг на его *corpus juris*, чтобы немного отдохнуть ⁵⁹. Тут подкрался еще один краснокожий и увидел меня против света, но его пуля ушла в Млечный Путь, а я с помощью приклада вступил с ним в такую конфекцию, что он сломался и прилег рядом с вождем. Теперь оба бездельника лежат тут совсем без чувств и сознания и не знают, как им быть.

— Радуйся, что с тобой ничего не случилось! Если бы ты поторопился, то пропал бы!

— Не беспокойтесь! Хромой Френк никогда не придет прежде, чем твердо почувствует победу в обеих руках. Что теперь произойдет с этими типами? Я один не могу с ними справиться.

— Мы поможем. А сейчас быстро внутрь! Там, внизу, выстрелы прекратились, и стоит ожидать возвращения юта.

Оба бесчувственных индейца были перенесены в укрытие, где их тотчас связали и заткнули им кляпом рты, как и другим. Потом Виннету с Олд Файерхэндом стали на посту перед «занавесом», чтобы наблюдать за происходящим снаружи.

Да, юта вернулись, и именно как победители. Они разожгли еще больше костров, с факелами от которых обыскали весь лес в поисках убитых и раненых. Навахи своих унесли с собой, как это в обычаях у индейцев.

У каждого мертвого, которого находили юта, поднимался плач и яростный вой. Все трупы были перенесены в одно место, чтобы позже с почестями их захоронить. Многие пропали без вести — скорее всего, оказались в плену. Среди них, как думали юта, должны быть и трое их вождей, поскольку они бесследно исчезли. При этом открытии лес наполнился жутким воем рассвирепевших индейцев. Двое оставшихся вождей кликнули самых смелых воинов на совет, где они держали гневные речи.

Это натолкнуло Виннету на мысль — подползти и, по возможности, узнать, что же решили юта. Ему это не составило труда. Краснокожие были убеждены, что совершенно одни, и считали осторожность излишней. Отогнанные навахи определенно не вернуться, а если это и произойдет, то на тот случай внизу, у выхода из долины, были выставлены усиленные посты. О том, что в центре долины находились еще более опасные враги, чем навахи, они не догадывались. Так Виннету услышал обо всем, что они хотели затеять.

Они еще ночью собирались похоронить мертвых, а плач по ним решили отложить на более позднее время. Теперь прежде всего нужно было

освободить пленных вождей. Это стало задачей номер один, и даже ожидаемое завтра прибытие Виннету и его знаменитых белых спутников отходило на второй план. Те собирались наверх, к Серебряному озеру, и, безусловно, все равно попали бы в руки юта. Последние должны были как можно быстрее отправиться в путь, чтобы освободить вождей. Поэтому им пришлось сделать все необходимые приготовления, чтобы уже на рассвете можно было начать преследование.

Теперь Виннету медленно и осторожно вернулся назад. Оказавшись вблизи укрытия, он увидел рядом несколько стоявших лошадей. Животные были напуганы сражением и отбились от других — их было пять. Тут апач вспомнил, что пленников — трех вождей и одного воина — тоже нужно было перевозить и для этого требовалось четыре коня. Поблизости не было ни души, но животные не испугались его, поскольку он был индейцем. Взяв одного за недоуздок, он повел его к укрытию. Там, за «занавесом», сидел Олд Файерхэнд и тотчас принял коня. То же самое было проделано с тремя остальными. Они, правда, немного посапывали, но очень скоро Виннету их успокоил.

Внутри укрытия никто не терял времени даром. Имелось столько всего, чтобы рассказать и послушать! Хромой Френк сидел в полной темноте, разумеется, рядом со своим другом и кузеном. Раньше он не отступал ни на шаг от Толстяка Джемми, и, несмотря на все кажущиеся разногласия, они всегда жили душа в душу, но с тех пор, как морицбуржец встретил альтенбуржца, первый стал другим. Дролл не придирался к малышу и позволял ему говорить, как тому вздумается, что сильно привязало к нему Хромого Френка. Впрочем, Дролл, как опытный вестмен, немало думал о малыше. Он в полной мере сразу оценил его хорошие качества и искренне теперь радовался его геройскому поступку. Поскольку Френку удалось сначала схватить вождя, а потом оглушить и другого индейца, то здесь вряд ли имела место безрассудная отвага, скорее всего, это было проделано с трезвым умом и присутствием духа. Поступок Френка нашел всеобщее признание — все выразили свою похвалу, и лишь один воздержался — лорд, который теперь наверху упущенное. Он сел рядом с малышом и спросил:

— Френк, давайте поспорим?

— Я не спорю, — ответил малыш.

— Почему?

— У меня нет на это денег.

— Я дам вам взаймы.

— Долг не ревет, а спать не дает, говорим мы, саксонцы! Впрочем, это

не по-христиански и контрибутивно — дать в долг бедняку деньги, чтобы снова посредством спора обокрасть его. Я все же сохранию свои деньги, даже если у меня их и нет.

— Быть может, вы выиграете!

— И не подумаю вовсе! Я не желаю обогащаться на пари! Па то не дано никаких благословений! У меня есть свои правила и принципы, благодаря которым теперь никому не позволю сбить меня с толку!

— Жаль. В этот раз я хотел проиграть и уж никак не собирался обогатиться за счет вашего подвига.

— Любой героизм вознаграждается прежде всего самим героизмом! Цезарю — цезарево, кесарю — кесарево! Впрочем, вознаграждать героев посредством пари стало множимым обычаем. Кто хочет дать — пусть дает! И не косвенно — через фальшивый спор, а прямо здесь и прямо сейчас! Во всех культурных государствах такое правило, а потому и в окружении моей личности не может быть по-другому.

— Тогда будьте так любезны не обижаться, если я вам сделаю подарок.

— Ну уж нет! Хромому Френку дарить нельзя, ибо у него множество слишком величественных амбиций, хотя подарка на память, который добросовестный француз назовет «субениром» или «катаплазмом», мне будет достаточно, чтобы струны лиры моей души не начинали издавать раздражающие околосвуки ⁶⁰.

— Ну, тогда вот вам сувенир. Надеюсь, вы будете ему рады. У меня их два, а значит, с одним я могу распрощаться.

Лорд протянул Френку один из своих великолепных карабинов. Но тот отодвинул его и сказал:

— Послушайте, милорд, шутки в сторону! Не переходите граней, за которыми я могу испортиться! Я смеюсь охотно и от всего сердца, но могу резануть и из орудий, если подходят слишком близко к моей неохраняемой интерференции. Маленькая шутка хороша и легко удобоварима для здоровья, но щипать меня за нос я не могу позволить и не позволю, поскольку думаю о себе высоко и диагонально!

— Но я ведь не шучу, это совершенно серьезно!

— Что? Вы действительно хотите освободить себя от этого ружья?

— Да, — подтвердил англичанин.

— И подарить его мне?

— Так и есть.

— Тогда давайте сюда, скорее давайте сюда, пока не пришло раскаяние! Слепление коротко, как Джемми, а раскаяние долго, как Дейви,

говорит Фрейлиграт ⁶¹. Это ружье — моя собственность, моя неопровержимая и концентрированная собственность! Это же чудо, прямо как рождественский подарок! Я весь вне себя от радости! Я полностью закомплексован и подавлен! Милорд, если вам нужен хороший друг, который готов за вами идти в огонь и воду, вы только свистните, и я тотчас буду рядом! Но как отблагодарить? Хотите дружеское рукопожатие, доходный поцелуй или интеримарные объятия перед всем миром?

— Хватит дружеского рукопожатия.

— Хорошо! Все этого хотят, Антон! Вот моя рука. Пожмите ее! Столько жмите, сколько вашей душе угодно! Отныне и ежедневно я отдаю свою руку в ваше распоряжение всякий раз, когда она не нужна мне самому, ибо благодарность — это украшение, которое всегда при мне. Дролл, кузен из Альтенбурга, ты слышал, какое почтение даровало мне счастье сегодняшнего дня?

— Да, — откликнулся альтенбуржец. — Если бы это был кто другой, я бы тебе завидовал, но ты — мой друг и кузен, и я от всего сердца поздравляю тебя!

— Спасибо, желаю того же! Ура, теперь постреляем! С этим ружьем я поставлю к барьеру все наше тысячелетие! Без адвоката и протокола! Вот, милорд, еще раз моя рука, пожмите ее, пожмите, пожмите! Вы, англичане, все же великолепные парни, я констатирую это и, если потребуется, охотно заверю собственноручной подписью. Отныне причисляйте меня к вашему ближайшему другу дома и семьи. Как только я окажусь как-нибудь в Лондоне на Невском проспекте, обязательно навещу вас. Но вам не стоит беспокоиться, ибо я сама скромность и довольствуюсь всем.

Он был бесконечно счастлив подарку и потому продолжал упражняться в отвлеченном пустословии, отчего другие просто покатывались со смеху. Счастье, что было темно и он, естественно, не мог видеть лица товарищей.

Следующий день требовал от присутствующих собраться с силами, поэтому, определив жребием часовых, они попытались заснуть, но это долго не удавалось. Уснули они лишь после полуночи, но уже на рассвете бодрствовали вновь, ибо отход юта из долины вызвал большую суматоху.

Когда наконец снаружи все успокоилось, апач выскользнул, чтобы посмотреть, можно ли оставить укрытие. Вскоре он вернулся и дал положительный ответ. В долине больше не было ни одного юта. Люди не без удовольствия могли выйти из укрытия, поскольку, хотя внутри и было достаточно пространства, все же находиться там в присутствии коней было малоудобно.

Прежде всего обеспечили безопасность на обоих входах в долину и обследовали ее. Вскоре нашли массовое захоронение, которое было образовано из груды скальных обломков, воздвигнутых над трупами. Здесь же лежали издохшие лошади, павшие от шальных пуль. Краснокожие оставили их здесь, но белые проявили проникательность. Путь к Серебряному озеру в случае, если они хотели избежать встречи с юта, лежал через пустынную землю, лишенную растительности, а стало быть, и животного мира. Было нелегко отыскать там пропитание, поэтому стоило захватить с собой мясо убитых лошадей. Вестмен неразборчив, он будет сыт и кониной, если нет ничего другого, лучшего. Частенько, когда он в гостях у индейцев, на стол под видом превосходного жаркого подаются откормленные собаки! Итак, люди вырезали лучшие куски, разделили их и разожгли несколько костров, чтобы каждый мог изжарить себе столько мяса, сколько хотел.

Они не теряли на этом время, поскольку вовсе не обязательно было тотчас следовать за краснокожими. Лучше сейчас позаботиться о готовой порции, чем тратить на это потом действительно драгоценное время. Лишний раз могли попасться лошади, чтобы набраться еще больших сил для предстоявшей тяжелой поездки.

После ухода юта пленников освободили от кляпов. Они снова могли свободно дышать и говорить. Желтое Солнце был первым, кто воспользовался этим. Он долго спокойно лежал, наблюдая за движением белых, и почти каждого из них проводил своим мрачным взглядом. Теперь он повернулся к Олд Шеттерхэнду:

— Кто из вас оглушил меня? Как вы осмелились взять нас в плен и связать, когда мы вам ничего не сделали!

— Ты знаешь, кто мы? — ответил охотник вопросом на вопрос.

— Я знаю Виннету, апача, и знаю, что Олд Шеттерхэнд и Олд Файерхэнд находятся с вами.

— Я Шеттерхэнд, это моя рука свалила тебя на землю.

— Зачем?

— Чтобы обезвредить тебя.

— Ты хочешь сказать, что я хотел навредить тебе?

— Да.

— Это ложь!

— Не трудись меня обманывать! Я все знаю. Нас должны были здесь убить, хотя мы и выкурили с юта трубку мира. Ямпа вчера вечером выслали вам гонцов, а потом пошли сюда сами. Любая ложь, которую ты произнесешь, ни к чему не приведет. Мы знаем, как нам быть, и не верим

ни одному вашему слову.

Вождь отвернулся и молчал. Вместо него взял слово воин, которого Хромой Френк свалил около укрытия;

— Бледнолицые теперь враги юта?

— Мы друзья всех краснокожих людей, но мы защищаемся, когда они первыми проявляют свою вражду.

— Юта вырыли топор войны против бледнолицых. Вы знаменитые воины и не боитесь их. Но знаешь ли ты, что навахи выступили, чтобы помочь бледнолицым?

— Да.

— Навахи — это апачи. И знаменитейший вождь этого народа, Виннету, ваш друг и спутник, находится здесь, у вас. Я вижу его рядом с конем. Почему вы бьете воина навахо и связываете ему руки и ноги?

— Ты говоришь о себе?

— Да, я навахо.

— Почему же ты тогда не разукрашен в цвета твоего племени?

— Я должен был отомстить.

— А почему ты еще здесь, когда твои уже отступили?

— Все из-за мести. Мой брат был убит вождем этих псов. Я перенес его тело в укрытие, чтобы юта не смогли снять с него скальп, а потом вернулся назад, чтобы отомстить за его смерть, хотя мои воины уже отступили. Я подкрался к врагу и не был им замечен. Какой-то вождь убил моего брата, а значит, расплачиваться своим скальпом за его смерть тоже должен вождь. Я знал, что один из них остался в долине, и хотел его разыскать. На моем пути я увидел двух человек, одного убитого и одного живого. Тот тоже меня увидел, и я должен был его застрелить, чтобы он не выдал меня, но тот оказался быстрее и свалил меня раньше. Когда я очнулся, уже лежал в темноте и был связан. Позови Виннету! Он не знает меня, но, если мне разрешат поговорить с ним, я смогу доказать, что я не юта, а навахо. Когда я передал брата товарищам, стер боевую раскраску с лица, чтобы юта не посчитали меня врагом.

— Я верю тебе, ты — навахо и будешь освобожден.

Но тут раздался крик Желтого Солнца:

— Он юта, один из моих воинов, — трус, который ложью хочет спасти себя!

— Молчи! — приказал Олд Шеттерхэнд. — Если бы он действительно был из твоего племени, ты бы его не выдал. Именно это и доказывает, что он говорит правду. Ты вождь, но твоя душа — душа обыкновенного труса, которого нужно презирать!

— Не оскорбляй меня! — вскипел юта. — У меня есть сила, чтобы погубить вас всех! Если ты снимешь с нас путы, я прощу вас. Если ты не сделаешь этого, вас ждут страшнейшие муки!

— Меня смешит твоя угроза. Ты находишься в нашей власти, и мы сделаем с тобой все, что пожелаем. Чем спокойнее ты смиришься со своим положением, тем терпимее оно будет. Мы не испытываем радости от мук наших врагов.

С этими словами охотник освободил от веревок навахо, который был довольно молодым человеком. Тот вскочил, потянулся, потом попросил:

— Отдай этих псов в мои руки, чтобы я мог взять их скальпы! Чем мягче ты с ними будешь, тем больше они тебя обманут!

— У тебя нет на них никакого права, — ответил Олд Шеттерхэнд. — Возможно, ты пойдешь с нами, но если рискнешь коснуться их хоть пальцем, то умрешь от моей руки. Только если мы оставим их в живых, они смогут принести нам пользу, но их смерть повредит нам!

— Что за польза от них? — презрительно усмехнулся краснокожий. — Эти псы ни к чему не пригодны.

— Я дам тебе маленький совет. Если ты, конечно, хочешь достичь своих, то должен нас слушаться.

Лицо навахо всем своим выражением говорило о том, что он очень неохотно отказывался от своего намерения, но все же должен был повиноваться. Чтобы не зажигать в его сердце огонь обиды, Олд Шеттерхэнд возложил на него охрану пленных юта и обещал скаल्प любого, кто рискнул бы предпринять попытку к бегству. Такое решение не только успокоило индейца, оно, вместе с тем, было достаточно умным, поскольку более внимательного и неутомимого стража, чем тот, кто так жаждал кожи с голов пленников, нельзя было найти.

Теперь стоило осмотреть убитых белых. Те представляли собой вид, описание которого лучше опустить — все они приняли смерть в жестоких муках. Но трампы заслужили то, что с ним и произошло. Хуже всего обошлись с Полковником — его тело свисало со столба головой вниз. Так же как и его спутники, он был лишен всяческих одежд, которые краснокожие, похоже, поделили между собой.

— Весьма плачевно! — произнес Олд Файерхэнд. — Если бы мы могли прийти раньше, чтобы помешать убийству этих людей!

— Хо! — отозвался Миссури-Блентер. — Разве вы испытываете сострадание к этим мерзавцам? Даже если бы мы пришли вовремя, Полковник все равно должен был умереть! Мой нож в любом случае поговорил бы с ним!

— Я не это имел в виду, поскольку не сожалею об их смерти, я лишь хотел, чтобы она была менее жестока. Но бумага, бумага — рисунок, который Полковник носил с собой! Я хочу его найти, он нам нужен! Но теперь он пропал.

— Возможно, мы найдем его. Во всяком случае мы еще столкнемся с юта и получим какую-нибудь возможность завладеть его костюмом, а потом сможем его обыскать.

— Едва ли! Мы ведь не знаем, во что он был одет последнее время, да к тому же наверняка его одежда поделена среди многих. Рисунок утерян, а этот старый вождь Ихачи-Татли, от которого Энгель получил план, тоже мертв. Второго экземпляра больше не существует.

— Ошибаетесь, — вставил Уотсон, сменный мастер из Шеридана. — Этот вождь имел внука и правнука, которые, хотя и не присутствовали при нас, все же жили на Серебряном озере. Они, само собой разумеется, знают тайну и по-хорошему или по-плохому — это все равно — раскроют нам ее.

— Индеец не позволит выудить из себя что-либо подобное, — произнес Олд Файерхэнд, — особенно если речь идет о золоте или серебре. Он лучше умрет, чем поможет разбогатеть ненавистному белому.

— А почему, спрашивается, они должны ненавидеть нас? Оба Медведя, возможно, настроены к белым дружелюбно.

— Оба Медведя? — удивился Олд Файерхэнд. — Их так звали?

— А как же! Большой и Маленький Медведи.

— Черт возьми! Как это от меня ускользнуло! Конечно, я вспомнил, что вы называли их имена еще в Шеридане. Как это я сразу не подумал о двух тонкава, которые были с нами на пароходе! Нинтропан-Хауей и Нинтропан-Хомош, Большой и Маленький Медведи, ведь их же так звали!

— Два Нинтропана живут на Серебряном озере, — подтвердил Виннету. — Я знаю их, они мои друзья и всегда были благосклонны к бледнолицым.

— В самом деле? Это хорошо, очень хорошо, поскольку есть надежда, что они встретят нас дружелюбно. К сожалению, наверху теперь развернулась борьба, и юта находятся между нами и озером. Нам, пожалуй, не стоит проезжать там.

— Нам не нужно проезжать ни там, ни мимо юта, ибо я знаю путь, которым не ходил ни один белый и ни один юта. Хотя он и очень труден, но если поторопимся, то окажемся наверху еще до прибытия юта и даже навахов.

— Тогда поспешим, — оживился Олд Файерхэнд. — Нам нечего больше здесь делать, кроме как похоронить этих белых — не можем же мы

оставить их висеть! Мы сделаем это быстро, если заложим трупы камнями. Потом сразу уедем. Я надеюсь на лучшее, тем более, у нас много заложников и мы, стало быть, сможем вынудить юта согласиться на предложение о примирении.

Глава шестнадцатая. НА СЕРЕБРЯНОМ ОЗЕРЕ

Величественный пейзаж открылся взору белых, когда они несколько дней спустя приблизились к цели своего тяжелого путешествия. Они двигались в слепящем глаза переливе цветов по медленно поднимающемуся каньону, со стен которого безмолвно взирали вниз огромные застывшие скалы. Кругом стремились ввысь колоссальные пирамиды из песчаника, расположенные одна подле другой или друг за другом подобно сдвинутым театральным кулисам. Эти пирамиды, состоявшие из окрашенных в различные цвета пластов, то образовывали прямые, совершенно отвесные стены, то своими колоннадами с выступающими краями и углами либо торчащими вверх шпилями были сравнимы со старинными замками и крепостями. Солнце стояло в зените, чуть в стороне от этого чуда природы, переливающегося в его лучах неопишным великолепием красок. Скалы то сияли лазурью, то казались золотисто-красными, а всюду виднелись желтые, оливковые, или сверкающие огненной медью пласты, с затаившимися в складках густыми синими тенями. Но эта роскошь, при виде которой разбегались глаза, была мертвой, ибо жизнь и движение отсутствовали. Ни капли воды не стекало со скал, ни один стебель не мог найти себе приюта на глубоком дне, а на затвердевших стенах не было видно ни ветки, ни листочка, чья зелень радовала бы глаз.

Но иногда вода появлялась здесь, и в немалых количествах, о чем говорили следы, оставленные ею на горной породе по обеим сторонам каньона. В такие времена ныне сухой каньон тотчас становился руслом реки, изливающей свои бурные глубокие потоки в Колорадо. Тогда ущелье неделями становилось непроходимым, и, пожалуй, едва ли даже смелый вестмен или индеец рискнул бы довериться волнам на шатком ветхом каноэ.

Дно каньона почти напоминало морское побережье, ибо состояло из глубоко застрявших в нем окатанных камней, промежутки между которыми были заполнены песком. Это очень затрудняло путь, поскольку округлые камни выскальзывали из-под копыт и так утомляли животных, что всадники время от времени вынуждены были останавливаться, чтобы дать им отдохнуть.

Олд Файерхэнд, Олд Шеттерхэнд и Виннету скакали впереди. Первый уделял окрестностям необычайное внимание. Со стороны казалось, что он разыскивал место, имевшее для него большое значение. Там, где две громадные накренившиеся скальные колонны опирались вверху друг на друга, оставляя внизу проход, который едва ли имел ширину в десять футов и внутри, казалось, сужался еще больше, охотник остановил жеребца, окинул место испытующим взглядом и произнес:

— Похоже, здесь я тогда вышел после того, как нашел жилу. Не думаю, что ошибаюсь.

— Так ты хочешь туда, внутрь? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Да. И вы должны ехать со мной.

— Разве щель ведет далеко? Такое впечатление, что скоро она сузится совсем.

— Посмотрим. Возможно, я ошибаюсь.

Олд Файерхэнд хотел было спешиться, чтобы обследовать местность, но апач направил своего коня в скальную теснину и спокойно, но твердо сказал:

— Пусть мои братья следуют за мной, поскольку здесь начинается путь, который сократит большое расстояние. Для лошадей он намного удобнее, чем окатанная порода каньона.

— Ты знаешь эту расщелину? — удивился Олд Файерхэнд.

— Виннету хорошо помнит все горы, долины, ущелья и трещины, и ты знаешь, что он никогда не ошибается.

— Это правда. Но то, что ты знаешь именно это место и утверждаешь, что здесь начало пути, все же странно. Тебе ведом район, куда он выведет?

— Да. Сначала эта трещина станет еще теснее, потом она расширится и перейдет не в узкое ущелье, а в скалистую равнину, которая постепенно поднимается ввысь, как гигантская плита.

— Верно. Стало быть, я на правильном пути. Плита поднимается вверх на многие сотни футов. А что будет потом? Ты знаешь?

— Потом ее верхняя кромка внезапно оборвется в бездну, в большой глубокий и круглый котел, из которого запутанный скальный проход выведет наверх, в широкую прекрасную долину Серебряного озера.

— Так оно и есть. Ты был в этой котловине?

— Да.

— Ты нашел там что-нибудь примечательное?

— Нет. Я там ничего не нашел — ни воды, ни травы, ни зверей. Ни одно насекомое не ползает там по навеки высохшей горной породе.

— Тогда я хочу вам сообщить, что там все же имеется кое-что более

ценное, чем вода и трава.

— Ты имеешь в виду серебряную жилу, которую ты открыл?

— Да. Там есть не только серебро, но и золото. Именно этот скальный котел и есть цель моей дальней поездки. Вперед, здесь свернем направо!

Они поскакали в проем друг за другом, поскольку иначе в нем нельзя было проехать. Но вскоре скальные стены стали расходиться все дальше, появились гигантские колонны, и теперь перед всадниками лежала врезающаяся в дно расщелины своим нижним углом, твердая и гладкая треугольная скала, медленно поднимавшаяся вверх меж уходящих вправо и влево стен. Она была в виде перевернутой крыши и наверху своим прямым, как трос, основанием отчеркивала полосу светлого неба.

Всадники направили лошадей прямо на треугольник. Казалось, будто животные взбирались на огромную гладкую крышу, но все же подъем не был таким уж значительным и не создал слишком больших трудностей. Прежде чем отряд добрался до верха, прошло, пожалуй, около часа, и теперь перед всадниками точно на запад протянулась многомильная скалистая равнина, на переднем плане которой открывалась глубокая котловина, о которой говорили Олд Файерхэнд и Виннету. Отсюда, сверху, было видно, что слева, на юг, по ломаной траектории вилась темная линия. Это был упомянутый скальный проход, через который из котла можно было выйти к Серебряному озеру.

Теперь дорога вела вниз, в ущелье. Спуск был довольно крутым, и путникам пришлось спешиться. В какие-то моменты проход становился весьма опасным. Естественно, пленников сняли с коней и освободили им ноги, чтобы они могли сами спуститься вниз. Молодой навахо неотступно следовал за ними и не спускал с них глаз. Уже внизу индейцев снова посадили на лошадей и крепко связали.

Теперь Олд Файерхэнд хотел показать спутникам свою находку, но юта не должны были знать о ней. Поэтому их перевели в скальный коридор, и несколько рафтеров вместе с навахо остались их охранять. Остальные вовсе не имели желания снова садиться в седло. Весть о том, что они находятся в районе искомого месторождения, привела их в большое возбуждение.

Диаметр котловины был не меньше английской мили. Все ее дно оказалось засыпано глубоким песком, смешанным с перетертыми гольшами величиной с кулак. Чувствовалось, что два человека — Олд Файерхэнд, обнаруживший жилу, и инженер Батлер, который должен был оценить находку и рассмотреть возможность разработки с технической точки зрения, — стали теперь центром внимания. Исследовательский

взгляд последнего долго блуждал по окрестностям, после чего инженер заметил:

— Очень может быть, что мы натолкнемся здесь на богатую жилу. Если тут действительно есть драгоценный металл, то стоит ожидать, что его довольно много. Это чудовищное углубление прорыто за века. Вода текла с юга через скальный коридор, и здесь, в низине, она не могла идти дальше, в результате чего образовался водоворот, отделивший горную породу и растерший ее гравием и песком. Грунт, на котором мы стоим, сложен за счет постоянных осадков и должен содержать в себе вымытые металлы, которые из-за своего веса глубоко опустились в глубину и, таким образом, лежат под песком. Если мы раскопаем песок на несколько локтей, то увидим, успешно ли наше путешествие или нет.

— Нам не нужно копать. Разве не достаточно доказать, что берег этой большой водной артерии содержит искомый металл? — скорее утверждал, чем спрашивал Олд Файерхэнд.

— Конечно, Если в этих стенах есть золото или серебро, то, совершенно определено, и дно котла насыщено металлами.

— Так идемте! Я хочу предъявить вам доказательства.

Он уверенно направился к месту, которое, похоже, точно знал. Другие в большом волнении последовали за ним.

— Кузен, у меня екает сердце, — признался Хромой Френк альтенбуржцу. — Если мы найдем тут серебро или даже золото, я набью себе полные карманы, а потом поеду домой, в Саксонию. Там куплю виллу на красивом пляже Эльбы и буду с утра до вечера торчать в окне, чтобы все видели, каким знатным и великолепным парнем я стал.

— А я, — ответил Дролл, — куплю себе крестьянскую усадьбу с двадцатью конями и восемьюдесятью коровами! Я займусь только творогом и козьим сыром и осяду в Альтенбургии.

— А если не найдем?

— Ну, если не найдем, не сможем ничего этого сделать. Но думаю, что нам выпадет счастье, поскольку, само собой, вблизи Серебряного озера должно быть серебро.

Его уверенность не оказалась бесплодной. Олд Файерхэнд остановился у скальной стены в том месте, где она была раскрошена и подмыта. Он вытащил из нее сначала один шаткий камень, затем другой, а потом еще и еще. Образовалась расщелина, прежде закрытая от постороннего глаза камнями. Эта расщелина возникла под влиянием природных сил и, как сейчас стало очевидным, была искусственно расширена. Олд Файерхэнд запустил руку внутрь и сказал:

— Из того, что я здесь нашел, я взял с собой немного на пробу и отдал на исследования. Сейчас я хотел бы узнать, каково заключение Батлера.

Когда он теперь вынул руку, в ней лежал белый, слегка побуревший образец, который охотник передал инженеру. Едва тот его взял и окинул взглядом, как громко воскликнул:

— О, Боже! Это же чистое, самородное серебро! И оно изначально находилось здесь?

— Да, вся расщелина была заполнена им. Серебро, похоже, глубоко вошло в породу, и она теперь должна быть очень богата металлом.

— Тогда гарантирую, что мы здесь наладим исключительно прибыльные разработки. Во всяком случае, тут полно таких трещин и расщелин, содержащих самородки.

— Не только самородки, но и рудные жилы, как я сейчас покажу, — сказал Олд Файерхэнд и улыбнулся.

Он вытащил другой, еще больший предмет и отдал его инженеру. Это был большой кусок руды величиной более чем в два кулака, который Батлер осмотрел очень внимательно, а потом радостно крикнул:

— Химический анализ, конечно, намного надежнее, но готов поклясться, что здесь мы имеем дело с хлористым серебром, а значит, с роговой серебряной рудой, кераргиритом! [62](#)

— Это верно. Анализ в итоге дал хлористое серебро.

— Сколько процентов?

— Семьдесят пять процентов чистого металла, — констатировал Олд Файерхэнд.

— Какая находка! Однако в штате Юта преимущественно встречается роговая руда. Где же эта жила?

— Дальше, на другой стороне котла. Я ее прикрыл толстым слоем породы и потом покажу вам. А теперь что это?

Он выгреб из расщелины кучу зерен размером с лесной орех.

— Самородки, золото! — не веря своим глазам, воскликнул инженер. — Тоже отсюда?

— Да. Мы спрятались тогда здесь и не могли уйти от подстерегавших нас краснокожих. Вода отсутствовала, и я раскопал песок, чтобы посмотреть, есть ли влажная земля. Воды не было, а вот таких самородков нашел я великое множество.

— Значит, золотые жилы тоже есть здесь, как я прежде и говорил! Олд Файерхэнд, тут лежат миллионы! А нашедший их — богатый, очень богатый человек!

— Только нашедший? Вы все получите свою долю. Я —

первооткрыватель, Батлер — инженер, а остальные помогут нам в разработке. Для этой цели я и взял вас с собой! Условия, при которых мы будем вместе работать, и долю, которую получит каждый, мы еще определим.

Слова вызвали всеобщий восторг, тотчас выросший в несмолкаемое ликование. Теперь Олд Файерхэнд показал очень богатую серебряную жилу рогового серебра, которая была очень богата. Оставалось надеяться, что она здесь не единственная. Большинство выразили желание разведать место прямо сейчас, но Олд Шеттерхэнд не допустил этого и предостерег:

— Не так спешно, господа! Мы должны прежде всего подумать о другом. Здесь, наверху, мы ведь не одни!

— Но мы опередили краснокожих, — заметил лорд, который не очень претендовал на находку, но испытывал не меньшую радость, чем другие.

— Опередили — да, но не больше. Находящийся среди нас навахо точно знает путь отступления своих. Он рассчитал, что они придут на озеро всего лишь несколько часов спустя после нас, а за ними обязательно последуют юта. Стало быть, мы не должны терять времени — нам надо приготовиться к встрече.

— Верно, — согласился англичанин. — Но я все же хотел бы знать, с какими большими трудностями столкнется здесь разработка. На то, чтобы поведать об этом, мистеру Батлеру потребуется всего минута. Итак, Батлер, дайте нам ответ!

Мистер Батлер снова испытующим взором оглядел окрестности, сказав при этом:

— Вода, прежде всего вода, — вот что нам нужно. Где мы найдем ее?

— Ближайший источник — Серебряное озеро.

— Как далеко оно отсюда?

— В двух часах езды.

— Оно лежит выше этого места?

— Значительно выше.

— Тогда необходимый уклон существует. Спрашивается только, есть ли возможность подвести озерную воду сюда?

— Скальный коридор — единственный проход к этому котлу — ведет наверх и выходит вблизи озера.

— Это очень важно, поскольку я полагаю, что прокладка подводящего трубопровода натолкнется на серьезные трудности. Но нам нужны трубы, пусть сначала из дерева, железными мы их заменим после. А здесь есть дерево?

— В избытке. Серебряное озеро окружено лесами.

— Великолепно! Возможно, нам не понадобится устилать трубами все расстояние. Нам нужно чуть выше этого места соорудить резервуар, в который вода из озера будет стекать по поверхности. Но оттуда она должна затекать в трубы, чтобы мы получили необходимое давление.

— Итак, нужны насосы?

— Да. Естественно, придется остерегаться перерабатывать горную породу лопатами и кирками. Ее нужно размывать водой, и только там, где не хватит давления, будем использовать порох. Так же обрабатываем водой содержащую металл землю.

— Но потом придется спускать воду, иначе котел переполнится и мы не сможем работать.

— Да, нужен сток! Здесь его нет, и все же он должен быть сооружен. Думаю, поначалу хватит водокачки или патерностера [63](#), которым мы поднимем воду на высоту гор, с которых мы сюда спустились. Оттуда вода сбежит вниз сама, а через расщелину попадет и в каньон. Пока мы будем двигаться наверх, к озеру, я посмотрю, можно ли осуществить то, о чем мы говорили, и как лучше это сделать. Конечно, нам нужны машины, которых у нас нет, но пока это не создаст больших трудностей — в течение месяца можно собрать все необходимое. Меня беспокоят только два момента.

— Какие?

— Во-первых, индейцы. Разве они смиряются с этим?

— Этого не стоит опасаться. Олд Шеттерхэнд, Виннету и я — все мы так хорошо дружим со здешними племенами, что нам легко будет найти с ними общий язык.

— Хорошо! Но земля? Кому она принадлежит?

— Тимбабачам. Влияние Виннету склонит их продать ее нам.

— А признает ли эту покупку правительство?

— Хотел бы я посмотреть на человека, который потом стал бы оспаривать мои права! Уж этот пункт точно не готовит мне головных болей, — подвел итог Олд Файерхэнд.

— Тоца я удовлетворен. Самое главное — подвести воду озера, а удастся ли это — я узнаю во время нашей поездки. Итак, едем дальше!

Маленькая расщелина снова была закрыта, рудную жилу так же основательно засыпали, после чего компания села на коней, чтобы снова тронуться в путь.

Дорога наверх, ведущая через выточенное водой древнее ущелье, в котором ожидали пленные краснокожие с их охраной, часто петляла, при этом ширина скального коридора колебалась от десяти до двадцати футов. Внутри не было никакой растительности. Бывшее водяное русло оказалось

высушенным до основания, и лишь к весне там появлялось немного влаги, все же недостаточной, чтобы возродить к жизни растения.

Прошло почти два часа, пока высушенное русло реки внезапно не стало шире и не превратилось в окаймленную скалами долину, где местами появились озера стоячих вод. Здесь в первый раз после долгой скачки появилась трава. Кони уже достаточно натерпелись от жары, недостатка воды и плохой дороги. Они больше не хотели слушаться поводыев и испытывали голод, поэтому всадники спешили. Они сели плотным кольцом и завели беседы о богатствах, которые в будущем надеялись получить. Враждебных индейцев здесь опасаться не стоило, к тому же люди хотели сделать лишь короткий привал, а потому не думали о том, чтобы выставить часовых.

В течение пройденного пути инженер внимательно следил за окрестностями и теперь хотел сообщить о своих наблюдениях:

— До сего момента я полностью удовлетворен. Ущелье позволит не только провести трубопровод, но также и транспортировать различные средства, которые нам потребуются. Если наши требования и дальше будут так же удовлетворяться, мне придется констатировать, что природа идет нам навстречу в высшей степени дружелюбно.

— Эй! — произнес Хромой Френк, ткнув в ребро альтенбуржца. — Ты слышишь? Из моей виллы что-нибудь получится.

— Из моей усадьбы тоже! Так радуйся, Альтенбург, когда знаменитейший из твоих сынов приедет с денежным мешком высотой в двадцать локтей! Кузен, иди сюда, я должен тебя обнять!

— Еще не время! — парировал Френк. — Богатство пока скрыто в недрах конфернальной формы будущего времени, и мы, как люди осторожные, должны ожидать, что моя вилла и твоя усадьба рассеются в субстанциальное ничто. Как уроженец Саксонии и ученый плут, я вовсе даже не сомневаюсь, что мои надежды воплотятся в прекраснейшем исполнении, но все же еще не время для поцелуев. Я...

Он прервался, поскольку раздался озабоченный голос инженера:

— Эллен! Где Эллен? Я не вижу ее!

Девочка за прошедшие дни увидела не только первую траву, но и несколько цветов и поторопилась сорвать их, чтобы принести отцу. Влага лежавшего поблизости озера проникала в землю, поэтому здесь зародилась растительность, которая наверху становилась все гуще и даже покрывала ведущее к озеру ущелье. Эллен беззаботно брела вперед по скальному коридору. Она шла, срывая цветы, все дальше и дальше, пока не достигла очередного витка лабиринта. Тут ей показалось, что она забрела слишком

далеко, и она захотела было вернуться, но в этот миг из-за поворота вышли три вооруженных индейца. Девочка застыла от страха, хотела позвать на помощь, но не смогла произнести ни звука. Индеец, благодаря своему воспитанию, всегда сохраняет присутствие духа, он действует в любом положении быстро и решительно. Едва трое заметили девушку, двое из них сразу бросились к ней. Один вытащил нож и пригрозил на ломаном английском:

— Молчи, иначе умереть!

Третий шмыгнул вперед, чтобы проверить, кому принадлежит белая девочка, поскольку, само собой разумеется, она не могла быть одна. Он вернулся через две минуты и шепнул своим спутникам несколько слов, которые Эллен не поняла, после чего ее увлекли вперед, не позволяя издать ни звука.

Очень скоро ущелье закончилось — оно выходило на невысокий горный склон, нижний край которого порос кустами, выше переходившими в лес. Эллен потащили прямо через кусты, а потом к деревьям, где сидела группа индейцев. Их оружие лежало рядом, но они тотчас его подхватили и вскочили, когда увидели своих людей с девочкой.

Эллен не понимала ни слова из того, что они говорили, но видела обращенные к себе взгляды и догадывалась, что находится в большой опасности. И вдруг она вспомнила о тотеме, который подарил ей на пароходе Маленький Медведь. Он сказал ей, что надпись на нем будет защищать ее от любого проявления враждебности. «Его тень — моя тень, а его кровь — моя кровь, он — мой старший брат» — так было написано на куске кожи. Вытянув шнур, на котором висел тотем, она быстро развязала его и подала кожу индейцу, которого по его свирепому виду посчитала самым опасным.

— Нинтропан-Хомош, — сказала она при этом, повторив имя Маленького Медведя на его родном языке.

Краснокожий развернул кожу, рассмотрел нанесенные на ней фигуры и знаки, издал крик удивления и дал тотем следующему. Кусок кожи пошел из рук в руки. Лица краснокожих стали дружелюбнее, а тот, с кем Эллен заговорила, спросил ее:

— Кто давать тебе?

— Нинтропан-Хомош, — ответила девочка.

— Юный вождь?

— Да, — кивнула она.

— Где?

— На пароходе.

— Большое огненное каноэ?

— Да, — сообразила Эллен.

— На Арканзас?

— Да.

— Верно быть. Нинтропан-Хомош быть на Арканзас. Кто люди там?

Он указал назад в ущелье.

— Виннету, Олд Файерхэнд, Олд Шеттерхэнд.

— Уфф! — вырвалось у воина, и его восклицание подхватили остальные. Он хотел спросить еще, но тут зашуршали ветви и белые во главе с тремя только что названными людьми прорвались сквозь кусты, чтобы тотчас взять краснокожих в кольцо.

Виннету обнаружил следы девочки, и остальные быстро последовали за ним. Индейцы не сделали даже попытки защититься, поскольку знали, что все это было бесполезно. Разведчик не сразу заметил Виннету, хотя раньше его видел, а теперь, когда узнал, воскликнул:

— Великий вождь апачей! Эта белая девочка владеть тотем Маленького Медведя и есть наш друг. Мы взяли ее с собой, поскольку не зная, друзья ли те люди, к которым она принадлежит, или враги.

На лицах краснокожих виднелись следы голубой и желтой краски, что дало повод Виннету задать вопрос:

— Вы воины тимбабачей?

— Да.

— Какой вождь ведет вас?

— Чиа-ницас.

Имя означало Длинное Ухо. Скорее всего этот человек был знаменит своим острым слухом.

— Где он? — спросил Виннету снова.

— У озера.

— Сколько воинов там?

— Сотня.

— У озера собрались и другие племена?

— Нет. Но придут еще две сотни навахо, чтобы бороться против юта.

Мы прибыть туда, чтобы с воинами навахо ехать на север — за скальпами юта.

— Остерегайтесь, чтобы они не сняли ваши. Вы выставили часовых?

— Зачем? Мы не ждём никакой враг.

— Их придет больше, чем вы могли думать. Большой Медведь на озере?

— Да, и Маленький Медведь тоже.

— Ведите меня к ним!

В этот момент из ущелья появились рафтеры с лошадьми и пленниками, ибо белые, отправившиеся в погоню, естественно, шли по следу Эллен пешком. Рафтеры поднялись наверх, а тимбабачи стали впереди отряда как проводники. В этот миг не было человека радостнее инженера, который сильно перепугался за свою дочь.

Отряд преодолел горный склон и потом некоторое время двигался по его гребню среди деревьев. Затем всадники спустились вниз, на другую сторону, и вскоре увидели блеск воды.

— Серебряное озеро, — пояснил Олд Шеттерхэнд, обернувшись к спутникам. — Наконец мы у цели.

— Но спокойствия, пожалуй, не ожидается, — заметил Файерхэнд. — Похоже, пороху мы еще понюхаем.

На некоторое время всадники задержались, чтобы обозреть окрестности, которые воистину можно было назвать величественными.

Высочайшие скальные бастионы, отливавшие, как в каньоне, всеми цветами радуги, окружали долину, которую едва можно было пересечь верхом и за два часа пути. За бастионами вновь и вновь вздымались еще более величественные горные великаны, гордо вознесшие свои головы над более мелкими собратьями. Все эти горы и скалы не были голыми. Даже в многочисленных ущельях, которые их испещрили, росли деревья и кусты. Чем глубже вниз, тем теснее вставал лес, выходивший, казалось, из самого озера, но на самом деле оставивший между опушкой и водой узенькую полоску прибрежной травы. В этой траве стояло несколько хижин, вблизи которых у берега были привязаны каноэ.

Посреди озера находился зеленый остров с причудливой постройкой из необожженного кирпича. Казалось, этот дом сохранился с тех времен, когда нынешние индейцы еще не вытеснили коренных жителей. Остров оказался круглой формы и в диаметре имел более сотни шагов. Старую постройку полностью покрывали цветущие вьюны, а остальное пространство острова было отведено под сад и засажено цветами и кустами картофеля.

В воде озера отражались верхушки леса, а горные вершины отбрасывали на него свои тени, которые не были ни зелеными, ни голубыми, ни вообще темными, а мерцали скорее серо-серебряными тонами. Ни одно дуновение не рябило воду. Можно было подумать, что это не озеро, а полная ртути чаша, если бы такое только было возможно.

Рядом с упомянутыми хижинами лежали индейцы, те самые сто тимбабачей. Они переполошились, когда увидели приближающийся отряд

белых, но поскольку во главе его находились их соплеменники, быстро успокоились.

Белые еще не достигли хижин, а там, на острове, из древней постройки вышли две фигуры. Апач приложил руку к устам и крикнул:

— Нинтропан-Хауей! Это пришел Виннету!

Раздался ответный окрик, после чего двое спустились в каноэ, собираясь грести к берегу. Ими оказались Медведи, отец и сын. Их удивление, когда они увидели знакомые лица, явно было велико, но они ничем не выдали его. Когда Большой Медведь вышел на берег, он подал Виннету руку и произнес:

— Великий вождь апачей успевать повсюду. Куда бы он ни прийти, везде радовать сердце. Я приветствую также Олд Шеттерхэнда, которого знать, и Олд Файерхэнда, который был со мной на пароходе!

Как только Большой Медведь заметил Тетку Дролла, по его лицу скользнула улыбка — он вспомнил о встрече с этим забавным малым и сказал, подав руку:

— Мой белый брат — храбрый человек. Он убить пантера, и я горячо приветствовать его.

Так он неторопливо шел от одного к другому, каждому подавая руку. Его сын был слишком молод, он еще не имел права считать себя равным воинам и охотникам, но говорить с Эллен ему не запрещалось. Привязав каноэ, парень приблизился к девочке, которую тем временем спустили на землю из паланкина. За время своего путешествия ему не раз представлялась возможность увидеть, как приветствуют друг друга дамы и господа, и теперь он посчитал удобным показать, что еще ничего не забыл. Поэтому он снял с головы шляпу, защищавшую от солнца, слегка махнул ей, поклонился и сказал на ломаном английском:

— Маленький Медведь и не думать, что снова увидеть белая мисс. Что за цель ее путешествия?

— Она лежит не дальше, чем Серебряное озеро, — игриво ответила девочка.

Румянец радости окрасил его лицо, но при этом он не смог подавить удивление:

— Значит, мисс некоторое время быть здесь?

— И даже довольно долго, — по-взрослому ответила Эллен.

— Тогда я просить позволить мне всегда быть при ней. Мисс должна узнать все деревья, все растения и цветы. Мы будем рыбачить на озере и охотиться в лесу, но я должен всегда быть вблизи, поскольку есть разный звери и враждебный люди. Она мне позволять?

— С большим удовольствием. Я чувствую себя с тобой намного безопаснее и очень рада, что ты здесь.

Девочка протянула ему руку, а он, он притянул ее к губам, совершив при этом поклон поистине настоящего джентльмена!

Лошади прибывших тотчас были отведены тимбабачами в лес, где находились также и их животные. Вождь индейцев до сих пор гордо сидел в своей хижине и лишь теперь медленно вышел наружу, весьма недовольный тем, что никто не хотел замечать его присутствия. Он оказался мрачным типом с бросающимися в глаза длинными конечностями. Он был не менее, чем остальные, удивлен внезапным появлением стольких белых, но посчитал ниже своего достоинства показать это и сделал вид, что воспринял их присутствие как нечто само собой разумеющееся. Поэтому он на удалении остановился и обратил свой взор в другую сторону, к горам, как будто и не собирался заводить с белыми даже разговора. Но он просчитался, ибо Тетка Дролл сам подошел к нему и спросил:

— Почему Длинное Ухо не подходит? Он не хочет приветствовать знаменитых воинов бледнолицых?

Вождь пробормотал на своем языке что-то неопределенное, но явно не на того напал, ибо Дролл хлопнул его по плечу как старого знакомого:

— Говори по-английски, старина! Я не учил твой диалект.

Краснокожий снова что-то пробормотал, а Дролл продолжил дальше:

— Не понимаю тебя! Я же знаю, что ты сносно говоришь по-английски.

— Нет! — солгал вождь.

— Нет? Ты знаешь меня?

— Нет!

— Стало быть, меня ты никогда не видел?

— Нет!

— Хм! Припомни! Ты должен вспомнить.

— Нет!

— Мы виделись внизу, в Форт-Дифайенсе!

— Нет!

— Да замолчи ты со своим «нет!». Я могу тебе доказать, что говорю правду. Тогда нас было трое белых и одиннадцать краснокожих. Мы немножко поигрывали в карты и чуть-чуть выпивали. Но краснокожие выпили гораздо больше и, в конце концов, забыли, как их зовут и где они находятся. Позже они проспали весь остаток дня после полудня и всю ночь. Может, теперь ты вспомнишь, старина?

— Нет!

Казалось, что, кроме «нет», краснокожий действительно не знал ни одного слова из языка белых.

— Прекрасно! Но все же ты мне отвечаешь, а значит, понимаешь меня. Потому я хочу продолжить дальше. Мы, белые, тоже улеглись под дощатым навесом рядом с краснокожими, поскольку другого места не было. Когда мы проснулись, те ушли. Ты знаешь куда?

— Нет!

— А с ними «ушли» мое ружье и сумка для пуль. Когда-то я выгравировал на стволе «Т. Д.» — Тетка Дролл. Странно, но те же буквы видны и на стволе твоего ружья. Может, ты знаешь, как они туда попали?

— Нет!

— А моя сумка для пуль была украшена бисером, и на ней тоже было написано «Т. Д.». Я носил ее на поясе, прямо как ты свою. И, как я к своей радости заметил, на ней те же буквы. Знаешь, как попали мои буквы на твою сумку?

— Нет!

— Зато я знаю, как мое ружье попало в твои руки и как моя сумка для пуль оказалась на твоём поясе. Вождь носит только те вещи, которые являются его добычей, но ворованными предметами должен пренебрегать. Я хочу освободить тебя от них.

В один миг толстяк рванул ружье из рук краснокожего, а сумку — с пояса и спокойно отвернулся от него. Но индеец молниеносно прыгнул следом и заявил ему на достаточно хорошем английском:

— Отдай!

— Нет, — на манер вождя ответил Дролл.

— Это ружье мое!

— Нет!

— И эта сумка тоже!

— Нет!

— Ты вор!

— Нет!

— Верни, или я заставлю тебя!

— Нет! — улыбнулся Дролл.

Тут рассвирепевший краснокожий выхватил нож. Те, кто не знал Дролла, были уверены, что сейчас начнется драка, но лицо Тетки расплылось в улыбке:

— Мне приходится отбирать свои собственные вещи! Разве такое возможно? Все же не будем ссориться. Ты — Длинное Ухо, я знаю тебя, хотя, собственно, ты должен называться Длинной Лапой. Не криви душой и

сможешь оставить себе то, что имеешь — я ведь давным-давно возместил пропажу. Итак, откровенно — ты знаешь меня?

— Да! — против ожидания ответил индеец.

— Ты был со мной в Форт-Дифайенсе?

— Да!

— Ты был пьян?

— Да!

— А потом исчез с моим ружьем и моей сумкой?

— Да!

— Хорошо, тогда бери и то и другое. Вот также моя рука. Давай будем друзьями, но ты должен говорить по-английски и больше не воровать. Понятно!

Странный весельчак схватил руку краснокожего, потряс ее и вернул ему свои собственные вещи. Краснокожий взял их, скорчив при этом кислую мину, но дружелюбно произнес:

— Мой белый брат — мой друг. Он знает, что он прав и справедлив, ибо нашел вещи у меня и снова отдал их. Он — друг красных людей, и я его люблю!

— Да, дружок, ты мне тоже по нраву. Сейчас ты узнаешь об этом. Ведь если бы мы не пришли, вы скорее всего потеряли бы свои скальпы!

— Наши скальпы? Кто должен их взять?

— Юта.

— О, они не придут — их разбили навахи, и мы скоро будем преследовать их, чтобы добыть много скальпов.

— Тут ты ошибаешься! — серьезно заметил Дролл.

— Но мы видим здесь пленных вождей и воинов юта, а значит, они побеждены.

— Этих мы взяли на собственный страх и риск. Но навахо были позорно разбиты и убежали, а юта скачут за ними и, возможно, сегодня будут здесь, на Серебряном озере.

— Уфф! — воскликнул Длинное Ухо, открыв от удивления рот.

Его подчиненные также издали громкие возгласы и в растерянности переглянулись.

— Это возможно? — спросил Большой Медведь. — Тетка говорить правда?

— Да, — вмешался Виннету, знавший лучше всех окрестности Серебряного озера. — Мы вам все подробно расскажем, но лишь после того, как убедимся, что противник не захватит нас врасплох. Его появление ожидается с минуты на минуту. Пусть пятьдесят воинов тимбабачей тотчас

скачут вниз, в каньон. Горбатый Билл и Дядя Шомпол пойдут с ними.

— Я тоже! — предложил Хромой Френк свою кандидатуру.

— И я! — добавил Дролл.

— Хорошо, — согласился Виннету, — вы также поскачете с ними. Поедете вниз до места, где каньон начинает сужаться, и закрепитесь за скалами. Там достаточно выступов и углублений, которые послужат укрытием. Юта будут сильно теснить навахов, чтобы одновременно с ними достичь Серебряного озера. Вы должны оказать друзьям помощь и, как только увидите врагов, вышлите нам гонца, чтобы мы тоже пришли. Сначала напоите коней, утолите жажду сами, ибо там, внизу, нет никакой воды, а Большой Медведь даст вам с собой поесть.

Мяса было достаточно. Оно висело и сушилось на ремнях, растянутых на деревьях. Питьевой воды хватало с избытком. Со скал вниз стекало множество ручьев, питавших озеро. К одному из них направили коней, чтобы дать им вдоволь напиться.

Вскоре пятьдесят воинов с четырьмя белыми были готовы к отъезду. Маленький Медведь упросил своего отца скакать с ними, что ему тотчас было позволено. Он лучше, чем тимбабачи, знал озеро и каньон, и его присутствие могло стать большим преимуществом.

Горная долина Серебряного озера, тянувшаяся с севера на юг, с восточной и западной стороны оказалась полностью непроходима, поэтому попасть в нее можно было только на севере через скальный коридор, откуда пришли белые, а на юге озеро изливало свои воды в ущелье.

Появления врага с юга не ожидалось, оттуда скорее должны были появиться дружественные навахи. Стало быть, там не нужны никакие меры предосторожности.

При внимательном взгляде на северные окрестности Серебряного озера можно было прийти к выводу, что раньше оно имело сток не на юг, а на север. Во всяком случае, озеро сбрасывало излишек своей воды в каньон. Но теперь между озером и каньоном вырос занимающий солидную площадь холм, очень похожий на плотину. Сама по себе плотина возникнуть не могла, а значит, предположение о том, что ее кто-то искусственно насыпал, лежало недалеко от истины. Руки, которые выполнили эту работу, давно обратились в прах, ибо все возвышение поросло деревьями, которым было определено не менее полутора сотен лет. С какой целью ее соорудили? Существовали ли еще люди, способные ответить на эти вопросы?

Высланный Виннету отряд преодолел плотину, за которой начинался каньон. Последний в ширину едва достигал и десяти локтей, поначалу был

пологим, а потом постепенно расширялся и врезался глубже в землю. Растительность, похоже, была только вблизи озера — очень быстро за плотиной исчезли деревья и кусты, а вскоре пропала даже трава.

Не проскакали они и десяти минут, как стены каньона превысили в высоту сто футов, а еще через четверть часа они, казалось, достигли неба. Здесь снова появились гладкие скальные обломки, сильно затруднявшие передвижение верхом. Когда минули три четверти часа, каньон вдруг сильно расширился — почти в два раза по сравнению с тем, каким он был прежде. Теперь не только сверху, но и снизу стены оказались рассеченными многочисленными трещинами. Проход выглядел как крытая галерея, в которой легко можно было спрятаться.

— Здесь мы остановиться, — произнес Маленький Медведь, скакавший впереди вместе с белыми. — Тут достаточно расщелин и пещер, в которых мы сможем найти укрытие.

— А лошадей отведем подальше, — заметил Дролл. — Тут в любой момент может начаться борьба, и их не должно быть видно.

Его предложение было разумным, и животных быстро увели. Пятьдесят пять человек спрятались по обеим сторонам прохода в углублениях и ложбинах. Белые оставили с собой Маленького Медведя, поскольку тот мог дать им любые необходимые сведения. Он серьезно и обстоятельно, как взрослый воин, справился о происшествиях последних дней и не сразу поверил, что навахи проиграли сражение. Тем больше была его признательность бледнолицым, пришедшим на помощь.

— Мои белые братья действовать как мужественные, но осмотрительные люди, — сказал он, — а навахи стать слепы и глухи. Они должны были победить, ибо юта не ожидать их. Если они спокойно пробраться в долину и наброситься на юта, то полностью их уничтожить, но они закричать раньше время и стрелять, а потому должны были отдать свой скаल्प. Теперь юта превосходить их, и если борьба прийти вблизи озера, тогда...

— Тогда мы вставим свое словцо, — подытожил Дролл.

— Да, поговорим, — добавил также и Фрэнк. — Мне это по нраву, ибо я смогу опробовать на этих типах подаренное лордом ружье. Как же обстоит дело? Есть ли в каньоне другие проходы?

— Нет. Иметься только один — расщелина, через которая вы прийти в котел и которая юта не знать.

— А навахи?

— Лишь немногие из них. Им не прийти в голову воспользоваться этим путем, ибо он...

Индеец прервался, чтобы прислушаться — его острое ухо уловило шорох. Другие также его услышали. Звуки напоминали шарканье о камни усталой лошади. Через короткое время показался один-единственный всадник-навахо, чей конь едва мог двигаться. Человек был ранен, поскольку его одежда оказалась испачкана кровью, но, несмотря на это, он беспрерывно работал руками и ногами, чтобы новыми усилиями привести своего коня в чувство.

Маленький Медведь оставил укрытие. Как только навахо заметил его, он остановил животное и радостно крикнул:

— Уфф! Мой юный брат! Ожидаемые воины навахо уже подошли?

— Еще нет.

— Тогда мы погибли!

— Как может воин навахо дать себе погибнуть!

— Великий Дух оставил нас и повернулся лицом к псам — юта. Мы напали на них в Долине Оленей, чтобы задушить прямо там, но наши вожди потеряли разум — юта оказались сильнее. Мы выстояли, но сегодня утром большая группа присоединилась к нашим врагам. Они теперь во много раз превосходят нас и сильно теснят сзади.

— Уфф! Значит, вас уничтожили?

— Почти. В десяти ружейных выстрелах отсюда бушует борьба. Меня послали, чтобы позвать помощь с озера, ибо мы думали, что ожидаемые воины уже пришли. Но теперь наши люди погибли.

— Еще нет. Слезай с коня и отдохни! Помощь придет.

Каково было удивление раненого человека, когда он увидел пять десятков тимбабачей и четверых белых! Те не поняли сообщение навахо, ибо не владели языком, поэтому Маленький Медведь перевел слова гонца. Когда все остальные услышали, что произошло, Дролл сказал:

— Если так, то навахо нужно тотчас возвращаться. Пусть кто-нибудь быстро поскачет к ним и скажет, что мы примем их здесь. А второй должен мчаться к озеру, чтобы привести наших людей и остальных тимбабачей.

— Что тебе взбрело в голову! — прервал его Хромой Френк. — По твоему плану навахи обречены!

— Почему? — удивился Дролл. — Ты думаешь, я не вестмен?

— И лучший вестмен может иметь худшие мысли. Навахи противостоят такой сверхсиле, что тотчас будут уничтожены, как только обратятся в бегство, ибо юта потом просто сомнут их. Безусловно, они должны остаться, должны держаться до последнего! О том, что будет дальше, мы позаботимся.

— Браво, Френк, ты прав! — согласился Горбатый Билл.

И Дядя Шомпол тоже вставил:

— Да, да, стоят пусть до последней крови,
Пока всех юта мы там не разгоним!

— Хорошо! — кивнул Френк, весьма удовлетворенный одобрением, которое он снискал. — Пускай воин тимбабачей быстро скачет к озеру и позовет на помощь, трое останутся здесь у лошадей, чтобы те не наделали глупостей, а мы все побежим что есть мочи на помощь навахам. Вперед!

Все тотчас было исполнено, как сказал Хромой Френк. Четверо белых во главе с храбрым Маленьким Медведем и тимбабачами помчались вперед так быстро, как позволяла плохая дорога. Они еще не удалились достаточно далеко, когда услышали выстрел, потом еще один. Как друзья, так и враги были вооружены преимущественно луками и стрелами, поэтому никаких ружейных залпов, кроме одиночных выстрелов, быть не могло. Спешившие на помощь тотчас услышали крики сражающихся и вскоре увидели их.

Да, с навахами дело обстояло худо. Большинство их лошадей погибли, и теперь они нашли единственное укрытие лишь за трупами животных, поскольку стены каньона в этом месте были совершенно гладкими и не позволяли скрыться за ними. Стрелы у навахов, похоже, заканчивались, ибо они пускали их редко и только когда могли хорошо прицелиться. Несколько самых смелых из них бегали вокруг, чтобы подобрать стрелы юта и послать их назад. Многочисленные юта заполнили всю ширину каньона, стоя рядами друг за другом; они боролись пешими, отведя своих лошадей назад, чтобы не подставлять их под выстрелы. Для навахов это оказалось большим счастьем, поскольку, если бы юта вскочили в седло и бросились бы на врагов, ни одного из них не осталось бы в живых.

Вдруг на миг смолк боевой клич — навахи увидели, что пришла подмога. Четверо белых совершенно открыто остановились прямо в центре каньона, когда юта оказались в области досягаемости их пуль, вскинули ружья, прицелились и выстрелили. Вой со стороны врага доказал, что пули не пролетели мимо. Еще четыре выстрела — снова яростный вой. Тимбабачи пригнулись и стали пробираться вперед, чтобы также открыть стрельбу.

Горбатый Билл считал, что все четверо не должны стрелять одновременно, поскольку во время перезарядки получалась слишком долгая пауза. Двое заряжали, двое стреляли — так было лучше, и все согласилось с горбуном.

Очень скоро оказалось, что четверо стрелков с хорошими ружьями в состоянии задержать противника. Каждый их выстрел достигал цели. Юта, имевшие огнестрельное оружие, теперь целились не в навахов, а в белых,

благодаря чему первые получили передышку.

Чуть в стороне от охотников на коленях стоял Маленький Медведь, он не хуже белых управлялся со своим ружьем и посылал в цель пулю за пулей. Юта отступили назад. Остались только воины с ружьями, но их пули не долетали, а подойти ближе они не рисковали. В этот момент Хромой Френк крикнул Маленькому Медведю:

— Мы впятером останемся здесь. Пусть навахи отступят за наши спины. Скажи им это!

Сын вождя повиновался, а краснокожие вскочили и помчались назад, чтобы расположиться в тылу бледнолицых. Отступившие индейцы представляли собой плачевное зрелище. Лишь теперь все увидели, какие потери они понесли. Их осталось шестьдесят человек, едва ли половина из них имела коней. К счастью, они смогли беспрепятственно отступить, поскольку оставшиеся тимбабачи не давали противнику передышки. Для юта было позором, что они не рискнули на быструю атаку всеми силами, но тогда многие из них оказались бы убитыми, а этого индейцы всегда избегают. Они предпочитают нападать в тот момент, когда нечего опасаться.

И такой момент, как показалось юта, очень скоро настал — навахи продолжали отступать, то же самое теперь проделали и белые с Маленьким Медведем, а потом и прикрывавшие их тимбабачи. Юта совершенно спокойно и уверенно бросились вдогонку. Они берегли свои стрелы и продолжали обстреливать противника из немногих ружей. Так одни шаг за шагом отступали, другие преследовали их, пока первые не достигли места, где они прятались вначале. Белые посоветовали быстро разбежаться в поисках ям и углублений. Маленький Медведь снова выступил в роли переводчика, и до сих пор теснимые врагом беглецы внезапно исчезли. Наконец, все были в безопасности, ибо находились в укрытии, в то время как юта не имели возможности спрятаться. Теперь можно было спокойно дожидаться помощи.

А помощь была уже в пути. Еще раньше Виннету вкратце рассказал Большому Медведю, что произошло в Долине Оленей, на что тот задумчиво ответил:

— Я предупредить навахо. Я советовать им ждять, пока не собратсья все их воины. Но они думать, что юта еще не объединились, и хотеть уничтожить их отряды поодиночке. Теперь их постигла та участь, которую они готовить врагам.

— И все же нет! — возразил Олд Шеттерхэнд, — Их не уничтожили.

— Ты думаешь? Я думать другое. Я знать места собрания юта. Когда

навахо спастись бегством из Долины Оленей, они могли много раз наткнуться на эти места и попасть в окружение. И даже если им удастся ускользнуть в горы, число юта от места к месту будет увеличиваться, и может легко случиться, что мы увидим здесь, на Серебряном озере, тысячи их воинов. Я сомневаюсь, что навахо достигнут его при этих обстоятельствах.

— А что будет потом с тобой? Посчитают ли юта тебя врагом?

— Да.

— Тогда ты находишься в большой опасности.

— Нет.

— Только потому, что имеешь здесь тимбабачей и ожидаешь нескольких навахов?

— Нет, я не полагаюсь ни на тех, ни на других, а только сам на себя.

— Я не понимаю тебя.

— Я не боюсь и тысяча юта.

— Не могу взять в толк.

— Стоит мне поднять руку, и они все пропали. Один короткий миг убить их всех!

— Хм! Всех?

— Не веришь? Да, ты можешь что-то не понять. Вы, бледнолицые, очень умные люди, но до такой мысли никому из вас не дойти!

Старик сказал это гордым тоном. Взгляд Олд Шеттерхэнда прошелся по озеру, затем метнулся к горам, после чего губы охотника тронула легкая улыбка:

— Но ты тоже не из тех, кому в голову пришла эта идея.

— Нет. Кто сказать тебе это?

— Я сам.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, почему я не боюсь тысяча врагов?

— Да.

— Скажи!

— Я должен при этом выдать твою тайну?

— Ты не выдать ее, ибо не сможешь правильно угадать. Это тайна, которая теперь известна только двоим — мне и моему сыну.

— И мне!

— Нет! Докажи это!

— Хорошо! Итак, ты убьешь тысячу юта в один миг?

— Да.

— Если они находятся в каньоне?

— Да.

— И не воспользуешься никаким оружием?

— Нет.

— Совсем хорошо! Тогда это можно сделать только силами природы. Воздух или буря здесь ни при чем. Огонь? Тоже нет. Значит, с помощью воды!

— Твои мысли хороши, они умны, но больше тебе ни о чем не догадаться!

— Давай посмотрим! Где у тебя столько воды, чтобы погубить так много людей? В озере. А разве эти люди пойдут в озеро? Нет. Значит, озеро должно прийти к людям, оно должно внезапно влить свои потоки в каньон. Как? Между озером и каньоном стоит высокая крепкая плотина! Ну, в древние времена она не существовала, а была возведена позже, и при этом ее соорудили так, что она в любой момент может быть открыта и высушенный каньон мгновенно превратится в гигантский водоем. Я отгадал?

Вопреки спокойствию, которое индеец, и особенно вождь, должен хранить в любой ситуации, Большой Медведь едва не подпрыгнул и воскликнул:

— Ты знаешь все?

— Нет, просто я размышляю.

— Ты отгадать! Ты действительно это отгадать! Но откуда мне известна тайна?

— Ее передали по наследству.

— А как открываться плотина?

— Если ты позволишь мне разведать, я очень скоро отвечу и на этот вопрос.

— Нет, я не могу тебе позволять. Но сможешь ты отгадать, зачем соорудить плотина?

— Да.

— Ну?

— По двум причинам. Во-первых, для защиты. Завоеватели юга продолжали наступать с севера, и этот большой каньон был любимой их дорогой. Соорудили плотину для того, чтобы перегородить им путь и при случае внезапно спустить воду.

— А вторая причина?

— Сокровище.

— Сокровище? — глаза старика сверкнули, и он отступил назад. — Что ты о нем знаешь?

— Ничего, но догадываюсь о многом. Я смотрю на озеро, его берег, его

окрестности и размышляю. Перед тем как воздвигли плотину, не было никакого озера, лежала лишь глубокая долина, через которую протекали ручьи, имеющиеся здесь, и сегодня они и вырыли этот каньон. Богатый народ жил здесь, он долгое время боролся с завоевателями, но люди понимали, что им придется уйти. Они зарыли свои драгоценности, свои священные сосуды где-то здесь, в долине, и соорудили плотину, образовав большое озеро, чья вода стала бы немым и надежным стражем этих сокровищ.

— Молчи, молчи, иначе откроешь все! — в ужасе повысил голос Большой Медведь. — Будем говорить не о сокровищах, а о плотине. Да, я могу ее открыть, я могу утопить тысячи и тысячи юта, если они окажутся в каньоне. Я должен это сделать, если они придут?

— Ради всего святого, нет! Пока есть другие средства, чтобы одолеть их.

— Какие? Оружие?

— Да, и потом заложники, которые лежат там, в траве. Это знаменитейшие их вожди. Юта пойдут на большие уступки, чтобы спасти их. Поэтому мы схватили их и привели с собой.

— Позже мы должны отводить эти пленники в безопасное место.

— У тебя есть такое место?

— Да, там они смогут лишь есть и пить, и больше ничего. Мы доставить их туда.

Пленным освободили руки, они получили мясо и воду, после чего снова были связаны. Затем с помощью нескольких тимбабачей их перенесли в стоявшие у берега каноэ. Олд Файерхэнд, Олд Шеттерхэнд и Виннету также отправились на другую сторону. Они были любознательны и хотели взглянуть на дивную постройку изнутри.

Та была одноэтажной и внутри имела два разделенных стенами помещения. В одном находился очаг, а другое служило жилой комнатой. Обстановка жилого помещения была чрезвычайно бедной — гамак и примитивное ложе. И все!

— Здесь должны оставаться пленные? — спросил Олд Шеттерхэнд.

— Нет, тут не так безопасно. Есть другое, лучшее место.

Большой Медведь отодвинул в сторону ложе, основание которого состояло из поперечин с растянутыми над ними тростниковыми циновками и покрывалами. Под ложем зияло четырехугольное отверстие, через которое вниз вел толстый древесный ствол, имевший вместо ступеней зарубки. Вождь спустился вниз, Олд Шеттерхэнд последовал за ним, а другие должны были спустить пленников.

Через отверстие внутрь напоминающего подвал помещения падал свет, и Олд Шеттерхэнд легко мог ориентироваться. Помещение было больше жилой комнаты. Выложенные из необожженного кирпича стены не имели ни дверей, ни отверстий. Когда охотник постучал в одну из них, раздался пустой звук. Похоже, за ней находился второй подвал, который, наверное, лежал под местом очага в верхней комнате. Дальнейшего прохода вниз нигде не было видно.

Пленных спустили вниз и положили рядом друг с другом. Олд Шеттерхэнд опасался, что им может не хватить воздуха. Когда он спросил об этом, Большой Медведь ответил:

— Воздуха им хватит. Здесь, с крыши этого дома, вниз, через стены, вести отверстия — древние жители вставляли пустотелый кирпич. Они очень хорошо знают, что делать.

Олд Шеттерхэнд несколько раз, как бы непроизвольно, а на самом деле с умыслом, потоптался по полу. Пол подвала «звучал» также пусто. Наверняка, остров возник прежде, чем появилось озеро, и потом был обнесен крепкими, непроницаемыми для воды земляными и каменными стенами. Может быть, тут, внизу, на дне острова, и хранились сокровища?

На дальнейшие обследования времени не оставалось, ибо был положен последний пленник, и вождь снова поднялся наверх. Олд Шеттерхэнд должен был следовать за ним. Под крышей постройки висели большие куски высушенного и копченого мяса. Часть его оттуда перенесли в большое каноэ и быстро отчалили от острова. Когда каноэ уткнулось в противоположный берег, на взмыленном коне показался гонец, посланный за помощью. Тимбабачи и Большой Медведь никак не могли поверить, что враги уже рядом. Все схватились за оружие и поспешили к лошадям.

Эллен, естественно, должна была остаться, но не без защиты. Никто не хотел уклониться от схватки с юта, и, в конце концов, роль стража должен был исполнить ее отец, который всегда оставался с ней в момент опасности. Большой Медведь посоветовал ему грести с дочерью к острову, поскольку там было безопаснее всего. На озере больше никто не остался. Хотя, пожалуй, страшного ничего не было, все же осторожность не помешала бы. Батлер сел с девочкой в каноэ, взял с собой свое оружие и оттолкнулся от берега в тот момент, когда другие ускакали прочь.

Те всю гнали своих животных, они мчали галопом, не разбирая дороги, и через четверть часа покрыли путь, на который первому отряду потребовалось три четверти. Там они наткнулись на оставленных коней. Совсем рядом звучали выстрелы. Всадники спрыгнули вниз и, также оставив лошадей, молниеносно разделились на две группы, пробрались

вдоль стен незамеченными и скрылись в скальных расщелинах, послуживших укрытием для их друзей.

Естественно, те обрадовались быстрому прибытию подмоги. Улучив момент во время перестрелки, Горбатый Билл рассказал, что произошло, а Хромой Френк снова возгордился похвалой, которую ему воздали по окончании рассказа.

Юта все еще полагали, что имеют дело только с теми, кого видели. Им казалось, что решительными и неожиданными действиями они смогли бы положить конец борьбе и хотели в ближайшее время что-то предпринять. Защитники каньона, лежавшие впереди в укрытии, заметили, что юта собрались вместе, и тотчас сообщили об этом остальным. Таким образом, люди были готовы к встрече.

Внезапно раздался дичайший вой, и юта двинулись вперед. Но не прошло и двух минут ожесточенной пальбы с обеих сторон, как они откатились назад и исчезли из поля зрения, оставив лежать множество мертвых и раненых. Олд Шеттерхэнд стоял за скальной колонной и вел прицельный огонь, но при этом не убивал противников, а только ранил их, делая неспособными к борьбе. Как только юта отступили, он заметил, что тимбабачи кинулись скальпировать павших, их вождь был с ними.

— Стой! — крикнул охотник громовым голосом. — Оставьте их!

— Почему? Их скальпы принадлежат нам! — в растерянности ответил Длинное Ухо.

При этом он уже вытащил свой нож и нагнулся, чтобы срезать с головы одного из раненых кусок кожи. В следующий миг Олд Шеттерхэнд уже стоял рядом, а дуло его револьвера было направлено в голову тимбабача.

— Если сделаешь надрез, я пристрелю тебя! — предупредил охотник.

Длинное Ухо не имел, пожалуй, желаний оказаться застреленным, потому он выпрямился и миролюбиво произнес:

— Что можешь ты иметь против? Юта также скальпировали бы нас.

— Если бы я был рядом, они бы не сделали так. Я не потерплю этого, по меньшей мере, пока они еще живы.

— Тогда пусть они оставят себе свои скальпы, но с мертвых я их сниму!

— По какому праву?

— Я не понимаю тебя! — воскликнул пораженный краснокожий. — Убитый враг должен быть оскальпирован!

— Здесь лежат много врагов. Разве ты всех их победил?

— Нет. Я попал в одного, — начал юлить вождь.

— В какого?

— Не знаю.

— Он мертв?

— Этого я тоже не знаю.

— Итак, покажи того, кого убила пуля твоего ружья, и ты будешь иметь право снять с него скальп, но скорее, нет!

Вождь с ворчаньем отступил в укрытие, и его люди безмолвно последовали за ним. Вдруг снизу, там, где снова собрались юта, раздался крик. Поскольку охотник находился среди тимбабачей, юта не могли его рассмотреть, теперь же он один стоял посреди ущелья с оружием в руках, и они узнали его:

— Олд Шеттерхэнд! Волшебное ружье!

Для них было непостижимо, как этот человек мог находиться здесь. Его присутствие напрочь лишало их мужества. Тем больше отваги показывал он. Он медленно зашагал вперед, приближаясь к ним, и крикнул, когда оказался в том месте, откуда они могли хорошо его слышать:

— Заберите мертвых и раненых! Мы отдаем их вам!

Наступила пауза, после чего показался один из предводителей.

— Вы будете в нас стрелять! — не спрашивал, а утверждал он.

— Нет.

— Ты говоришь правду?

— Олд Шеттерхэнд никогда не лжет!

При этом он развернулся и зашагал в укрытие.

Как бы вероломны ни были юта, к этому охотнику, к этому бледнолицему, они не испытывали ни капли недоверия. К тому же, индеец считает большим позором оставлять на произвол судьбы своих мертвых, а тем более, раненых. Поэтому юта выслали вперед для проверки только двух человек, которые медленно приблизились, подняли одного раненого и отнесли его прочь. Они вернулись снова и сделали то же самое со вторым. Когда и теперь не было никаких враждебных действий, юта поверили, и их пришло больше. Олд Шеттерхэнд снова вышел из укрытия — краснокожие испугались и хотели было бежать. Но он крикнул им:

— Стойте! С вами ничего не случится!

Они нерешительно остановились, а он подошел к ним совсем близко и спросил:

— Сколько вождей теперь с вами?

— Четверо.

— Кто из них самый знатный?

— Нанап-веррентон, Старый Гром.

— Скажите ему, что я хочу с ним говорить! Пусть он пройдет половину пути, я пройду другую, и мы встретимся посередине ущелья. Оружие брать с собой не будем.

Индейцы ушли и тотчас принесли ответ:

— Он придет, и с ним еще три вождя.

— Меня будут сопровождать только двое, которых он, возможно, узнает. Как только вы будете готовы, пусть вожди идут сюда.

Вскоре четверо юта приблизились с одной стороны, а Олд Шеттерхэнд с Файерхэндом и Виннету — с другой. В центре они встретились, обменялись приветствиями и сели на землю напротив друг друга. Гордость запрещала краснокожим тотчас начинать разговор. Черты их лиц невозможно было рассмотреть из-за толстого слоя боевой раскраски, но их взгляды выражали удивление, когда они заметили рядом с Олд Шеттерхэндом двух знаменитостей. Так они сидели, временами глядя друг другу в глаза, и молчали, пока наконец самый старый краснокожий — именно Старый Гром, не потерял терпение и не решил заговорить. Он поднялся, полностью распрямил свою исполненную достоинства фигуру и начал:

— Когда большие земли еще принадлежали сыновьям Великого Маниту и у нас не было никаких бледнолицых...

— Вы, конечно, можете тут держать свои речи столько, сколько хотите, — прервал его Олд Шеттерхэнд, — но бледнолицые любят говорить кратко, они не собираются изменять своей привычке и теперь.

В своем потоке красноречия краснокожий едва может остановиться. Подобные разговоры отняли бы, возможно, целые часы, если бы Олд Шеттерхэнд не сократил вступление. Старый индеец бросил на него полуудивленный-полугневный взгляд, сел снова и сказал:

— Старый Гром — знаменитый вождь. Он насчитал больше зим, чем Олд Шеттерхэнд, и не в его обычае позволять перебивать себя молодому человеку. Если бледнолицые хотят меня оскорбить, им не нужно было меня звать! Я сказал. Хуг!

— Я не имел намерения обидеть тебя. Человек может быть стар, но иметь опыта меньше, чем более молодой. Ты хочешь говорить о временах, когда еще не было ни одного бледнолицего, но мы собираемся говорить о сегодняшнем дне. Если я тот, кто вызвал тебя, значит, я и должен быть первым, кто скажет, чего он хочет. Я сказал. Хуг!

Олд Шеттерхэнд расставил все по своим местам. Он дал понять краснокожим, что он тот, кто имеет право требовать. Индейцы молчали, и поэтому он продолжил:

— Ты назвал мое имя и знаешь меня. Знаешь ты также и двух воинов, которые сидят здесь рядом.

— Да. Это Олд Файерхэнд и Виннету, вождь апачей.

— Тогда ты должен знать и то, что мы всегда были друзьями красных людей. Ни один индеец не может сказать, что мы покарали невинного. Мы часто отказывались от нашей справедливой мести и прощали, когда должны были наказывать! Почему вы преследуете нас?

— Потому что вы наши враги.

— Это неправда. Большой Волк взял нас в плен, хотя мы не были его врагами. Он неоднократно посягал на нашу жизнь и не раз нарушал слово. Мы вынуждены были защищаться от юта, чтобы спасти свои жизни.

— Разве не вы убили в Лесу Воды Старого Вождя? Разве не вы взяли в плен других вождей и воинов?

— Опять только для того, чтобы спастись.

— А теперь вы среди навахов и тимбабачей, наших врагов!

— Так получилось. Нам нужно было пройти к Серебряному озеру, и мы встретили их здесь. Мы слышали, что между вами и ими вырыт топор войны, а потому поторопились утвердить мир.

— Мы хотим мести, а не мира, тем более из ваших рук!

— Примете вы его или нет — дело ваше, но мы считаем своим долгом предложить.

— Мы победители!

— Раньше — да, но теперь — нет. Вы тяжело были обижены — мы знаем это, но с вашей стороны несправедливо мстить невинным. Наша жизнь неоднократно ставилась на карту. Если бы вам удалось схватить нас, мы долго умирали бы у столбов пыток, как и другие бледнолицые в Долине Оленей.

— Что ты знаешь об этом?

— Все. Мы похоронили этих людей.

— Так ты был там?

— Да. Мы были у вас в самом центре вашего лагеря. Мы слышали, что говорили юта, видели, что они делали. Мы стояли под деревьями, когда пришли навахи, и видели, как вы оттуда их прогнали.

— Это невозможно, это неправда!

— Ты знаешь, что я не лгу. Спросите вождей юта, которые были при этом.

— Они исчезли.

— Куда?

— Мы не знаем!

— Они были убиты навахами? — осведомился Олд Шеттерхэнд.

— Нет. Мы так думали, но не нашли их тел. Потом мы решили, что они были взяты в плен, но мы шли за ними по пятам и ни одного пленника у навахов не видели, зато многие из них оказались в наших руках. У навахов нет вождей юта!

— Но не могли же они исчезнуть!

— Великий Дух взял их к себе.

— Нет. Великий Дух и знать ничего не хочет о таких вероломных и лживых людях. Он отдал их в наши руки.

— В ваши руки?

— Да, во власть бледнолицых, которых они хотели погубить.

— Твой язык лжив, он говорит такие слова, чтобы вынудить нас заключить мир.

— Да, я хочу и буду вынуждать вас заключить мир. Я говорю правду. Когда мы вечером были в Долине Оленей, мы взяли в плен трех вождей.

— И этого не заметили воины?

— Никто не смог заметить или услышать. Мы свалили их на землю, не дав опомниться. Или меня зря зовут Олд Шеттерхэндом?

— Это неправда. Тебя должны были видеть.

— В Долине Оленей есть укрытие, которое знаем мы, но не знаете вы. Я хочу доказать тебе, что говорю правду. Что это?

Охотник вытащил из сумки тонкий шнурок, унизанный украшениями, вырезанными из раковин моллюсков, и поднес к лицу вождя.

— Уфф! — не смог сдержаться Старый Гром. — Вампум Желтого Солнца! Я его хорошо знаю.

— А это?

Охотник вытащил еще один шнурок.

— Вампум вождя Четыре Бизона! Я тоже его знаю.

— А этот, третий?

Когда Олд Шеттерхэнд показал еще и третий вампум, слова застряли в гортани старика. Он сделал какое-то произвольное движение и буквально вытолкнул из себя:

— Ни один воин не даст своего вампума другому добровольно. Для него вампум — самое святое! Кто владеет чужим вампумом, тот либо убил, либо взял в плен его хозяина. Трое вождей еще живы?

— Да.

— Где они?

— У нас в плену и хорошо охраняются.

— На Серебряном озере?

— Ты спрашиваешь слишком много. Подумай, кто, кроме них, еще находится у нас? Известные и храбрые воины, которые позже, конечно же, станут вождями.

— Что вы хотите с ними сделать?

— Жизнь за жизнь, кровь за кровь! Заключите мир с навахами и тимбабачами, тогда мы освободим пленных!

— У нас тоже есть пленные. Обменяемся: человека на человека!

— Или ты считаешь меня мальчишкой и думаешь, будто я не знаю, что один вождь обменивается по меньшей мере на тридцать воинов? Обдумай мое предложение, и ты поймешь, что лучше вернуть свободу вашим предводителям, чем убить еще сотню или две сотни врагов.

— А добычу ты не считаешь?

— Добычу? Хо! О добыче не может быть и речи, поскольку у вас ее не будет — вы больше не победите. Теперь против вас стоим мы, пятьдесят белых охотников. Мы были пленниками юта, но посмеялись над ними — они вынуждены были нас отпустить и даже дать в придачу своих вождей. Нам удалось такое, даже когда мы лежали связанные. Что мы сможем, когда свободны и никто не стоит у нас на пути! Я скажу тебе одно — если ты не заключишь с нами мир, мало кто из вас снова увидит родные вигвамы!

По лицу Старого Грома было видно, что последнее замечание не прошло бесследно. Он угрюмо опустил глаза. Олд Шеттерхэнд продолжил, не давая вождю опомниться:

— Ваши вожди хотели отнять наши жизни, теперь они оказались в наших руках, и мы не только имели право, но даже должны были их убить! Мы не сделали этого, ибо желаем добра им и вам. Если мы теперь советуем вам заключить мир, то так же желаем вам добра, поскольку точно знаем, что разобьем вас. Решайся, или будет слишком поздно!

Тут решительно поднялся Олд Файерхэнд, распрямив свою гигантскую фигуру:

— Хо! К чему слова, если у нас есть оружие! Пусть Старый Гром нам сейчас же скажет — хочет он войны или мира. А как поступать потом, мы знаем и дадим ему то, что он пожелает — либо жизнь, либо смерть!

Это подействовало, поскольку тотчас прозвучал ответ:

— Так быстро мы не можем решиться.

— Почему нет? Вы мужчины или скво?

— Мы не бабы, а воины! Но мы должны сначала поговорить с нашими людьми.

— Если вы действительно вожди, это вовсе не нужно. Я вижу, что вы хотите выиграть время, чтобы замыслить какую-нибудь хитрость,

поскольку таков ваш обычай, но никакие уловки не помогут вам против нашей силы!

— Пусть Олд Файерхэнд говорит спокойно, как и мы, которые ему спокойно отвечаем. Человеку не подобает иметь кипящую кровь! Мы пойдем и обдумаем, что должны делать.

— Тогда подумай, что через полчаса наступит ночь!

— Мы и ночью сможем сказать о том, что решили. Если кто-то из нас или вас захочет говорить первым, пусть выстрелит, а потом громко крикнет. Ему ответят. Я сказал. Хуг!

Старый Гром поднялся, слегка кивнул и гордо удалился, другие последовали его примеру.

— Мы снова умничаем, как в прошлый раз! — в сердцах разошелся Олд Файерхэнд.

— Мой брат говорил слишком гневно, — произнес Виннету спокойно, как и всегда. — Он должен был позволить договорить Олд Шеттерхэнду. Старый Гром был в раздумье и начал колебаться.

Файерхэнд, казалось, осознал, что упрек небезоснователен, ибо не возражал. Когда они вернулись, Длинное Ухо сразу задал вопрос:

— Юта было четверо. Почему вы пошли только втроем?

— Потому что и троих достаточно, — неприветливо ответил Олд Файерхэнд.

— Я тоже вождь и принадлежу к совету так же, как и вы.

— Это ни к чему — нам не нужен четвертый.

Длинное Ухо смолчал, но затаил злобу. С момента прибытия белых он вообще находился в дурном расположении. Сначала его опозорил Дролл, а потом и Олд Шеттерхэнд, помешав ему скальпировать юта, тяжело оскорбил его перед своими людьми. Вождь был трусом, поскольку открыто никому не возражал, но гнев, который он старался не показывать, накрепко засел в его душе.

Смеркалось, и вскоре ночь вступила в свои права. Хотя не предполагалось, что юта рискнут напасть, все же меры, чтобы не допустить неожиданного нападения, были необходимы — требовалось выставить посты. Длинное Ухо добровольно со своими людьми вызвался взять это на себя, и ему не смогли отказать. Но чтобы ничего не упустить, Олд Шеттерхэнд сам указал тимбабачам их места и строго приказал не покидать их.

С вождем было пять человек, которых выставили поперек каньона в одну линию. Как только это было сделано, Олд Шеттерхэнд лег на землю и пополз вперед, чтобы по возможности подслушать неприятеля. Это ему

удалось, хотя юта и выставили трех часовых, но те не заметили охотника. Он даже рискнул пробраться между ними и увидел потом, что враги раскинули свой лагерь в том месте, где каньон начинал внезапно расширяться. Оглядев лагерь, удовлетворенный охотник повернул назад.

Длинное Ухо, бывший в цепи часовых самым крайним справа, заметил, что охотник ходил на разведку. Его рассердило то, что белый ему не доверял. Он, вождь краснокожих, понимал в этих делах непременно больше, чем бледнолицый. Злоба глодала его душу, он хотел показать этим белым, что он важная персона, без которой нельзя обойтись. А что, если краснокожие что-то замыслили и ему удалось бы подслушать их! Внезапная мысль не давала ему покоя, и, в конце концов, он решился. Вождь пополз вперед, все дальше и дальше. Но все оказалось труднее, чем он представлял, ибо круглые камни выскальзывали из-под его длинных конечностей. Он вынужден был больше смотреть под себя, нежели перед собой. В какой-то миг, когда из-под его ноги снова выскочил камень, рядом внезапно появилось что-то темное и перед ним тоже. Две крепкие руки, как железные клещи, сдавили ему горло, а две других обхватили тело — его дыхание остановилось, и он потерял сознание.

Когда Длинное Ухо пришел в себя, он лежал между двумя мужчинами, приставившими к его обнаженной груди острия ножей. Его руки и ноги были связаны, а во рту торчал кляп. Вождь задвигался, что сразу заметил третий, сидевший у него в изголовье. Последний тихим голосом сказал, положив тимбабачу руку на голову:

— Мы узнали Длинное Ухо. Я Старый Гром. Если Длинное Ухо умен, с ним ничего не случится, но если он глуп, то вкусит клинок, который чувствует сейчас на своей груди. Пусть он мне кивком даст понять, слышит ли он мои слова!

Пленный вождь кивнул. Теперь он находился между жизнью и смертью и, само собой, выбирал жизнь. Он вдруг почувствовал большое удовлетворение при мысли о том, что у него есть возможность отомстить этим гордым, возомнившим о себе белым за пренебрежение и нанесенные ему обиды.

— Пусть Длинное Ухо и дальше даст понять, будет ли он говорить тихо, если я выну из его рта кляп, — продолжал предводитель юта.

Тот снова кивнул, и кляп тотчас был удален, но Старый Гром предостерег:

— Если ты заговоришь громко, то умрешь. Но если ты станешь нашим союзником, я тебе все прощу, и ты получишь часть нашей добычи. Ответь мне!

Добыча! При этом слове в голову тимбабачу закралась мысль, большая и поистине драгоценная. Как-то он подслушал разговор между Медведями, разговор, который до сих пор звучал в его ушах почти дословно. Добыча! Да, такая добыча, которую еще никогда не сулило ни одно сражение! С этого момента он был предан юта душой и телом.

— Я ненавижу и презираю этих белых, — ответил он. — Если ты мне поможешь, мы уничтожим их.

— И Медведя тоже?

— Да. Но мои воины должны остаться живыми!

— Обещаю тебе это. Но почему ты раньше был моим врагом?

— Потому что не знал тогда всего, что знаю сейчас. Бледнолицые так оскорбили меня, что я должен умыться их кровью!

— Тебе это удастся. Но сперва я посмотрю, честен ли ты со мной или хочешь обмануть.

— Я буду верен тебе и докажу это лучше, чем ты думаешь.

— Скажи мне сначала — правда ли, что бледнолицые взяли в плен наших вождей?

— Правда. Я их видел.

— Тогда эти псы в союзе со Злым Духом, иначе им не удалось бы подобное, поскольку простому человеку это невозможно! Где находятся вожди юта?

— В доме на острове.

— Кто их охраняет?

— Один-единственный бледнолицый и девчонка, его дочь.

— Это правда? Один человек и ребенок крепко держат столько храбрых и знаменитых воинов юта! Ты лжешь!

— Я говорю правду. Пленники связаны.

— Тогда в это еще можно поверить. Ну, хорошо, это на острове, а сколько воинов находятся на берегу?

— Ни одного.

— Да где твой разум?

— Там были белые и мои тимбабачи, больше никто. Но они все поскакали в каньон, чтобы бороться с вами.

— Какая неосторожность! И я должен в это поверить?

— Это не беспечность, ибо белые псы уже считают тебя безвредным, поскольку уверены, что без их знаний ты не сможешь прийти к озеру.

— А это возможно?

— Да. Именно этим я могу тебе доказать, что честен с тобой.

— Уфф! Разве путь наверх в этот каньон не единственный? Есть еще

один?

— Да. Если хочешь, я проведу тебя.

— Где эта тропа?

— Внизу, недалеко отсюда, между двумя скальными столбами есть проход, по которому можно попасть в глубокий скальный котел, откуда к озеру ведет ущелье. Я прошел этот путь вместе с Большим Медведем.

— И на озере действительно нет ни одного воина?

— Нет, если не придут две сотни навахов, которых все еще ждут.

— Их пока нет, иначе они тотчас поспешили бы сюда, в каньон, чтобы бороться против нас. Сколько нужно, чтобы отсюда тем, другим, путем достичь озера?

— Три часа.

— Это много, слишком много!

— Но награда очень велика — все враги падут от твоих рук, ты освободишь своих вождей и воинов, и...

Он запнулся.

— И... Говори дальше! — потребовал юта.

— ...и, кроме того, ты найдешь такую добычу, которую не получал еще никто!

— Добычу? У навахов? Ты говоришь об их конях и оружии? Ведь больше у них ничего не найти.

— Я говорю не о навахах, а о двух Медведях и их Серебряном озере, на дне которого хранятся несметные богатства. Там в огромных количествах есть то, что бледнолицые называют золотом, серебром и драгоценными камнями.

— Кто тебе это внушил?

— Никто. Я сам это слышал от обоих Медведей. Вечером в темноте я лежал под деревьями. Они пришли и остановились, не зная, что я был рядом. И тут они заговорили об этих огромных сокровищах.

— Как же они оказались в озере?

— Народ, который давно жил здесь и потом был покорен, хранил их там.

— Так они давно погибли. Как их заполучить, если они лежат на дне озера? Озеро нужно вычерпать!

— Нет. Там, где теперь озеро, раньше была сухая долина. Тот народ построил башню, чья вершина и есть этот остров. От башни вырыли большой проход, который шел через долину и заканчивался там, где теперь начинается каньон. Затем соорудили крепкую широкую плотину, чтобы вода больше не могла течь на север. Долина наполнилась водой, и

образовалось озеро, из которого теперь вершина башни торчит как остров. Когда озеро переполняется, вода стекает на юг. Но выход из прохода закрыт камнями.

— Это все правда?

— Да. Я убедился сам, когда тайно убрал камни и осмотрел подземный ход. Там, где он начинается, лежат факелы, которые необходимы для освещения пути, ведущего по дну озера к острову, к башне, в самом низу которой лежат сокровища. Кроме того, через этот проход можно спустить воду и погубить возможных врагов, оказавшихся в каньоне. Вода по проходу проникнет внутрь башни, выливаясь в каньон, и тогда все, что там есть, должно потонуть.

— Уфф! Это было бы нам на руку! Если бы мы смогли утопить всех бледнолицых!

— Этого я сделать не позволю — тогда потонут и мои воины.

— Это верно. Но если все действительно обстоит так, как ты говоришь, белые все равно погибнут. Посмотрим, откровенен ты или нет. Теперь ты хочешь вести нас к озеру?

— Да, я готов сделать это. Но какую часть получу я?

— Это я определяю, когда буду уверен, что ты сказал мне правду. Я развяжу тебя и прикажу дать коня. Но при малейшей попытке к бегству ты умрешь!

Вождь громко отдал приказ, и вскоре юта уже скакали по каньону обратно, сначала, естественно, с величайшей осторожностью, чтобы не вызвать ни малейшего шума. Они достигли места, где белые свернули из каньона в скальный котел, и последовали в том же направлении.

Путь ночью был намного труднее, чем днем, но краснокожие имели глаза кошек, да и их кони легко находили дорогу. Они прошли вверх по кривой равнине, спустились на другой стороне в котел, а потом въехали в скальный лабиринт — точно так, как проскакали белые. Последняя половина пути стала легче, ибо выглянула луна и теперь освещала дорогу.

По приблизительным оценкам Длинного Уха прошло три часа, когда юта прибыли к месту, где росли деревья. Они остановились и выслали вперед разведчиков, которые должны были узнать, можно ли идти дальше. Не прошло и пяти минут после их ухода, как раздался выстрел и тут же еще один. Через короткий промежуток времени они вернулись, неся на руках одного из своих. Он был мертв.

— Бледнолицых больше нет в каньоне, — сообщили разведчики, — они спрятались у выхода к озеру и выстрелили в нас. Нашему брату пуля пробила сердце. Он был так неосторожен, что попал под свет луны.

Эта новость пробудила у Старого Грома недоверие. Он полагал, что был обманут Длинным Ухом, и думал, что тот состоит в сговоре с белыми, а те поручили ему позволить схватить себя, чтобы потом он смог привести юта под пули. Но Длинному Уху удалось рассеять эти подозрения. Он доказал, что вовсе не собирался этого делать, и добавил:

— Бледнолицые намного слабее вас и не считали себя в безопасности в темноте каньона, поэтому они вышли к озеру, где, они думают, вы не сможете на них напасть. Вход в долину так узок, что его легко защищать, и вам этой ночью не удастся завладеть им силой, но вы можете зайти с тыла.

— Как это?

— Через проход, о котором я тебе говорил. Он выходит в нескольких шагах отсюда. Мы отбросим прочь камни, откроем его и спустимся внутрь. Если зажжем факелы, то легко сможем по нему следовать, достигнем башни, поднимемся внутри наверх и выйдем на острове. Там всегда имеются несколько каноэ, в которых мы подгребем к берегу озера, окажемся в тылу у противника и легко одолеем его. К тому же, мои тимбабачи, как только я им прикажу, станут на нашу сторону.

— Хорошо! Половина наших воинов останется здесь, а другая последует за нами в проход. Покажи нам его!

Юта спешились. Длинное Ухо повел их в сторону, к месту, откуда каньон брал свое начало. Там, у скалы, была сложена груда камней.

— Эти камни нужно убрать, — пояснил тимбабач, — тогда вы увидите отверстие.

Груда быстро была разобрана, и действительно, показалась темная дыра в пять локтей шириной и в три высотой. Вожди ступили внутрь и на ощупь нашли целый запас факелов, которые были вымазаны оленьим и бизоньим салом. С помощью трута тотчас разожгли огонь и подожгли факелы, после чего поделили их между собой. Потом все протиснулись в проход.

Там царил затхлый воздух, но сырости не чувствовалось. Должно быть, весь проход был выложен очень крепким камнем, покрытым сверху тщательно утрамбованным, толстым слоем земли, а потому до сих пор не пропускал озерную воду.

Чтобы не слишком долго дышать этим воздухом, который от чада факелов становился еще хуже, они как можно быстрее продвигались вперед, пока через показавшееся бесконечным время не очутились в широком зале, вдоль стен которого штабелями лежали закутанные в циновку тюки.

— Тут должен быть самый нижний этаж башни, а значит, и острова, —

произнес Длинное Ухо. — Может, в этих тюках сокровища, о которых я говорил? Давайте посмотрим!

— Хорошо, — согласился Старый Гром. — Но долго мы не задержимся — надо поспешить выбраться на остров. Позже у нас будет еще много времени.

Когда они удалили обертку с одного из тюков, то увидели блеснувшую в свете факелов фигурку идола. Одна лишь эта фигурка представляла собой целое состояние. Цивилизованный человек потерял бы рассудок от радости, но краснокожие, в общем, остались равнодушными. Натянув снова циновку на идола, они стали подниматься выше.

Наверх вели прорубленные в камне узкие ступени, не очень напоминавшие нашу лестницу и рассчитанные только на одного человека, поэтому краснокожие вынуждены были взбираться друг за другом гуськом.

Длинное Ухо поднимался впереди, освещая путь факелом. Он еще не достиг верхней ступени этого этажа, как снизу раздался крик, за которым тотчас последовал многоголосый ужасный вой. Длинное Ухо остановился и глянул вниз. То, что он увидел, едва не заставило его душу уйти в пятки. Из прохода, в котором находилось еще много юта, kloкочущим водоворотом быстро поднималась вода. Факелы бросали полосы света на темный бурлящий поток, уже внизу достигший половины человеческого роста и с ужасной скоростью стремившийся наверх. Те, кто находились в проходе, погибли — всех их тотчас поглотила вода. И те, кто еще не стоял на ступенях, также были обречены. Они толкались, пытаясь подняться — каждый искал наверху спасение, но один увлекал вниз другого. Многие даже побросали факелы, чтобы двумя руками защищаться от своих соплеменников. Время шло, но никому так и не удалось удержаться на ступенях. При этом уровень воды поднимался так быстро, что через минуту после того, как раздался первый крик, вода уже была по шею. Поток поднял людей, которые пытались удержаться на поверхности, напрасно борясь со смертью и друг с другом.

Только у пятерых или шестерых, оказавшихся уже довольно высоко, среди которых находился и Старый Гром, пока еще был шанс ускользнуть. У них имелся только один факел, который нес поднимающийся впереди тимбабач. Узкое отверстие вело через потолок на следующий этаж, откуда дальше, ввысь, поднимались точно такие же ступени.

— Дай мне огонь и пропусти вперед! — кричал охрипшим голосом предводитель юта, не давая тимбабачу подняться первым.

Он схватился за факел, но Длинное Ухо не отдал его. Вокруг огня началась возня, продолжавшаяся достаточно долго, а вода тем временем

продолжала прибывать. Через отверстие она проникла уже и на этот этаж. Пространства было мало — этаж оказался намного теснее нижнего, поэтому поток поднимался вверх с десятикратной быстротой.

Длинное Ухо, будучи моложе и сильнее Старого Грома, вырвался из его рук и сильным толчком сбросил предводителя юта в воду. Но теперь к нему устремились остальные. У него не было оружия, и он мог защищаться только одной свободной рукой. Один из стоявших в воде индейцев уже прицелился в него из ружья, но тут вождь тимбабачей крикнул:

— Стой, иначе я брошу огонь в воду, и тогда все вы погибнете! Вы не увидите, куда нужно подниматься, и вода поглотит вас!

Это подействовало, поскольку юта согласились, что смогли бы спастись только при свете. Теперь они стояли в воде почти по бедра.

— Тогда держи факел, пес, и поднимайся первым! — прошипел разъяренный Старый Гром. — Но потом ты искупишь свою вину!

Вождь тимбабачей уже стоял на одной из ступеней и поспешил дальше. Снова ему удалось через узкое отверстие попасть на следующий этаж. Угроза старика была серьезной, и Длинное Ухо, пока поднимался, не переставал о ней думать. Он понимал, что, если юта погибнут в потоке, ему потом вообще ничего не грозит. Поэтому, выбравшись из отверстия, он остановился и посмотрел вниз. В дыре показалась голова Старого Грома.

— Ты назвал меня псом и хочешь отомстить мне?! — крикнул ему тимбабач. — Ты сам пес и умрешь как собака! Нырять в воду!

Он с такой силой пнул юта ногой в лицо, что старик отшатнулся и исчез в отверстии. В следующий миг показалась голова следующего индейца, в шуме потока не услышавшего слов тимбабача. Он точно так же получил пинок и упал вниз. То же самое произошло и с третьим, у которого не было выбора между водной стихией и вождем тимбабачей — он собирался с ним схватиться, но не успел. Больше никто не появлялся, поскольку вода смыла остальных со ступеней и теперь уже клокотала в отверстии. Тимбабач единственный остался в живых.

Он поднимался выше и выше, преодолев еще один этаж, а вода неотступно следовала за ним по пятам с той же быстротой. Вдруг он почувствовал, что воздух стал чище, а подъем — совсем узким. Ступени кончились, и он увидел приставленный к стене вместо лестницы древесный ствол с зарубками. Он уже поставил ногу на насечку, чтобы взобраться наверх, но тут, словно с небес, раздался голос:

— Стой, оставайся внизу, иначе я пристрелить тебя! Юта хотеть нас уничтожить, теперь они сами все погибнуть, и ты, как последний из них, должен умирать!

Это был голос Большого Медведя. Тимбабач сразу узнал его.

— Я не юта! Не стреляй! — в ужасе закричал он.

— Кто же ты?

— Твой друг, вождь тимбабачей.

— А, Длинное Ухо! Так ты первым заслужить смерть, ибо изменить нам. Ты предатель!

— Нет, нет! Ты ошибаешься!

— Я не ошибаться. Ты каким-то образом проникнуть в моя тайна и сообщить ее юта. Теперь ты утонуть так же, как утонуть они.

— Я не предатель! — старался уверить старика краснокожий, поскольку вода поднялась ему уже до колен.

— Не лги!

— Дай мне подняться! Подумай, что я всегда был твоим другом!

— Нет, ты остаешься внизу!

Тут зазвучал другой голос — голос Олд Файерхэнда:

— Позволь ему подняться! Достаточно ужасов на сегодня. Он искупит свои грехи.

— Да, я все вам расскажу! — оживился Длинное Ухо, а вода тем временем достигла его бедер.

— Хорошо, я подарить тебе жизнь и надеяться, что ты меня за это отблагодарить.

— Моя благодарность будет безгранична. Скажи, чего ты хочешь, и я это сделаю!

— Ловить тебя на слове! Теперь идем наверх!

Краснокожий бросил в воду факел, чтобы он не мешал ему подниматься, и поднялся наверх. Достигнув верха, он очутился в том помещении постройки, где находился очаг. Перед открытыми дверьми горел огонь, и в его всепроникающем свете он увидел Большого Медведя, Олд Файерхэнда и Олд Шеттерхэнда. В изнеможении от усталости и пережитого страха тимбабач опустился на пол, но быстро собрался с силами вновь, чтобы выскочить наружу:

— Прочь, прочь, на воздух, иначе вода придет прежде, чем мы сможем спастись!

— Остайся здесь! — приказал Большой Медведь. — Ты не должен больше бояться воды — она внутри острова не может подняться выше, чем снаружи. Ты спасен и рассказать нам, как уйти с поста и оказаться здесь.

Когда ночью Олд Шеттерхэнд закончил смелую разведку в каньоне, он вернулся к своим спутникам. Те и тимбабачи молчаливо лежали в укрытии, поскольку все свое внимание направили на каньон, ибо краснокожие легко

могли подкрасться в темноте.

Прошел приблизительно час, когда Олд Шеттерхэнду пришла мысль снова осмотреть посты. Он выполз из укрытия и прежде всего направился к месту, где остался Длинное Ухо, но оно оказалось пустым. Охотник подполз к следующему тимбабачу, чтобы справиться о вожде, и тот сказал, что его вождь уполз вперед.

— Куда?

— К юта. Он еще не вернулся.

— Когда он ушел?

— Уже почти час назад.

— Похоже, с ним что-то случилось. Я проверю.

Охотник снова лег и пополз туда, где раньше видел вражеских часовых, но те как сквозь землю провалились. Он пополз дальше. В том месте, где юта располагались по всей ширине каньона, теперь не было видно ни души. Олд Шеттерхэнд с крайней осторожностью стал пробираться дальше. Он не увидел и не нашел не только ни одного юта, но и вождя тимбабачей. Все это было более чем тревожно. Охотник тотчас вернулся, чтобы позвать Виннету и Олд Файерхэнда. Те также обшарили местность, но все их труды были напрасны. Все трое проникли в каньон на значительное расстояние, но, не натолкнувшись ни на одного врага, пришли к выводу, что юта ушли. Это было бы вовсе не так удивительно или даже не так страшно, если бы Длинное Ухо не исчез вместе с ними.

— Они схватить его, — нахмурился Большой Медведь, — он слишком рисковать, и теперь с ним что-то произойти.

— Пожалуй, и с нами тоже, — заключил Олд Шеттерхэнд.

— Почему с нами?

— Меня поразило их исчезновение. На это должны быть веские причины! То обстоятельство, что вождь попался им в лапы, само по себе не может быть причиной их неожиданного отступления. Скорее всего здесь кроется совершенно иное, но так или иначе связанное с вождем.

— Что именно?

— Хм! Я не доверяю Длинному Уху. Он мне никогда не нравился.

— Я не знаю, почему мы ему должны не доверять. Он никогда не делает ничего враждебного против меня! — удивился Большой Медведь.

— Может, и так, и все же он не тот человек, на которого я стал бы полагаться. Он хорошо знает здешние места?

— Да.

— Он знает путь, который ведет через скальный котел к озеру?

— Он знает его, ибо быть там со мной.

— Тогда мне все понятно. Нам тотчас нужно отправляться в путь и выйти к озеру.

— Почему?

— Потому что он выдал эту дорогу юта.

— Это я от него не ожидать!

— Но мне кажется, он на такое способен. Я могу ошибаться или нет, он мог сделать это по доброй воле или по принуждению, но в одном я убежден — юта уже час как ушли и через два часа окажутся на озере.

— Согласен, — кивнул Олд Файерхэнд.

— Длинное Ухо не внушает доверия, — произнес Виннету. — Пусть мои братья быстро идут к озеру, иначе юта будут там раньше нас и схватят Батлера с его дочерью.

Поскольку эти трое придерживались одного мнения, что-то пошатнулось в доверии Большого Медведя, и он ничего не возразил против немедленного отправления. Вскочив на коней, они поскакали вверх по темному каньону.

Они гнали лошадей с добрый час, прежде чем достигли выхода в долину озера. Здесь оставили часовых, но только белых, поскольку тимбабачам после исчезновения вождя, безусловно, нельзя было доверять.

Тем временем Батлер сидел вместе с дочкой в доме на острове, а под ними лежали пленные, не перестававшие разговаривать друг с другом. Приглушенные их голоса с нижнего этажа доносились наверх и звучали как из загробного мира, так что Эллен стало страшно. Она попросила отца покинуть остров и отплыть на берег. Тот выполнил просьбу, перевезя девочку в каноэ на другую сторону. Когда совсем стемнело, он разжег огонь, но был осторожен и вместе с Эллен отсел подальше в тень, откуда оба, не будучи замеченными, могли обозревать освещенное место. Остаться одним в таком одиноком и опасном месте было тревожно, поэтому можно понять их радость, когда вернулись белые и тимбабачи.

Поскольку прибытие юта ожидалось лишь в течение часа, на посту у входа достаточно было оставить половину всех рафтеров. Другие белые расположились лагерем вокруг костра, а тимбабачи разожгли второй, у которого сели, чтобы обсудить исчезновение их вождя. Они были убеждены, что тот попал в руки врагов не по своей воле. И белые их не разубеждали — то, что они подозревали Длинное Ухо в предательстве, благоразумнее было бы скрывать от его соплеменников.

С момента прибытия на озеро Уотсону, бывшему сменному мастеру, до сих пор не представилось никакой возможности поговорить с Большим Медведем. Но теперь, когда они сидели у огня близко друг от друга,

завязался разговор, из которого стало ясно, что краснокожий знает о существовании людей, которым известно о местонахождении сокровищ.

— Значит, ты один из двух бледнолицых, которые здесь, наверху, проводить целую зиму? — скорее утверждал, чем спрашивал Большой Медведь после того, как Уотсон сам напомнил о давней истории. — Тогда еще жил Ихачи-татли, Великий Отец, который болей, но вы двое ухаживать за ним, пока он не умирать.

Уотсон удивленно взглянул на старика. Похоже, что Ихачи-Татли перед смертью не только успел зарыть план, а еще и каким-то образом умудрился дать знать обо всем обоим Медведям. Возможно, он оставил им письмо и спрятал его.

— Да, мы ухаживали за ним, и он был благодарен за это. Он дал нам подарок, о котором Большой Медведь, может быть, знает.

— Да, — кивнул краснокожий, но было видно, что он неохотно вспомнил об этом обстоятельстве.

— Это была тайна, которую он доверил нам. Тайна сокровища, зарытого здесь!

— Да, но Великий Отец поторопиться, когда сказать об этой тайне. Он был стар и слаб, и благодарность заставить его забыть, что он должен хранить вечное молчание. Он имеет право раскрыть тайну только потомкам и передавать ее по наследству. Предметы, о которых ты говорить, не его собственность, и он не имеет право дарить даже малую их часть! И тем более его долг был молчать перед бледнолицыми!

— Значит, ты думаешь, что я не имею права даже говорить об этом?

— Я не могу запрещать.

— Но у нас был рисунок.

— Теперь он не пригодится тебе. Если пойдешь по нему, ты ничего не найти! Я убрать все в другое место.

— И я не могу знать — куда?

— Нет.

— Тогда ты не так благодарен, как Великий Отец!

— Я выполнять свой долг, но не забыть тебе, что ты присутствовать при его смерти. От тайны озера тебе придется отказаться, но любое другое желание я с радостью исполнить.

— Ты не шутишь? — вмешался в разговор Олд Файерхэнд.

— Нет. Мои слова всегда так понятны, как я их говорить.

— Тогда я вместо нашего спутника хочу высказать одно желание.

Олд Файерхэнд переглянулся с Уотсоном, а тот без особой охоты, но все же дал понять, что не против.

— Хорошо! Это в моих силах, и я его охотно исполнять.

— Кому принадлежит земля, на которой мы находимся?

— Мне. Я приобретаю ее у тимбабачей и когда-нибудь буду оставлять моему сыну, Маленькому Медведю.

— Ты можешь доказать на нее свои права?

— Да. У красных людей иметь вес слово, но белые люди требуют бумага с черными знаками. Я составлю бумага, и ее подпишет белые вожди. На ней есть, то, что вы называете печать. Земля у Серебряного озера и окружающие его скалы — моя собственность. Я могу делать с этой землей, что захочу.

— А кому принадлежит скальный котел, по которому мы сюда пришли?

— Тимбабачам. Белые вожди вымеряют всю местность и нарисовать ее, а потом Белый Отец в Вашингтоне подписать, что это собственность тимбабачей.

— Стало быть, те могут ее продать, сдать в аренду или подарить — как им понравится?

— Да, никто не имеет права сделать что-то против.

— Тогда я тебе скажу, что хочу купить у них скальный котел.

— Покупай!

— Ты согласен?

— Да. Я не могу запретить им продавать, а тебе покупать.

— Потому речь идет не об этом, а о том, приятно ли тебе или нет наше соседство.

— Ваше? Не твое? Вы все хотите жить в котле? — Большой Медведь был явно шокирован.

— Конечно. Я хочу купить и область, в которой лежит скальная теснина, вплоть до самых твоих границ.

Лицо Большого Медведя приняло хитрое выражение, когда он спросил:

— Почему вы хотите жить прямо там, где нет воды и где не расти ни один травяной стебель? Белый покупать только та земля, которая приносит ему большая польза. Но я отгадать ваши мысли. Этот камень, скала, имеет для вас ценность!

— Верно. Но она лишь тогда будет ценностью, если мы сможем получить воду.

— Берите ее из озера!

— Это и есть то, что я хотел выпросить у тебя.

— Ты будешь иметь ее столько, сколько нужно.

— Значит, ты позволишь проложить трубы?

— Да.

— Ты продаешь мне на это право, а я оплачиваю это?

— Если необходима продажа, я не возражать. Ты можешь определить цену, но я дарю то, что тебе нужно. Вы сильно помогать мне — без вас мы бы попасть в руки юта, и теперь я исполнять все твои желания. Этот человек, что прежде говорить со мной, хотеть завладеть тайной сокровищ, но я не могу это позволить, а потому помогать вам добыть сокровища скального котла. Ты понимать, что я отгадать, о чем идти речь. Я буду рад, если ваши надежды оправдаться.

— Ничего не имею против, — прошептал Хромой Френк своему кузену. — Воду, стало быть, мы уже имеем, а если потом и золото потечет так же услужливо, мы вскоре сможем стать как Красе.

— Может, ты имел в виду Креза? ⁶⁴ Разве не Крез был сказочно богатым царем?

— Не будь Толстяком Джемми, который всегда влезет в ложные контрпункции! Красе — вот истинная модуляция! Если хочешь остаться моим другом и кузенном, то... Чу!

Со стороны входа в долину раздался свист. Это был условный сигнал рафтеров. Белые вскочили и поспешили к расщелине, но краснокожие остались сидеть. Пройдя вперед, они узнали, что в районе скальной теснины слышен шум, похожий на стук копыт. Тотчас были отданы необходимые распоряжения. Белые легли под деревья либо спрятались за их стволами и стали с напряжением ждать, что произойдет дальше.

Впереди находились уже упомянутые кусты, промежутки между которыми достаточно хорошо освещались луной. Хромой Френк и Дролл, как всегда, легли рядом. Перед ними открывалось достаточно свободное пространство, с которого они не спускали острых глаз.

— Эй, — прошептал Френк, — там, слева, в кустах, что-то движется.

— Да. Я видел три темные точки. Должно быть, это индейцы.

— Хорошо! Сейчас они ощутят во мне владельца прекрасного ружья.

Он прицелился. В этот момент один из краснокожих поднялся, чтобы быстро перескочить освещенное пространство. В свете луны его фигура была видна четко. Грохнул выстрел Френка, индеец упал, пораженный в грудь. Оба его товарища подскочили, чтобы перенести соплеменника в безопасное место. Один из рафтеров выстрелил по ним, но не попал, и юта исчезли вместе с мертвым.

Прошло некоторое время, но больше ничего не было ни слышно, ни видно. Это наталкивало на размышления. Поэтому Виннету пополз вперед,

чтобы осторожно обследовать лежавшее впереди пространство. Приблизительно через четверть часа он вернулся к месту, где его ждали Олд Файерхэнд, Олд Шеттерхэнд и Большой Медведь.

— Воины юта разделились, — сообщил он им. — Половина из них с лошадьми повернула налево, туда, откуда выходит путь из скального котла, другая — направо, к началу каньона. Там они открыли дыру и сейчас входят в нее.

— Дыру? — с ужасом в голосе переспросил Большой Медведь. — Значит, они узнать подземный ход, а моя тайна выдана! Это мог сделать только Длинное Ухо. Но как он узнать? Идите со мной! Я должен видеть, правда ли это.

Старик поспешил вперед, взбираясь на холм плотины, остальные трое последовали за ним. Вскоре, спрятавшись среди деревьев, они сверху как на ладони увидели место, где начинался каньон. Груда камней действительно была разобрана, а при свете луны наблюдатели узнали юта, которые почти все проникли в ход.

— Да, они узнать моя тайна, — сказал Большой Медведь с налившимися кровью глазами. — Они хотят к острову, чтобы ударить нам в спину и забрать мои сокровища. Но это им не удастся! Мне надо быстро на остров. Пусть Олд Файерхэнд и Олд Шеттерхэнд сопровождать меня, а Виннету пусть оставаться здесь — я должен ему что-то показать.

Он вывел вождя апачей на несколько шагов вперед к месту, где плотина отвесно обрывалась в озеро. Там, на пирамиде странным образом упорядоченных маленьких камней, служивших подставкой, покоился большой многоцентнеровый скальный обломок. Большой Медведь указал на один из маленьких камней и сказал:

— Как только Виннету отсюда увидет, что я на острове зажечь огонь, пусть он толкать вот этот камень, после чего скала скатится вниз, в воду. Но пусть мой красный брат быстро прыгать назад и не пугаться, когда он услышать большой грохот.

— Зачем скала должна упасть в воду? — спросил Виннету.

— Это ты позже увидет. Теперь нет времени для объяснений, я должен идти. Быстро!

Он с удивительной прытью помчался прочь, а оба охотника последовали за ним. Подскочив к костру, он выхватил из него пылающее полено и прыгнул в одну из лодок. Пока он трудился, чтобы сохранить пламя, Файерхэнд и Шеттерхэнд взялись за весла, оттолкнулись от берега и направили каноэ к острову. На другой стороне Большой Медведь быстро выпрыгнул на сушу и поспешил в дом. Взяв из очага сухой хворост, он

тотчас его вынес и поджег.

— Пусть мои братья прислушаться! — сказал он после, указывая рукой в сторону, где остался Виннету.

Там, с той стороны, донесся короткий, глухой звук скатывающегося с горы гигантского и тяжелого предмета, потом послышалось шипение вскипевшей под обваленной скалой воды, и, наконец, последовал раскатыстый грохот, будто обрушился огромный дом.

— Удалось! — воскликнул старик, глубоко вздохнув. — Юта конец! Идем внутрь!

Он снова вошел в дом, в ту комнату, где находился очаг. Как теперь видели оба охотника, очаг располагался на подвижном основании, ибо краснокожий сдвинул его в сторону без особых усилий. Образовалось широкое отверстие, к которому Медведь поднес ухо и прислушался.

— Они там, они внизу, я слышать, как они идут, — сказал он. — А теперь воду!

Он выскочил наружу и побежал за дом. Что он там делал, никто не видел, но когда вождь вернулся, он указал на поверхность озера, недалеко от острова, и пояснил:

— Смотрите, что там двигаться в воде? Это водоворот, воронка! Вода там уходит вниз, а потом затекать в ход, который я открыл.

— Бог мой! Ведь все юта потонут! — вырвалось у Олд Шеттерхэнда.

— Да, все, все! — глаза Большого Медведя горели. — Ни один не спастись!

— Ужасно! Этого нельзя было избежать?

— Нет. Ни один не должен ускользнуть и рассказать, что он там видеть!

— Но ты разрушил свое собственное сооружение?

— Да, оно разрушено и никогда не будет восстановлено. Сокровища потеряны для людей! Никакому смертному теперь не поднять их, ибо остров наполняется вода до самого верха! Идем внутрь!

Обоих белых охватило отвращение. Поднимающаяся снизу вода гнала наверх затхлый воздух, которым сильно тянуло из отверстия в полу. Там, внизу, нашли смерть более сотни человек!

— Но наши пленники, которые здесь рядом! — вспомнил вдруг Олд Шеттерхэнд. — Они тоже утонули?

— Нет. Некоторое время стены будут противостоять. Потом, конечно, пленники надо вытащить. Прислушайтесь!

В этот момент они услышали раздававшийся снизу шум, а потом увидели краснокожего с факелом. Это был Длинное Ухо. Большой Медведь

хотел утопить и его, но Олд Файерхэнд предусмотрительно отказался от этой жестокости. Едва тимбабач оказался в безопасном месте, уровень воды внутри острова тотчас стал соответствовать уровню воды в озере, а видимая прежде воронка исчезла без следа.

Длинное Ухо опустил у огня — стоять сил у него больше не было. Большой Медведь сел напротив, вытащил из-за пояса револьвер и угрожающим тоном произнес:

— Пусть теперь вождь тимбабачей рассказать, как он с юта прийти в подземелье. Если он налгать, я пустить ему в голову пуля. Он знать тайну острова?

— Да, — сознался тот.

— Кто же выдать ее тебе?

— Ты сам.

— Неправда!

— Правда. Я сидел на той стороне, под старым дубом, когда ты пришел со своим сыном. Вы остановились вблизи и говорили об острове, о его сокровищах и о подземном ходе, из которого вода может вытечь в каньон. Помнишь?

— Да, это правда. Мы стоять там и говорить об этом. Мы думать, что были одни.

— Из ваших слов я понял, что подземный ход начинается там, где лежит каменная груда. На другое утро вы охотились на оленя, а я использовал это время, чтобы разобрать камни. Я вошел в проход и увидел факелы. Я узнал достаточно и снова перенес камни на место.

— А сегодня ты идти к юта, чтобы выдавать тайна!

— Нет. Я хотел подслушать их, но на меня напали. Только чтобы спасти себя, я заговорил о проходе и об острове, — признался тимбабач.

— Это трусость! Если бы Олд Шеттерхэнд не заметить, что тебя нет, предательство удаваться, и наши души уже завтра были бы в Стране Вечной Охоты. Вы видеть, что лежать внизу, внутри острова?

— Да.

— А вы открывать пакеты?

— Только один.

— Что там находиться?

— Божество из чистого золота.

— Ни один человеческий глаз не увидеть его снова, а также и твой! Что ты заслужить?

Тимбабач молчал.

— Смерти, десятикратной смерти! Но ты был мой товарищ и брат, а

эти бледнолицые не хотят, чтобы я тебя убивать. Ты остаться в живых, но только если сделать то, что я от тебя потребовать.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу взять с тебя клятву, тяжелую клятву, что ты никогда и никому не сказать ни об острове, ни о том, что он содержать.

— Я готов поклясться.

— Не теперь, а позже. А потом я потребовать, чтобы ты сделать то, что хочет от тебя Олд Файерхэнд. Он будет жить в скальном котле и купить его у вас. Ты продать ему место и к тому же путь, который оттуда вести к Серебряному озеру.

— Нам не нужен котел, ибо от него нет проку — ни один конь не найдет там пастбища.

— Что ты требовать за это?

— Я должен лишь поговорить с другими тимбабачами.

— Они спросить тебя, что они получить, и ты определишь цена. Теперь я хочу сказать, какая цена ты иметь право установить. Олд Файерхэнд будет давать тебе двадцать ружей и двадцать фунтов пороха, десять покрывал, пятьдесят ножей и тридцать фунтов табака. Это немало. Ты соглашаться?

— Я согласен и поведу себя так, что и другие пойдут на это.

— Ты должен будешь идти с Олд Файерхэндом и другими свидетелями к ближнему вождю бледнолицых, чтобы там покупка получать законность. За это ты получить особый подарок — большой или маленький, много или мало — как ты заслужить или как пожелать Олд Файерхэнд. Ты видеть, что я обращать внимание на твоя выгода, и я надеяться, что ты сделать так, что я забыть предательство! Теперь кликни одного из своих людей, который пленных юта доставить на ту сторону, чтобы они не утонуть!

Длинное Ухо повиновался, и как раз вовремя, ибо, когда последний из пленников был положен снаружи постройки, до всех донесся треск и клочотание бурлившей воды, сломавшей тонкие стены и теперь проникшей и в подвал. Опоздай они минут на десять, и юта неминуемо должны были утонуть.

Пленных доставили в каноэ на другой берег, где их передали тимбабачам.

Вождя с ними не оставили, поскольку доверять ему все же было нельзя. Длинному Уху приказали идти с бледнолицыми ко входу в расщелину, который белые до сих пор еще охраняли, ибо оставшаяся половина юта пока не отступила.

Последние не знали, как им быть. Большинство тех, кто должен был

идти к острову, уже проникли в проход, когда тот внезапно был завален камнями и земляными массами. Обломки породы и земля раздавили многих незваных гостей и засыпали проход так, что в него не могла проникнуть вода озера. А это входило в замысел Большого Медведя. Вода должна была выливаться не наружу, в каньон, а заливаться внутрь острова.

Напирающие сзади юта, которых не засыпало вместе с их собратьями, в ужасе отступили и поспешили к другому отряду, чтобы рассказать там о том, что произошло. Они не знали, все ли из тех, кто находился в подземном ходе, погибли или же те, кто остался в живых, достигли острова. Если последнее удалось, то эти воины должны были ударить по противнику с тыла. Юта в нетерпении ждали, что это вот-вот произойдет, но время шло, а надежды их не оправдывались. Теперь стало ясно, что все их соплеменники стали жертвами обвала.

Рассвело, а юта все еще топталась вместе с лошадьми на том же самом месте. Чтобы не оказаться захваченными бледнолицыми врасплох, они выдвинули вперед несколько постов. В этот момент они увидели показавшегося среди деревьев Олд Шеттерхэнда. Тот крикнул им, что желает говорить с их вождем. Очередной предводитель юта был убежден, что охотник не имел никаких вероломных намерений, и открыто вышел ему навстречу. Когда они поравнялись, Олд Шеттерхэнд сказал:

— Ты знаешь, что многие ваши вожди и воины находились у нас как заложники?

— Я знаю. Это самые знаменитые наши люди, — ответил юта мрачно.

— А знаешь ты, что случилось с вашими воинами, которые ступили в подземный ход?

— Нет.

— Проход рухнул, вода вошла туда, и они все утонули. Спасся только Длинное Ухо. Только что прибыли ожидаемые две сотни навахов, и мы намного превосходим вас, но не желаем вашей крови, а хотим дать вам мир. Заложники не верят нам, что так много ваших людей погибло в воде озера. Один из вас должен им сказать об этом, чтобы они убедились. Если они не заключат мир, то в течение часа умрут, а вас мы будем преследовать и травить, пока все вы не упадете без сил. Будь разумным и иди со мной! Я приведу тебя к вождям. Поговори с ними, а потом снова вернешься сюда.

Некоторое время индеец смотрел вниз перед собой, а потом сказал:

— Олд Шеттерхэнд не знает коварства. Ты сдержишь слово и позволишь мне вернуться. Я верю тебе и пойду с тобой.

Он сообщил своим людям о своем намерении, отложил оружие, после чего последовал за охотником к озеру. Там царило оживление, ибо навахи

действительно пришли. Они страстно желали отомстить юта за свое поражение, и потребовались значительные усилия уговорить их склониться к мирному решению вопроса.

Заложники были освобождены от пут. Они находились все вместе и продолжали содержаться под усиленной охраной, когда Олд Шеттерхэнд привел их товарища. Последнему было разрешено остаться с ними, а потом к юта выслали Длинное Ухо, чтобы тот рассказал им о происшедшем. Больше никто не вмешивался в совет — юта дали время окончательно осознать, что извне они не получают никакой помощи.

Их беседа длилась долго, а когда потом завершилась, Длинное Ухо сообщил, что юта согласны на мирные предложения. После этого состоялось торжественное заседание, в котором приняли участие выдающиеся белые и краснокожие. Оно длилось много часов, на нем было сказано много речей, пока трубка мира не обошла, наконец, весь круг.

Заседание утвердило «вечную» дружбу между всеми участниками, а пленных, из которых никто не был наказан, освободили и все — юта, навахи и тимбабачи — обязались оказывать помощь и доказывать свою дружбу бледнолицым, которые хотели жить и трудиться в скальной долине.

За всем этим последовала большая охота, продолжавшаяся до самого вечера и принесшая богатую добычу, а потом, как водится, был великолепный ужин, колдовать над которым с большим успехом взялись краснокожие. Торжество длилось до рассвета. А когда герои укутывались в покрывала, чтобы заснуть, их коснулись первые робкие лучи пробудившегося солнца.

Тяжелым испытанием для белых было посчитать другом Большого Волка. Он больше всего выступал против них, на нем лежала вина за все, что произошло, но и его также простили.

Само собой разумеется, весь день люди спали, а на следующее утро наступил час расставания. Юта потянулись на север, навахи — на юг, тимбабачи тоже направились к своим родным вигвамам. Длинное Ухо обещал собрать совет, на котором должен был решиться вопрос о продаже котловины, и затем сообщить результат. Он вернулся уже на третий день и объявил, что собрание прошло и индейцы согласились на установленную Большим Медведем цену. Теперь еще требовалось заключить договор и заверить продажу в соответствующем месте.

Итак, место прииска стало их собственностью, а это значило, что надо браться за работу, и как можно скорее. Находившийся у рыжего Полковника рисунок бесследно исчез, да теперь он и не представлял интереса.

Всколыхнувшаяся волна надежд и мечтаний не захлестнула только

одного человека — лорда. Он нанял Горбатого Билла и Дядю Шомпола сопровождать его до Фриско, но этим двоим и в голову не пришло сдержать слово в сложившихся обстоятельствах. Они имели на счету в записной книжке лорда кругленькие суммы, и, если бы пошли с англичанином, стоило ожидать, что до Сан-Франциско получили бы еще больший гонорар за множество грядущих приключений, но гораздо больше им обещал прииск, который собрался приобрести Олд Файерхэнд. Потому они жаждали остаться, и лорд был достаточно благоразумен, чтобы не обижаться на них. Впрочем, основная работа в скальном котле должна была начаться еще не скоро. Лорд, стало быть, имел достаточно времени облазить горы в поисках приключений вместе со своими проводниками.

Прежде всего Олд Файерхэнд с Большим Медведем и Длинным Ухом поскакали в Филмор-Сити, где обтяпали дело с покупкой. Там же одновременно были заказаны необходимые машины и инструмент. Тетка Дролл тоже поехал с ними, чтобы через свидетелей подтвердить перед нотариусом, что рыжий Полковник мертв — Дролл не собирался отказываться от премии, которую надеялся получить.

С этого момента Эллен и Маленький Медведь стали как брат и сестра. Он целыми днями не отходил от ее особы, а когда иногда заставлял себя ждать, она искала его везде и повсюду.

Наконец, почти через полтора месяца, пришло известие, что машины можно забирать. Все вместе новоявленные владельцы прииска отправились за ними, не исключая и лорда, получившего возможность достичь обжитых мест, где он легко мог найти себе других проводников.

Прибытие компании в Филмор-Сити возбудило всеобщее внимание. Жители предчувствовали, что речь шла о больших рудных разработках, и приложили все усилия познакомиться с этим делом поближе. Но заинтересованные хранили величайшее молчание, поскольку в их намерения никак не входило приобретать различного рода авантюристов в качестве соседей.

Лишь потом, когда все было перевезено на озеро, инженер начал свое дело. Сначала проложили водопровод, после чего сразу взялись за песок на дне котловины.

Что касалось пропитания, то муки и подобных запасов они привезли с собой предостаточно. О мясе каждый день по очереди заботились три человека, которые ходили на охоту, пока другие трудились на прииске. Приготовлением еды, в основном, занималась Эллен, чье присутствие оказывало поистине благотворное влияние на суровых мужчин.

Надежда, которую лелеяли все, оправдалась: песок был полон золота и

стоило ожидать такую же богатую добычу твердых горных пород. Золотой песок и самородки множились изо дня в день, каждый вечер начинался процесс взвешивания и оценки новых находок, и всякий раз, когда результат, как всегда, был благоприятен, Дролл весело нашептывал своему кузену:

— Если так пойдет и дальше, я скоро куплю усадьбу. Дело движется блестяще!

На что Хромой Френк непременно отвечал:

— А моя вилла, похоже, уже готова, по крайней мере, у меня в голове. Это будет композантная постройка на прекраснейшем пляже Эльбы, а имя, которое я ей дам, будет еще композантнее. Я сказал. Хуг!

ПРИМЕЧАНИЯ

Один из своих популярнейших романов Карл Май начал писать в 1887 году для юношеского еженедельника «Der gute Kamerad». При работе над книгой писатель, как обычно, использовал свои более ранние произведения, в частности — рассказ «Инн-ну-во» («Inn-nu-woh», 1875) и одну из первых разработок сюжета о Виннету («Winnetou. Eine Reiseerinnerung», 1876). Привлекал К. Май и свидетельства побывавших на Диком Западе европейских путешественников, например, немецкого географа и геодезиста Роберта фон Шлагинтвайца.

Сам Карл Май на Диком Западе никогда не был, а поэтому в работе над романом, кроме литературных источников, щедро брал наблюдения из окружающего мира. В частности, описания природы вдохновлены чудесными пейзажами Саксонской Швейцарии, куда он часто выезжал из Радебойля. Существует легенда, что прототипом Серебряного озера стало небольшое озерко, расположенное невдалеке от «Виллы Шеттерхэнд», как называл свой домик писатель. Впрочем, реальное Серебряное озеро существует в Скалистых горах, только расположено оно в окрестностях Грин-Ривер, гораздо южнее того места, куда его определила творческая фантазия немецкого автора.

Роман был опубликован на страницах «Der gute Kamerad» в 1890–1891 годах. Спустя три года в Штутгарте «Сокровище...» вышло отдельной книгой, после чего при жизни автора переиздавалось еще семь раз без значительной правки. После кончины писателя роман выходил в Германии в сокращенном варианте: издательство имени К. Мая в Радебойле произвольно изъяло из текста 130 страниц. В 1984 году берлинское издательство «Neue Leben» вновь выпустило полный текст «Сокровища...», воспроизводящий издание 1894 года («Union Deutsche Verlagsgesellschaft», Штутгарт). С этого издания и выполнен специально для нашего собрания сочинений первый перевод романа на русский язык.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Виннету»](#)

notes

Примечания

1

Нанка — плотная хлопчатобумажная ткань, изготавливавшаяся первоначально в китайском городе Нанкине из местного желтого хлопка; в России называлась также китайка.

2

Хорошо (англ.).

3

Бродяги (англ tramps).

4

Житель Дикого Запада, обычно — охотник или бродяга.

5

Напиток (преимущественно спиртной), а также порция, стакан этого напитка (англ.).

«Проклятые голландцы» — «голландцами» англо-американцы называли выходцев из Германии, причем это прозвище носило презрительный оттенок.

Ошибка автора: черная пантера (*Panthera pardus*) не является каким-то особым видом или подвидом. Ее окраска вызвана особым расположением красящих пигментов. Черный детеныш рождается от «обычных» матерей. Ошибается К. Май и в размерах леопардов: общая длина их составляет у взрослых особей 175–260 см, но от двух пятых до трех восьмых длины приходится на хвост. Особенно крупные леопарды встречались в тропических лесах Центральной Африки и Индии.

Плотогон.

Релинги (англ, railings; обычно употребляется во множественном числе) — ограда, перила, поручни.

Droll (англ.) — чуда́к, смешной человек, придурок.

11

Господин (англ.).

Плотовщики, сплавщики леса, как мы уже указывали (англ.). Однако, как дальше показывает автор, рафтеры занимались и заготовлением леса.

Бонанса (устар. бонанца) — так горняки называют богатый участок рудной жилы, рудный «карман». В США это слово (где оно произносится «бонанзе») приобрело специфическое обиходное значение: «выгодное предприятие», «золотое дно».

Смотри, Большой Медведь и Маленький Медведь! (исп.)

15

Какой сюрприз, Тетка Дролл! (исп.).

Фальшборт — продолжение борта над палубой, служащее ограждением для нее.

Блокгауз — оборонительное сооружение из бетона, дерева и других материалов, приспособленное для ведения кругового пулеметного и артиллерийского огня.

Сейчас они будут давать нам деньги. (Пер. авт.).

Хорошие люди! (Пер. авт.).

Очень хорошие люди! (Пер. авт.).

Пампель — немецкое слово «Рампре» в среднегерманских диалектах имеет два значения: 1) густая каша, 2) жидкая грязь, смесь песка и воды.

Альтенбург — окружной город в Восточной Германии; в средние века был важным центром торговли зерном и лесом, но соседство Лейпцига подорвало его экономическое значение. В 1603–1672 и 1826–1918 годах был резиденцией герцогов Саксонско-Альтенбургских.

Пуэбло — группа индейских народов на юго-западе США, живших в основном между Рио-Гранде и р. Колорадо, говорящих на языках ацтеко-таноанской и хока-сиу семей. Оседлое земледельческое население. Охота, рыболовство и собирательство играли второстепенную роль. Название произошло от крепостей-поселений (исп. «пуэбло»), вмещавших до четырех тысяч человек — замкнутых вокруг центральной площадки сооружений с глухими внешними стенами из песчаника или сырца и рядами многокамерных жилищ, расположенных уступами в пять-шесть этажей, причем крыши нижних жилищ служили дворами для верхних.

Чокто, чоктавы — индейский народ группы мускогов, живший на юге современного штата Оклахома. В XIX веке их основными занятиями были ручное подсечно-огневое земледелие, охота, рыболовство, собирательство и примитивное ткачество.

Английская миля — соответствует в метрической системе 1609 м.

Не знаю, никто! (Прим. авт.).

Авраам — по Библии (книга Бытия) — один из прародителей рода человеческого.

Фриско — популярное просторечное название города Сан-Франциско.

Флинт — в американских романах К. Мая так называется род карабина для охоты на крупного зверя.

Индейская территория — район американского Запада, ограниченный с востока реками Миссисипи и Миссури, объявленный по закону от 30 июня 1834 года владением индейских племен, непосредственно подчинявшихся федеральным властям. Белым запрещалось не только селиться там, но даже торговать и охотиться без специального разрешения. Фактически этот закон никогда не исполнялся. В сильно урезанном виде индейские земли вошли в начале века во вновь образованный штат Оклахома.

Парфорсный — связанный с преодолением лошастью препятствий, исполнением сложных заданий в конном спорте.

Адобес (исп.) — высушенный на воздухе кирпич.

Гайдуки — южнославянские, молдавские, валахские и венгерские повстанцы, которые в XVIII–XIX веках вели вооруженную борьбу против турецких завоевателей.

Галлон — мера жидкости; в США. 1 галлон равняется 3,8 литра.

Шотландский танец (англ.).

Тимбабачи — мелкое индейское племя.

Хромой Френк — уроженец Саксонии, самый комичный персонаж Мая в цикле романов о Диком Западе; о причинах его хромоты подробно рассказано в книге «Сын Охотника на медведей».

Первый раз появляются в книге Мая «Сын Охотника на медведей», далее в — «Духе Льяно-Эстакадо».

Френк разговаривает на саксонском диалекте немецкого языка, особенности которого в русском языке передать невозможно.

Здесь: а как же! (фр.).

Американец.

Это он — Убивающая Рука, это он, конечно!

Видимо, ошибка в подлиннике — weawers (либо beawers — «бобры», либо weawers — ткачи).

Здесь: величие (ит.).

Исверканное латинское крылатое выражение: «Вени, види, вици» («Пришел, увидел, победил») — донесение Юлия Цезаря сенату о быстрой победе над понтийским царем Фарнаком.

Твой нож, убей меня!

Болван из Мейссена — речь идет о статуэтке, изготовленной на знаменитом саксонском фарфоровом заводе в Мейссене (близ Дрездена).

События описаны в повестях «Сын Охотника на медведей» и «Дух Льяно-Эстакадо».

Софистика — здесь: словесные ухищрения, вводящие в заблуждение.

Хуфеланд, Кристоф-Вильгельм (1762–1836) — немецкий врач, профессор, популярный домашний врач, видный медицинский просветитель, автор многих популярных работ по гигиене, написанных с точки зрения разумного эмпиризма.

Автор имеет в виду «битву народов» под Лейпцигом (16–19 октября 1813 года), в которой союзные русско-прусско-австро-шведские войска под общим командованием генерал-фельдмаршала Г. Л. Блюхера (около 300 тыс. солдат) разбили наполеоновскую армию (190 тыс. чел.), и Дрезденское сражение 26–27 августа 1813 года. Моро, Жан-Виктор (1763–1813) — один из талантливейших наполеоновских полководцев; в битве под Дрезденом был смертельно ранен.

Извлечение звуков из струнных инструментов щипком (ит.; муз. термин).

Рыцарь Кунибольд фон Ойленшнабель — выдуманный персонаж; имя его созвучно таким германским именам, как Куниберт, Кунигунда, а родовое «имя» переводится как Совиный Ключ.

Матадор — участник корриды, боя быков; ему отведена одна из главных ролей ристалища: он наносит быку смертельный удар. Отсюда и название (от исп. matar — убивать).

В древнегреческом мифе было как раз наоборот: осужденный Зевсом, верховным олимпийским богом, титан Прометей был прикован к скале, каждый день огромный орел прилетал клевать его печень.

Вилорог (*Antilocapra americana*) — единственный представитель семейства вилорогих в отряде парнокопытных; фигурой напоминает антилопу; характеризуется полыми ветвистыми рогами, которые периодически сменяет, причем рога есть не только у самцов, но и у самок.

Не забываем, что Френк немец, а в Германии фидеикомисс — родовое имущество, отчуждавшееся и передававшееся по наследству особым порядком.

Кимвры, тевтоны — германские племена, населявшие в последние столетия до нашей эры и в I–II века нашей эры южную часть Ютландского полуострова и прославившиеся своими войнами с римскими легионами.

Игра слов: Френк имеет в виду «тело», «корпус», а говорит «corpus juris» (лага. — «свод законов»).

Снова Френк путает, поскольку во французском языке нет слова «субенир», а «катаплазм» (cataplasme) означает «припарки» или «горчичник».

Фрейлиграт, Фердинанд (1810–1875) — крупный немецкий поэт-романтик; раннее его творчество отличается свободлюбивыми и демократическими мотивами.

Кераргирит — также называется роговой серебряной обманкой, хлористое серебро, продукт изменения самородного серебра в зонах окисления земной коры.

Патерностер (англ. — paternoster) — устаревшее название многокабинного лифта с непрерывно движущимися кабинами, здесь имеется в виду грузовой патерностер.

Крез — легендарный царь малоазиатского государства Лидии (VI век до нашей эры), прославившийся своими несметными богатствами. Красс, Марк Лициний (ок. 115 — 53 до нашей эры) — римский политический деятель времен кризиса Республики и военачальник; всевозможными спекуляциями сумел сколотить огромное состояние, так что Хромой Френк прав, сравнивая себя именно с ним, а не с Крезом, наследственным богачом.